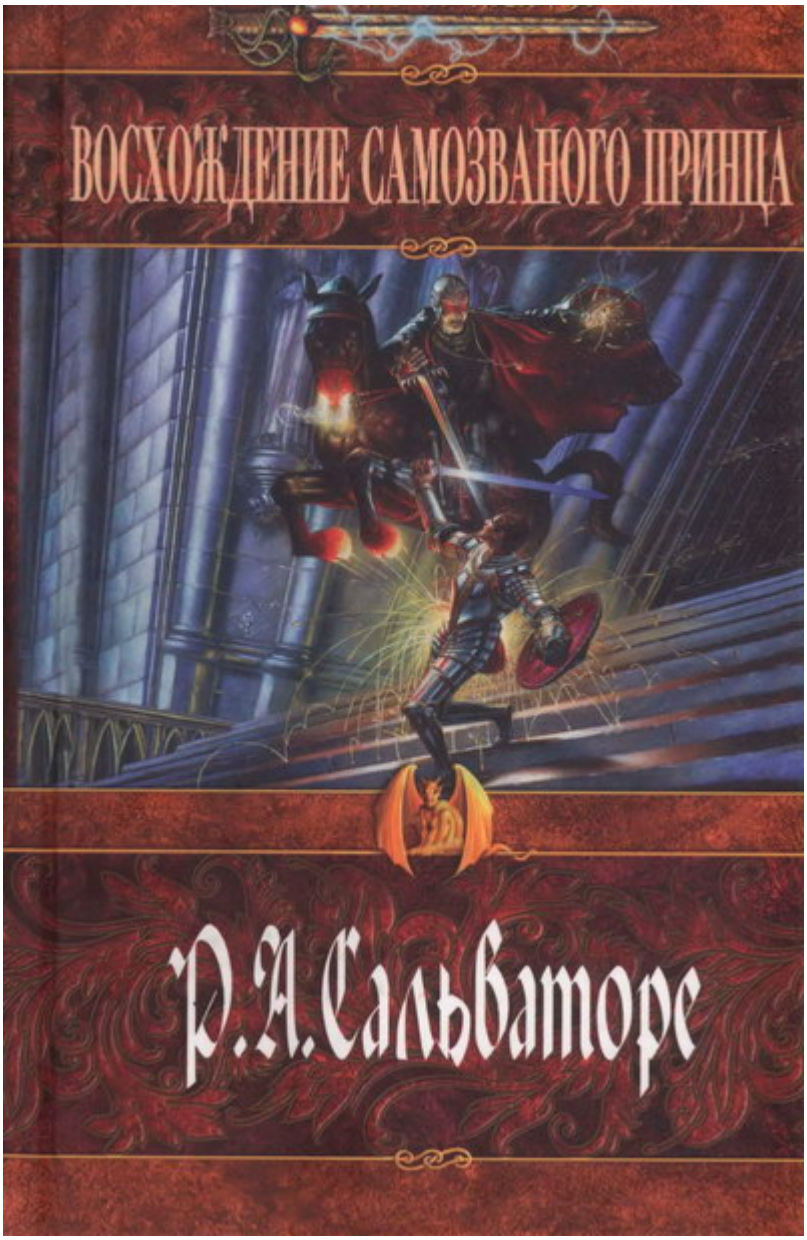
Роберт Сальваторе
Восхождение самозваного принца

Демонические войны: Вторая сага – 1



- Lord Kiron. OCR & ReadCheck - Ergo80. http://oldmaglib.com

«Роберт Сальваторе "Восхождение самозваного принца"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб; 2004

ISBN 5-699-06990-9

Аннотация

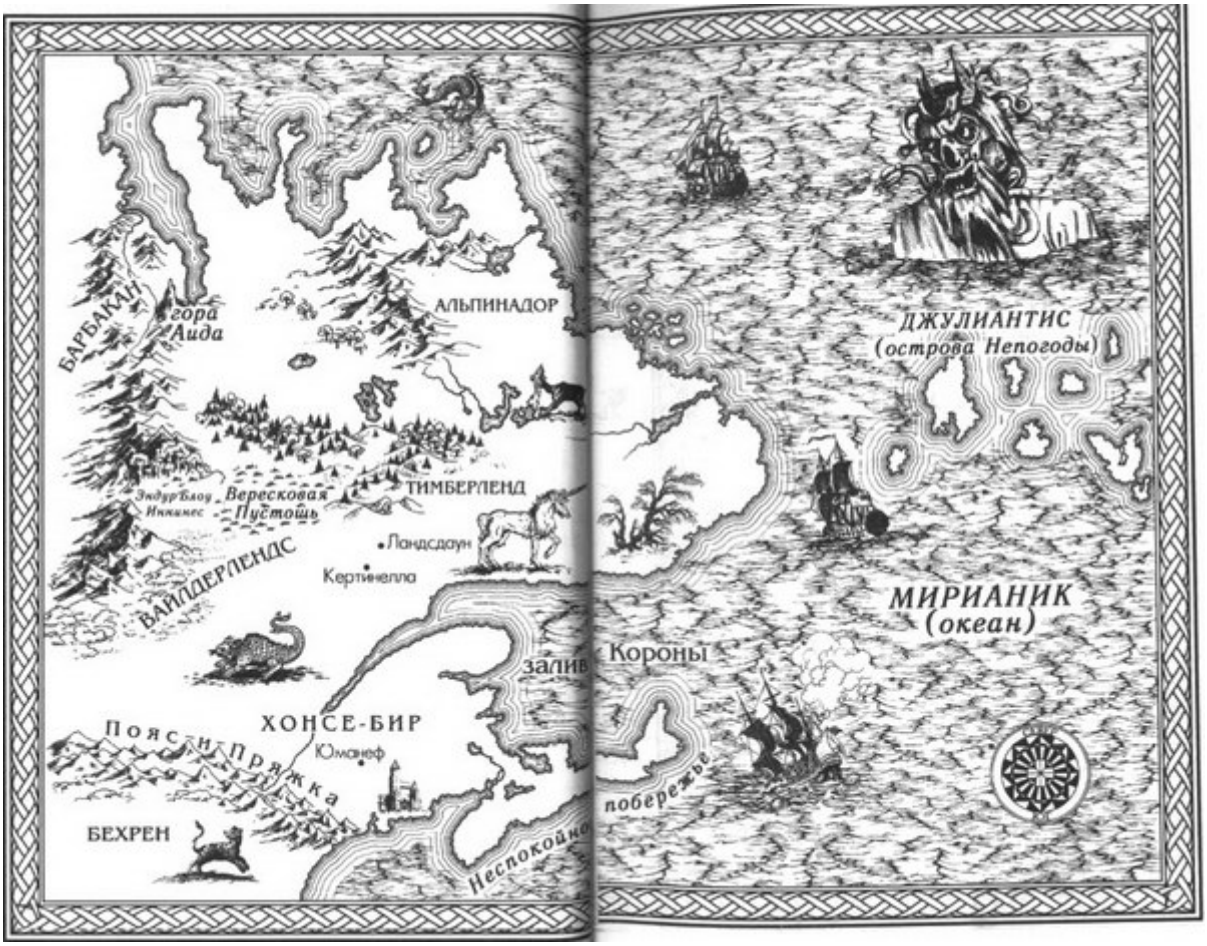
Войны и эпидемии остались позади. Однако в королевстве Хонсе-Бир по-прежнему неспокойно — там идет борьба совсем иного рода: за престолонаследие. Оружием в такой борьбе служат не мечи и луки, а заговоры и предательство, но в нее, хоть и против воли, оказывается втянутой и Джилсепони, ибо король Дануб Брок Урсальский мечтает сделать ее своей королевой.

Более того, выясняется, что сын, которого она считала погибшим, на самом деле был украден и воспитан королевой эльфов. Мальчик, никогда не знавший материнской любви,

вырос отважным, но честолюбивым и жестоким воином, мечтающим о власти и славе.

Роберт Сальваторе
«Восхождение самозваного принца»

За минувшие два года произошло много перемен и разнообразных событий, которые, казалось, должны были далеко унести меня по бурным волнам житейского моря. Но, к счастью, у меня по-прежнему остаются надежные «якоря». Джейн, Брайану, Джино и Кэтлин — моим «якорям» — посвящаю эту книгу.



ПРОЛОГ
ГОД ГОСПОДЕНЬ 839-Й

Весна в этот год рано пришла в Палмарис — самый северный из крупных городов королевства Хонсе-Бир. По берегам залива Мазур-Делавал заблестели красные и синие огоньки первых весенних цветов. С юго-востока дул ровный, мягкий ветерок. Лишь иногда он менял направление, принося холодное дыхание сумрачных вод залива Короны.

Жизнь в Палмарисе бурлила; в ясные дни горожане высыпали на улицы, чтобы понежиться на солнышке. По всему чувствовалось, что мир возвращается к полнокровной жизни после семи страшных лет розовой чумы. Она свирепствовала в Хонсе-Бире и сопредельных с ним государствах с восемьсот двадцать седьмого вплоть до восемьсот тридцать четвертого года и унесла десятки тысяч жизней. Чудесное средство исцеления было найдено за много сотен миль от Палмариса, в далеком Барбакане, на вершине горы Аида. Это чудо явила миру женщина, которая ныне правила Палмарисом, являясь его баронессой.

С тех пор как Джилсепони Виндон приняла этот титул, каждый последующий год был лучше, чем предыдущий, словно природа и сотворенный руками человеческими мир с благодарностью отзывались на ее правление.

Никогда еще в Палмарисе не царили такое спокойствие и благополучие. В последние годы борьбы с чумой его население росло как на дрожжах, ибо Палмарис являлся своеобразными воротами, за которыми начинался долгий путь на север, к горе Аида. Многие паломники, обретя исцеление, не возвращались в родные края, оседая в Палмарисе. Ожили опустошенные чумой крестьянские усадьбы и деревни вокруг города; теперь возделанные земли простирались на несколько миль к северу и западу от Палмариса. Ремесленники, почуяв возможность хороших заработков, стали открывать на чистых, ухоженных городских улицах свои лавки и мастерские, обеспечивая нужды окрестных крестьян и сходящих на берег моряков. Поскольку светское правление баронессы Джилсепони и правление церковное, осуществляемое настоятелем аббатства Сент-Прешес Браумином Хердом, представляли собой образец терпимости, в городе значительно выросла община смуглокожих бехренцев — жителей государства, граничащего с Хонсе-Биром на юго-западе. Бехренцы особенно сильно пострадали от чумы. Второй удар нанесли им в охваченном чумой Палмарисе братья Покаяния — мятежные монахи, отколовшиеся от абеликанской церкви. Они люто ненавидели бехренцев, считая этих язычников главной причиной возникновения розовой чумы, и подстрекали жителей Палмариса к расправам над ними.

Правление баронессы Джилсепони изменило ситуацию. Многие бехренцы, устремившиеся на север из родных краев и из южных городов и селений Хонсе-Бира, чтобы на себе испытать чудо завета Эвелина, находили в Палмарисе возможности, о которых прежде даже не смели мечтать в чужой стране. Теперь едва ли не каждый третий грузчик и матрос в гавани были из Бехрена, а некоторым бехренцам даже удалось стать судовладельцами, служить морскими офицерами или капитанами на сторожевых кораблях палмарисского гарнизона. Нельзя сказать, чтобы коренные жители Хонсе-Бира полностью изменили свое отношение к смуглокожим южанам — нетерпимость к людям с другим цветом кожи слишком глубоко укоренилась в их сознании. Однако теперь бехренская община Палмариса обрела определенную силу и влияние. Более того, бехренцы все нагляднее показывали жителям Хонсе-Бира, что, если не принимать во внимание цвет кожи и традиции, они совершенно от них не отличаются.

Баронесса Джилсепони часто гуляла по мирному процветающему Палмарису; она любила ходить без сопровождения, одевшись в простое платье. Скоро ей должно было исполниться тридцать пять, но ни годы, ни жизненный путь, полный тяжких испытаний и трагических потерь, ничуть не уменьшили энергии и сияющей красоты этой женщины. Неудивительно: ведь теперь Джилсепони познала истину. Всю истину, без остатка. Она видела чудо нетленной руки Эвелина, простертой из его каменной могилы на вершине горы Аида. Она говорила с призраком брата Ромео Муллахи и узнала о завете.

Девочкой Джилсепони осталась без отца и матери, а затем, около пятнадцати лет назад, лишилась и своих приемных родителей. Она потеряла Элбрайна, своего горячо любимого мужа, и ребенка, вырванного из ее чрева, как считала сама Джилсепони, отцом-настоятелем Далебертом Марквортом, в которого вселился дух поверженного дракона. Но теперь баронесса твердо знала: все эти жертвы не были напрасными.

Ныне Джилсепони знала правду о Боге, о духовном пути и о том, что со смертью тела жизнь не заканчивается. Знание этих истин приносило ей ощущение покоя и безмятежности, которых она не испытывала с далеких детских лет, когда носилась по лесистым долинам вокруг Дундалиса — деревеньки в глуши Тимберленда. Вторжение гоблинов в один миг оборвало ее детство, столкнув с болью утрат и ужасом смерти.

В один из теплых весенних вечеров, когда в темном небе зажглись мириады звезд, баронесса Джилсепони покинула свою резиденцию и пошла по улицам Палмариса, с наслаждением впитывая краски, звуки и запахи города. Навстречу ей попался уличный торговец рыбой, громко расхваливавший свежий улов. Судя по темному цвету кожи и

характерному акценту, торговец был из Бехрена. Джилсепони не удержалась от улыбки. Еще пару лет назад ни один бехренский торговец не отважился бы забрести в эту часть города в надежде продать свой товар. Нынче эти времена казались такими далекими, а ведь тогда многие жители Палмариса отказывались употреблять в пищу что-либо, чего касались руки бехренца!

Джилсепони продолжала свою прогулку по городу. Она поймала на себе несколько любопытных взглядов, однако была уверена, что никто ее не узнает. Над головой сияла почти полная луна, называемая в этих краях Шейлой. В ее серебристом свете перед баронессой предстало здание, при виде которого ее захлестнуло потоком чувств и воспоминаний. Это был трактир «Кости великана», а когда-то на его месте стоял другой — носивший название «У доброго друга»; его дотла сожгли приспешники отца-настоятеля. Маркворта. В те времена заведение славилось своей гостеприимностью далеко за пределами Палмариса.

Проходя мимо трактира, Джилсепони плотно сжала губы и откинула с лица прядь золотистых волос, падавших ей на плечи. Здесь когда-то осиротевшая испуганная девчонка нашла любовь своих приемных родителей — Грейвиса и Петтибвы Чиличанк, которым принадлежал трактир «У доброго друга». Джилсепони часто проходила мимо этого места и каждый раз вспоминала добрые старые времена, усилием воли изгоняя из сознания картины ужасной смерти Грейвиса и Петтибвы. Перед ее мысленным взором представала приемная мать, которая, пританцовывая, ловко сновала между столиками, удерживая сильной рукой тяжелый поднос, уставленный кружками с пенящимся элем. Джилсепони вспоминала ее улыбку, светившую ярче, чем огонь в громадном очаге; ей слышался веселый заливистый смех Петтибвы…

Джилсепони улыбнулась. Свернув за угол, она проскользнула в узкий проход к водосточной трубе, по которой было очень удобно забираться на крышу трактира.

Женщина полезла вверх с изяществом воина, в совершенстве владеющего искусством би'нелле дасада — эльфийского боевого танца с мечом. Оказавшись на крыше, она бесшумно скользнула к дымовой трубе и остановилась, прислонившись к ее теплым кирпичам. Повернувшись на восток, Джилсепони устремила взгляд в сторону залива Мазур-Делавал, где сквозь дымку проступали высокие мачты кораблей, похожие на стволы гигантских деревьев. Даже эти мачты пробуждали в ней воспоминания, ибо первые двенадцать лет жизни баронессы прошли в Тимберленде. Этот край славился своими лесами, высоченные сосны которых давали превосходный материал для корабельных мачт. В детстве она часто видела, как быки, пыхтя от натуги, волокли связки бревен из Дундалиса на юг. А как часто они с Элбрайном, бесшумно вынырнув из кустов, взбирались на какую-нибудь из связок и успевали неплохо повеселиться, прежде чем обнаруживший детей возница не сгонял их.

— Элбрайн, — с печальной улыбкой произнесла Джилсепони, и на ее глазах выступили слезы.

Это он прозвал ее Пони, и прозвище на много лет пристало к ней. Теперь никто не называл ее так; разве что Роджер Не-Запрешь, да и то лишь с глазу на глаз. Что ж, она сама этого захотела. Когда не стало Элбрайна, имя Пони утратило свое прежнее значение.

А ведь со времени ее детства прошло всего-навсего двадцать лет. Неужели она когда-то жила весело и беззаботно? Сейчас баронесса с трудом в это верила. Вся ее взрослая жизнь прошла в тревогах и была полна впечатляющих событий.

Джилсепони сидела на плоской крыше, погрузившись в воспоминания. В воздухе пахло дымом от трактирного очага. Запах этот смешивался с ветром, приносившим соленое дыхание залива Короны. Картины прошлого проносились в сознании баронессы, и она окунулась в их бурлящий водоворот. Так незаметно прошел час. Ветер со стороны Мазур-Делавала стал холодным, но женщина едва обратила внимание на перемену в погоде. Она не боялась холода. Джилсепони пребывала сейчас там, где тихо и спокойно. В глубине ее существа находился островок, не тронутый ни ужасающими воспоминаниями прошлого, ни мыслями о ее нынешних — иногда казавшихся ей нескончаемыми — заботах и

обязанностях.

Баронесса не заметила света фонаря, проплывшего внизу, и не услышала, как заскрипела водосточная труба под тяжестью карабкавшегося по ней человека.

— Вот ты где, — знакомый голос ворвался в сознание Джилсепони, резко прервав ее путешествие в прошлое.

Она повернулась и увидела рядом с собой улыбающегося человека, чье лицо с ямочками на щеках было окаймлено густой бородой. Наклонившись, Браумин Херд, а это был он, взял от того, кто следовал за ним, фонарь и поставил на крышу. Браумин был почти на десять лет старше Джилсепони. Его некогда темные волосы подернула седина, а в углах серых глаз появилось множество морщинок. «Следы от частых улыбок» — так он их называл. Браумин Херд всегда был плотным, широкоплечим мужчиной и ходил, выпятив грудь колесом, а за последние годы еще и заметно раздался в талии.

Вслед за Хердом на крышу поднялся его надежный друг и помощник, с которым его связывала многолетняя дружба. Магистр Виссенти Мальборо представлял собой полную противоположность Браумину: тщедушный, беспокойный человечек, непоследовательный, со множеством причуд. Однако его удивительный ум, способный видеть многие вещи совсем не так, как они представлялись другим, часто помогал Браумину Херду найти верное решение в затруднительных ситуациях.

Крыша трактира была излюбленным местом Джилсепони, и она предпочитала сидеть здесь в одиночестве. Появление двоих монахов выглядело вторжением в ее заповедный уголок. И все же баронесса была рада встрече со своими старыми друзьями. Оба монаха стояли плечом к плечу с нею и Элбрайном в последние мрачные дни правления отца-настоятеля Далеберта Маркворта. Оба знали, что в случае победы Маркворт не пощадит их, а он, как тогда казалось, был близок к победе… В дальнейшем в отношениях Джилсепони с Браумином Хердом и Виссенти Мальборо бывало всякое. Джилсепони негодовала, когда они, подобно остальным монахам абеликанского ордена, укрылись за стенами аббатства и отказались помогать жертвам розовой чумы. Но ее гнев остался в прошлом. Браумин и Виссенти оказали ей неоценимую помощь, когда Джилсепони приняла титул баронессы, а вместе с ним — обязанности по управлению большим городом. В ее ведении находилось все, что касалось светских сторон жизни Палмариса, духовные же заботы горожан лежали на плечах Браумина Херда, настоятеля аббатства Сент-Прешес. Никогда еще Палмарис не знал такого единодушия между церковью и светской властью — даже в те времена, когда хозяином Чейзвинд Мэнор был великодушный и справедливый барон Бильдборо, а Сент-Прешес возглавлял добросердечный аббат Добринион.

— А вам не приходило в голову, что мне иногда необходимо побыть наедине с собой? — спросила Джилсепони, однако ее недовольный тон смягчала улыбка.

— Конечно приходило, да и нам иногда такое не помешало бы! — ответил Браумин Херд, шумно переводя дыхание и усаживаясь рядом с баронессой.

Джилсепони лишь вздохнула и прикрыла глаза.

— Кстати, если будешь сидеть с закрытыми глазами, не увидишь паруса, — желая поддразнить ее, заметил Браумин.

— Паруса? — удивленно взглянув на него, встрепенулась баронесса.

— Ну да, паруса. Разве сейчас над нами не сияет весенняя луна, магистр Виссенти? — лукаво спросил Херд.

Маленький монах поднял голову, почесал подбородок и задумчиво изрек:

— Да, достопочтенный аббат, я полагаю, что это именно так.

Джилсепони понимала, что над ней подшучивают, и знала, на что намекает Браумин. Однако решила до поры до времени не подавать виду.

— Парусов вдали достаточно — вон сколько мачт на горизонте, — ответила она. — Но «Сауди Хасинта» капитана Альюмета сейчас идет вдоль побережья Лапы Богомола, а все прочие паруса меня не интересуют.

— Вот оно как, — протянул Браумин. — Значит, баронессу Палмариса нисколько не

трогает, посетит ли король город, которым она правит?

— Бедный монарх, обреченный выносить подобное неуважение! — в тон ему продолжил Виссенти, картинно заломив костлявые руки.

Джилсепони поджала губы, однако на самом деле она не имела ничего против их шутливых подначек. Все знали, что король Дануб Брок Урсальский вознамерился провести это лето в Палмарисе. Так продолжалось уже в течение четырех лет, хотя первые два года королевский визит не достигал цели, ибо баронесса покидала подвластный ей город и отправлялась на север, в Тимберленд, чтобы провести лето со своими старыми друзьями. Затем Дануб стал заблаговременно сообщать о своем прибытии. В этом году Джилсепони также получила королевское уведомление. Все уже знали, что летом восемьсот тридцать девятого года Господня король Дануб снова почтит своим присутствием Палмарис. В Урсале и во всех городах и селениях между столицей королевства и Палмарисом было известно и то, что Дануба не ждут в Палмарисе первостепенные государственные дела. Он отправлялся на юг даже не для того, чтобы удостовериться, насколько успешно молодая баронесса правит городом. Нет, король лето за летом отправлялся в Палмарис ради встречи с Джилсепони Виндон.

— Как ты полагаешь, уважаемый магистр, на этот раз наша недотрога Джилсепони позволит наконец королю Данубу поцеловать ее в щечку? — осведомился Браумин.

— Ну, в щечку, я думаю, позволит, — ответил худосочный монах.

— А вот твоя приобретет поистине великолепный оттенок, когда я влеплю тебе пощечину, — усмехнувшись, заявила баронесса.

Оба монаха от души рассмеялись, но затем лицо Браумина стало серьезным.

— Ты понимаешь, разумеется, что устремления его величества простираются несколько дальше поцелуев в щечку и что на этот раз король, скорее всего, будет действовать более решительно? — спросил он.

Джилсепони вновь повернулась в сторону Мазур-Делавала.

— Понимаю, — созналась она.

— И как ты думаешь поступить? — поинтересовался настоятель Сент-Прешес.

«В самом деле, как?» — задала себе вопрос Джилсепони. Дануб Брок Урсальский нравился ей — а какой женщине он бы не понравился? Король неизменно был с ней учтив и искренен. Дануб был на несколько лет старше баронессы, но его темные волосы еще не тронула седина, а тело сохраняло прежнюю силу и крепость. Да, он нравился Джилсепони, и она с удовольствием находилась бы рядом с ним все то время, что король намеревался провести в Палмарисе. Баронесса не возражала против дальнейшего развития их отношений. Возможно, дружеские чувства могли бы перерасти в любовь, однако…

Здесь существовало и всегда будет существовать одно препятствие. Джилсепони ясно сознавала, что эту преграду ей не преодолеть. Ее сердце было отдано Элбрайну Виндону — лучшему другу, мужу, возлюбленному. Баронесса знала: бесполезно сравнивать кого бы то ни было с Элбрайном — найти подобного ему было невозможно. К Данубу Джилсепони питала искреннюю симпатию, но в глубине души чувствовала, что никогда не сможет полюбить его так, как любила Элбрайна. И если она знала об этом препятствии, знала, что на самом деле таится в ее сердце, могла ли она принять предложение короля?

Пока у Джилсепони не было ответа на этот вопрос.

— Даже Роджер Не-Запрешь стал благосклонно относиться к вашему с королём союзу, — заметил магистр Виссенти, и, услышав это, его собеседница нахмурила брови уже непритворно.

— Я… я хотел сказать… — заикаясь забормотал монах, но под суровым взглядом баронессы дальнейшие слова застряли у него в горле.

Глаза Джилсепони еще долго метали молнии в несчастного магистра. Она понимала, что кроется за его словами. Действительно, Роджер Не-Запрешь — ее лучший друг и ближайший помощник в Чейзвинд Мэнор — изменил свое мнение относительно понятных всем намерений короля Дануба. Внешне эта перемена выразилась в том, что Роджер и его

жена Дейнси еще до первого снега покинули Палмарис и отправились далеко на север, в Дундалис. В прежние годы Роджер, будучи другом погибшего Элбрайна, храня верность его памяти, упорно противился сближению Джилсепони с королем — впрочем, как и вообще с любым мужчиной. Баронесса знала об этом. Но прошлым летом отношение Роджера изменилось. И все равно Джилсепони не испытывала особого удовольствия, когда Виссенти или кто-либо другой пытались подталкивать ее к тому, что предстояло решать ей самой, основываясь на своих чувствах. Наверное, простой люд был бы рад, если бы она вышла замуж за короля Дануба и стала королевой Хонсе-Бира. Значительно возросла бы и ее роль посредницы в нескончаемых раздорах между церковью и государством. В этом Джилсепони тоже не сомневалась.

— Прости нас, — нарушил молчание аббат Браумин. — Церковь только приветствовала бы ваш союз с королем Данубом, если бы он состоялся, — пояснил он. — Разумеется, я приветствовал бы его еще горячее, если бы сердце Пони действительно не возражало против такого союза, — поспешно добавил Браумин, заметив, что баронесса, похоже, рассердилась не на шутку.

Джилсепони уже собиралась обрушить на Браумина свое негодование, но, услышав «Пони», замерла на полуслове. Это было ее прозвищем, ее единственным именем в течение многих лет. Элбрайн и почти все их друзья всегда называли ее Пони. Но когда разразилась чума и Джилсепони решила, что далее не может скрываться в Дундалисе, предаваясь своему горю, она намеренно отказалась от этого детского прозвища и предпочла именоваться так, как ее назвали, — Джилсепони Виндон. И вот теперь это имя неожиданно прозвучало из уст Браумина, закружив новый вихрь образов и воспоминаний.

— В сердце Пони нет места для короля, — тихо ответила она, разом позабыв про свой гнев.

Похоже, истинный смысл этих слов оба святых отца пропустили мимо ушей.

— И должна напомнить вам, друзья мои, что официально я подчиняюсь государству, а не вашему ордену, — добавила Джилсепони.

— Мы прекрасно знаем об этом, — пряча улыбку, заверил ее магистр Виссенти.

— На самом деле ты принадлежишь одновременно и церкви, и государству, — поспешил вставить Браумин, опасаясь, как бы неуместный сарказм слов Виссенти не заставил Джилсепони вновь ощетиниться. — Да, ты предпочла титул баронессы тому высокопоставленному положению, которое могла бы даровать тебе церковь. Но, став ею, ты сближаешь церковь и государство и по духу, и в повседневных делах.

— Ваша церковь ни за что не допустила бы меня к вершинам власти без борьбы не на жизнь, а на смерть, — заметила Джилсепони.

— Тут я с тобой не согласен, — возразил Браумин. — Особенно после второго чуда на горе Аида, когда исполнился завет Эвелина. Даже Фио Бурэй покинул это святое место изменившимся человеком, не говоря уже о его понимании силы Джилсепони Виндон и принесенного ею блага. Он не стал бы противиться даже твоему назначению на пост начальствующей сестры аббатства Сент-Прешес.

Джилсепони не ответила. Все ее только что произнесенные слова о близости к государственной власти показались ей такими пустыми…

— Тем не менее, ты предпочла стать баронессой, поскольку знала, что в этом качестве способна принести больше пользы. И это справедливо, учитывая мою поддержку — поддержку твоего друга и настоятеля Сент-Прешес, — продолжал Херд. — Ты сделала поистине мудрый выбор, и любой житель Палмариса подтвердит это. Теперь тебе предстоит сделать еще один выбор, положив на одну чашу весов устремления своего сердца, а на другую — возможность принести миру еще большее благо. Можешь не сомневаться: превращение Джилсепони Виндон в королеву Хонсе-Бира будет расценено всем орденом Абеля как великая благодать!

— Будущее церкви и так выглядит достаточно светлым, — возразила баронесса.

— Поистине так! — воскликнул Браумин. — Завет Эвелина духовно объединил многих

наших братьев, которые прежде враждовали друг с другом. Если не навсегда, то хоть на какое-то время…

Последние слова были произнесены с предчувствием каких-то зловещих событий, и это не ускользнуло от проницательной Джилсепони.

— Здоровье отца-настоятеля Агронгерра становится все хуже, — сообщил Браумин. — Он ведь очень стар и, судя по всему, безмерно устал. Год, от силы два — вряд ли его правление продлится дольше. Да и его пребывание в этом мире, опасаюсь, тоже.

— Пока нет ясности с его преемником, — произнес Виссенти. — Скорее всего, на этот пост метит Фио Бурэй.

— Который получит мою поддержку, — неожиданно для Джилсепони вставил Браумин.

— А ты сам не желаешь дерзнуть и попытаться занять место отца-настоятеля абеликанского ордена? — поинтересовалась баронесса.

— Боюсь, что я все еще слишком молод для столь высокого поста, — возразил Браумин. — А если бы я выставил свою кандидатуру, то тем самым лишил бы Бурэя многих голосов.

— Не помню, чтобы ты восхищался этим человеком, — напомнила ему Джилсепони.

— Но уж лучше он, чем другой претендент, — ответил Браумин. — Ведь за магистром Бурэем в списке претендентов на этот пост идет Олин Жантиль — настоятель Сент-Бондабриса. Как известно, он не принял завета Эвелина.

— От Энтела до Барбакана не так-то просто добраться, — заметила Джилсепони.

— Во времена чумы Олин тайно поддерживал Маркало Де'Уннеро и его братьев Покаяния, — добавил настоятель Сент-Прешес.

Братьями Покаяния именовали себя монахи-отступники, которых собрал вокруг себя неистовый Маркало Де'Уннеро — заклятый враг Джилсепони. Орден Абеля отказался признать этих самозваных братьев, что не мешало им сеять смуту и устраивать мятежи в разных уголках королевства, добавляя к жертвам розовой чумы сотни новых. Братья Покаяния утверждали, что розовая чума якобы является наказанием Господним за повсеместный отход людей от истинной веры. Главными виновниками смертоносной болезни они объявляли последователей Эвелина, а также темнокожих бехренцев.

Баронесса молчала. Утверждение Браумина немало ее удивило.

— Все идет к тому, что магистр Фио Бурэй одержит верх. Но и Олина нельзя сбрасывать со счетов — он не новичок в закулисных играх. В любом случае, спокойное плавание корабля, который зовется абеликанской церковью, может неожиданно оборваться, и тогда начнется буря. Поэтому для нас всех было бы гораздо лучше, если бы баронесса Джилсепони оказалась на вершине власти.

Джилсепони долго и пристально глядела на своих друзей. Неужели на ее плечах лежит мало ответственности? Получается, что так, если ей недвусмысленно предлагают взвалить на себя еще более тяжкую ношу. Она снова представила себе образ короля Дануба — обаятельного, искреннего и надежного человека.

С этим трудно спорить. И все же… все же она никогда не сможет любить его так, как любила Элбрайна.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Хмурое утро

Их жизнь в десять раз длиннее моей! В десять раз! А после этой жизни их ожидает другая, тогда как мне после смерти суждено гнить в земле, навсегда погрузившись во тьму забвения.

Но почему я не родился эльфом, почему я не часть народа тол'алфар? Зачем родителями моими оказались слабые человеческие создания, обрекшие меня на

недолгую жизнь, которая исчезнет, мелькнув подобно мигу? Почему по отношению ко мне проявлена подобная несправедливостъ? И вдвойне несправедливо, что я вырос среди тол'алфар — бессмертных существ, рядом с которыми все ограничения моего человеческого наследия ежедневно и ежесекундно предстают передо мною во всей их болезненной очевидности!

Госпожа Дасслеронд не стала скрывать, что ожидает меня в дальнейшем. Оказывается, если я не погибну раньше от вражеского удара или меня не сгубит какая-нибудь болезнь, моя жизнь продлится шестьдесят, в лучшем случае — семьдесят или восемьдесят лет. До ста лет доживает ничтожно малое количество людей. И это предел. Сама Дасслеронд видела рождение и закат шести столетий. Я же, если мне повезет прожить хотя бы одно, буду считаться необычайно удачливым человеком. А Дасслеронд станет свидетельницей и моей смерти.

Что еще обиднее, предводительница народа тол'алфар выглядит ничуть не менее юной и полной сил, чем другие эльфы, которые намного моложе ее, и никогда не жалуется на усталость. Меня же предупредили, что слабость и дряхлость овладеют моим телом намного раньше, чем ему настанет конец. Сейчас мне четырнадцать лет, и по меркам людей я едва ли могу считаться взрослым, хотя крепок как телом, так и разумом. Я узнал, что мое телесное развитие будет продолжаться вплоть до тридцати лет, после чего начнется увядание. Почти незаметное на протяжении четвертого десятка, потом оно станет проявляться все более ощутимо.

За что мне подобное проклятие?

Как мне успеть увидеть и познать все чудеса мира? Как мне сохранить память о моих спутниках, память о событиях, которые эльфам-долгожителям кажутся не стоящими внимания, тогда как человеку — чрезвычайно важными и значимыми? Как мне суметь раскрыть загадки бытия и понять смысл собственного существования, если конец моей жизни столь близок?

Быть рожденным людьми — самая жестокая из шуток. Если бы мне родиться эльфом! Если бы только быть одним из народа тол'алфар! Тогда бы я смог постичь мудрость веков, заимствуя у них непрерывно растущий жизненный опыт! Я люблю жизнь, каждое ее мгновение, и сама мысль о том, что мой окоченевший труп будет погребен в могиле, а окружающие меня эльфы по-прежнему останутся молодыми и полными сил, разрывает сердце и заставляет мои глаза наливаться кровью от гнева. Да будут прокляты мои человеческие родители!

Эльфийские наставники высоко отзываются о моем отце — великом и благородном рейнджере Полуночнике.

Однако Полуночник давно покоится в земле, не зная ничего, кроме вечного холода и мрака. Для эльфов, сражавшихся плечом к плечу с ним и погибших раньше, чем он (для той же Тантан, павшей в битве с демоном-драконом на горе Аиде), после жизни в этом мире начинается другая. Погибшие эльфы попадают в мир, превосходящий своей красотой даже изумительную долину Эндур'Блоу Иннинес; они попадают в удивительное место, где царят покой и радость. Однако для людей, как объяснила мне госпожа Дасслеронд, существуют лишь ледяной холод могилы и пустота небытия.

Из всех существ, населяющих берега залива Короны, бессмертными являются только эльфы тол'алфар, демоны и ангелы. Только они способны преодолевать оковы своей телесной оболочки.

Будьте же прокляты, мои человеческие родители! Лучше бы мне никогда не рождаться на свет. Лучше не знать этой жизни, чем с ранних лет столкнуться с жестокой судьбой, что неотвратимо ожидает меня!

Да будут прокляты мои родители!

Эйдриан из Кер'алфара

ГЛАВА 1
ВТОРОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

— Через твое тело должна проходить магическая энергия, — объясняла госпожа Дасслеронд, изо всех сил пытаясь скрыть свое отчаяние.

Почти прозрачные крылья предводительницы эльфов издавали негромкое шуршание; со стороны могло показаться, что она беззаботно качает головой, отчего ее золотистые локоны подрагивают на хрупких плечах. Госпожа Дасслеронд была единственной из народа тол'алфар, кто по-настоящему разбирался в магических самоцветах. Еще бы, ведь она не одно столетие владела могущественным изумрудом, постигая его тайны. Неудивительно, что эту часть обучения юного Эйдриана она взяла на себя. До сих пор еще ни один человек не проходил у эльфов обучения тайнам магии камней.

Рост госпожи Дасслеронд не превышал четырех футов, и человеческий подросток, стоящий перед нею, был на полтора фута выше своей наставницы. Пальцы Эйдриана сжимали графит — самоцвет, способный исторгать молнии. Услышав ее слова, он поморщился и еще крепче стиснул камень, словно намереваясь выдавить из него магическую силу. Фигурой мальчик очень напоминал своего отца, сильного, мускулистого и широкоплечего. Однако многие черты он унаследовал от матери, о которой ничего не знал.

Поначалу Дасслеронд в очередной раз хотела указать ему на неправильность действий, но затем, увидев выражение лица мальчика, сочла за лучшее не вмешиваться. Пусть сам убедится в том, как именно надо обращаться с магическим камнем. Предводительница эльфов едва скрывала усмешку, наблюдая за усилиями Эйдриана сосредоточиться. То был ее Эйдриан, и она верила, что вскоре этот мальчик станет спасителем народа тол'алфар. Нет, госпожа Дасслеронд не питала особой любви к рослым и неуклюжим существам, каковыми она считала людей. Однако Эйдриан не был лишен обаяния. Эта грива густых светлых волос, пронзительные голубые глаза, полные, как и у матери, губы. Сильная квадратная челюсть, выступающие скулы — эти черты были очень хорошо знакомы Дасслеронд, некогда следившей за обучением его отца — Элбрайна Полуночника. Похоже, мальчик унаследовал лучшие черты обоих своих родителей, чему в немалой степени способствовало великолепие долины Эндур'Блоу Иннинес, в которой он рос. Здесь все дышало здоровьем и жизненной силой. Всего лишь за последний год мальчишеская долговязая фигура Эйдриана стала более крепкой, его вес теперь достигал ста семидесяти фунтов, и лишнего жира в нем не было ни унции — только мышцы, сильные, словно стальные канаты. Правда, в отличие от других людей, мышцы Эйдриана отличались невероятной гибкостью, что придавало его движениям в би'нелле дасада особое изящество.

Дасслеронд знала, что он будет расти и дальше. Рост Элбрайна был шесть с лишним футов; сын с легкостью догонит отца, а его вес впоследствии превысит двести фунтов. Если мальчишка так выглядит в свои четырнадцать, можно представить, сколь внушительное зрелище он будет представлять через несколько лет! Однако Дасслеронд надеялась, что его истинная сила будет скрыта от людских глаз, и источником ее явится безупречно дисциплинированный разум Эйдриана. Мощью своих мышц он сможет побороть любого человека, эльфа, гоблина и даже могучего великана. Но горе его врагам, когда к мастерству боевой выучки Эйдриан добавит вторую сторону своего таланта — владение магическими самоцветами. Некогда мало кто мог превзойти в искусстве владения магией самоцветов его мать, и госпожа Дасслеронд упорно добивалась, чтобы мальчик достиг в нем такого же уровня.

Пока же Эйдриан стоял, угрюмо сдвинув брови, и что-то бормотал сквозь зубы, сжимая в руке графит. Казалось, он требовал от камня, чтобы тот исторг наружу свою мощь.

— Нельзя навязывать камню свою волю, — начала выговаривать Эйдриану Дасслеронд.

Она не успела договорить — раздался громкий треск, и с руки юного упрямца сорвалась дуга яркого голубого цвета, ударив в траву у его ног. В тот же миг и он сам, и Дасслеронд оказались подброшены в воздух. Предводительнице эльфов помогли удержать равновесие крылья, а Эйдриан, упав на спину, сильно ударился о землю. Он поспешно

вскочил на ноги, удивленно глядя на серый камешек, а также на почерневшую траву на склоне холма.

Госпожа Дасслеронд недоуменно переводила глаза с Эйдриана на результат его магических действий, не в силах вымолвить ни слова. Она понимала: мальчишка допустил ошибку, причем достаточно серьезную! Искусство владения самоцветами строилось на взаимодействии с камнем, поэтому нельзя было грубым волевым усилием выжимать из волшебного самоцвета его магические свойства. Но ведь именно так поступил сейчас Эйдриан. Он вступил в схватку с неживой природой и одержал в ней верх!

На лице подростка играла торжествующая улыбка, которую он и не собирался скрывать от Дасслеронд. В этой улыбке было не только мальчишеское самодовольство; там присутствовало что-то еще, непонятное для хозяйки Кер'алфара и потому тревожащее ее. За свою жизнь она была свидетельницей успехов многих рейнджеров, но всегда обучаемые эльфами люди сознавали, что добились этого своим трудом. Иногда они радостно улыбались, иногда просто сдержанно кивали, но за внешними проявлениями непременно ощущалась глубокая удовлетворенность, ибо пройти испытания, которые эльфы устраивали будущим рейнджерам, было не так-то легко. Дасслеронд терялась в догадках, пытаясь понять истинные чувства, владевшие сейчас Эйдрианом. Улыбка его оказалась мимолетной, а радости он вообще не проявил. На его лице просто отражалась какая-то злорадная удовлетворенность совершенным. И не только это. Дасслеронд поняла: в глазах мальчика было нечто сродни взгляду жестокого завоевателя, испытывающего наслаждение при виде поверженного врага. Казалось бы, чего еще ей ожидать от этого подрастающего человека? Ведь эльфы едва ли не с рождения воспитывали его именно таким. Но это выражение самодовольного упрямства на его лице, это противопоставление своей мощи силе самоцвета… Ни с чем подобным сталкиваться госпоже Дасслеронд еще не приходилось.

Несомненно, этот упрямый мальчишка обладал большей внутренней силой, чем она ожидала. Памятуя о грандиозной задаче, которую ему предстояло выполнить, Дасслеронд должна была бы только радоваться, и тем не менее…

Предводительница эльфов вновь принялась объяснять, как надлежит обращаться с самоцветами. Эйдриан уже слышал эти слова: он должен объединять свои усилия с могуществом камня, а не сражаться с ним. Однако назидательная речь Дасслеронд была краткой; то, что ее ученик содеял у нее на глазах, странным образом утомило ее и повергло в замешательство.

— Вскоре тебе снова предстоит упражняться с самоцветами, — наконец произнесла Дасслеронд и протянула руку, чтобы забрать у мальчика графит.

Голубые глаза Эйдриана блеснули яростным огнем. Эта бурная вспышка длилась доли секунды, но красноречиво свидетельствовала о том, что отдавать камень он не желает. Дасслеронд видела: упражнение с самоцветом пробудило в мальчике какое-то потаенное чувство. Проблеск силы, которую он даже не подозревал в себе. И теперь Эйдриан хотел овладеть этой силой. Он был готов учиться управлять ею, чтобы затем безраздельно подчинить себе и сделаться полновластным ее хозяином. Прекрасно. Мальчику требовался подобный толчок. Эйдриан должен достичь самых высот могущества — только тогда замыслам Дасслеронд относительно своего ученика суждено будет осуществиться. Однако безграничное своеволие, сверкавшее в голубых глазах юного упрямца, выглядело зловещим; столь же тревожащим, как и его бесцеремонность в обращении с магическим самоцветом. Дасслеронд словно во второй раз получила предостережение о возможной опасности.

Правда, мгновение спустя Эйдриан послушно отдал ей графит, пожав плечами и изобразив на лице глуповатую детскую улыбку. Однако улыбка была притворной, и Дасслеронд прекрасно это видела. Покажи он сейчас свои истинные чувства, она должна была бы сопровождаться оскалом клыков.

Поле, за которым следил притаившийся Эйдриан, находилось ниже его укрытия. Он наблюдал за Бринн Дариель, проверявшей упряжь Сумрака — своего коренастого, сильного

жеребца, которого несколько лет назад Белли'мар Джуравиль специально для нее доставил в Эндур'Блоу Иннинес. На ветвях деревьев, росших вдоль длинного и узкого поля, разместились чуть ли не все эльфы тол'алфар. Многие из них держали в руках факелы. Рядом с Бринн стоял Джуравиль, которого соплеменники теперь называли не иначе как Марра'тиель Таук, что на эльфийском означало Снежный Гусь, высмеивая его неутолимое пристрастие к путешествиям. Здесь же находилась и эльфийка То'эль Даллия, которая что-то говорила Бринн.

Эльфы не умеют просто говорить о чем-то, сдвинув брови, думал Эйдриан. Им обязательно надо наставлять и поправлять, поправлять и наставлять. И они никогда не отступают от своей манеры. То'эль Даллия была второй наставницей Эйдриана. Сколько раз мальчику хотелось заглянуть ей прямо в глаза… или заглянуть в глаза самой предводительнице эльфов госпоже Дасслеронд и крикнуть им обеим, чтобы его наконец оставили в покое! За последний год эти слова неоднократно были готовы сорваться с его губ. Единственное, что удерживало Эйдриана, заставляя вовремя прикусить язык, — это мысль о жалких десятках лет отпущенной ему жизни. Глупо ссориться с эльфами, когда его срок на земле столь недолог, а ему нужно еще многому у них научиться.

Тем не менее мальчик, уже считавший себя почти взрослым человеком, далеко не всегда играл по правилам своих наставниц. Вот и сегодня он ослушался их строгого приказания держаться подальше от этого поля. Испытание при свете луны и факелов предназначалось только для самой Бринн, и наблюдать за ним могли лишь эльфы тол'алфар.

И все же Эйдриан находился здесь, притаившись в густой траве на крутом склоне холма. Он прекрасно усвоил уроки эльфов, учивших его незаметно подкрадываться и надежно прятаться. Мальчик уже не раз хвалил себя за успешное овладение этими навыками.

Впрочем, вскоре он перестал думать о собственной ловкости. Эйдриан увидел, как Джуравиль и То'эль отошли от оседланной лошади, а Бринн ловко вскочила на спину своего любимца. Бринн Дариель была единственным человеком, проходящим обучение у эльфов, с кем Эйдриан общался все эти годы. Он видел, как девушка приняла удобную позу в седле, устраиваясь в нем чуть дольше обычного. То было единственным признаком, говорившим о ее волнении. Взмахнув головой, Бринн откинула с лица длинные волосы. Она была совсем не похожа на Эйдриана, и это немало удивляло его. В глазах мальчика большинство эльфов выглядели совершенно одинаковыми, и прежде он думал, что и люди тоже походят один на другого. Но если сам он был светлокожим, светловолосым и голубоглазым, в чертах Бринн проявлялось ее тогайранское наследие. Кожа девушки была золотисто-коричневого цвета, похожего на цвет твердого дерева квиола, волосы соперничали по глубине цвета с вороновым крылом, а глаза были черными и отличались от светлых прозрачных глаз Эйдриана даже по форме, напоминая две большие капли.

В фигурах Эйдриана и Бринн тоже не было сходства. Годы постоянных физических упражнений придали его мышцам крепость и рельефность, тогда как фигура Бринн оставалась тонкой и с виду даже хрупкой, да и ростом девушка ему уступала. Эйдриан особенно гордился своими руками, казавшимися ему мускулистыми руками взрослого мужчины. Эльфы и эльфийки внешне мало чем отличались друг от друга, ибо все они были худощавыми, если не сказать — костлявыми. Бюст у эльфиек, разумеется, присутствовал, но совсем не походил на те упругие полушария, что проступали под одеждой Бринн.

Когда Эйдриан смотрел на девушку, с его телом и душой происходило что-то непонятное. Прежде они с Бринн виделись редко, но за последние два года, в основном благодаря стараниям Джуравиля, тогайранка стала его близкой подругой. С некоторых пор он часто раздумывал, почему в присутствии Бринн его ладони становились влажными или почему ему хотелось как можно глубже вдохнуть исходящий от ее кожи свежий горьковатый запах…

Мысли эти мгновенно вылетели из головы Эйдриана, лишь только Бринн резко натянула поводья, отчего лошадь под ней, громко заржав, встала на дыбы. Затем с быстротой и внезапностью молнии девушка развернула своего скакуна и понеслась к дальнему концу

поля. Там к ней приблизился эльф, подавший тогайранке лук и колчан со стрелами. Только теперь Эйдриан заметил, что вдоль противоположной кромки поля установлены шесть мишеней, высотой и очертаниями напоминавшие людей в белых развевающихся одеяниях.

Мальчик закусил нижнюю губу. Гарцующая на коне Бринн представляла собой изумительное зрелище — девушка и скакун становились одним целым, сливаясь телами и разумом. Эйдриан еще не видел, как Бринн стреляет из лука. Но из разговоров Джуравиля и Дасслеронд, которые он не раз слышал — точнее, подслушивал, — следовало, что стреляет она превосходно.

Эйдриану показалось, что лес вокруг затих: не было слышно ни крика ночных птиц, ни стрекотания сверчков. Даже пламя факелов словно замерло, знаменуя мгновение величайшего напряжения.

Только теперь юному Эйдриану стала понятна вся торжественность этой ночи и дерзость его вторжения туда, где ему присутствовать не полагалось. Нет, эльфы не просто устроили проверку мастерства и ловкости Бринн. Тут было что-то еще, находящееся за пределами обыкновенного испытания. Эйдриан подозревал, что обучение девушки приближается к завершению.

Зрелище настолько поглотило мальчика, что ему пришлось напоминать себе о необходимости дышать.

Бринн видела мишени, силуэты которых белели в лунном сиянии и свете факелов. Ее поразило, что эльфы сделали мишени похожими на фигуры бехренских ятолов — заклятых врагов народа тогайру. Девушка помнила, как ее родители их ненавидели. Они не могли смириться с завоеванием восточным соседом их государства и вмешательством ятолов во все верования, обряды и традиции кочевников-тогайранцев, за что и поплатились жизнью. Ятолы служили Чезру — верховному правителю Бехрена. Молва называла Чезру бессмертным, ибо когда очередное его тело старело и дряхлело, дух вождя покидал его и вселялся в тело бехренского мальчика, которому вскоре предстояло родиться. Тогайранцы, верные заветам своей родины, ненавидели нынешнего Чезру ничуть не меньше, чем его предшественника, пославшего свои войска на завоевание их родины.

Бринн помнила о своем долге перед соплеменниками. Судя по всему, эльфы тоже о нем знали.

Девушка заглянула в колчан. Из него торчало восемь стрел. Она вспомнила последние слова напутствующего ее Джуравиля:

— Все — за один проход.

Тогайранка дотронулась до тетивы своего лука. Это изящное оружие, видом напоминавшее темнолистый папоротник, изготовил для нее искусный эльфийский мастер. Тетива оттягивалась легко и плавно. Девушка не сомневалась, что ее стрелы полетят в цель с надлежащей скоростью и точностью.

Она вновь проверила стрелы. Все они были изготовлены на редкость искусно, но одна показалась ей особенно совершенной. Бринн наложила эту стрелу на тетиву.

— Ты готов, Сумрак? — спросила она негромко.

Конь заржал, словно понял ее слова, и Бринн улыбнулась вопреки своим опасениям, черпая успокоение в своем верном спутнике.

Девушка глубоко вздохнула и слегка пришпорила лошадь. Сумрак рванулся с места и понесся по нолю. Конечно, можно было бы начать не так стремительно, и тогда она сумела бы еще до первого поворота выпустить несколько стрел. Однако сейчас тогайранка целиком полагалась на свои ощущения. Ей так хотелось показать свое мастерство; Бринн было просто необходимо удивить госпожу Дасслеронд, Джуравиля и всех остальных. К тому же она была рада выплеснуть свою ярость на проклятых бехренских ятолов.

Первую стрелу девушка выпустила на полном скаку. Взмыв в воздух, стрела вонзилась в центр мишени. Всадница, припав к шее Сумрака, сразу же пустила вторую. Едва вторая стрела поразила цель, с тетивы лука Бринн сорвалась третья.

Она также достигла цели, но тут, к своей досаде, девушка услышала крик Джуравиля. «Рана», нанесенная ею третьей мишени, не была смертельной.

Тогайранке пришлось натянуть поводья и повернуть коня вправо, после чего она вновь отпустила их и приготовила новую стрелу. Второй выстрел по этой мишени оказался безупречным.

Бринн исправила свою оплошность, однако она потратила драгоценное время и слегка сбилась с ритма. Девушка зажала поводья в той же руке, которой держала лук, а другой натянула тетиву. Развернув Сумрака влево, она пустила коня вскачь параллельно расставленным мишеням.

Тогайранка перекинула левую ногу через круп лошади, чтобы устойчивее держаться в своем женском седле, и выпустила очередную стрелу.

Четвертая мишень зашаталась от удара, вслед за ней и пятая. В это время Бринн еще раз повернула налево, чтобы вернуться туда, откуда начала свой путь.

Она вновь услышала крик Джуравиля. Конечно же, эльф напоминал ей, что одна мишень осталась непораженной. Но его голос умолк, когда девушка проделала старинный прием воинов тогайру, знакомый ей с детства. Она доводила его до совершенства втайне от эльфов. Бринн переместилась на левый бок Сумрака, держась в стремени лишь одной ногой и встав лицом к его хвосту!

Девушка выпустила седьмую стрелу, а затем и последнюю, восьмую.

Теперь ей было не о чем волноваться: седьмая стрела поразила оставшуюся мишень точно в центр. Восьмая же вонзилась почти рядом. Обе стрелы разделяло менее дюйма!

Тогайранка вновь уселась в седле и закинула на плечо лук.

Ее улыбка сияла ярче, чем свет полной луны.

Эйдриан лежал в траве с раскрытым ртом. Почувствовав резь в глазах, он понял, что следил за происходящим на поле, ни разу не моргнув.

Мальчик был восхищен как красотой Бринн Дариель, так и изяществом, с каким она прошла нелегкое испытание. Что бы еще ни придумали эльфы, она непременно справится с этим, вызвав восхищение своих строгих наставников.

Эйдриан был в этом уверен. Ему не терпелось увидеть, насколько поразят эльфов необычайные способности, продемонстрированные человеком.

Одновременно Эйдриана обуревало и другое чувство. Он страшно жалел, что у него забрали графит. Если бы камень был сейчас в его руках, он легко смог бы выбить торжествующую Бринн из седла.

ГЛАВА 2
НЕ ИЗ ТОЙ КОЛОДЫ

Раньше она считала весну своим любимым временем года, периодом обновления и утверждения торжества жизни. Но вот уже несколько лет подряд придворная дама Констанция Пемблбери просто ненавидела весну. Нынешний год не являлся исключением. Такая перемена имела вполне определенную причину. Король Дануб — любимый мужчина Констанции и отец двоих ее сыновей — вновь собирался отправиться в Палмарис, к *той* женщине.

К баронессе Джилсепони Виндон. При одной мысли о ней Констанция Пемблбери ощущала во рту горечь, словно она глотнула желчи. Нет, она не питала к Джилсепони ненависти; во многих отношениях Констанция даже восхищалась этой героической женщиной. При иных обстоятельствах они могли бы даже стать подругами. Но сейчас этому мешало одно существенное препятствие: Дануб любил Джилсепони.

Король даже не делал тайны из своих чувств. За последние два года он часто говорил о своей любви к Джилсепони герцогу Каласу — своему давнему близкому другу, надежному советнику и командиру отборных гвардейских частей, именуемых Бригадой Непобедимых.

Надо отдать должное Данубу — он изо всех сил старался щадить чувства своей бывшей возлюбленной и в ее присутствии никогда не упоминал о Джилсепони. Разумеется, если Констанция сама не заводила о ней разговор, как это случилось нынешним утром. Придворная дама умоляла Дануба остаться на лето в Урсале. Констанция напомнила королю, что Мервик — их старший сын — в этом году приступает к обучению придворному этикету, а десятилетний Торренс, годом младше своего брата, поступает на службу оруженосцем к воинам из Бригады Непобедимых. Разве король Дануб не желает присутствовать при этом? Не стоит забывать, что Мервик является следующим претендентом на престол после младшего брата короля — принца Мидалиса, управляющего далекой северной провинцией Вангард. И ведь никто не знает, какие беды могут обрушиться на голову принца в этой дикой глуши.

Констанция полагала все это достаточным основанием для того, чтобы король Дануб остался в Урсале и лично наблюдал за обучением своего старшего сына. Однако тот отверг ее просьбу. Дануб старался выбирать самые мягкие слова, но все равно они хлестали Констанцию подобно холодным струям осеннего дождя, идущего где-нибудь в Тимберленде в пору предзимья. Он сказал ей, что не может остаться и пожертвовать временем, которое вознамерился провести с любимой им женщиной.

Придворную даму ранило то, что Дануб отправляется к Джилсепони. Ей было нестерпимо больно, что король перестал делить с ней ложе. Даже холодными ночами рано наступившей зимы близости между ними не было. А ведь до очередной встречи с баронессой Джилсепони оставалось еще несколько долгих месяцев! Во всей этой истории самым смешным было то, что Дануб не делил ложе и с Джилсепони. Однако Констанции становилось не до смеха, когда она вспоминала, что баронесса еще находится в детородном возрасте и любое ее потомство от союза с Данубом может опередить Мервика в престолонаследии.

Кто знает, Джилсепони может вообще принудить короля вычеркнуть сыновей Констанции из числа претендентов на трон.

Все эти мысли тревожно проносились в голове придворной дамы, стоящей сейчас на балконе Урсальского замка и смотрящей в сторону залива Мазур-Делавал на пришвартованный к берегу королевский барк, носящий название «Речной Дворец». Сегодня на вершине мачты подняли вымпел герцога Брезерфорда, что означало, что корабль отчалит с ближайшим приливом. Придворной даме казалось, что трепетавший на ветру вымпел хлещет ее по лицу.

«Сильный ветер раздует паруса и понесет Дануба к его любимой», — в отчаянии думала Констанция.

— А ты не намерена разделить с королем его летний отдых?

Голос, раздавшийся за спиной Констанции, прервал ее невеселые размышления. Обернувшись, придворная дама увидела Таргона Брея Каласа, герцога Вестер-Хонса. Он стоял в дверном проеме, одной рукой держась за косяк, а другую уперев в бедро. Они с Каласом были ровесниками; обоим перевалило за сорок. Однако герцог с его курчавыми черными волосами, аккуратно подстриженной остроконечной бородкой и стройной мускулистой фигурой вполне мог сойти за тридцатилетнего. Глаза Каласа были столь же острыми, как и его язык; походная жизнь окрасила его щеки постоянным румянцем. У Констанции были все основания считать герцога своим лучшим другом. Но когда она в последнее время смотрела на Каласа, его вид каждый раз напоминал ей о вопиющей несправедливости времени по отношению к женщинам. Если герцог с годами становился все более величественным и уверенным в себе, Констанция с грустью отмечала, что ее волосы уже менее пышные, чем в молодости, а морщинки у глаз и в уголках губ становятся все заметнее.

— Этим летом Мервик начинает свое обучение при дворе, — ответила Констанция, быстро взяв себя в руки. — Я надеялась, что герцог Вестер-Хонса будет лично наблюдать за тем, как мой сын осваивает рыцарское искусство.

Калас пожал плечами и понимающе усмехнулся. Они с Данубом уже обсуждали этот вопрос и пришли к решению, что воспитанием Мервика будет руководить Антид — один из лучших командиров герцога Каласа. Под его началом мальчик приобретет навыки, которые позволят ему приступить к обучению искусству пешего и конного боя; после этого им займется сам Калас. Констанция Пемблбери тоже знала об этом, и лишь дрожь в голосе выдавала герцогу ее истинные чувства. Зачем ей ехать с Данубом, если король уже давно мечтает оказаться в объятиях другой женщины?

Усмешка на губах Каласа свидетельствовала, что он прекрасно понимает свою подругу. Постоянные подтрунивания герцога над ее положением начинали изрядно раздражать придворную даму.

Констанция нахмурилась, вздохнула и вновь повернулась к перилам. Корабль Дануба медленно выходил из гавани на простор Мазур-Делавала, где «Речной Дворец» уже поджидал эскорт из нескольких военных судов. Только сейчас женщина с удивлением заметила, что герцог Калас одет вовсе не для морского путешествия. Судя по его наряду, он вообще не собирался куда-либо ехать.

— Дануб говорил мне, что ты отправишься с ним, — заметила она.

— Его ввели в заблуждение, — как ни в чем не бывало ответил герцог. — Я не испытываю ни малейшего желания снова лицезреть Джилсепони Виндон.

Придворная дама пристально смотрела на Каласа, обдумывая услышанное. Для нее не было секретом, что когда-то, еще до появления розовой чумы, герцог пытался уложить Джилсепони в постель, однако получил резкий отпор.

— Ты не одобряешь выбор Дануба? — спросила Констанция.

— Он хочет сделать королевой простушку, — презрительно хмыкнув, отозвался Калас и тут же добавил: — Да, я против подобного выбора.

— А может, ты просто ревнуешь? — язвительно осведомилась придворная дама, не упускавшая случая хотя бы отчасти расквитаться с герцогом. — Боишься, наверное, что Джилсепони не отвергнет его притязаний, как некогда отвергла твои?

Герцог Калас даже не пытался скрыть недовольную мину, появившуюся на его лице.

— В этом году король Дануб с удвоенным упорством попытается добиться желаемого, — произнес он тоном человека, посвященного в секреты своего господина. — А опасаюсь я как раз того, что баронесса не ответит на его ухаживания, что явится для короля серьезным оскорблением.

— Нет, тебя куда больше страшит, что она на них ответит, — продолжала настаивать его собеседница.

— Королева Джилсепони, — тяжко вздохнув, произнес Калас. — Что ж, этого и в самом деле следует бояться.

Констанция отвернулась и вновь устремила взгляд туда, где блестели воды Мазур-Делавала. Нахмурившись, придворная дама закусила губу. Сами эти слова — «королева Джилсепони» — отзывались в ее сердце острой болью.

— Многие не согласятся с тобой, и в первую очередь сам Дануб, — сказала она. — Ведь эту женщину считают подлинной героиней. Еще бы: сокрушила демона-дракона на Аиде, уничтожила отца-настоятеля Маркворта, которым овладел дух демона, да еще спасла мир от розовой чумы. И конечно же, многие будут утверждать, что она лучше, чем кто-либо, подходит на роль королевы Хонсе-Бира.

— В этом есть доля истины, — согласился герцог. — Для простонародья Джилсепони служит воплощением всех его чаяний. Но ее былые заслуги не восполняют иных качеств, которыми должна обладать будущая супруга короля. Одного умения искусно владеть мечом здесь недостаточно. Требуется происхождение, родословная, воспитание. Может, черни и по нраву простота Джилсепони Виндон. Но представь себе, какое приданое она привезет с собой в Урсал.

Калас вдруг умолк и встал у балконных перил рядом с придворной дамой. Он был настолько возбужден, что ей стало ясно: невзирая на все свои заверения, герцог страшно

завидует королю и ревнует его к Джилсепони. Таргон Брей Калас, герцог Вестер-Хонса, командующий Бригадой Непобедимых, не привык к тому, чтобы женщины его отвергали. И хотя Джилсепони отказала ему десять лет назад, рана в душе герцога не зажила до сих пор. Сознание того, что Дануб вскоре заключит эту женщину в объятия, было для него столь же невыносимо, сколь и для Констанции.

Однако в Каласе говорило не только ущемленное самолюбие, и придворная дама знала об этом. Ей не требовалось долгих размышлений, чтобы понять, что к чему.

— Говоря о приданом, ты, верно, имел в виду ее связи с орденом Абеля, — произнесла Констанция.

— Она всего-навсего пешка в руках аббата Браумина Херда и прочих дурней, облаченных в сутаны, — отозвался герцог.

Собеседница посмотрела на него с явным удивлением. Почувствовав на себе ее взгляд, Калас оторвался от созерцания удаляющегося королевского барка.

— Неужели после стольких лет ты все еще ненавидишь церковь? — спросила придворная дама.

Ее вопрос касался события, произошедшего более двадцати лет назад. Калас уже тогда стремился блистать при дворе, а его задиристый нрав давал немало пищи для придворных сплетен. Юный герцог стал любовником королевы Вивианы — супруги Дануба. Потом Вивиана серьезно заболела, и все усилия тогдашнего настоятеля Сент-Хонса Джеховита, пытавшегося спасти королеву с помощью магических самоцветов, якобы являвшихся даром Божьим, оказались тщетными. Калас так и не простил ни Джеховиту, ни церкви смерть своей возлюбленной.

— Твоя ненависть к церкви заметнее даже, чем плюмаж на твоем шлеме, — произнесла Констанция. — Интересно, за все эти годы Дануб так и не догадался о ее причинах?

Взгляд герцога не был устремлен на собеседницу; он разглядывал город. После затянувшегося молчания Калас принужденно рассмеялся и пожал плечами. Знал ли король Дануб об амурных похождениях королевы и своего приближенного? Возможно, и знал, но не придавал этому большого значения. К тому же король и сам не слишком заботился о том, чтобы хранить супружескую верность, постоянно умножая список побывавших в его постели придворных дам. В их числе была и Констанция Пемблбери.

— Он никогда не любил Вивиану так, как любит эту Джилсепони, — заметила Констанция. — Все эти годы он ухаживает за нею, терпеливо дожидаясь ее благосклонности. За это время он ни разу не был близок ни со мной, ни вообще с кем-либо. Все приберегается для Джилсепони. Только для нее одной!

Теперь, когда Калас повернулся к ней, на лице герцога было совсем не то выражение, что ожидала увидеть Констанция.

— Такой и должна быть любовь, — задумчиво произнес он. — Может, мы с тобой оба ошибаемся, осуждая выбор нашего друга.

— Никак герцога Каласа посетило прозрение? — язвительно осведомилась придворная дама, и вновь ее собеседник лишь пожал плечами.

— Если Дануб любит Джилсепони столь же горячо, как любишь его ты, что ему остается делать? — вместо ответа спросил он.

— Но я родила ему двоих сыновей! — воскликнула Констанция.

Калас цинично расхохотался. В Урсале любой оборванец знал, что король Дануб является отцом по меньшей мере еще двоих отпрысков. В нынешние просвещенные и либеральные времена никто в королевстве не видел в этом ничего особенно исключительного.

— Так король не обращает на тебя внимания? — спросил герцог. — Ты места себе не находишь, когда представляешь Джилсепони в объятиях Дануба? Или твоя печаль имеет более глубокие основания? Опасаешься, что с воцарением Джилсепони Виндон в Урсале тебя ждут более значительные потери? Она еще молода и может родить королю не одного сына. Так что же на самом деле тебя терзает: сердечные муки или угроза будущему

Мервика?

Губы Констанции Пемблбери сжались в тонкую линию. «И то и другое!» — кричало у нее внутри. Но нет, она не доставит такого удовольствия герцогу Каласу и не произнесет этих слов вслух.

Увидев, как ее собеседник покачал головой, и услышав язвительный смешок, которым герцог наградил ее, прежде чем уйти, придворная дама поняла, что могла не сдерживать себя: Каласу все было ясно и без слов.

Герцог Брезерфорд, невысокий, с волосами цвета «соли с перцем» и лицом, которое за многие годы, проведенные на море, сделалось красным и задубевшим, стоял на палубе «Речного Дворца». Он смотрел на спину короля Дануба, своего доброго друга и господина, не в силах скрыть улыбку. По всему было видно, что король, вцепившийся руками в перила, не только мыслями, но и буквально всем телом рвался вперед.

Он являл собой единый порыв. Именно так казалось Брезерфорду.

Состояние Дануба вызывало у командующего королевским флотом искреннее понимание, хотя он, как и многие другие придворные аристократы, отнюдь не радовался тому, что их королевой может стать простолюдинка. Но в этой позе Дануба было что-то невыразимо комичное, как бы герцогу ни претило даже в мыслях потешаться над своим монархом.

Брезерфорд глубоко вздохнул и усилием воли подавил усмешку. Затем он подошел к перилам палубы и встал рядом с королем. Вдали, на северо-западе, ясно виднелся длинный причал палмарисской гавани.

— В этом году она никуда не уедет? — спросил герцог.

— Я заблаговременно отправил в Палмарис двоих посланцев, — ответил Дануб. — Первый должен был уведомить Джилсепони, что летом я прибуду в город и мне желательно видеть ее в своем обществе. Через неделю я отправил второго, который должен был подтвердить, что она действительно останется в Палмарисе.

— Подтвердить? — осмелился спросить Брезерфорд. — Или повелеть ей остаться?

Дануб резко повернулся к нему, но раздражение его мгновенно растаяло, когда он увидел кроткую улыбку своего низкорослого кривоногого друга.

— Я не рискнул бы приказывать баронессе, ибо чего в таком случае я бы добился? Наверное, только возможности видеть ее, хотя одно это всегда было для меня наслаждением. Но представь себе, Джилсепони заверила моего второго посланца, что лето проведет у себя в резиденции.

— Можете считать это добрым предзнаменованием, — начал было Брезерфорд, но вовремя осекся и сделал вид, что прочищает горло. Имел ли он право переступать границы своей дружбы с королем и напрямую спрашивать Дануба о его намерениях?

Если эти слова и задели его собеседника, он ничем не показал этого. Король продолжал глядеть на видневшуюся вдали гавань и серый, окутанный туманом город.

— Джилсепони довелось повидать немало горя, — сказал он, — узнать великую любовь и невосполнимую утрату. Я давно чувствовал, как между нами начинают возникать более близкие отношения, но здесь требуется время. Когда я в прошлый раз видел ее, то понял, что раны баронессы еще не затянулись.

— А когда затянутся? — спросил герцог Брезерфорд.

Дануб ненадолго задумался, после чего пожал плечами.

— Тогда, надо думать, я получу ее ответ, каким бы он ни был.

— Неприятная отсрочка, — заметил герцог.

— Вовсе нет, — возразил король. — Во многих вещах мне недостает терпения. Однако что касается Джилсепони, я готов ждать столько, сколько потребуется. Я готов десятки лет подряд проводить лето в Палмарисе, а долгими зимними вечерами мерить шагами тронный зал в Урсальском замке и ждать, когда погода вновь позволит мне увидеть баронессу.

Герцог Брезерфорд не знал, что и сказать в ответ на подобное признание. Он прекрасно

понимал, что король не лжет и не приукрашивает своих чувств. Дануб и так ждал немало лет, невзирая на стайку придворных дам, прямо-таки умоляющих допустить их за порог королевской спальни. Даже усилия Констанции Пемблбери вернуть себе его былое расположение оставались тщетными. Сердце Брезерфорда, герцога Мирианского, ликовало, когда он видел короля столь влюбленным и верным предмету своих воздыханий. Это заставляло его еще более восхищаться своим господином. По мнению герцога, король Хонсе-Бира был достойнейшим человеком. И когда Брезерфорд замечал, насколько крепки и искренни чувства этого достойного человека, он сам испытывал воодушевление и укреплялся в своей вере в существование чего-то большего, чем зримый окружающий мир.

Однако при всем этом Джилсепони оставалась простолюдинкой…

— Нас ждет прекрасное лето, — произнес король Дануб, и лицо его просияло искренним счастьем.

— Приветствую вас, госпожа Пемблбери! — воскликнул аббат Шуден Огвэн, увидев Констанцию, пересекавшую неф величественного собора монастыря Сент-Хонс.

За внешней радостью он пытался скрыть некоторую обеспокоенность, вызванную визитом придворной дамы. Желчный и ехидный Огвэн отчаянно шепелявил, и его «приветствую» прозвучало скорее как «пгиэтствую».

— Смею заверить вас, все готово для участия принца Торренса в таинстве обряда принятия Вечнозеленой Ветви. Я уже говорил вам об этом неделю назад и молю о том, чтобы все прошло еще лучше, чем мы можем ожидать. Как замечательно, что обряд будет совершен весной, пока не началась неминуемая череда свадеб. Но, в любом случае, вы обладаете преимущественным правом…

— Я пришла вовсе не для обсуждения предстоящей церемонии, — перебила его Констанция, умоляюще подняв руки, чтобы аббат угомонился.

Она знала: если не прервать его тираду, ей придется битый час выслушивать пустопорожние излияния старика. Тот мнил себя великим оратором; придворная же дама считала Огвэна законченным идиотом. Возвышение этого человека до сана настоятеля Сент-Хонса доказывало ей, что презрение герцога Каласа к церкви не лишено оснований. После того как прежний настоятель Хингас и несколько магистров на пути в далекий Барбакан стали жертвами нападения гоблинов, Сент-Хонс многие годы оставался в тяжелом положении. Престарелый Огвэн дольше остальных носил звание магистра, поэтому выбор пал на него. До назначения настоятелем он отличался гораздо большей терпимостью и даже обладал некоторой проницательностью. Вероятно, свой новый сан Огвэн рассматривал как подтверждение того, что любые его мысли обладают непреходящей ценностью и заслуживают постоянного их повторения.

И все же Констанции казалось, что у церкви должны найтись способы сместить этого болтуна; в особенности теперь, когда более молодые монахи Сент-Хонса стали магистрами. Наверняка в их среде смогут подобрать достойную замену Огвэну.

Правда, она тут же отбросила эти мысли и подавила вспыхнувшее раздражение. Нет, для нее гораздо лучше, чтобы эта глупая марионетка, которой столь легко управлять, как можно дольше оставалась на вершине власти. Голова стоящего перед ней Огвэна была наклонена вбок. Аббат без конца облизывал языком тонкие губы; его тусклые водянистые глаза внимательно смотрели на собеседницу. Придворная дама изобразила на лице лучезарную улыбку. Она вовсе не хотела выказать Огвэну свою симпатию, просто сейчас он здорово напоминал одного из состарившихся охотничьих псов герцога Каласа — таких же бестолковых пустобрехов.

— Думаю, Сент-Хонс вскоре увидит весьма внушительную свадьбу, а вам придется совершать свадебный обряд, — безмятежным тоном произнесла Констанция.

— Король Дануб? — испуганным шепотом спросил аббат Огвэн, и она кивнула.

— О госпожа Пемблбери! — закричал старик, радостно заключая придворную даму в объятия. — Наконец наш великий король решил узаконить положение матери своих

венценосных сыновей!

— Я говорю не о нашей свадьбе, — процедила сквозь зубы Констанция, оттолкнув Огвэна. Ей безумно хотелось добавить: «Идиот несчастный!» Однако она все же совладала с собой. — Король Дануб отправился на север, в Палмарис.

— Понимаю, государственные дела, — отозвался настоятель Сент-Хонса. — Нам уже сообщили об этом.

— Только похоть раздувает паруса «Речного Дворца», — растолковала ему придворная дама. — Король отправился в Палмарис, чтобы провести лето с баронессой Джилсепони Виндон.

— Спасительницей…

— Избавьте меня от ваших глупых высказываний! — резко прервала его Констанция. — Я не оспариваю, Джилсепони Виндон сделала в своей жизни немало добрых дел. Но вы не знаете эту женщину так, как знаю ее я. Поверьте, если ей суждено стать новой королевой Хонсе-Бира, Урсал ждут большие перемены, которые прежде всего отразятся на Сент-Хонсе.

— Джилсепони не имеет власти над орденом Абеля, — возразил аббат Огвэн. — У нее нет ни звания, ни…

— Звания у нее нет, но не забывайте, что сил у этой женщины предостаточно, — сказала Констанция. — Можете не сомневаться, их хватит на то, чтобы сделать с вашим монастырем то же, что она сотворила с Сент-Прешес.

— Сент-Прешес находится под властью настоятеля Браумина, — снова попытался возразить Огвэн.

— Того самого Браумина, который обязан своим постом исключительно дружбе с Джилсепони Виндон, — парировала придворная дама.

В ее словах была определенная доля истины. В дни правления отца-настоятеля Маркворта Браумин Херд носил всего-навсего звание безупречного брата и пребывал в Санта-Мир-Абель — главном монастыре абеликанского ордена. Во время произошедшего раскола Браумин сдружился с Джилсепони и Элбрайном и всецело встал на сторону Эвелина Десбриса. Именно тогда Маркворт объявил Десбриса — победителя демона-дракона — еретиком. Воззрения Эвелина, который ныне признан новомучеником, потрясли и раскололи тогдашнюю церковь. Во внутрицерковной борьбе Браумин и его единомышленники победили, и молодой монах в качестве вознаграждения получил пост, о котором при иных обстоятельствах не смел бы даже и мечтать. В Санта-Мир-Абель он мог бы еще добрый десяток лет, а то и больше, ходить в безупречных, терпеливо дожидаясь звания магистра.

— Я не хочу, чтобы вы меня превратно поняли, — продолжала Констанция. — Джилсепони Виндон будет прекрасной супругой королю Данубу и принесет благо своим подданным.

— С вашей стороны весьма благородно столь похвально отзываться о ней, — заметил Огвэн.

— Однако Джилсепони не происходит из знатного рода и не представляет, что это значит — быть королевой, не говоря уже о том, что значит быть королевой-матерью.

Ну вот, она без обиняков выложила этому старому дурню все, что намеревалась. Судя по ошеломленному выражению лица аббата, его отвисшей челюсти и остановившемуся взгляду, он безошибочно понял, куда она клонит.

— Если верить слухам, ее чрево… серьезно пострадало, — продолжала Констанция.

— Говорят, что это случилось во время ее сражения с отцом-настоятелем Марквортом на поле близ Палмариса, — ответил Огвэн, повторяя общеизвестные вещи. — Тогда она лишилась своего ребенка.

— Я хотела бы знать подробнее, — настаивала придворная дама. — Меня интересует, лишилась ли Джилсепони возможности вынашивать детей?

— Понимаю, вы боитесь за Мервика и Торренса, — произнес настоятель Сент-Хонса.

— Я боюсь за королевство Хонсе-Бир, — поправила его Констанция. — Одно дело —

видеть на троне королеву-простолюдинку, которой ни ее супруг, ни опытные придворные не дадут совершать значительные ошибки. И совсем другое, когда у такой женщины появляются отпрыски, наследники престола. Низкое происхождение со стороны матери никогда не позволит им должным образом управлять государством. Думаю, вы слышали об ужасах, творившихся во время правления Арчибальда Рыжего? — заломив руки, спросила придворная дама.

Матерью этого тирана, правившего Хонсе-Биром около трехсот лет назад, также была королева-простолюдинка. Арчибальд отличался особой нетерпимостью к людям знатного происхождения. Взойдя на престол, он попытался расшатать все основы общественного устройства. Король Арчибальд отбирал земли у вельмож и раздавал их крестьянам; изгнав родовитых придворных, он окружил себя чернью. Действия Арчибальда едва не привели королевство к краху. Аристократия ополчилась против монарха, в результате чего вспыхнула междоусобица, длившаяся пять лет и вконец разорившая государство.

Аббат Огвэн хорошо знал эту страницу истории королевства — Констанция видела, какой ужас отразился на его лице.

— Не лучше ли, если Мервик останется прямым наследником престола? — без обиняков спросила она.

— Целиком с вами согласен, госпожа Пемблбери, — поклонившись, ответил ей Огвэн. — Я постараюсь разузнать в Санта-Мир-Абель и Сент-Прешес о состоянии Джилсепони.

— Для нас всех было бы лучше, если битва с Марквортом наградила ее бесплодием, — произнесла придворная дама столь ледяным тоном, что настоятель Сент-Хонса невольно вздрогнул.

Констанция молча повернулась и направилась к выходу, оставив потрясенного и ошеломленного старика переваривать услышанное.

ГЛАВА 3
ЗЛОВЕЩЕЕ ОТРАЖЕНИЕ

Взмах — и тяжелый топор, описав сверкающую дугу, взлетел вверх и тут же стремительно упал вниз, ударил полено под нужным углом и расколол его пополам, заставив обе половинки отлететь в разные стороны от пня. Сильный человек, коловший дрова, даже и не подумал поднять их, а схватил другой чурбан и поставил на пень. Топор снова взлетел вверх и ударил по полену.

Чурбаны на пне быстро сменяли друг друга, и всех их ждала одинаковая участь. Через какое-то время, когда расколотых поленьев вокруг пня накопилось достаточно, дровосек отложил топор и один за другим побросал их в поленницу.

Утренний воздух был весьма прохладным. Казалось, дровосек должен был бы ощущать это еще острее, поскольку его мускулистый торс блестел от пота. Однако если человек и чувствовал холод, то видно по нему это не было, он продолжал колоть дрова с еще большим усердием.

Дровосеку было около пятидесяти лет, хотя любой видевший его в работе не дал бы ему и сорока. Крепкие мышцы, упругая кожа, глаза, в которых сверкал огонь. Все это было подарком судьбы и одновременно… ее проклятием.

Полено, взмах, две половинки, новое полено, еще один взмах, опять две половинки… и так почти безостановочно на протяжении всего раннего утра. Звук его топора давно стал привычным для ушей пятнадцати рослых, крепких мужчин, составлявших население деревни Миклина — нескольких хижин, притулившихся в глуши западной оконечности Хонсе-Бира. Эти оборванцы, которым и в голову не приходило следить за собой, одиннадцать месяцев в году проводили в лесах Вайлдерлендса, добывая пушных зверей. Затем они с грузом мехов отправлялись в более обжитые края, где их ждала ярмарка, изобилие выпивки и непритязательных развлечений.

С появлением Бертрама Даля в жизни обитателей деревни Миклина наступили некоторые перемены. Никто не спрашивал дровосека, настоящим или вымышленным именем он назвался, — здесь таких вопросов не задавали. Каждый понимал: раз кого-то занесло в такую глушь, значит, он, как и все остальные обитатели этих мест, не слишком в ладах с королевскими законами. Вскоре стук топора Бертрама стал для охотников чем-то вроде будившего их петушиного крика. В зимнюю стужу и в летний зной, под проливным дождем и слепящим снегом — каждое утро Бертрам Даль неизменно принимался за свою работу. Он снабжал дровами всю деревню, но это было лишь одной из его добровольно принятых на себя обязанностей. В его лице жители деревни обрели повара, портного и, что важнее всего, — кузнеца-оружейника. Охотники только дивились, когда в руках Бертрама их грубо сработанные мечи, пики и ножи становились острыми, словно бритва. Странно, однако, что сам он не выказывал ни малейшего интереса к охоте, которая была наиболее доходным промыслом в здешних местах. Со временем, когда обитатели деревни Миклина оценили пользу, приносимую Бертрамом, каждый из них звал его в лес, предлагая научить выслеживанию добычи и прочим премудростям охоты. В окрестных лесах водились еноты, коварные росомахи, выдры, бобры и волки.

Однако Бертрам не проявлял ни малейшего желания принимать участие в охоте. На все подобные предложения он неизменно отвечал, что его вполне устраивает колоть дрова, стряпать еду и исполнять другую работу в деревне. Поначалу охотники перешептывались, что Бертрам, должно быть, просто боится ходить в лес, но вскоре поняли, что причина здесь вовсе не в страхе. Этот странный пришелец разбирался в оружии лучше, чем кто-либо из них. По силе он не уступал никому, включая и самого Миклина, который был на целую сотню фунтов тяжелее Бертрама. Все его движения были исполнены какой-то удивительной грации. Посмеиваться над пришельцем перестали, но всех продолжало снедать любопытство: чем мог заниматься в прошлом этот человек? Большинство охотников сходились во мнении, что Бертрам, должно быть, участвовал в кровопролитной войне с демоном-драконом, которая бушевала лет десять назад. Скорее всего, шептались охотники, бедняга насмотрелся таких ужасов, что счел за благо убраться подальше от людных мест. Некоторые полагали, что он, быть может, бежал с поля боя.

Прошлое Бертрама было излюбленной темой домыслов скучающего населения деревни Миклина. Похоже, что самого Даля это ничуть не задевало, и он продолжал утро за утром выходить на работу, пополняя запас дров возле каждой из шести хижин деревни.

Бертрам снова отложил топор, чтобы посмотреть, как охотники отправляются на промысел, и глотнуть воды. Он запрокинул стоявшее рядом ведро, причем большая часть воды не попала ему в горло, а пролилась на литой торс дровосека.

— А может, пойдешь все-таки со мной? — обратился к нему последний из покидавших деревню. — Я бы за месяц сделал из тебя настоящего охотника. Сам знаешь, я удачливее, чем большинство этих дурней.

Бертрам лишь улыбнулся, как и всегда, покачав головой, ничем не выдавая своего истинного отношения к такому предложению. За месяц? Человек, называвший себя Бертрамом Далем, знал, что без всякого обучения смог бы превзойти в охоте любого из здешних охотников. Он без труда мог бы справиться с каждым из них и даже с двумя-тремя сразу. Нет, вовсе не отсутствие навыков удерживало его от леса и охоты. Его удерживал страх. Он боялся самого себя, точнее, того, во что он мог превратиться, едва его ноздри почуют запах свежей крови.

Сколько раз, думал он, подобное уже случалось с ним за последние годы. Сколько раз он обретал новое пристанище — всегда на задворках обжитого мира, — чтобы через месяц-другой покинуть его, потому что внутренний демон вырывался наружу и убивал кого-то из людей.

Бертрам боялся, что его самого поймают и убьют, и насколько велик был в нем этот страх, настолько же было велико отвращение к убийству. Он ненавидел кровь, пятнавшую руки воина. Нет, он отнюдь не был мягкосердечным, никогда не боялся убивать врагов в

сражениях, но это…

Это было выше пределов его терпимости. Ведь он убивал не врагов, он убивал простых крестьян, их жен и детей!

И с каждым новым убийством в нем возрастала ненависть к самому себе, а в душе крепло чувство растерянности и безнадежности.

Теперь судьба занесла его в деревню Миклина, населенную здоровыми и сильными охотниками. Здесь он нашел для себя занятия, дававшие ему кров и еду и оберегавшие его от искушений внутренних демонов. Нет, Бертрам Даль ни за что не пойдет на охоту, где в его ноздри ударит запах крови, где его охватит жажда убийства. Потому что в этом случае он будет вынужден вновь скитаться по лесам в поисках очередного пристанища.

Сколько осталось деревень на западных границах Хонсе-Бира, в которых он еще не был?

Топор взметнулся снова, в один миг расколов увесистое полено.

Наконец Бертрам закончил работу. В деревне он оставался один; охотники возвращались лишь под вечер. Он быстро обошел вокруг хижин, желая убедиться, что, кроме него, действительно никого нет, затем вышел на небольшую площадь, которую окаймляли четыре лачуги. Там он разделся до пояса.

Даль сделал глубокий вдох, позволив мыслям нестись сквозь мили и годы… туда, далеко на восток, где стояла мощная каменная крепость — оплот учености и рассуждений, воинских занятий и благочестия.

Это место называлось Санта-Мир-Абель.

В этом аббатстве он провел более десяти лет жизни, постигая учение абеликанской церкви и совершенствуя свое воинское мастерство. Там он достиг звания магистра, а его известность превратилась в легенду. До того как он назвался Бертрамом Далем, успев поменять еще несколько таких же вымышленных имен, его звали Маркало Де'Уннеро. Сначала Маркало Де'Уннеро, магистр Санта-Мир-Абель, потом Маркало Де'Уннеро, настоятель Сент-Прешес, и, наконец, Маркало Де'Уннеро, епископ Палмариса. Многие, видевшие его в битве, называли Де'Уннеро величайшим воином, который когда-либо выходил из стен Санта-Мир-Абель или любого другого монастыря.

Он припал к земле, сохраняя равновесие. Его руки начали двигаться, описывая круги.

А сколько людей склонялись перед ним, почитали его, *боялись* его! Да, и последнее доставляло ему величайшее наслаждение. Как он ликовал, видя страх в глазах своих противников!

Теперь руки бывшего монаха двигались быстрее, и каждая описывала круги с такой скоростью и точностью, что едва ли кто-то сумел бы прорваться сквозь эту живую преграду. Де'Уннеро то и дело прерывал вращение и наносил воображаемому противнику смертельный удар кулаком или ладонью. Он бил перед собой, сбоку и даже, сделав едва заметное движение, ухитрялся наносить удары у себя за спиной. Мысленным взором он видел, как падали сраженные насмерть противники.

Когда-то они действительно падали, и часто! Однажды Санта-Мир-Абель подвергся нападению значительных сил поври. Тогда Де'Уннеро не раздумывая прыгнул в самую гущу одного из вражеских отрядов, голыми руками сражаясь с «красными шапками», как называли этих крепких, закаленных в битвах карликов. Де'Уннеро вспомнил, как от его ударов враги падали замертво. Его сильные пальцы лишали их глаз и добирались до самых мозгов, оставляя поври корчиться в предсмертных судорогах.

То были минуты высшей радости, думал Де'Уннеро, наращивая темп своих движений, отражая удары невидимого противника и нанося ответные. Иногда его движения напоминали скольжение змеи, затем превращались в прыжки льва или нападение аиста, бьющего своими сильными ногами. Любому, кто наблюдал бы за ним, бывший монах показался бы сейчас одним сплошным сгустком энергии. Его руки, ноги и тело двигались с такой стремительностью, что глаз был не в состоянии уловить какое-то отдельное движение. Это помогало ему сбрасывать напряжение и одновременно не давало угаснуть ярости, которая

давно не имела истинного выхода… Как же низко он пал! И как поколеблен его некогда прочный внутренний мир! В свое время отец-настоятель Маркворт показал ему удивительные возможности силы магических самоцветов. Старый монах научил Де'Уннеро применению силы его любимого камня — тигриной лапы. С помощью этого самоцвета Маркало Де'Уннеро в один прекрасный день сумел превратить свою руку в смертоносную лапу тигра. Маркворт помог ему поднять это достижение на новый, более высокий уровень. Постепенно Де'Уннеро научился полностью превращаться в тигра.

Во время таких превращений тело Де'Уннеро в какой-то мере вобрало в себя его любимый самоцвет, и теперь магические свойства камня были неотъемлемой частью его существа. Де'Уннеро больше не являлся человеком в полном смысле этого слова. Похоже, он вообще перестал стареть! Бывший монах осознал это совсем недавно. Прежде он считал, что сохраняет молодость за счет своего необычайного физического развития. Однако ему было уже сорок девять лет, десять из которых он провел в лесах, нередко в любое время года живя под открытом небом. Да, у него изменилось лицо, а волосы он теперь стриг совсем коротко. Но его тело по-прежнему сохраняло молодость и было сильным, очень сильным.

Де'Уннеро понимал, что было тому причиной. Он действительно более не являлся человеком.

Отныне он был тигром-оборотнем — ненасытным зверем, голод которого утихал лишь на время. Когда Де'Уннеро осознал, что не в состоянии полностью управлять внутренней силой, обретенной им посредством магического камня, он понял, какое проклятие навлек на себя вместо ожидаемого блага. Больше всего на свете он ненавидел этого зверя в себе. Он ненавидел себя, свою жизнь и искренне хотел умереть. Но смерть не брала его; вместе с силой тигриной лапы он вобрал в себя силу другого камня — гематита, камня исцеления. Любые его раны, включая и смертельные, быстро заживали, не оставляя следов.

Де'Уннеро подпрыгнул и в полете дважды ударил ногами по крыше одной из хижин. Он бесшумно приземлился и, подавшись корпусом вперед, стал молотить руками по крепким бревнам, разнося дерево в щепы, сдирая кожу на пальцах и разбивая костяшки. Он чувствовал резкую боль, но не останавливался, продолжая со всей силой бить по стене, словно разрушая ее, он мог получить освобождение от внутреннего проклятия и избавиться от власти тигра-оборотня.

Пальцы Де'Уннеро были разбиты, боль пронзала плечи, а он все бил и бил по стене. Так могло бы продолжаться еще долго, если бы он вдруг не почувствовал внутреннего призыва. Он ощутил знакомую нарастающую силу. Ярость и гнев грозили превратить его в хищного зверя, в безжалостное чудовище, способное лишь убивать.

Маркало Де'Уннеро сразу же прекратил удары, изо всех сил стремясь сохранить свою власть над тигром и не дать ему вырваться наружу. Пошатываясь, он попятился, пока не уперся спиной в стену противоположной хижины. Тогда он сполз на землю, крепко обхватил грудь руками и скрестил ноги. Де'Уннеро закричал, отрекаясь от тигра-оборотня, а по сути — отрекаясь от самого себя и всей своей жизни.

Через какое-то время бывший абеликанский монах поднялся на ноги. Собственные раны его не волновали; он знал, что ко времени возвращения охотников следы от них почти полностью исчезнут. Де'Уннеро вернулся к своим обычным делам, но выполнял только самые неотложные, поскольку разум без конца возвращался к тому, что случилось с ним только что. Ведь он едва не поломал жизнь, которую обрел в деревне Миклина, и хотя по меркам Де'Уннеро здешнее прозябание вряд ли можно было назвать жизнью, судьба не баловала его возможностью выбора.

Он бесцельно слонялся по деревне почти весь день. Потом взгляд его упал на поленницу. Дрова никогда не бывали лишними, и, хотя время близилось к вечеру, Де'Уннеро решил пойти в лес и свалить несколько деревьев.

Обычно он не любил покидать деревню в предвечерние часы. В это время лес оживал. Вокруг деревни бродило слишком много разного зверья и прежде всего оленей — излюбленной добычи тигра-оборотня. В другой день бывший монах ни за что не пошел бы в

лес. Но сегодня ему было нужно что-то доказать самому себе.

По земле тянулись длинные тени. Наступавшие сумерки размывали их края, превращая четкие узоры в бесформенные пятна. Де'Уннеро заметил высохшее дерево и с разбегу ударил его ногой. Дерево рухнуло. Он приподнял ствол, намереваясь оттащить его в деревню, до которой было всего несколько сот ярдов. Бывший монах не успел пройти и одного ярда, как его ноздри уловили запах. Он бросил дерево и пригнулся к земле, втягивая воздух. Все его чувства необычайно обострились.

Внимание Де'Уннеро привлекла какая-то тень, мелькнувшая сбоку. Он повернулся, сознавая, что в спокойном человеческом состоянии никогда бы ее не заметил. Это означало только одно: тигр-оборотень выбирался наружу, привлеченный самым сладостным для него запахом.

Самка оленя, казалось, не замечала присутствия Де'Уннеро. Она беззаботно щипала траву, потом стала обкусывать листья с нижних ветвей клена, помахивая коротким белым хвостиком.

Как легко было бы для Де'Уннеро уступить притязаниям тигра-оборотня и позволить своему человеческому телу преобразиться в тело хищника. Всего лишь один прыжок отделял его от нежного оленьего мяса. В считанные секунды он сумел бы повалить олениху на землю и прикончить ее ударом сильной лапы. А потом… потом его ожидала бы теплая кровь и удивительно вкусное мясо.

— А после этого я вернусь в деревню, чтобы продолжить «ужин» и запить оленью кровь человеческой? — громко спросил себя бывший монах, буквально взвыв от собственной слабости.

Самка оленя испуганно отпрыгнула и исчезла в зарослях.

Дальше предстояло перенести самое трудное. Убежавшее животное наполнило ноздри Де'Уннеро непередаваемым ароматом страха. Тигр-оборотень мгновенно почуял этот аромат. Он прыгнул, намереваясь прорваться сквозь сдерживавшие его оковы, подмять все человеческое, что еще оставалось в Де'Уннеро, и дать волю темным звериным инстинктам.

Но бывший монах был готов к этой внутренней схватке и в особенности — к ее кульминационному моменту. Он стиснул кулаки, прижал руки к бокам и стал негромко и протяжно выть, всем своим существом отрекаясь от тигра и сопротивляясь ему.

Запах страха растаял в воздухе, и натиск тигра-оборотня постепенно ослабел.

Маркало Де'Уннеро глубоко втянул в себя воздух, потом подхватил дерево и двинулся в направлении деревни. Эта победа принесла ему определенное удовлетворение, хотя, по правде говоря, ничего особенного он не совершил. Так, маленькое сражение на заранее подготовленной территории. А как бы он повел себя, если бы олениха выскочила перед ним неожиданно? Если бы, допустим, это случилось в деревне, в то самое время, когда он давал выход своей ярости? И какими были бы его действия, если на месте оленьей самки оказался бы медведь, злобная росомаха или, что еще хуже, другой человек? И не просто человек, которого можно заставить убраться раньше, чем зверь внутри потребует выхода, а опытный воин?

Сумел бы он и тогда одержать верх над тигром-оборотнем?

Маркало Де'Уннеро прекрасно знал: нет, не сумел бы. Его нынешняя победа была чисто символической; он немного потешил уязвленное самолюбие, не более того.

Часть охотников уже вернулись в деревню и, когда Де'Уннеро появился там со стволом дерева на плече, закричали, что он опаздывает с ужином. Один из них швырнул ему убитого дикого гуся.

В ноздри вновь ударил запах крови, но теперь Де'Уннеро был просто Бертрамом Далем, деревенским дровосеком и поваром.

Он молча взял гуся и отправился готовить ужин.

ГЛАВА 4
СЛАВА И БЕССМЕРТИЕ

— А я наблюдал за тобой, — объявил Эйдриан, когда им с Бринн удалось остаться наедине в лесу за пределами Кер'алфара.

Девушка посмотрела на него с любопытством. Каковы бы ни были ее чувства, внешне она оставалась совершенно невозмутимой. Казалось, ни хвастливый тон Эйдриана, ни скрытый намек на то, что он узнал какой-то из ее секретов, совершенно не волновали, да и не могли волновать тогайранку.

— Я говорю о той ночи, когда ты на скаку стреляла из лука по мишеням, — пояснил мальчик.

При этих его словах темные глаза Бринн сердито вспыхнули.

— Я каждый день по нескольку часов упражняюсь в своем джона-чук клей, то есть в тилквест-мартиал, — ответила она, назвав искусство стрельбы из лука на скаку сначала по-тогайрански, а затем на языке эльфов. Спокойствие вновь вернулось к девушке. — Большинство воинских приемов тогайранцев связано со стрельбой из лука на полном скаку. И потом, насколько я знаю, эльфы не делают такой уж тайны из этих испытаний.

Со стороны казалось, что ей скучно объяснять простые вещи глупому мальчишке.

Однако Эйдриан пропустил ее слова мимо ушей; он давно научился распознавать истинное состояние тех, кто находился рядом с ним. Невозмутимость Бринн была не более чем уловкой.

— Я видел тебя ночью, на поле, — продолжал он. — На шесть мишеней они дали тебе всего восемь стрел и не совсем справедливо оценили один из твоих выстрелов.

По смуглому лицу тогайранки промелькнула едва заметная тень, а глаза вновь вспыхнули сердитым блеском.

— Эльфы знают, что ты подглядывал? — тихо спросила она.

Эйдриан равнодушно пожал плечами, словно это обстоятельство его совершенно не волновало. Но теперь Бринн удалось сбить с него мальчишескую спесь. Придав своему голосу бесстрастное выражение, она сказала:

— Если и не знали, то знают теперь. Мы с тобой давно поняли, что почти любое наше слово, сказанное в пределах Эндур'Блоу Иннинес, почти любой наш поступок становятся известными эльфам. Не исключено, что и сейчас кто-то из них уже спешит передать твои слова госпоже Дасслеронд.

Самодовольная улыбка сползла с губ мальчика.

— Эльфы не говорили, что мне нельзя видеть твое испытание, — попытался возразить он.

Тогайранка только улыбалась, удивляясь странному несоответствию между обликом и мышлением юного Эйдриана. Он, несомненно, превосходил ее в воинском искусстве; скромная Бринн признавала это с готовностью. Своими успехами он вообще превосходил всех рейнджеров прошлого, включая и своего легендарного отца. Вот уже несколько лет, как он одерживал верх в каждом тренировочном поединке между ними. Более того, в свои неполные четырнадцать этот мальчик был способен на равных померяться силами со многими эльфами, что изрядно их удивляло. И дело было вовсе не в том, что они считали себя непобедимыми. Едва ли не каждый рейнджер, готовый покинуть Эндур'Блоу Иннинес и отправиться в большой мир, тоже мог на равных противостоять почти каждому из эльфов, поскольку люди превосходили их как ростом, так и физической силой. Но, во-первых, Эйдриан еще не закончил обучение, а во-вторых, он все еще был очень юн. И его мышцы были мышцами подростка. Эльфы впервые проигрывали человеку, поскольку он проворнее их владел мечом и был более изощрен в приемах его применения. Бринн знала, что владеет мастерством верховой езды лучше Эйдриана, а в стрельбе из лука они обладают одинаковым мастерством. Она не хуже него умела выслеживать диких зверей и незаметно подкрадываться к ним. Однако во всем остальном, из чего складывалось обучение рейнджера — от способности быстро бегать и умения добывать огонь до сражения на мечах, — ее приятель, который был моложе на целых пять лет, не знал себе равных.

Да, во многих отношениях этот мальчишка не уступал любому из воинов, подготовленных эльфами тол'алфар, а в чем-то уже сейчас превосходил их. И вместе с тем слова и поступки сплошь и рядом выдавали его откровенную незрелость. Взять хотя бы то, с каким пылом он пытался доказать, что ему не запрещали следить за ее испытанием. Это было не сетованием взрослого человека на неразумность запрета, а самым настоящим хныканьем ребенка, пытающегося доказать, что он не сделал ничего дурного. Бринн нравилось, когда Эйдриан вспоминал о своем человеческом происхождении. В такие минуты он неизменно обнажал свою истинную сущность.

— Ты уже почти окончила, — нарушил молчание мальчик, и в тоне его прозвучала грусть.

— Окончила… что?

— Свое обучение, — пояснил он. — Если госпожа Дасслеронд созвала соплеменников посмотреть на это испытание, значит, конец твоей учебы совсем близок. По правде говоря, я считаю, что ты уже и так научилась всему, чему они могли тебя научить. Не знаю, может, эльфы придумают еще какие-нибудь испытания, но мне кажется, что совсем скоро ты покинешь Эндур'Блоу Иннинес.

— Ты не можешь знать этого наверняка, — заметила тогайранка, однако у нее самой было такое же предчувствие.

Как-то в разговоре с нею Белли'мар Джуравиль мимоходом упомянул о некоем «обретении имени», но когда она попыталась узнать об этом подробнее, тот, как обычно, уклонился от ответа. Девушка полагала, что речь шла о какой-то церемонии, завершающей ее пребывание в долине эльфов.

Эйдриан в ответ лишь усмехнулся.

— Возможно, ты прав, — улыбнувшись, согласилась Бринн. — Моя родина сейчас испытывает тяжелые времена. Подозреваю, что госпожа Дасслеронд постарается как можно раньше отправить меня на помощь соплеменникам.

На лице мальчика отразилось недоумение.

— Много лет назад народ тогайру подвергся нападению бехренских завоевателей, — начала объяснять Бринн.

— Я это знаю, — напомнил ей Эйдриан.

С тех пор как госпожа Дасслеронд позволила им проводить часть времени вместе, он постоянно слышал рассказы девушки о завоевании Тогая бехренцами.

— Значит, ты станешь тогайранским рейнджером, — заключил Эйдриан.

— Там мне все знакомо, — сказала Бринн. — Я знаю повадки огромных степных быков и северных львов, змей с черной блестящей кожей и диких лошадей. Я никогда не сомневалась, что рано или поздно мое пребывание в долине эльфов окончится и я вернусь домой, в Тогай.

Ее собеседник кивнул. Он выглядел несколько растерянным, и девушка это заметила, но не удивилась. Бринн знала: сейчас он думает о том, куда придется отправиться ему, когда он сам станет рейнджером. У него не было родины. Эйдриан даже не представлял, в каком городе или даже в какой стране он родился. Она сама тоже не знала, в какую область Тогая ее направят. С самых первых дней ее появления в Эндур'Блоу Иннинес госпожа Дасслеронд твердила девочке о ее будущей миссии. Наверное, у эльфов были свои замыслы и относительно Эйдриана. Просто ни она, ни он не могли представить, какие именно.

— Ты вернешься в Тогай и будешь охранять какое-нибудь селение в северной степи, — предположил Эйдриан. — Защищать жителей от диких зверей и прочих тварей. Кстати, в Тогае есть гоблины или великаны? — поинтересовался он.

Глаза мальчишки блеснули. Юный воин всегда с удовольствием слушал рассказы о разных чудовищах и героях, — в особенности рейнджерах, — которые с ними сражались.

— Чудовищ там хватает, — ответила Бринн, и на ее лице появилось отрешенное выражение, словно она пыталась проникнуть взглядом в какую-то даль. Так случалось всякий раз, когда она начинала говорить о своей родине. — В горах встречаются огромные

снежные люди. И гоблины тоже. А еще в степях Тогая обитают великаны — они обычно прячутся в пещерах и нападают на беспечных путников.

Последние слова девушка произнесла скороговоркой и вдруг неожиданно прыгнула на Эйдриана. Ошеломленный, он отскочил в сторону, однако немедленно занял оборонительную позицию.

— Чудовищ в Тогае хватает, — сказала Бринн, — но бехренцев еще больше, и они опаснее любого великана.

— Жители пустыни, — подхватил мальчик, кое-что знавший о разных государствах и верованиях людей, которые их населяли. — Они во всем подчиняются ятолам.

— Ятолы — это сущие демоны. Они считают своего вождя Чезру живым богом, — пояснила девушка. — Слишком долго их зловоние отравляет чистый воздух Тогая!

Ее собеседник тревожно огляделся по сторонам.

— Берегись, как бы те же уши, которые подслушивали мои слова, не услышали твоих, — предостерег он.

— А чего мне опасаться? — насмешливо спросила Бринн. — Госпожа Дасслеронд ничего не имеет против. Все эти годы меня и готовили именно для того, чтобы я возглавила восстание против бехренцев. Бороться против них — мой первейший долг.

На лице Эйдриана вновь отразилось замешательство.

— Из всего, чему меня учили в Эндур'Блоу Иннинес, я понял, что дела людей — это одно, а дела народа тол'алфар — совсем другое, — произнес он. — Скоро ты получишь имя и станешь настоящим рейнджером. По мнению госпожи Дасслеронд, эльфы передали тебе великий дар. Неужели она позволит воспользоваться этим даром в войне с бехренцами? Разве это не противоречит принципам тол'алфар? Я что-то…

Бринн с улыбкой перебила его:

— Ты прав, эльфы обучают рейнджеров не для войны, а для того, чтобы оберегать мирных жителей от опасностей дикой природы и набегов чудовищ вроде гоблинов или великанов. К этому готовили и твоего отца, Полуночника, однако события повернулись так, что заставили его оказаться в самой гуще войны, какой еще не знало королевство Хонсе-Бир. Со мной все обстояло по-другому. Когда эльфы взяли меня на воспитание, они с самого начала знали, что я не стану обычным рейнджером. Госпожа Дасслеронд спасла меня от захватчиков — этих демонов-ятолов, которые убили моих родителей и всех жителей нашего селения. Она определила, что после завершения обучения я вернусь в Тогай и не только отомщу за смерть невинных людей, но и помогу освободить наш народ от бехренского ига.

Эйдриан жадно ловил каждое ее слово, подавшись всем телом вперед. То, о чем говорила девушка, произвело на него огромное впечатление. Он знал кое-что об истории ее жизни, но вплоть до этой минуты ему никогда не приходило в голову, что у Бринн Дариель может существовать какая-то особая миссия, намного превосходящая обязанности обычного рейнджера. А его собеседница продолжала рассказывать о ятолах и прежних вождях племен тогайру — гордых мужчинах и женщинах, настоящих предводителях кочевого народа. Они уверенно вели тогайранцев не только сквозь бескрайние степи, но и были духовными вождями своих соплеменников, а духовные ценности детей Тогая считались намного более древними, чем у ятолов или абеликанских монахов. Девушка поведала об их обрядах, и многие из них показались Эйдриану очень похожими на те, которые он видел у эльфов. Постепенно он стал понимать то, что Бринн осознала уже давно: между представлениями и ценностями тогайранцев и эльфов существовало удивительное сходство.

Голос тогайранки резко зазвенел, когда она — в который уже раз — стала рассказывать о последних страшных днях родного селения. Бехренцы у нее на глазах отрубили голову отцу, а потом изнасиловали и убили мать. Девушке было тяжело вспоминать об этих зверствах, но она, как всегда, довела повествование до конца. Давние раны еще саднили, однако эльфы научили Бринн Дариель направлять свои помыслы на светлое и радостное будущее Тогая.

О них она и поведала сейчас Эйдриану. Девушка замыслила ни много ни мало, как

народное восстание, которое позволит изгнать бехренских захватчиков с ее родины и вырвать народ тогайру из зловещей паутины религии ятолов.

— Наверное, труднее всего мне будет освободить мой народ из западни, в которую они его заманили, — с грустью призналась Бринн. — Многие тогайранцы выросли, не зная ничего, кроме молитв ятолов. Они уже не помнят наших исконных обрядов…

— Но ведь твои родители хранили верность этим обрядам и после завоевания бехренцами Тогая, — заметил Эйдриан.

— Наше племя не поддалось бехренской заразе, — с гордостью согласилась девушка, — и многие другие племена, кочевавшие по степям, — тоже. Мы тайно молились и собирались в древних святилищах в дни самых значительных праздников. Я уверена, кто-то выдал бехренцам моих родителей и остальных соплеменников, рассказал им о нашем отступничестве, и тогда ятолы бросили против нас большое число своих воинов.

Невзирая на то что эльфы учили Бринн владеть собой и направлять силу своего гнева в русло великих замыслов, тогайранка не смогла скрыть охватившую ее ярость. Глядя на девушку, Эйдриан чувствовал: если когда-нибудь она разыщет предателя, тот будет горько сожалеть, что не успел умереть раньше!

Негодование Бринн быстро погасло, и она заговорила о возрождении прежнего Тогая, где племена жили в мире и духовном единстве. Какой удивительный зимний праздник устроит она после освобождения своей родины! Все кочевники съедутся в древний тогайранский город Йошун Магьек и, взявшись за руки, запоют «Берквек джерой саанд» — «Песню студеной ночи».

Эйдриан с возрастающим интересом слушал слова своей подруги о задуманном ею восстании и тех высотах, которых достигнет народ тогайру, сбросив ярмо своих поработителей. Мальчику вдруг подумалось: если замыслы его собеседницы увенчаются успехом, ее имя на века сохранится в истории Тогая. Возможно, имя Бринн Дариель будет жить еще долго после того, как госпожа Дасслеронд окончит свои дни…

В тот момент он еще не сознавал этого, однако мысль о достижении бессмертия через славу глубоко запала в сердце юного Эйдриана Виндона.

Закончив говорить, тогайранка выпрямилась и замерла, глядя прямо перед собой, хотя едва ли сейчас ее глаза различали окружающий мир. Нет, сейчас она находилась далеко отсюда, устремив взор одновременно в седое прошлое и светлое будущее своей родины.

— И все-таки мне кое-что непонятно, — прервал молчание Эйдриан. — Я постоянно слышу от госпожи Дасслеронд, что эльфов не касаются людские дела. Она не скрывает, что считает нас, людей, гораздо ниже любого эльфа. Почему же тогда она проявляет заботу о Тогае? Разве беды твоего народа волнуют тол'алфар? А если им нет до этого дела, почему она хочет, чтобы ты вернулась на родину и подняла восстание?

— Ее пугают ятолы, — ответила Бринн. — Вернее сказать, она боится зла, которое они способны причинить в будущем. Помыслы госпожи Дасслеронд уже долгие годы обращены на юг — к протяженной горной цепи, которую называют Пояс-и-Пряжка. По какой-то причине она желает, чтобы народ тогайру владычествовал на южных склонах этой цепи. Моя мать часто рассказывала мне сказки о Джайок тон'Кутос и Джайнек тон'Кутос — то есть о светлых и темных эльфах. Я помню, что при этом на ее лице всегда появлялась теплая улыбка. Из всех людей тогайранцы наиболее близки к эльфам, так всегда говорила мне мать. Теперь, когда я сама лучше узнала Джайок тон'Кутос, я понимаю, что она была права. Несомненно, тогайранцы ближе к народу тол'алфар, чем бехренцы или светлокожие жители Хонсе-Бира. Твой народ, как и бехренцы, пытается заставить землю служить своим нуждам, а тогайранцы стремятся сохранить ее такой, какая она есть.

Эйдриан уставился на девушку. Он и в самом деле не понимал, что означали слова «твой народ» и какое отношение он имел к жителям королевства Хонсе-Бир. Эльфы рассказывали ему об истории этого государства. Как же ему хотелось своими глазами увидеть его большие города! Однако мальчик знал о «собственном» народе только со слов эльфийских наставников, а к своим неполным четырнадцати годам он достаточно хорошо

осознал, что далеко не все слова эльфов непременно являются правдой.

— Если у госпожи Дасслеронд есть какие-либо замыслы об экспедиции к южным горам, — продолжала Бринн, — для нее или для тех, кого она туда пошлет, будет намного лучше, если там не останется ни одного ятола.

— Ты в этом уверена? — спросил Эйдриан, глаза которого сузились от любопытства. — Она намерена покинуть Эндур'Блоу Иннинес? Или Дасслеронд пошлет на юг других?

Девушка пожала плечами.

— Мне так кажется, — сказала она. — Иначе зачем предводительнице тол'алфар заботиться о судьбе тогайранцев?

— Возможно, госпожа Дасслеронд просто желает, чтобы на земле осталось поменьше людей, — без обиняков заявил Эйдриан. — В таком случае, что может послужить этому лучше войны?

Бринн встревоженно огляделась. Она считала, что ее приятель переступил границы дозволенного, и это можно было ясно прочесть на ее лице.

— Я не утверждаю, что мне понятны замыслы эльфов, — равнодушным тоном произнес мальчик. — Но ты, похоже, их понимаешь. Ты появилась здесь на несколько лет раньше, чем я. Но много ли ты сумела узнать об эльфах за эти годы?

Тогайранка хмуро воззрилась на своего собеседника.

— Или тебе просто хочется думать о них только хорошее? — задал новый вопрос Эйдриан.

— Они — моя семья, — ответила Бринн.

— Твои хозяева, — поспешил возразить мальчик. — Ты считаешь их своей семьей, но они явно не думают о тебе как о равной. И меня, и вообще всех людей они не признают равными себе. Да, они уважительно говорят о моем отце — великом рейнджере Полуночнике. Но даже его подвиги не сделали его равным тол'алфар — во всяком случае, в глазах самих эльфов.

Девушка поджала губы; в глубине души она не могла не согласиться, что Эйдриан прав. Тот это заметил.

— Они — моя единственная семья, — повторила Бринн. — И твоя тоже.

— В таком случае, у меня нет семьи, — заявил мальчик.

Слова, сорвавшиеся с его губ, были полной неожиданностью как для него самого, так и для тогайранки.

— Как ты можешь говорить так о тех, кто спас твою жизнь? — укоризненно спросила она. — О тех, кто дал тебе все, разве что кроме рождения?

— Но эльфы никогда не поднимут меня даже до нижней ступени в своей иерархии, — возразил Эйдриан. — Может, ты и считаешь, будто госпожа Дасслеронд заменила мне мать, но я не хочу питать пустых надежд, ибо знаю, что она никогда не относилась и не будет относиться ко мне как к равному.

— Народ тол'алфар восхищается великими рейнджерами, — заметила Бринн.

— Ты тоже восхищаешься своим Сумраком, — отрезал Эйдриан.

Девушка хотела было возразить ему, но лишь вздохнула и ничего не сказала. Бесполезно пытаться переубедить Эйдриана. Да он по-своему и был прав. Бринн не хуже своего юного друга знала, что такое быть человеком среди эльфов. Этот народ действительно считал себя значительно выше людей и всех других разумных рас. Даже в общении с ней ее наставника Белли'мара Джуравиля, считавшегося среди эльфов самым дружелюбным по отношению к людям, частенько проскальзывала некоторая снисходительность.

Это происходило без всякого злого умысла, просто потому, что сознание превосходства эльфов было запечатлено у него в подсознании.

Однако Бринн все равно воспринимала свое положение не так, как Эйдриан свое. Пусть эльфы были небезупречны, но они наделили ее великим даром, который позволит ей в полной мере осуществить свои замыслы и изменить жизнь соплеменников.

— Кто знает, может, когда-нибудь я начну относиться к эльфам так же, как ты, — сказала девушка.

Это была заведомая ложь, поскольку тогайранка всегда считала эльфов своими спасителями и друзьями.

— А когда ты вернешься… — начала было она, но тут же осеклась.

Вот в чем причина, заставлявшая ее и Эйдриана по-разному относиться к госпоже Дасслеронд и другим эльфам! Бринн предстояло вернуться к соплеменникам, Эйдриан же с первых дней жизни видел только эльфов. Куда и к кому отправится он?

— Думаю, со временем ты оценишь дары тол'алфар, — тихо и с глубоким уважением в голосе произнесла Бринн. — И тогда ты изменишь свое мнение о госпоже Дасслеронд и о ее, как ты считаешь, высокомерных подданных.

Мальчик вновь равнодушно пожал плечами, словно желая показать, что его это нимало не заботит. Тогайранка опустилась на траву и окинула приятеля долгим взглядом. Насколько глубоко неприятие своих наставников сумело проникнуть в его душу? Эйдриан даже не понимал, что его слова и мысли направляет гнев. Он считал, что искренне высказывается об очевидных вещах, однако проницательная Бринн ощущала скрывавшееся за его словами презрение к эльфам.

«Интересно, а госпожа Дасслеронд догадывается об этом потаенном пласте в душе Эйдриана?» — подумала она. Хозяйка Кер'алфара и ее остроухие соплеменники наверняка узнали о нем гораздо раньше. В таком случае, чем это грозит бедному мальчишке?

Эйдриан сидел молча, разглядывая ветви деревьев прекрасного эльфийского леса. Девушка сочувственно потрепала его по плечу. Если бы она хоть вкратце могла рассказать об их разговоре госпоже Дасслеронд! Но нет, этого она не сделает ни в коем случае, иначе ее собеседника ждет суровое наказание. Может быть, думала Бринн, ей все же удастся каким-то образом доказать мальчику ошибочность его суждений?

После того как тогайранка удалилась, Эйдриан еще долго сидел на траве, снова и снова мысленно возвращаясь к их разговору и в особенности — к собственным словам. К тем нескольким замечаниям, которые выявили его неутихающий гнев по отношению к эльфам. Чем дольше он размышлял об этом, тем яснее чувствовал, что кусочки большой головоломки, называемой жизнью, начинают складываться в довольно определенную картину.

Мальчику она совсем не нравилась. Его глубоко задевала несправедливость собственного положения. Мало того что эльфы, которых он должен был бы считать своей семьей, относились к нему как к существу низшего порядка. Каждый из этих заносчивых недомерков, если только трагическая случайность не оборвет его жизнь, проживет во много раз дольше, нежели он сам! Так в чем тогда смысл его жалкого существования? То'эль Даллия после него сумеет обучить еще добрый десяток рейнджеров, но вспомнит ли она когда-нибудь о том, кого звали Эйдрианом? Будет ли через сто лет его «семья» помнить о нем?

И все же долгий разговор с Бринн Дариель заронил в душе мальчика искру надежды. Она поднимет свой народ на восстание против бехренцев, благодаря чему имя тогайранки останется в памяти ее соотечественников.

Может, именно подобными поступками люди и достигают бессмертия?

В одну из особенно тихих ночей Эйдриан почувствовал: сегодня что-то произойдет. Возможно, эльфы устроят для Бринн какое-то новое испытание. То'эль Даллия, которая вечно следила за каждым его шагом, куда-то исчезла, и мальчик поспешил к знакомому полю, где в прошлый раз его подруга на скаку поражала мишени.

Там было пусто и непривычно тихо: ни птичьего щебетанья, ни факелов.

Эйдриан брел по лесным тропам, пытаясь сообразить, в какое место эльфы могли увести Бринн на этот раз. Он не знал, сколько эльфов обитало в пределах Кер'алфара, но предполагал, что во всей долине их было чуть более ста. Но даже если все они вместе с

Бринн находятся сейчас в лесу, он лишь по чистой случайности может столкнуться с кем-нибудь из них. Недаром он столько лет жил в Эндур'Блоу Иннинес и усердно постигал навыки эльфов! Мальчик лучше, чем кто-либо во всем мире, знал, как эльфы умеют бесследно растворяться в ночном лесу.

Он двигался по тропкам, все более широкими кругами огибая Кер'алфар. С каждым шагом его раздражение становилось все сильнее. Значит, эльфы снова оставили его за пределами… за пределами того, что должно было произойти этой ночью.

Досада так и кипела в нем, как вдруг ночной ветерок донес до ушей Эйдриана негромкие голоса эльфов. Он немедленно припал к земле и, поворачивая голову, попытался уловить, откуда исходят звуки. Мальчик знал, что эльфы умеют заставлять свои голоса звучать в ложном направлении. Может, эти надменные недомерки и сейчас сыграют с ним шутку, заставив впустую блуждать в темноте? Однако вскоре среди ветвей блеснули факелы, горевшие по периметру квадратной поляны, окаймленной высокими соснами. Эйдриан остановился, пытаясь запомнить все возможные ориентиры места, в котором он оказался. Спустя несколько минут он продолжил путь, но не стал приближаться к поляне. Вместо этого мальчик устремился к руслу высохшего ручья, которое тянулось вдоль ее края.

Когда он наконец подкрался к поляне, воздух вокруг зазвенел от песни эльфов. Не отрывая туловище от земли, Эйдриан слегка приподнял голову. Перед тем как выбраться на берег бывшего ручья, он вновь замер, вслушиваясь в пение и пытаясь предугадать грядущее событие.

Судя по редкой красоты звукам и торжественности мелодии, эльфы готовились отнюдь не к обычному испытанию воинского искусства Бринн. Песня явно была очень древней. Значит, он увидит что-то более значительное.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоить сердцебиение, Эйдриан осторожно поднялся на берег и нашел укромное местечко под скрещенными ветвями сосен.

Недалеко от него рядами стояли эльфы. Мальчику показалось, что здесь собрался весь народ тол'алфар. Взоры эльфов были устремлены на госпожу Дасслеронд. Эйдриан лежал, боясь пошевельнуться и затаив дыхание, чтобы не выдать своего присутствия.

Пение смолкло, хотя последние звуки еще какое-то время продолжали звенеть в воздухе. Затем стало совсем тихо. Ни птица, ни сверчок не нарушали торжественную тишину этой ночи.

— Белли'мар Джуравиль, — раздался голос госпожи Дасслеронд. — Вот уже второй раз за короткое время ты представляешь нам рейнджера, которого мы можем отправить в большой мир. Скажи, готова ли она?

— Она готова, моя госпожа, — ответил Джуравиль, выходя из рядов эльфов. — Я передаю Бринн Дариель вам!

Он повернулся и взмахнул рукой. Вслед за ним вышла Бринн.

Тогайранка двигалась с изяществом и гордостью. На ней не было никакой одежды; черные волосы украшала пара вплетенных в них больших перьев. Эйдриан много раз видел Бринн обнаженной, ибо часто подглядывал за ней, притаившись в кустах возле полянки, где девушка по утрам упражнялась в би'нелле дасада. Вид ее гладкого смуглого тела неизменно будил в нем какие-то сильные и непонятные чувства.

Однако сейчас Бринн Дариель выглядела более величественно, чем та девушка, за которой он следил украдкой. Ее красота была какой-то сверхъестественной, она не порождала желаний плоти. Нет, ее обнаженное тело не потеряло своей женской привлекательности, однако внимание Эйдриана в первую очередь привлекло безмятежно спокойное лицо тогайранки и ее сияющие темные глаза. Ему казалось, что в эту ночь Бринн облеклась в одеяния души.

Мальчик вдруг почувствовал, что не имеет права находиться здесь, как будто сейчас он гораздо грубее вторгался в сокровенный мир тогайранки, чем подглядывая за нею на поляне. Тогда он оценивал ее выучку, способность сосредоточиваться, восхищался умением Бринн владеть своим телом и оружием, а сейчас…

Сейчас он подсматривал за ее душой.

Когда девушка вышла, чтобы предстать перед госпожой Дасслеронд, вновь зазвучало пение эльфов. Неожиданно пение оборвалось, а может, подумал Эйдриан, эльфы возвели вокруг поля невидимую стену, сквозь которую не проникали звуки. Госпожа Дасслеронд что-то говорила Бринн, а Белли'мар Джуравиль направился к другому концу поляны и скрылся среди сосен. Спустя мгновение он появился, ведя под уздцы крупного мускулистого пони, карего с белыми пятнами. Грива пони была белой, с единственной черной прядкой, в черном хвосте также выделялось белое пятно. Скакун выглядел возбужденным; он резко вскидывал голову, и Джуравилю стоило заметных усилий не позволять ему вырваться из его рук.

Едва пони оказался рядом с Бринн, как сразу же проявилась вся магия их единения. Пони навострил уши и, хотя продолжал беспокойно озираться вокруг, не выразил протеста, когда Бринн погладила его по морде и потрепала по сильной шее.

К удивлению Эйдриана, пони спокойно встал рядом со своей новой хозяйкой. Тем временем госпожа Дасслеронд опять заговорила. Мальчик по-прежнему не слышал голосов, только иногда до его уха долетало негромкое ржание коня.

Эйдриан даже не заметил, как Белли'мар Джуравиль исчез из поля его зрения. Когда же он осознал это, предпринимать что-либо было уже поздно.

Мальчик почувствовал, как чья-то рука схватила его сзади за волосы. Резким рывком Джуравиль оттащил Эйдриана от берега высохшего ручья и рывком поставил на ноги.

— Что ты здесь делаешь? — сердито спросил он.

Эйдриан вскрикнул и попытался высвободиться, но Джуравиль резко опустил руку, лишив его равновесия.

Мальчик рухнул на землю, но тут же попытался вскочить, рыча от злости.

Эльф ударил его по лицу раньше, чем он сумел встать. Перед глазами Эйдриана все поплыло. На него посыпался град резких ударов, заставивший его скорчиться и прикрыть голову руками.

— В последнее время ты только и делаешь, что испытываешь терпение госпожи Дасслеронд, которое отнюдь не безгранично, — сухо произнес Джуравиль.

Мальчик с трудом разогнулся и встал: сначала на колени, потом так же медленно поднялся на ноги.

— Мне никто не запрещал находиться здесь, — возразил он.

Глаза Джуравиля по-прежнему оставались холодными, как сталь.

— Ты пытаешься оправдаться, хотя в глубине души знаешь, что натворил, — после долгого и тягостного молчания сказал эльф. — Разве ты не понял, что вторгаешься в святая святых Бринн Дариель?

— Никто не говорил мне… — начал было Эйдриан.

— Никто и не обязан был говорить тебе об этом, — перебил его Джуравиль. — Тебя, кажется, учили понимать собственное сердце и вслушиваться в голос своей души. Неужели ты не в состоянии отличать допустимое от недопустимого? Да или нет? — продолжал он негодующим тоном. — Неужели своими лживыми словами ты еще будешь пытаться отрицать правду, которую хранишь в глубине души?

Мальчик попятился назад и застыл на месте, меряя Джуравиля угрожающим взглядом.

Джуравиль тоже стоял не шелохнувшись, пока не услышал за спиной какие-то звуки. Он обернулся и увидел Бринн, которая шла по полю, ведя за собой Сумрака. Теперь на плечи девушки была наброшена шаль.

— Я не собирался… — произнес Эйдриан и снова замолчал.

Тогайранка прошла совсем близко от него. Даже если она и видела мальчика, то не показала этого ни словом, ни жестом. Ее темные глаза были подернуты дымкой, словно она двигалась во сне.

— Бринн! — окликнул ее Эйдриан, но девушка, только что ставшая настоящим рейнджером, даже не обернулась.

Эйдриан смотрел ей вслед. И вдруг перед ним предстала вся несомненная и очевидная истина этого момента: Бринн, его единственная подруга среди людей, единственное существо в Эндур'Блоу Иннинес, хоть чем-то похожее на него, этой ночью навсегда покидала долину эльфов.

Мальчик хотел было броситься за ней, но Джуравиль преградил ему путь своим мечом с тонким лезвием. Взглянув на лицо эльфа, Эйдриан понял, что тот, если понадобится, пустит оружие в ход.

— Она уезжает, — тихо произнес он.

— И я тоже, — сообщил Джуравиль. — Этой ночью, юный Эйдриан, мы оба отправимся на юг, туда, где постоянно дуют свирепые ветры, не позволяющие травам подняться во весь рост. Бринн Дариель и Белли'мар Джуравиль исчезают из поля зрения и из жизни Эйдриана Виндона.

— Но почему… я хотел сказать… почему никто не предупредил меня об этом? — спросил совершенно ошеломленный и растерянный мальчик.

— Потому что это никак не связано с замыслами госпожи Дасслеронд относительно тебя, — ответил Джуравиль. — Я никому не сообщу о твоем сегодняшнем дерзком поступке. А теперь иди и ложись спать, и пусть никогда… слышишь?.. никогда госпожа Дасслеронд не узнает, что ты оказался свидетелем того, чего не должен был видеть!

Эйдриан смотрел на эльфа, полностью сбитый с толку внезапностью событий.

— Я сказал: убирайся! — прошипел Джуравиль.

До мальчика даже не сразу дошло, что ноги уже несут его по лесным тропкам, туда, где на окраине Кер'алфара, под покровом ветвей, находилось его пристанище.

Как только Эйдриан бросился бежать, с берега вниз спустилась госпожа Дасслеронд. Глядя мальчику вслед, она остановилась рядом с Джуравилем, перебирая маленькой изящной рукой свои густые золотистые локоны. На лице предводительницы эльфов ясно читались тревога и страх.

— Когда я вынудил его заглянуть в собственное сердце, он не стал отрицать очевидное, — сказал Джуравиль.

— Меня пугает уже то, что для оправдания своих неблаговидных поступков он готов это отрицать, — сокрушенно отозвалась Дасслеронд. — Боюсь, как бы темная сторона Эйдриана не взяла в нем верх.

Белли'мар Джуравиль не ответил. Впрочем, госпоже Дасслеронд и не требовался его ответ. Последние несколько недель обитатели Кер'алфара с удивлением и некоторой опаской следили за поведением упрямого, своенравного и сильного Эйдриана Виндона — сильного настолько, что это ее пугало.

Правда, эльф теперь мог выкинуть эти мысли из головы, ибо его и Бринн ожидала долгая и опасная дорога. Они оба исчезали из жизни Эйдриана Виндона.

Во всяком случае, так тогда казалось Белли'мару Джуравилю.

ГЛАВА 5
К ВЗАИМНОЙ ВЫГОДЕ

За минувшие десять лет черты его лица стали еще острее и резче. В эти годы его жизнь была полна как озарений, так и разочарований. Путь, который прежде казался ему единственным путем к Богу, вдруг сделал неожиданный поворот, раскрыв истину завета Эвелина. Завет этот, принесший миру исцеление от розовой чумы, несколько изменил сознание Фио Бурэя — самого могущественного магистра Санта-Мир-Абель, занимающего третье место в иерархии церкви Абеля после отца-настоятеля Агронгерра и настоятеля Олина из монастыря Сент-Бонд абрис в Энтеле. Когда-то Бурэй был решительно настроен против тех абеликанских братьев, кто отваживался выйти за стены своих превратившихся в крепости монастырей, чтобы попытаться помочь жертвам розовой чумы. Магистр даже издевался и осыпал упреками своего собрата Фрэнсиса, когда тот, будучи более не в силах

слышать стоны умирающих, взял камень души, гематит, и вышел за крепкие стены Санта-Мир-Абель, чтобы хоть чем-то облегчить участь несчастных. Бурэй тогда открыто осмеивал благородные, но бесплодные усилия Фрэнсиса, который в конце концов сам пал жертвой розовой чумы.

Но средство исцеления было все-таки найдено. Им оказалось вкушение крови, истекавшей из высохшей руки брата Эвелина Десбриса, который погиб на горе Аида, сражаясь с демоном-драконом. Сегодня все шло к тому, чтобы причислить его к лику святых. Безумный монах, как его когда-то называли, всегда отличался человеколюбием и сострадательностью. Чрезмерной сострадательностью, как утверждали многие, включая и прежнего отца-настоятеля Далеберта Маркворта, которого Фио Бурэй считал своим наставником… Многое изменилось со времен правления Маркворта, и теперь каждый может открыто утверждать, что Эвелин в своих воззрениях был прав, а его приверженцы, боровшиеся за более человечное и великодушное отношение церкви к своей пастве, следовали Божьей воле, о чем красноречиво свидетельствовал дар Эвелина людям.

Новые воззрения не перечеркнули жизнь магистра Фио Бурэя, как случилось с самим Марквортом и его более фанатичными сторонниками, такими как магистр Де'Уннеро. Наоборот, со времени явления завета Эвелина положение Бурэя в ордене Абеля упрочилось. Отец-настоятель Агронгерр ныне находился в весьма преклонном возрасте, слабея не только телом, но и разумом. Магистрам из ближайшего окружения Агронгерра приходилось помогать ему буквально во всем, что касалось его обязанностей отца-настоятеля. А во главе этого окружения как раз и находился Фио Бурэй, который зачастую придавал речам и молитвам главы абеликанской церкви именно то направление, какое было выгодно самому Бурэю.

Несмотря на это, путь Бурэя к вершинам церковной власти не был ровным и гладким. Когда Хингас, временный настоятель Сент-Хонса, погиб на пути в Барбакан, куда он направлялся, чтобы вкусить крови завета Эвелина, Агронгерр предложил Бурэю возглавить монастырь в Урсале. Однако тот отказался; его помыслы были устремлены к более высокой цели, казавшейся ему достижимой, если он останется рядом с престарелым отцом-настоятелем. Именно этот пост был предметом всех его честолюбивых устремлений. За кончиной Агронгерра (неминуемой и скорой, как считал Бурэй) последуют выборы нового отца-настоятеля церкви Абеля. И эти выборы он считал своим единственным шансом.

Все складывалось исключительно удачно, как вдруг Агронгерр в один из редких моментов прояснения разума буквально ошеломил Бурэя и всех остальных присутствующих магистров. Отец-настоятель объявил, что не намерен называть своим преемником Фио Бурэя. Агронгерр вообще не назвал ни одного имени, а лишь выразил надежду, что выбор падет на аббата Хейни, возглавившего после него Сент-Бельфур в далеком Вангарде, хотя этот монах был чересчур молод и его едва ли могли избрать на такой пост.

— Видно, мне придется прожить еще с десяток лет, — тихим и слабым голосом произнес тогда Агронгерр, после чего сам рассмеялся над очевидной абсурдностью своих слов.

Столь недвусмысленное отрицание кандидатуры Бурэя всколыхнуло всех монахов Санта-Мир-Абель. Магистры, знавшие процедуру выборов и возможные последствия, не на шутку встревожились. Разумеется, никто из них не допускал, что избранным окажется «этот юнец» Хейни. Помимо Фио Бурэя единственным реальным претендентом оставался только настоятель Олин Жантиль, которого никто в Санта-Мир-Абель не желал видеть главой абеликанской церкви.

И действительно, способными противостоять Олину во всем ордене были только Фио Бурэй и, возможно, настоятель Сент-Прешес Браумин Херд. Однако при рассмотрении его кандидатуры возникало то же препятствие, что и в случае с Хейни. Настоятелю Сент-Прешес, как и многим из новой плеяды аббатов и магистров абеликанского ордена, недоставало опыта, чтобы заручиться поддержкой своих более зрелых и искушенных

собратьев, включая и тех, кто вовсе не симпатизировал настоятелю Олину.

Обеспокоенный этими соображениями, Фио Бурэй прибыл нынешней весной в Палмарис, чтобы затем отправиться в Кертинеллу на освящение часовни Эвелина. Кроме того, Бурэй рассчитывал потолковать с глазу на глаз с настоятелем Браумином и его ближайшими друзьями, дабы склонить их на свою сторону и обеспечить определенное число голосов, отданных за него.

Сойдя с парома, переправившего его через Мазур-Делавал, Фио Бурэй всем обликом своим являл впечатляющее зрелище: узкое лицо с орлиным носом, аккуратно подстриженные серебристо-серые волосы, застегнутая на все пуговицы темно-коричневая сутана, пустой левый рукав которой был засунут за пояс — в молодости Бурэй, работая в каменоломнях Санта-Мир-Абель, потерял руку. Когда он шествовал по оживленной палмарисской гавани, резвящиеся дети спешили убраться прочь с дороги, однако сам Бурэй воспринимал это исключительно как проявление должного уважения. Уважение со стороны других людей, вне зависимости от их возраста, всегда было для него предпочтительнее дружбы.

Фио Бурэя сопровождали шестеро молодых монахов. Они шли в две шеренги, почтительно держась на расстоянии трех шагов от магистра. Пока вся процессия добралась до Сент-Прешес, Бурэй успел вдоволь наслушаться обрывков уличных сплетен, и все они касались ухаживаний короля Дануба Брока Урсальского за баронессой Палмариса Джилсепони Виндон.

Однорукий магистр предусмотрительно прятал улыбку. Он провел немало времени в напряженных раздумьях, пытаясь сообразить, как бы извлечь для себя выгоду из этого. Джилсепони пользовалась уважением нынешней церкви, и Бурэй знал о ее дружбе с настоятелем Браумином. Если она займет место на троне, пойдет ли это на пользу его замыслам? А может, попытаться сделать так, чтобы она заняла другой, не менее важный пост?

Да, Фио Бурэю было трудно скрыть улыбку.

Король Дануб считался опытным наездником. Он пустил свою лошадь наперерез Джилсепони, скакавшей на Грейстоуне.

Джилсепони резко натянула поводья; ее конь взбрыкнул, почти встав на дыбы, и издал недовольное ржание. Всадница тоже была не прочь высказать свое недовольство, но смех Дануба развеял ее досаду.

— И ты пыталась убедить меня сесть на эту черепаху, уверяя, что он лучше моего скакуна? — насмешливо спросил король, пришпорив жеребца.

Лошадь Дануба опустила голову, прижала уши и понеслась по широкому полю, которое начиналось сразу за Чейзвинд Мэнор.

Застигнутая врасплох поступком короля и его настроением, Джилсепони даже не нашла, что ответить Данубу. Она пробормотала что-то невразумительное, но приняла вызов, пришпорив Грейстоуна.

Ее серый белогривый конь встрепенулся. Прежде Грейстоун был любимой верховой лошадью барона Рошфора Бильдборо, и не без основания. Сейчас Грейстоуну было уже более двадцати лет, но бег его по-прежнему сохранял резвость. Благородный скакун вытянул свою изящную, но крепкую шею и рванулся вслед за жеребцом Дануба, с каждым прыжком сокращая расстояние между ними.

— Значит, я пыталась его убедить… — повторила Джилсепони слова короля и воскликнула, обратившись к Грейстоуну: — Давай-ка покажем ему!

Тот не подвел хозяйку и быстро нагнал серого в яблоках жеребца короля, сделав это без особого напряжения, — ведь его всадница была на добрую сотню фунтов легче, чем Дануб!

А каким неоспоримым изяществом отличались лошадь и всадница, настолько гармонично дополнявшие друг друга, что казались единым целым. Как плавно и грациозно неслись они по полю! Грейстоун оставил позади не только королевского коня. Где-то

вдалеке осталась и досада Джилсепони. Дануб озорно улыбался, всем своим видом показывая, что хотел просто подразнить ее. Когда она подумала об этом, то поняла: внезапно бросившись наперерез, король таким образом выразил свое восхищение ее искусством ездить верхом. Дануб доверял ее умению и чутью и даже не подумал уберечь от возможной опасности, что частенько пытались сделать другие.

Теперь Джилсепони уже улыбалась. Она осадила Грейстоуна, а затем перевела коня на быстрый шаг. В это время к ней подъехал король Дануб.

— Я же говорила вам, что Грейстоун — лучший скакун в моей конюшне, — сказала баронесса.

— Это удивительно, учитывая его возраст, — согласился Дануб, качая головой. — Он прекрасен. Таких коней мне не доводилось видеть, за исключением одного великолепного жеребца по имени Дар…

На последних словах король запнулся и с беспокойством взглянул на Джилсепони.

Он знал, что пробуждает в ней болезненные воспоминания. И действительно, мысли баронессы устремились к тем далеким дням, когда она вместе с Элбрайном странствовала по лесам на Даре, сражаясь с гоблинами, поври и великанами. Она попыталась скрыть свою боль от короля, но тень, мелькнувшая в голубых глазах Джилсепони, выдала ее истинные чувства. Дара она не видела с прошлого лета, когда навещала могилу Элбрайна.

Могила Элбрайна. Его последнее пристанище на земле, где лежит его безжизненное холодное тело, а она в это время развлекается скачками по полям в обществе другого мужчины…

— Пожалуйста, прости меня, — посуровев лицом, произнес Дануб. — Поверь, я не хотел…

Джилсепони мягко улыбнулась и жестом попросила его не продолжать. В конце концов, король не повинен в нахлынувших на нее воспоминаниях. Если во время скачки он отнесся к ней как к равной, не стоит и здесь делать ей скидок на женскую слабость.

— Вы тут ни при чем, — спокойно ответила она. — Мне действительно пора перестать пестовать свое горе и начать радоваться жизни так, как я радовалась ей, когда был жив Элбрайн.

Она изо всех сил старалась, чтобы эти слова соответствовали ее внутреннему состоянию.

— Он был прекрасным человеком, — искренне сказал Дануб.

— Я любила его всем сердцем и душой, — ответила Джилсепони, глядя королю прямо в глаза. — Не знаю, смогу ли я когда-нибудь полюбить кого-то другого так же горячо, — призналась она. — Вы готовы принять жестокую правду этих слов?

Король, не ожидавший от собеседницы подобной прямоты, опешил. Но вскоре его лицо разгладилось и на нем появилось удовлетворенное выражение.

— Своими искренними словами ты оказываешь мне большую честь, — произнес он. — Я вполне понимаю твое состояние; ведь я тоже испытывал в свое время настоящую любовь. Я хотел бы рассказать тебе про королеву Вивиану. Возможно, нынешним же вечером.

Эти слова он произнес непринужденным тоном, однако взгляд Джилсепони оставался серьезным.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — сказала она.

Король Дануб глубоко вздохнул, пытаясь скрыть свою растерянность.

— Вот ты скачешь на Грейстоуне, — произнес он. — Станешь ли ты отрицать, что между тобой и лошадью возникли особые узы?

Баронесса наклонила голову, глядя на белую с золотистым отливом гриву Грейстоуна.

— А встречала ли ты коня, величественнее и прекраснее, чем Дар? — спросил король.

Джилсепони взглянула на него с удивлением.

— Тем не менее ведь тебе нравится ездить на Грейстоуне, — продолжал Дануб.

Баронесса улыбнулась, и от ее улыбки сердце короля радостно забилось.

— Моя лошадка, конечно, уступает Грейстоуну, — неожиданно заметил он, тронув

поводья. — Но, боюсь, твой жеребец слишком стар, чтобы выдержать еще одну бешеную скачку!

С этими словами Дануб пришпорил коня и понесся по направлению к Чейзвинд Мэнор.

— В этот раз тебе меня не обогнать!

Джилсепони не могла спорить; Грейстоун и в самом деле тяжело дышал и поводил боками. Где ему угнаться за более молодым скакуном?

Можно и не гнаться, лукаво улыбнувшись, решила баронесса. Поле слегка заворачивало вправо, огибая небольшую рощу.

К этим-то деревьям она и направила Грейстоуна. И коню, и всаднице был хорошо известен этот путь. Правда, там приходилось перепрыгивать через поваленные деревья, зато дорога была намного короче той, что избрал Дануб.

Король был несказанно удивлен, когда, обогнув рощу с другой стороны, увидел впереди неспешно шествующего Грейстоуна и торжествующую Джилсепони.

Дануб рассмеялся. У него все замирало внутри при виде этой прекрасной женщины с густыми светлыми волосами, сверкающими на солнце. Король не лгал, говоря, что они оба испытывают одинаковые чувства по отношению к своим ушедшим любимым. И тем не менее все-таки было одно существенное различие, о котором он не собирался говорить вслух. Да, Дануб Брок Урсальский любил Вивиану — женщину, которую он сделал своей королевой. Но тогда он был совсем молодым человеком; к тому же он относился к супруге совсем не так, как сейчас к Джилсепони. Все, что было связано с баронессой — ее красота, изящные движения, мужество, ум, слова и даже мысли, — отзывалось в его сердце, заставляя чувствовать себя юношей, трепещущим от любви. Ему хотелось стремительно нестись на лошади по залитым солнцем пригоркам или плыть в неведомую даль. Джилсепони вторгалась в его мысли и сны. Вивиану он любил совсем не так, не с такой всепоглощающей и безнадежной страстью. Но сможет ли он удовлетвориться тем, что недавно услышал от баронессы, с ее искренними до жестокости словами? Смирится ли он с тем, что она никогда не будет любить его так, как любила Элбрайна? Достаточно ли ему будет лишь части той любви?

Мне придется согласиться, признался себе Дануб. Глядя на Джилсепони Виндон — женщину, завладевшую его сердцем и душой, — король знал, что у него нет иного выбора.

Смотря на нее, слушая каждое ее слово, Дануб сознавал: даже часть ее чувств к нему и то была бы больше того, чего он заслуживал.

— До сих пор она отказывала королю, — заметил Фио Бурэй, когда они с настоятелем Браумином Хердом уселись на верхней площадке высокой сторожевой башни аббатства Сент-Прешес.

Магистра Виссенти Бурэй отослал с каким-то поручением, скорее всего наскоро выдуманным, чтобы остаться наедине с Браумином.

— Отказывала, потому что знала настоящее чувство, — ответил тот. Херду не слишком нравились попытки его собеседника осудить Джилсепони. — Она всем сердцем любила Элбрайна. Боюсь, едва ли чье-то чувство может хоть в малой степени сравниться с его любовью.

Настоятель Сент-Прешес догадывался, какой ответ он услышит от однорукого магистра, и не ошибся.

— Дануб — король Хонсе-Бира, самый могущественный человек в землях Короны.

— Даже он меркнет в сравнении с Полуночником, — заметил Браумин. — Даже отец-настоятель абеликанского ордена…

— Думайте, что говорите, — резко перебил его Фио Бурэй, однако быстро совладал с собой, и черты его сурового лица несколько смягчились. — Брат мой, я восхищаюсь вашей любовью и уважением к этому человеку, но не следует впадать в святотатство. Вы едва ли прибавите славы павшему герою, вознося его столь высоко над прочими смертными. Его подвиги — еще не повод…

— Нет, повод, — теперь уже Херд перебил своего старшего собрата, изо всех сил пытаясь не показать закипавшего внутри раздражения. — Он совершил более великие деяния, чем любой человек, любой король и отец-на…

— Довольно! — воскликнул Фио Бурэй и рассмеялся. — Сдаюсь, мой дорогой аббат Браумин!

Его тон и дружеское обращение застали Браумина Херда врасплох, он никак не ожидал от магистра Бурэя столь необычного поворота их беседы.

— В таком случае, вы не можете обвинять Джилсепони, если ее сердце не принимает ухаживаний другого мужчины, пусть даже он и правит Хонсе-Биром.

Кивнув, Бурэй улыбнулся, после чего тяжело вздохнул.

— Вы правы, — печально согласился он, — однако для королевства будет лучше, если баронесса Джилсепони все же отыщет в своем сердце уголок для короля Дануба.

Настоятель Браумин с любопытством смотрел на магистра.

— Джилсепони поддерживает церковь Абеля, — пояснил Фио Бурэй. — А в нынешнее время процветания и спокойствия упрочение связей между церковью и государством может принести только благо.

Только бы не обнаружить перед гостем своих сомнений, думал Браумин Херд. Он знал Бурэя в течение многих лет. Несомненно, магистр, как и многие абеликанские братья, принял откровение завета Эвелина, изменившее ход жизни в лучшую сторону. Однако Бурэй так и остался своекорыстным человеком. Его честолюбие не исчезло, и он был полон решимости занять в свое время место отца-настоятеля абеликанского ордена. Куда он гнет? Неужели приезд Фио Бурэя в Палмарис и его похвальные отзывы о Джилсепони и об открывающейся для нее возможности стать королевой не более чем попытка склонить Браумина на свою сторону? Однорукий магистр, догадывался Херд, знал, что, когда настанет время выбирать нового отца-настоятеля, магистры Сент-Прешес — Кастинагис, Виссенти и Талюмус — поддержат выбор, сделанный самим Браумином.

— Возможно, весной, — произнес он после некоторого молчания, и непонятное замечание Херда вызвало недоуменный взгляд его собеседника.

— Я хотел сказать, возможно, весной будущего года Джилсепони сократит наконец расстояние, разделяющее ее и короля Дануба, — пояснил Браумин. — Она согласилась следующим летом отправиться в Урсал. Скорее всего, это будет первым шагом на ее пути к трону.

Магистр Бурэй откинулся на спинку стула и тщательно обдумал услышанное.

— Вы считаете, если король сделает ей предложение, баронесса Джилсепони его примет?

Браумин пожал плечами.

— Я не берусь утверждать, будто знаю, что у Джилсепони на сердце, — ответил он. — Могу лишь сказать, что она продолжает любить Элбрайна и после его смерти. Я искренне восхищаюсь терпением и упорством короля Дануба. Думаю, баронессу эти качества тоже привлекают. Быть может, она найдет в своем сердце место и для короля. А может, этого не случится.

— Похоже, вы не отдаете предпочтения ни одному из возможных решений баронессы, — подытожил Бурэй.

Настоятель Сент-Прешес только пожал плечами, ибо, откровенно говоря, так оно и было. Он с симпатией относился к королю Данубу и уважал его ненавязчивое и терпеливое ожидание ответа Джилсепони. Король позволял ей самой определять ход развития их отношений, хотя с легкостью мог бы проявить здесь собственную волю. Но Браумину, который и после смерти Элбрайна оставался безоговорочно верен дружбе с ним, в возможном сближении Джилсепони с Данубом иногда виделось предательство по отношению к своему покойному другу, и ему было трудно побороть это ощущение — пусть и не совсем справедливое.

Тонкие пальцы Фио Бурэя с безукоризненно ухоженными ногтями нервно пощипывали

острый подбородок.

— Думаю, есть способ, посредством которого мы могли бы достичь желаемых перемен вне зависимости от того, какое решение примет баронесса, — наконец произнес он.

Настоятель Браумин и не думал скрывать своего недоверия к подобным замыслам, равно как и к источнику, из которого они исходили.

— Как свидетельствуют очевидцы, король Дануб сейчас находится в прекрасном настроении, — пояснил магистр. — Возможно, нам удалось бы убедить его согласиться на небольшие изменения в управленческой иерархии Палмариса.

— Какие именно?

— Что вы скажете насчет вторичного появления в Палмарисе епископства? — осведомился Бурэй. — Но предложить на пост епископа кандидатуру, которая куда в большей степени удовлетворила бы короля Дануба, нежели Маркало Де'Уннеро.

Если бы Фио Бурэй сейчас встал и, обойдя вокруг столика, ударил аббата Браумина по лицу, наверное, даже это ошеломило бы его меньше.

— Когда король находится в обществе Джилсепони, его прекрасное настроение кажется вполне естественным, — сказал Херд. — Но это не значит, что он позабыл мрачные дни правления епископа Де'Уннеро! У короля Дануба прекрасная память. Даже если бы вам удалось уговорить его вновь учредить епископство в Палмарисе, я ни за что не согласился бы занять этот пост. Нет, дорогой брат, обязанности настоятеля Сент-Прешес и так достаточно тяжелы, чтобы взваливать на свои плечи еще и светское правление.

По лицу его собеседника скользнула усмешка.

— Вы? — переспросил он. — Король Дануб едва ли согласился бы сделать вас епископом, да и церковь тоже, хотя вы прекрасно справляетесь со своими обязанностями.

Нет, дорогой брат Браумин, сообразно моему замыслу, нынешний настоятель Сент-Прешес должен был бы временно занять другое место. Только тогда епископство в Палмарисе станет возможным.

Слова Бурэя более встревожили, нежели заинтриговали Браумина, однако он воздержался от возражений и продолжал внимательно слушать однорукого магистра.

— Вскоре нам предстоит освятить часовню Эвелина, — продолжал тот. — Конечно, это не монастырь, но и население Кертинеллы пока не так невелико, а для возведения монастырских стен требуется время. Однако никто не сомневается, что Эвелин совсем скоро будет причислен к лику святых; похоже, теперь осталось лишь соблюсти необходимые формальности. А скромная часовня достаточно быстро станет частью будущего монастыря, который, без сомнения, вскоре сделается одним из важнейших в нашем ордене. Он станет воротами на север; ведь и по сей день немало людей желают совершить паломничество к горе Аида, дабы поцеловать нетленную руку Эвелина Десбриса.

— Итак, вы предлагаете мне оставить Сент-Прешес и стать священником часовни Эвелина? — недоверчиво спросил Браумин.

— Это было бы самым разумным решением, — без колебаний ответил Бурэй.

Он резко повернулся на стуле, отчего пустой левый рукав сутаны покачнулся.

— Будет лучше, если именно вы станете первым священником этой часовни. Ведь вы раньше, чем кто-либо из священнослужителей, отдали свое сердце Эвелину Десбрису. И кому, как не вам, способствовать в дальнейшем превращению часовни в монастырь?

Какая-то часть существа Браумина Херда с радостью внимала словам однорукого магистра. Для него и в самом деле было бы честью видеть, как восходит к славе монастырь, воздвигаемый в честь геройски погибшего Эвелина. По правде говоря, его уже давно тяготили обязанности настоятеля аббатства, стоявшего в центре большого, шумного города, — вся эта череда свадеб, похорон и иных обрядов. Кертинелла обещала желанный отдых. Меньший круг обязанностей вовсе не означал понижения в звании. Его пребывание на посту священника продолжалось бы некоторое время, гарантируя достаточно скорое возвращение в Сент-Прешес.

— Ваша служба в Кертинелле не продлилась бы долго, — заверил Фио Бурэй, словно

прочитав его мысли. — Возможно, только до весны будущего года.

Браумин окинул собеседника долгим пристальным взглядом. Он не торопился принимать слова магистра за чистую монету. Настоятель Сент-Прешес достаточно хорошо его знал, чтобы понимать: за внешней приманкой непременно кроется какая-то интрига, связанная с личными интересами самого Фио Бурэя.

— Вы предлагаете мне отправиться в Кертинеллу, освобождая для вас место в Палмарисе? — осведомился он, полагая, что докопался наконец до истинных замыслов однорукого магистра.

Смех Бурэя поверг настоятеля Сент-Прешес в еще большее замешательство.

— Ни в коем случае! — с явной искренностью возразил он.

— Даже если бы я заговорил об этом с королем Данубом, — продолжал Браумин, — даже если бы я попросил Джилсепони поговорить с ним об этом и она бы согласилась, сомневаюсь, чтобы король решился на такой шаг. Он и по сей день помнит печальный опыт с правлением первого епископа…

Фио Бурэй смеялся все громче, и Браумин умолк.

— Уверяю вас, я не жажду стать епископом Палмариса и не принял бы подобного предложения, даже если бы оно исходило от самого Бога, — заявил однорукий магистр. — Я прибыл сюда как официальный посланник Санта-Мир-Абель, дабы присутствовать на открытии часовни Эвелина в Кертинелле. Не скрою, меня интересовало, как складываются отношения между королем Данубом и Джилсепони. После освящения часовни я пробуду в Палмарисе не более двух недель, а потом вернусь к своим обязанностям первого советника отца-настоятеля Агронгерра. Нет, дорогой брат Браумин, у меня нет ни малейших намерений осесть в Палмарисе и занять место настоятеля в вашем драгоценном Сент-Прешес! Простите уж за невольный каламбур.[1]

Херд прищурил глаза. Изощренные умопостроения, которые плел Фио Бурэй, на первый взгляд казались ему лишенными логики. Если не Браумин и не сам Бурэй, кого же однорукий магистр прочил на пост епископа? Возможно, человека из своего окружения, магистра Гленденхука. Но и такой шаг представлялся Браумину совершеннейшей бессмыслицей. Какую выгоду принесло бы это Бурэю в его борьбе за вожделенное кресло отца-настоятеля? Гленденхук и так обладал полноправным голосом на Коллегии аббатов. И что вообще давало бы назначение отнюдь не обладающего способностями дипломата Гленденхука на столь влиятельный пост? Вот уж действительно паутина, составленная из непонятных Браумину хитросплетений!

— После падения отца-настоятеля Маркворта и бегства епископа Де'Уннеро король Дануб не согласится на назначение епископом человека из рядов церкви, — пояснил Фио Бурэй. — Однако у нас имеется возможность потрафить королю, намекнув ему, что та, кто ныне олицетворяет светскую власть в Палмарисе, могла бы успешно совместить ее с властью духовной.

Браумин молчал, переваривая услышанное. Если он правильно понял слова сурового магистра из Санта-Мир-Абель, Бурэй только что заявил, что согласен видеть Джилсепони, которая официально даже не принадлежала к абеликанскому ордену, начальствующей сестрой Сент-Прешес — третьего по значимости монастыря Хонсе-Бира. Когда до него окончательно дошел смысл сказанного Бурэем, у аббата Херда изумленно округлились глаза.

— В этом есть непреложный смысл, — возразил однорукий магистр, видя сомнения своего собеседника. — Это пошло бы во благо и церкви, и государству. Баронесса Джилсепони показала себя умелой светской правительницей. Никто не решится отрицать ее влияние и внутри церкви. Если предложить королю такой выбор, он вряд ли сможет отказать Джилсепони. И вот что тогда получится. Либо Дануб будет рад, что светская власть пробивает дорогу к вершинам власти церковной, либо окажется в водовороте столь

---

[1] В оригинале хорошо видна игра слов: precious (драгоценный) и St. Precious. — Прим. перев.

яростного противоборства между собственными сердцем и разумом, что не сумеет воспротивиться нашему предложению.

— Вы говорите так, будто сама Джилсепони жаждет стать епископом, — заметил Браумин, для которого умозаключения Бурэя по-прежнему звучали не слишком-то убедительно.

— Я полагаю, что здесь вы могли бы повлиять на баронессу и, осмелюсь сказать, даже попытаться заставить ее принять этот титул, — поправил его Бурэй. — Если вы представите ей это назначение как возможность способствовать упрочению дела Эвелина, возражений у нее, скорее всего, не возникнет. А если вы постараетесь поднять этот вопрос выше вашей дружбы — на уровень долга, — она согласится безоговорочно.

— В этом вы не можете быть уверены полностью, — спокойно возразил настоятель Сент-Прешес. — Ваши слова показывают, что в действительности вы не слишком хорошо знаете характер Джилсепони.

— И вы, я полагаю, тоже, — не задумываясь парировал Бурэй. — Но мы можем узнать ее характер еще задолго до того, как явимся к королю Данубу с этим предложением. Прошу вас, дорогой брат, тщательно обдумайте мои слова. Если вы поддержите мой замысел, у вас будет возможность возглавить часовню Эвелина в самое судьбоносное для нее время. Вы увидите, как она начнет превращаться в монастырь. У вас будет возможность самостоятельно приглашать зодчих, набирать работников для строительства, равно как и способствовать скорейшей и заслуженной канонизации брата Эвелина.

— Кажется, вы никогда не являлись особым сторонником воззрений Эвелина Десбриса, — напомнил ему Браумин. — Вы находились на стороне Маркворта, когда он объявил Эвелина еретиком и приговорил магистра Джоджонаха к сожжению у позорного столба.

Вопреки желанию Херда говорить жестко и сдержанно, когда он произносил последние слова, голос его непроизвольно дрогнул. Они сразу же вызвали в памяти картину чудовищной по своей несправедливости расправы над магистром Джоджонахом — его наставником и самым близким другом. Тогда безупречный брат Браумин мог лишь беспомощно наблюдать, как Маркворт вместе со своими приспешниками вначале обвинили Джоджонаха в пособничестве Эвелину, а потом предали жестокой казни. И хотя многие из тогдашних приверженцев Маркворта, в том числе и Фио Бурэй, впоследствии осудили тот чудовищный приговор и признались в собственных заблуждениях, зрелище расправы над Джоджонахом навсегда осталось в памяти настоятеля Браумина.

— После тех откровений, что предстали передо мной в мрачные дни чумы, я не могу противиться канонизации брата Эвелина, — произнес Бурэй. — Поверьте, я не настолько неразумен и горд, чтобы отказываться признавать свои заблуждения. Все мы осознали, что действия отца-настоятеля Маркворта и тех, кто придерживался его взглядов, были, если выразиться наиболее мягко, ошибочными. Хотя еще не известно, было его заблуждение осознанным или же просто продиктовано благими, однако неверными по своей сути намерениями. Спорить об этом будут еще не один десяток лет, — быстро добавил он.

Браумин Херд знал: Фио Бурэй, может, и способен признать ошибку в суждении, но он никогда открыто не сознается в совершенном грехе.

— По-моему, все, о чем я говорил, должно отвечать чаяниям аббата Браумина, рисковавшего жизнью, поддерживая дело Эвелина. Ведь в немалой степени благодаря вам стала возможной победа его воззрений.

Настоятелю Сент-Прешес совершенно не понравились эти слова.

— Вы не можете отрицать очевидного, — продолжал магистр Бурэй. — Я бы даже сказал, не должны. Вы правильно выбрали позицию и действительно серьезно рисковали собственной жизнью. Вполне справедливо, что теперь вы получите награду за дальновидность и смелость. Я ни на секунду не сомневаюсь в искренности вашего выбора и действий и предлагаю возможность осуществить вашу миссию глашатая воззрений Эвелина Десбриса и магистра Джоджонаха.

Последние крупицы искушения — восстановление доброго имени Джоджонаха, — на это настоятелю Браумину трудно было не поддаться. Он почитал Эвелина и высоко ценил заслуги безумного монаха, но ему не приходилось встречаться с ним. С магистром же Джоджонахом его связывало несколько лет тесной дружбы. Неудивительно, что дань уважения своему погибшему наставнику занимала мысли Браумина сильнее даже, чем канонизация Эвелина. Более того: если бы настоятелю Сент-Прешес было предоставлено право решать, кого из этих, без всякого сомнения, достойных людей канонизировать первым, он отдал бы предпочтение Джоджонаху.

И Фио Бурэй явно догадывался об этом.

— Одного я только не пойму, мой дорогой брат: если вы относитесь к Джилсепони с таким почтением, почему вы опасаетесь увидеть ее епископом Палмариса? — продолжал однорукий магистр.

— А я никак не пойму причину, заставляющую вас столь сильно желать ее избрания на этот пост, — без обиняков ответил ему Браумин.

— Обыкновенное благоразумие, — произнес однорукий магистр. — Появилась возможность, которую мы никак не должны упустить. Король Дануб настолько очарован баронессой, что не сможет отказать ей в подобной просьбе. Пусть король думает, что тем самым он в большей степени распространит светское влияние на церковь. Мы-то с вами знаем: назначение Джилсепони епископом возымеет прямо противоположное действие. Да, она баронесса по титулу, но сердце ее не глухо к делам церкви. Она доказала это своим подвигом в годы розовой чумы. Достаточно сказать, что Бог и Эвелин именно ее сделали вестницей завета.

Король Дануб согласится на ее назначение. — Речи Бурая продолжали литься нескончаемым потоком. — Однако Джилсепони недолго пробудет епископом. Как только она изъявит согласие принять предложение короля Дануба и взойдет на трон Хонсе-Бира, ее преемником станет уже человек церкви. И тогда от нас будет зависеть, кого мы пожелаем видеть на этом посту.

Снедаемый любопытством, Браумин пытался следить за вязью хитроумных замыслов Бурэя. У него просто волосы на затылке шевелились, когда он видел, с какой внешней простотой его собеседник выкладывает мозаику своих интриг. Логика рассуждений однорукого магистра была неопровержимой. Скорее всего, Дануб действительно согласится с назначением Джилсепони епископом. Когда же она станет его женой и королевой, пост епископа сохранится, король вряд ли вознамерится его упразднить. И если заручиться поддержкой со стороны Джилсепони, следующим епископом действительно станет человек из церковных кругов.

— Браумин, епископ Палмарисский — не правда ли, звучит величественно? — сказал Фио Бурэй. — Джилсепони, полагаю, вас поддержит, более того, даже будет настаивать на вашем назначении. А король Дануб, пребывая в блаженном состоянии в ожидании свадьбы, выполнит и это пожелание своей будущей супруги.

Аббат Браумин долго глядел на собеседника, следя за каждым его жестом и изо всех сил стараясь понять истинный смысл слов, столь удивительных и непривычных для лексикона однорукого магистра.

Вы, наверное, думаете, что искушаете меня, тогда как на самом деле вам вряд ли удастся проникнуть в мое сердце, — наконец произнес настоятель Сент-Прешес. — Я не поставлю личную выгоду выше благополучия Джилсепони, которую считаю едва ли не самым дорогим своим другом. Я не стану вовлекать ее ни в один замысел, способный нанести ей вред.

— Но откуда у вас уверенность, что назначение Джилсепони епископом причинит ей вред? — удивленно осведомился Фио Бурэй. — Она же сама не единожды утверждала, что избрала в жизни путь служения Богу. Мы могли бы поднять ее на такую высоту, где возможности подобного служения неизмеримо возрастают. Вы не верите, что она увидит в этом именно благоприятную возможность?

— Благоприятную возможность для самой Джилсепони или для абеликанского ордена? — напрямую спросил Браумин.

— Для них обоих, — ответил Бурэй, утомленно махнув рукой. — Думаю, что даже если бы это сулило благо только для церкви, Джилсепони все равно следовало бы согласиться на этот шаг. И вам тоже, дорогой брат, вместо того чтобы терзать меня своими расспросами и сомнениями! Ваша обязанность перед церковью здесь не выглядит такой уж сложной, аббат Браумин. Вы должны убедить Джилсепони принять пост епископа и оставаться на этом посту до тех пор, пока для нее не настанет время занять место на троне рядом с королем Данубом. Этот союз, если бы он состоялся, сделал бы узы церкви и государства крепкими, как никогда ранее, и значительно усилил бы влияние церкви Абеля.

— Значит, вы собираетесь сделать из Джилсепони марионетку, которой надеетесь без труда управлять? Вы рассчитываете, что в церкви все будет оставаться по-прежнему, а духовная власть епископа никак не коснется наших патриархальных устоев, — упрекнул собеседника настоятель Сент-Прешес. — Вы хотите воспользоваться известностью Джилсепони лишь в интересах церкви, забывая о собственных интересах баронессы. Согласен, король Дануб, скорее всего, подыграет вашим замыслам. Вряд ли он сможет отказать Джилсепони в этой просьбе. Итак, играя на чувствах короля, орден получит управляемое им епископство в Палмарисе. Даже если оно и будет упразднено с отъездом Джилсепони, церковь все равно получит изрядную выгоду. Вы верно рассчитали, что само назначение Джилсепони на пост епископа будет способствовать возрастанию любви и уважения к церкви простого народа. Знаете, магистр Бурэй, я не считаю ваши замыслы злокозненными. Но меня тревожит, когда моих друзей собираются превратить в средство для достижения чьих-то целей. Что бы вы здесь ни говорили, самой Джилсепони епископство не даст возможности действовать по своему усмотрению. Да, официально она станет начальствующей сестрой Сент-Прешес, однако не будет обладать значительной духовной властью. Сан епископа обернется для нее ничем, и Джилсепони лишится какой-либо власти, едва только покинет Палмарис.

Последние слова Браумина вызвали у Фио Бурэя взрыв громкого смеха.

— Она покинет Палмарис, чтобы стать королевой! — возразил однорукий магистр, словно этот довод должен был мгновенно утихомирить строптивого аббата. — Вы неверно оцениваете положение Джилсепони, дорогой брат. Известность — это тоже власть и весьма значительная сила. Такова непреложная истина, которую напрасно пытаются опровергнуть все те, кто прозябает в безвестности. И в Палмарисе, и в любом другом месте Джилсепони будет обладать властью, не прилагая к этому почти никаких усилий. В один прекрасный день она станет — мало кто сейчас сомневается в этом — королевой, и если мы поведем себя мудро и дальновидно, то даже тогда сохранит свое влияние на церковь. Я вовсе не собираюсь пользоваться известностью Джилсепони и расположением к ней короля Дануба, чтобы затем отшвырнуть ее как ненужную сломанную куклу. Ни в коем случае, ибо это означало бы для нас величайший проигрыш! Нет, друг мой. Я твердо убежден, что Джилсепони Виндон заслужила право весомого голоса в кругах церкви: и как епископ, если наши замыслы осуществятся, и в любом другом качестве. Возможно, став королевой, она распространит свою власть и на Сент-Хонс. Она вполне может стать начальствующей сестрой, ибо в этом монастыре по-прежнему недостает опытных и чистосердечных людей!

Аббат Браумин оцепенел. Разум его блуждал по лабиринтам умозаключений однорукого магистра и по-прежнему не находил в них особого смысла. Даже после явления завета Эвелина, даже после того, как церковь изменила отношение к безумному монаху и его сторонникам, признав их истинными абеликанцами, Фио Бурэй противился переменам в окостеневшей структуре церковной власти. Всякий раз, когда речь заходила о более тесном сближении Джилсепони с церковью, он высказывал недовольство. Магистр Бурэй скрепя сердце соглашался видеть ее настоятельницей Сент-Гвендолин — единственного монастыря, традиционно возглавляемого женщинами, но не более того. И вдруг теперь он убеждает его в том, что следует связать Джилсепони с церковью более тесными узами.

— До сих пор не случалось, — продолжал Бурэй, — чтобы правящая королева Хонсе-Бира участвовала в очередной Коллегии аббатов. Уверяю вас, Коллегия будет созвана достаточно скоро, учитывая преклонный возраст отца-настоятеля Агронгерра и его неуклонно слабеющее здоровье.

«Что нужно Бурэю от Джилсепони? — задал себе вопрос настоятель Сент-Прешес. — Просто присутствие на Коллегии? Или поданный ею голос? Не за этим ли явился в Палмарис однорукий магистр? Решил залатать старые пробоины, поскольку ему необходимы союзники на грядущих выборах отца-настоятеля? Но если это так, зачем он добивается именно голоса Джилсепони?»

— А не будет ли вам, досточтимый магистр Бурэй, легче добиваться избрания себя отцом-настоятелем, если Коллегия аббатов пройдет без участия Джилсепони? — спросил наконец он. — Общеизвестно, что есть служители церкви, которым она отдает большее предпочтение, нежели вам.

— Те, кому она отдает предпочтение, еще не готовы занять высший пост в церкви, — с такой же прямотой ответствовал гость из Санта-Мир-Абель.

— Вы говорите так, словно отец-настоятель Агронгерр уже лежит в могиле, — поморщившись, заметил Браумин Херд.

— Жива лишь телесная оболочка отца-настоятеля Агронгерра. Все остальное в нем мертво, — произнес однорукий магистр.

Слова эти были достаточно жесткими, но Браумину было трудно упрекнуть Бурэя, ибо в его обычно холодном голосе неожиданно прозвучала нотка сострадания, проявилась симпатия к немощному старику. Возможно, годы, проведенные рядом с Агронгерром — человеком мягким и кротким, — все же благотворно сказались на суровом монахе.

— Он мало что помнит, забывая иногда даже собственное имя, — продолжал однорукий магистр, понизив голос. — Агронгерр оказался образцовым отцом-настоятелем, намного превзойдя все мои ожидания. Как вы знаете, когда Агронгерра избирали на этот пост, я не был его сторонником. Но сейчас ему недолго оставаться с нами, я совершенно в этом уверен. Возможно, несколько месяцев; может, год или даже два, но не больше. Говорю это вам не из стремления поскорее занять его место, хотя и считаю себя наиболее подходящим преемником отца-настоятеля Агронгерра. Нет, это на самом деле так, и правда известна не только мне, но и другим братьям в Санта-Мир-Абель, входящим в его окружение. Все мы видим, как с каждым днем он слабеет и разум его угасает.

Аббат Браумин откинулся на спинку стула, свел руки и принялся постукивать кончиками пальцев. Он изучающе глядел на Бурэя, пробуя разгадать, что же действительно было скрыто за его словами. Пытался ли он склонить собеседника на свою сторону, чтобы завоевать голоса друзей и сторонников настоятеля Сент-Прешес: Виссенти, Кастинагиса, Талюмуса? Сюда же надо добавить голоса магистра Делмана из Сент-Бельфура и, возможно, Хейни — настоятеля этого далекого северного монастыря. Несмотря на то, что Делман давно обосновался в Сент-Бельфуре, он оставался верным Браумину Херду и своим друзьям из Сент-Прешес. Хейни, молодой настоятель, сменивший Агронгерра, при голосовании будет, вероятнее всего, ориентироваться на более искушенного в церковной политике Делмана.

Но какое место в своих замыслах отводил Бурэй для Джилсепони? Рассчитывал ли он своим внешне почтительным отношением к ней завоевать расположение Браумина? Или же действительно хотел, чтобы на Коллегии был услышан ее голос?

Мысль о том, что Фио Бурэй добивается лишь собственного избрания на высший в церковной иерархии пост, полностью выбивала Браумина из колеи. Нет, однорукий магистр, разумеется, был прав, заметив, что он, Браумин Херд, слишком молод и неопытен для избрания отцом-настоятелем. Учитывая быстрое падение Маркало Де'Уннеро, сложности в Сент-Хонсе, где управлял уже второй по счету новый настоятель, и крайне шаткое положение внутри аббатства Сент-Гвендолин, жестоко опустошенного розовой чумой и так и не сумевшего оправиться от потерь… Если Браумин считается молодым настоятелем, то аббат Хейни еще моложе него и обладает еще меньшим опытом. Из всех прежних

настоятелей и магистров единственным соперником Бурэя оставался аббат Олин Жантиль из Сент-Бондабриса, расположенного в Энтеле. Десять лет назад он был серьезным соперником Агронгерра на тогдашней Коллегии аббатов, и за все эти годы положение Олина еще более упрочилось. Но в позициях настоятеля Сент-Бондабриса имелось одно слабое звено, единственное темное пятно на его репутации. В свое время сторонники Агронгерра умело воспользовались его уязвимыми сторонами, чтобы помешать его избранию. Олин был весьма тесно связано с Бехреном — государством, с которым Хонсе-Бир граничил на юге. Ни у кого из его предшественников не складывалось таких близких и доверительных отношений с южными соседями. В настоящее время Хонсе-Бир не воевал с этим государством, однако отношения между ними нельзя было назвать добрососедскими. Более того, орден Абеля и бехренские ятолы вообще никогда не отличались взаимным дружелюбием. Шумный Энтел, в котором располагался монастырь Олина, находился совсем недалеко от столицы Бехрена Хасинты — кораблю или лодке достаточно было обогнуть подходящую к самому морю горную гряду Пояс-и-Пряжка. В Хасинте восседал Чезру — властитель ятолов, объявивший себя живым богом. Олин не осуждал странные нравы и обычаи Энтела, что всегда вызывало определенное недовольство абеликанской церкви, а его тесные связи с Бехреном всегда настораживали и раздражали короля Дануба.

Магистр Бурэй, как и многие другие, считал, что Джилсепони непременно рано или поздно станет королевой. Следовательно, она будет поддерживать желания и политические интересы короля Дануба. Королю явно не хотелось бы видеть Олина отцом-настоятелем церкви Абеля, поэтому Джилсепони пытаются привлечь на сторону голосующих за магистра Бурэя.

Какой изощренный замысел! Браумин не мог не отдать должное изобретательности Бурэя по части интриг. Он вдруг поймал себя на том, что даже восхищается упорством однорукого магистра и его политическим чутьем. Ведь кто бы ни стал отцом-настоятелем, ему непременно придется балансировать между нуждами церкви и требованиями государства. Как бы решительно Агронгерр ни отказывался заниматься политикой, он не мог не сознавать, что политических забот у отца-настоятеля ничуть не меньше, чем духовных. Большинство отцов-настоятелей традиционно стремились поддерживать доверительные отношения с тем, кто занимал королевский трон.

В таком случае, принятие Джилсепони епископского титула оказывалось весьма благоприятным для магистра Фио Бурэя, уже готовящегося к Коллегии аббатов. В особенности если она впоследствии станет королевой Хонсе-Бира. Сама Джилсепони относилась к Бурэю без особых симпатий, однако не являлась его врагом. Наверное, любая супруга короля предпочла бы видеть во главе церкви Бурэя, а не настоятеля Олина, окруженного толпой своих бехренских приспешников.

Браумин восхищался хитроумностью замысла однорукого магистра, но это не означало, что ему особо нравился сам этот замысел. От сознания того, что Джилсепони, по сути, навязывали выбор, он ощущал неприятную горечь во рту. И все же настоятель Сент-Прешес был вынужден признать: замысел Бурэя во многом действительно содействовал благу церкви и государства. Какие бы личные чувства ни владели Браумином Хердом, если их отбросить — он мог только радоваться грядущему назначению Джилсепони епископом Палмариса и своему переезду в Кертинеллу, где его ожидало скромное, казалось бы, место священника в часовне Эвелина.

— Так вы постараетесь убедить ее? — спросил улыбающийся Бурэй, который словно видел борьбу, происходившую в сознании настоятеля Сент-Прешес, окончившуюся принятием им стороны однорукого магистра.

Молчание аббата Браумина затягивалось. Наконец он, не произнося ни слова, кивнул головой.

ГЛАВА 6
КОНЕЦ БЕРТРАМА

Лето давно перевалило на вторую половину; кончался уже восьмой месяц года. День выдался нестерпимо жарким; воздух был густо насыщен влагой. «Неудивительно, — думал Маркало Де'Уннеро, — ведь вокруг полно озер». Жара держалась всю последнюю неделю. Во второй половине дня небо обычно раскалывали молнии, грохотал гром, и земля под ногами начинала чавкать от пролившихся ливней.

Таким был и вчерашний день, принесший грозу с ураганным ветром. И вот снова жаркое утро, но в память о бушевавшей стихии остались дыры в крышах хижин, отчего Де'Уннеро — он же Бертрам Даль — был вынужден к своим повседневным занятиям добавить починку крыш. Он проснулся задолго до рассвета и сразу же взялся за дрова, рассчитывая управиться с ними прежде, чем солнце успеет раскалиться. Теперь, когда послеполуденное солнце действительно набрало силу, Де'Уннеро восседал на крыше одной из хижин. Он был, как всегда, обнажен по пояс, и пот заливал его жилистое, мускулистое тело, бронзовое от загара. Де'Уннеро вытаскивал измочаленную ливнем солому, вплетая в покрытие новые, крепкие пучки. Ему приходилось то и дело прерывать работу, чтобы отереть со лба пот. Не помогала даже повязанная на лоб тряпка — капли пота все равно просачивались вниз и разъедали глаза. Но это неприятное обстоятельство было не единственной помехой в работе. Даже сильному и выносливому Де'Уннеро было тяжело дышать, и он часто припадал к кувшину с водой, чтобы утолить нестерпимую жажду. Оторвавшись от работы в очередной раз, он заметил на дороге несколько человек — трех всадников и двух пеших, направлявшихся в сторону деревни Миклина.

Пятерка находилась еще достаточно далеко от деревни, но Де'Уннеро сразу понял, что это не охотники, — жители деревни всегда уходили на охоту пешими. Насторожившись, он перевалил через конек крыши и проворно спрыгнул вниз. Чужаки в этих местах появлялись редко и были в основном людьми беглыми.

Де'Уннеро натянул рубаху без рукавов, сорвал со лба влажную тряпку и вытер потное лицо. Потом он неторопливо двинулся к околице. Он шел, внимательно оглядываясь и намечая возможные пути к отступлению, а также наиболее выгодные оборонительные позиции. Попутно бывший монах проверял, не успели ли пробраться в деревню сообщники приближавшихся к деревне людей.

Однако вокруг было пусто. Через какое-то время до ушей Де'Уннеро донеслось пение. Оно исходило из уст одного из всадников, перебиравшего струны лютни и певшего о временах седой древности, когда герои сражались с драконами. «Какой замечательный менестрель», — невольно подумал Де'Уннеро. Громкое пение и то обстоятельство, что незнакомцы двигались к деревне, совершенно не таясь, позволили ему надеяться на лучшее. Возможно, эти пятеро вовсе не бродяги, от которых только и жди разных бед.

— Подобен золоту был блеск драконьих глаз, — пел менестрель. — Огнем дышал он, камни раскаляя. Но храбрый Трейкл что было сил дракону меч свой под крыло вонзил.

По этим словам Де'Уннеро сразу же узнал «Балладу о Трейкле-избавителе» — известную старинную песню о легендарном герое из Вангарда, сражавшемся с драконом. Презрев трудности суровой зимы в северном Альпинадоре, Трейкл отправился в логово дракона, чтобы отомстить чудовищу за уничтожение родной деревни. В библиотеке Санта-Мир-Абель Де'Уннеро наткнулся на несколько вариантов этой баллады. Много раз он слышал, как ее пели крестьяне из окрестных деревень, приходившие в монастырь в торговые дни. Однако он все еще не позволял себе расслабиться: уж слишком простую мелодию избрал этот странствующий певец, если намеревался хоть что-то заработать своим пением.

А может, он просто стремился убедить жителей деревни в том, что является всего-навсего странствующим певцом?

Де'Уннеро, по-прежнему оставаясь недосягаемым для глаз незнакомцев, внимательно изучал всех пятерых, пытаясь определить, кто они и чего от них можно ожидать. Он знал: походка опытных воинов плавна и почти бесшумна, зато обычные грабители чаще всего ступали тяжело топая. Именно так и шли двое пеших. Один был крупным, похожим на

медведя; его лысина ярко блестела на солнце. Второй был пониже ростом, с чумазым лицом и рыжеватыми волосами, говорившими о его вангардском наследии.

Оба несли на плечах оружие: первый придерживал рукой боевой топор, второй — громадное копье. Бывший монах перевел взгляд на всадников. Один из них — долговязый, с длинными черными волосами и щербатым ртом — мало чем отличался от своих пеших сотоварищей, хотя привешенный к поясу меч показался Де'Уннеро достаточно опасным оружием. Остальные двое, включая и певца, были лучше одеты и выглядели куда опрятнее. У обоих были короткие волосы и чисто выбритые лица. Один ростом и телосложением походил на Де'Уннеро; на его плече висел короткий лук, а к седлу был приторочен колчан со стрелами, до которого он мог легко дотянуться. Певец казался совсем хрупким и пел достаточно высоким для мужчины голосом. У него были лучистые светло-карие глаза, которые вспыхивали еще сильнее, когда он улыбался столь же лучезарной улыбкой. И хотя никакого оружия у певца не было, чутье опытного, закаленного в битвах воина безошибочно подсказывало Де'Уннеро, что он-то и является самым опасным из этой пятерки.

К этому времени незваные гости уже поравнялись с первыми хижинами деревни, однако по-прежнему двигались как-то вызывающе открыто. Де'Уннеро понял, что пришла пора познакомиться, и шагнул им навстречу.

— Приветствую вас, — произнес он. — Новые люди редко забредают в наше селение, именуемое деревней Миклина, поэтому, вы уж простите, мы не умеем произносить длинных приветствий.

С этими словами Де'Уннеро поклонился и представился:

— Бертрам Даль к вашим услугам.

— Прекрасное приветствие для прекрасного дня! — радостно воскликнул менестрель явно женским голосом. Только теперь, присмотревшись, Де'Уннеро понял, что это действительно женщина, коротко стриженная шатенка.

— Мы — странствующие искатели приключений, — с прежним воодушевлением продолжала она, — стремимся посмотреть белый свет и ищем сюжеты для великих баллад о великих событиях.

«Так что ж тогда ты тратишь время на немудреные песенки?» — подумал Де'Уннеро. Женщина показалась ему довольно привлекательной, но сейчас его внимание более занимали бродяги, явившиеся в деревню пешком. Эти отошли в сторонку, о чем-то тихо переговариваясь. Понятно о чем. Вынюхивали, есть ли в деревне еще кто-нибудь. У бывшего монаха не оставалось сомнений в том, что за компания почтила своим присутствием деревню Миклина.

— У нас найдется, чем угостить путников, — сказал он, переводя взгляд на женщину.

— Мне бы огоньку в глотку, — заявил долговязый всадник, судя по выговору — выходец из крестьян.

— Выпивки не держим, — ответил Де'Уннеро. — Могу предложить чистую воду, сок из ягод торта, а также восхитительную смесь голубичного и яблочного соков. Если соблаговолите спешиться, я отведу ваших лошадей в загон, а вам приготовлю сытную трапезу.

Всадники переглянулись. По их лицам нельзя было понять, принимают они это предложение или нет. Во всяком случае, спешиваться они не торопились. Между тем их пешие спутники, распахнув дверь ближайшей хижины, бесцеремонно заглянули внутрь.

— Возможно, ты лучше меня сумеешь объяснить своим друзьям, что им следует вести себя достойно? — спросил Де'Уннеро, обращаясь к певице. — Мы дружелюбно настроены к гостям, но это не значит, что можно в отсутствие хозяев совать нос в их дом.

— Зашли посмотреть, велика важность, — бросил в ответ долговязый всадник.

— Вскоре жители нашей деревни вернутся домой с охоты, — продолжал Де'Уннеро, которому уже надоели все эти приторно-вежливые фразы. Если шайка решила угрожать ему или напасть на него, пусть покажут свое истинное лицо как можно раньше. — Уверен, они позволят вам оставаться здесь столько, сколько вы пожелаете, и с удовольствием послушают

ваши песни и баллады, а за доставленное удовольствие вознаградят вас обильной едой и теплыми постелями.

Певица с любопытством поглядела на Де'Уннеро и, не слезая с лошади, изящно поклонилась.

— Быть может, и они расскажут мне какие-нибудь замечательные истории, из которых я смогу сложить новые песни, — сказала она.

— Пока что я слышал от тебя лишь старую песню, известную любому ребенку в Хонсе-Бире, — пустил пробный шар Де'Уннеро.

Его интересовало, не заставят ли эти слова хорошенькую певицу нахмуриться.

Нет, она лишь рассмеялась и ответила:

— Боюсь, мир стал слишком скучным. Великие войны остались в прошлом. Люди успели забыть даже про чуму.

— Да будет тебе пыль в глаза пускать, — бросил долговязый и презрительно сплюнул. — Ишь, корчит из себя знаменитую на весь мир сочинительницу баллад. Как же, упоительные мелодии, слова, бередящие душу. А на самом деле ты просто Садья. Обыкновенная девка, которая ничем не лучше каждого из нас.

Женщина прищурилась и одарила долговязого столь угрожающим взглядом, что даже Де'Уннеро стало не по себе. «Нет, эта певичка не так уж проста», — подумал он.

Но Де'Уннеро сейчас было не до их перепалки. Боковым зрением он уловил какое-то движение и повернул голову туда. И точно: пешие бродяги теперь зашли в так называемую общую хижину.

— В моих родных краях подобные слова сочли бы достаточно оскорбительными, — сказал бывший монах, вновь поворачиваясь в сторону долговязого.

Тот зло посмотрел на него и снова сплюнул, причем на этот раз его плевок угодил под ноги Де'Уннеро.

Бывший монах сдержал подступивший гнев. Еще не время…

Тем временем пешие бродяги направились к следующей хижине. Де'Уннеро решил, что с него хватит дипломатии.

— У нас без приглашения в дома не заходят, — крикнул он дерзким незнакомцам. — У нас есть общая хижина, где вы только что побывали. Это единственное место, где вы можете оставаться до возвращения наших охотников, пока они не пригласят вас к себе.

— Обыкновенное любопытство странников, которым давно не встречалось человеческое жилье, — широко улыбнувшись, медовым голосом произнесла певица. — Не беспокойся, дружочек. Мы явились сюда, чтобы послушать истории, а не впутываться в них.

Де'Уннеро повернулся к ней; вернее, сделал вид, что повернулся, ибо не спускал глаз с тех двоих. Они успели побывать и в третьей хижине. И не только это. Бывшему монаху сразу бросилось в глаза, что свое оружие они держали теперь по-другому — почти наготове.

Третий плевок долговязого всадника наверняка попал бы прямо на ногу Де'Уннеро, если бы бывший монах вовремя не отодвинулся.

— Нас пятеро, а ты один, — рявкнул долговязый. — Куда хочем, туда и влазим.

Де'Уннеро усмехнулся и посмотрел на певицу.

— Так о чем ты говорила? — спросил он.

— Хватит болтовни! — громко ответил за нее долговязый, тыча пальцем в Де'Уннеро. — Теперь говорю я, и я говорю, чтобы ты заткнул свою глотку!

Бывший монах пожал плечами. Певица тоже пожала плечами, выказывая полное равнодушие.

— Убирайтесь отсюда, — не повышая голоса, потребовал он.

— Ну, раз уж ты так этого требуешь… — голосом, не предвещавшим ничего доброго, протянул долговязый.

Он собирался добавить что-то еще, но в это время Де'Уннеро стремительно рванулся с места и в высоком прыжке ударил долговязого ногой.

Тот, издав бешеное рычание, перелетел через круп лошади и рухнул на землю.

Де'Уннеро сумел достаточно мягко приземлиться на бок. Он мгновенно вскочил на ноги, приготовившись отразить нападение пеших разбойников.

Верзила, похожий на медведя, действовал именно так, как и требовалось Де'Уннеро: он вскинул топор, намереваясь снести бывшему монаху голову. Разумеется, разбойник и не подозревал, что перед ним величайший воин, каких только знал орден Абеля. Де'Уннеро пригнулся к самой земле, коснувшись ее ягодицами, затем повернулся и выбросил вперед ногу, ударив верзилу пяткой по лодыжке. Тот свалился как куль, взревев от боли.

Настал черед человека с копьем. Этот намеревался проткнуть Де'Уннеро, действуя с каким-то злорадным возбуждением и даже удовольствием. Он тоже рычал от злости — но уже в следующее мгновение взвыл от страха. Бывший монах едва заметным движением предплечья отклонил копье, и оно воткнулось в землю. Копьеносец завопил, призывая сообщников на помощь. Хотя правильнее будет сказать, заскулил, видя, как грозный Де'Уннеро прыгнул на него. Сжав в руках древко, копьеносец попытался им заслониться.

Но удар Де'Уннеро переломил копье. Теперь ничто не мешало бывшему монаху броситься на разбойника. У того оказалось еще одно оружие — длинный кинжал, беспорядочно размахивая которым, он попытался достать противника.

В этот момент над головой Де'Уннеро просвистела стрела.

Бывший монах повернул голову в сторону стрелявшего и увидел, как тот хладнокровно накладывает на тетиву новую стрелу. Певица опять заиграла на своей трехструнной лютне. Копьеносец, видимо, рассчитывал, что внимание противника отвлечено, и попытался поразить его в спину, но Де'Уннеро, опередив его, сам нанес удар, раздробив противнику коленную чашечку. Тот повалился на землю, издавая истошные вопли.

Де'Уннеро устранил лишь небольшое препятствие, да и то ненадолго. Долговязый всадник и верзила вновь наступали на него, причем довольно согласованно. Кроме того, бывший монах опасался, что в любой момент в него могут выпустить стрелу.

Всякого, кто оказался бы на его месте, ждала неминуемая гибель, всякого — но только не Маркало Де'Уннеро. Непревзойденный среди лучших, он когда-то с голыми руками хладнокровно ринулся в гущу наступавших поври. Он умел рассчитывать удары, умел находить для них лучшее положение, он мог…

Де'Уннеро почувствовал, что сейчас он не один. Тигр-оборотень внутри пробудился и просил выпустить его наружу. Как просто было бы выпустить зверя во всем его ужасающем великолепии! С каким ужасом эти жалкие головорезы бросились бы прочь, и он мог бы славно поохотиться на них. И он бы действительно погнался за ними и разделался с каждым.

Как просто… Де'Уннеро почувствовал знакомую ломоту в руке — предвестницу ее превращения в тигриную лапу. Годы противостояния зверю научили его подавлять это ощущение почти мгновенно. Стоило хоть немного промешкать — и он тут же превратился бы в тигра.

Де'Уннеро подавил искушение, однако рука его на этот раз все же преобразилась в лапу. Нет, решил он: уступить сейчас зверю — значит проиграть, каким бы ни был исход его сражения, находись он в человеческом облике.

Он был еще поглощен этими мыслями, когда мимо, едва не задев его, просвистела вторая стрела. Де'Уннеро бросился к двум разбойникам, потом быстро повернул вправо, оказавшись позади лошади, на которой сейчас не было всадника.

Верзила и долговязый бросились за ним, вдруг с изумлением обнаружив, что Де'Уннеро не побежал дальше, а встретил их, угрожающе размахивая рукой, которая была вовсе не рукой, а огромной тигриной лапой. Долговязый взревел от боли — когти ударили ему в плечо, порвав кожаную рубаху и пропоров кожу на теле. Затем когти полоснули по его глотке.

Долговязый упал, однако теперь внимание Де'Уннеро целиком было поглощено верзилой. Тот надвигался на него, бешено размахивая тяжелым топором. Бывшему монаху пришлось укрыться за второй лошадью, оказавшейся между ним и лучником. Долговязый уже успел очухаться и тоже пошел на него, сжимая в руке меч.

Требования тигра-оборотня становились все сильнее и настойчивее, но к ним примешивалось что-то еще, выбивавшее Маркало Де'Уннеро из равновесия. Взглянув на своих непосредственных противников — в особенности на долговязого, — он начал понимать, в чем дело. Рана этого разбойника затягивалась прямо на глазах! Бывший монах не мог не распознать действие магии.

Оглянувшись по сторонам, Де'Уннеро не заметил никаких признаков самоцветов. Никто из шайки не произносил никаких заклинаний. Да и меч долговязого — старый, грубо сработанный, с зазубренным лезвием — явно не был украшен магическими самоцветами.

И вдруг он все понял, застонав при этом от своего открытия. Песня! Де'Уннеро слышал, что в некоторые музыкальные инструменты вделывали самоцветы, сила которых пробуждалась музыкой и пением. Значит, у певицы была именно такая лютня, помогавшая затягиваться ранам врагов и мешавшая его действиям.

Поединок с шайкой неожиданно оказывался не таким-то простым делом.

А настойчивые призывы тигра-оборотня все сильнее побуждали его выпустить зверя наружу.

Один из разбойников догадался-таки шлепнуть испуганную лошадь по крупу. Та метнулась прочь, лишив Де'Уннеро прикрытия. Лучник тут же пустил стрелу, которая ударила бывшего монаха в ногу, прочертив глубокую красную борозду.

Де'Уннеро обожгло болью, но его внимание по-прежнему было поглощено тигром-оборотнем, рвавшимся наружу. Маркало Де'Уннеро знал, что подавить сейчас зверя он сможет только ценой собственной жизни. Чтобы победить во внутренней борьбе, ему требовалось полная сосредоточенность, а такой возможности у него сейчас не было.

Очередная стрела рассекла воздух. Верзила и долговязый спешили к нему, вопя от возбуждения.

Бывшего монаха вдруг осенило: ведь он обманывает себя, пытаясь отрицать неотъемлемую часть своей сущности. Почему он не хочет выпустить зверя и показать врагам темную сторону личности Маркало Де'Уннеро? Разве эти бродяги не заслуживают подобной участи?

Он бросился за угол хижины и услышал звук вонзившийся в ее стену стрелы. Скрывшись от глаз разбойников, бывший монах быстро скинул рубаху и штаны, чтобы сохранить одежду, приходящую в моменты его превращений в полную негодность. По телу пошли болезненные судороги. Де'Уннеро скривился, чувствуя, как его ноги превращаются в задние лапы тигра.

К этому времени нападавшие тоже завернули за угол, однако Де'Уннеро без особого напряжения, почти бесшумно успел вспрыгнуть на крышу. Он добрался до самой ее вершины и замер, прислушиваясь.

— Давай заезжай с другого конца! — крикнул долговязый лучнику, и бывший монах услышал удары конских копыт.

— Куда делся этот проклятый гад? — ревел верзила. — Ищите, нет ли где потайных дверей. Ничего, сейчас он у меня попляшет!

— Мы его вздернем прямо на стене, пусть не сомневается! — пообещал долговязый, слова которого почти заглушали возобновившиеся стоны бродяги с раздробленным коленом.

Де'Уннеро понял, почему раненый разбойник застонал именно сейчас. Певица оборвала прежнюю песню, пробуждавшую силу гематита, и запела другую — о глуши лесов и бродящих по ним диких зверях.

Превращение в тигра еще не завершилось, и Де'Уннеро испытал несколько мгновений неподдельного страха. Вдруг певица пыталась ему помешать? Может, она заметила, как его рука превратилась в лапу, или видела его прыжок? Сможет ли он противостоять этому магическому оружию?

Впрочем, вскоре все страхи исчезли: Де'Уннеро окончательно превратился в тигра, и теперь его занимала только охота. Песня хрупкой Садьи только будоражила его. Де'Уннеро в облике тигра напрягся, готовый прыгнуть на врагов и задрать их насмерть.

Он слышал все: крики раненого, песню, цокот копыт лошади лучника. Но лучше всего он слышал, как двое разбойников угрозами и оскорблениями пытались выманить его, считая, будто он прячется внутри хижины, и обещая расправиться с ним.

Плотно прижимаясь брюхом к скату крыши, тигр медленно полз к цели, чтобы оказаться прямо над головами этих глупцов. Ближе всего к нему был долговязый со своим мечом.

Громадный тигр прыгнул вниз, пролетев в воздухе, словно тяжелое ядро катапульты. Целью Де'Уннеро был верзила, однако попутно он успел разодрать глотку и долговязому. В следующее мгновение он со всей силой обрушился на верзилу и опрокинул его на землю. И куда только подевались бравада и самоуверенность наглого головореза! Он кричал, вопил, звал на помощь и отчаянно молотил руками по воздуху, пытаясь хоть как-то защититься от оскаленной пасти тигра и острых когтей, оказавшихся рядом с его лицом.

Когти Де'Уннеро, словно шелуху с луковицы, легко сдирали лоскуты кожи с ладоней верзилы. Потом он зацепил когтями его руку и резко дернул, вывернув ее и освободив себе доступ к голове и горлу врага. Теперь настал черед пустить в ход клыки, сомкнувшиеся на лице истошно вопящего верзилы. В какое-то мгновение лицо разбойника превратилось в кровавое месиво.

Обжигающая боль в бедре напомнила Де'Уннеро о двух оставшихся врагах, и он оторвался от изуродованного верзилы. Новая стрела просвистела у тигра перед самой мордой, и он скрылся за стеной дома. Сзади доносились предсмертные вопли верзилы. Песня меж тем продолжала звучать, и вскоре к ней примешался топот копыт удалявшихся лошадей.

Он выглянул из-за угла. Лучник стремительно удалялся, двигаясь в ту же сторону, с какой шайка совсем недавно подходила к деревне. Однако певица как сквозь землю провалилась. Казалось, только что он слышал звуки ее лютни, но теперь стихли и они.

Верзила снова громко застонал. Его беспомощность и беззащитность едва не заставили Де'Уннеро остановиться и начать кровавый пир.

Едва, ибо его бедро по-прежнему жгло от боли, а человек, выпустивший в него стрелу, торопился убраться подальше от места страшного побоища.

Де'Уннеро бросился в погоню. Лучник удирал что есть мочи, даже не решаясь обернуться. Для него было полной неожиданностью, когда сбоку от лошади он вдруг увидел тигра и тот, прыгнув, сбросил его с седла. Они сцепились в клубок; тигр впился зубами и когтями в отчаянно вопящего лучника. Нога разбойника запуталась в стремени. Испуганная лошадь рванулась вперед, таща за собой окровавленного всадника и вцепившегося в него тигра. Зверь впился лучнику в ляжку и перегрыз ее пополам. Лошадь резко взбрыкнула и помчалась прочь, унося с собой кровавый обрубок, который еще недавно был ногой ее хозяина.

Оглушительные вопли лучника вскоре сменились сдавленным хрипом, а затем — тихими стонами обреченного человека. Потом он затих, и тигр-оборотень приступил к своему пиршеству.

Через какое-то время Маркало Де'Уннеро, уже в человеческом облике, весь перепачканный кровью, вернулся в деревню Миклина. Он не знал, сколько минут или часов прошло с момента его пиршества, после которого он впал в забытье и очнулся уже человеком. Убив последнего головореза, он не стал разыскивать певицу. Его сознание было полностью подчинено сознанию тигра. Никогда еще зверь не одерживал над ним такую полную, такую сокрушительную победу. В этот раз тигр одолел в нем человека. Де'Уннеро стал зверем не только по облику, но и по разуму. Он жаждал крови, ощущал звериный голод, и — что самое страшное — погоня и убийство доставили ему подлинное наслаждение.

Де'Уннеро испытывал страшную злость. Он злился на разбойников, но главным образом — на самого себя. Бывший монах оправдывал превращение. Он на этот раз сам выпустил тигра наружу, дабы обрести дополнительное оружие в сражении против врагов, которые вполне заслужили такую участь. Однако тигр-оборотень напал на самую сущность Маркало Де'Уннеро и похитил у него всю внутреннюю дисциплину и умение владеть собой,

которые бывший монах столько лет шлифовал и доводил до совершенства в стенах Санта-Мир-Абель. Зверь подмял под себя его нравственные принципы. В облике тигра Маркало Де'Уннеро не мог взвешивать каждый свой шаг, каждое действие, прежде чем их совершить.

Тигр-оборотень подчинялся лишь чувству голода, своим звериным потребностям, и вся его сообразительность была направлена на убийство жертвы. Маркало Де'Уннеро глубоко ненавидел этого зверя и ненавидел себя за то, что поддался ему. Как же он ошибался, самонадеянно решив, будто научился управлять тигром!

Жалобное хныканье, доносившееся из-за хижины, напомнило Де'Уннеро еще об одном разбойнике. Тот сидел, прислонившись к стене, но, увидев Де'Уннеро, попытался было вскочить на ноги, однако упал и, схватившись за колено, зарыдал еще громче.

— Демон! — всхлипывал он. — Демон-дракон явился за мной!

Маркало Де'Уннеро неторопливо подошел к нему, грубо схватил за волосы и запрокинул разбойнику голову.

Стальные пальцы бывшего монаха сомкнулись на его глотке. Отшвырнув обмякшее тело, Де'Уннеро пошел прочь.

Последнее в цепи сегодняшних убийств совершенно не волновало его. Нравственные принципы, которых всю жизнь придерживался Де'Уннеро, вполне оправдывали смерть этого человека. Наглый глупец, вор и наверняка убийца, он сам навлек на себя суровую кару. Так считал Де'Уннеро.

Сейчас бывшего монаха занимало другое. Уже совсем скоро вернутся охотники, они увидят трупы и его раны. Как объяснить им все это, не вызвав подозрений? Но еще больше, чем предстоящее объяснение с жителями деревни, Де'Уннеро тревожила ускользнувшая певица.

Только сейчас бывший монах ощутил, как смертельно он устал и как сильно болят его раны. Он опустился на землю и закрыл глаза.

Певица! Единственная из всей шайки, кто сумел сбежать!

ГЛАВА 7
ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

— Я не говорила, что тебе позволено выбирать, — сурово заявила Эйдриану госпожа Дасслеронд.

— А если я не хочу снова лезть в эту дыру? — вызывающим тоном спросил мальчишка.

Более вызывающим, чем когда-либо прежде.

Госпожа Дасслеронд придала своему лицу удовлетворенное выражение, показывая, будто ей по вкусу его категорический отказ. Ведь в таком случае у нее появляется возможность самой затащить его в пещеру.

— Я хочу остаться здесь, — сказал Эйдриан, — где вижу звезды над головой, где воздух полон удивительных запахов, а ветер освежает лицо.

— Если будешь работать старательно и усердно, то выйдешь наружу раньше, чем звезды усеют небо, — пообещала предводительница эльфов.

Мальчик какое-то время молча глядел на нее, потом, упрямо выставив подбородок, произнес:

— Я останусь здесь.

Тотчас же вокруг него послышались шуршание крыльев и приглушенный шепот, безошибочно свидетельствующие о множестве невидимых зрителей. Разве эльфы пропустят такое зрелище? Еще более Эйдриана бесило, что госпожу Дасслеронд его упрямство только забавляет. Теперь на ее лице сияла откровенная улыбка.

Предводительница эльфов изящно взмахнула рукой и устремила взор в предвечернее небо.

— Что ж, грейся на солнышке, — произнесла она равнодушным тоном. —

Наслаждаться осталось недолго, потому что ты навсегда покинешь Эндур'Блоу Иннинес.

До Эйдриана не сразу дошел смысл последних слов госпожи Дасслеронд. Он лихорадочно искал, что же сказать ей в ответ, однако сумел выдавить всего несколько слов. Глаза мальчика округлились, когда он увидел холодную улыбку своей наставницы, красноречиво свидетельствовавшую, что шутить госпожа Дасслеронд не намерена. Только теперь Эйдриан сообразил, что на этот раз он зашел дальше обычного, испытывая ее терпение.

С той ночи, когда Бринн Дариель покинула долину эльфов, Эйдриан постоянно испытывал терпение госпожи Дасслеронд.

Лицо предводительницы эльфов внезапно помрачнело, словно на него набежало облако, глаза приобрели ледяной блеск, а улыбка превратилась в презрительную усмешку.

— Немедленно отправляйся в пещеру, малолетний упрямый глупец, иначе я вышвырну тебя за пределы моей долины, и ты никогда не сможешь сюда вернуться, приказала она. — И не думай, что я решила тебя просто попугать. Я по горло сыта твоими выходками.

Эйдриан растерянно глядел на нее, пораженный неожиданной переменой в облике и голосе госпожи Дасслеронд. Но сильнее всего его потрясли произнесенные ею слова и ощущение бесповоротности, которое они оставили.

— Если ты по-прежнему будешь упорствовать и тебе посчастливится остаться в живых, то закат солнца ты встретишь уже за пределами Эндур'Блоу Иннинес, — сурово продолжала предводительница эльфов.

От воли, готовой сокрушить любое упрямство Эйдриана, и нескрываемого гнева, который за маской внешнего спокойствия кипел в душе Дасслеронд, у него подкашивались ноги.

— Я не знаю, как добиться этого, — стал оправдываться Эйдриан. — Я и раньше пытался, но у меня не получалось.

— Потому ты и продолжишь свои попытки, — ответила госпожа Дасслеронд. — Если бы мы упражнялись только в том, что нам легко дается, то были бы обречены на посредственность. Твое признание в собственной слабости только укрепляет мою решимость отправить тебя в пещеру, чтобы ты продолжил учиться искусству общения с Оракулом. И сегодня, и каждый день.

— Мне это занятие вообще не нравится, — не унимался юный упрямец.

— А почему ты решил, что оно должно тебе нравиться? — бесстрастным тоном осведомилась госпожа Дасслеронд. — Ты находишься здесь не ради собственного удовольствия. Не забывай об этом.

Эйдриан принялся было возражать, но предводительница эльфов властным жестом велела ему замолчать.

— Выбирай одно из двух, — сказала она. — Ты знаешь, к чему приведет тебя каждый из путей. И довольно препирательств. Выбирай. Говорить здесь больше не о чем.

Мальчик не считал, что их разговор закончен, однако госпожа Дасслеронд, не слушая его, удалилась, даже не обернувшись.

— У вас нет нитей, дергая за которые, вы можете мною управлять! — крикнул ей вслед Эйдриан, отчаянно борясь с подступающими к горлу слезами.

Тоска, отчаяние, одиночество — все эти чувства лавиной обрушились на него. Отъезд Бринн Дариель — единственного человеческого существа в Эндур'Блоу Иннинес и потому самого дорогого для Эйдриана Виндона — глубоко ранил мальчика. Он вдруг ощутил себя намного более одиноким, чем прежде. Надежд на то, что кто-то сможет заполнить пустоту, возникшую после отъезда Бринн, почти не было.

Как ему хотелось выкрикнуть Дасслеронд в лицо, что он не желает подчиняться ее приказам! Но страх оказаться изгнанным за пределы долины эльфов все же был сильнее бунтарских порывов. Эндур'Блоу Иннинес была для него единственным родным домом. Судя по рассказам о внешнем мире, жизнь там не сулила ничего приятного: нескончаемые войны, страдания и в довершение ко всему опустошительная чума, косившая людей

десятками тысяч.

Эйдриан несколько раз с шумом втянул в себя воздух, пробормотал сквозь зубы еще пару проклятий в адрес Дасслеронд и протиснулся в дыру, служившую входом в небольшую земляную пещеру. Толстый изогнутый корень возле одной из ее стенок заменял скамейку. На полу стояла зажженная свеча, а на противоположной стене было укреплено зеркало. Мальчик вдохнул распространяемой свечой аромат сирени, смешанный со множеством других запахов лесистой эльфийской долины. Ему сразу же стало легче. Исчезло напряжение, сводившее все его мышцы. Наверное, свеча имела какое-то отношение к эльфийской магии запахов и ее специально поставили здесь, чтобы успокоить неуправляемого Эйдриана. Впрочем, сейчас ему было наплевать на все уловки обитателей долины.

Передернув плечами, мальчик уселся на широкий корень и вперился взглядом в зеркало. Просидев так некоторое время, он задул свечу.

Сначала он ничего не видел, но когда глаза освоились с сумраком пещеры, на стене проступил прямоугольник зеркала. Эйдриан попытался смотреть не на зеркало, а на стену, на которой оно висело. «Заняться, что ли, разглядыванием переплетения мелких корней?» — подумал он. А может, пересчитать их? Надо хоть как-то скоротать этот долгий час, который по милости Дасслеронд ему придется здесь провести. Все предыдущие попытки Эйдриана вступить в общение с Оракулом были тщетными. Хотя этот ритуал тол'алфар предназначался в основном для более взрослых учеников, госпожа Дасслеронд настаивала, чтобы ее ученик начал постигать его уже сейчас. По ее мнению, он был вполне готов для этого; сам же Эйдриан считал, что предводительница эльфов чересчур его подгоняет. И вообще она заставляет его заниматься тем, что нисколько его не интересует.

Мальчик уселся поудобнее и начал разглядывать паутину корней на противоположной стенке, подсчитывая узлы перекрестий. Всматриваться в зеркало он, разумеется, не собирался.

Однако на этот раз все пошло по-иному. Эйдриан даже не сразу осознал, что его взгляд направлен на зеркало. Причем если раньше он просто смотрел на прямоугольник зеркала, то теперь внимание юного упрямца сосредоточилось на его блестящей поверхности. Чем-то она была похожа на черную лужицу, поблескивавшую в неясном сумеречном свете.

Но там, в этих сумерках, что-то двигалось! Эйдриан уловил это движение, хотя тут же усомнился, решив, что в такой темноте вряд ли можно его увидеть.

Тем не менее движение действительно происходило. Нечто темное бесшумно перемещалось в зеркале.

Прищурившись, Эйдриан сосредоточил на зеркале все внимание. Он начисто позабыл, как только что упорно противился требованиям госпожи Дасслеронд, не желая постигать искусство общения с Оракулом. Происходящее в зеркале было недоступно пониманию мальчика, но чувства его не обманывали.

Блестящая поверхность зеркала уже не казалась темной; теперь она напоминала затянутое облаками небо. В левой части зеркала Эйдриан ясно различил силуэт чьей-то фигуры, закутанной в плащ.

«Эйдриан», — прозвучало у него в мозгу.

Ошеломленный мальчик едва сумел удержать свой взгляд на зеркале.

Фигура в плаще мысленно передала ему: отец.

— Полуночник, — прошептал Эйдриан, едва дыша.

Он чувствовал, что фигура в плаще недовольна им, и это его испугало.

В голове промелькнул вихрь мыслей, заставивших Эйдриана осознать всю глупость его затянувшегося противостояния госпоже Дасслеронд. Мысли множились, а зеркало тем временем показывало ему будущую жизнь — жалкое существование недоучки, прозябание в нищете. Всегдашнее упрямство Эйдриана заставило его отвергнуть эти видения. Однако проплывавшие перед ним картины — пусть внешне неясные и туманные — не были плодом его воображения и исключали превратное понимание. Несколько раз мальчик все же

порывался произнести что-то вслух, но его слова мгновенно гасли во влажном, спертом и сумрачном воздухе пещеры.

Перед ним со всей неотступностью разворачивалась жизнь, которую он выбирал, и каждый его спор, каждое препирательство усугубляли последствия этого выбора.

Эйдриан позабыл о времени и не заметил, как прошел не один час, а несколько. Наконец голос, звучавший в голове, произнес: «Доверяй госпоже Дасслеронд, и она даст тебе великую силу».

Только теперь мальчик заметил, что на туманной поверхности зеркала теснятся другие образы. Он увидел большие города, совершенно непохожие на неприметные жилища Кер'алфара, и громадные торговые площади, бурлящие от скопления людей; высокие красивые здания. Одно из них было монастырем, хотя Эйдриан толком не понимал, как он узнал, что это именно монастырь. Перед его взором проходили толпы людей — таких же, как он, существ. Казалось, некоторые из них приближались к самой кромке зеркального барьера, чтобы получше разглядеть Эйдриана.

Захваченный увиденным, мальчик непроизвольно подался вперед. Никогда еще чувство опустошенности не жалило его так болезненно. Его одиночество лишь усиливалось от слов призрака об огромной силе, которую он обретет в будущем.

«Госпожа Дасслеронд даст тебе великую силу», — отчетливо звучало в сознании Эйдриана. Мальчик вдруг подумал: может быть, эльфы специально подстроили это, чтобы заставить его слушаться их предводительницу? Но призрак, закутанный в плащ, заговорил снова, что немало изумило Эйдриана: «А потом я научу тебя наилучшим образом распоряжаться этой силой».

Потрясенный его словами, мальчик резко выпрямился. Отвлекшись на миг, он увидел, что видение в зеркале стало быстро блекнуть. Он уже не различал там призрачной фигуры. Эйдриан не видел даже самого зеркала, поскольку в пещере стало совсем темно.

Вскоре он выбрался из пещеры и обнаружил, что рядом никого нет. Мальчик не стал проверять, прячутся ли эльфы в густых ветвях окрестных деревьев; сейчас ему было совсем не до них. Неподалеку от пещеры Оракула, в пространстве, свободном от деревьев, Эйдриан увидел ночное небо с мерцающими звездами.

Он сел на землю и стал смотреть в небо, направив свой внутренний взгляд прямо к звездам. Мальчик думал над словами, прозвучавшими в его сознании. В чем был их смысл? Может, в том, что и его жизнь имеет предназначение?

Может, путь к бессмертию все-таки существует?

Вам не стоит удивляться, — сказала То'эль Даллия, обращаясь к госпоже Дасслеронд, когда они, оставив Эйдриана в пещере, возвращались в Кер'алфар.

Предводительница эльфов не привыкла, чтобы с ней разговаривали подобным образом, поэтому То'эль тщательно подбирала каждое слово.

— С того момента, как Бринн Дариель покинула нас, мальчишка стал еще более неуправляемым. Я ожидала, что он не оставит своих попыток сопротивления и вынудит вас расстаться с ним.

— И тем не менее сейчас он в пещере, рядом с Оракулом, — напомнила ей госпожа Дасслеронд.

То'эль Даллия пожала плечами, словно то, о чем упомянула предводительница эльфов, было крохотной чистой струйкой, едва заметной в темном и опасном бурлящем потоке, носившем имя Эйдриана Виндона.

— Возможно, ты видишь нашего юного упрямца в ложном свете, — заметила госпожа Дасслеронд. — Ты подходишь к нему с теми же требованиями, какие мы предъявляем ко всем будущим рейнджерам.

— А разве он не станет рейнджером? — возвысив от удивления голос, спросила То'эль, поскольку слова госпожи Дасслеронд, за которыми скрывался холодный расчет, несказанно ее поразили.

— Если судить по его обучению у тол'алфар — да, — ответила предводительница эльфов. — Но он не будет одним из тех рейнджеров, которые затем возвращаются в родные края и служат для своих соплеменников незримыми защитниками.

— Значит, он останется здесь? — задала новый вопрос То'эль, которую подобная перспектива совсем не радовала. — И как долго?

— Пока не будет готов, — сказала Дасслеронд. — Мы растили Эйдриана в Кер'алфар вовсе не из чувства долга перед его отцом и не потому, что мир остро нуждается еще в одном рейнджере. Он попал к нам по одной-единственной причине, и если ты воспринимаешь его упрямство только как помеху в обучении, я считаю своеволие и самонадеянность этого мальчишки необходимыми чертами характера. То'эль Даллия и без расспросов догадалась, о какой причине упомянула ее госпожа; речь шла о страшной ране, нанесенной демоном-драконом земле Эндур'Блоу Иннинес. Выражение лица госпожи Дасслеронд предостерегло То'эль от дальнейших вопросов, и та решила повести разговор в несколько ином направлении.

— И все же вы были готовы изгнать Эйдриана из Эндур'Блоу Иннинес и даже лишить его жизни. Я почувствовала это по вашим словам, госпожа.

— С ним всегда приходится идти по узкому бревнышку, — согласилась госпожа Дасслеронд. — Я вижу, как с каждым днем возрастает его невероятная мощь. Мальчик обладает столь необходимой ему силой воли. Вместе с тем я понимаю: если мы не сможем управлять его возможностями, причем направлять их так, как это представляется нам необходимым, тогда окажется, что мы понапрасну тратили на него время. А ведь он становится все более опасным.

— Эйдриан — всего лишь человек, — осторожно заметила То'эль.

Дасслеронд прищурила золотистые глаза.

— Он обладает такой же боевой сноровкой, какая была у его отца, — произнесла она. — Он сведущ в магических самоцветах, как и его мать. Возможно, он даже превосходит ее, а заодно и наше понимание того, как ему это удается. Однако гораздо важнее другое: Эйдриан Виндон обладает своевольным и независимым характером, которым чрезвычайно трудно управлять.

— И, понимая это, вы продолжаете делиться с ним нашими тайнами, — сказала То'эль.

— Я надеюсь, Оракул принесет успокоение его пытливому разуму, — объяснила свой замысел Дасслеронд. — Если призрак отца сумеет найти его и направить по жизненному пути, очень скоро наш упрямец станет более сговорчивым.

Такое объяснение вполне устроило То'эль, ибо она услышала даже больше, чем ожидала. Эльфиянка удалилась, оставив госпожу Дасслеронд наедине со своими мыслями, которые наверняка были сосредоточены на юном Эйдриане.

То'эль Даллия не ошиблась: госпожа Дасслеронд действительно вспоминала свою недавнюю стычку с подрастающим человеком. На одну чашу весов она поместила его упрямство и своеволие, на другую легло то обстоятельство, что он по-прежнему находился в пещере, общаясь с Оракулом или хотя бы пытаясь это совершить. Предводительница эльфов отнюдь не восхищалась юным упрямцем. Люди вообще не вызывали у нее особо теплых чувств, а уж Эйдриан тем более. Он был самым неуступчивым из всех человеческих существ, с которыми ей приходилось сталкиваться. Дасслеронд знала: ей необходимо обратить гордость и своеволие мальчишки против него самого.

Госпожа Дасслеронд по-прежнему до конца не представляла, как будет осуществляться миссия Эйдриана. Придется ли ему отправиться в темные глубины подземного мира, чтобы сразиться с Бестесбулзибаром? Она предполагала, что жертва, которую принесет сын, будет ничуть не меньше той, что принес его отец.

Предводительница эльфов не строила иллюзий по поводу того, что Эйдриан с радостью отдаст жизнь за нее или за Кер'алфар. Нет, в отношениях с ним она действительно все время балансировала на узком бревне. С одной стороны, она должна позволить ему и дальше набираться сил, передавая Эйдриану знания и навыки эльфов. С другой — уравновешивать и

сдерживать все всплески его своеволия.

И конечно же, ей придется хорошенько прятать свой гнев, ибо ее терпение к выходкам Эйдриана убывало с пугающей быстротой.

ГЛАВА 8
РАДИ ВСЕОБЩЕГО БЛАГА

Джилсепони смотрела на охапки цветов со смешанным чувством восторга, искренней благодарности, уважения и… сожаления. Несколько сотен роз и, наверное, столько же гвоздик. Никогда еще она не видела такого множества цветов в одном месте! Никогда еще их сладостный аромат не окутывал ее чудесным незримым покрывалом. Правда, королю Данубу не составило особого труда совершить подобное чудо: достаточно было щелкнуть пальцами и отдать распоряжение многочисленным слугам. Но как давно никто не устраивал для нее настоящего праздника…

Баронессе нравилось внимание короля, немыслимое изобилие цветов наполняло благодарностью ее сердце, и все же к этой радости примешивалось легкое чувство сожаления. До сих пор лето в обществе Дануба проходило просто замечательно. Они вели непринужденные беседы, откровенно говорили о состоянии дел в королевстве и о том, что каждый из них мог бы сделать для облегчения участи простого народа. Король был полон искрящегося веселья, галантен и остроумен. Улыбка почти никогда не сходила с его лица. И хотя Джилсепони устраивали их нынешние отношения, она прекрасно понимала, чем вызваны эти улыбки.

Это и огорчало ее. А теперь еще — море цветов, с раннего утра заполонившее ее спальню и половину верхнего этажа Чейзвинд Мэнор. Самый недвусмысленный знак любви Дануба к ней за все время его пребывания в Палмарисе; самая откровенная просьба перевести их дружескую связь на более высокий и более чувственный уровень. Джилсепони не знала, готова ли она к такой перемене.

Сколько лет вдова Полуночника жила в полной уверенности, что эта сторона жизни окончилась для нее вместе со смертью Элбрайна.

Дануб сидел в гостиной и ждал, когда она спустится вниз. Джилсепони заметила, что король заметно нервничает. Еще бы, ведь он немало рисковал своей гордостью.

Баронесса не знала, как ей следует ответить. Это открытие несколько удивило ее, поскольку ей ни в коем случае не хотелось бы обидеть короля Дануба. Как терпелив он был все эти годы, когда она жила памятью о Полуночнике. Король никогда не оказывал на нее давления. Как же ей теперь поступить?

Джилсепони направилась к Данубу и, когда он встал ей навстречу, поцеловала его в щеку. У королевских телохранителей, стоявших по периметру комнаты, от удивления округлились глаза, а у некоторых даже вырвались приглушенные восклицания.

Дануб, явно застигнутый врасплох, попятился назад, напрягая все силы, чтобы сохранить хоть какую-то видимость самообладания.

— Какие чудесные цветы, — искренне сказала Джилсепони. — Нечасто человек, обладающий вашей властью и положением, берет на себя столько хлопот и идет на такой риск.

Последние слова баронессы немало удивили короля.

— Идет на риск? — повторил он и усмехнулся, покачав головой. — Ты всегда говоришь то, что думаешь, баронесса Джилсепони. Это твое качество приводит меня в восторг.

Теперь и молодая женщина широко улыбнулась.

— Я достаточно повидала в жизни, чтобы волноваться из-за того, как люди воспримут мои слова, — объяснила она. — Примите их как мою искреннюю благодарность.

— За то, что мне удалось сделать твое утро светлее? — спросил Дануб.

Теплая улыбка баронессы была для него лучшим ответом.

— А сегодня действительно славное утро, и прохладный ветер не дает солнцу сделать его жарким, — продолжал король. — Ты не откажешься прокатиться со мной верхом?

Джилсепони и не думала отклонять его приглашение, и вскоре они с Данубом уже неслись по полям, раскинувшимся за Чейзвинд Мэнор. К чести короля, он более не касался вопросов, на которые рассчитывал получить ответ, преподнося цветы. Баронесса оценила его деликатность; ей действительно требовалось время, чтобы наедине с собой всесторонне обдумать этот неожиданный «натиск» Дануба.

Они провели в седле целое утро, а потом вернулись в Чейзвинд Мэнор, где на балконе их ожидал великолепный завтрак. Потом король поинтересовался, не желает ли Джилсепони совершить морскую прогулку и выйти на его корабле в залив Короны, чтобы полюбоваться на забавные игры дельфинов. По словам герцога Брезерфорда, они совсем недавно появились в этих водах.

Джилсепони с радостью приняла бы и это приглашение. Она слышала, как рыбаки говорили между собой об этих грациозных животных, способных выпрыгивать из воды и пролетать по воздуху целых двадцать футов. Однако ей пришлось дать совсем другой ответ.

— К сожалению, я вынуждена отказаться. Сегодня мне предстоит одна важная встреча.

Ей показалось, что Данубу очень хочется расспросить ее об этом; она даже уловила искорку ревности, мелькнувшую в его серых глазах. И опять-таки, к чести короля, он не стал вдаваться в расспросы.

— В таком случае, может у нас хватит времени, чтобы еще покататься? — вместо этого спросил Дануб.

Джилсепони с улыбкой кивнула. Довольно скоро они с королем вновь оказались в седлах и, пустив лошадей неспешным шагом, поехали по живописным полям. В воздухе царил аромат лета, а к стуку копыт примешивалось разноголосое щебетание птиц.

— Замечательный день для прогулки по морю, — как бы невзначай произнес король Дануб. — Так ты и в самом деле не сможешь отправиться со мной?

Джилсепони очень хотелось принять приглашение, и это желание не ускользнуло от проницательного Дануба.

— К сожалению, нет, — ответила она, — поскольку уже обещала встретиться с аббатом Браумином, дабы обсудить некоторые вопросы, касающиеся освящения часовни Эвелина.

— Твоего давнего друга, брата Эвелина, — заметил Дануб. — Когда же в церковных кругах наконец соизволят его канонизировать? Неужели страшные годы нашествия чумы так ничему их и не научили? Разве паломники в Барбакан, что стекались туда со всего королевства, недостаточно убедились в чуде завета Эвелина? Какие еще доказательства нужны церкви?

Баронессе было радостно слышать, с каким уважением король Хонсе-Бира отзывается о ее погибшем друге; тем более что она ощущала искренность его слов — Дануб произносил их вовсе не из желания доставить ей удовольствие.

— Пожалуй, я мог бы переговорить с нынешним настоятелем Сент-Хонса, — предложил король. — Хотя сомневаюсь, чтобы голос Огвэна имел значительный вес в церковных кругах. Во всяком случае, если со времен Маркворта церковь стала более мудрой.

— Как мне говорили, приготовления к канонизации идут без проволочек, — заверила его баронесса. — Даже те, кто не разделяет взглядов Эвелина, ныне не в состоянии отрицать чудес, произошедших на Аиде; по крайней мере, второго чуда. Я уже не говорю о тех, кто вкусил крови завета Эвелина. Вы сами знаете: никто из вкусивших не заболел розовой чумой, а все больные исцелились.

— Если кто и достоин звания святого, так это, конечно же, Эвелин Десбрис, — улыбнувшись, заметил Дануб.

Подняв голову к небу, он заметил, что солнце уже перевалило за полдень. Улыбка на лице короля погасла.

— Тебе пора в Сент-Прешес, — сказал он. — Может, вечером мы встретимся опять?

Джилсепони ответила не сразу. Ее первым порывом было отказаться — разве мало времени провела она сегодня с королем Данубом? Их отношения и так быстро перемещались на другой, не слишком пока желательный для нее уровень. Однако, удивляясь самой себе, она согласилась.

Сияющая улыбка Дануба вполне могла соперничать с солнцем.

— На этот раз ты меня не догонишь! — крикнул он и, развернув лошадь, стремительно поскакал в направлении Чейзвинд Мэнор.

Баронесса и не собиралась сегодня отнимать у короля победу. Да и справедливо ли было поступать так с человеком, усыпавшим цветами весь второй этаж Чейзвинд Мэнор? Но эта благочестивая мысль не задержалась в ее голове, ибо в следующее мгновение она пришпорила Грейстоуна.

Джилсепони успела спешиться и вела Грейстоуна в конюшню, когда к загону подъехал король Дануб.

На его лице сияла все та же лучезарная улыбка.

— Собирается ли он нынешним летом просить твоей руки? — спросил аббат Браумин.

Джилсепони недовольно посмотрела на него. Браумина Херда всегда отличала деликатность. Почему же сегодня он так настойчив и прямолинеен в своих расспросах?

— Все указывает на то, что король Дануб постарается еще до конца года сделать Джилсепони своей королевой, — добавил настоятель Сент-Прешес.

— В таком случае, король известил об этом всех, кроме самой Джилсепони, — довольно резко ответила она.

— Прежде чем решиться спросить об этом, он должен быть уверен в твоем ответе, — продолжал Браумин. — Королю Хонсе-Бира совсем не улыбается услышать отказ!

Баронесса пожала плечами и отвела взгляд. И рассуждения Браумина, и разнесшиеся повсеместно слухи были совершенно верными. Действительно, все свидетельствовало о том, что король Дануб имел непреодолимое желание встать рядом с ней у алтаря Сент-Хонса.

— А что ты сама думаешь по этому поводу? — без обиняков спросил ее друг.

— Неужели мы с тобой мало говорили об этом? — сокрушенно вздохнув, вопросом ответила Джилсепони.

— Выходит, что мало, раз ты не знаешь ответа, — парировал Браумин. — Разве не мой долг — помочь тебе принять это нелегкое решение?

— Ты говоришь о долге настоятеля Сент-Прешес?

— О долге твоего друга, — возразил Херд.

— Тогда и говори со мной как друг, — проворчала Джилсепони. — Я прекрасно понимаю: ты желаешь, чтобы я приняла предложение короля. В таком случае, зачем тебе эти пустые любезности, скрытые намеки и все такое прочее?

Аббат Браумин вперил глаза в пол и глубоко вздохнул.

— Ты права, — сознался он. — Я действительно желаю твоего союза с Данубом, ибо голос королевы Джилсепони зазвучит еще сильнее, а сама она получит больше возможностей, чтобы сделать наш мир лучше, чтобы воздать Эвелину и Джоджонаху то, чего они по справедливости заслуживают. Это для меня — самое главное.

— Однако не тебе предстоит делить с королем жизнь и душу, — напомнила ему баронесса.

Браумин Херд снова вздохнул, даже не пытаясь отрицать уязвимость своей позиции.

— Существует и другая возможность, — немного помолчав, произнес он.

— Я не утверждаю, что намерена отклонить предложение Дануба, если оно последует, — заметила Джилсепони.

— Даже если ты примешь предложение короля, до бракосочетания пройдет еще какое-то время. И пока мы могли бы убедить короля согласиться на такой шаг, который дал бы тебе больше власти и в Палмарисе, и в подчиненных ему землях.

Джилсепони взглянула на него с любопытством.

— Мне предложили возглавить освящение часовни Эвелина и служить там в течение первого года, — сообщил Браумин. — Внешне это выглядит как понижение в звании. Так оно и есть: из настоятеля мне придется превратиться в простого священника. Зато я получаю возможность своими руками превратить скромную часовню в будущий монастырь, который, насколько мне думается, быстро обретет значительное влияние. Место настоятеля Сент-Прешес станет вакантным, и никто лучше Джилсепони не смог бы заполнить эту вакансию.

— Но у меня уже есть титул баронессы… — начала было Джилсепони. И вдруг до нее дошло, куда клонит Браумин.

— Ты хочешь сказать, что обратишься к королю с просьбой вновь учредить епископство? — недоверчиво спросила она. — После всего того, чем окончилось предыдущее?

Тогда все было по-другому, — поспешил заверить ее Браумин.

— После кошмарного правления Маркало Де'Уннеро Дануб ни за что не согласится на возрождение епископства, — убежденно возразила баронесса.

— Не забывай, что и Фрэнсис Деллакорт, и Де'Уннеро были людьми церкви, а не государства. Сейчас же церковь предлагает расширение власти короля Дануба, а не наоборот. Король вполне может согласиться, особенно если учесть, с каким доверием он к тебе относится.

— В таком случае, церковь будет против, — не сдавалась Джилсепони.

— Между прочим, восстановить епископство в Палмарисе предложил мне не кто иной, как магистр Фио Бурэй из Санта-Мир-Абель, — раскрыл свой маленький секрет настоятель Сент-Прешес. — И представь себе, многие в церкви ждут не дождутся, когда твой голос зазвучит с амвона.

Баронессу Джилсепони не особенно удивили эти слова; после явления ей чуда завета Эвелина и всего того, что она сделала в годы борьбы с розовой чумой, отношение церкви к ней значительно изменилось. Но Джилсепони никогда не причисляла Фио Бурэя к тем «многим», о которых сейчас говорил Браумин. Одно то, что подобное предложение, существенно менявшее соотношение светской и церковной власти, исходило от этого магистра, пробудило в баронессе не самые приятные мысли. Возможно, и Бурэй, и остальные церковники смирились с кажущейся неизбежностью ее союза с королем Данубом и теперь заранее, пока еще могли влиять на Джилсепони, пытались заручиться ее голосом.

И потом, заключив брак с Данубом, она переберется в Урсал. Значит, пост епископа окажется вакантным…

— Ты пытаешься играть на расположении короля ко мне, — вдруг с упреком проговорила Джилсепони, распознав то, что было скрыто в словах ее друга. — Я становлюсь епископом, потом — королевой и покидаю Палмарис. И кто же тогда…

— Я не ищу и не искал в этом никакой выгоды для себя! — с жаром заверил ее аббат Браумин.

Подойдя к Джилсепони, он схватил ее за плечи и заглянул прямо в глаза.

— Я никогда бы не стал участвовать во всем этом ради собственной выгоды. Но если ты переберешься в Урсал, то, скорее всего, я действительно стану твоим преемником на посту епископа Палмариса.

— Получается, что и для тебя, и для Фио Бурэя я — только средство, позволяющее вновь укрепить власть церкви в Палмарисе? — осведомилась баронесса, хотя ее вопрос прозвучал больше как утверждение.

— Едва ли, особенно если Джилсепони решит, что после ее отъезда из Палмариса пост епископа должен быть упразднен. Думаю, тебе не составит труда намекнуть на это королю. Повторяю, я не ищу здесь никакой собственной выгоды.

Джилсепони ответила не сразу. Вначале она долго смотрела на своего давнего и дорогого друга. Разумеется, она нисколько не сомневалась в искренности его слов.

— Значит, ты хочешь найти выгоду для церкви, — произнесла она.

— Я ищу выгоду для жителей Палмариса, — поправил ее Браумин. — Когда я

отправлюсь в Кертинеллу, уж лучше оставить город под твоим светским и духовным правлением, чем отдать Палмарис во власть какого-нибудь ставленника магистра Фио Бурэя, присланного им из Санта-Мир-Абель, который ничего не будет знать ни о городе, ни о нуждах горожан. И мне кажется, будет лучше, если после возвращения место епископа займу именно я. Тогда королю не придется посылать сюда бароном человека вроде герцога Каласа или герцога Тетрафеля. Не считай, что я пытаюсь извлечь выгоду из твоих отношений с Данубом. Скорее, я расцениваю их как появление благоприятной возможности, которую грех упускать. Решишься ли ты отрицать выгоду, которую принесет такой шаг нашему общему делу — делу совершенствования мира и людей?

Баронесса и на этот раз не торопилась отвечать, стремясь вначале как следует обдумать услышанное. Безупречная логика все равно отдавала чем-то неприятно пахнущим; за возвышенными и правильными словами настоятеля Сент-Прешес мог скрываться какой-то недостойный расчет. Но, по сути, Браумин был прав: без их совместных усилий мир не сможет стать лучше. Заняв пост епископа Палмариса, она действительно смогла бы реально помочь простым людям.

— Позволь мне и магистру Бурэю встретиться с королем Данубом и переговорить с ним о назначении тебя епископом, — попросил Браумин. — Мы ни словом не обмолвимся о ваших отношениях. Будет лучше, если ты вообще не скажешь мне о своем окончательном решении до тех пор, пока король не сделает тебе предложение.

— Тогда непонятно, почему ты просишь моего разрешения на вашу встречу и беседу с королем? — спросила Джилсепони.

— Потому что ты — мой друг, — не задумываясь ответил Браумин. — Пусть в вопросе учреждения епископства я согласен с магистром Бурэем, пусть мне действительно хочется перебраться на время в Кертинеллу и взять на себя служение в часовне Эвелина… я сразу же откажусь от этого предложения, если пойму, что оно так или иначе может повредить нашей дружбе.

Взгляд Джилсепони блуждал по сторонам, а мысли вновь унесли ее в прошлое: сначала к беззаботным дням детства в Дундалисе, потом к ее жизни в Палмарисе. Правильно ее тогда называли — Бродячая Киска; девчонка-подросток, у которой отшибло память о трагедии, унесшей семью, друзей и веселое детство. Какой же долгий путь проделала она по жизни за эти годы! Сейчас она рассуждает о событиях, способных изменить жизнь десятков тысяч горожан! А если она займет трон Хонсе-Бира, то обретет второй по силе и значимости голос в громадном королевстве. Джилсепони, Бродячая Киска, которой будут вверены жизни уже сотен тысяч людей…

От одной этой мысли у баронессы сжималось сердце. Но она должна преодолеть все страхи и побороть сомнения. Нельзя отказываться от возможности, предоставленной ей судьбой. С тех пор как она покинула Дундалис, чтобы сражаться с розовой чумой, отказавшись от прозвища Пони и представ перед всем миром как Джилсепони, она твердо пообещала себе, что принимает ответственность за судьбу мира и сделает все возможное, чтобы он стал лучше. Такой она и оставалась: Джилсепони, отдающей себя служению людям; Джилсепони, решившей, что долг важнее личных желаний.

Возможно, в Санта-Мир-Абель и плели какие-то закулисные интриги, делая ставку на нее. Однако Джилсепони не верила, что Браумин их поддерживает. Она слишком хорошо знала своего друга, чтобы верить в подобное! Но даже если бы он и был к ним причастен, она не должна отказываться от титула епископа. Население Палмариса и окрестных земель во многом выиграет, если она примет это предложение, а затем скажет королю Данубу, что он поступит мудро, позволив Браумину занять после нее этот пост.

— Король пока что не просил моей руки, — напомнила баронесса настоятелю Сент-Прешес.

Тот широко улыбнулся.

— Что ж, тогда мне придется долго ждать места епископа.

Джилсепони не улыбнулась вместе с ним, а прищурила глаза и внимательно

посмотрела на своего друга.

— На какой срок ты собираешься покинуть Палмарис? — спросила она. — На несколько месяцев, в случае если я перееду в Урсал? Или навсегда, если я останусь здесь?

Браумин Херд засмеялся.

— Ты права. Если ты останешься здесь епископом, мне не будет смысла возвращаться в Палмарис, — ответил он. — Но только потому, что это пойдет во благо жителям города. И потому, что я хочу помочь канонизации Эвелина.

Суровость во взгляде Джилсепони растаяла. Она покачала головой, усмехнулась, а потом крепко обняла аббата Браумина и расцеловала его в обе щеки.

— Миру это принесет благо, но когда тебя не будет рядом, мой собственный мир станет более тусклым.

— Кертинелла не так уж далеко, — возразил Браумин, хотя они оба понимали, что Джилсепони имела в виду совсем не это. Если она согласится выйти замуж за Дануба, их разделит гораздо большее расстояние. Путь из Палмариса в Урсал намного дальше.

Настоятель Сент-Прешес покинул баронессу, оставив ее наедине со своими мыслями. Конечно, слухи о том, что в нынешнем году король Дануб попросит ее руки, были давно ей известны. Но после разговора с Брауминым, поняв, что он считает ее брак делом решенным, Джилсепони впервые почувствовала, насколько все это реально.

Теперь она всерьез задумалась, как и что ей ответить на предложение короля Хонсе-Бира. Не так уж сложно согласиться стать епископом. А королевой?

Джилсепони не пыталась обуздать захлестнувший ее водоворот мыслей. Чтобы успокоиться, она сделала несколько глубоких вдохов. Увы, глубокое дыхание, столь часто выручавшее ее, сейчас не помогало.

Король Дануб Брок Урсальский сидел, разглядывая двух своих гостей. «Как хорошо, — думал он, — что герцог Таргон Брей Калас решил в этом году не ездить в Палмарис». Если бы воинственный вспыльчивый герцог находился сейчас здесь, он наверняка тоже участвовал бы в этой беседе. Дануб представил, как его друг задрожал бы от негодования, услышав, что абеликанские монахи предлагают королю вновь учредить в Палмарисе епископство!

— Вы не должны, ваше величество, сомневаться в том, что Джилсепони способна занять этот пост, — достаточно прямолинейно заявил настоятель Браумин. — Да, вы конечно же правы, полагая, что церковь пытается слегка отвлечь ее от светских дел. А почему бы нет? Вспомните, когда Джилсепони открылся завет Эвелина, она понесла весть о чуде не к воротам Урсальского замка, а к воротам Санта-Мир-Абель. И разве не Джилсепони вместе с Эвелином Десбрисом, который, судя по всему, вскоре будет провозглашен святым, отправилась к Аиде, чтобы уничтожить демона-дракона? Ваше величество, церковь уже много лет подряд желает слышать ее голос.

Эти слова Браумин произнес, сопроводив громким смехом, и заметил, что магистр Бурэй сердито нахмурился.

Король удивленно взглянул на него, однако тоже рассмеялся.

— Не ожидал такой искренности от человека церкви, аббат Браумин, — благожелательно заметил он.

— Возможно, ваше величество, прежде наша церковь не была столь искушена в светской политике, что и заставило вас думать так о ней, — произнес Браумин.

Настоятель Сент-Прешес видел, что магистр Бурэй несколько успокоился и теперь держался более непринужденно, охотно позволяя ему вести беседу с Данубом. Их разговор продолжался около часа, и только сейчас в отношении короля к этой проблеме наметился какой-то сдвиг.

— Мы ведь пришли сюда, чтобы говорить открыто и искренне, — продолжал Браумин, — и предложить вам возможность, одинаково благоприятную и для государства, и для церкви, ибо она сулит немалое благо жителям Палмариса.

— И как по-вашему, долго ли… продержится епископство в Палмарисе? — спросил король.

— Столько, сколько пожелает Джилсепони, — ответил Браумин Херд. — Скорее всего, до тех пор, пока она не обретет иной титул в более южном, нежели Палмарис, городе.

Король Дануб расправил плечи. Магистр Бурэй подался вперед. Их обоих явно ошеломила дерзкая прямолинейность настоятеля Сент-Прешес.

— Что вам известно об этом? — довольно сердито осведомился король.

— Ничего, кроме слухов, которые вот уже два года не смолкают в Палмарисе, — усмехнувшись, отозвался Браумин.

— А вы говорили с Джилсепони об этом… об этих слухах? — спросил Дануб, голос которого непроизвольно дрогнул.

— Ни в коем случае! — вмешался в разговор Фио Бурэй.

Аббат Браумин даже закусил губу, чтобы не расхохотаться, — в голосе однорукого магистра звучал неподдельный ужас. Бурэй опасался, что чрезмерная откровенность настоятеля Сент-Прешес может насторожить короля. Вполне понятный страх, но сейчас глаза Дануба выдали Браумину чувства, владевшие этим человеком. Да, он был королем, великодушным и смелым правителем. Но одновременно Дануб был мужчиной, искренним и открытым, у которого Джилсепони похитила сердце. И здесь он чувствовал себя весьма уязвимым.

— Ваше величество, если бы я и говорил с Джилсепони, то не имел бы права передавать вам содержание нашего разговора, — сказал Браумин. — Джилсепони Виндон — мой самый лучший друг, и я никогда не предам ее.

Король хотел что-то сказать, но его собеседник продолжал:

— Однако, ваше величество, у вас нет оснований опасаться за свою репутацию или сомневаться в чувствах баронессы. Если бы я знал, что она отвергнет ваше предложение, то открыто сказал бы вам об этом — причем без свидетелей.

— Но вы знаете, что она его не отвергнет, — заключил Дануб.

Настоятель Сент-Прешес пожал плечами.

— Мне думается, она сама пока этого не знает, — признался он, — но могу заверить вас: Джилсепони искренне восхищается вами и испытывает к вам уважение.

— А любовь? — спросил король.

Херд снова пожал плечами, но его улыбка была такой теплой, что Дануб, похоже, и без слов понял, что хотел сказать его собеседник.

— Что ж, я предложу Джилсепони занять пост епископа, — после недолгих раздумий решил Дануб. — И посмотрим, как долго ей придется носить этот титул, — хитро добавил он.

Как только монахи покинули кабинет, в котором проходила аудиенция, магистр Бурэй тут же набросился на Браумина.

— Что дернуло вас пойти на такой риск? — сердито вопрошал однорукий магистр. — Никто не имеет права говорить с королем Хонсе-Бира, будто с обычным человеком!

— В данном случае, магистр Бурэй, мы говорили не о политике, — небрежно заметил аббат Браумин. — Вопрос касался будущего Джилсепони — моего близкого и преданного друга. Я никогда не променяю ее счастье на вашу победу в выборах. И учтите: каким бы ни был их исход, голос Джилсепони будет иметь немалый вес на Коллегии аббатов, а настоятель Сент-Прешес Браумин Херд с его, надеюсь, не менее весомым голосом будет полностью солидарен с Джилсепони.

Фио Бурэй буквально лишился дара речи. Он никак не предполагал, что Браумин обратит против него его же собственный замысел!

Настоятель Сент-Прешес остановился и повернулся, глядя рассерженному магистру прямо в глаза.

— Мы с Джилсепони оба согласились на ваши предложения, поскольку в них есть здравый смысл. Мне хотелось узнать, согласится ли с теми же доводами и король Дануб,

потому что Джилсепони необходимо получить ответ, который исходил бы из глубины сердца. Да, я пошел на серьезный риск, но это был единственный путь, если иметь в виду возможную победу или поражение для церкви.

— Чего ж тут удивительного? Вы же настоятель аббатства, — напомнил ему Бурэй.

— Я сначала друг Джилсепони, а уже потом — настоятель, — невозмутимо ответил Браумин.

Он повернулся и зашагал прочь, будучи твердо уверен, что Фио Бурэй за ним не последует.

ГЛАВА 9
ВЕСЕЛОЕ НАЧАЛО — КРОВАВЫЙ КОНЕЦ

Едва Микаэль и Джеллус появились в общей хижине деревни Миклина, как Де'Уннеро понял: что-то затевается. Здесь же собрались все охотники. Такое бывало редко, особенно сейчас, когда лето заканчивалось и все они пропадали с утра до вечера в лесу, ставя силки и ловушки. Жители деревни готовились к традиционному осеннему путешествию в поселок, называвшийся Перекресток Удачи, где охотники из всех окрестных селений сбывали свою добычу. По местным понятиям, до Перекрестка Удачи было не так уж и далеко — всего сто миль.

Однако нынешним вечером охотники, и даже их предводитель — угрюмый Миклин, почему-то остались в деревне, хотя звездный и не особо прохладный вечер был идеальным временем, чтобы ставить ловушки.

Беседа лилась неторопливо и непринужденно. Собравшиеся обсуждали скорое путешествие в Перекресток Удачи, то, сколько надеются выручить за меха, и сколько выпивки, угощений и женской ласки можно будет купить на эти деньги. Де'Уннеро подобные разговоры занимали мало. Посидев какое-то время с остальными охотниками, он встал и направился к двери, намереваясь улечься сегодня пораньше. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как его окликнул Миклин:

— Эй, Бертрам, куда это ты?

Де'Уннеро остановился. Обычно дородный предводитель деревни замечал его только тогда, когда хотел поручить какую-то работу. Бывший монах не помнил, чтобы Миклин обращался к нему по имени, не намереваясь отпустить при этом какую-нибудь грубую и неуклюжую шутку. Нет, охотники явно что-то затеяли.

— Я хочу выспаться, чтобы завтра заполнить вторую поленницу, — повернувшись, объяснил Де'Уннеро.

Он заметил, что все внимательно смотрят на него, причем по их лицам блуждают гадкие ухмылки.

— Завтра день снова обещает быть жарким. Хочу управиться с дровами, пока солнце не начнет слишком печь.

— Думаю, завтра тебе будет не до работы, — послышался голос Микаэля.

Охотники дружно заржали.

— Как пить дать, проспишь до вечера, — согласился другой житель деревни, которого звали Джедид. — А уж вывернет тебя, истинно говорю, на славу!

Миклин оглушительно расхохотался и кивком головы подал знак. Тотчас же к Де'Уннеро подошел, пряча руки за спиной, один из охотников. Подмигнув бывшему монаху, он выставил руки вперед. В одной была серебряная кружка, другая сжимала бутылку.

Де'Уннеро насторожился. Он считал, что охотники уже выразили ему свою скупую признательность за избавление деревни от шайки головорезов. Его дружески похлопали по спине, а кое-кто предложил поделиться с ним золотыми, которые будут выручены за меха. Теперь он понял, что эти люди решили более основательно выразить ему свою благодарность. А почему бы, собственно, и нет? Храбрость Де'Уннеро сохранила им более половины добытых за лето мехов, несколько лошадей и немало полезных вещей, особо

ценных в этой глуши. Более того, кому-то из них он наверняка спас жизнь. Ведь если бы грабители, затаившись в деревне, встретили возвращающихся охотников…

Однако бывший монах не хотел никаких торжеств и приветственных речей в свою честь, а уж тем более — крепкой выпивки. Ему вообще не хотелось вспоминать об этом случае; он по-прежнему воспринимал свои действия как позорную уступку кровожадному тигру-оборотню.

Четырнадцать глоток меж тем с громогласным воодушевлением выкрикивали имя Бертрама Даля. Пятнадцатый охотник откупорил бутылку. Пробка с шумом вылетела. Де'Уннеро понял: они решили угостить его эльфийским вином — редким и исключительно дорогим, которое носило название «болотного». Широко ухмыляясь и показывая все шесть своих уцелевших зубов, охотник наполнил кружку до половины и подал Де'Уннеро.

— За то, что ты избавил меня от необходимости расправляться с этими проходимцами, — возвестил Миклин, поднимая вверх кружку.

Все вскинули руки, изъявляя готовность выпить за здоровье Де'Уннеро. Все, кроме его самого.

Маркало Де'Уннеро стоял, глядя на светлую, слегка пенящуюся жидкость, вдыхал тонкий аромат вина и думал о том, что не имеет права портить этим людям праздник. Они не пожалели для него «болотного» вина! В здешней глуши им пришлось выложить за эту бутылку немало золотых. Увесистый мешочек, никак не меньше.

Охотники продолжали стоять с поднятыми кружками. Все не сводили глаз с Де'Уннеро и терпеливо ждали.

— Пей быстрее да расскажи-ка еще раз, как ты их уложил! — крикнул кто-то из угла, и хижина затряслась от раскатов хохота.

Неожиданно для себя Де'Уннеро тоже рассмеялся.

— Я сделал лишь то, что требовалось, и не больше, — сказал он.

— Ты сначала выпей, говорить будешь потом! — крикнули ему, и пространство хижины вновь наполнилось приветственными возгласами:

— Давай, Бертрам Даль, не подкачай и на этот раз!

Все поднесли свои кружки к губам.

Де'Уннеро медленно и осторожно глотнул содержимое серебряной кружки. Горло слегка обожгло, потом он почувствовал терпкий и обманчиво легкий вкус вина. Пусть не по собственному опыту, но Де'Уннеро знал о сокрушительной силе «болотного» вина. Он, отдавший годы воспитанию воли и самообладания, догадывался, какими коварными врагами и того и другого являются хмельные напитки. Он повидал достаточно пьяниц, побиравшихся у ворот Санта-Мир-Абель, и никогда не испытывал ни малейшего сочувствия к этим слабым, никчемным людям.

Но сейчас он все же выпил, медленно, одним длинным глотком втянув в себя вино. Потом бывший монах выпрямился, утер губы и в течение некоторого времени пытался вернуть ясность мышления. По меркам охотников, он выпил совсем немного, но даже после этой порции голова сразу же пошла кругом.

— А теперь рассказывай! Говори! — закричал кто-то, но его голос потонул среди еще более громких выкриков: — Несите закуску!

К счастью для Де'Уннеро, желание подкрепиться все же возобладало. Вскоре на столах появились подносы с жареным мясом, приправленным ягодами, и другие — с лепешками. И когда только охотники успели напечь их столько?

Бывший монах с радостью принялся за еду: во-первых, она избавляла его от необходимости рассказывать, а во-вторых — помогала успокоить взбудораженный вином мозг.

Охотники уселись, и их разговор возобновился. Подносы путешествовали между столами, бутылки, разумеется, тоже. Вопросы так и сыпались на Де'Уннеро; каждому хотелось знать, как это ему удалось одному справиться с тремя вооруженными разбойниками, а потом догнать и прикончить четвертого.

Де'Уннеро повторил свой рассказ, стараясь говорить как можно скромнее и приписывая свою победу исключительно везению, а не собственным боевым навыкам. Меньше всего он хотел, чтобы охотники узнали о его воинском искусстве, поскольку это непременно вызвало бы желание померяться с ним силами.

Все прочие разговоры стихли; собравшиеся внимательно слушали бывшего монаха.

Охотник, сидевший рядом с ним, поднял бутылку с «болотным» вином, готовый вновь наполнить серебряную кружку рассказчика.

Не прерывая своего тщательно продуманного и отчасти выдуманного повествования, Де'Уннеро прикрыл кружку ладонью. Довольно, пусть пьют без него.

— Гляди, лепешки у тебя совсем засохли, — возразил охотник, держащий бутылку. — Ты никак собираешься глотать их всухомятку?

Смеясь, он попытался отодвинуть ладонь Де'Уннеро. Не прекращая говорить, бывший монах едва заметным движением схватил руку охотника и с шумом ударил ею по столу.

Не слишком сложный прием, зато проведен он был настолько четко, что у наблюдавших за ним охотников широко распахнулись глаза. Пожалуй, подумал Де'Уннеро, теперь им стало понятнее, как тихий и неприметный Бертрам Даль сумел в одиночку отразить набег на деревню.

— С меня довольно выпивки, — спокойным тоном сказал он охотнику, отпуская его руку и вновь прикрывая чашу ладонью. — Плесните-ка мне лучше голубичного сока, если он у нас остался.

Кто-то принес бурдюк с соком и налил ему. Де'Уннеро быстро закончил свой рассказ.

Поев, он сделал еще одну попытку отправиться восвояси, но охотники и слушать об этом не пожелали, заявляя, что пирушка только началась. Часть из них вернулись к своим разговорам, но большинство сгрудились вокруг Де'Уннеро, снова и снова требуя повторить рассказ о закончившейся столь славной победой схватке.

Бывший монах подыгрывал собравшимся и вскоре с удивлением признался себе, что наслаждается их вниманием. Может, в том было виновато вино, а может, он устал от необходимости скрывать свое истинное лицо и все, на что способен. Когда-то — как же давно это было! — он любил беседы, особенно если речь в них шла о его персоне. В Санта-Мир-Абель знали, что Де'Уннеро не упускает возможности лишний раз себя похвалить и не прочь похвастаться собственными достижениями. Но он никогда не говорил о том, чего не мог показать или доказать.

Итак, бывший монах сидел, наслаждаясь общением с его… наверное, друзьями. Пожалуй, эти охотники были ближе, чем кто-либо прежде, к тому, чтобы стать его друзьями. Было какое-то бесхитростное очарование в этой веселой шумной пирушке и в самом вечере, протекавшем легко, без неприятных последствий, если не считать головной боли поутру.

Вскоре Маркало Де'Уннеро забыл о своем решении пораньше улечься спать.

— А наш дружок — упрямая задница, — шепнул Микаэль, наклонившись к Джеллусу.

Он мотнул головой, откидывая с конопатого лица длинные сальные волосы, подмигнул и незаметно проскользнул за спину Бертрама Даля. Он терпеливо дожидался, пока герой сегодняшней пирушки поставит кружку с соком на столик и продолжит свою речь.

Улучив момент, Микаэль плеснул в кружку Даля из своей и вернулся на место.

— Я скажу другим, чтобы тоже не зевали, — пообещал Джеллус.

Он широко растянул в улыбке рот, обнажив кривые желтые зубы, и заглянул в собственную кружку, сосредоточенно разглядывая синеватые пятна, которые оставляла на ее стенках смесь «болотного» вина и голубичного сока.

— Капелька за капелькой, — объяснил свою затею Микаэль. — Иначе он учует, и тогда нам несдобровать.

Оба охотника расхохотались. Джеллус проделал то же самое, что и его приятель: незаметно плеснул в кружку Бертрама вина. Потом он заботливо долил туда соку из бурдюка и пошел выбирать очередного «заговорщика».

С каждым разом количество подливаемого Бертраму Далю вина увеличивалось, но он так и не заметил подвоха. Обычно сдержанный и скрытный, их дровосек менялся буквально на глазах. Он смеялся все громче, говорил все более возбужденно. В какой-то момент он вскользь упомянул, что одно время был причастен к абеликанскому ордену и даже находился в знаменитом монастыре Санта-Мир-Абель!

Микаэль получал истинное удовольствие от своей уловки, считая ее совершенно безобидной шуткой.

— Так значит, ты был связан с церковью? — спросил у Бертрама Даля Джедид.

Удивленный голос охотника напомнил Маркало Де'Уннеро о необходимости следить за своей речью. Неужели он сболтнул о своей причастности к ордену Абеля?

— Да нет, с чего ты взял? — ответил бывший монах. Он лихорадочно пытался вспомнить, что именно мог сказать о церкви и как отвести от себя возможную опасность.

— Постой, да ведь ты только что говорил, что работал в Санта-Мир-Абель. Кажется, где-то на востоке есть такой монастырь, верно я говорю? — поддержал Джедида другой охотник.

Судя по его более грамотной речи, Де'Уннеро заключил, что этот человек поумнее и пообразованнее остальных и кое-что знает о монастыре.

— Ты даже сказал, что смотрел на залив со стены аббатства, а к стене, выходящей на море, простых работников вряд ли допускают, — продолжал настырный охотник, и опасения Де'Уннеро с каждым мигом усиливались. — А теперь отпираешься от своих же слов. Так что из сказанного тобой считать за правду?

Бывший монах попытался вспомнить каждое свое слово и отыскать какой-нибудь выход.

— Чего ты от него допытываешься? — поинтересовался у своего приятеля Джедид.

— Я жил какое-то время в тех местах и немного знаю о тамошних порядках.

Охотник посмотрел на явно растерянного Де'Уннеро и с усмешкой добавил:

— Ты ведь носил сутану, скажешь, нет?

— Недолго, — ответил бывший монах. — Совсем недолго. Я быстро понял, что у меня мало общего с нынешней абеликанской церковью.

— Нет, ты, должно быть, попал туда намного раньше, — не отставал живший в тех местах охотник. — Ты вступил в орден лет в двадцать. Верно?

Де'Уннеро слегка кивнул и потянулся к своей кружке, осушив ее одним глотком.

Горло обожгло. Он не сразу понял, что к чему, но потом глаза Де'Уннеро округлились от неожиданного открытия. Так вот, оказывается, почему он допустил такую непростительную ошибку.

— Я не люблю и не хочу вспоминать о том времени, — сказал бывший монах.

Он довольно неуклюже поклонился собравшимся в хижине и направился к двери; его шатало из стороны в сторону. Де'Уннеро надеялся, что на свежем воздухе ему станет легче. Сейчас ему больше всего хотелось исчезнуть, растворившись в темноте летней ночи.

Однако охотники еще не утолили свою жажду в который уже раз выслушать удивительную историю о том, как Бертрам спас их деревню. Они загородили ему путь и стали оттеснять обратно. Де'Уннеро ничего не оставалось, как плюхнуться на заботливо подставленный ему стул.

Он заметил, как рядом тут же появился Микаэль, который поставил кружку на ближайший стол, а затем пододвинул его к стулу.

Де'Уннеро тоскливо посмотрел на кружку, потом прямо в глаза Микаэлю, но чумазый охотник в ответ лишь ухмыльнулся.

Бывшего монаха снова стали забрасывать вопросами. Де'Уннеро едва их слышал, ибо его сейчас больше всего занимало происходящее у него внутри. Положение, в котором он оказался, было для него непривычным и неприятным. Сам того не желая, он расслабился всем телом. Перед глазами плавал туман. К происходящему вокруг он относился с непривычным легкомыслием. Умом бывший монах понимал, что можно, а чего нельзя

говорить, но почему-то вновь начал с излишней откровенностью отвечать на вопросы. Более того, он даже не сразу сообразил, что его втянули в разговор!

— А я хочу еще послушать про Санта-Мир-Абель, — решительно заявил Джедид, проталкиваясь сквозь кольцо охотников, окруживших Де'Уннеро. Причем на ногах он к этому времени держался уже плохо и по этой причине почти плюхнулся к деревенскому дровосеку на колени.

Де'Уннеро почувствовал, как внутри у него пробуждается тигр, и напряг всю свою волю, чтобы подавить звериный рык, рвущийся из горла. По мере того как слабела человеческая природа бывшего монаха, тигр-оборотень, наоборот, набирал силу.

Но пока Де'Уннеро еще мог подавить зверя. Только бы эти глупцы не лезли к нему вплотную и перестали бы донимать его своими идиотскими вопросами…

— Как-нибудь я тоже отправлюсь в этот самый Санта-Мир… истинно говорю! — продолжал бубнить Джедид.

С каждым словом, произносимым заплетающимся языком, и с каждой попыткой удержать непослушное равновесие его рука с кружкой вздрагивала, расплескивая содержимое на штаны Де'Уннеро.

Бывший монах прикрыл глаза. Главное — удержать зверя, не дать ему вырваться…

Ему в руки сунули кружку, сопроводив это действие нестройным громогласным хором:

— А ну давай, а ну еще!

Де'Уннеро, пытаясь воспротивиться, сумел выплеснуть половину налитого вина себе на колени. Он вскочил — и вдруг отчетливо ощутил в себе натиск рвущегося наружу зверя. Тогда бывший монах вновь опустился на стул и сосредоточил остатки сил на внутренней борьбе, поэтому даже не заметил, как кто-то наклонил кружку, все еще зажатую в его пальцах, и влил-таки выпивку ему в рот.

Он инстинктивно глотнул и почувствовал жжение в горле. Подвыпившие охотники настолько обнаглели, что уже не пытались делать вид, будто наливают ему голубичный сок.

Де'Уннеро не мог даже обругать их; все его внимание было поглощено внутренней борьбой. Он смутно ощущал, как ему поднесли ко рту новую порцию, потом еще одну.

Тогда бывший монах вскочил со стула, отшвырнув кружку, и поплелся к двери, требуя и умоляя, чтобы от него наконец отвязались.

На этот раз никто не пытался его удержать. Де'Уннеро кое-как добрался до двери и с размаху врезался в стену. Опершись об нее, он ухитрился повернуться, оставшись на ногах. Закрыв глаза, бывший монах старался дышать как можно глубже, с каждым вдохом загоняя тигра внутрь и заставляя себя успокоиться.

Похоже, он все-таки одолел зверя. Только бы они дали ему спокойно постоять здесь и больше не лезли с разговорами и выпивкой…

Этого будет достаточно. Нужно просто успокоиться.

Глаза Де'Уннеро оставались закрытыми, а все мысли были направлены на восстановление внутреннего равновесия. Поэтому он не заметил, как рядом с ним очутился грузный Миклин. Предводитель деревни был уже заметно пьян.

— Нет, ты все-таки скажи, как ты это обделал? — спросил рослый охотник, сильно ткнув Де'Уннеро в плечо.

Сморщившись больше от разброда в мыслях, нежели от грубого тычка, бывший монах открыл глаза и вопросительно поглядел на деревенского главаря и тех, кто стоял за его спиной, ухмыляясь во весь рот.

— У вас что, язык отсох, господин Бертрам Даль? — не унимался Миклин, снова обрушив свою ручищу на плечо Де'Уннеро. — Ты же такой щуплый, и вдруг уложил четверых разбойников. А может, у тебя дружки завелись, о которых мы знать не знаем?

И предводитель охотников в третий раз ткнул его в плечо. Де'Уннеро внезапно сообразил, что этот глупец лупит прямо по тигру!

Вот он, тут как тут, опасный и кровожадный зверь. Кулак Миклина послужил ему маяком, манящим за пределы разума Маркало Де'Уннеро, ослабленного выпитым.

— И когда это ты успел стать таким непобедимым бойцом? — спросил Миклин, приблизив свое лицо почти вплотную к Де'Уннеро; слова вылетали из его рта вместе с брызгами слюны. — А не хочешь ли ты показать нам свое умение? Это ж надо — уложить троих вооруженных молодцов!

Он обернулся к нескольким ближайшим зрителям и пьяно ухмыльнулся.

— Видать, он этому научился, пока колол дрова!

Раздался взрыв хохота. Предвкушая потешное зрелище, к ним, покачиваясь на нетвердых ногах, стали подходить и остальные охотники. Те же, кто видел все с самого начала, понимающе улыбались.

Идиоты, подумал Де'Уннеро. Если бы они знали, куда на самом деле бил Миклин своим увесистым кулаком! Да и может ли тот, кто никогда не видел тигра-оборотня, понять, что такое мощь и ярость выпущенного на волю зверя?

Бывший монах отошел от стены и решительно выпрямился.

— Каких-то трое жалких разбойников! — прямо-таки взвыл от смеха предводитель деревни.

Повернувшись, он с силой толкнул Де'Уннеро обратно к стене.

— Четверо, — спокойно поправил его тот. — Не забывай, что одного я прикончил на дороге. Заодно я убил и его лошадь.

— Ну и дурак! — зарокотал Миклин.

Де'Уннеро понимал причину его злости. С самого основания этой деревушки Миклин являлся ее единственным и непререкаемым вожаком, предводителем, не имевшим соперников. Пожалуй, он бы меньше злился, если бы Де'Уннеро сказал что-то против него или проявил неповиновение. И ведь не придерешься: этот дровосек совершил мужественный и благородный поступок. Однако Миклин сразу почуял угрозу своей беспредельной власти.

Де'Уннеро видел, как в уязвленном и разгоряченном выпивкой сознании Миклина закипает ярость. Тело предводителя охотников сотрясала дрожь. Еще немного — и произойдет неминуемый взрыв.

— Четверо, так он говорит! — орал он. — Все слышали? Это же наш герой говорит!

— Оставь его лучше в покое, Миклин, — посоветовал один из охотников. — Он же не сделал ничего плохого. Наоборот, спас деревню и наше добро.

— Но он должен показать нам, как он сражался с этими проходимцами! — не унимался предводитель деревни. — Мы все должны научиться сражаться, как непобедимый Бертрам Даль!

С этими словами он схватил Де'Уннеро за плечи и оторвал от стены. Точнее, попытался оторвать, ибо мгновение спустя Миклин, взвыв, прижал руки к лицу… К тому, что осталось от его лица.

Маркало Де'Уннеро почти не придал значения случившемуся. Он бросил взгляд на свою правую руку, успевшую превратиться в тигриную лапу. На острых когтях болтался окровавленный кусок плоти.

В хижине воцарилась мертвая тишина. Глаза собравшихся были устремлены на Де'Уннеро и Миклина. Оцепеневшие охотники стояли разинув рты, не в силах поверить увиденному.

Бывший монах понял: случилось непоправимое и ему уже не совладать с вырвавшимся на волю зверем. Его затуманенное выпивкой сознание не могло одновременно противостоять пьяным угрозам людей и натиску зверя внутри себя. Еще немного — и он полностью превратится в тигра. Де'Уннеро попытался крикнуть охотникам, чтобы те бежали отсюда со всех ног и заперлись в самом крепком доме или же взялись за оружие и убили его на месте. Но вместо слов из его рта вырвалось громкое звериное рычание.

Де'Уннеро почувствовал, как его тело скрутили судороги. Превращение началось. Он слышал, как разом протрезвевшие от ужаса охотники окликали его, спрашивая, что произошло, и требуя объяснений. Кто-то кричал, чтобы помогли Миклину. Ослепший и изуродованный, тот корчился на полу хижины в предсмертных муках.

Однако мгновение спустя никто уже не обращал внимания на несчастного предводителя. Все застыли, наблюдая за невероятным зрелищем превращения Бертрама Даля в тигра. Потянулись секунды тишины, казавшиеся бесконечными.

А затем грянул взрыв. Тигр вырвался наружу. Брызнула кровь, заливая стены и пол. Охотники тщетно пытались защититься от разъяренного зверя — разве можно было остановить его голыми руками?

Несколько человек все-таки сумели вырваться из хижины, но тигр-оборотень бросился за ними. Он гонял их по деревне, убивая одного за другим и раздирая в клочья их тела. Перекусив жертве горло, он бросал ее умирать. Двоим охотникам удалось схватиться за оружие, но даже когда к ним примкнули еще трое, они не смогли противостоять яростному и неукротимому зверю.

Очнулся Маркало Де'Уннеро уже в лесу, невдалеке от деревни. Перед его глазами проплывали ужасные сцены кровавого пиршества; в ушах звенели крики умирающих охотников. Однако он так и не знал, сколько человек из полутора десятков пали жертвами когтей и зубов вырвавшегося из-под его власти тигра.

У него ломило все суставы, голова трещала от вчерашней попойки. Надо же было этим глупцам напоить его себе на погибель! Де'Уннеро поднялся и побрел в направлении деревни. Там, в лесу, совсем неподалеку от хижин, он устроил тайник, закопав все необходимое на случай вынужденного бегства. В тайнике хранилась одежда, бурдюк для воды, нож и, что важнее всего остального, несколько пергаментных свитков, десять лет назад похищенных им из Санта-Мир-Абель. Тогда его посылали на юг, чтобы проверить доходившие до монастыря слухи о нашествии розовой чумы.

Де'Уннеро инстинктивно прижал свитки к груди. Глаза его были устремлены на деревню Миклина. Между домами передвигалось несколько человеческих фигур. Бывший монах обрадовался: значит, он убил не всех. Однако, если остались свидетели ужасной резни, придется ждать новых страшных пересудов о свирепом человеке-тигре, хозяйничающем в западной оконечности Хонсе-Бира.

В отличие от преданий о его боевых подвигах, такие рассказы вызывали в Де'Уннеро не гордость, а отвращение.

Бывший монах горестно вздохнул. Каким бы громадным ни казался мир, он все равно недостаточно велик, чтобы вместить Де'Уннеро. Перепачканный кровью своих вчерашних жертв, смертельно уставший изгой побрел прочь. Куда он направится теперь? Сколько еще таких же затерянных в глуши деревушек попадется ему на пути?

Да и имел ли он право, если рассуждать по совести, вновь вторгаться в жизнь других людей? Де'Уннеро должен был ответить себе на этот вопрос. Вплоть до вчерашней пирушки ему казалось, что он наконец-то полностью подчинил тигра своей власти. Пусть это стоило ему немалых усилий, бывший монах искренне верил, что вполне способен противостоять натиску тигра. Конечно, вчера зверь вырвался не сам по себе; эти идиоты сделали все, чтобы выманить его наружу. Но кто поручится, что где-нибудь в другом месте он, Де'Уннеро, вновь не попадет в чрезвычайные обстоятельства? Самое скверное, что тигр сумел сломать барьер его воли и самообладания и теперь будет непросто заставить зверя подчиняться себе.

Сейчас тигр-оборотень был сыт. Де'Уннеро отдавал себе отчет, что только поэтому, заметив оставшихся в живых людей, он не превратился в зверя и не бросился в деревню завершить кровавое пиршество. Однако тигр лишь затаился, готовый в любую секунду вырваться на волю и уничтожить врагов Де'Уннеро.

— Если бы он уничтожал только врагов, — вслух произнес бывший монах, чтобы хоть немного себя подбодрить.

Нет, кровожадный зверь уничтожал всех, кто оказывался у него на пути, убивая без всякого разбора. Убивая ради того, чтобы убивать.

Несчастные жители деревни Миклина, да и сам их предводитель, невзирая на его жестокие выходки… они не заслужили такой участи. Надо было просто расквасить Миклину

физиономию, возможно, поколотить как следует. Остальные охотники были бы, скорее всего, на стороне Бертрама Даля; они ведь видели, с каким упрямством их предводитель нарывался на драку. Но то-то и оно, что просто отдубасить пьяного Миклина он не мог, и бывший монах прекрасно сознавал это. Если бы он дал выход своему гневу, то тем самым открыл бы путь тигру. Хуже всего, что и подавляемый гнев тоже выпускал зверя на свободу.

Де'Уннеро сознавал безысходность собственного положения. В какую бы деревню он ни пришел, одно его появление там неминуемо подвергнет жителей смертельной опасности.

Он не мог позволить себе повторения случившегося. Пора признать горькую истину его долгой внутренней борьбы с тигром.

Зверь в нем был сильнее человека.

Обреченный на изгнание, на жизнь отшельника, Маркало Де'Уннеро покинул деревню Миклина. Он двинулся не на восток, а на запад, уходя еще дальше от обжитых и населенных мест Хонсе-Бира.

Де'Уннеро пробродил по лесам много дней. Бывший монах не испытывал недостатка в пище. Раздавленный грузом страшной истины, он уже не пытался сдерживать настойчивые требования тигра. Когда Де'Уннеро чувствовал голод, громадный зверь сам вырывался наружу и с легкостью находил добычу.

Бывший монах потерял счет времени. Он не знал, сколько миль отделяло его теперь от деревни Миклина. В один из таких дней, ближе к вечеру, он брел вдоль цепи высоких утесов, и вдруг осенний ветер донес до него звуки лютни. Вскоре к музыке присоединился голос. Маркало Де'Уннеро хорошо помнил этот голос.

Обуреваемый в одинаковой степени желанием выговориться и желанием мести, бывший монах побрел дальше, пытаясь определить направление, откуда долетали звуки. Ему казалось, что они несутся отовсюду, эхом отражаясь от каменных уступов.

В голове мелькнула мысль: а не выпустить ли тигра? Зверь наверняка без труда разыскал бы певицу. Однако Де'Уннеро сразу же отбросил эту мысль. Ему отчаянно захотелось побыть в обществе другого человека.

Солнце начало опускаться за горизонт. Пение ненадолго прекратилось, потом лютня и голос зазвучали вновь. Теперь у Де'Уннеро появился надежный ориентир: он заметил пламя костра.

Бывший монах стал быстро приближаться к огню, даже не пытаясь идти крадучись. Вскоре он увидел место, где расположилась Садья. Он подошел и остановился прямо перед изумленной женщиной. Их разделял только костер.

Садья вскочила на ноги, загородившись лютней и испуганно озираясь по сторонам. Де'Уннеро думал, что она бросится бежать. Но нет; похоже, певица быстро смирилась с этим ударом судьбы. Она опустила лютню и даже сумела изобразить на лице растерянную улыбку.

— Никогда бы не поверила, что ты окажешься таким упрямым и станешь преследовать меня, — произнесла Садья.

— Дело не в упрямстве и не в желании преследовать, — признался Де'Уннеро. — Я совершенно случайно натолкнулся на тебя. Мне просто повезло.

— Кому повезло, а кому и нет, — заметила женщина.

Де'Уннеро неопределенно пожал плечами.

— Я сочиняю новую песню, — немного помолчав, сообщила Садья. — Хочешь знать, как я ее назвала? «Баллада о храбром Де'Уннеро».

Бывший монах даже подпрыгнул от неожиданности.

— Не отрицай, ведь это твое настоящее имя, — продолжала певица. — Хотя мне почему-то думалось, что ты намного старше.

Удивленный, он не сводил с нее глаз. Садья звонко и переливчато рассмеялась.

— Я ничуть не сомневаюсь, что ты и есть Де'Уннеро! Все движения выдают в тебе абеликанского монаха. Бывшего абеликанского монаха.

— На свете много бывших абеликанских монахов, — только и смог выдавить из себя

Де'Уннеро.

— А сколько из них умеют превращаться в тигра? — невинным тоном осведомилась женщина.

Она улыбалась искренне и непринужденно. Вот тебе и глупенькая певичка!

Де'Уннеро угрожающе прищурился; ему хотелось согнать с лица женщины эту самодовольную улыбку.

— Помнишь слухи о странной гибели барона Рошфора Бильдборо? — спросила Садья. — Они были связаны с епископом Маркало Де'Уннеро.

— У тебя слишком богатая фантазия.

— Таково уж мое ремесло, — отозвалась певица. — Я собираю сказания, облагораживаю их и вновь пускаю в мир. Но если слухи верны, то легенда о Маркало Де'Уннеро почти не потребует приукрашиваний.

— Эти слухи верны, — признался бывший монах.

— Вряд ли они все тебе известны, — возразила Садья.

— В любом из них достаточно такой правды, что ложь становится просто бессмысленной, — произнес Де'Уннеро.

— Так значит, ты — тот самый Маркало Де'Уннеро, оставшийся в живых вопреки всем усилиям вдовы Элбрайна Виндона?

— Которую сделал вдовой именно я, — сказал Де'Уннеро.

Увидев, как Садья удивленно вскинула свои тонкие брови, он добавил:

— Да, это я, Маркало Де'Уннеро, убил Полуночника, да будет проклято его имя.

Певица покачала головой, ошеломленная признанием. Она едва верила своим ушам.

— Но зачем ты мне об этом рассказываешь?

— А почему я должен молчать? — вопросом ответил ей Де'Уннеро. — Все эти годы мне приходилось скрывать свое настоящее имя и историю моей жизни. Чем я рискую, сказав тебе об этом?

— Значит, ты намерен убить меня, — не столько вопросительно, сколько утвердительно произнесла Садья.

— А помнишь, как твои дружки обошлись со мной? Скажи, какие после этого у меня основания оставлять тебя в живых? — спросил бывший монах.

Певица пожала плечами.

— Убив меня, ты опять останешься один, — заметила она.

— Это произойдет, даже если я и сохраню тебе жизнь, — возразил Де'Уннеро. — Ты собственными глазами видела зверя, в которого я обернулся.

Садья снова замолчала, что-то обдумывая.

— Значит, рассказ о твоем последнем сражении с Джилсепони Виндон — правда, — произнесла наконец она. — Говорят, Джилсепони выманила из тебя тигра, показав твою истинную суть жителям Палмариса, герцогу Тетрафелю и его солдатам. А потом она прогнала тебя из города.

— Выманила или я позволил ей выманить? — небрежно передернув плечами, спросил Де'Уннеро, изо всех сил стараясь показать, что его эти слова нисколько не задевают.

Он понял, что перестарался, ибо лицо Садьи вспыхнуло. Она поняла!

— Так я жду оснований, руководствуясь которыми, как ты считаешь, я мог бы оставить тебя в живых, — холодно напомнил бывший монах.

Садья пристально взглянула на него.

— Судьба не обделила меня различными талантами, — сказала она, кивнув на лютню. В ее голосе ясно слышались нотки откровенной плотской страсти.

Теперь настал черед Де'Уннеро рассмеяться ее словам.

— Ты никак предлагаешь мне свое общество? — поинтересовался он. — И это после того, как ты увидела другую сторону моей натуры?

Женщина усмехнулась.

— Быть может, мне нравится жить на гребне опасности.

— Бедная, глупая маленькая певичка, тебе просто невдомек, что тигр способен вырываться наружу, когда сам того пожелает, — сообщил ей бывший монах. — А этот зверь не отличает друга от врага — только утреннее пиршество от вечернего.

— Великолепно, — совершенно спокойно произнесла Садья. — Просто дух замирает.

Подняв лютню, она добавила:

— Да будет тебе известно, Маркало Де'Уннеро, что у меня есть и другие способности кроме умения играть и петь. Я кое-что смыслю в магии. Быть может, я смогу тебе помочь.

— Но если ты заблуждаешься, платой за ошибку станет твоя жизнь, — напомнил ей Де'Уннеро.

— Ты все равно намеревался ее отнять — так почему бы не попробовать? — спросила Садья.

Что ж, по-своему она была права. Шайка, в которую входила эта женщина, пыталась его убить. Неудивительно, что теперь он желает отомстить ей, как прежде уже отомстил ее сообщникам. «Но нужна ли мне эта месть?» — спросил себя Де'Уннеро. Сказать по правде, он не питал никакой ненависти к миловидной певице. Насколько легче стало ему от одного только звука голоса другого человека. Он осознал, что у него нет намерений убивать Садью.

Де'Уннеро, однако, понимал, что у тигра могут быть на этот счет другие соображения.

— Твоя жизнь достойна баллады, — продолжала женщина. — Не надо равнять меня с моими бывшими спутниками. Эти жалкие проходимцы никогда не были мне друзьями! Хотя я и затесалась в их компанию, по натуре своей я действительно певица и сочинительница песен. Во всяком случае, хочу ею стать. И кто лучше Садьи, видевшей ярость… темной стороны твоей личности, сумеет написать «Балладу о храбром Де'Уннеро»?

Взгляд бывшего монаха утратил недавнюю суровость. Он не знал, какие из мелькавших в голове мыслей считать истинными. Разговаривая с ним, певица то и дело застигала его врасплох. Демоны ее побери, ну почему она так набивается к нему в спутницы? Кроется ли за этим обыкновенный расчет, стремление спасти или хотя бы продлить себе жизнь? Скорее всего, да. Что же еще могло двигать ею?

— Уходи, — удивляясь самому себе, сказал Де'Уннеро. — Беги от меня как можно дальше и сочиняй свою балладу.

Его слова явно удивили Садью, но она сумела не показать этого. Чуть помешкав, женщина нагнулась и осторожно положила на землю лютню. Де'Уннеро заметил вделанный в ее деку магический самоцвет. Значит, тогда, в деревне Миклина, он не ошибся в своих предположениях.

— Я все же предпочла бы остаться, — тихо произнесла певица, изумив его и на этот раз.

Она подошла к бывшему монаху, положила руки на его сильные плечи, а потом нежно, очень нежно, прижалась к одному из них щекой.

Де'Уннеро хотел что-то сказать, но так и не нашел подходящих слов.

Садья подняла голову и осторожно прижалась к его губам.

— Ты меня восхищаешь, — прошептала она.

— Тебе бы следовало меня бояться, — ответил Де'Уннеро.

Женщина слегка отодвинулась, и он заметил, что она задумчиво улыбается.

— Я действительно тебя боюсь, — призналась она и вдруг жадно поцеловала, прижав к себе.

— Ничто не волнует меня так, как опасность.

Она снова прижалась к нему, охваченная желанием. Де'Уннеро отпрянул, но лишь на несколько мгновений. Забыв обо всем, он яростно ответил на ее поцелуй. Их руки двигались, изучая тела друг друга, ноги переплелись. Садья потянула его вбок, опрокинула, и они повалились на землю, объятые страстью.

Маркало Де'Уннеро никогда не знал любви женщины. Вступив в Санта-Мир-Абель, он принес клятву безбрачия. Но дело было не только в клятве. Плотские страсти всегда казались ему проявлением человеческой слабости, вредящим дисциплине. Сейчас он забыл и о том и о

другом и всем своим сокрушенным сердцем, всей своей истерзанной душой отдался любовному слиянию… Только потом он понял всю глубину подстерегавшей его опасности.

В самый миг высшего наслаждения зверь внутри него яростно зарычал, требуя выпустить его наружу.

Маркало Де'Уннеро грубо оттолкнул от себя женщину.

— Я тебя предупреждал, — только и сумел произнести он, чувствуя, как его горло начинает превращаться в глотку тигра.

Бывший монах повалился на спину, задыхаясь от ярости. Он знал: еще немного — и он убьет певицу, чем вновь обречет себя на полное одиночество. Он превращался в тигра и был не в силах помешать зловещему обращению. Садья погибнет от его когтей и зубов, как и все его предыдущие жертвы…

Сжимая зубы от боли, неизменно сопровождавшей превращение, Де'Уннеро не слышал собственных протестующих криков.

Но он услышал музыку.

Де'Уннеро открыл глаза и увидел обнаженную Садью, которая сидела скрестив ноги, едва касаясь струн лютни. Слов песни он не разбирал, что ничуть не уменьшало удивительно приятное, сладостное чувство, которое будила в нем музыка.

На короткое время он вновь стал Маркало Де'Уннеро — человеком, а не зверем. Однако бывший монах понимал, что игра и пение Садьи не могут остановить тигра-оборотня, если тот уже пробудился.

Потом человеческие мысли исчезли из его головы, подмятые инстинктами зверя.

Спустя какое-то время, уже после того, как тигр насытился, разорвав горло несчастному оленю, и к Де'Уннеро вернулся человеческий облик, он, голый и озябший, вернулся к костру. Бывший монах шел, ожидая увидеть останки своей последней жертвы.

Садья сидела у огня и улыбалась ему.

Наверное, если бы сейчас подул ветер, его порыв легко бы сбил ошеломленного Де'Уннеро с ног.

— Как… — только и выговорил заплетающимся языком он.

— Садись со мной, — с призывной улыбкой произнесла Садья и откинула покрывало, намереваясь закутать ему плечи.

— Думаю, мы с тобой сначала немного поговорим, а потом, наверное, снова разбудим зверя.

— Но я считал, что убил тебя, — пробормотал в ответ Де'Уннеро, опускаясь на землю рядом с этой удивительной женщиной.

— Я же говорила тебе, что немного смыслю в магии, — заметила Садья, поднимая с земли свою лютню с самоцветом. — Может, музыка способна обуздать дикого зверя?

Де'Уннеро глядел на певицу со смешанным чувством удивления и восхищения. Она находилась на самом краю гибели, ежесекундно рискуя встретить смерть. Тем не менее голос певицы не дрожал от страха.

— Ты мне нравишься намного больше моих бывших спутников, — смеясь, сказала она. — А еще, ты самый лучший любовник из всех, кого я знала.

Она похотливо хихикнула.

— Поверь, мне есть с кем сравнивать!

Де'Уннеро молча продолжал глядеть на нее.

— Знаешь, а ты менее опасен, чем те бродяги, которых ты прикончил, продолжала Садья.

У бывшего монаха от удивления округлились глаза.

— Истинная правда! — настаивала женщина. — Да, в тебе есть звериная сила, но помимо нее и самообладание, и понятие о чести.

— Ты не можешь быть уверена, что в следующую минуту я тебя не уничтожу, — напомнил ей Де'Уннеро.

Садья прижалась к нему.

— Это-то и доставляет мне удовольствие, — призналась она.

Де'Уннеро верил певице, верил каждому ее слову. Они снова слились воедино, охваченные страстью, но на этот раз эта страсть не разбудила тигра.

Весь следующий день они шли, не выбирая направления, непринужденно разговаривая между собой. Маркало Де'Уннеро поверял Садье потаенные глубины своей души, раскрывая перед ней то, что до этого дня не мог раскрыть даже самому себе.

ГЛАВА 10
СВЯЩЕННИК И ЕПИСКОП

— Я так и знала, что встречу вас здесь! — воскликнула Джилсепони, увидев в дверях зала собраний Кертинеллы знакомую пару. Она бросилась навстречу и крепко обняла Роджера Не-Запрешь, а потом заключила в объятия его жену Дейнси.

Джилсепони поискала глазами третьего из ожидаемых ею гостей и, не увидев его, помрачнела.

— Белстер не смог приехать, — объяснил Роджер, заметив ее огорчение.

— Он заболел? — обеспокоенно спросила Джилсепони. — Тогда я немедленно сама поеду к нему.

— Белстер повредил себе ногу, — сказал Роджер. — Но сейчас ему уже лучше. Он порывался отправиться с нами, но нам пришлось его отговорить. Езда на тряской повозке могла разбередить его вывих.

— Все-таки я съезжу к нему, — повторила Джилсепони, и Роджер с теплотой поглядел на нее.

— Я так ему и сказал, — воскликнул он.

Роджер перевел взгляд на короля Дануба, непринужденно беседующего с каким-то человеком, в котором он узнал герцога Брезерфорда.

— Я думаю, тебе стоит съездить в Дундалис и навестить могилу Элбрайна.

Глаза Джилсепони сузились.

— Его величество уже сделал тебе предложение? — поинтересовался Роджер.

— О-о, моя королева, — хихикнула Дейнси и комично присела, изображая придворный реверанс.

Баронесса сердито посмотрела на нее, однако негодование было явно напускным, и Дейнси прекрасно это видела.

— Пока еще нет, — сказала Джилсепони, отвечая на вопрос Роджера.

— Но он пока еще не уехал, — лукаво отозвался тот.

Джилсепони оглянулась на короля Дануба и неопределенно пожала плечами. Она не стала отрицать очевидного и призналась друзьям, что, как ей думается, до своего отплытия из Палмариса король все же сделает ей предложение.

— И что тогда? — без обиняков спросил Роджер. — Согласится ли Пони стать королевой Хонсе-Бира?

Только он один, не рискуя вызвать гнев Джилсепони, мог называть ее этим именем, от которого она отказалась.

— Нет, — не колеблясь ответила баронесса.

Роджер и Дейнси, явно не ожидавшие столь решительного ответа, изумленно переглянулись.

— *Пони* никогда не выйдет замуж за другого, — объяснила она друзьям, сделав ударение на своем давнишнем прозвище. — Пони умерла вместе с Элбрайном и вряд ли воскреснет.

Роджер проглотил слюну и вздохнул.

— Прости меня, — сказал он, осторожно беря ее руку. — Но все-таки скажи мне, ответит ли *Джилсепони* на предложение короля Дануба, если он его сделает?

Баронесса с тревогой оглянулась на короля, словно тот мог встать и прямо сейчас

сделать ей предложение.

— Джилсепони пока не знает, — созналась она и вновь повернулась лицом к друзьям: — Но проведя в обществе короля Дануба целое лето, я не разочаровалась в нем. Король — прекрасный и достойный человек и мудрый великодушный правитель.

— Так ты любишь его или нет? — быстро спросила Дейнси, опередив мужа, и тот застыл с открытым ртом.

— Мне очень приятно находиться рядом с ним, — сказала Джилсепони. — Когда он рядом, я чувствую себя гораздо увереннее. Поэтому, Дейнси, думаю, что я люблю его.

От внимания баронессы не ускользнуло, что Роджер слегка сдвинул брови, хотя он добросовестно пытался не подавать виду.

— Но не так, как любила Элбрайна, — поспешно добавила Джилсепони.

Она знала, как хотел услышать от нее эти слова Роджер Не-Запрешь, восхищавшийся Элбрайном и боготворивший его. Джилсепони взяла за руки Роджера и Дейнси и свела их ладони вместе.

— Это совсем не та любовь, какая существует между вами. В моей жизни такой любви уже не будет. Честно говоря, я и не ищу ее, если только, оставив смертное тело, не встречу своего Элбрайна. Тем не менее я не имею ничего против любви короля Дануба… пожалуй, даже могу гордиться ею. Соглашусь ли я на его предложение? Не знаю, поскольку не представляю, что буду чувствовать в тот момент, когда услышу эти слова.

Роджер кивал и улыбался, как будто знал что-то такое, чего не знала сама Джилсепони.

— Хонсе-Бир будет процветать под властью королевы Джилсепони, — с нарочитой торжественностью произнес он.

Джилсепони было нахмурилась, но потом все трое громко рассмеялись. Ее встреча с Роджером и Дейнси протекала именно так, как ей хотелось. Они говорили о серьезных вещах с таким тонким юмором, какой бывает свойственен лишь близким друзьям; не избегали серьезных вопросов, но делали это в дружеской и доверительной манере.

Как же в этом году ей не хватало общества Роджера!

Одно баронесса знала наверняка: она ни за что не примет предложение короля Дануба, не переговорив вначале с Роджером и Дейнси. Подумав об этом, она еще раз взглянула туда, где сидел король.

Нет, *Пони* ни за что не вышла бы за него замуж и никогда бы не полюбила его. А Джилсепони?

Джилсепони, как ей теперь казалось, это сделает.

Был холодный и ветреный осенний день. Листья кружились в воздухе словно в торжественном танце. Король Дануб Брок Урсальский, баронесса Джилсепони, Роджер с Дейнси, герцог Брезерфорд, бывший настоятель Сент-Прешес Браумин Херд, магистр Фио Бурэй и другие светские и духовные лица, прибывшие из Палмариса, стояли внутри простой каменной часовни в городке Кертинелла.

Они были не единственными, кто пришел на освящение часовни Эвелина Десбриса. Поскольку лето с его трудами и заботами миновало, праздник собрал не только все население Кертинеллы и соседнего Ландсдауна. На открытие приехали жители Дундалиса и двух других городов Тимберленда; были здесь гости и из Палмариса. Скромная часовня не могла вместить всех желающих, и люди толпились вокруг нее. Но для Джилсепони и Браумина Херда даже такое число собравшихся казалось недостаточным.

— Здесь должен был бы собраться весь мир, — шепнул Джилсепони Роджер, когда стало ясно, что больше никто уже не приедет. — Сколько тысяч жизней спас Эвелин!

— И среди них мою, — добавила его супруга.

Она была первой, кто вкусил крови завета Эвелина, и чума, уже торжествовавшая свою победу над женщиной, мгновенно отступила.

— Уж я бы ради такого дня не поленилась добраться сюда хоть с островов Непогоды! — с жаром произнесла она.

Джилсепони посмотрела на Дейнси и тепло улыбнулась, веря, что та говорит сущую правду. Она знала Дейнси много лет. Когда-то разбитная и незадачливая девчонка Дейнси Окоум была служанкой в трактире «У доброго друга». Как изменили ее все эти годы, в особенности розовая чума, едва не унесшая жизнь Дейнси. Теперь в ней не осталось ничего от той ветреной юной особы, готовой распахнуть сердце первому встречному и потом страдать от насмешек и издевательств. Дейнси обрела спокойствие, стала куда уравновешеннее и рассудительнее. Едва ли она могла бы найти в жизни лучшего мужа, чем Роджер Не-Запрешь.

Их союз пошел на пользу обоим, подумала Джилсепони. Роджера она тоже знала очень давно — с того самого времени, когда ему дали прозвище Не-Запрешь, ставшее теперь его фамилией. Она помнила Роджера мальчишкой-подростком: хвастливым, немного дурашливым, но весьма смышленым. Было в его характере и еще одно удивительное качество — какое-то неуловимое душевное обаяние. В мрачные и тяжелые годы, наступившие после войны с демоном-драконом, Элбрайн и Джилсепони смогли сполна оценить обаяние Роджера, что и сблизило их с этим парнишкой. Повзрослев, Роджер вернул себе свою прежнюю фамилию — Биллингсбери, однако спустя несколько лет после смерти Элбрайна он вновь стал Роджером Не-Запрешь, на сей раз уже официально… Как же он внутренне возмужал! И ведь это происходило у нее на глазах. Джилсепони до сих пор помнила, с какой радостью она узнала, что Дейнси и Роджер — ее самые близкие друзья на целом свете — собрались пожениться. Как она скучала по ним в последние месяцы! Сколько раз поднималась в комнатку, которую он занимал в Чейзвинд Мэнор, желая рассказать ему про свои прогулки и беседы с Данубом, и останавливалась на пороге, спохватываясь, что Роджер сейчас далеко от Палмариса.

Джилсепони искренне радовалась, что Дейнси и Роджер оказались рядом с нею именно сейчас, когда в ее жизни назревали столь значительные перемены.

В этот день звучало много речей и приветствий, и сам он был под стать погоде: с одной стороны — немного печальный, а с другой — торжественный, словно танец желтых листьев за стенами часовни. Церемонию освящения часовни открыл бывший настоятель Сент-Прешес, а теперь просто священник Браумин Херд. Он начал с воспоминания о днях своего пребывания в Санта-Мир-Абель, где познакомился, а потом и сблизился с магистром Джоджонахом, став его тайным последователем. Этот человек, бывший его наставником и добрым другом, безошибочно понял, что тогдашний отец-настоятель Маркворт сбился с праведного пути и что Эвелин Десбрис, заклейменный еретиком, должен быть назван святым. Во время этой длинной речи у Браумина несколько раз срывался голос: путь тех, кто следовал воззрениям брата Эвелина и магистра Джоджонаха, был полон трагических событий. Взрыв на горе Аида, уничтоживший демона-дракона, погубил и самого Эвелина. Магистр Джоджонах закончил свои дни на костре, зажженном яростью и ненавистью отца-настоятеля Марквортa.

Третьей невосполнимой утратой стала гибель Элбрайна, убитого в последнем, завершающем сражении войны с демоном-драконом. Он был убит зверем, обитавшим внутри Маркало Де'Уннеро, и отцом-настоятелем Марквортом, в которого вселился дух уничтоженного демона.

— Тьма, царившая в тогдашней церкви, была сродни хищному зверю, который взрастил и выпестовал в себе Маркало Де'Уннеро, — говорил священник Браумин. — Сила, которую Де'Уннеро мыслил направить во благо абеликанского ордена, погубила его самого вместе с его наставником Марквортом, но в то же время уничтожила и много прекрасного, что было в нашем мире.

Произнося эти слова, он смотрел прямо на Джилсепони. Голубые глаза женщины блестели от слез. Однако она стиснула зубы, украдкой смахнула слезы и даже сумела слегка улыбнуться и кивнуть Браумину, показывая, что согласна с тем, что он сказал.

Закончив свою речь, Браумин уступил место магистру Фио Бурэю из Санта-Мир-Абель.

Джилсепони сразу поняла, что однорукий магистр чувствует себя куда менее уверенно, чем Браумин. Бурэй говорил быстро, и хотя его слова о днях правления Далеберта Маркворта во многом перекликались со словами священника Браумина, Джилсепони они показались не совсем искренними.

Она догадалась: слова магистра Бурэя шли не от сердца. Его сердце не откликалось на эту проникновенную речь, оно было далеко и от освящения часовни, и от канонизации Эвелина. Оно было далеко от всего, что нынче происходило внутри и вокруг абеликанского ордена. Фио Бурэй не являлся истинным верующим. Он просто приспосабливался к обстоятельствам, ни на миг не забывая о собственных устремлениях.

Джилсепони постаралась заглушить внутри себя этот осуждающий голос. Что бы ни двигало Бурэем, он находился на одной стороне с Браумином. Возможно, его сердце было не столь благородным, но имело ли это какое-нибудь значение, если его действия все же шли во благо церкви и мира?

Речь магистра Бурэя была краткой, после чего он вновь уступил место священнику Браумину. Жест этот удивил Джилсепони и заставил ее одобрительно кивнуть. Она знала, что после Бурэя должен был говорить король Дануб. Позволив Браумину объявить об этом, магистр безоговорочно признавал значимость человека, которому предстояло быть первым священником часовни Эвелина.

Священник Браумин также оценил этот жест однорукого магистра. Пусть он поднялся на амвон лишь затем, чтобы объявить о выступлении короля, все равно это придало ему уверенности.

Король Дануб двинулся к амвону с горделивым достоинством, искренне восхитившим баронессу. В основе его лежала убежденность, способность идти на риск, не опасаясь потерпеть неудачу или оказаться в глупом положении. Дануб точно так же вел себя и с Джилсепони. Королю было достаточно лишь щелкнуть пальцами — и почти любая незамужняя женщина в королевстве с огромной радостью стала бы его супругой. При дворе в Урсале хватало красивых и утонченных дам. Почему же он предпочел добиваться благосклонности той, которая до сих пор продолжала сомневаться, стоит ли ей вообще выходить замуж?

Некоторые мужчины добиваются своих избранниц по причине обыкновенного тщеславия; ими двигает желание завоевать недоступное, в них просыпается охотничий азарт. Джилсепони была убеждена: Дануб руководствовался совсем иными устремлениями. Когда поначалу она отвергала его ухаживания, он не стал назойливо домогаться ее или идти напролом подобно менее цельным натурам вроде герцога Каласа. Таким отказ женщины больно бил по самолюбию, вызывал откровенный гнев и пробуждал решимость добиться желаемого любой ценой. Однако король Дануб проявлял поразительное терпение. За все эти годы он воспринимал отношение к нему Джилсепони как своеобразный урок, искренне стараясь принять ее точку зрения и понять ее чувства.

Горделивая уверенность была вызвана его стремлением приложить все усилия и — к какому бы результату они ни привели — принять, не сетуя, решение своей избранницы.

— Я хочу рассказать о том времени, когда впервые познакомился с Элбрайном и Джилсепони, — начал Дануб.

Услышав имя своего любимого, Джилсепони мысленно перенеслась в те далекие дни, после чего с удивлением обнаружила, что пропустила изрядную часть королевской речи.

— …да, в качестве моих пленников, — продолжал король Дануб, качая головой и неловко усмехаясь. — Сбитые с толку словами лживого человека, мы посчитали их обоих преступниками.

Джилсепони заметила, как магистра Бурэя слегка передернуло от эпитета, каким Дануб наделил Марквортa. От Браумина она знала, что внутри церкви было решено относиться к памяти отца-настоятеля Далеберта Маркворта с определенным уважением и не подвергать его осуждению, по крайней мере, в обозримом будущем. И вдруг — столь резкое заявление короля.

— Но вскоре после их пленения мы узнали истину, — продолжал Дануб. — Правду об Элбрайне, именуемом Полуночником, правду об Эвелине Десбрисе и правду о Джилсепони. С годами эта истина не померкла. Наоборот, она набирала силу и стала очевидной даже для упорно сомневающихся, Когда дух Полуночника вновь привел баронессу Джилсепони на Аиду и ей было явлено второе чудо Эвелина, спасшее всех нас от розовой чумы.

— Я счастлив присутствовать здесь, на освящении часовни, возведенной в память о человеке, который заслужил нашу признательность больше, чем кто-либо, за исключением лишь святого Абеля. Моя радость только возрастает, оттого что я вижу среди собравшихся и баронессу Джилсепони Виндон. А теперь я покорнейше прошу ее подняться сюда и рассказать нам, как она вместе с Эвелином сражалась против зловещего демона-дракона и о первом и втором чудесах на горе Аида.

С последними словами король сделал жест рукой, приглашая Джилсепони выйти и встать рядом с ним.

Пони ни за что бы не поднялась на амвон часовни и не стала бы рассказывать другим о Полуночнике и Эвелине. Но Джилсепони понимала, что должна это сделать, должна поведать всему миру правду из первых уст и тем самым упрочить союз государства и церкви.

И она поднялась на амвон, встала рядом с королем Данубом и повела рассказ о своей первой встрече с Эвелином, которого тогда называли безумным монахом. На первый взгляд этого человека можно было принять за обыкновенного хвастуна и любителя выпить. Однако на самом деле он первым ясно увидел ошибочный путь тогдашней абеликанской церкви и попытался, как мог, показать истину всем, с кем его сводила судьба. Джилсепони рассказывала о битвах в глуши Тимберленда, которые приходилось вести против приспешников демона, о тяжелом и опасном путешествии к горе Аида — логову этого чудовища. Потом, стараясь не задеть чувства духовенства (хотя она и знала, что многие согласятся с нею), Джилсепони поведала о временах, наступивших после войны с демоном-драконом. Она говорила об ошибочном пути, приведшем Маркворта к полному краху, и, наконец, о том, как вместе с умирающей Дейнси добралась до Аиды и успела приложить холодеющие губы своей спутницы к окаменевшей руке Эвелина. Это и было вторым чудом, спасшим от розовой чумы не только Дейнси, но и десятки тысяч других людей.

Заканчивая свою речь, Джилсепони пристально взглянула на священника Браумина. Тот широко улыбнулся и одобрительно кивнул ей.

Баронессу немало удивило, когда король Дануб подошел и положил ей руку на плечо.

— Мне осталось лишь сообщить вам об одном важном обстоятельстве, — громко заявил он. — Поскольку Браумин Херд становится священником часовни Эвелина, монастырь Сент-Прешес и город Палмарис лишаются своего настоятеля. Поэтому, с благословения обители Санта-Мир-Абель, возвещенного магистром Фио Бурэем, и с благословения аббатства Сент-Прешес, возвещенного теперь уже бывшим его настоятелем Браумином, я объявляю о том, что Джилсепони Виндон слагает с себя титул баронессы Палмариса и назначается епископом этого города.

Своды часовни загудели от громких одобрительных возгласов, раздавшихся, едва король произнес последние слова. Джилсепони в замешательстве взглянула на Дануба.

— Я все-таки король, — с веселой улыбкой произнес тот. — Ты не можешь отказаться.

— А не будет ли со стороны короля Дануба еще каких-нибудь предложений, от которых Джилсепони не сможет отказаться? — прошептала она.

Джилсепони вновь повернулась лицом к собравшимся и употребила все свои силы, чтобы удержать охватившие ее чувства. Больше всего ей хотелось громко рассмеяться, ибо она чувствовала, что на сей раз выиграла в поединке с королем Данубом — поединке столь приятных для нее открытий!

На празднестве, устроенном после освящения, Браумин и Роджер с Дейнси забросали Джилсепони вопросами. Всем не терпелось узнать, что же она шепнула королю сразу после его заявления.

В ответ Джилсепони только улыбалась.

— Я хочу, чтобы ты вместе со мной отправилась в Урсал, — неожиданно объявил король Дануб.

Стояло серое дождливое утро, знаменовавшее начало месяца калембра. С наступлением этого предпоследнего в году месяца герцог Брезерфорд напомнил королю, что вскоре «Речной Дворец» должен будет отправиться назад в Урсал.

— Разве у меня есть обязанности при дворе? — нахмурившись, спросила Джилсепони. — Мне бы не хотелось покидать Палмарис, едва став епископом. Могут ли люди доверять епископу, который, не успев толком приступить к своим обязанностям, вдруг исчезает?

Король откинулся на спинку стула и обвел глазами новые апартаменты Джилсепони. По возвращении из Кертинеллы Джилсепони обосновалась в Сент-Прешес, считая, что ее теперешнее звание требует одновременного присутствия в обоих местах, традиционно олицетворявших власть церкви и государства. Поскольку в Сент-Прешес она была единственной женщиной, Джилсепони решила на ночь возвращаться в Чейзвинд Мэнор, а днем вновь занимать свой кабинет в монастыре. Каждое утро она отправлялась в аббатство, решительно отказавшись от охраны и какого бы то ни было сопровождения.

Дануб знал, что она права. Жители Палмариса, несомненно, были бы только рады видеть Джилсепони своей королевой, но тогда город остался бы без правления. И в то же время король не хотел больше ждать. В течение ближайших двух дней ему предстояло отплыть в Урсал, и Дануб предвидел долгое путешествие в одиночестве и еще более долгую одинокую зиму.

— Двор здесь ни при чем, — признался он. — Я зову тебя в Урсал по иным причинам. Это касается меня.

— Равно как и меня личные причины вынуждают остаться здесь, — простодушно ответила Джилсепони.

Слишком уж простодушно, как показалось ему. Улыбка, спрятанная в уголках рта женщины, подсказывала, что королю не придется рассчитывать на легкую победу.

Дануб усмехнулся, потер ладонями лицо, потом резко опустил руки.

— Я не отдаю приказ, которого нельзя ослушаться, — сказал он, овладевая собой и глядя прямо в голубые глаза Джилсепони.

Лицо короля было серьезным.

— Разумеется, у епископа Палмариса есть обязанности перед горожанами, и ты права, когда напоминаешь мне об этом. Но сейчас я имею в виду совсем другое.

Он умолк, пытаясь справиться с охватившим его волнением. Каким уязвимым чувствовал себя Дануб в эту минуту! Он старался выдержать ее взгляд, но сделать это было не так-то просто, и король отвел глаза.

Джилсепони и на этот раз ошеломила его своей непредсказуемостью. Она сжала лицо Дануба в своих нежных, но сильных ладонях, заставив его взглянуть ей прямо в глаза.

Тот мысленно отругал себя: почему он позволяет себе столь глупое поведение? Ведь он — король! Человек, одно слово которого может решить вопрос жизни или смерти многих тысяч его подданных. Почему же сейчас он чувствует себя так неловко?

— Вы никогда не узнаете ответа, пока не спросите, — тихо произнесла Джилсепони.

— Выходи за меня замуж, — вдруг сказал король Дануб, совершенно забыв, что главный вопрос его жизни следовало облечь в надлежащую словесную форму.

— Ты станешь королевой Хонсе-Бира, — продолжал он. — Сколько блага ты сможешь принести людям…

Джилсепони поднесла палец к его губам, прекратив неуклюжие словоизлияния.

— Для женщины это не причина, чтобы выходить замуж, — сказала она. — Нельзя становиться королевой только из чувства долга.

Она невольно рассмеялась, видя, как Дануб откинулся на стуле, нервно потирая пальцами подбородок и нижнюю губу.

— Неужели вы желаете, чтобы я стала вашей женой лишь потому, что это позволило бы мне лучше служить людям? — без обиняков спросила она.

Король Дануб не ответил, поскольку не знал, надо ли отвечать. Он продолжал глядеть на Джилсепони, барабаня пальцами по подбородку.

— Или вы хотите, чтобы я вышла за вас, потому что вы добрый, великодушный и обаятельный человек? Человек, который очень мне нравится?

— Если ты хоть немного веришь мне, то сама знаешь ответ, — только и смог вымолвить Дануб.

Джилсепони обняла его за шею, притянула к себе и нежно поцеловала.

— Ваше предложение не явилось для меня неожиданностью, — призналась она. — И ответ мой продиктован не порывом и не минутным настроением, о котором потом я стала бы сожалеть. Я согласна прежде всего стать вашей женой, а уж потом королевой Хонсе-Бира.

Король Дануб порывисто обнял женщину и склонил голову ей на плечо. Ему совсем не хотелось, чтобы Джилсепони увидела, как глаза его увлажнились. Никогда еще он не испытывал такой радости. И никогда еще Дануб Брок Урсальский столь остро не осознавал своего положения. Всю жизнь он двигался от одной привилегии к другой, еще большей, окруженный людьми, не осмеливающимися ни в чем отказать ему. Сейчас же все было по-другому. Джилсепони отнюдь не являлась робкой, покорной женщиной, подчинявшейся велению долга, а не голосу сердца. Она вполне могла ответить на королевское предложение отказом. Зная, кем был для нее Элбрайн, Дануб был готов к этому. Король понимал: для Джилсепони ни он, ни любой другой мужчина не шли ни в какое сравнение с Элбрайном Виндоном, отважным Полуночником, человеком, дважды спасшим мир от неминуемой гибели. Недаром жители Палмариса и северных земель поклонялись этому героическому воину как богу.

Даже могущественный король Дануб не мог оспаривать у Элбрайна право на эту любовь, ибо он сам восхищался героем и чем больше узнавал о подвигах Полуночника в годы войны и смуты, тем большим уважением проникался к отважному воину.

— Я не оставлю Палмарис и его жителей, — сказала Джилсепони, отстраняясь от него. — Поэтому я не смогу отправиться в Урсал вместе с вами.

— Тогда весной, — не отступал Дануб. — Я начну приготовления к свадьбе. Уверяю тебя: такой свадьбы Хонсе-Бир еще не видывал!

Джилсепони улыбнулась и кивнула. Сейчас на ее лице отражалось все, о чем она думала.

— Мне будет в тягость каждый зимний день, — сказал Дануб, вновь крепко обнимая ее. — А когда наступит весна, я буду ежечасно ожидать появления твоего корабля!

Вернувшись в Чейзвинд Мэнор, Джилсепони заперлась у себя в покоях. Роджер и Дейнси звали ее сойти вниз, но она сообщила им о своем желании побыть в одиночестве.

Ей нужно было свыкнуться с неожиданным поворотом, произошедшим сегодня в ее жизни, и еще раз серьезно обдумать все, о чем они с Данубом говорили, Да, она поступила с ним благородно и великодушно. Да, конечно, она по-своему любила его. Но у Джилсепони до сих пор звучали в ушах слова короля: «Мне будет в тягость каждый зимний день». Могла ли она искренне признаться, что чувствует то же самое? Будет ли и ее тяготить грядущая зима, и, что важнее, покажется ли она ей длиннее только потому, что рядом нет Дануба?

Любовь, как и дом, имеет несколько этажей. Джилсепони вздохнула. Она не знала, где кончается один этаж и начинается другой. Достаточно ли она любила Дануба, чтобы быть его женой? Чтобы делить с ним ложе и соединяться в любовном блаженстве так, как сливалась с Элбрайном?

Она всецело — телом и душой — отдавалась Элбрайну, обнажая перед ним не только свою плоть, но и душу. Ему она могла рассказать обо всем; радостно, не колеблясь и не боясь показать свою незащищенность.

Сможет ли она быть такой же женой и королю Данубу?

И должна ли?

ГЛАВА 11
ВЛАДЕЮЩИЙ СИЛОЙ МЕЧА И МАГИИ

— Зато источник моей силы — в моем здоровье, в том, что я ежедневно исполняю танец меча, который укрепляет и тело, и разум, — упрямо заявил Эйдриан, сидя в темноте пещеры, находившейся под раскидистым вязом.

Сегодня он пришел к Оракулу рассерженным — госпожа Дасслеронд вновь отчитывала его за утренний тренировочный поединок. Поток ее недовольства изливался не иссякая, и все эльфы, разумеется, разделяли мнение своей предводительницы. По ее словам, Эйдриан допускал сплошные ошибки. При этом Тойена Мильвэ — его противника — она не упрекнула ни в чем.

— Потому что Тойен Мильвэ был совершенным, — презрительно и иронично усмехнулся мальчик, вспомнив, как эльф в совершенно бессознательном состоянии валялся на земле у его ног. — Вот так: я действовал ошибочно, а эльф, которого я отделал, был совершенным, — скривил губы Эйдриан, обращаясь к призрачной фигуре в зеркале.

Призрак в зеркале, естественно, ничего ему не ответил, и это успокаивающе подействовало на Эйдриана, заставив умолкнуть и углубиться в размышления о причинах своего негодования. Он вновь подумал, что его умелое владение мечом и магией самоцветов не является одним только результатом унаследованных способностей. Эльфы тол'алфар поделились с ним бесценными дарами. С какой бы запальчивостью и злостью он это ни отрицал, здесь, в пещере, перед Оракулом, оставшись наедине со своими мыслями и чувствами, он вынужден был признать очевидную истину.

— Я хотел бы испытать их дары в настоящих поединках, — произнес Эйдриан. За последние несколько недель упрямый мальчишка часто произносил эту фразу, сидя перед Оракулом. — Я хочу, как и Бринн Дариель, уйти в большой мир, где буду сам себе хозяином.

Он ожидал, что сейчас услышит мысленное возражение. Призрак в зеркале постоянно внушал ему, что он пока еще не готов покинуть долину эльфов. Он еще должен многому научиться у госпожи Дасслеронд и ее подданных, поскольку его нынешних знаний и навыков недостаточно. Так повторялось каждый раз: после своей негодующей тирады Эйдриан обычно замолкал и начинал раздумывать над наставлениями призрачной фигуры. Мальчик отчасти признавал справедливость этих доводов: упрямство не мешало ему видеть собственную выгоду. Действительно, если он проведет среди эльфов еще какое-то время, то не только станет крепче и сильнее телом, но выиграет и во многом другом. Возможно, он научится справляться с гневом, который почти постоянно кипел в его душе. Быть может, он примет неизбежную реальность своего рождения в человеческом облике и смирится с тем, что Дасслеронд и другие эльфы переживут его, хотя им уже по несколько сотен лет.

До сих пор эта нехитрая логика действовала на него успокаивающе. Вот и сейчас Эйдриан сидел и ждал, когда она начнет овладевать его сознанием.

Неожиданно он поймал себя на том, что думает по-иному. Мальчик продолжал размышлять об уходе в большой мир и чувствовал страстное желание вырваться из Эндур'Блоу Иннинес. Ему хотелось увидеть других людей. Ему хотелось вновь встретиться с Бринн — как ему сейчас недоставало общения с нею! А если не с Бринн, то с другими молодыми женщинами. Он мечтал говорить с ними, дотрагиваться до их нежной кожи…

Эти мысли овладевали им все настойчивее. Эйдриан думал о том, что превосходит большинство опытных эльфийских воинов, если не всех вообще, а ведь они обучались танцу меча десятками лет! Интересно, какое место сможет он занять среди людей, которым отпущено всего несколько десятков лет жизни?

Большой мир полон людей. Их сотни, тысячи, десятки сотен тысяч! Он смог бы очень скоро завоевать их признание. Сумеет ли кто-нибудь победить его в сражении? Найдется ли среди них равный ему во владении магией самоцветов? Эйдриану не терпелось узнать свое

место в настоящем, большом мире.

Чрезвычайно довольный собой, мальчик уперся спиной в земляную стену и понимающе ухмыльнулся.

И тут до него вдруг дошло, что он знает меньше, чем ему казалось. Он не мог сказать, откуда появилась эта мысль: то ли ее передала безмолвная фигура в зеркале, а может, его просто озарило. Эйдриан понял, что блуждает во второстепенном, не разобравшись в главном. Он не знал, кто он и кем мог бы стать.

Таким, как все?

Нет, ни в коем случае. Это он ясно осознал в момент своего озарения. Он никогда не будет таким, как все. Он родился не для того, чтобы быть одним из многих. Он будет возвышаться над толпой. Владеющий силой меча и магией самоцветов не должен оценивать себя по меркам слабых людишек.

«Я занимаю особое место, — то ли он сам мысленно сказал себе, то ли повторил слова, пришедшие от призрачной фигуры в зеркале. — В моих жилах течет кровь героя. Мое предназначение…

Но в чем же оно заключается?» — продолжал размышлять мальчик. Все эти годы он считал, что готовится стать рейнджером. Рейнджером? Возможно, но это будет лишь ступенькой к чему-то другому, более серьезному. Он не проведет свою жизнь как обыкновенный рейнджер. Для его сил и способностей этого слишком мало! Неожиданно он с удивительной ясностью это понял. Пусть эльфы уже уготовили ему будущее — ему теперь глубоко наплевать на их замыслы. Эйдриан узнал правду: он родился, чтобы повелевать, а не подчиняться:

— Мое предназначение — повелевать другими, — негромко произнес мальчик.

Возможность серьезного столкновения с госпожой Дасслеронд и ухода в большой мир теперь казалась ему менее пугающей. Она будоражила и манила его куда сильнее, чем прежде.

— Он стал проводить там чересчур много времени, — озабоченно сказала госпожа Дасслеронд, обращаясь к То'эль Даллии.

Обе эльфиянки стояли на лужайке, глядя в сторону вяза, под которым опять скрылся Эйдриан.

— Вы хотели, чтобы он научился искусству общения с Оракулом, — напомнила ей То'эль. — Это его связь с прошлым, с великими и благородными традициями предков. Я уверена, что Мазер и Элбрайн беседуют с ним.

— Мне казалось, что Оракул умерит пыл юного Эйдриана, — призналась госпожа Дасслеронд. — Я считала, что Полуночник утихомирит сына и научит его большему смирению.

— Пока что Эйдриан стал более самоуверен и заносчив, — вздохнула То'эль.

Госпожа Дасслеронд недовольно взглянула на собеседницу, однако возражать не стала. Действительно, мальчишка день ото дня становился все самоувереннее и быстро утрачивал необходимое для учебы смирение, и ранее не слишком-то ему свойственное.

— Дух Полуночника непременно сломит его упрямство, — заявила предводительница эльфов, поскольку ей самой очень хотелось услышать эти слова.

Но в душе госпожа Дасслеронд была не столь в этом уверена. Чем дольше Эйдриан просиживал в пещере, тем более угрюмым и сердитым выходил оттуда. Что же до благотворного влияния на его душу бесед с отцом… пока Дасслеронд ничего подобного не замечала. Эйдриан по-прежнему оставался своевольным, упрямым и надменным юнцом. За последние недели все отрицательные и весьма опасные черты его характера стали еще очевиднее.

«Он — незрелый подросток, лишенный общества себе подобных. Он остался без своего лучшего и, по сути, единственного друга». Госпожа Дасслеронд добросовестно напоминала себе обо всех этих обстоятельствах, но они не добавляли ей симпатии к Эйдриану. Каждым

своим словом мальчишка испытывал ее терпение, и хотя она по-прежнему верила, что он сможет избавить Эндур'Блоу Иннинес от страшного наследия демона-дракона, ей все равно хотелось вышвырнуть его из родной долины эльфов.

Или даже…

Только шрам, оставленный когтями Бестесбулзибара, постоянно напоминал госпоже Дасслеронд, ради чего она извлекла младенца из чрева бездыханной Джилсепони, сохранив ему жизнь. Только это заставляло ее терпеть Эйдриана. Но терпение ее находилось почти на пределе.

— Мы должны верить в этого мальчика и в его кровь, — сказала То'эль Даллия.

Громкий крик разом оборвал их разговор. Дасслеронд и То'эль обернулись и увидели, что к ним спешат двое эльфов.

— Самоцветы! — кричал один из них. — Они исчезли, все до единого!

То'эль вскрикнула, но госпожу Дасслеронд это известие не особо удивило, и она лишь нахмурилась.

— Исчезли? — переспросила она подбежавших эльфов.

— Да, госпожа, — ответил Тойен Мильвэ, которого Эйдриан утром победил в поединке. — Мешочек с самоцветами пропал. Я подумал: может, вы его взяли…

— Нет, это не я, — ответила госпожа Дасслеронд, прищурив золотистые глаза.

Она была предводительницей эльфов и хозяйкой Кер'алфара. Ее магический изумруд был настолько крепко связан с этой землей, что она непременно узнала бы о любом вторжении чужаков. Дасслеронд знала также, что никто из ее подданных ни за что не взял бы самоцветы, не испросив предварительно ее разрешения. Ответ напрашивался сам собой.

— Эйдриан? — упавшим голосом произнесла То'эль.

Взгляд Дасслеронд стал жестким. Она пыталась ответить себе на другой вопрос: не зашел ли на этот раз их будущий рейнджер и спаситель долины слишком уж далеко?

— Ты не мой отец, — услышал Эйдриан свой голос.

Поток мыслей продолжал захлестывать его сознание.

Мальчик так и не разобрался до конца, каким образом происходит общение с Оракулом. Мысли звали его покинуть пределы долины эльфов, уйти в большой мир и словно игнорировали последствия, которые вызовет подобный шаг со стороны разгневанной госпожи Дасслеронд.

— Полуночник ни за что не стал бы убеждать меня расстаться с тол'алфар, — возражал зеркалу Эйдриан. — Разве совсем недавно ты не говорил мне совсем обратное? Может, ты склонен менять свои мнения? Кто ты, призрак? Или вас тут двое?

Тень в зеркале передвинулась, и картины, открывшиеся за ее спиной, заставили Эйдриана восхищенно вздохнуть. Он увидел здания, которые не шли ни в какое сравнение с хижинами Кер'алфара. То были настоящие дома, построенные людьми. Мальчика особенно потрясло одно здание с высокими остроконечными башнями и громадными разноцветными окнами.

Разноцветными! Это потрясло его, ибо до сих пор он видел лишь туманные, расплывчатые серые картины. Эйдриан подался вперед и прищурил глаза. Ему в голову пришла мысль осветить пещеру. Мальчик полез в карман и вытащил несколько самоцветов. В сумраке он едва различал их очертания и не мог найти нужный ему камень.

Эйдриан чуть не взвыл от досады, но тут его пронзила другая мысль: надо не увидеть, а почувствовать камни и присущие им свойства.

На лице мальчишки заиграла торжествующая улыбка, которая погасла, когда он снова посмотрел в зеркало. Он знал достаточно о жизни Полуночника. Его отец никогда не был особо искусен в магии самоцветов. Тот же, кто внушил ему эту мысль и подробно рассказал, как надо действовать, обладал незаурядным знанием камней и их магических свойств.

— Кто ты, призрак? — снова спросил он в тревоге.

Ответа не последовало, и Эйдриан больше не стал его допытываться. Он оторвал взгляд

от зеркала, перевел его на камни, потом закрыл глаза и попытался почувствовать каждый из них. Он говорил с ними и терпеливо выслушивал их ответы.

Вскоре у него в руках осталось только два самоцвета. Мальчик обратился к одному из них и, окружая себя защитой от огня, ощутил кожей прохладное покалывание. Затем он взял второй камень, безошибочно зная, что это рубин, и извлек маленький язычок пламени, которым зажег свечу.

Призрачная фигура тотчас же исчезла. Только пламя магической свечи эльфов и собственное ошеломленное лицо — других отражений в пустом зеркале не было.

— Нет! — воскликнул Эйдриан, поспешно вскакивая. Чересчур поспешно, потому что ударился головой о свисавший с потолка пещеры корень. Почесав затылок, мальчик схватился за драгоценное зеркало, потянул его на себя и, забыв о корне, ударился о него снова.

Его обдало волной негодования, и вместе с ней в мозг поступил четкий приказ. Сам не понимая, что делает, он поднес руку к сплетению корней у себя над головой. Яростный гнев пронизывал Эйдриана насквозь, перетекал в рубин и поднимался все выше, выше, выше.

Госпожа Дасслеронд в сопровождении трех подданных легко и проворно пробиралась по лесу, направляясь к вязу. Иногда эльфы грациозно подпрыгивали, взмахивая прозрачными крыльями, что помогало им взбираться на нижние ветви деревьев или перелетать через них; потом пускались бежать, хотя их бег более напоминал танец. Их голоса гармонично вплетались в звуки вечернего леса. Эльфы тол'алфар воспринимали жизнь во всей ее полноте и умели ценить красоту, будучи одним целым с их зачарованной долиной. Воспитанные эльфами рейнджеры понимали эту особенность мировосприятия своих наставников, но никак не могли понять другого. Маленький крылатый народ считал себя избранной расой, стоящей гораздо выше всех остальных. Даже лучших, ими же воспитанных рейнджеров, эльфы признавали близкими к себе, но не равными.

Если же кто-то из будущих рейнджеров не соответствовал правилам, установленным госпожой Дасслеронд, его ожидали тяжелые последствия.

Об этих последствиях и думала сейчас предводительница эльфов, совершая свой полет-танец по лесу. Последняя выходка Эйдриана, взявшего без ее позволения мешочек с самоцветами, затмевала дерзостью все предыдущие. Наверное, все же придется прекратить обучение этого мальчишки, признать крах своих надежд и искать другие способы исцеления Эндур'Блоу Иннинес от страшной отметины Бестесбулзибара.

Наконец все четверо достигли места, где рос могучий вяз. Эйдриан все еще находился в пещере. У дерева собрались и другие эльфы; песня Дасслеронд предупредила их о возможной опасности и велела неусыпно наблюдать за выходом из пещеры.

Эйдриан превратился в настоящую катастрофу для долины эльфов, его непредсказуемость стала опасной. Предостережения помогают, когда знаешь, чего ожидать. А когда не знаешь?

Первой огонь заметила госпожа Дасслеронд, не сводившая глаз с вяза. Там, где кора ствола была более тонкой, пробивалось оранжевое свечение.

Предводительница эльфов замерла на нижней ветке соседнего дерева. Все они ощутили, как по стволу вяза поднимается поток непрерывно возрастающей силы, и почувствовали покалывание в теле. Эльфы почитали силы Вселенной, но эта сила была совсем иной, непохожей на ту, что Дасслеронд вызывала своим могущественным изумрудом, хотя и здесь источником силы служил самоцвет. Эта сила была пронизана гневом. Дасслеронд моментально вспомнила упражнения Эйдриана с графитом. Ведь и тогда пробудить магическую силу камня ему помогла вспышка ярости.

Оранжевое свечение поднималось все выше и теперь уже бежало по ветвям. Только сейчас госпожа Дасслеронд заметила Бризендель, забравшуюся на самую вершину вяза.

Дасслеронд громко крикнула, чтобы Бризендель немедленно прыгала вниз, но ее крик потонул в шипении и треске громадного огненного шара, охватившего дерево. Огонь

яростно прорезал вечернюю тьму. Лица эльфов, стоявших вблизи, покраснели от нестерпимого жара.

У госпожи Дасслеронд перехватило дыхание, но причиной тому был не внезапно вспыхнувший пожар и не волна горячего воздуха. Она беспомощно смотрела, как Бризендель с пылающими крыльями рухнула вниз. Эльфийка пыталась хоть как-то замедлить падение, отчаянно взмахивая крыльями, но это лишь раздувало пламя. Наконец Бризендель со стоном ударилась о землю и начала кататься по траве, чтобы сбить огонь.

Дасслеронд вместе с другими эльфами бросилась было ей на помощь, но быстро спохватилась. Она поняла, что надо делать. Дасслеронд достала свой изумруд и всем сердцем устремилась в его магические глубины, умоляя магию помочь и несчастной Бризендель, и Эндур'Блоу Иннинес.

Небо над ее головой заволокли темные тучи. Их нижние кромки засияли множеством оттенков оранжевого цвета.

Госпожа Дасслеронд еще глубже погрузилась в изумруд, призывая его магическую силу и прося о помощи.

В тот момент, когда из пещеры выбрался Эйдриан, окутанный голубоватым свечением, хлынул ливень.

Оглянувшись на дело рук своих, мальчишка невольно пошатнулся, и у госпожи Дасслеронд вспыхнула надежда: может, трагический урок наконец-то произведет в этом упрямце столь долгожданную перемену.

Увы, надежда оказалась ложной. Был ли он потрясен? Несомненно. Но гордость собой была несравненно сильнее. И ни малейшего сожаления о содеянном.

Дасслеронд сурово поджала губы. Словно читая ее мысли, кто-то пустил стрелу, которая просвистела над полянкой и угодила Эйдриану в ногу.

Мальчишка закричал и резко обернулся, увидев лежащую на земле Бризендель, возле которой хлопотали двое эльфов.

Глаза Эйдриана наполнились страхом. Но Дасслеронд сразу поняла: его ужаснуло не собственное злодеяние, не то, что он сделал с несчастной Бризендель. Его испугало то, что теперь могут сделать с ним.

В воздух взлетела еще одна стрела, однако на сей раз Эйдриан успел отскочить в сторону, а потом бросился бежать, припадая на раненую ногу.

— Довольно! — вскричала Дасслеронд, воздев руку. — Я сама накажу этого негодяя.

По ее тону всем стало понятно, что Эйдриан вряд ли останется в живых.

«Ты больше не нуждаешься в них, — звенело в голове Эйдриана. — Они собирались изгнать тебя за то, что ты взял самоцветы. Ты стал сильнее их — вот почему они так перепугались!»

Мальчик не знал, что ответить этому голосу, да сейчас ему было и не до подобных размышлений. Эльфы обязательно погонятся за ним; наверное, уже погнались. Стрела в ноге ясно доказывала: назидательным разговорам о необходимости изменить поведение пришел конец.

Шатаясь, Эйдриан поднялся на ноги и побежал дальше, но вскоре зацепился за корень и упал ничком. Падение еще глубже вогнало стрелу в рану, и по всему его телу прокатились волны сильной боли. Зажав одной рукой ногу, мальчик потянулся за самоцветами, пытаясь ощупью найти гематит. Ему хотелось остановить кровь, но превыше всего ему сейчас хотелось выбраться из этой долины.

Голос внутри продолжал звучать, успокаивая его, а затем подсказывая, какие камни надо достать из мешочка. Следуя ему, Эйдриан зажал в ладони малахит и магнетит.

Вскоре он ощутил, как его тело становится легче, поднимается над землей и плывет над ней, несомое силой малахита. Потом он сосредоточил внимание на магнетите, ощущая излучения, исходящие от всех находящихся поблизости металлов. Мальчик поглядел вдаль — туда, где за лесом высились зубчатые вершины гор, окаймлявших долину эльфов. Оттуда

тоже шли волны излучения металлов. Он не понял, откуда именно. Главное, что это место находилось далеко за пределами Эндур'Блоу Иннинес.

Эйдриан пробирался между ветвями деревьев, затем поднялся над их кронами. Неведомый металл, притягивая самоцвет, притягивал и его невесомое тело.

Мальчик так и не понял, откуда исходило притяжение; силы начали покидать его задолго до того, как он достиг этого места. Но теперь он находился за пределами долины и пролетал над каменистым склоном горы. Впервые Эйдриан покинул Эндур'Блоу Иннинес. Его обдувало холодным ветром, внизу кое-где был виден снег. Мальчик пригасил силу магнетита, потом постепенно ослабил силу малахита и мягко опустился на землю.

Холод уменьшил боль в ноге, однако Эйдриан не мешкая полез за гематитом, намереваясь воспользоваться его целительными свойствами. Приложив самоцвет к ране, он погрузился в серый вихрь, вбирая в себя магические силы. Впав в полузабытье, мальчик сам не заметил, как вытащил стрелу из ноги.

Вскоре сознание вернулось к нему, и Эйдриан рассеял магические силы, высвобождаясь из-под их чар. Рассвет еще не наступил. Вокруг все было мокрым от пронесшегося ливня. Внизу темнела долина эльфов. Дождь наверняка погасил устроенный им пожар.

Эйдриан улегся на спину. Он весь промок; нога по-прежнему сильно болела. Только сейчас он по-настоящему испугался. Такого страха он еще никогда не испытывал, и такой растерянности — тоже.

Но самое страшное было еще впереди. Вскоре окружающее пространство вдруг неестественным образом растянулось, потом резко сжалось, словно уничтожая расстояние.

Сжатое пространство вытолкнуло госпожу Дасслеронд. Она встала, грозно возвышаясь над лежащим Эйдрианом.

— Я не хотел…

Слова замерли у мальчика в горле: Дасслеронд не слушала его. Она стояла молча, устрашающая и неправдоподобно высокая. В ее вытянутой руке сиял изумруд, разгонявший зеленым светом ночную тьму. Сияние нарастало. Эйдриан понял: предводительница эльфов призывает магическую силу своего любимого камня. Рука юного бунтаря инстинктивно скользнула в мешочек с самоцветами, и в это мгновение Дасслеронд обрушила на него силу изумруда.

Змеясь, из земли поползли стебли виноградной лозы. Они переплетались, опутывая Эйдриана своей сетью. Когда он оказался полностью внутри этого кокона, стебли начали уходить обратно в землю, увлекая с собой и его.

Мальчику стало тяжело дышать, но он все же сумел пробудить силу серпентина и окружил себя защитой от огня. Потом настал черед рубина. Лоза вспыхнула; большинство стеблей мгновенно сгорело, остальные ослабили свою смертельную хватку.

Действия Эйдриана опережали его мысли. Выхватив графит, он обрушил на госпожу Дасслеронд удар молнии.

Он услышал, как предводительница эльфов застонала, хотя и не видел результатов своего удара.

Стебли лозы исчезли. Эйдриан вскочил на ноги и оказался лицом к лицу с хозяйкой Кер'алфара.

— Ты опозорил память своего отца! — пронзительно закричала Дасслеронд.

Вид у нее был свирепый, как никогда. Растрепанные золотистые волосы трепетали на ветру.

— Ты обесчестил свое имя и принес горе тем, кто растил тебя и заботился о тебе.

— Это произошло случайно, — выкрикнул Эйдриан, упорно сражаясь с подступающими слезами.

— Нет, не случайно. Твое дерзкое и бездумное поведение и не могло окончиться ничем иным, — не понижая голоса, ответила госпожа Дасслеронд. — Случившееся сегодня неопровержимо показывает твою суть, Эйдриан Виндон, и доказывает, что ты никогда не

сможешь стать рейнджером!

Мальчик попытался ответить ей, но понял, что у него нет слов.

— Я ухожу, — только и смог выдавить он.

— Сначала ты отдашь мне самоцветы, — потребовала Дасслеронд.

Эйдриан невольно отпрянул. Заглянув в глаза предводительницы эльфов, он понял, почему у него внутри все дрожит. Она не позволит ему уйти, даже без самоцветов. Это ловушка. Дасслеронд заберет у него самоцветы, а потом убьет его на месте.

Зарычав от ярости, Эйдриан снова пробудил силу гематита — камня души. Помимо целительных свойств этот самоцвет обладал и другой силой. Гематит усилил железную волю Эйдриана и, как тараном, ударил ею по намерениям госпожи Дасслеронд. Их битва происходила не на каменистом склоне, а в глубинах гематита. Именно там дух каждого из них вступил в смертельную схватку с волей противника.

На склоне одной из гор, окружавших Эндур'Блоу Иннинес, Эйдриан Виндон, сын Элбрайна и Джилсепони, поверг в битве госпожу Дасслеронд, величественную и властную предводительницу народа эльфов… Даже она, не говоря уж о самом Эйдриане, не догадывалась, кто помог ему одержать победу, кто стал его вторым, духовным отцом. Им был демон-дракон, действовавший через дух покойного отца-настоятеля Далеберта Маркворта.

Эйдриан мог бы легко уничтожить ее. Сломив ее волю, он мог бы заставить душу госпожи Дасслеронд навсегда покинуть тело. Мальчик почти это сделал, и не только потому, что им двигал страх и необходимость защищаться. Он ненавидел эльфов, завидуя их необыкновенному долголетию. Его бесила сама мысль о том, что на протяжении жизни какого-то эльфа может смениться двадцать поколений людей.

Он мог бы убить госпожу Дасслеронд, но не сделал этого. Он выпустил ее из тисков своей воли и увидел, как предводительница эльфов едва не упала, словно держалась на ногах только за счет воли Эйдриана.

— Уходи, — сказал он ей.

— Самоцветы… — произнесла она слабым, совсем не похожим на свой голосом.

— Убирайся, — повторил Эйдриан, и по его голосу Дасслеронд поняла, что убеждать его бесполезно. — Самоцветы принадлежат мне. Они перешли ко мне по наследству. С твоего, кстати, повеления.

— Ты не рейнджер! — воскликнула Дасслеронд.

Кажется, она собиралась вновь призвать силу своего изумруда, однако вовремя передумала. Во второй битве Эйдриан ее уже не пощадит.

— Я не игрушка, которой могла бы забавляться предводительница эльфов, — сказал Эйдриан. — Я ухожу не с пустыми руками, — добавил он, доставая из кармана горсть самоцветов. — Я ухожу к людям, которые ждут меня там.

И он махнул рукой в направлении гор, за которыми лежал большой мир. Но куда идти — этого Эйдриан не знал. И храбрость его была во многом напускной, ибо в действительности Эйдриан Виндон чувствовал себя сейчас маленьким испуганным мальчишкой.

— Зеркало я тоже забираю с собой! — запальчиво прибавил он, чтобы скрыть свою растерянность.

— Тебе еще придется столкнуться с нами, — пообещала ему госпожа Дасслеронд.

С помощью изумруда она вновь сжала пространство и, войдя туда, как в коридор, стала быстро удаляться от одержавшего над ней верх бунтаря.

Эйдриан остался на каменистом склоне, дрожа от злости и страха. Несколько совладав с собой, он огляделся по сторонам. Большой мир оказался намного больше и шире, чем он думал.

— Куда же мне идти? — вслух произнес он.

Голос внутри него молчал.

Мальчику было холодно и одиноко. Привычная жизнь резко и бесповоротно

оборвалась. А большой мир, о котором он так мечтал, был совершенно ему незнаком.

Госпожа Дасслеронд остановилась невдалеке от эльфов, которые все еще врачевали ожоги Бризендель. Им удалось сохранить ей жизнь, но эльфийка больше никогда не услышит легкого шелеста своих крыльев.

Однако предводительница эльфов думала сейчас не о трагической участи Бризендель. Она была не на шутку встревожена уходом Эйдриана Виндона. Только что она вновь испытала на себе его силу. И эта сила была пугающе огромной, направленной в опасную сторону. Дасслеронд, бившейся с демоном-драконом, было с чем сравнивать.

Ее обдало холодом при мысли о том, какую роль сыграла она сама в сотворении чудовища, именуемого Эйдрианом Виндоном.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Восходящий как солнце

Они научили меня сражаться лучше любого из живущих ныне людей. Научили быть в гармонии с миром, научили задавать вопросы и приобретать знания. Они научили меня ценить истинную красоту вещей, показав, что в природе все дополняет друг друга. Не могу отрицать: они наделили меня великим множеством драгоценных даров.

И все же я ненавижу их всем сердцем и всей душой. Если бы завтра под моим командованием оказалась армия, я бы повел ее на Эндур'Блоу Иннинес и уничтожил это гнездо эльфов. Я был бы рад видеть госпожу Дасслеронд и всех ее высокомерных подданных валяющимися мертвыми.

По правде говоря, моя злость на эльфов столь велика, что она просто пугает меня.

Помню, как-то я подслушал разговор Белли'мара Джуравиля с То'эль Даллией. Они говорили о своих учениках. Белли'мар рассказывал, какое испытание он недавно придумал для Бринн Дариелъ. Ей нужно будет выследить добычу. Еще он говорил, что они с Дасслеронд придумали для Бринн ряд других испытаний, каждое из которых труднее предыдущего. Им хотелось увидеть, какое же из них окажется ей не по силам. Только так, заявлял Джуравилъ, они смогут оценить, на что способна тогайранка, а сама Бринн — определить границы своих возможностей.

Мне понравились эти рассуждения, и я их запомнил. Пусть я еще не до конца овладел силой магических самоцветов, но кое-что уже хорошо понял: есть два величайших достоинства воина, помогающих ему оставаться в живых, — способность осознавать границы своих возможностей и мудрость, оберегающая его от попыток вырваться за их пределы. Когда воин ведет битву, каждое мгновение ему приходится делать выбор, правильность которого помогает ему остаться в живых. Тогда я проникся уважением к эльфам и мне понравились задуманные ими испытания. Я восхищался их прямодушием и собранностью; мне было приятно узнать, какие большие надежды они возлагают на меня и на Бринн. Эльфы старались поднять нас до такого уровня, чтобы мы без малейших внутренних сомнений могли принять звание рейнджера.

Во всяком случае, Бринн Дариель это смогла.

Потом моя наставница То'эль рассказала Джуравилю об испытаниях, которые госпожа Дасслеронд придумала для меня, ожидая… нет, просто требуя, чтобы я непременно выдержал их все. Как говорила То'эль, я не мог потерпеть неудачу, ибо мне суждено стать «совершенством в облике рейнджера».

Казалось бы, эти слова должны были польстить мне. Вспоминая сейчас о том разговоре, я до сих пор удивляюсь, как тогда, в свои двенадцать лет, я сумел понять всю жестокую правду слов Дасслеронд. Я ожидал, что Белли'мар

Джуравиль — единственный эльф из народа тол'алфар, которого я считал почти что другом, хотя, следует признаться, это мало о чем говорит, — содрогнется от этих слов и скажет То'эль, что он немедленно пойдет к госпоже Дасслеронд и сообщит, что не согласен с ней.

Однако он сказал: Тужен димарра-ти вьель вин Плекер'алфар.

Эти слова и сейчас, спустя несколько лет, звучат у меня в голове, причем даже яснее, чем тогда: Тужен димарра-ти вьель вин Плекер'алфар. Это старинная эльфийская поговорка, их у этого народа великое множество. Ее невозможно дословно перевести на язык людей, а примерный смысл таков: «достичь самой выси звездного неба». Эльфы в одном из своих ритуальных танцев пытаются отобразить эти слова, подпрыгивая как можно выше и вытягиваясь всем телом, словно стремясь попасть в мир, где в сиянии звезд царит высокий дух. Если понимать поговорку более отвлеченно, так говорят о тех, с кем связаны большие надежды и ожидания.

Когда Белли'мар Джуравиль вспомнил эту поговорку применительно ко мне, он хотел выразить свою полную уверенность, что я не обману ожиданий госпожи Дасслеронд и справлюсь с ее требованиями. Надо думать, он сделал мне комплимент. Однако чем дольше продолжалось мое обучение, тем больше слова Джуравиля казались тяжким грузом, повисшим у меня на шее. Мне было важно знать и другое: неужели эти требования так крепко засели в головах моих наставников? Если бы госпожа Дасслеронд не стремилась вырастить из меня образцового рейнджера, сделать символом совершенства в человеческом облике, как бы она относилась тогда ко мне? Более терпимо? Или, наоборот, еще суровее? Когда мы расставались, Дасслеронд не сказала, что я не стану лучшим из рейнджеров; она заявила, что я вообще не стану рейнджером. Предводительница эльфов обманулась в своих ожиданиях, и это подкосило ее, изменив привычное восприятие мира, в котором она могла безраздельно властвовать над другими, требуя от них совершенства.

Значит, только потому, что я не оправдал самых высоких ее ожиданий, госпожа Дасслеронд перечеркнула и все остальные надежды, связанные со мной. Если я не смог стать «совершенством в облике рейнджера», мне, по ее мнению, вообще не быть рейнджером.

Как же я ненавижу эту Дасслеронд и весь ее высокомерный, заносчивый народец!

Больше, чем чего либо, мне хочется показать ей, кем на самом деле является Эйдриан. Я не только стану рейнджером, удовлетворяющим ее требованиям… я действительно сделаюсь лучшим из всех рейнджеров, когда-либо живших на свете! Обо мне будут слагать легенды. Меня воспоют в стихах и балладах, и мое имя будут произносить с большим почтением и трепетом, чем имена Терранена Динонъела и моего отца Элбрайна — легендарного Полуночника. Когда я достигну вершины своей славы, я вновь явлюсь к госпоже Дасслеронд. Я встану у пределов ее долины и заставлю всех этих эльфов узнать правду о себе. Я заставлю эту Дасслеронд признать меня не просто достойным, а достойнейшим из достойных!

Эти откровения я получил от Оракула, который теперь указывает мне путь.

Таковы мои замыслы, и их постоянно крепнущая сила ведет меня по жизни.

Эйдриан Виндон

ГЛАВА 12
СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Он сидел на склоне холма, спрятавшись в тени деревьев, и наблюдал за работающими внизу людьми. Две женщины и юноша примерно его возраста, опустившись на колени, полоскали в мелкой речушке белье. Как рад он был услышать человеческие голоса! Не высокие певучие голоса эльфов, а голоса людей! Пусть он почти не понимал их слов, все равно Эйдриан чувствовал, что здесь он больше дома, чем в чужой ему долине Эндур'Блоу

Иннинес, где он жил с самого рождения. Сидя в укрытии и глядя на этих людей, он понимал, что долина эльфов была и навсегда останется для него чужой. Эйдриан давно пришел к выводу: чтобы Эндур'Блоу Иннинес стала для кого-то родным домом, ему нужно обладать мировосприятием эльфов. И едва ли тот, кому суждено жить в десять раз меньше, чем живут эльфы, способен смотреть на мир так же, как они. Теперь Эйдриан находился далеко от эльфийской долины. Все эти дни он шел на восток, пока не оказался в окрестностях этой деревни, в которой помимо крестьян жили и охотники. Эйдриан несколько раз по пятам следовал за ними во время их походов. Какими неловкими и шумными казались ему эти люди! Видя, с каким топотом они двигались по лесным тропкам, совершенно не замечая притаившуюся в пятнадцати шагах добычу и распугав больше зверья, чем сумели поймать, Эйдриан в чем-то понимал госпожу Дасслеронд, которая испытывала презрение к людям.

И все же юноша (он сильно повзрослел за эти дни самостоятельной жизни в большом мире) с удовольствием наблюдал за их неуклюжими действиями. Это зрелище прибавляло ему уверенности. Он добьется здесь славы и величия, как, должно быть, и Бринн в своем южном Тогае.

Сегодня утром Эйдриан пришел к речке в надежде познакомиться с этими людьми. Он уже знал, что женщину помоложе зовут Элин, а ее сына — Казиком; оба они появлялись здесь ежедневно. Но, как назло, сегодня утром вместе с ними притащилась и Данья — горбоносая сварливая старуха. Эйдриан видел ее несколько раз, и всегда ее лицо оставалось недовольным. Редкие минуты проходили без того, чтобы старуха не шпыняла Казика.

Эйдриану совершенно не хотелось показываться перед этой старой каргой. Подождав какое-то время, он уже хотел было вернуться в лес, когда, к его немалой радости, Данья неожиданно поплелась обратно в деревню. Элин и Казик остались одни.

Теперь ничто не мешало ему выйти навстречу людям. Эйдриан ощущал сильное волнение. Он несколько раз глубоко втянул в себя воздух и встал. Не тратя время на дальнейшие раздумья, он спустился вниз по склону, выбравшись из-под прикрытия деревьев.

— Эгей! — приветственно крикнул Казик, заметивший его первым.

Присмотревшись и увидев, что этот человек не из их деревни, юноша удивленно вытянул шею. Не спуская с Эйдриана глаз, Казик подбежал к матери и тронул ее за плечо.

— Мам, глянь-ка туда, — сказал он.

Эйдриан понимал многие слова, но сам объясняться на языке этих людей почти не мог. К тому же мать с сыном говорили на местном наречии. Он медленно приближался к ним, не делая никаких движений, которые эти люди могли бы счесть угрожающими.

— Кто ты? — громко спросил Казик.

Видя, что Эйдриан все ближе подходит к противоположному берегу речушки, юноша принял оборонительную позу и подхватил валявшуюся на земле большую палку.

— Что тебе надо? — уже сердито выкрикнул он.

Эйдриан, подняв руки, остановился.

— Эйдриан, — произнес он. — *Ни тул* … Меня звать Эйдриан.

Он чуть не назвал свою фамилию, но вовремя прикусил язык. Если его отец действительно был таким известным, как утверждали эльфы, фамилия Виндон о много сказала бы этим людям. Сам толком не зная почему, Эйдриан не торопился раскрывать, кто он.

Прошло несколько тягостных минут. Потом Элин вышла из-за спины сына и сказала:

— Нет, он не разбойник, явно не разбойник. Кто ж ты такой, парень, и из каких краев тебя сюда занесло? Может, твоя семья перебирается к нам в Фестертул?

Большинство слов Эйдриан не понял, зато четко уловил дружелюбие в голосе женщины.

— Меня зовут Эйдриан, — снова, теперь уже увереннее, произнес он.

— А сам ты откуда будешь? — спросила женщина.

Эйдриан кивнул в сторону холма, потом вновь повернулся лицом к Элин.

— С запада? — недоверчиво спросила она. — Да там и жилья-то почти нет. Была там

пара-другая охотничьих деревенек, только не думаю, что там еще живут.

— Говорю тебе, он разбойник, — шепнул матери Казик.

Эйдриан расслышал его слова, и хотя он не знал значения слова *разбойник* , но догадался, что так, вероятно, называют плохого человека.

— Ну, тогда он — совсем никудышный разбойник, — коротко рассмеявшись, ответила Элин.

Женщина повернулась к Эйдриану и махнула рукой, зовя его подойти.

— Иди сюда, парень, — сказала она.

Эйдриан перебрался через речушку. Казик смотрел на него исподлобья, во взгляде читался молчаливый вызов. Эйдриан мог бы ответить на него, и не только взглядом. Но юноше так хотелось очутиться среди людей, что он благоразумно удержался. Вступи он с Казиком в поединок глазами, дело могло бы кончиться другим поединком, причем с весьма печальными для сына Элин последствиями. Тогда нечего было бы и думать обрести пристанище в этой деревне.

— Где твои родные? — осторожно спросила Элин, беря Эйдриана за руку.

— Умерли, — коротко ответил он. — Никого нет.

— А где же ты жил до сих пор? — продолжала расспросы женщина.

Эйдриан махнул рукой в сторону леса.

— Там.

— Не больно-то он разговорчив, а, мама? — заметил Казик.

— Видно, он просто не понимает нашего говора, — ответила Элин, вновь поворачиваясь к Эйдриану. — Ладно, парень, что бы там у тебя ни стряслось, идем с нами. Вид у тебя усталый. Накормлю тебя и хоть выспишься как следует!

Она подтолкнула Эйдриана, показав ведущую к деревне тропку, а сама задержалась, поджидая сына.

— Говорю тебе, он разбойник, — не унимался Казик.

— Если и так, пусть уж лучше будет у нас под присмотром, — отозвалась Элин.

Эйдриан слышал каждое слово и сумел понять общий смысл сказанного. Он снова улыбнулся. Кажется, он нашел свой дом.

Остальные жители деревни встретили его по-разному: кто настороженно, а кто и с участием. Только старая Данья неодобрительно смерила юношу взглядом и потребовала, чтобы этого странного чужака прогнали подальше от Фестертула. И все же неожиданное и необъяснимое появление Эйдриана взбудоражило жителей. Где-то ближе к вечеру вокруг него собрались те, кто, надо думать, управлял жизнью деревни — несколько сильных и рослых мужчин и женщин. Весь остаток дня и добрую половину вечера они с пристрастием расспрашивали его. Если Эйдриан не понимал какого-то вопроса, они задавали его по-иному, добиваясь ответа. Больше всего их занимало, откуда он явился. Эйдриан по привычке ответил *толвен* , что на языке эльфов означало *запад* . Люди начали удивленно переглядываться.

— А-а, Толвен, — вдруг сказал один из мужчин. — Охотничье селение. Верно, слыхал про такое.

Теперь уже Эйдриан удивленно посмотрел на него, но ничего не сказал.

Потом собравшиеся заговорили между собой. Юноша облегченно привалился к спинке стула, отключив внимание от их разговора. Он решил: перво-наперво нужно научиться местному наречию. Эйдриан уже знал, как это можно сделать.

Его поместили в комнатенке на втором этаже общего дома — единственного во всей деревне имевшего два этажа. В этом же доме помещался трактир. Когда трактирщик, которого звали Румпар, отправился за припасами, Эйдриан пошел вместе с ним и обнаружил, что в доме есть небольшой холодный погреб.

Незадолго до рассвета Эйдриан осторожно поднял люк погреба и спустился в его замшелое, пропахшее плесенью пространство. Достав из своего мешочка алмаз, он заставил

камень неярко светиться, а сам приладил на стенку свое заветное зеркало. Потом юноша погасил магическое свечение и стал ждать, пока глаза привыкнут к окружающему сумраку.

Призрак уже ждал его и, как показалось Эйдриану, сразу же понял, чем ему помочь. Вскоре после восхода солнца юноша покинул погреб. Его способности понимать человеческую речь и говор жителей Фестертула намного возросли.

Весь следующий день Эйдриан снова провел с местными предводителями. Его вновь расспрашивали о загадочном селении Толвен и о том, что произошло с его семьей.

Эйдриан отвечал односложно и весьма туманно. Через какое-то время, когда расспросы утомили его и он начал побаиваться, что может допустить ошибку, ему пришла в голову спасительная мысль. Сунув руку в карман, Эйдриан нащупал прохладный гладкий гематит, камень души. Он вошел в камень и с его помощью проник в мысли одной из женщин, которая часто охотилась далеко от Фестертула. Эйдриан внимательно вслушивался в ее мысли. Женщина поверила, что он явился сюда из селения Толвен. Разумеется, она даже не подозревала, что так на языке эльфов называется запад. Более того, у нее сложилось мысленное представление об этом селении, чем Эйдриан и воспользовался. Теперь ему не составляло труда отвечать на вопросы. Ему было приятно видеть, как женщина кивает головой, когда он называл знакомые ей подробности.

Эйдриан проверил, что каждый из собравшихся думает о нем, и понял, что подозрений на его счет они больше не питают. Он прошел все их испытания и теперь стал полноправным жителем деревни. Ему разрешили поселиться в доме Элин, которая была вдовой и жила там вдвоем с сыном. Как узнал Эйдриан, остальные ее дети тоже умерли. Казику велели рассказать новичку о том, что он должен будет делать — по большей части речь шла о нехитрых занятиях вроде стирки белья и разноски дров по домам. Сын Элин обрадовался: с появлением Эйдриана, к которому теперь переходили его прежние обязанности, он мог рассчитывать на более ответственные поручения. Возможно, его отправят пасти скот и следить, чтобы на пастбище не пробрались волки.

Эйдриан охотно принялся за работу, полный решимости пока обосноваться в этой деревне и как можно быстрее расширить свои знания о мире людей. Каждый вечер и каждое утро он уединялся с Оракулом. Призрак в зеркале уже поджидал его, чтобы продолжить обучение. Спустя пару недель Эйдриан уже неплохо говорил на здешнем наречии. Попутно он научился с помощью камня души быстро читать мысли своих собеседников, чтобы лучше понимать слова.

Еще через две недели юноша начал скучать и понемногу тяготиться однообразием своей новой жизни.

Он стирал белье, стряпал еду, носил дрова. Все это было его главными обязанностями, за что его кормили и давали кров над головой. Если же Эйдриан хотел подзаработать немного денег и что-нибудь купить у торговцев, чей путь часто проходил через Фестертул, он должен был по вечерам помогать Румпару в трактире. Трактир манил юношу еще и по другой причине. Здесь от выпивки у людей развязывались языки, и он мог услышать много интересного.

— Эй, парень, ты долго еще будешь торчать без дела? — раздраженно спросил его в один из вечеров Румпар.

Трактирщика разозлило, что Эйдриан остановился возле столика, за которым сидели двое шумных и говорливых мужчин. Один из них вспоминал о своем далеком и опасном путешествии в Барбакан, куда он направлялся принять завет Эвелина.

В его устах часто звучало знакомое Эйдриану имя — Полуночник. Рассказчик постоянно называл и другое имя — Джилсепони, но оно ни о чем не говорило юноше.

Уже под ночь, когда в трактире остались лишь ближайшие приятели Румпара, он перешел с ними в заднюю комнатку, чтобы насладиться более дорогой и изысканной выпивкой, велев Эйдриану подавать им вино и закуски.

Юноша и не думал сетовать на то, что его работа затянулась дольше обычного. Он жадно впитывал каждое слово друзей Румпара — мужчин среднего возраста, которые без

умолку толковали о битвах и иных приключениях. Все они принимали участие в войне с демоном-драконом и убили, по их словам, множество гоблинов. Само убранство комнаты напоминало о тех лихих временах — здесь была собрана масса странных и диковинных предметов, в том числе кинжал с зазубренным лезвием, а также весь покрытый вмятинами шлем. Главным же украшением являлся бережно сохраняемый меч, висевший над каминной доской.

— Старина Румпар повидал немало сражений, — сказал один из гостей Эйдриану. — Он ведь служил в королевской армии!

— Да, еще немного — и его бы зачислили в Бригаду Непобедимых! — подхватил другой.

При этих словах Румпар горделиво приосанился. Однако юноша интуитивно уловил, что в словах приятеля трактирщика бравады куда больше, чем правды.

— Я делал то, что требовалось для защиты страны и короля, — скромно заявил Румпар. — Не ахти какая честь — воевать с этими тварями и считать, скольких из них поубивал.

Эйдриан чувствовал: Румпар лгал напропалую. Выражение лица и фальшивые интонации выдавали его с головой. К тому же на оружии Румпара не было ни единого ржавого пятнышка.

— От крови гоблинов лезвие ржавеет, — назидательно произнес Румпар, заметив, что Эйдриан заинтересовался оружием. — Да и кровь этих паршивых поври сильно портит металл.

Эйдриан опять не поверил трактирщику, однако то, о чем шла беседа, его чрезвычайно заинтересовало. Конечно, этот меч не шел ни в какое сравнение с оружием эльфов, будучи несовершенным по форме и более грубым. Тем не менее оружие притягивало к себе внимание юноши. Во время скитаний по лесам его выручала смекалка, превосходное умение прятаться, а пару раз, когда это понадобилось, — и сила магических самоцветов. Но какой бы огромной ни была их мощь, меч — этот или любой другой — затрагивал некие потаенные струны его души. Если владение самоцветами было даром, дававшим ему преимущество над возможными врагами, то безупречное владение мечом было результатом его собственного умения. Сражаясь, он противопоставлял врагу единство мышц, разума и оружия. Эйдриан даже не заметил, как его рука потянулась к рукоятке меча.

— Эй, парень! Не смей трогать меч! — заорал Румпар, возвращая его к действительности.

Юноша моментально отдернул руку и обернулся к трактирщику.

— Так и пораниться недолго, — усмехнувшись, сказал один из приятелей Румпара.

— И заляпать пальцами все лезвие, — проворчал трактирщик.

Эйдриан спрятал презрительную улыбку. Если бы только они знали! Но нет, пока еще не время заявить о себе. Хотя Румпар и четверо его собутыльников изрядно перебрали спиртного и юноша мог бы беспрепятственно снять меч и внимательно его разглядеть, он не стал рисковать. Эльфы не зря учили его проявлять терпение. Он верил, что вскоре ему еще представится возможность сделать это.

С тех пор всякий раз, когда Румпар удалялся с друзьями в заднюю комнатку, он всегда просил Эйдриана прислуживать им. Юноша по-прежнему старался не давать Румпару и его приятелям поводов для недовольства. Из их рассказов он узнавал немало интересного и важного о нравах и обычаях людей, о тех, кто населял когда-то здешние места, и даже о своем легендарном отце.

Эйдриан по-прежнему старательно выполнял свои обязанности и с каждым днем все увереннее говорил на языке людей. Прошло еще две недели, и юноше наконец представился случай показать себя. Нет, над Фестертулом не нависло никакой особой угрозы. Просто дети, вернувшиеся с рыбной ловли, сообщили, что речка совсем обмелела.

Эйдриана, привыкшего жить в гармонии с природой и прекрасно знавшего ее законы, это удивило. В последние несколько недель постоянно шли дожди. Речка брала свое начало в

горах, он по пути к Фестертулу видел их заснеженные вершины. Следовательно, засуха причиной обмеления быть никак не могла. После недолгих раздумий юноша догадался, в чем тут дело.

Он покинул деревню в тот самый момент, когда жители оживленно обсуждали новость. Пройдя вверх по течению, он, как и ожидал, наткнулся на устроенную бобрами плотину. Двух ударов молний, созданных Эйдрианом с помощью графита, было достаточно, чтобы освободить путь воде. Когда он вернулся в Фестертул, неся в руках пару бобровых шкурок, жители еще только собирались отправить кого-нибудь узнать, что же случилось с речкой.

В этот день Эйдриан впервые вкусил сладостное чувство признательности со стороны жителей деревни. Пусть он не совершил ничего героического, но ему очень понравилось быть в центре внимания.

Понравилось настолько, что, когда через день-другой разговоры об этом естественным образом прекратились, юноша стал искать новый повод напомнить о себе.

Через несколько дней Румпар вновь собрал у себя закадычных друзей. Они, как обычно, налегали на выпивку, а Эйдриан тихо сидел в углу, слушая сильно приукрашенные рассказы о войне и ее героях. Незаметно все его мысли сосредоточились на мече, и вскоре он ощутил, что оружие буквально притягивает его к себе. На этот раз никто не заметил, как юноша, сняв меч со стены, принялся его разглядывать.

— Эй, парень! — донесся до него раздраженный голос Румпара.

— Порежешься ведь, — со смехом прибавил кто-то из его гостей.

— А ну-ка, положь меч на место! — потребовал трактирщик, который в отличие от своего приятеля не видел в этом ничего забавного.

— Я только проверял, как он лежит в руке, — попытался объяснить Эйдриан.

— Да что ты можешь знать о таких вещах? — отчитал его Румпар.

Он подошел к юноше и грубо вырвал у него меч. Эйдриан сумел подавить гнев.

— Я умею с ним обращаться, — уверенно произнес он.

Друзья трактирщика так и покатились со смеху.

— А ты, видать, отъявленный хвастун! — загремел один из них.

— Брось, малыша самое время зачислить в Бригаду Непобедимых, — сказал другой, и от этих слов рассмеялся даже Румпар.

— Я держал в руках оружие намного совершеннее этого меча, — холодно заявил юноша.

В комнате мгновенно стало тихо. По взглядам, бросаемым на него Румпаром и остальными, Эйдриан безошибочно понял, что обратного пути нет.

— Ты бы наперед думал, что говоришь, — тихо и угрожающе произнес трактирщик.

Наверное, юноша еще мог бы пойти на попятную, признавшись, что просто захотел похвастаться. Однако скука минувших недель, когда один день был как две капли воды похож на другой — небольшое разнообразие принесло лишь разрушение бобровой плотины, — подталкивала Эйдриана хоть к каким-то действиям.

— Я сказал правду, — спокойно ответил юноша. — Я действительно держал в руках намного более совершенное оружие. И знаю такие приемы боя, которых ты, Румпар, даже вообразить себе не можешь. Фестертул стоит на самой границе диких глухих мест. Глупо, когда меч висит на стене без дела, когда другие… когда я мог бы найти ему применение.

— Да ну? — недоверчиво вскинул брови Румпар.

— Мог бы, — не колеблясь заявил Эйдриан. — Я бы сражался с разбойниками или гоблинами либо охранял деревню от опасных зверей.

Все, включая трактирщика, вновь затряслись от смеха.

— Я готов сразиться с тобой за этот меч, — вырвалось у юноши раньше, чем он подумал о возможных последствиях своих слов.

В комнате опять воцарилась гнетущая тишина.

— Он скорее отдаст тебе свою дочку, нежели меч, — заявил один из гостей, но никто не поддержал взрыв его смеха. Румпар зловеще хмурил брови.

— Ну, или хотя бы за право иногда им пользоваться, — предложил Эйдриан. — Если я тебя одолею, ты разрешишь мне брать его, когда понадобится. Если победишь ты, я пойду к тебе в работники на целый месяц: буду прибирать в доме, колоть дрова и вообще делать все, что скажешь. Буду приходить к тебе рано утром, а потом заниматься другими делами.

Трактирщик одарил юношу не предвещающим ничего доброго взглядом, и тот понял, что сейчас его выгонят прочь, только посмеявшись над желанием вступить в поединок. Однако друзья в один голос стали советовать Румпару хорошенько проучить зарвавшегося мальчишку.

Поначалу трактирщик колебался, но потом, раззадоренный ими, криво улыбнулся.

— Месяц, говоришь? — презрительно протянул он, поворачиваясь к Эйдриану. — Нет, месяцем не отделаешься. Пять месяцев!

— Согласен на целый год, — быстро произнес юноша. — Даже на пять лет. Мне все равно.

Трактирщик поднял свой тяжелый кулак.

— Ты никак думаешь, что ровня мне по силам? — недоверчиво спросил он.

— Я предлагаю не кулачный бой, — возразил Эйдриан. — Ты возьмешь свой меч, а я…

Юноша огляделся по сторонам, ища что-нибудь подходящее. Наконец в углу он приметил метлу с длинной деревянной рукоятью.

— Я возьму вот это… — объявил он.

— Ну и помашешь же ты метелочкой, если будете сражаться до первой крови! — бросил Эйдриану один из друзей Румпара, и все громко захохотали.

— Что ж, парень, сейчас я тебя проучу, раз уж напросился, — пообещал трактирщик.

— Прежде ты сам потеряешь свою славу непревзойденного бойца, — ответил юноша.

Он уже не колебался, а искренне радовался принятому решению, чувствуя, что готов занять иное положение среди жителей Фестертула.

Друзья Румпара возбужденно загудели, явно предвкушая потешное зрелище.

— Вмажь ему как следует! Этого дерзкого молокососа надо проучить! Надери ему задницу! — подбадривали они трактирщика.

Румпар на несколько секунд прикрыл глаза, и Эйдриан понял, что в памяти его противника пронеслись воспоминания о былых сражениях, вызывая соответствующий настрой. Лицо трактирщика приобрело зловещее выражение.

— Сейчас, парень, ты у меня получишь, — посулил он.

В ответ Эйдриан сделал молниеносный выпад, огрев Румпара метлой пониже спины. Удар не был сильным, но вызвал у противника прилив нешуточной ярости.

Он оглушительно завопил и, размахивая мечом, ринулся в атаку. Возможно, бывший воин считал свои действия верхом искусства фехтования, но тому, кто владел би'нелле дасада, они казались ужасно неуклюжими.

Эйдриан, даже не пуская в ход свое «оружие», легко уклонялся от ударов меча, со свистом разрезающих не только воздух вокруг юноши: пара стульев и настенная полка, уставленная глиняными мисками, стали первыми в списке пораженных рукой хозяина. Дабы тот не перебил всю утварь, Эйдриан сместился на свободное пространство в центре комнаты и едва заметным движением прошелся прутьями метлы по лицу Румпара, словно предупреждая его о готовности применить в схватке более серьезные приемы рукопашного боя. Но на разъяренного трактирщика это действие произвело обратный эффект, и он, увеличив скорость вращения меча и испустив вопль, напоминающий рев оленя в брачный период, бросился в атаку. Чтобы не попасть под горячую руку, друзья Румпара повскакивали с мест и продолжали наблюдать за боем с безопасного расстояния, подбадривая его своими выкриками.

Эйдриан, ни на мгновение не упуская из виду движений трактирщика, который своим мечом превратил убранство комнаты в свалку поломанной и разбитой утвари, решил, наконец завершить схватку, выкрикнув зрителям:

— На счет три!

— Раз! — И первый, не сильный, но точный удар торцом рукояти метлы в область правой ключицы Румпара обездвижил руку, в которой он держал меч, — та сразу же повисла, словно плеть. Трактирщик попытался было переложить оружие в левую, но…

— Два! — Подсечка, выполненная с разворотом, заставила Румпара грохнуться задом на усеянный черепками разбитой посуды пол…

— Три! — Завершающий удар торцом рукояти метлы, направленный в точку, где сходились брови Румпара, поверг бывшего бравого воина в состояние, близкое к тому, которое случается с любителями горячительных напитков: полное отсутствие возможности управления своим телом наряду с восприятием окружающего — только посредством зрения, да и то с искажением форм предметов до неузнаваемости.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Может, нужно было еще немного продлить сражение, позволив Румпару сохранить свою гордость и достоинство? Эйдриан тут же отбросил эту мысль. Нет, решил он, пусть эти люди с самого начала видят, кто живет рядом с ними, пусть узнают правду о том, кто станет их защитником, рейнджером Фестертула!

— Тебе просто повезло! — упрекнул его один из гостей, нарушив наконец тишину.

— Ты вел себя как неблагодарный злобный щенок! — добавил другой, когда Эйдриан наклонился и поднял с пола меч.

— Вскоре вы будете только радоваться, что я появился в вашей деревне, ибо я — Эйдриан, рейнджер Фестертула, — спокойно и уверенно ответил им юноша. — Я буду нести дозор в окрестных лесах, защищая вас от опасностей, хотя вы, боюсь, не слишком этого заслуживаете.

Спустя несколько минут Румпар, кряхтя, поднялся на ноги и стал было требовать, чтобы Эйдриан вернул ему меч, но юноша наградил его таким леденящим взглядом, что у трактирщика слова застряли в горле.

— Будет с тебя, мальчишка, — бросил один из гостей. — Убирайся отсюда!

— Мальчишка? — переспросил Эйдриан. — Мальчишка, который в битве может победить вас двоих, а то и троих? Мальчишка, к которому вы побежите всякий раз, когда Фестертулу будет угрожать опасность?

Вполне удовлетворенный исходом поединка и произведенным впечатлением, Эйдриан вышел из трактира. Собрав свои нехитрые пожитки, он покинул Фестертул и скрылся в ночной мгле.

Проходили дни, и Эйдриан все более чувствовал, что своим внезапным поступком подвел определенную черту. Он начал заново обдумывать свою дальнейшую жизнь и свое место в мире. Ему было вовсе не одиноко в лесу, поскольку он часто встречал деревенских охотников и столь же часто подсказывал, в каком месте им сегодня следует искать добычу.

За время, проведенное вдали от деревни, Эйдриан постепенно пришел к выводу, что Фестертул не был и никогда не сможет стать для него домом. И причина крылась вовсе не в том, что после поединка с Румпаром у него испортились отношения с жителями деревни. Они считали его хвастуном и только и искали момента, чтобы проучить задаваку. Это юноша понял по отрывочным замечаниям охотников. Главное, что жизнь в Фестертуле, да, как он понял, и в любом другом месте, удаленном от больших городов, имела немало ограничений. Это открытие сильно раздосадовало нетерпеливого и порывистого Эйдриана. Но он не зря учился мудрости у эльфов тол'алфар. Их уроки подсказывали ему: наберись терпения. Совсем не обязательно провести в Фестертуле всю свою жизнь. Чтобы выбраться на большую и широкую дорогу, иногда приходится сначала идти по тропинке. Пусть эта деревня станет для него своеобразной тропинкой. Отсюда он начнет путешествие к своей судьбе.

Новое место в жизни требовало и нового имени, и Эйдриан немало времени раздумывал над тем, какое имя взять, чтобы оно соответствовало его положению рейнджера Фестертула. Юноша думал, не оставить ли ему свое прежнее имя, добавив и фамилию, которую он пока не решался никому назвать. Вообще-то он не слишком переживал из-за

отношения к нему жителей деревни, считая, что те были просто не в состоянии оценить его выдающиеся способности.

Эти мысли подсказали Эйдриану, какое новое имя он себе возьмет и которым будет называться открыто. Оно явится продолжением имени его отца, но одновременно будет тайно свидетельствовать о том, что сын поднялся выше отца и его героических деяний. Элбрайна называли Полуночником, или на языке эльфов — Тай'марави.

— Отныне мое имя будет Тай'маквиллок — громко крикнул однажды Эйдриан в темноту ночного леса. — Эйдриан Ночной Ястреб!

ГЛАВА 13
ЕЕ СВЕТЛОСТЬ ДЖИЛСЕПОНИ

— Люди ни за что не признают меня! — возразил Роджер Не-Запрешь, когда Джилсепони объявила ему и Дейнси, что после ее отъезда в Урсал бароном Палмариса станет он.

— Люди будут любить тебя не меньше, чем люблю я, — не сдавалась Джилсепони.

— Для меня это слишком большая…

— Довольно возражений, Роджер Не-Запрешь! — недовольным тоном перебила его Джилсепони. — Тебя и Дейнси не бросают на произвол судьбы. В Чейзвинд Мэнор все хорошо знают, в чем заключаются обязанности барона, и всегда подскажут тебе, как поступать. К тому же ты всегда можешь рассчитывать на помощь аббата Браумина, когда он вернется в Сент-Прешес.

— Я только не пойму, зачем ты соглашалась принять титул епископа, если знала, что вскоре отбудешь на юг? — спросила Дейнси.

Впрочем, по виду Дейнси нельзя было сказать, чтобы ее сильно тревожили скорые перемены. После того как эта женщина побывала на грани смерти и осталась жива лишь благодаря чуду завета Эвелина, мало что могло вывести ее из равновесия.

— Я уверена, что епископство в Палмарисе сохранится, — ответила Джилсепони. — Думаю, король Дануб сделает епископом Браумина Херда.

— Тогда я не больно-то уютно буду себя чувствовать в Чейзвинд Мэнор, — заявил Роджер, хотя по его голосу безошибочно угадывалось обратное: мысль о том, что он станет бароном, невзирая на внешнее противодействие этому, приятно его будоражила.

— Я уже говорила об этом с Брауминым, — сообщила Джилсепони. — Не волнуйся, друг мой, он найдет для тебя достаточно серьезное дело. Разумеется, если король согласится сделать его епископом, ты не будешь носить официальный титул барона, но это отнюдь не уменьшит ни значимости твоих занятий, ни твоей ответственности.

— Как всегда — одна ответственность и никаких почестей, — проворчал Роджер, испустив подчеркнуто горестный вздох. — Так и пошло с тех самых времен, когда я спас Элбрайна от поври.

Джилсепони не удержалась от улыбки и не стала напоминать другу, кто кого тогда спасал.

Откуда-то из соседних комнат донесся громкий голос посыльного, требующего «ее светлость Джилсепони».

— Ох и нетерпелив же этот герцог Брезерфорд! — воскликнула Дейнси.

— Не хочет упускать время прилива, — сказала Джилсепони, хотя и знала, что замечание Дейнси относительно этого человека полностью соответствует истине.

Герцог Брезерфорд прибыл из Урсала на королевском корабле, едва только Мазур-Делавал освободился ото льда. По его виду чувствовалось, что он не слишком доволен порученной миссией. Разговаривая с Джилсепони, герцог почти всегда заметно морщился.

— Значит, мне пора, — сказала Джилсепони, обращаясь к друзьям. — Король Дануб ждет.

Дейнси крепко ее обняла, однако Роджер не торопился сделать то же самое.

— Королева Джилсепони, — улыбаясь, произнес он. — Не знаю, привыкну ли я когда-нибудь называть тебя так.

— В таком случае, придется повелеть, чтобы тебе отрубили голову! — властным тоном бросила Джилсепони, после чего друзья крепко обнялись.

— Вы будете на церемонии бракосочетания? — спросила Джилсепони.

— А как же ты думала? И непременно в первом ряду, — ответил Роджер. — И горе любому вельможе, который посмеет оспаривать наши места, — барон Палмариса должен видеть, как его дорогая и любимая Джилсепони восходит на трон!

Женщина благодарно улыбнулась, ничуть не сомневаясь, что ее друг выполнит свое обещание.

— Помогай аббату Браумину во всем, — велела она Роджеру. — И вообще, будь ему таким же другом, каким всегда был мне.

— И ты тоже оставайся нашим другом, — без тени улыбки произнес тот. — И когда освоишься на королевском престоле, не забывай про своих друзей на севере.

Джилсепони поцеловала его в щеку. Посыльный герцога Брезерфорда снова выкрикнул ее имя, теперь уже более настойчиво.

Вскоре «Речной Дворец» отчалил от палмарисской гавани. Стоя у перил, Джилсепони махала рукой Роджеру, Дейнси, а также Браумину, Виссенти и Кастинагису, пришедшим проводить ее. Она покидала, и, похоже, навсегда, Палмарис — город, с которым была связана большая часть ее взрослой жизни.

Джилсепони еще долго стояла на палубе, вспоминая прошлое. Если она хочет быть хорошей женой Данубу и достойной королевой Хонсе-Бира, следует примириться с тем, что ушло безвозвратно. И с былыми утратами — тоже. Постепенно очертания Палмариса таяли в тумане, сливаясь с водой и исчезая вдали. Ей казалось, что так же исчезают и прожитые годы. Она должна смотреть вперед. Возможно, ей предстояло самое серьезное дело в ее жизни.

Когда Джилсепони думала о былом, перед ней неизменно вставал призрак Элбрайна и она начинала сомневаться в своем решении выйти замуж за короля Дануба. И не только за Дануба; любое новое замужество казалось ей бессмыслицей.

— Ваша светлость, вскоре будет подан ужин, — послышалось у нее за спиной.

Обернувшись, Джилсепони увидела молодого юнгу и поблагодарила его теплой улыбкой. Чуть поодаль стоял герцог Брезерфорд. Он сурово взирал на едва различимый вдали Палмарис, подчеркнуто не желая поворачиваться в сторону Джилсепони. Зачем он послал к ней матроса, если сам находится в нескольких шагах? Возможно, здесь тоже существовали какие-то неведомые ей правила этикета; а может, герцог не хотел нарушать ее уединение. Однако, скорее всего, герцог Брезерфорд намеренно избрал такую линию поведения. Прибыв неделю назад в Палмарис, он держался чрезвычайно холодно и официальным тоном уведомил ее, что погода благоприятна и настало время отправляться в Урсал для бракосочетания с королем Данубом. Джилсепони понимала, что герцог всеми силами дает ей понять, насколько неохотно он выполняет порученную ему миссию.

Вот и сейчас Брезерфорд повернулся и зашагал прочь, всячески желая избежать встречи с ней. Однако Джилсепони не была искушена в тонкостях придворного «такта». Она не собиралась выходить замуж за короля Дануба, закрыв глаза на отношение к ней его давних друзей, и не хотела, чтобы в ком-то накапливалось невысказанное недовольство.

— Герцог Брезерфорд, — окликнула она, направившись вслед за ним.

Брезерфорд сделал вид, что не слышит.

— Герцог Брезерфорд! — уже гораздо громче повторила Джилсепони. — Я бы хотела поговорить с вами.

Брезерфорд медленно повернулся к ней.

— Да, ваша светлость, — произнес он, слегка поклонившись.

Поклон получился довольно неуклюжим. Иного и быть не могло: суставы приземистого, похожего на бочонок Брезерфорда сгибались с трудом. Обликом своим он

чем-то напоминал увесистый бочонок, посаженный на тонкие, кривые ножки.

— С глазу на глаз, — добавила Джилсепони, хотя не имела ничего против того, чтобы побеседовать с ним прямо на палубе.

Герцог слегка задумался, после чего ответил:

— Как вам будет угодно. — И повел женщину в свою каюту.

— Я хотела бы спросить, — начала Джилсепони, когда они оказались в каюте и Брезерфорд запер дверь.

— О чем? — осведомился он.

Джилсепони, не отвечая, смотрела на него сумрачным взглядом.

— Я внимательно слушаю, ваша светлость, — учтиво произнес герцог, продолжая разыгрывать простодушие.

— За зиму ваше отношение изменилось, — заметила Джилсепони.

— Касательно чего? — вновь уклончиво спросил опытный придворный.

— Касательно меня, — напрямую ответила она. — Едва вы появились в Палмарисе, я сразу же это ощутила. Вы все время держались от меня на расстоянии, а когда нам все же приходилось оказываться рядом, вас словно дрожь пробирала.

— Я — посланник короля, обязанный строго выполнять возложенную на меня миссию, — попытался было уйти в сторону Брезерфорд, но Джилсепони не собиралась довольствоваться ничего не значащими словами. Будущая жизнь в Урсале и так в достаточной мере тревожила ее, поэтому она хотела добиться ясности от человека, сопровождавшего ее к Данубу.

— Вы изменились, — сказала Джилсепони. — Во всяком случае, изменилось ваше отношение ко мне. Я не собираюсь утверждать, что прежде мы были друзьями, но все же позвольте узнать, герцог Брезерфорд, чем я могла вас обидеть?

— Ничем, ваша светлость, — ответил герцог, но одно то, каким тоном он произносил слова «ваша светлость» — официально принятое обращение к будущей королеве, — уже было достаточным ответом.

— Ничем, кроме моего согласия на предложение короля Дануба, — быстро проговорила она.

Брезерфорд опешил и принялся пощипывать свои густые и не слишком ухоженные седые усы. Значит, она попала в самую точку, подумала Джилсепони. Герцог шагнул к шкафчику и достал оттуда бутылку и два бокала.

— «Болотного» вина выпьете? — осведомился он.

Джилсепони не любила вино и при других обстоятельствах непременно отказалась бы. Но сейчас был особый случай. Брезерфорд предлагал ей не просто выпить; он приглашал к доверительной беседе, а не к учтивому пустому разговору между одним из приближенных короля и будущей королевой.

Она кивнула, взяла протянутый ей бокал и чуть пригубила терпкого вина, не отрывая взгляда от Брезерфорда, который одним залпом расправился с содержимым своего бокала.

— Вообще-то такое вино следует пить по глоточку, наслаждаясь букетом, — виновато произнес он.

— Вы напрасно волнуетесь, герцог Брезерфорд, — сказала Джилсепони. — С тех пор как вы прибыли в Палмарис, вы все время испытываете в моем присутствии явное беспокойство. Мне очень хочется знать, почему? Что же все-таки случилось?

— Ничего, ваша светлость…

— Не надо меня дурачить. — Джилсепони сердито посмотрела на собеседника. — Ваше отношение ко мне явно изменилось, причем не в лучшую сторону. Вы даже не удостаиваете меня искреннего ответа. Или вы считаете, что я и так догадаюсь?

Герцог наполнил свой бокал и сделал еще один большой глоток.

— Что бы вы сейчас ни сказали, это останется между нами, — заверила его женщина.

— Когда я отплывал в Палмарис, никого в Урсале не приводила в восторг моя миссия, — тихо произнес Брезерфорд.

— Путь неблизкий, а в такое время плыть куда опаснее, чем летом, — заметила Джилсепони.

— Дело не в превратностях плавания… дело в вас! — возразил Брезерфорд. — Мало кого радовало, что я отправляюсь на север за госпожой Джилсепони. Кое-кто даже намекал мне, что было бы неплохо выбросить вас за борт еще задолго до подхода к Урсалу.

От столь искреннего признания женщина опешила.

— Вы сказали, что этот разговор останется между нами, и потому я могу говорить откровенно, — продолжал герцог.

— Да. Пожалуйста, продолжайте.

— Почти все при дворе недовольны тем, что король Дануб берет в жены простолюдинку, — продолжал Брезерфорд. — Я ни в коем случае не смею отрицать ваших героических деяний, — поспешно добавил он, жестом останавливая собеседницу, которая собиралась ему возразить. — Ни во время войны с демоном, ни в годы сражения с чумой. Но это было давно, а у людей, боюсь, короткая память.

— Вы имели в виду память некоторых знатных женщин? — усмехнулась Джилсепони.

Вместо ответа Брезерфорд слегка наклонил в ее сторону свой бокал. Она угадала.

— Место королевы всегда предназначалось для женщин благородного происхождения, — сказал герцог. — Для дочерей герцогов, баронов и иных вельмож, причем считалось обязательным условием, чтобы они не были ранее замужем.

— Но ведь это королю решать, на ком остановить свой выбор, — возразила Джилсепони.

— Разумеется, — согласился Брезерфорд. — Однако он вряд ли сможет повлиять на то, с чем вам придется столкнуться в Урсале. Придворные дамы, завидующие, что не они оказались избранницами короля Дануба, будут обсуждать и осуждать каждый ваш шаг. Даже простой народ…

— Простой народ? — перебила его женщина. — Да что вы знаете о нас, герцог Брезерфорд?

— Достаточно сказать, что в Урсале к вам станут относиться совсем не так, как здесь, на севере, — продолжал герцог, не обращая внимания на ее возмущенное восклицание. — Поначалу, конечно, вы будете вызывать восторг простолюдинок. Ведь в их глазах вы — зримое подтверждение их надежд. Каждая крестьянская девчонка мечтает, что однажды в нее влюбится какой-нибудь вельможа и сделает ее знатной дамой. Однако пройдет не так уж много времени — и их любовь к вам превратится в ту же зависть. Будьте внимательны к каждому своему шагу, ваша светлость, — откровенно посоветовал он. — Все — от знати до простонародья — будут строго судить вас, если вы в чем-то ошибетесь.

Герцог даже не заметил, что говорит во весь голос, и его слова буквально гремели, заполняя пространство тесной каюты. Замолчав, он осушил свой бокал и тяжело вздохнул.

Джилсепони видела: ее собеседник решил, что перешел границы допустимого, хотя она и призывала его к откровенной беседе. Наверное, Брезерфорд ожидал, что после таких признаний Джилсепони навсегда возненавидит его и, возможно, даже станет настраивать против него Дануба — если не открыто, то исподволь. По правде говоря, слова герцога озадачили и рассердили женщину, и вначале ей действительно хотелось обрушить на него свое недовольство. Но задумавшись над словами герцога, она была вынуждена согласиться, что в чем-то он, несомненно, прав.

— Спасибо вам, герцог, — сказала она, немало изумив Брезерфорда. — Вы были искренни со мной. Боюсь, при дворе короля Дануба мне придется нечасто сталкиваться с таким отношением.

— Весьма редко, — согласился немного успокоенный герцог.

— Что же касается вашего отношения ко мне, я лишь прошу, чтобы вы отнеслись ко мне справедливо, — продолжала Джилсепони. — Дайте мне возможность доказать, что, став королевой, я принесу немалую пользу и королю, и государству. Судите меня по тем же меркам, по каким бы вы судили любую из дочерей знати.

Брезерфорд не ответил, а лишь поднял бутылку с эльфийским вином, предлагая выпить еще.

Джилсепони допила вино, а затем протянула бокал для новой порции.

Вскоре она покинула каюту герцога. Наверное, эта беседа была неплохим началом их отношений. Хотя Джилсепони и Брезерфорд были знакомы более десяти лет, по-настоящему они узнали друг друга только сейчас, во время этого откровенного разговора. Женщине хотелось верить, что она приобрела в нем союзника. Учитывая, сколь враждебно настроен к ней королевский двор, союзников у нее будет немного.

Но, скорее всего, она ошибается, вряд ли герцог займет ее сторону, подумала Джилсепони, вспоминая слова Брезерфорда. Что ж, во всяком случае, можно надеяться, что он не ударит исподтишка. Это уже немало. От других придворных — высокомерных и убежденных в собственной исключительности — она едва ли дождется подобного отношения.

«Речной Дворец» входил в урсальскую гавань под гром фанфар и приветственные крики народа, собравшегося, чтобы встретить женщину, которой суждено было стать их королевой. Видя ликующие лица и слыша радостные возгласы, Джилсепони захотелось забыть о предостережениях герцога Брезерфорда. Но она быстро совладала с собой, не позволив поддаться благостному настроению. Жизнь многому научила Джилсепони. Она не раз убеждалась: толпа с поразительной легкостью переходит от безудержного восторга к столь же безудержной ненависти. Спускаясь по сходням и оглядывая встречавшую корабль толпу, женщина с содроганием представляла, как приветствия и сияющие улыбки сменяются криками и злобными гримасами. И переход между этими противоположными состояниями казался ей совсем незаметным.

К тому же среди пришедшей встречать ее знати она заметила две знакомые фигуры, и это лишь усилило мрачную истину слов Брезерфорда. Наверняка эти двое сильно постарались, чтобы очернить ее в глазах герцога, и свое мнение о ней он изменил явно не без их помощи.

Констанция Пемблбери и герцог Таргон Брей Калас, как всегда, стояли рядом с королем Данубом, и их близость к человеку, который вскоре станет ее мужем, отнюдь не радовала Джилсепони. Она прекрасно видела фальшь их улыбок и улавливала злобу в каждом их рукоплескании. Встретившись глазами с Констанцией, Джилсепони заметила во взгляде придворной дамы ничем не прикрытую ненависть.

Улыбаясь и вскинув руку в приветствии, она сошла с корабля. В ее сознании эхом отдавались слова герцога Брезерфорда.

Сделав первый шаг по брусчатке урсальской гавани, Джилсепони сразу почувствовала: она ступила на незнакомую и весьма опасную дорогу.

ГЛАВА 14
НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Маркало Де'Уннеро долгим взглядом окинул видневшееся вдали селение. Они с Садьей решили перебраться на зиму в более теплые края. Все эти месяцы жизнь не доставляла им особых хлопот; по правде говоря, за десять лет скитаний Де'Уннеро никогда еще так прекрасно себя не чувствовал. Теперь он не пытался удерживать тигра внутри себя или вовсе отрицать его существование. Певица тоже не делала попыток обуздать зверя своей магической музыкой, ибо это было выше ее сил. Тигр не страшил певицу; наоборот, она даже поощряла иногда его выход на волю.

— Кому охотиться легче? — спрашивала она всякий раз, когда Де'Уннеро колебался, уступить ли натиску тигра.

За последние пару месяцев, опять-таки с помощью Садьи, бывший монах стал относиться к своему проклятию совершенно по-иному. По сути, Де'Уннеро даже начал

считать его присутствие своеобразной благодатью. Он мог намного ревностнее исполнять волю Божью, утверждая путь праведности, который столь часто бывает сопряжен с жестокостью. Правда, Де'Уннеро по-прежнему не был в этом полностью уверен, а если и говорил, что верит, то за его словами скрывались вполне реальные опасения. За эти годы он стал настоящим демоном, хотя теперь Садья и ее магическая лютня помогали ему увидеть другую сторону тигра и сделать вспышки жестокости более управляемыми.

Маленькой певице своей музыкой и пением без труда удавалось отвлекать тигра от себя, направляя его взгляд в лес, где зверя ждала более подходящая добыча.

Голодная зима им не грозила.

Но несмотря на все это, несмотря даже на растущую надежду (если не сказать, уверенность), что смертоносные когти тигра являются его благодатью, несмотря на постоянные заверения Садьи, что она и ее волшебная лютня способны управлять зверем, Маркало Де'Уннеро ощущал всю тяжесть шага, который решился предпринять. Он смотрел на незнакомую деревню, раскинувшуюся на холме. Рано или поздно и ее может постичь участь деревни Миклина. Зоркие глаза бывшего монаха различали фигурки деревенских жителей, занятых своими повседневными хлопотами.

Перед мысленным взором Де'Уннеро промелькнула другая картина. В один из недавних вечеров, когда после любовного соития он и Садья сидели у костра, поддерживая пламя, певица наигрывала на своей лютне какую-то простую нежную мелодию. Все вокруг дышало покоем и красотой, как вдруг Де'Уннеро почуял запах оленя, которого преследовали волки. Потом он услышал их вой. И сразу же тигр-оборотень, почуяв добычу, предпринял попытку вырваться наружу.

Бывший монах крепко запомнил это звериное ощущение голода. Он помнил, как потом повернулся к Садье. Обнаженное тело певицы было едва прикрыто наброшенным на плечи покрывалом. Она держала в руках лютню. С какой легкостью Де'Уннеро мог бы вонзить зубы и когти в ее нежную плоть! Одно движение когтистой лапы — и он напился бы ее теплой сладковатой крови! Певица уловила состояние своего друга, но не растерялась. Она заиграла мелодию, которая всегда успокаивала Де'Уннеро, заставив его отвести взгляд от ее тела. Женщина отвела от себя и тигра, послав зверя охотиться вместе с волками за несчастным оленем. Потом Садья уверяла, что невзирая на внезапное появление тигра, она всегда сумеет отогнать его прочь.

Но бывший монах понимал (и сейчас, рассматривая деревню на холме, он понимал это еще острее): она не в состоянии помочь ему обуздать тигра. Если зверь появится, снедаемый жаждой нового убийства, Де'Уннеро будет вынужден ему это позволить. Только так он еще может управлять оборотнем.

Вот оно — гнетущее напоминание, чем в действительности является тигр-оборотень. Никакое это не благо; это его проклятие. Разве Садья своим пением защитит беспомощных жителей деревни, если зверь вырвется наружу?

— Я сумею помочь, — сказала женщина, подойдя к нему и положив голову на плечо. — Ты должен верить в меня, мой любимый.

Два ее последних слова сильно взволновали Де'Уннеро. Мой любимый. Он никогда не ожидал услышать таких слов от женщины! В двадцатилетнем возрасте он вступил под своды Санта-Мир-Абель, беспрекословно приняв обет безбрачия. Его немало удивило, что скрытая от посторонних глаз жизнь монахов абеликанского ордена была далека от целомудрия, и Де'Уннеро приходилось время от времени слушать рассказы об их приключениях с доступными женщинами. Эти рассказы не будоражили его: Де'Уннеро понимал, что подобные отношения не имеют ничего общего с любовью. Всего-навсего совокупление тел — ответ на призыв плоти, стремление к удовлетворению своей похоти, не более.

После нескольких первых любовных слияний — почти безумных в своей страстности — Де'Уннеро думал, что их отношения с Садьей будут напоминать тайные утехи монахов. Певица была исполнена желания; ее глаза бешено сверкали, а тело с голодным неистовством отвечало на его ласки.

Но Садья обладала и совсем другими качествами. Де'Уннеро узнал о ее нежности и рассудительности, о беспощадном по своей искренности умении видеть и оценивать несовершенство окружающего мира. Однако более всего его привлекала в маленькой певице ее незащищенность. Внешне это никак не проявлялось, и Садья, невзирая на невысокий рост, отнюдь не выглядела хрупкой тростинкой, готовой переломиться от порыва ветра. Но эта женщина раскрыла перед Де'Уннеро свое сердце. Вскоре мгновения их любовной близости превратились в моменты полной открытости и доверия друг к другу. Такого Маркало Де'Уннеро еще никогда не встречал в людях и считал, что подобное состояние можно достичь лишь в молитвенном экстазе.

Плотская любовь, которую он к ней испытывал, казалась Де'Уннеро намного возвышеннее, чем все духовные переживания, испытанные им в Санта-Мир-Абель.

В деревню они входили, взявшись за руки.

Летним утром, когда Эйдриан появился в Фестертуле, неся на своих плечах убитого оленя, он сразу почувствовал, что деревня чем-то взбудоражена. За последние несколько недель он нечасто наведывался сюда, но никогда еще Фестертул так не напоминал потревоженный улей. Даже когда Элин и Казик впервые привели Эйдриана в деревню, жители отнеслись к этому куда спокойнее.

— А-а, да ты никак тащишь нам оленя? — закудахтал один из приятелей Румпара, присутствовавший при поединке Эйдриана с трактирщиком. — А тут, знаешь ли, объявилась дичь покрупнее!

Юноша окинул его удивленным взглядом, совершенно не понимая, о чем тот болтает.

Не успел он пройти и нескольких шагов, как к нему подскочил маленький мальчишка и вцепился в полу его темно-коричневой блузы.

— Ты их убьешь, правда? — воскликнул малыш.

— Кого это — их? — не понял Эйдриан.

— Никки, иди домой, нечего лезть во взрослые дела! — сердито крикнула с крыльца мать мальчика.

— Кого их? — снова спросил Эйдриан.

Он сбросил свою ношу и непонимающе поглядел на женщину.

— Мало ли чего малец сболтнет! Меня это не касается, — грубо отрезала она и, загнав сына в дом, захлопнула дверь.

Эйдриан покачал головой, затем нагнулся за оленем. Тут он заметил стоящего невдалеке Казика, с которым после поединка с Румпаром он не обменялся и парой слов. Казик дулся на него, и юноша понимал причину этого: сын Элин ему завидовал. Еще бы: Эйдриана жители деревни уважали и считали взрослым, тогда как он по-прежнему оставался для них мальчишкой.

— Разбойники объявились, — обронил Казик.

Эйдриана одинаково удивило как то, что Казик с ним заговорил, так и сама новость.

— Разбойники? — переспросил он.

— Откуда-то с юга, — мрачно сказал Казик. — Подстерегли на дороге нескольких человек из Придорожной Яблони. Это в двух днях пути отсюда.

— По слухам, они двинулись в нашу сторону, — вступила в разговор стройная темноволосая и темноглазая девушка, чем-то напоминавшая Эйдриану Бринн Дариель.

— Настоящие головорезы, — проворчал Казик и выразительно поглядел на Эйдриана, явно пытаясь его запугать. — Одного они убили прямо на месте. Вырвали ему сердце и бросили на дороге.

Слова Казика отнюдь не испугали юного рейнджера. Он пару раз забредал в деревню Придорожная Яблоня и как-то даже помог местным охотникам, показав им путь к лужайке, где незадолго до этого видел стадо оленей. Услышав про разбойников, Эйдриан ощутил, как забилось его сердце. Наконец-то он сможет подтвердить, что достоин возложенной на него миссии. Сражение с шайкой разбойников — это вам не разрушение бобровых плотин и не

подсказки охотникам, где им искать добычу!

— Отнеси оленя в сарай, — велел он Казику. — Деревенские предводители уже начали собирать отряд для поисков шайки?

— Если бы и начали, тебя бы вряд ли позвали, — насмешливо бросил тот.

— Скорее всего, они решают, как защитить деревню в случае, если разбойники появятся на нашей дороге, — ответила девушка. — Так что очень хорошо, что ты принес оленя.

— Тогда забирайте его, — сказал Эйдриан, оставив им свой трофей.

Вскоре он зашел в трактир и объявил Румпару, что отправляется в сторону Придорожной Яблони на поиски разбойников.

В глазах трактирщика вспыхнул злобный огонек. Румпар так и не простил Эйдриану прошлого унижения и считал, что дерзкий мальчишка хитростью отнял у него меч.

— Тебя убьют раньше, чем ты взмахнешь мечом, — прорычал он в ответ. — А этот клинок — гордость Фестертула, благородное оружие, которым я уничтожил не одну сотню гоблинов и поври, — попадет в руки обыкновенных грабителей. Так что меча, парень, я тебе не дам, а сам, если так уж невтерпеж, можешь отправляться на убой.

Юный рейнджер ответил ему взглядом, исполненным железной решимости. Румпар хорошо помнил этот взгляд; точно так же Эйдриан смотрел на него после того, как выиграл поединок. Сила и уверенность в себе — вот о чем говорили глаза юного рейнджера.

— Я не собираюсь обрывать славную историю этого меча, а лишь продолжу ее, — спокойно ответил Эйдриан.

Забрав оружие, он зашагал по деревне, ловя на себе встревоженные взгляды жителей, шепотом передававших друг другу новость: этот странный Эйдриан собрался охотиться на разбойников.

Он слышал все их перешептывания. Данья — та вообще шипела, как змея:

— Вот дурень, хочет напороться на их ножи, ну так Бог ему судья.

Один рослый и крепкий охотник зашел в своих подозрениях еще дальше:

— Скорее всего, снюхается с этими головорезами и примкнет к ним. Туда ему и дорога!

Эйдриана ничуть не задевала их болтовня. Он даже улыбался, представляя, как те же самые глотки будут приветствовать его, когда он вернется победителем.

Он непоколебимо верил в это. Одна рука Эйдриана лежала на рукояти грубого, плохо сбалансированного меча трактирщика, другой он перебирал свое более могущественное оружие — самоцветы.

Жители Туберова Ручья — маленькой, уединенно стоявшей деревушки — радушно встретили Садью и Де'Уннеро. Правда, кое-кто из местных старух удивленно вскинул брови и неодобрительно зацокал языком, увидев зрелого мужчину с женой, которая была вполовину его моложе.

Садья представилась своим настоящим именем, Де'Уннеро же назвался Калло Крампом. Это сочетание доставляло ему тайное наслаждение. Имя походило на его собственное, он только убрал первую его половину и добавил для звучности еще одно «л». Фамилия Крамп напоминала о самом позорном поступке епископа Палмариса Маркало Де'Уннеро — казни купца Алоизия Крампа. Свое предыдущее имя — Бертрам — бывший монах выдумал, зато фамилия Даль была первым слогом имени покойного отца-настоятеля Далеберта Маркворта. Если самого Де'Уннеро эта игра в имена просто забавляла, у Садьи от восхищения захватывало дух. Она обожала все загадочное и опасное, и очередное перевоплощение Де'Уннеро только подогревало ее ненасытную тягу к приключениям на грани риска.

Неудивительно, что новых обитателей Туберова Ручья забросали вопросами. В самих вопросах не было никакого подвоха или скрытой угрозы. Просто люди в здешней глуши изголодались по новостям. И кто мог лучше удовлетворить их любопытство, чем певица

Садья? Чете Крамп дали временное пристанище, пообещав переселить вскоре в старую покосившуюся хижину, владелец которой умер в прошлом году.

И действительно, через пару дней население Туберова Ручья дружно взялось приводить эту хижину в порядок, и к вечеру она вновь приобрела вполне жилой вид.

— Тепло родного дома, — с издевкой в голосе произнес Де'Уннеро, когда они с Садьей остались одни. — Теперь нам непременно начнут тащить все необходимое для устройства уютного гнездышка!

— Тепло зависит от нас, — сказала певица, подмигивая своему возлюбленному. — Даже крестьянская лачуга может оказаться очень привлекательной. Важно не то, где мы находимся, а то, что мы делаем, пока находимся здесь.

Маркало Де'Уннеро не стал отказываться от ее приглашения.

Уже поздним вечером, когда в очаге пылал огонь, а Садья играла и тихо пела о потерянной любви и одержанных победах, Де'Уннеро позволил себе забыть свою обычную настороженность. Он думал о былых завоеваниях и ошибках, размышлял о своем жизненном пути и даже прикидывал, каким может быть новый его отрезок.

Рядом с неукротимым жизнелюбием и интересом к миру его подруги любой путь казался Де'Уннеро реальным, а свои собственные возможности — безграничными.

Но так лишь казалось. Он еще мог подумать, брать или не брать с собой маленькую певицу. Но другой его «попутчик» неотступно последует за ним всюду, куда бы он ни отправился.

Де'Уннеро сосредоточился на песне Садьи и не позволил, чтобы чувство досады завладело им, выталкивая на поверхность темную сторону его натуры.

По расчетам Эйдриана, он проделал более пятидесяти миль и сейчас находился где-то вблизи Придорожной Яблони. До сих пор он не заметил никаких следов разбойников. Дорога на юг по-прежнему оставалась пустынной.

Когда впереди наконец показалась Придорожная Яблоня, разместившаяся в небольшой лесистой долине между двух пологих холмов, Эйдриан свернул на восток. Возможно, рассуждал он, разбойники устроили засаду где-нибудь неподалеку от околицы деревни. Обогнув селение, он вернулся на дорогу и двинулся дальше на юг.

А вот, похоже, и они. Эйдриан довольно улыбнулся, заметив, как в придорожных кустах мелькнула чья-то тень. Он продолжал беспечно шагать, сжимая в одной руке рукоятку меча, а в другой — графит и магнетит. Мысли рейнджера были сосредоточены на графите. Любого, кто попытается на него напасть, встретит удар рукотворной молнии.

Разбойников оказалось более дюжины. С криками они высыпали на него из засады, целясь из луков.

Эйдриан создал молнию, но вместо узкого, целенаправленного пучка пустил ее веером. Над головами нападавших что-то блеснуло, с треском разорвав воздух.

Большинство лучников попадали на землю, а когда попытались встать, то с ужасом обнаружили, что ноги их не слушаются. Они очумело вращали головами, совершенно не понимая, что произошло. Один сумел-таки выстрелить, однако его стрела ушла почти вертикально вверх.

Юный рейнджер, предвкушая скорую победу, выхватил меч и рванулся вперед, быстро приблизившись к двум головорезам, не делавшим никаких попыток сопротивляться. И вдруг… приглядевшись, он понял, что перед ним не разбойники, а обыкновенные охотники и крестьяне. Эйдриан тут же подскочил к ближайшему из них и приставил острие меча к его горлу.

— Кто вы такие? — резко спросил юноша.

— Убейте его! — завопил тот. — Убейте! Это он вырвал сердце у старика Телли!

Эти слова окончательно убедили Эйдриана в том, что окружившие его люди были жителями Придорожной Яблони, защищавшими подступы к своей деревне.

— Стойте! Подождите! — крикнул им юный рейнджер, отводя меч. — Я не разбойник.

Я, как и вы, пришел сюда разделаться с этими негодяями. Меня зовут Эйд… Я — Тай'маквиллок, рейнджер Фестертула, поклявшийся защищать окрестные края.

Защитники Придорожной Яблони недоверчиво зашептались, но никто не решился выстрелить в юношу.

— Слышал я о таком, — сказал один из них после недолгой паузы. — Он ихнюю речку очистил. Так это, стало быть, ты и есть?

Эйдриан отсалютовал мечом и низко поклонился.

— Тьфу ты, — сплюнул тот, кому он приставил меч к горлу. — Совсем мальчишка!

— Мальчишка не мальчишка, а сила у него — будь здоров, — возразил ему товарищ. — Сам помнишь, как он вдарил по нам. Как это у тебя получилось, паренек?

Эйдриан ограничился лишь многозначительным взглядом.

— Возвращайтесь в свою деревню. Вскоре эта дорога вновь станет безопасной.

— Конечно, потому что мы несем здесь дозор, — огрызнулся тот, который чувствовал на своем горле лезвие меча юного рейнджера.

— Что ж, дело ваше, — сказал Эйдриан, отвесив второй поклон. — Сидите в засаде, если это вам по нраву, только я с вами не останусь.

— А кто тебя просил?

— Но я еще вернусь, — пообещал Эйдриан, пропустив колкость мимо ушей. — И тогда вы узнаете правду о Тай'маквиллоке — Ночном Ястребе.

— Диковинное прозвище, — услышал он у себя за спиной.

Юноша только улыбнулся. Пусть болтают; он им докажет, что не напрасно называется этим высоким именем.

Весь остаток этого дня и весь следующий он выискивал следы разбойников, но так ничего и не нашел. Досада его возрастала. Либо они успели убраться из этих мест, причем еще до его появления, либо мастерски умели заметать следы.

Рассерженный третьим днем бесплодных поисков, Эйдриан, дождавшись темноты, прямо на вершине холма развел большой костер. Он решил послужить разбойникам приманкой. Потом юноша понял: те не настолько глупы. Если они и видели пляшущие языки пламени, то наверняка разгадали его замысел. Подавленное настроение Эйдриана действовало на костер, словно ветер, и огонь поднимался еще выше. Только сейчас юный рейнджер понял, как ему хочется… нет, как ему необходимо найти разбойников. То была его первая возможность по-настоящему выделиться из толпы обыкновенных, ничем не примечательных людей. В мирные времена такие случаи выпадают довольно редко.

Возбуждение долго не давало Эйдриану уснуть, и он принялся ходить вокруг костра. Некоторое время спустя он отказался от своей затеи привлечь разбойников и затушил его пламя, но загасить огонь оказалось проще, чем собственную досаду и растерянность. Они продолжали грызть душу Эйдриана, пока наконец он не спохватился, что теряет одно из главных достоинств воина — хладнокровное спокойствие, помогающее в самые тяжелые минуты сохранять ясность ума и сосредоточенность на своей цели. Юный рейнджер сел и запустил руку в мешочек с самоцветами, ощутив зовущие глубины гематита.

Магические самоцветы, как и Оракул, помогали ему проникнуть вглубь себя, распознать свои истинные чувства и, если удастся, направить их на что-то более действенное.

Эйдриан не совсем понимал, что произошло дальше; гематит звал его нырнуть в серый вихрь и покинуть свое тело!

Юноша отпрянул, чувствуя замешательство и испуг. Его пугала сама мысль о разделении тела и духа — разве не то же самое происходило в момент смерти? Но сейчас все обстояло совсем не так, как во время его короткой схватки с госпожой Дасслеронд. На этот раз Эйдриан с легкостью выскользнул из своей телесной оболочки.

Несмотря на вполне понятные опасения, юный рейнджер погрузился в вихрь магии гематита, подчиняясь ей, чтобы узнать потаенные свойства этого камня. В таком состоянии Эйдриан провел достаточно много времени, совершенно забыв о подстерегающей его

опасности. Появись сейчас разбойники, они без труда справились бы с ним. Но юноша не думал о разбойниках. Как зачарованный, он все ближе подходил к открывшемуся перед ним узкому отверстию. Он пытался припасть к нему духом, как к щели в стене, втайне надеясь, что увидит мир по ту сторону действительности.

Еще ближе, еще… Отверстие расширялось, и Эйдриан жадно заглядывал в неизвестность, бездумно позволяя любопытству увлекать себя в глубь этого манящего и опасного туннеля.

И вдруг… для юноши это был миг, хотя он провел в таком состоянии больше часа… он покинул тело и теперь стоял по другую сторону потухшего костра, глядя на свою неподвижную телесную оболочку.

Пережив мгновение неподдельного ужаса, Эйдриан понял, что достаточно его желания — и он тут же вернется обратно в тело. В темноте мира духов он видел мерцающее пятнышко. То был гематит, не дававший закрыться воротам в привычный мир. Трепет, охвативший юного рейнджера, постепенно ослабел. Взгляд его духовных глаз оторвался от собственного застывшего тела. Эйдриан огляделся вокруг. Страх сменился ощущением свободы; он был свободен, немыслимо свободен! Странно, что эльфы ничего не рассказали ему об этом свойстве гематита. Возможно, они и сами о нем не знали. А может, знали, да только госпожа Дасслеронд не желала показать ему дополнительную силу камня, опасаясь, что он покинет эльфийскую долину и улетит туда, куда ее изящным ручкам не дотянуться.

Да, интуиция подсказывала Эйдриану: он может летать. Его дух был способен парить, несомый ночным ветром, а то и без всякого ветра. Он испытал себя в этом новом качестве, облетев холм. Юноша обнаружил, что ощущает душу животных, бродивших поблизости, чувствует их жизненную силу. Восприятие необычайно обострилось, и прежняя подавленность сменилась ликованием.

И тут у него возник замысел.

Эйдриан поднялся выше, глядя на окружающий мир духовными глазами, точнее — *чувствуя* его своим духом. Вся природа стала доступной его новому восприятию: деревья, травы, животные. Вскоре он стал улавливать тончайшие различия тех или иных духов. Уже через несколько минут он мог не глядя отличить белку от оленя.

Стоило только подумать — и он преодолевал громадные расстояния. Эйдриан пролетел над Придорожной Яблоней, над дорогой. Жители деревни по-прежнему, невзирая на глухую ночь, несли дозор. Путешествие в духе раскрыло ему еще одну скрытую грань особенностей гематита. Пролетая над дозорными, он испытал неодолимое желание ворваться в тело одного из них, изгнать дух того человека и самому занять его место. Юноша едва не уступил искушению, он мог бы с легкостью осуществить это, не встретив почти никакого сопротивления; однако удержался, и не напрасно. Борясь с этим желанием, Эйдриан понял, что изгнанный дух рано или поздно найдет обратный путь и сумеет запомнить и распознать своего одержателя. Подобное никак не вязалось с его ролью защитника.

Юный рейнджер поспешил прочь от этого места, дабы искушение не взяло в нем верх. При всем своем упрямстве и самоуверенности он все-таки понимал, какой серьезной опасностью это чревато для него.

Прошел еще один час. Дух Эйдриана парил над лесами, окружавшими Придорожную Яблоню. Он уже стал подумывать о возвращение в тело, когда неожиданно заметил пламя далекого костра. Юноша почувствовал присутствие людей и что-то еще, какое-то сильное ощущение на духовном уровне.

Эйдриан поспешил туда, летя над деревьями, пока не достиг места, где горел костер. Рядом он увидел пятерых грязных, небритых мужчин и двух столь же неопрятных женщин, но не обратил на всех них никакого внимания, ибо невдалеке, привалившись к дереву, сидел великан. Юный рейнджер даже представить себе не мог, что встретится когда-нибудь с таким существом. Он сразу же догадался, что великан является главарем шайки или, во всяком случае, не подчиняется приказам остальных головорезов.

Прислушавшись к разговорам, Эйдриан удостоверился, что это и есть та самая шайка.

Пока он парил среди верхних ветвей и наблюдал за происходящим, трое разбойников вытряхнули на землю часть награбленного и принялись играть в украшенные резьбой кости. Юноша продолжал наблюдение, приглядываясь к каждому из разбойников и выявляя его сильные и слабые стороны. Составив достаточное представление о шайке, он вернулся в свое тело. Поначалу юный рейнджер решил немного поспать и напасть на головорезов ранним утром. Однако он был настолько возбужден, что и думать не мог о сне. Вскоре Эйдриан уже шагал прямо к лагерю разбойников.

План нападения он разрабатывал на ходу, перебирая пальцами самоцветы в мешочке. Юный рейнджер намеревался в одиночку справиться с несколькими опытными и безжалостными убийцами, не говоря уже о грузном великане ростом в два десятка футов!

Главное место в этом плане он отвел магическим самоцветам. Здесь, решил Эйдриан, его действия должны быть более эффективными, чем на дороге за Придорожной Яблоней. Только вот удастся ли ему исторгнуть молнию достаточной силы, чтобы свалить великана?

Кто-то, возможно, счел бы благоразумным отступить, но только не Эйдриан. Мысли об опасностях предстоящего боя лишь подзадоривали его и добавляли решимости.

Рассвет застал юного рейнджера на подходе к временной стоянке разбойников. Он прикидывал, не найти ли какое-нибудь укромное местечко, чтобы снова повторить свой ночной опыт, покинув тело, однако так и не успел додуматься до чего-то определенного. Теперь это уже не имело смысла — разбойники заметили его.

— А ну стой, где стоишь! — услышал он лающий голос, и навстречу Эйдриану вышел один из головорезов с длинным кривым кинжалом в руках. — Жаль, если придется чикнуть по шейке такого малютку, как ты.

— Что тебе надо? — крикнул Эйдриан, разыгрывая удивление.

Он вытащил меч, незаметно прижав к рукоятке графит. Другую руку он сунул в карман, нащупав там магнетит.

Сбоку что-то зашуршало, однако юноша не подал виду, что слышал этот звук. Краешком глаза он заметил второго разбойника с большим копьем. Во время ночной разведки этот показался ему наиболее сильным и опасным. Эйдриан направил мысли вглубь магнетита, пытаясь почувствовать, нет ли на этом громиле еще каких-нибудь металлических предметов. Их было несколько, и среди них — медальон, висевший у разбойника на шее.

— Эй, не надо резать такого хорошенького, — раздался за спиной Эйдриана женский голос.

Юного рейнджера удивило, что разбойница сумела неслышно подобраться к нему так близко.

— Будет мне вместо ручной зверюшки, — воскликнула она.

Раздался смех.

«Вторая женщина», — догадался Эйдриан.

Итак, один головорез стоял перед ним, другой сбоку, а двое их сообщниц находились у него за спиной. Оставались еще трое мужчин и, что было самым важным, — великан, который показываться не спешил.

— Вот что, мелкота. Давай сюда оружие, выкладывай все свои пожитки и сбрасывай одежку, — приказал разбойник, появившийся с другой стороны. — Тогда мы, может, позволим тебе унести ноги. А если ты, с голым задом, понравишься Даниэлле, можешь считать, что тебе крупно повезло — заберем с собой.

Эйдриан не шевельнулся; все его мысли были устремлены внутрь камней, пробуждая их силу. Похоже, что луков у разбойников не было; во всяком случае, пролетая ночью над лагерем, он не обнаружил ни одного. С чего же ему следует начать? Пожалуй, этим головорезам не помешает хорошая встряска.

— Ты что, оглох, малыш? — зарычал разбойник, что стоял спереди.

Он шагнул к юноше. Сзади, откуда-то из-за дерева, появился еще один.

— Скидывай все с себя, пока я добрый, либо придется заставить тебя это сделать.

«Еще один где-то прячется, да и великан показываться не спешит», — мысленно

отметил Эйдриан.

— Да ты что, оглох? — взревел разбойник, окончательно потерявший терпение.

Он двинулся на юношу, угрожающе размахивая кинжалом.

Эйдриан услышал за спиной едва уловимый звук и инстинктивно пригнулся, позволив стреле просвистеть над головой. Потом он выпрямился и высвободил энергию графита, а затем выплеснул наружу силу магнетита. Ее невидимый луч ударил в медальон. Все произошло в считанные мгновения. В воздухе что-то с шумом взорвалось, и одним противником — тем, что находился справа, — у него стало меньше.

Пока остальные разбойники старались удержаться на ногах, оглушенные ударом рукотворной молнии, юный рейнджер рванулся вперед. Его меч скользнул по поверхности разбойничьего кинжала и отбросил кривое лезвие в сторону. Сохраняя полное равновесие — неотъемлемую часть искусства би'нелле дасада, — Эйдриан продолжал двигаться вперед, нанося один колющий удар за другим. Разбойник, вооруженный кинжалом ухитрился слегка увернуться, и меч Эйдриана, нацеленный ему в грудь, ударил в плечо. Однако и этот удар свалил головореза с ног. Он взвыл от боли и покатился по земле, зажимая рану, из которой хлестала кровь.

Юный рейнджер проскочил мимо него, устремившись к другому громиле. Тот продолжал стоять под деревом. Обернувшись, Эйдриан увидел, что слева на него надвигаются обе женщины и один из разбойников, что находился у него за спиной.

«Не терпится получить свое», — подумал юноша. Сперва он решил разобраться с тем, что стоял под деревом. Взмахнув мечом, разбойник ударил наискось, метя Эйдриану в шею. Воспитанник эльфов мог бы только посмеяться над столь неуклюжим приемом. Он сделал вид, что собирается отразить этот удар, однако в последний миг припал к земле, и громила, захваченный врасплох его маневром, потерял равновесие и споткнулся.

Тогда Эйдриан сделал новый выпад, и его меч проткнул головореза насквозь, выйдя из-под лопатки. Видя, как глаза разбойника закатываются и гаснут, он почувствовал приступ тошноты. Однако в данный момент было не до собственных переживаний; оставшиеся противники продолжали наступать. Юный рейнджер освободил лезвие меча и приготовился отражать новые удары. Помимо прочего его тревожило еще и то, что пока он не видел великана.

Трое оставшихся разбойников, выкрикивая яростные проклятия, быстро приближались и… вдруг неожиданно замерли, словно натолкнувшись на незримую преграду.

Одна из женщин запричитала над убитым, другая с ненавистью посмотрела Эйдриану в глаза.

— Я доберусь до тебя, обязательно доберусь, — прошипела она. — Я буду отрезать тебе палец за пальцем. Сначала на руках, потом на ногах…

Юноша не прислушивался к ее словам; интуиция вдруг помогла ему разгадать странные действия этой троицы. Он быстро повернулся вправо. Возможно, рейнджер и расслышал донесшийся издалека характерный свист пращи; главное, что он увидел летящий в его сторону здоровенный камень. Бросок был метким. Камень летел прямо на него — он не мог ни пригнуться, ни увернуться.

Эйдриан успел лишь выбросить вперед правую руку и силой, рожденной отчаянием, выбил из графита всю магическую энергию, какую только мог.

Сверкнувшая молния, ударив в камень, расщепила его на множество осколков. Взрывная волна тряхнула самого Эйдриана и прошлась по трем разбойникам. Мужчина и одна из женщин оказались в самом центре взрыва, попав под каменный дождь. Юноша слышал их пронзительные вопли. Его самого тоже задело несколькими осколками, но он успел быстро вскочить на ноги.

Вторая разбойница, оказавшаяся почти рядом, тоже вставала, но Эйдриан не обратил на нее внимания. Через лес, сотрясая деревья и ломая ветки, с оглушительным ревом продирался великан.

Юный рейнджер успел приготовиться к нападению. За несколько секунд он вспомнил

главное, чему учили его эльфы: четкий план боя, быстрые движения и надлежащее терпение.

Злобно ревущий великан размахивал дубиной, которая скорее напоминала вырванное с корнями дерево. На мгновение в Эйдриане проснулся страх, требующий немедленно спасаться бегством, но он подавил в себе это побуждение и поднырнул прямо под рассекавшую воздух дубину, оказавшись меж ног чудища. Пока великан вынужден был сделать пару шагов назад, чтобы узреть своего противника, юный рейнджер успел поразить мечом наиболее уязвимое место его ног под коленной впадиной. Удар громадной дубины, оставивший глубокую вмятину в дрогнувшей земле, пришелся в то место, где только что находился Эйдриан.

«…Старайся использовать мощь противника себе во благо. Сделай так, чтобы его удары, с каждым из которых он теряет собственные силы, не достигали цели. Скорость и расчет — твои союзники. Стремись туда, где собственная туша твоего противника закрывает ему кругозор, и оттуда атакуй его. В попытках избавиться от тебя, как от назойливой мухи, он будет допускать ошибки. Терпеливо дождись этого и воспользуйся ими…» Эйдриан, как мог, старался следовать наставлениям Белли'мар Джуравиля, уходя от крушащих все вокруг ударов великана, и с каждым новым замахом тяжеленной дубины устремлялся к ногам противника, стараясь поражать их в одни и те же места. Эйдриан постоянно на один шаг опережал тяжело ступавшего противника. Со стороны все это напоминало какой-то диковинный танец.

Каждое движение требовало от юноши быстроты и точности; он был вынужден не столько отвечать на действия великана, сколько предугадывать их. Однако, казалось бы, несерьезные уколы мечом сделали свое дело: его противник оступился и чуть было не грохнулся оземь, припав на одно колено. В попытке отскочить от падающего на него чудовища юный рейнджер зацепился за торчащие корни, обронив мешочек с самоцветами. Камни рассыпались по земле. Эйдриан ухватил левой рукой ближайший к нему камень, затем потянулся за другим, дополнявшим свойства первого.

Спустя мгновение с руки юного рейнджера сорвался огненный шар и, встретившись с уже занесенной над ним дубиной, взорвался.

Вой великана был слышен на многие мили окрест. Отшвырнув дымящуюся дубину, он отчаянно замахал обеими руками, сбивая пламя с волос на голове.

Эйдриан подхватил с земли еще один самоцвет и, изловчившись, прыгнул на очумевшего великана и стал карабкаться вверх, достигнув его плеч. Ухватив меч обеими руками, рейнджер вогнал его по самую рукоять в горло чудовища и спрыгнул на землю. Взбешенный от боли великан вырвал меч, отбросил его и, вскочив на ноги, бросился наутек, ломая деревья и окропляя листву алой кровью, фонтаном бившей из раны. Юноша спокойно поднял руку. Он сосредоточил мысли на графите, затем послал вдогонку раненому противнику ослепительную молнию. Однако великан лишь пошатнулся.

Тогда Эйдриан ударил его второй, а затем и третьей молнией, которые, достигнув цели, завершили схватку: громадина свалилась замертво, вывернув с корнями несколько деревьев. Рейнджер немного подождал, желая удостовериться, что основной его противник действительно мертв. Потом он повернулся в сторону рыдающей женщины. Та все еще держала в объятиях своего смертельно раненного дружка. Неподалеку от нее разбойник, раненный в плечо, безуспешно пытался подняться на ноги.

Не спуская глаз с головорезов, юноша собрал остальные самоцветы, выпавшие из мешочка, и направился за своим окровавленным мечом. Он не позволял себе поддаться чувству ликования, помня, что где-то рядом может скрываться еще один разбойник.

Когда Эйдриан вновь подошел к тем троим, разбойник с раненым плечом уже поднялся на ноги, злобно сверкая глазами. Подняв здоровую руку, раненый хотел то ли ударить его, то ли сделать какой-то оскорбительный жест. Рейнджер не стал дожидаться, чем это кончится, а подошел и с силой толкнул разбойника в грудь, отчего тот покатился по земле.

— Откуда ты свалился на нашу голову? — спросила его женщина, перестав на мгновение всхлипывать и стонать от боли и бессильного гнева.

Эйдриан не ответил. Он подошел к тому, с кем расправился первым. Разбойник все так же сидел, прислонившись спиной к дереву. Не доходя до него, юноша уже знал, что он мертв. От удара магнетита медальон вошел ему глубоко в глотку. У мертвеца был снесен затылок, а ствол дерева покрывала осклизлая масса из крови и мозга.

Рейнджер старался действовать последовательно. Он слегка отодвинул тело мертвого разбойника, чтобы извлечь из дерева застрявший там магнетит. Это оказалось не так-то просто; камень пробуравил ствол почти до середины. Выковыривая самоцвет, Эйдриан внезапно ужаснулся содеянному.

Он стал убийцей. Он убил *людей* . Одного — ударом молнии, двоих — своим мечом, а четвертого — обломками взорванного камня. Под каменным дождем, судя по всему, погибла и вторая женщина. Юношу захлестнуло целой волной эмоций: от чувства вины и сожаления до ощущения полной беспомощности.

Несколько раз глубоко втянув в легкие воздух, Эйдриан попытался взять себя в руки. Все люди рано или поздно умирают, напомнил он себе, а эта шайка сама выбрала такую судьбу и полностью ее заслужила.

Рейнджер извлек из ствола магнетит и подошел к оставшимся в живых головорезам.

— Поднимайтесь, — потребовал он.

— Ты убил его! — простонала разбойница.

— Вставай, иначе отправишься вслед за ним, — мрачно посулил Эйдриан и, грубо схватив женщину за плечи, рывком поднял на ноги.

— И ты тоже поднимайся, — приказал он раненому разбойнику.

— Что ты с нами сделаешь? — испуганно спросила женщина.

— Отправлю в Придорожную Яблоню, — ответил юный рейнджер. — Выведу вас на дорогу, дальше пойдете сами. Вы предстанете перед жителями деревни и повинитесь перед ними. Я не знаю, чем в шайке занимались ты и твоя мертвая подружка, и мне нет дела, как ты будешь выгораживать себя в Придорожной Яблоне. У тамошних жителей есть все основания убить вас. Впрочем, может, они вас и пощадят.

— Какое великодушие, — процедил сквозь зубы раненый головорез, но тут же умолк. Взгляд Эйдриана красноречиво дал разбойнику понять, что еще одно слово — и его ждет мгновенная и жестокая смерть.

— Мне от вас нужно только одно: чтобы вы привели жителей Придорожной Яблони на это место и рассказали, кто спас их деревню от вашей поганой шайки.

— И кто же? — спросила разбойница.

— Скажете им, что это был Ночной Ястреб, рейнджер Фестертула.

Женщина презрительно усмехнулась и раскрыла было рот, но Эйдриан бросил на нее столь выразительный взгляд, что она сочла за лучшее промолчать.

— Либо ты сделаешь, как я велю, либо умрешь прямо сейчас, — пообещал он и подтолкнул разбойницу в направлении Придорожной Яблони. — А куда, кстати, скрылся еще один ваш приятель?

— Какой еще приятель? Ты расправился со всеми, — простонал раненый.

Юноша ударил его ногой. Разбойник повалился на землю, взвыв от боли, поскольку упал на искалеченное плечо.

— Еще раз спрашиваю: где прячется ваш дружок? Разбойница зло поглядела на него.

— Ушел в дозор, — буркнула она. — Куда — не сказал. По губам рейнджера скользнула улыбка. Не сказал, потому что, скорее всего, ушел тем же путем, которым Эйдриан сюда явился. И он же предупредил шайку о его появлении.

Заставив пленных идти гуськом впереди себя, юноша сделал крюк, разыскивая свои прежние следы. Довольно скоро он заметил скрывшегося разбойника: тот сидел на дереве, затаившись в листве, явно намереваясь напасть на рейнджера, когда тот будет проходить мимо.

Эйдриан не подал вида, что заметил засаду. Но, оказавшись под этим деревом, он пропустил женщину вперед и ухватил раненого разбойника за плечи.

Скрывавшийся в ветвях прыгнул вниз, но юноша, заслонившись раненым, поразил нападавшего ударом меча, после чего скрылся в лесной чаще.

Двое уцелевших разбойников не осмелились нарушить приказания юноши и, добравшись до Придорожной Яблони, рассказали ее жителям про Ночного Ястреба, рейнджера Фестертула.

Эйдриан, укрывшийся в ветвях дерева, улыбался, глядя, как пришедшие на место стычки обитатели Придорожной Яблони пораженно рассматривали тела убитых им разбойников и обгоревшие останки великана.

Юный рейнджер улыбался, хотя что-то неприятно скребло у него на душе. Однако он старался отогнать это чувство, зная, что ступил на путь, ведущий к бессмертию.

ГЛАВА 15
ФАСАД И ЗАДВОРКИ

Джилсепони быстро приноровилась к жизни в Урсальском замке, но по-прежнему чувствовала себя здесь довольно неуютно. Ей нравился сам дворец — внушительное здание, где стены залов украшали шпалеры, а анфилады комнат — изящные статуи. Каждую дверь окружали барельефы; стены, свободные от шпалер, были украшены картинами, изображавшими важнейшие события из истории королевства Хонсе-Бир. Джилсепони позабавило наличие во дворце множества потайных дверей и переходов, позволявших в случае опасности незаметно скрыться и дававших богатейшие возможности для подслушивания и подглядывания. Она решила, что так всегда бывает во дворцах, где постоянно плетутся нити интриг.

Правда, Джилсепони недоставало времени, чтобы получше познакомиться с дворцом. Дануб настаивал, чтобы каждое утро она, пока он занимается государственными делами, находилась рядом с ним. По утрам эти дела заключались в разбирательстве споров между жителями Урсала и выслушивании нескончаемых напыщенных донесений из провинций, каждая из которых стремилась затмить в глазах короля все остальные.

Однако ныне королевство процветало в мире и спокойствии, и вместо тяжелой ноши государственных дел Джилсепони испытывала тяжесть обязательного присутствия на балах, которые давались во дворце почти каждый вечер. Эти празднества не доставляли ей никакого удовольствия. Вычурные наряды, густо наложенные румяна, неправдоподобно яркие губы. Придворные и знатные дамы хихикали и стреляли глазками в каждого проходящего мимо них аристократа. Им было все равно, женат он или нет. Впрочем, мужчины благородного происхождения вели себя не лучше. Кокетливые взгляды притягивали их не хуже магнита.

Частенько то одна, то другая парочка покидала шумный зал и уединялась в более укромных уголках дворца, причем особо галантные кавалеры за вечер успевали развлечься здесь с несколькими дамами.

Джилсепони с отвращением наблюдала эти игры, где за утонченными манерами скрывалась обыкновенная похоть. Она не столько осуждала этих вельмож, сколько жалела их. Они с Элбрайном по-настоящему любили друг друга, и Джилсепони искренне недоумевала, как замужние и женатые люди могут нарушать клятву верности.

Однако Джилсепони старалась спокойно относиться ко всему, что теперь ее окружало. Это был совершенно чужой, непривычный для нее мир, и она не собиралась делать вид, что за несколько недель пребывания в Урсальском замке хорошо разобралась во всех сторонах жизни здешнего общества. В конце концов, она прибыла сюда не по приглашению придворных, а согласившись на предложение короля, исполненная желания сделать жизнь всех простых людей чуточку легче и лучше. Поэтому Джилсепони пыталась быть сторонней наблюдательницей… Когда могла.

В один из таких вечеров, когда Дануба окружила стайка щебечущих придворных дам, Джилсепони отошла в другой конец зала, к фонтанчику со сладким соком. Наполнив бокал,

она принялась потягивать сок, издали наблюдая за происходящим.

— Ну что, дождались крупной добычи? — послышался за ее спиной негромкий, с хрипотцой голос.

Женщина обернулась. Рядом с ней, держа в руке шлем с пышным оперением, стоял герцог Таргон Брей Калас в парадной форме Бригады Непобедимых.

— На редкость удачный маневр, — добавил Калас.

Джилсепони бросила на него быстрый взгляд, стараясь не показать, до чего ей неприятна эта встреча. Калас покинул Урсал в день ее прибытия, отправившись куда-то по государственным делам. Джилсепони надеялась, что его миссия продлится достаточно долго. Она помнила его попытки ухаживать за нею в Палмарисе, когда прошли считанные месяцы после гибели Элбрайна. Джилсепони тогда резко отвергла его домогательства, и герцог так и не простил ей отказа. Но даже если бы и не было того неприятного эпизода, Джилсепони знала, что они с Каласом никогда не смогли бы стать друзьями. Она считала этого человека тщеславным бахвалом; даже в его походке ощущалась какая-то напыщенная развязность. Возможно, у герцога Каласа имелись основания гордиться своей персоной: список его заслуг в государственных и ратных делах был весьма обширен. Однако Джилсепони претило столь раздутое чувство собственного величия, какие бы подлинные заслуги ни скрывались за ним. Ей казалось, что Калас, как и многие другие аристократы, из кожи вон лез, стремясь подняться выше себе подобных. Что ж, рассуждала Джилсепони, такое присуще едва ли не всем людям; каждый тем или иным образом стремится выделиться из толпы. И все же она не предполагала, что двор в такой мере охвачен ненасытным и неуемным честолюбием.

— Если бы я знал, что предмет ваших желаний — король, я бы вел себя по-другому, ваша светлость, — заметил герцог, коротко поклонившись.

Голос выдавал истинные чувства, владевшие Каласом, и прежде всего — глубоко запрятанное презрение к Джилсепони, а возможно, и к самому Данубу.

Ей не составило труда видеть герцога насквозь, ибо каждым поступком этого человека неизменно двигали гордыня и тщеславие. Возможно, зная о чувствах, питаемых королем к Джилсепони, Калас тогда вел бы себя по-другому. Но, скорее всего, он не оставил бы своих домогательств, а наоборот, стал бы еще более назойливым. Овладевая женщиной, герцог Калас удовлетворял не столько плотскую страсть, сколько тешил собственное «я». О любви же речи вообще не было. Теперь здесь, на глазах у множества придворных, Калас притворялся ее другом, хотя на самом деле он просто не хотел лишиться благорасположения своего давнего друга — короля Дануба. Тем не менее этот тщеславный человек до сих пор злился на Джилсепони за то, что она отвергла его ухаживания, не желая даже подумать, в каком горе она в то время находилась.

Женщина не знала, как ей отвечать на последнюю фразу Каласа. Не говорить же ему, что тогда у нее не было никаких чувств ни к Данубу, ни вообще к кому-либо! Чего доброго, герцог решит, что еще не все потеряно, и возобновит свои домогательства. Или еще более разозлится.

Джилсепони решила промолчать. Калас продолжал развлекать ее разговорами, сообщив о некоем государственном деле и иных важных поручениях, которые он выполнял, находясь в подвластной ему провинции Вестер-Хонс. Он говорил, не вдаваясь в подробности, но от Джилсепони не ускользнули его неустанные попытки выставить себя в наиболее выгодном свете. Да, какого бы предмета ни касались речи герцога Каласа, он неизменно сбивался на похвалу самому себе. Женщина вежливо слушала, однако ее взгляд рассеянно блуждал по залу, следя за происходящим и выдавая отсутствие интереса к герцогу Каласу.

— Желаю приятно провести вечер, ваша светлость, — довольно холодно произнес наконец уязвленный Калас и, сдержанно поклонившись, удалился.

Джилсепони посмотрела ему вслед, облегченно вздохнув, что наконец-то отделалась от непрошеного собеседника. В то же время она сознавала: впредь следует быть учтивее. Самой ей было все равно, что о ней подумает Калас, однако герцог являлся лучшим другом ее

будущего мужа. Джилсепони постоянно напоминала себе об этом и убеждала себя в необходимости быть терпимой и великодушной. Ведь не для того она прибыла сюда из Палмариса, чтобы испортить отношения между Данубом и его друзьями.

Ее роль совсем не в этом.

Джилсепони пыталась искренне поверить своим же словам, но всякий раз, обводя глазами просторный зал, она останавливала взгляд на другом близком друге и советчике ее будущего мужа — Констанции Пемблбери. Придворная дама, одетая в роскошное платье, подчеркивающее достоинства ее фигуры, медленно потягивала вино и непринужденно болтала со стайкой окруживших ее мужчин и женщин.

Констанция Пемблбери. Многие придворные считали ее достойной взойти на трон и стать королевой. В предыдущие годы король неоднократно делил с этой женщиной ложе. Она была матерью двух его сыновей, которых Дануб провозгласил своими наследниками. И вот теперь в Урсал явилась Джилсепони, преградившая ей путь не только к осуществлению честолюбивых замыслов, но и к сердцу короля. Придворная дама вела себя достаточно учтиво и всегда улыбалась, но за внешней благопристойностью Джилсепони ощущала нечто зловещее. Даже сейчас она несколько раз ловила на себе недобрые взгляды Констанции и замечала на напудренном и нарумяненном лице придворной дамы тень презрения и даже ненависти.

Однако в данный момент Джилсепони занимала другая мысль. Странно, что раньше она никогда не думала о Констанции так. Прежде Джилсепони волновало и даже страшило то, как Констанция воспримет ее и как ей самой смягчить эту ситуацию ради своего будущего мужа, неминуемо оказывавшегося между двух огней. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, она перестала думать о том, как понравиться Констанции. Словно только сейчас она увидела в придворной даме бывшую любовницу Дануба, которая провела в объятиях короля немало ночей. В голове Джилсепони замелькали горячечные мысли. Сможет ли она уговорить Дануба, чтобы он отослал Констанцию подальше от столицы? В другой город, в другую провинцию, куда-нибудь далеко на восток? Может быть, даже склонить короля к тому, чтобы он отдалил от себя сыновей Констанции — своих собственных сыновей! — и лишил их права на престолонаследие. Когда Джилсепони в очередной раз представила себе Констанцию и Дануба, слившихся в страстных объятиях, ей захотелось согнать лицемерную улыбку с лица придворной дамы увесистой пощечиной.

И тут Джилсепони рассмеялась. Поистине в ее годы смешно становиться жертвой неразумной мстительности. Она вспомнила, как им с Элбрайном приходилось едва ли не каждый день вступать в смертельную схватку с прихвостнями Бестесбулзибара. Еще она вспомнила о брате Фрэнсисе. Некогда этот монах был ее заклятым врагом, но стоны умирающих от розовой чумы под стенами аббатства Санта-Мир-Абель заставили его многое пересмотреть и во многом раскаяться. Он умирал с сознанием, что нашел своего бога и потому прожил жизнь не напрасно. Потом Джилсепони подумала об окаменевшей руке Эвелина Десбриса и крови, сочащейся с его ладони. Она думала о тысячах тех, кого завет Эвелина спас от жестокой и безжалостной розовой чумы… Любовь Элбрайна, покаяние Фрэнсиса, чудо Эвелина… Разве после этого она могла позволить глупой ревности омрачить ей сердце и разум?

Джилсепони вновь посмотрела в сторону Констанции и искренне ей улыбнулась. Однако та при виде этой улыбки лишь злобно прищурила глаза. Джилсепони вздохнула. Наверное, придворная дама решила, что она издевается над ней.

Какими безумными и бесплодными показались сейчас Джилсепони все эти хитросплетения придворных интриг. Ей придется постоянно сражаться за свои истинные чувства, и всегда даже краткий миг искренности будет опасен непредсказуемыми последствиями.

Женщина поднесла к губам бокал, но остановилась, подумав, что и это может оказаться опасным, ибо сок был смешан с вином. Ей нельзя ни на миг терять ясность рассудка, когда она окружена теми, кто скорее предпочтет стать ее врагами, нежели друзьями. Она

прекрасно помнила слова герцога Брезерфорда, произнесенные во время их откровенного разговора в его каюте.

Джилсепони снова вздохнула. Уже не в первый раз и конечно же не в последний она спрашивала себя, правильно ли поступила, приехав в Урсал?

— Как ты выдерживаешь все это? — спросил Джилсепони Роджер.

Стояло прекрасное ясное утро. Лето только что перевалило на вторую половину. Вокруг королевского дворца все дышало весельем и радовалось жизни. На ветвях распевали птицы. Бравые гвардейцы из Бригады Непобедимых, восседая на тогайранских пони, упражнялись, добиваясь, чтобы их скакуны двигались в такт. В предстоящей торжественной церемонии им отводилась роль почетного караула, командовать которым будет герцог Калас.

Какая ирония судьбы: герцог Калас, возглавляющий почетный караул на церемонии бракосочетания Дануба и Джилсепони!

— Судя по твоему виду, тебе здесь достается, — сочувственно рассмеялась Дейнси, соглашаясь с мнением мужа.

— Можно ли за всей этой пышностью не разглядеть убожества здешней жизни? — воскликнул Роджер.

— Я так думаю: им нас никогда не понять, — пренебрежительно усмехнулась Дейнси, отправляя в рот кусок торта.

Ее супруг собрался было возразить, но выразительная улыбка Джилсепони заставила его умолкнуть. Будущая королева прекрасно понимала чувства, охватившие Дейнси. Та родилась в трущобах Палмариса и с детства видела вокруг лишь ужасающую нищету. Совсем еще девчонкой она стала служить в трактирах, посетители которых бросали ей иногда мелкие монетки. Случалось, чтобы унять нестерпимый голод, подбирала и объедки с тарелок. Прекрасные сады, окружавшие Урсальский замок, должны были казаться ей уголком рая на земле. Эти сады и примыкавшие к замку поля и в самом деле можно было посчитать райским уголком, подумала Джилсепони. Рощицы, лужайки, затейливые лабиринты, редкие птицы, десятки больших и маленьких фонтанов и целое море ярких цветов, где над каждой клумбой жужжало множество пчел.

Но одновременно Джилсепони прекрасно понимала и разделяла чувства, владевшие Роджером. Красота была лишь фасадом, за которым скрывалась такая бездна лицемерия и непотребств, каких ей еще не доводилось видеть.

— Я рад оказаться здесь, — почти извиняющимся тоном произнес Роджер. — Помнишь, я говорил тебе: ни за что не пропущу такой знаменательный день. Но меня жутко выводят из себя их презрительные взгляды! Эй, послушай! — крикнул он какой-то придворной даме, которая шествовала мимо, пренебрежительно вздернув носик. — Скажи-ка мне, голубушка, сколько приспешников демона-дракона ты уничтожила во время войны? А сколько жизней спасла в годы чумы?

Женщина опешила и поспешила ретироваться.

— Когда силы Бестесбулзибара угрожали нашим северным городам, эта дама была еще совсем ребенком, — заступился за придворную аббат Браумин, подошедший к своим друзьям.

— Но ты бы видел, как она на меня посмотрела, — продолжал кипятиться Роджер. — С таким высокомерием! Мы, конечно, не имеем благородных кровей, зато…

— Успокойся, Роджер, — умоляюще прошептала Джилсепони.

— Ты считаешь, что это не так? — бушевал ее вконец разозленный друг.

— Боюсь, что так, — не стала спорить она. — Но меня мало волнует, что обо мне здесь думают. Так почему это должно волновать тебя?

Роджер только фыркнул и тряхнул головой.

— Осмелятся ли они с такой же надменностью глядеть на тебя, когда ты станешь королевой? — пробормотал он, стиснув зубы.

Его собеседнице снова оставалось лишь улыбнуться, хотя на самом деле ей было

трудно отрицать слова Роджера и еще труднее — игнорировать отношение к себе со стороны придворных. Истинное отношение, а не такое, каким она его представляла. Джилсепони, конечно же, радовалась, что ее друзья — те, что стояли сейчас рядом, а также магистры Виссенти, Талюмус и Кастинагис, который недавно занял место священника часовни Эвелина, — вместе с капитаном Альюметом прибыли на «Сауди Хасинте» в Урсал на ее свадьбу. Но у этой радости была и оборотная сторона. Женщина остро сознавала, как она скучала по своим друзьям. Как жаль, что не смог приехать Белстер О'Комели. Жизнь при дворе казалась ей пустой и бессмысленной, и Джилсепони не могла делать вид, будто это не так. Она сомневалась, что в последующие дни, недели, месяцы и даже годы положение изменится к лучшему. Придворные понимали и вроде бы даже сочувствовали ее одиночеству, но они не знали иной жизни. Им была неведома настоящая дружба, поэтому глубин одиночества Джилсепони они постичь не могли. Они скучали совсем не так. Дануб, правда, относился к ней с нежностью и заботой, и Джилсепони была искренне счастлива в те часы, когда он оставлял свои заботы и проводил время с нею.

— Когда придворные узнают, что ты барон Палмариса, они начнут относиться к тебе более уважительно, — заметила Джилсепони, ибо Роджер продолжал что-то рассерженно бубнить себе под нос.

— Вот-вот, и все эти придворные дамы так и станут виться возле него, — с недовольной миной произнесла Дейнси и слегка хлопнула мужа по плечу.

Роджер хотел что-то возразить, но лишь растерянно рассмеялся.

— Пусть вьются, — разрешил он. — Только тогда этот дворец покажется мне еще противнее.

— Не такое уж это плохое место, — возразила ему Джилсепони.

Аббат Браумин удивленно вскинул брови. Он догадывался, какие чувства владеют ею в действительности.

— Это действительно так, — сказал Браумин, беря Роджера за руку и прерывая его очередную колкость. — Все эти испытания покажутся пустяшными, если принимать во внимание те добрые дела, которые сможет совершить Джилсепони, когда ее голову увенчает корона королевы Хонсе-Бира. Возможно, кто-то из родовитой знати и выказывает сейчас свое презрение. Возможно, они не самые приятные люди. Но их общество, полагаю, все же несколько лучше, чем гоблины и поври из армии Бестесбулзибара. А ведь когда-то Джилсепони приходилось иметь дело с ними, сражаясь за лучший мир.

— Мир стал бы еще лучше, если бы она расправилась с придворными Дануба так же, как в свое время с гоблинами и поври! — воскликнул Роджер, но всем стало ясно, что он уже шутит.

Все засмеялись, радуясь, что щекотливый момент преодолен.

Их веселье было совершенно искренним, и такими же искренними были мысли Джилсепони и, что еще важнее, — состояние ее сердца. Да, она скучала по своей прежней жизни в Палмарисе. По своей жизни в Дундалисе она, наверное, скучала еще сильнее. Но молодая женщина сознавала свой долг. И она любила короля Дануба — настолько, насколько могла.

— За завтрашнее великое событие, — провозгласил настоятель Сент-Прешес, поднимая бокал.

— И за то, чтобы в следующий приезд Роджера Урсал понравился ему больше, — добавила Джилсепони, чокаясь с Браумином.

Друзья неторопливо потягивали тонкое, ароматное вино; Дейнси продолжила лакомиться изысканными кушаньями, а Роджер, Браумин и Джилсепони вспоминали старые добрые времена и мечтали о будущем.

Джилсепони говорила о будущем с большой надеждой и уверенностью, ибо, по сути, не заглядывала в него дальше завтрашнего утра, когда ей предстояло войти под своды аббатства Сент-Хонс и обвенчаться с королем Данубом Броком Урсальским, став королевой Хонсе-Бира.

Эти мысли сопровождали ее весь день, до самой ночи. Сон Джилсепони был непродолжительным. И все же, когда утром в ее спальню явились фрейлины, неся склянки с ароматными маслами, румянами и прочими снадобьями, а также чудесное подвенечное платье, во всем мире не было женщины прекраснее, чем Джилсепони.

Войдя в собор Сент-Хонса, она увидела короля Дануба, ожидавшего ее у массивного алтаря, рядом с которым стояли магистр Фио Бурэй и аббат Браумин. К неудовольствию настоятеля Огвэна, именно им было поручено проведение обряда бракосочетания.

А каким величественным и внушительным зрелищем была сама церемония! Счастливы видевшие ее, ибо их потомкам в грядущие века останутся лишь легенды и баллады, которые сохранят память об этом незабываемом событии. Величайшая в мире героиня соединяла свою жизнь и судьбу с королем Хонсе-Бира. То был брак не только между двумя любящими сердцами, но и между церковью и государством, объединение светского и духовного начал. Все присутствующие в соборе, а также десятки тысяч урсальцев, заполнивших прилегающие к нему улицы, и все подданные королевства искренне приветствовали этот союз и столь же искренне надеялись, что в мире произойдут еще большие перемены к лучшему.

Правильнее будет сказать — почти все подданные.

Герцог Калас и иные знатные особы тщательно прятали свое разочарование и даже отвращение, наблюдая, как их любимый король Дануб сочетается браком с простой девкой из северной глуши. Сколь разительно отличалась эта Джилсепони от его первой супруги, королевы Вивианы, чья родословная являла собой пример чистоты крови.

Разумеется, Констанция Пемблбери также была далека от радужных чувств; ее состояние граничило с ужасом. Сколько времени понадобится этой Джилсепони, чтобы силой отобрать у Мервика и Торренса права на власть в будущем? Этого придворная дама боялась больше всего. Во всяком случае, она убедила себя в этом, не желая еще более терзать свое сердце. Оно было готово разорваться при одной мысли, что Дануб окажется в объятиях другой женщины. Поэтому Констанция пыталась уверить саму себя, что больше всего волнуется за будущее своих детей.

Церемония бракосочетания прошла на удивление ровно и гладко. Магистр Бурэй благословил супругов от лица церкви; для абеликанского ордена это было самым важным моментом. Затем он уступил место аббату Браумину, быстро завершившему обряд. Браумин Херд перечислил клятвы и обетования, прочел литанию «Упования на таинство соединения» и молитвы «Касательно плоти» и «О душе». Потом он умолк, оглядел собравшихся и задал традиционный вопрос:

— Сыщется ли в сей момент и в этом месте хотя бы одна душа, которая с чистым сердцем и спокойной совестью дерзнет возразить против заключаемого союза? Если сыщется, пусть возвысит свой голос. Сейчас, или никогда!

До чего же Констанции Пемблбери хотелось выкрикнуть, что она с этим союзом не согласна! Но, к ее изумлению и радости, нашелся еще кто-то, сделавший это.

— Я возражаю! — послышался откуда-то сзади решительный властный голос.

Головы всех собравшихся повернулись в его сторону. Джилсепони схватила Дануба за руку, опасаясь, как бы король не обнажил меч и не лишил жизни дерзкого смельчака.

Однако и король, и Джилсепони тут же успокоились, узнав его. Человек этот был очень похож на Дануба, но выглядел моложе и более худощавым. Он весело улыбался, уверенно направляясь к алтарю.

— Мой брат! — воскликнул король.

— Да здравствует принц Мидалис! — выкрикнул командир Бригады Непобедимых.

— Я возражаю против заключаемого союза! — возвестил Мидалис, перекрывая недоуменный шепот собравшихся. Принц помолчал, улыбнулся еще шире и добавил: — До тех пор, пока я не подойду и не встану рядом с моим братом и королем.

Едва ли стены собора Сент-Хонса когда-либо содрогались от столь мощного гула ликующих голосов! Люди забыли, когда в последний раз они видели Дануба и Мидалиса, стоящих вместе. Отношения между братьями всегда были достаточно прохладными; помимо

этого, их разделяла ощутимая разница в возрасте. По возрасту Мидалис был ближе к тридцатипятилетней Джилсепони.

Принц приветствовал брата, и они тепло пожали друг другу руки. Мидалис хотел было поклониться Джилсепони, но едва он наклонил голову, как женщина заключила его в объятия. Впервые они с Мидалисом встретились много лет назад, в рощице неподалеку от Дундалиса, где покоились тела Элбрайна и его дяди Мазера. Вторая встреча произошла уже в Барбакане, куда принц прибыл с паломниками из Вангарда и альпинадорскими язычниками, чтобы вкусить крови завета Эвелина. С тех пор Джилсепони не видела Мидалиса, однако дружеские узы между ними не стали слабее.

По возгласам, раздавшимся сзади, Джилсепони сразу догадалась, кто еще почтил своим присутствием церемонию бракосочетания.

Конечно же, там, возвышаясь над головами собравшихся, стоял Андаканавар — бесстрашный рейнджер Альпинадора. Рост его достигал почти семи футов, а за плечами было более семидесяти нелегких зим жизни. Джилсепони заметила, что плечи Андаканавара слегка пригнулись, но все равно облик его оставался величественным. Она ничуть не сомневалась: старый рейнджер и сейчас легко бы выстоял один против двоих, случись такое. Самое удивительное, что вместе с гостями из Вангарда в Урсал приплыл и свирепый Брунхельд — предводитель крупного альпинадорского селения Тол Хенгор, находящегося у самой границы с Вангардом. Рядом с Брунхельдом стоял еще один давний друг Джилсепони — магистр Делман из аббатства Сент-Бельфур.

И Джилсепони, и в особенности настоятель Браумин были чрезвычайно рады вновь увидеть Делмана — их верного соратника в годы борьбы с Марквортом за истинный путь ордена Абеля. Но Джилсепони еще сильнее потрясло появление в Урсале альпинадорцев. Для нее — вдовы Элбрайна, признанного героя северных краев, — это было настоящей наградой. Брунхельд занимал важное место в иерархии альпинадорских язычников. Для этого человека проделать сотни миль, чтобы присутствовать на бракосочетании короля Хонсе-Бира — государства, к которому альпинадорцы никогда не питали особого доверия, не говоря уже о любви… для Брунхельда это было сродни подвигу.

— Брат, позволишь ли ты мне встать рядом? — спросил принц Мидалис, упреждая просьбу короля Дануба.

Король заключил его в объятия, после чего предложил занять место рядом с собой. Джилсепони сразу заметила, с какой злобой сверкнули глаза герцога Каласа.

Этим и завершилась церемония бракосочетания. Великая радость звенела в каждом слове заключительных фраз, которые произносил аббат Браумин.

Затем король Дануб взошел на подиум, находившийся рядом с алтарем, и громким, взволнованным и ликующим голосом возвестил:

— Будьте же все свидетелями! С сего летнего дня восемьсот сорокового года Господня Джилсепони Виндон становится королевой Урсальской. Да здравствует королева!

Только сейчас, когда под сводами собора загремели рукоплескания, Джилсепони ощутила значимость свершившегося события.

Взглянув на Мидалиса, Дануб произнес три слова, означавших, что за ними последует королевский указ, являющийся абсолютным и непререкаемым законом:

— Начертано на камне: невзирая на мою несомненную и искреннюю любовь к моей дорогой супруге, линия престолонаследия будет сохранена в ее прежнем виде. Отсюда следует, что в случае моей смерти Джилсепони не станет правящей королевой Хонсе-Бира.

Для придворных и самой Джилсепони в этих словах не было ничего неожиданного, ибо она уже знала, о чем надлежит говорить королю сразу после церемонии бракосочетания. Процедура соблюдалась неукоснительно.

— Моим непосредственным наследником остается мой младший брат, принц Мидалис. В случае, если смерть моего брата наступит раньше, чем моя, или, взойдя на престол, он умрет, не оставив наследников, престол перейдет к моему сыну Мервику, который явится прямым преемником принца Мидалиса. Его же непосредственным преемником будет его

брат Торренс.

Джилсепони посмотрела на Констанцию. Опять-таки эта часть королевского указа не содержала для них обеих ничего нового. Констанция, однако, самодовольно ухмыляясь, окинула новую королеву торжествующим взглядом.

— Но будьте же все свидетелями и да будет это начертано на камне! — продолжал Дануб, и его голос зазвучал громче и сильнее. — В случае, если Джилсепони произведет на свет ребенка, этот ребенок, невзирая на его пол, станет моим непосредственным наследником, превзойдя в этом Мидалиса, принца Вангардского.

Произнося эти слова, Дануб смотрел на брата. Принц, будучи мудрым и справедливым человеком, понимающе улыбнулся и кивнул в знак своего согласия. Джилсепони вновь взглянула на Констанцию. От ее недавнего самодовольства не осталось и следа.

Вскоре на лужайке, раскинувшейся за Урсальским замком, началось грандиозное празднество с обильным угощением, сопровождавшееся разнообразными развлечениями. Гвардейцы Бригады Непобедимых устроили небольшой турнир, в котором герцог Калас с блеском победил всех своих соперников. Празднование должно было продлиться несколько дней.

Когда стемнело, король Дануб отыскал Джилсепони и повел ее в свои покои, дабы скрепить их союз тем, о чем он мечтал столько лет.

Как же ей не хотелось покидать своих друзей: Браумина, Роджера, Делмана и всех остальных. Беседы с ними были для новоиспеченной королевы намного привлекательнее того, что ей сейчас предстояло. После гибели Элбрайна Джилсепони не вступала в близкие отношения ни с одним мужчиной. Он был ее первым и единственным возлюбленным. Да, до Элбрайна она успела побывать женой Коннора Бильдборо — племянника тогдашнего барона Палмариса. Но их брак длился менее суток, а брачная ночь из-за грубости и назойливости Коннора окончилась бегством Джилсепони из спальни Чейзвинд Мэнор.

Но теперь Джилсепони была старше и мудрее; она понимала свое место в мире и значимость происходящих событий. Когда они с Данубом поднялись по массивной винтовой лестнице в королевские покои и король, прижав ее к себе, нежно поцеловал в щеку, Джилсепони уже не испытывала былой настороженности.

Джилсепони знала: этой ночью она не принесет себя в жертву. Она беззвучно помолилась, обратившись к Элбрайну, и успокоила себя тем, что его дух, если он наблюдал за событиями прошедшего дня, не должен осудить ее за этот шаг.

— Откуда я могу знать наверняка? — растерянно развел руками аббат Огвэн в ответ на настойчивые требования Констанции.

Шепелявость лишь усиливала недовольство, звучавшее в его голосе.

— Настоятель Джеховит узнавал о моих беременностях гораздо раньше меня самой, — резко возразила рассерженная придворная дама. — Он с помощью камня души исследовал мое чрево. Неужели вы не можете проделать то же самое с Джилсепони, дабы узнать, бесплодна она или нет?

Огвэн, даже не дослушав, отчаянно замотал головой.

— Настоятель Джеховит отличался гораздо большими познаниями по части магических самоцветов, — возразил он.

Аббат Огвэн говорил правду: Джеховит возглавлял Сент-Хонс много лет — вплоть до самой своей смерти. Он стал одной из первых жертв розовой чумы в Урсале. И в Сент-Хонсе, и во всем абеликанском ордене его считали тонким политиком и искусным знатоком магических камней.

— Вы ее боитесь, — упрекнула настоятеля придворная дама.

Аббат Огвэн не стал отрицать этого.

— Госпожа Пемблбери, Джилсепони обладает сверхъестественным чутьем. Об ее искусстве владения магией самоцветов ходят легенды. Если бы я отважился вторгнуться в ее тело с помощью камня души, она легко одолела бы меня и выдворила мой дух обратно в

тело, причем для нее не осталось бы секретом, кто пытался это совершить. Думаю, вы можете себе представить, какими бы последствиями…

Презрительный смех Констанции оборвал его слова.

— А разве вы не можете втереться к ней в доверие? — спросила она. — Предложить свою помощь, чтобы вы оба смогли узнать, в состоянии ли она понести от Дануба?

— Джилсепони не нуждается в подобной помощи, — возразил Огвэн. — Боюсь, что такое предложение лишь насторожит и рассердит ее.

— Откуда вы знаете? — взвизгнула придворная дама.

Настоятель Сент-Хонса молчал, опустив голову и спрятав руки в рукавах просторной сутаны.

— Вы говорили, что она бесплодна, — сказала Констанция, цепляясь за любую надежду.

— Я лишь повторил слухи, — поправил ее аббат Огвэн.

Констанция вновь презрительно фыркнула и махнула рукой, требуя, чтобы он удалился. Настоятель Сент-Хонса с огромной радостью покинул ее покои, оставив придворную даму наедине с потоком мрачных и путаных мыслей. Согласно слухам, во время битвы близ Палмариса Маркворт тяжело ранил Джилсепони, лишив ее не только ребенка, которого она носила в своем чреве, но и вообще возможности когда-либо родить.

Но могла ли Констанция строить будущее своих сыновей, доверясь слухам?

Встав, она подошла к шкафчику и распахнула дверцы. Полки были уставлены десятками склянок с пряностями и снадобьями для придания красоты лицу и телу. Она не помнила, где стоит нужная ей склянка, а потому шарила наугад. Наконец придворная дама нашла то, что искала. В двух склянках лежали измельченные травы, которыми она пользовалась в не таком уж далеком прошлом. Констанция смахнула пыль со стеклянных сосудов и заглянула внутрь. Там хранились парсентак и холер — травы, которые входили в состав отваров, применяемых придворными дамами как средство от нежелательной беременности. Может, ей удастся найти способ подсыпать их Джилсепони в пищу?

Констанция нахмурилась. В больших количествах эти травы были достаточно опасны; они вызывали болезненные спазмы и даже могли стать причиной смерти.

Такая возможность не казалась сейчас Констанции Пемблбери чудовищной, и ее мозг лихорадочно заработал. Она строила замыслы и перебирала в памяти имена тех, кто мог бы помочь ей их осуществить. Затеянное придворной дамой было делом достаточно трудным, рискованным, однако вполне реальным.

Как ни странно, мысль о насильственном бесплодии Джилсепони не принесла ей особого облегчения. Иное, куда более разрушительное чувство завладело ее сердцем и заполонило разум. Констанция вновь вспомнила церемонию бракосочетания и выражение лица Дануба, когда он стал мужем этой женщины. А с каким лицом он вывел Джилсепони из сада, и они вместе направились в его… в их!.. спальню?

И сейчас, когда она, несчастная и опустошенная, находилась здесь, ее Дануб держал в объятиях Джилсепони. Сознание придворной дамы захлестнули причиняющие ей безмерную боль видения: тела Дануба и Джилсепони, соединившиеся в любовном слиянии.

Напрасно Констанция пыталась сосредоточиться на Мервике и Торренсе, думать об угрозе их престолонаследию. Сколько бы она ни уверяла себя, что ее прежде всего волнует судьба своих детей, она была не в силах обуздать воображение и прогнать эти доставляющие ей такие мучения картины.

Констанция услышала хруст стекла и лишь потом почувствовала, как ей обожгло правую ладонь.

Она посмотрела на окровавленную руку. Рана была глубокой; попавшие внутрь частички трав только усугубляли боль. Констанция даже не думала извлечь их из ладони или остановить кровь. Эта рана казалась ей такой ничтожной в сравнении с той, что была нанесена ей королем Данубом.

ГЛАВА 16
СЛАДОСТНЫЙ ПРИВКУС СТРАХА

Разделывая оленя, которого он, превратившись в тигра, убил прошлой ночью, Де'Уннеро испытывал привычную скуку. Жители Туберова Ручья — деревни, где они поселились, — приняли их обоих радушно, едва ли не с распростертыми объятиями. Впрочем, а почему бы нет? Ведь он и Садья принесли им то, в чем так остро нуждались жители этого забытого богом уголка — рассказы о большом мире, об иных местах.

Жизнь текла легко, без особых забот. Деревня стояла на плодородной земле. В окрестных лесах в изобилии водилась дичь. Туберову Ручью не угрожали ни гоблины, ни прочие чудища.

Почти не угрожали, мысленно поправил себя Де'Уннеро. Одного он привел вместе с собой, и этот зверь безотлучно находился при нем в любое время дня и ночи. Бывший монах больше не пытался отрицать эту часть своей сущности. Садья помогала ему направлять ярость тигра-оборотня в другое русло. Если зверь заявлял о себе днем, ее успокаивающие слова и негромкая музыка сдерживали его натиск. Зато по ночам она выманивала тигра, умело и не без пользы отправляя его в лес охотиться на оленей. Так Калло Крамп снискал репутацию лучшего в деревне охотника, хотя никто из жителей не понимал, как этот человек отваживается бродить по ночному лесу и не только возвращается живым, но и ухитряется добывать чутких и пугливых оленей?

Да, маленькая певица Садья стала его спасительницей, его руслом для отвода бушующих потоков, которые он не мог в себе подавить. Огненная страсть их любовных слияний переносила Де'Уннеро в такие места, о существовании которых он даже не подозревал, ведя строгую и упорядоченную жизнь абеликанского монаха. Он усмехался, вспоминая, что в монастыре его считали самым пламенным и неистовым из братьев — великим воином и великим защитником веры. Рядом с Садьей он казался себе воплощением скуки — столько жизни и энергии было в этой внешне хрупкой женщине, неукротимых порывов и неудержимого желания жить на грани смертельной опасности. Маркало Де'Уннеро никогда не боялся риска; он с радостью и готовностью шел на битву с любыми врагами, какие только встречались ему на жизненном пути. Но он не жил с ними бок о бок. А певица в отличие от него жила, жила с самым опасным человеком в мире. Если Де'Уннеро в ее возрасте был одержим желанием в чем-то утвердиться и что-то себе доказать, Садья в этом не нуждалась. Она просто испытывала безмерное наслаждение от столь волнующей и непредсказуемой жизни.

Бывший монах верил, что Садья любит его. Во всем она была прекрасной женой для Маркало Де'Уннеро. Нет, она была больше чем жена. Став добровольной спутницей ужасного тигра-оборотня, маленькая певица не только приняла эту часть сущности Де'Уннеро, но и находила ее чрезвычайно привлекательной.

Де'Уннеро прервал привычное занятие и оглянулся на Садью. Та сидела в тени дуба, лениво перебирая струны лютни. Сегодня — день празднества, которое жители Туберова Ручья устраивали время от времени, дабы скрасить однообразное течение жизни. Светло-карие глаза Садьи светились почти детской радостью. Она выглядела такой хрупкой, такой тихой и такой… *очаровательной* . Другого слова у Де'Уннеро сейчас не находилось.

И тем не менее эта очаровательная молодая особа пугала его не меньше, чем обитавший внутри него тигр. Она, как и сам Де'Уннеро, могла в один миг обернуться совсем другим человеком.

Видели бы они Садью в минуты любовных слияний! Видели бы они, каким огнем горят ее глаза, какая сладострастная улыбка появляется на лице этой женщины, стоит ей подумать о предстоящем наслаждении! Знали бы они, с каким холодным равнодушием восприняла она гибель своих прежних спутников — разбойников, убитых Де'Уннеро в деревне Миклина. Это внешне невинное юное создание ни единым словом не выразило сожаления по поводу их смерти.

Глядя на свою подругу, Де'Уннеро едва заметно усмехнулся. Как он любил ее — и как боялся! Здесь самые нежные его чувства и глубочайшие страхи сплетались в диковинный клубок. Рядом с Садьей его никогда не покидало ощущение, что он ходит словно по лезвию ножа, и это заставляло возбужденно трепетать сердце бывшего монаха.

Де'Уннеро продолжил сдирать шкуру с убитого оленя, вспоминая сладковатую теплую кровь, которой, будучи в облике тигра, напился минувшей ночью. Он даже не заметил, как это воспоминание пробудило в нем другое, до странности схожее ощущение: нежные, зовущие губы Садьи.

В этот вечер маленькая певица была в ударе. На праздник собралось около полусотни жителей Туберова Ручья и человек двадцать гостей, пришедших из близлежащих селений. Всех задели за живое ее песни о временах войны с демоном-драконом. В особенности одна. Садья пела об отважном воине-монахе, магистре из обители Санта-Мир-Абель, которого звали Маркало Де'Уннеро. Сидевший рядом Де'Уннеро сердито поглядывал на нее, чувствуя, какую опасную игру затевает его подруга.

Да, Садья, как всегда, играла с лихом и наслаждалась каждым мгновением этой опасной игры. Бывший монах чувствовал горящий в душе маленькой певицы огонь, когда она словами баллады недвусмысленно намекала слушателям, что храбрый воин Де'Уннеро по-прежнему жив и, быть может, находится совсем близко.

Когда после битвы смягчились сердца
Уставших сражаться, насытивших страсти,
Задумали сжечь они чудо-бойца,
Причину в нем видя всех бед и напастей.

Ни сил не жалели они, ни себя,
Числом взять старались. Глупа же их вера!
О смерти его раз за разом трубя,
Они гибли сами, но жив Де'Уннеро.

Так бойтесь, малютки в кроватках своих,
И трепещите ночною порой.
Бойтесь, охотники в дебрях лесных,
Вновь над долиной и над горой,

Над крепостною стеной и в полях
Слышится рык: Де'Уннеро в пути,
Видом своим он внушает страх,
Доблестный воин, свирепый, как тигр.

Пение Садьи не было монотонным, как у иных исполнителей баллад. Иногда ее голос звучал в полную силу, потом превращался в хрипловатый, угрожающий шепот. При этом певице доставляло истинное наслаждение следить за выражением лиц слушавших ее людей. Взрослые внимали ее песне, затаив дыхание, а глазенки детей испуганно распахивались, когда они слышали предостерегающие слова. Также певица не забывала украдкой поглядывать на своего возлюбленного, пребывавшего в явном замешательстве.

Праздник затянулся до самой ночи. Жители деревни и их гости несколько раз просили Садью повторить ее балладу о храбром Де'Уннеро. За все это время она почти не разговаривала с бывшим монахом; только иногда подбегала к нему, сладострастно шепча о своих замыслах на предстоящую ночь, и с беззаботным смехом исчезала. Когда же наконец они вновь остались одни, Де'Уннеро высказал ей свое мнение о новой балладе.

— Так ты когда-нибудь действительно накличешь беду, — сказал Де'Уннеро, обнимая Садью за талию и привлекая к себе.

— Зато я получаю от этого ни с чем не сравнимое наслаждение, — засмеялась певица, блеснув глазами.

Она была права; бывший монах чувствовал, какой жар исходит от ее хрупкого тела. Он молча смотрел в глаза своей подруги, такие бездонные и пугающие.

— Идем в лес, — прошептала Садья. — Прямо сейчас.

От такого предложения Де'Уннеро отказаться не мог.

Глубокой ночью они сидели у костра в небольшой рощице, совсем неподалеку от деревни. Все жители Туберова Ручья давно уже спали, утомленные празднеством. Однако Садья не испытывала ни малейшей усталости. Праздник лишь сильнее разжег ее неуемную натуру. Певица рассеянно перебирая струны лютни.

Вскоре, однако, ее аккорды стали резать слух, в особенности одна гнусавая нота. За нею прозвучала вторая. Де'Уннеро уже собирался спросить, зачем она терзает лютню, когда Садья взяла еще несколько таких же резких и диссонирующих аккордов.

Какой сильной болью они отдавались в его позвоночнике! Де'Уннеро догадался, что эти неприятные, словно вгрызающиеся в сознание звуки явно обладают магической силой и что Садья обернула в другую сторону свойства самоцвета, вделанного в ее лютню.

— Зачем ты это делаешь? — попытался спросить он, но из горла бывшего монаха вместо слов вырвалось рычание.

Он недоуменно глядел на Садью. Та продолжала извлекать свои демонические звуки, невинно улыбаясь и подмигивая ему.

— Зверь, — сумел прохрипеть Де'Уннеро, вздрагивая от боли. — Зачем?

Его рука зримо меняла очертания, превращаясь в лапу тигра.

Певица заиграла громче, подавшись вперед всем телом и, судя по всему, наслаждаясь происходящим. Словно забыв, что ей вряд ли удастся совладать с тигром, она играла с темными силами, выманивая зверя наружу!

Пальцы Садьи все быстрее ударяли по струнам, наполняя ночной воздух руладой гнусавых, воющих, стонущих нот, порожденных ее магическими чарами.

У Де'Уннеро больше не было сил противиться; пробудившийся внутри зверь угрожал в любую секунду вырваться на волю.

— Иди на охоту, возлюбленный мой, — услышал он голос Садьи, дрожащий от возбуждения.

Тигр-оборотень лишь мельком глянул на хрупкую женщину и скрылся в лесу, устремившись на поиски сладостного запаха крови.

Жизнь Эйдриана впечатляюще и необратимо изменилась. После победы над разбойничьей шайкой никто уже не смотрел на него как на упрямого и своенравного мальчишку. И в Фестертуле, и в Придорожной Яблоне люди в его присутствии начинали говорить вполголоса. Теперь все называли его Ночным Ястребом.

Это весьма льстило юному рейнджеру.

Однако более всего его забавляло поведение сварливого Румпара. Трактирщик расхаживал по деревне, оттопырив большими пальцами проймы жилетки, и напропалую хвастал, что это именно его меч свалил великана.

Эйдриан не вмешивался: тщеславие Румпара как нельзя лучше служило его собственным целям. Он хотел сделать известным свое имя, хотел, чтобы все узнали о Ночном Ястребе — рейнджере Фестертула. Похоже, несколько шагов по пути к славе он уже прошел.

Вскоре к нему начали обращаться за помощью из других деревень и селений. Где-то вдруг появлялся бешеный волк или медведь, в ином месте опасались набега разбойников. Однажды, ближе к концу лета, юноша побывал к западу от Фестертула, где по просьбе местных жителей выследил и убил гоблина. Это жалкое кривоногое существо боялось людей куда сильнее, чем они его. Но даже столь заурядное дело способствовало растущей славе Ночного Ястреба.

Что бы он ни делал — главное, он теперь двигался к цели всей своей жизни. Эйдриан знал: он не останется здесь навсегда, сражаясь с бешеными волками и гоблинами-одиночками. Но если вдуматься, на что еще он мог рассчитывать сейчас? Великие войны отгремели без него, новых не намечалось, и потому приходилось довольствоваться малым. Только так он мог не дать забыть о себе. И все же судьба подарила ему замечательное начало, предоставив возможность, о которой он даже не мечтал. Появление разбойничьей шайки, возглавляемой великаном, мгновенно сделало Эйдриана на целую голову выше любого здешнего смельчака. Ему оставалось лишь укреплять свою репутацию, добавляя к ней все новые грани.

Юный рейнджер не почивал на лаврах. Он по-прежнему настойчиво искал любой повод, чтобы заявить о себе. Каждую ночь он отправлялся к Оракулу. Как всегда, он видел в зеркале закутанную в плащ фигуру, снова и снова этот неведомый призрак внушал Эйдриану, что его жизненное предназначение — власть над людьми, и побуждал его двигаться дальше.

Юноша часто возвращался в мыслях к сражению с разбойниками. Тогда случилось нечто особенное: он впервые пролил кровь. Человеческую кровь. Эйдриан убил людей, и это событие подвело черту под его прежней жизнью. Сколько бы он ни твердил себе, что едва ли кто-то более заслуживал суровой кары, нежели головорезы-разбойники, все равно этот груз еще долго давил на него. Какое-то время юноша даже намеревался вернуть меч Румпара на прежнее место и жить дальше как обычный крестьянин или охотник.

Внутренняя борьба совести и житейского прагматизма продолжалась не одну неделю, разрывая все существо Эйдриана. И вновь Оракул помог ему разобраться в своих мыслях, подсказал, что таков путь героя в этом мире, зачастую жестоком и беспощадном. Когда его чувства улеглись и он признал, что действовал правильно, когда понял, что сражение является неотъемлемой частью избранного им образа жизни, а достаточно ранняя смерть — неизбежная плата за появление на свет в облике человека, юный рейнджер уже с улыбкой вспоминал о той схватке.

Иными словами, Эйдриан перестал терзаться угрызениями совести по поводу своей повинности в смерти других людей. Это было самым важным результатом сражения с разбойниками, и юноша принял его, прекрасно сознавая, что на этом он не остановится. Но ни сам Эйдриан, ни другие, видевшие в нем героя, даже не подозревали, какая и в самом деле важная черта подведена в жизни Ночного Ястреба.

Достаточно было взглянуть на небосклон, чтобы заметить первые признаки зимы. Ее наступление не радовало Маркало Де'Уннеро. Совсем не радовало. Зима заставит больше времени проводить внутри дома, больше общаться с ничтожными обитателями этой жалкой деревни. А они, глупо улыбаясь, хлопотали, занимались своими повседневными делами с таким видом, будто от этого зависела судьба всего остального мира.

Заготавливали дрова, сжигали в своих очагах и опять заготавливали.

Варили пищу, съедали ее и снова варили.

По мнению Де'Уннеро, они с таким же успехом могли бы проложить дорогу вокруг своей деревни и бегать по ней — час за часом, день за днем. Впрочем, это, на его взгляд, было куда более полезным занятием, поскольку бег укреплял телесные силы хоть каким-то движением вперед, способным подтолкнуть к более осмысленному существованию. Жизнь же обитателей Туберова Ручья была гораздо бессмысленнее бега по кругу. Это было даже не существование, а прозябание.

Сколько лет подряд и он сам прозябает так! Он, знавший совсем другую *жизнь* !

В то утро с неба сыпал мелкий холодный дождь. Де'Уннеро вместе с тремя жителями деревни чинил крышу. Обыкновенную крышу обыкновенной хижины. Починка, под стать строению, тоже была несложной. Де'Уннеро знал: через какое-то время и эту крышу, и все остальные придется чинить снова. Потом еще раз и еще. И так — пока каждый из жителей деревни не состарится и не умрет. А после них эти же крыши будут чинить их дети и внуки.

И у каждого на лице будет блуждать такая же глупая улыбка — отражение собственного ничтожества и прозябания. И все они будут считать это ничтожное прозябание единственно возможной жизнью.

— Угораздило же меня родиться на свет с мозгами, — пробормотал Де'Уннеро.

Деревенский парень, работавший невдалеке от него, услышал эти слова. Он удивленно покосился на бывшего монаха, но ничего не ответил. Еще через минуту парень вообще забыл об услышанном.

— Лучшего ответа мне от тебя не дождаться, — сказал Де'Уннеро, глядя на него в упор.

Застонав от досады, он швырнул вниз молоток, и тот с каким-то змеиным шипением приземлился в груду пожухлых листьев.

— Так и молоток сломать недолго! — крикнул Де'Уннеро один из троих работников, мнящий себя кем-то вроде надсмотрщика.

— Велика важность. Сделаем другой, — огрызнулся в ответ бывший монах. — А когда он сломается, сделаем третий, потом десятый и будем еще более довольны собой, чем прежде.

— Что за чушь ты мелешь? — угрюмо спросил самозваный надсмотрщик.

— Способные видеть истинное положение вещей обречены на… — начал было Де'Уннеро, но потом плюнул, огляделся по сторонам и взмахнул руками. — Обречены… обречены на это! — выкрикнул он и, спрыгнув с низкой крыши, побежал по чавкающей грязи, покрывающей двор.

Первой мыслью Де'Уннеро было броситься к Садье и силой овладеть ею.

Однако что-то его остановило. Недавно маленькая певица сказала, что хотела бы завести ребенка, ребенка от Де'Уннеро. Она находилась в самом расцвете детородного возраста. Бывший монах довольно спокойно отнесся к ее желанию… пока как будто заново не увидел окружавшую их жизнь. Кого они могут вырастить, прозябая в этой дыре?

Церковь Абеля рисовала ад местом, где жарко пылает огонь, удушливо пахнет серой и где злобные чудовища мучают и терзают души грешников. Де'Уннеро же все больше склонялся к мысли, что ад подобен такому вот Туберову Ручью, где все дни похожи один на другой в своей безнадежности и бессмысленности.

В поисках выхода из этого состояния бывший монах бросился в лес, ломая на своем пути все ветки, до которых мог дотянуться. Задержавшись возле невысокого высохшего дерева, Де'Уннеро вспомнил боевые приемы, которым в совершенстве овладел в Санта-Мир-Абель. Его руки и ноги безостановочно двигались, напоминая ветряные мельницы. В считанные секунды мертвое дерево было разнесено в щепки и вырвано из земли.

Но даже это не принесло удовлетворения. Де'Уннеро направился дальше. Он попробовал петь, думая, что это успокоит его, как успокаивала музыка Садьи. Но в мозгу зазвучала совсем другая музыка — те самые демонические звуки, которыми певица выманивала тигра наружу. Поначалу бывший монах пытался заглушить их, изгнать из своего сознания, опасаясь, что его возбуждение может пробудить зверя.

Но именно это состояние заставляло мозг Де'Уннеро воспроизводить зловещую музыку. Он чувствовал, как его неодолимо влечет к этим гнусавым, леденящим душу звукам.

Не прошло и нескольких минут, а бывший монах уже мчался на четырех лапах, оставляя позади клочья разодранной одежды. Если бы он убил оленя, это дало бы выход его гневу. Если бы на его пути попался медведь, схватка с ним погасила бы его ярость.

Но судьба столкнула Де'Уннеро с двумя деревенскими охотниками, возвращавшимися после успешной охоты. Они несли на шесте добытого оленя, оставляя на земле капли оленьей крови.

Оставляя сладостный запах крови!

Тигр-оборотень вскочил на нижнюю ветку. Напружинившись всем телом, он полосатой молнией мелькнул в воздухе и в яростном прыжке обрушился на охотников… Когда замерло эхо, повторившее душераздирающие вопли, на земле лежали два изуродованных

человеческих трупа.

Зверь был поглощен пиршеством, совсем забыв, что крики его жертв уже достигли Туберова Ручья.

Садья услышала знакомое неистовое рычание, потом недолгие предсмертные крики. Значит, тигр снова вырвался на свободу. Вместе с жителями Туберова Ручья она отправилась в лес, в ту сторону, откуда донеслись крики. В лес устремилось едва ли не все население деревни: самые сильные мужчины и немало женщин. Правда, все они находились в полном замешательстве и толком не знали, куда идти. Певица воспользовалась этим, велев им создать нечто вроде оборонительной цепи, чтобы в случае необходимости защищать подступы к деревне. Сама она вызвалась пойти на разведку.

Как и следовало ожидать, двое молодых парней, что были покрепче и посмелее остальных, начали с нею спорить. Тогда Садья великодушно позволила им сделать то же самое и с уверенным видом послала совсем в другом направлении.

Мысли певицы, продиравшейся меж деревьев, лихорадочно метались, ей невероятно трудно было привести их в порядок. Де'Уннеро сегодня должен был работать на починке крыши. В числе отправившихся на поиски его не было… Что за чушь! Зачем она пытается рассуждать, когда сердце сразу же подсказало ей ответ?

Садья обладала тонким слухом и ясно представляла себе, куда надо двигаться. И все-таки как разыскать его в этой чаще — тигра или человека, несущегося, не разбирая дороги?

Певице было необходимо привлечь себе на помощь удачу, и ей действительно повезло. Она горячо поблагодарила Бога, увидев первые следы, оставленные ее любимым, — клочья его одежды. Женщина подобрала эти клочки и, низко пригибаясь, побежала дальше. Довольно скоро она оказалась на месте трагедии — и увидела Де'Уннеро в обличии тигра.

Зверь повернулся к ней и глухо, угрожающе зарычал. Подумав, что ей, возможно, не следовало появляться здесь, Садья вскинула захваченную с собой лютню и заиграла тихую, нежную мелодию.

Тигр снова зарычал, выронил человеческую ногу, которую грыз, и, припав к земле, стал подкрадываться к женщине.

Та и не думала бежать. Садья продолжала играть, потом запела. Ее голос не раз обрывался, ибо певица знала, что обречена.

Однако она продолжала перебирать струны лютни и петь, вплетая в свою песню мольбу. Она умоляла Де'Уннеро не убивать ее. Тигр находился в каких-то десяти футах, на расстоянии одного прыжка. Сердце Садьи почти остановилась, а сама она едва не лишилась чувств, увидев, как могучий зверь присел на задние лапы, изготовившись к прыжку.

Но воля маленькой певицы была сильнее страха. Она продолжала играть и петь и уже почти охрипла, когда заметила, что ярость и напряжение стали покидать тигра.

Садья заиграла другую мелодию — ту, с помощью которой она обычно прогоняла зверя в лес, однако на этот раз Де'Уннеро никуда не побежал. Он стоял и пристально глядел на нее желтыми кошачьими глазами.

Потом она услышала, как хрустнули кости. Сдавленный стон подсказал ей, что началось обратное превращение.

Вскоре обнаженный Маркало Де'Уннеро лежал на земле, весь покрытый кровью убитых им охотников.

— Что ты наделал?!

Перекинув лютню на спину, Садья бросилась к своему возлюбленному.

Де'Уннеро взглянул на страшную картину содеянного и вновь зарычал, но уже человеческим голосом, в котором звучало безмерное отчаяние. Он запустил пальцы в свои черные волосы, потом в изнеможении прикрыл руками глаза.

Садья растирала ему плечи, пытаясь успокоить и одновременно пытаясь добиться от него ответа.

— Зачем ты это сделал, любовь моя?

Бывший монах застонал, и Садья распознала в его голосе глубокую ненависть и отвращение к самому себе.

— Как это произошло? — не унималась певица. — Ты должен мне рассказать!

Ответа не последовало.

— Как это могло случиться?

— А как это могло не случиться? — зарычал в ответ Де'Уннеро, брызгая слюной. — Более десяти лет я скитаюсь по глухим деревням, пытаясь выжить среди… таких, как они! — презрительно бросил он, махнув рукой в направлении Туберова Ручья.

В лесу послышались голоса, оборвавшие их разговор.

— Убегай! — прижавшись губами к его уху, прошептала Садья. — Беги со всех ног, подальше от столь ненавистного тебе места!

В ее голосе звучала нескрываемая злость. В голове Де'Уннеро метались вопросы, которые ему очень хотелось задать Садье, однако он подчинился ее требованию и скрылся среди деревьев.

Садья проводила его взглядом, после чего бросилась туда, где валялись истерзанные останки охотников, и вымазала в крови клочья одежды Де'Уннеро. Она опустилась на землю и заговорила вслух, меняя интонацию голоса. Пусть думают, что она обезумела от горя!

Вскоре к месту трагедии прибежали двое разведчиков и завопили от ужаса, увидев, что сталось с их друзьями.

— Он погубил и моего Калло! — причитала Садья, потрясая окровавленными тряпками. — Этот ужасный зверь разорвал его в клочья!

В этих словах была изрядная доля правды, и их горькая ирония не ускользнула от проницательной Садьи. Более того, втайне она даже наслаждалась этим жутким спектаклем и своей ролью в нем.

Охотники, потрясая оружием, заявили, что немедленно выследят и убьют страшного зверя, но Садья удержала их.

— Вы бы видели этого тигра! — подвывала она, заливаясь слезами. — Куда вам бежать! Моего Калло все равно уже не вернешь. Будь он жив, он бы лучше меня сумел вам объяснить, насколько глупо устраивать погоню. Тигр погубит и вас. Нам надо поскорее возвращаться назад и приготовиться защитить деревню.

Садье доставило изрядное удовольствие видеть, как быстро эти храбрецы согласились с ее доводами.

— Мы тоже были не робкого десятка, — сказал, обращаясь к Ночному Ястребу, незнакомец.

Разговор происходил в трактире Румпара, заполненном жителями Фестертула так, что яблоку негде было упасть, — все они желали послушать человека, с гордостью выставлявшего напоказ страшные шрамы на своем теле, словно они были боевыми наградами.

— Думаю, тебе легче было бы убить еще парочку великанов, чем того зверя!

Эйдриан не отвечал, а лишь прищурил глаза, с жадностью ловя каждое слово незнакомца, который назвался Микаэлем.

— Кто-нибудь уцелел, кроме тебя? — наконец спросил рейнджер, устав слушать косноязычные повторения этой горестной истории.

— Еще трое, если один из них не помер от ран.

— А сколько отсюда до деревни Миклина?

— Быстрым ходом — недели три, — неохотно ответил Микаэль.

По его тону Эйдриан почувствовал, что этот человек явно чего-то недоговаривает.

— А ты никак туда собрался? — спросил он юношу. — Тигра давно и след простыл.

— Ничего, найду какие-нибудь следы, — отозвался Эйдриан. — Конечно, если этот тигр существует на самом деле.

— А это, по-твоему, откуда? — возмущенно спросил Микаэль, задирая штанину. —

Сам я, что ли, себя расцарапал?

Эйдриан увидел четыре глубоких шрама. След, оставленный лапой огромного зверя.

— Я немедленно отправляюсь в деревню Миклина, — объявил рейнджер. — Я должен разузнать все, что сумею, о повадках этого зверя. Тогда я его выслежу и убью.

— Смотри, как бы самому не сгинуть в лесу, — ухмыльнулся Микаэль, поворачиваясь к сидящим за его столиком, чтобы выпить с ними.

Юноша схватил его за плечо и резко повернул лицом к себе.

— Ты нарисуешь мне, как добраться до этой деревни, — спокойно приказал он, но от одного звука его голоса лицо Микаэля сразу же покрылось бледностью. — Потом ты еще раз подробно расскажешь о той ночи, когда этот человек превратился в тигра. И еще вспомни до мелочей, как выглядел зверь.

Когда Микаэль сделал все, что велел ему Эйдриан, тот под сочувственные кивки собравшихся покинул трактир.

— Отправился не мешкая, — заметил Румпар, и снова жители Фестертула закивали, одобрительно перешептываясь.

— На верную смерть отправился, — возразил Микаэль. — Если столкнется с человеком-тигром, вы вашего Ночного Ястреба больше не увидите.

Ответом ему были пренебрежительные усмешки собравшихся. Жители Фестертула привыкли полагаться на Ночного Ястреба. В их глазах он давно перестал быть хвастливым мальчишкой. Теперь он являлся защитником Фестертула, и жители деревни чрезвычайно гордились этим.

Однако каждый, кто сидел сейчас у Румпара, боялся, как бы пророчество Микаэля не оказалось верным. Ведь тогда вместо юного рейнджера, их защитника, им останется лишь память о погибшем неведомо где юном герое.

Через два дня она нашла Де'Уннеро сидящим на холме. Место это было не так уж и далеко от деревни — Садья и бывший монах часто удалялись сюда для любовных утех. Певица окончательно покинула Туберов Ручей, объявив жителям деревни, что теперь, после страшной гибели мужа, ее здесь ничего не держит и она возвращается к своим родным в Палмарис. Разумеется, Садью уговаривали остаться. Увидев, что уговоры бесполезны, несколько человек вызвались ее сопровождать. Когда же она решительно отказалась от попутчиков, ей посоветовали переждать хотя бы несколько дней. Неужели ей хочется угодить прямо в когти страшному зверю?

Именно этого ей и хотелось… Сейчас ее тигр, теперь уже в человеческом обличье, тихо сидел на склоне холма. На нем была та одежда, которую он припрятал в лесу на случай бегства из Туберова Ручья. Внешне Де'Уннеро выглядел вполне спокойным.

— Не думал, что ты придешь, — с напускным равнодушием произнес бывший монах.

Но Садья знала правду, знала, с каким нетерпением он ждал ее появления.

— Уж не собираешься ли ты расстаться со мной? — вызывающе спросила певица. — Или ты настолько глуп, что считаешь, будто сможешь обойтись без меня?

Последние слова и в особенности то, каким небрежно-уверенным тоном они были произнесены, вызвали у измученного Де'Уннеро настоящий взрыв хохота. Неожиданно он подался вперед, крепко обнял Садью и упал вместе с ней на мягкую, устланную листьями землю.

— Ты не боишься? — спросил бывший монах, когда мгновения любовной страсти остались позади и они, обнявшись, лежали под голубым осенним небом.

— Если эти дурни наткнутся на нас, думаю, ты сумеешь их прогнать, — беспечно ответила Садья, однако Де'Уннеро своей сильной ладонью обхватил ее лицо и заставил глядеть на себя.

— Не их, — сказал он так, словно сама мысль о появлении здесь жителей Туберова Ручья казалось ему невозможной. — Я спрашиваю, не боишься ли ты меня? — произнес он, медленно и тщательно выговаривая каждое слово.

— Может, и боюсь. Но такой ты мне даже больше нравишься, Маркало Де'Уннеро, — промурлыкала Садья, искренне улыбаясь своей невинной улыбкой.

Вскоре они шагали по дороге, не представляя, куда идут, но уверенные, что их жизненные пути соединились навсегда.

ГЛАВА 17
НЕ ВСЕМ ПО НРАВУ

— Это не самый мудрый выбор, — сдержанно и вполне учтиво сказал герцог Калас.

Он хорошо владел собой, однако Джилсепони отлично видела, что творится за фасадом напускного спокойствия. Внутри Каласа все кричало о его неприятии подобного решения. Герцог явно считал, что усиление власти церкви в Палмарисе означало, по сути, превращение всей северной части Вестер-Хонса в вотчину столь ненавистных ему абеликанцев.

— Но пример тому уже был, и все мы знаем, какой он имел успех, — спокойно возразил король Дануб.

Сидевшая рядом с ним Джилсепони благоразумно постаралась скрыть довольную улыбку. Она едва ли не целую неделю готовила Дануба к сегодняшнему разговору, касавшемуся назначения аббата Браумина Херда епископом Палмариса. Поначалу Дануб решительно противился этому, невзирая на свои добрые чувства к настоятелю Сен-Прешес. Как-никак тот потратил немало сил, убеждая Джилсепони стать королевой. В то же время Данубу приходилось учитывать мнение своего ревнивого и осторожного в подобных решениях двора. Взять хотя бы герцога Каласа, испытывавшего к абеликанской церкви далеко не теплые чувства.

— Прошу прощения, ваше величество, но прежний епископ являлся ставленником государства, а не церкви, хотя королева Джилсепони известна своим дружественным отношением к ордену Абеля, — ответил Калас.

На этот раз Джилсепони не стала прятать улыбку. Более того, ей даже хотелось поблагодарить герцога за то, что он произнес столь ненавистные ему слова без видимого презрения или насмешки в голосе. Немалый подвиг со стороны тщеславного гордеца Каласа!

— Поэтому будет вполне разумным, если преемником королевы Джилсепони на посту епископа станет человек, принадлежащий к церковным кругам, — заключил король Дануб.

Джилсепони показалось, что Каласа передернуло. Похоже, подумала новоиспеченная королева, она даже слишком наслаждается этим зрелищем, тогда как сам герцог едва сдерживался, чтобы не вспылить.

— Настоятель Браумин — человек достойный во всех отношениях, — продолжал король. — Могу тебя уверить, друг мой Калас, я знаю об этом из самых надежных и достоверных источников.

И Дануб посмотрел на Джилсепони, крепко сжав ее руку.

Даже дерзкий герцог Калас не мог открыто возразить подобному утверждению. Королева это почувствовала, хотя и понимала, что смирение Каласа — чисто внешнее, за ним скрываются острые шипы недовольства.

— Не сомневайтесь, герцог Калас, епископ Браумин будет управлять Палмарисом, наилучшим образом заботясь об интересах церкви и государства, — убежденно сказала она. — Ведь он будет управлять городом, действуя исключительно во благо его жителей.

— В интересах государства и прежде всего в интересах короля правит не епископ, а барон, — возразил ей герцог.

— Я знаю, что вы не питаете особого доверия к церкви, — продолжала Джилсепони, игнорируя его замечание и не желая ввязываться в спор.

В отличие от Каласа и многих придворных она твердо верила, что правление в интересах простого народа и было наилучшей заботой об интересах короля.

— Не все ваши суждения о церкви вызывают у меня несогласие, — говорила

Джилсепони. — Но должна вам сказать: сегодня абеликанский орден совсем не похож на тот, каковым он являлся в минувшие десятилетия. Ныне он больше печется о благополучии простых людей — подданных короля Дануба.

Герцог Калас выслушал ее небольшую речь с подобающей учтивостью, однако Джилсепони вновь заметила, каким гневом полыхают его темные глаза.

Уверенная в том, что назначение Браумина — дело решенное и ее муж не отступит от своего слова, королева могла себе позволить насладиться созерцанием досады и подавленности, овладевшими герцогом.

Пожалуй, она испытывала даже некоторое злорадство. Джилсепони радовалась, видя, как события оборачиваются против высокомерных и напыщенных вельмож, считавших себя единственно значимыми людьми в королевстве. Все их заботы о народе сводились к одному: главное, чтобы народ не бунтовал против короля.

Сегодня по высокомерию Каласа был нанесен ощутимый удар. Герцог потерпел поражение и сам прекрасно это понимал. Он озирался по сторонам, словно ища поддержки. Однако его всегдашней союзницы Констанции Пемблбери на сей раз рядом не было. Уж она-то наверняка воспротивилась бы назначению Браумина. Но Констанция уже месяц — с самого дня свадьбы — почти не показывалась королю на глаза. Она объявила, что намерена провести предстоящую зиму в провинции Йорки, где климат теплее и мягче.

Джилсепони совсем не огорчил отъезд придворной дамы, хотя она и понимала: госпожа Пемблбери, как и герцог Калас, не так-то легко выпустит новую королеву из-под своего пристального и придирчивого наблюдения.

И все же у Джилсепони было достаточно оснований наслаждаться своей маленькой победой. Король Дануб не принадлежал к числу сговорчивых людей, легко поддающихся убеждению. Но если бы он без многодневных споров и возражений просто уступил ей, женщина была бы явно разочарована. Она часто спорила с мужем, обсуждая государственные дела. Джилсепони считала, что они оба только выиграют, если станут придерживаться правила: открыто обсуждать каждый вопрос, прежде чем принимать решительные меры. И здесь ее позиция была непоколебимой. Пусть многим в Урсале не придется по нраву назначение Браумина епископом, зато это обернется несомненным благом для Палмариса и всех северных земель.

Герцог Калас, слегка поклонившись, попросил разрешения оставить королевскую чету, ибо хотел проследить за подготовкой лошадей. Раз в неделю они с Данубом непременно выезжали на охоту, а сегодня был именно такой день. Каждый жест герцога красноречиво свидетельствовал, что он не согласен с назначением Браумина Херда епископом Палмариса. Калас явно считал это назначение уступкой Дануба своей жене.

Что ж, думала Джилсепони, это делало ее победу еще сладостнее.

Вслед за герцогом зал покинул и король, предоставив провести все послеполуденные встречи своей мудрой супруге. Впрочем, порученные ей дела не были особо обременительными: разбор тяжбы между двумя выскочками из мелкой знати, улаживание жалобы известного торговца шелками, у которого какой-то бойкий уличный разносчик постоянно отбивал покупателей. Однако в списке намеченных встреч значилась еще одна, от которой королева с большим удовольствием отказалась бы. Магистр Фио Бурэй просил о беседе с глазу на глаз.

Когда магистр из Санта-Мир-Абель явился на встречу, Джилсепони сидела, прикрыв глаза и утомленно опираясь на подлокотник трона.

— Я еще до наступления вечера собираюсь отплыть из Урсала, — произнес Бурэй.

— Никак не думала, что люди с таким удовольствием окунаются в склоки и придают столь серьезное значение пустяшным обидам, — призналась Джилсепони. — Я от всего этого безумно устаю.

— А чем окончилось более серьезное дело? — спросил магистр.

— Сегодня настоятель Браумин Херд назначен епископом Палмариса, — сообщила королева. — К вечеру будет готов официальный указ.

— Однако, насколько мне известно, король Дануб с герцогом Каласом охотятся в полях, — с сомнением произнес Бурэй, прекрасно знавший о ненависти герцога к церкви.

— С ними также принц Мидалис, — сказала Джилсепони. — Но вы напрасно беспокоитесь: назначение Браумина — дело решенное, и Калас об этом знает. Я сдержала свое обещание.

— Вы — замечательный союзник, — слегка улыбнувшись, заметил Бурэй.

— Я прежде всего — союзник народа, населяющего Хонсе-Бир, — произнесла Джилсепони и тут же напомнила себе, что с Бурэем надо постоянно держать ухо востро.

Она не питала к однорукому магистру неприязни, но не могла разделить его достаточно нетерпимого отношения к миру. Во многом Бурэй напоминал ей отца-настоятеля Маркворта; точнее, того, кем бы тот мог стать, если бы знал заранее, какие потрясения вызовут его собственные заблуждения. Но если бы Маркворт и избежал некоторых из них, стал бы он от этого чище душой?

— Разумеется, — согласился магистр. — Но церковь Абеля надеется, что вы являетесь и ее союзницей.

Джилсепони кивнула. Она чувствовала себя слишком утомленной, чтобы углубляться в дискуссию о ее отношениях с церковью.

— А потому я прошу вас оказать нам еще одну любезность. Правильнее будет назвать это обменом любезностями между теми, кто сражается на одной стороне, — с лукавой улыбкой произнес Бурэй.

Его улыбка мгновенно насторожила королеву.

— Сегодня вы что-то говорите загадками, магистр Бурэй. Если вы намеревались обсуждать серьезные дела, то почему не привели с собой аббата… теперь уже можно говорить, епископа Браумина и аббата Огвэна?

— Они осведомлены о моих намерениях и полностью меня поддерживают, — ответил ее собеседник, ничуть не смутившись.

Настороженность Джилсепони только возросла.

— У меня есть для вас предложение, — пояснил магистр. — Как я уже говорил, обмен услугами, благодаря которому все окажутся в выигрыше. Со своей стороны, я дам вам то, что и вы, и епископ Браумин более всего желаете: свою поддержку в деле канонизации Эвелина Десбриса. Можете не сомневаться: я ускорю ее ход, и официальное причисление Эвелина к лику святых завершится к концу следующего года.

Услышав эти слова, Джилсепони прищурила глаза. Она знала, что Бурэй непременно приложит свою руку к канонизации Эвелина, и отнюдь не потому, что является его искренним приверженцем. Это помогало ему пользоваться уважением среди более молодых, но достаточно влиятельных магистров абеликанского ордена. Джилсепони не особо удивило, что Бурэй заранее заявил о своей поддержке дела канонизации. Ее встревожило другое: однорукий магистр пытался слишком уж подчеркнуть важность собственного участия в деле, которое и без его стараний должно завершиться победой сторонников канонизации Эвелина.

— Вы предлагаете поддержку в деле, которое кажется очевидным любому, кто помнит времена чумы, — ответила королева, стараясь не показывать Бурэю своего раздражения и зародившихся у нее подозрений. — Каждый, кто выжил в те страшные годы благодаря паломничеству в Барбакан, каждый, видевший, как кровь завета Эвелина исцеляла его родных, ни на мгновение не сомневается в неизбежности и справедливости его причисления к лику святых.

— Однако в этом благородном деле всплыли кое-какие неприятные моменты, связанные с поведением Эвелина в молодости, — без обиняков объявил Бурэй. — Взять хотя бы его вероломное бегство из Санта-Мир-Абель.

— Вы хотите сказать, спасение бегством под угрозой незаслуженного и незаконного наказания, — возразила Джилсепони.

Фио Бурэй кивнул, всем своим видом показывая, что не согласен с нею, но не хочет сейчас вдаваться в подробности. Во время бегства Эвелина из монастыря был убит магистр

Сигертон. Даже наиболее ревностные сторонники Эвелина не могли отрицать, что тот хотя бы отчасти повинен в его гибели.

— Также за Эвелином водился грех чрезмерных возлияний, этого вы отрицать не можете, — продолжал Бурэй. — Есть даже свидетельства тому, что Эвелин, нарушив принципы ордена… как бы поделикатнее выразиться… вступил в близкую связь с…

— Со мной, — докончила за него Джилсепони, сердце которой сразу же наполнилось болью и горечью. — Да, магистр Бурэй, между нами была близкая связь, — призналась она, вызвав недоуменный взгляд собеседника. — Но не плотская. Мы тесно соединялись через камень души, творя исцеление, а также в тех случаях, когда Эвелин учил меня использовать силу магических самоцветов.

— И это тоже… — начал было возражать однорукий магистр.

— Совершалось для блага всего мира, — вновь договорила за него королева. — Если вы явились ко мне с намерением выговорить для себя какие-то выгодные условия, то этот путь заведет вас в пропасть, — продолжала она, уже не скрывая негодования. — А если вы решили сделать меня своим врагом, тогда вы просто глупец.

Ее резкие слова заставили Бурэя отпрянуть. Он поднес единственную руку к лицу, задумчиво прикасаясь пальцами к уголку рта, потом глубоко вздохнул, словно пытаясь стереть из памяти несколько последних минут пошедшего не в том направлении разговора.

— Я всего-навсего пытаюсь показать вам, что дело канонизации по-прежнему остается нелегким, — извиняющимся тоном произнес магистр, который страшно не любил извиняться. — Моя поддержка могла бы сгладить…

— Если, магистр Бурэй, ваша искренность не показная, тогда сердце должно требовать от вас такой же бескорыстной поддержки канонизации Эвелина.

Фио Бурэй лишь слегка улыбнулся, получив от Джилсепони очередную отповедь.

— Верьте мне, я выйду за рамки пассивной поддержки, я буду горячо ратовать за то, чтобы Эвелина провозгласили святым, — продолжал однорукий магистр. — И дело не в какой-то моей корысти. Я считаю, что это единственно верный путь. Но я настаиваю, чтобы и вы тоже шли правильным путем. Я пришел не просить, а предлагать. Что же касается моих просьб… Я не сомневаюсь, что, выбирая решение, вы примете такое, которое явится благом для всего мира.

Королева знаком велела ему продолжать.

— Я хочу предложить вам пост, который удачно дополнил бы ваше нынешнее положение, — пояснил Бурэй. — И можете поверить: епископ Браумин всем сердцем поддерживает мое предложение. Мы оба считаем, что вы могли бы еще успешнее служить королевству, церкви и народу, если бы к вашему высокому титулу королевы добавился еще один. Так сказать, еще одна корона, которая увенчала бы вашу голову. Итак, мы просим, чтобы вы согласились стать начальствующей сестрой аббатства Сент-Хонс. Как вы знаете, это звание соответствует званию магистра и не потребует от вас выполнения многих официальных обязанностей. Для народа это явится наглядным свидетельством того, что церковь и государство не имеют разногласий.

И это же будет лучшим способом довести до бешенства лучших друзей моего мужа, подумала Джилсепони. Ей было трудно даже представить, что отразится на лице герцога Каласа, если она согласится стать начальствующей сестрой Сент-Хонса!

Однако сейчас ее занимал не столько Калас, сколько сам Бурэй с его ошеломляющим предложением. С какой стати он вдруг предлагает ей такое? Какую выгоду рассчитывает получить сам Фио Бурэй? Насколько она знала, однорукий магистр никогда не делал предложений, не позаботившись о собственной выгоде. Так в чем же на сей раз заключается его корысть, хотя он и уверяет ее в обратном?

— Ваши обязанности будут немногочисленными и исполняемыми исключительно на добровольной основе, — продолжал Бурэй. — Разумеется, вас непременно пригласят на Коллегию аббатов, она будет созвана в самое ближайшее время. Я уверен, что король Дануб полностью согласится с таким предложением!

«Возможно», — подумала Джилсепони, однако ее мысли кружились и путались, не позволяя ей хоть как-то упорядочить их поток.

— А что думает на этот счет аббат Огвэн? — поинтересовалась она.

И здесь непоколебимый, казалось бы, оптимизм Бурэя впервые дал трещину. Замешательство магистра лишь подтвердило интуитивную догадку королевы: Огвэн вовсе не был в восторге от ее нового назначения. Джилсепони часто видела, как он вполголоса беседовал о чем-то с Констанцией Пемблбери, хотя и не догадывалась о предмете их уединенных разговоров.

— Это решение намного превосходит полномочия настоятеля Огвэна, — вскользь заметил Бурэй. — Мы сознавали, что обращаемся с предложением к королеве Хонсе-Бира, поэтому тщательно все взвесили и продумали. Я долго обсуждал этот вопрос с отцом-настоятелем Агронгерром, с епископом Браумином, а также с Мачузо и Гленденхуком — старейшими среди магистров Санта-Мир-Абель. Наше предложение королеве Джилсепони не стоит почитать легковесным. В данном случае соединение в одних руках двух ветвей власти окажется столь же благотворным для церкви и государства, как и в случае учреждения епископства.

Подобное предложение конечно же следует обдумать, причем обдумать чрезвычайно серьезно. Пока что Джилсепони понимала только одно: сходу отвергать его нельзя.

В тот день Фио Бурэй покидал королеву, предоставив ей более чем обильную пищу для размышлений.

— Значит, это правда? — спросила госпожа Дасслеронд.

Трудно сказать, какие чувства владели хозяйкой Кер'алфар. Но когда она услышала столь ошеломляющую новость, обычное бесстрастие ей изменило.

Смотритель внимательно следил за предводительницей эльфов, пытаясь уловить хоть какой-то намек на эти чувства. Кентавр уважал Дасслеронд и опасался ее, с таким же опасением он относился к почти любому живому существу, хотя маленькая эльфийка едва могла дотянуться ему до холки. Он знал: госпожа Дасслеронд способна быть щедрым и благодетельным другом, но она же может превратиться в смертельно опасного врага. Наблюдательный Смотритель давно заметил, что Дасслеронд никогда не относилась к Джилсепони с особой теплотой. Более того, предводительница эльфов пришла в ярость, узнав, что Элбрайн обучил Джилсепони би'нелле дасада — наиболее тайному и тщательно охраняемому боевому искусству тол'алфар.

И теперь эта женщина, владевшая танцем меча — единственным боевым преимуществом, позволявшим хрупким эльфам с легкостью побеждать более рослых и сильных людей, — заняла королевский трон. Кентавр хорошо понимал, какую лавину чувств такая новость вызвала в душе хозяйки Кер'алфара.

— Она столь же открыта сердцем, как и Элбрайн, — отозвался он. — И как его дядя Мазер, обучением которого ты когда-то занималась. Ты боишься ее, и я понимаю твой страх. Но повторяю: твои опасения напрасны. Ни у кого в мире нет такого сердца, как у моей Пони.

— Значит, это правда, — теперь уже утвердительно проговорила госпожа Дасслеронд. — Эта женщина стала королевой Хонсе-Бира, самого большого государства людей…

— Именно так, — ответил Смотритель, и лицо госпожи Дасслеронд помрачнело.

Наверное, подумал кентавр, она представила себе жуткую картину. Величественный строй гвардейцев Бригады Непобедимых, вооруженных прекрасными эльфийскими мечами, спускается в Эндур'Блоу Иннинес… Но для чего? По его мнению, у Пони не было оснований испытывать к эльфам никаких иных чувств, кроме искренней любви и уважения.

Откуда кентавру было знать о зловещей тайне Дасслеронд — Эйдриане? Об опасном и своевольном сыне Джилсепони?

— Уверяю тебя, он воспринял эту новость куда лучше, чем я ожидал, — виновато

улыбаясь, сказал король Дануб, когда герцог Калас опрометью выбежал из комнаты, узнав о предложении магистра Бурэя.

Королеве оставалось лишь также ответить ему улыбкой и с сомнением покачать головой.

— А ты сама склонна занять такое положение в церкви? — спросил ее Дануб, искренне заинтересованный ее мнением.

Джилсепони хорошо понимала его чувства. Если бы король пожелал, он мог бы издать указ, запрещающий ей и вообще любому члену королевской семьи занимать официальные посты в абеликанском ордене.

— Меня не удивляет, почему церкви так необходим твой голос, — продолжал Дануб. — Разве мы не выдержали такую же битву за голос Джилсепони в Палмарисе?

— Битву, окончившуюся взаимным согласием, — напомнила ему королева, и Дануб снова засмеялся.

— Да, какие великие перемены в самом сердце церкви! — воскликнул он. — В Палмарисе епископ, а в Сент-Хонсе — королева!

Одного я понять не могу, и это-то как раз меня и настораживает. Чего хочет магистр Бурэй? — недоуменно продолжал король. — Насколько я изучил этого человека, он непременно должен получить от этого назначения какую-то выгоду. Здесь должно быть скрыто нечто, что простирается дальше добрых отношений между церковью и государством и даже дальше блага для народа.

— Ты совершенно прав — в этом истинная суть магистра Бурэя, — сказала Джилсепони.

Наверное, ей следовало переговорить об этом с Браумином и, возможно, прямо сейчас. Королева уже намеревалась это сделать, когда ей неожиданно стал ясен главный замысел, лежащий в основе хитроумной дипломатии Бурэя. То же состояние пережил несколько месяцев назад сам Браумин, когда однорукий магистр раскрыл ему свои планы.

— Он говорил, что у меня будет голос на Коллегии аббатов, — вспомнила Джилсепони.

— Коллегии аббатов? — удивился Дануб. — Они опять ее созвали?

— Пока еще нет, но это произойдет в самое ближайшее время, если слухи о том, что отец-настоятель Агронгерр слабеет с каждым днем, подтвердятся, — ответила королева. — Думаю, здесь-то и кроется истинный замысел Бурэя. Коллегия должна будет избрать нового отца-настоятеля, а он явно метит на этот пост. У него только один равный по силам соперник, и Бурэй знает, что король Дануб к этому человеку не благоволит.

— Настоятель Олин из Энтела, — закончил король, поняв намек. — Бурэй ожидает, что твой голос непременно прозвучит в поддержку его собственной кандидатуры.

Какое-то время они сидели молча, обдумывая то, что внезапно им открылось.

— Весь вопрос в том, хочу ли я поддержать на Коллегии аббатов кандидатуру Бурэя? — нарушила молчание Джилсепони. — И должна ли?

Собеседники вновь умолкли, и каждый из них размышлял, стоит ли им играть по правилам, навязанным церковью.

Прежде чем магистр Фио Бурэй, епископ Браумин и все прочие гости из Палмариса, Санта-Мир-Абель и Ван-гарда отбыли на север (это совпало с наступлением осени), Джилсепони Виндон, королева Урсальская, приняла на себя обязанности начальствующей сестры Сент-Хонса.

И монастырь, и двор были в одинаковой степени недовольны этим назначением.

— Роджер Биллингсбери, — шепнула То'эль Даллия госпоже Дасслеронд.

Спрятавшись в листве деревьев, окружавших Чейзвинд Мэнор, они наблюдали за возвращением Роджера и Дейнси.

— Он считается одним из самых близких друзей Джилсепони.

Дасслеронд кивнула. Слова То'эль лишний раз напомнили ей о необходимости

хорошенько разобраться в той странной привязанности, какая возникает между сердцами людей. Чем еще можно было объяснить побуждение Элбрайна, которого она считала образцом рейнджера и одним из самых замечательных людей? Тем не менее все эти качества не помешали ему обучить Джилсепони искусству би'нелле дасада.

Госпожа Дасслеронд уже позаботилась о разветвленной сети соглядатаев, которым предстояло следить за каждым шагом новой королевы. Однако она опасалась, что в этом случае одних только глаз недостаточно. Ей необходимо найти способ воздействия на сердечные узы, связывающие Роджера и Джилсепони.

Затея выглядела достаточно опасной. Но ведь они, думала Дасслеронд, всего-навсего люди.

ГЛАВА 18
ЗНАКОМЫЕ ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

Эйдриан разыскал деревню Миклина, когда уже выпал первый снег. Селение оказалось заброшенным; оставшиеся в живых после кровавой резни охотники, как и говорил Микаэль, собрали пожитки и подались в другие места.

Снег безостановочно падал весь день и всю ночь. К утру юный рейнджер обнаружил, что белое пушистое покрывало достигает глубины трех футов. Он был здесь, в незнакомой местности, один, без каких-либо припасов, однако Эйдриана, прошедшего суровую школу эльфов и умевшего жить в полной гармонии с природой, это нисколько не пугало. Он провел в пустой деревне пару недель, пытаясь отыскать какие-либо следы тигра-оборотня и воссоздать картину трагедии прекратившей существование деревни Миклина. Никаких следов он так и не нашел и решил вернуться обратно в восточные края.

Юноша понимал, что в любое время может попасть в буран, но и эта возможность его не страшила. Он не стал пробираться в Фестертул тем же путем, а избрал другой, кружной, и потому более долгий.

Где-то через неделю ему попалось небольшое поселение, состоявшее всего из нескольких хижин и во многом напоминавшее заброшенную деревню Миклина. В общей хижине Эйдриан застал троих мужчин и женщину. Они обрадовались гостю, хотя ничего не слышали о Фестертуле, не говоря уже о рейнджере по имени Ночной Ястреб.

— И что же занесло защитника Фестертула в такую даль да еще зимой? — полюбопытствовала женщина.

— Я искал деревню Миклина, — ответил Эйдриан.

Лица всех четверых помрачнели, отчего в душе юного рейнджера снова вспыхнула надежда. Он рассказал о своих поисках, а также то, что слышал от Микаэля.

— Знаю такого, — сказал один из мужчин. — Мы с ним всегда играли в кости, когда сходились продавать меха.

Его голос понизился почти до шепота.

— Не знаю, свидимся ли еще, — вздохнув, добавил он.

— Ну и ударила же их судьба, — также испустив тяжкий вздох, произнесла женщина. — Всех разодрал проклятый зверь!

При этих словах ее передернуло.

— А что еще вам известно об этом звере? — привстав, спросил Эйдриан. — Я поклялся убить его.

— Ничего о нем не слыхала, пока он не напал на деревню Миклина, — ответила женщина, и двое мужчин дружно закивали.

— А я слышал про такого зверя в Палмарисе, — сообщил третий. — Давно это было, еще в годы чумы. Рассказывали, нынешняя королева Джилсепони вступила с ним в сражение прямо у ворот монастыря Сент-Прешес и с помощью магических сил прогнала прочь.

— За королеву Джилсепони! — подхватил один из мужчин, поднимая кружку с элем.

— Ну, так то было больше десяти лет назад, — протянула женщина. — Ты что ж,

думаешь, это все тот же тигр? Получается, он и на деревню Миклина напал, и еще троих возле Туберова Ручья задрал насмерть?

— Как вы назвали деревню? Туберов Ручей? — переспросил Эйдриан, но местные жители, увлеченные новым поворотом разговора, не обратили на его слова внимания.

— Конечно тот же, — утверждал мужчина, упомянувший про сражение в Палмарисе. — А до этого он задрал тамошнего барона Бильдборо. В человечьем обличье этот зверь был епископом Маркало Де'Уннеро. Таких злодеев еще поискать! И Полуночника тоже он убил, обернувшись тигром.

Остальные заохали и печально закивали; юноша же сидел, затаив дыхание. «Было ли все это уже предначертано ему судьбой?» — спрашивал он себя. Что это: добрый знак судьбы или ее злая уловка? Но в любом случае рейнджер чувствовал, что перед ним замаячила возможность отомстить за гибель отца.

Эйдриан внимательно слушал, как местные жители говорят про Полуночника и про человека-тигра Де'Уннеро. Они даже спорили о том, мог ли Де'Уннеро оказаться в тех краях, где стояла деревня Миклина. Потом спор перекинулся на то, кто в действительности убил великого рейнджера — Де'Уннеро или отец-настоятель Маркворт.

Когда споры утихли, Эйдриан спросил, как ему добраться до Туберова Ручья.

Поиски тигра продолжались. Теперь юный рейнджер двинулся на юго-восток, где на берегу Туберова Ручья стояла деревня с одноименным названием. Он добрался туда за несколько дней. И деревня, и настроение ее жителей были под стать серому зимнему небу.

Когда юноша объявил жителям Туберова Ручья, что намерен выследить и убить кровожадного зверя, у него не стало отбоя от желающих рассказать о страшной беде. Казалось бы, у Эйдриана сердце должно было сжиматься от ужаса, когда он слушал жуткую историю расправы тигра над тремя людьми; причем от одного остались лишь клочья окровавленной одежды. На самом деле, слушая об этом, юный рейнджер думал в основном о том, чем это приключение обернется лично для него. Будет ли оно новым грандиозным успехом, или он потерпит поражение?

— А как досталось бедняжке Садье, — причитала какая-то старуха. — Подумать только, она первая наткнулась на растерзанных зверем. Окровавленная одежда — больше от ее дорогого муженька ничего и не осталось. Как только бабонька умом не тронулась от горя!

— Первая, говоришь? — оживился Эйдриан. — А где мне найти эту Садью?

— Скорее всего, в Палмарисе, — ответил один из мужчин. — Как мы ни просили ее остаться, не захотела. Сказала, что вернется к родным. Теперь уже никто нам так не споет, как она.

— Садья не только пела, — возразила старуха, суеверно осенив себя знамением Вечнозеленой Ветви — абеликанского символа жизни. — Клянусь своими глазами и ушами: она была пророчицей!

— С чего ты это взяла? — спросил юноша.

— Однажды она спела нам точно про такого зверя, — отозвалась старуха.

— Садья пела песни и баллады, — объяснили Эйдриану. — Она сама сочинила балладу про деревню Миклина. И подумать только, такая же лихая участь постигла ее бедного мужа!

— Значит, эта Садья явилась к вам из деревни Миклина? — переспросил немало удивленный юноша.

«И тигр последовал за нею», — мысленно добавил он.

— Она говорила, что им с мужем пришлось проходить мимо той злосчастной деревни, — ответил какой-то мужчина. — А теперь, небось, идет в свой Палмарис. Храни ее Бог, чтобы добралась благополучно.

Кое-кто из жителей Туберова Ручья начал шептать молитвы, прося милости для бедной Садьи, но мысли Эйдриана были далеки от сочувствия к трагически овдовевшей певице.

— А о чем еще пела вам Садья? — осторожно спросил он.

Юноша поймал на себе несколько удивленных взглядов, однако его лицо оставалось невозмутимо-спокойным. Он ничем не выдал нараставших внутри него подозрений. Точнее

сказать, это были не подозрения, а скорее интуитивные догадки.

Деревенские жители спели ему множество песен, слышанных ими от Садьи. Иные были старинными, насчитывавшими не одну сотню лет. Другие явно принадлежали самой Садье. Одна из ее собственных песен сразу же привлекла внимание Эйдриана. Называлась она «Баллада о храбром Де'Уннеро».

Похоже, головоломка имела достаточно простую разгадку.

Юному рейнджеру предложили остаться в деревне и жить здесь столько, сколько он пожелает. Ему отдали ту самую хижину, где жила Садья со своим несчастным Калло. Как ни хотелось Эйдриану продолжить поиски человека-тигра, он благоразумно остался и прожил в Туберовом Ручье больше месяца. Днем он ходил на охоту или помогал жителям деревни по хозяйству, а на ночь всегда возвращался в свою хижину, плотно занавешивал маленькое окошко, закрывал дверь и обращался к Оракулу.

Эйдриан узнал и о Палмарисе, и о Де'Уннеро. Пусть то были лишь общие ощущения. Его главное открытие, сделанное за эти зимние ночи, заключалось в другом. Теперь юноша мог с уверенностью сказать, что призрачных фигур, передающих ему мысли, по меньшей мере две. Либо — он допускал и такую возможность — призрак все-таки один, но мысли и настроения его бывают весьма противоречивыми. Таким же противоречивым было и отношение призрака к человеку-тигру. Если в одну ночь он не скрывал своей ненависти к Де'Уннеро, то в другую его мысли свидетельствовали об уважении к этому странному человеку.

Однако Эйдриана больше интересовали не расплывчатые мысли, а точные сведения. Через несколько дней, сидя перед Оракулом, он повернул ход своих размышлений от прошлого к настоящему, пытаясь составить из обрывков сведений о человеке-тигре более или менее четкую картину. Юноша сопоставил все, что узнал о происшедшем в деревне Миклина, с рассказами о событиях вблизи Туберова Ручья. Не один ли и тот же зверь был их виновником?

По мнению Эйдриана, это было именно так, ибо сколько может существовать на свете таких тигров-оборотней? Если Микаэль говорил правду, тогда Бертрам Даль — или тот, кто так себя называл, — и был этим оборотнем.

Но если Бертрам Даль и Калло Крамп — одно и то же лицо, в чем Эйдриан был убежден, тогда откуда принесло в Туберов Ручей безутешную ныне Садью?

Вопрос этот никак не противоречил рассуждениям юного рейнджера, считавшего, что в какой-то момент Даль стал Крампом. Эйдриан наслушался достаточно причитаний по поводу окровавленных клочьев одежды Калло Крампа. Но если зверь разорвал одежду Крампа на мелкие кусочки, где, спрашивается, останки, пусть тоже растерзанные, тела самого Крампа? Этот очевидный вопрос почему-то не пришел в голову никому из жителей Туберова Ручья. Все они были убеждены в искренности Садьи и лишь вздыхали о том, каково сейчас ей, бедняжке, в одиночку брести по опасной зимней дороге.

Все эти догадки и сопоставления не давали покоя юноше. Теперь он уже не сомневался, что кровавую бойню в деревне Миклина устроил тигр-оборотень, а не обычный лесной хищник и тот же оборотень разодрал охотников из Туберова Ручья. Прошлое этого тигра было связано с Палмарисом и загадочным монахом по имени Маркало Де'Уннеро.

Впрочем, Эйдриан не столько верил в правильность своих умозаключений, сколько надеялся, что они окажутся верными. А если его подозрения оправдаются… как возрастет его слава, когда он вернется с боевым трофеем — головой тигра-оборотня! И это еще не все. Если его мысли о происхождении этого чудовища окажутся правильными и тигр-оборотень действительно является монахом из Палмариса… тогда подтвердятся и распространенные слухи о происхождении тигра-оборотня, связанном с магическими самоцветами или обусловленном их действием.

Когда Эйдриан думал об этом, его рука сама собой опускалась в мешочек с самоцветами, пальцы начинали скользить по гладкой поверхности камней. Уроки Дасслеронд легли на благодатную почву — врожденные способности юноши. Призрак в

Оракуле тоже успел многому его научить. Эйдриан был уверен, что сила меча и сила магических самоцветов позволят ему победить в любой битве.

В любой!

— Это же настоящая кочевая жизнь! — провозгласила Садья одним холодным зимним утром, и ее звонкий, задорный голос словно насмехался над обычно угрюмым настроением Де'Уннеро. — Мы странствуем по миру, останавливаемся, где понравится…

— И все идет прекрасно, пока не появится тигр, — напомнил ей Де'Уннеро.

— И в этом мы тоже похожи на бродяг-кочевников, — смеясь, продолжала Садья. — Едва их заподозрят в кражах, как они тут же садятся в свои повозки и исчезают.

Певица махнула рукой в направлении их собственной повозки. По виду она напоминала ящик на колесах и служила им также крышей над головой. Этим жилищем они обзавелись месяц назад, обнаружив брошенную кем-то повозку в одной из деревень. Сколько таких деревушек они оставили позади с того момента, как покинули Туберов Ручей! Повозка стала им настоящим домом, ибо они уже не осмеливались останавливаться где-либо надолго. Они оба изменили свою внешность: Садья коротко обрезала волосы, а Де'Уннеро обрил голову и теперь отращивал тонкие длинные усы. Но бывшего монаха все равно узнал бы каждый из уцелевших жителей деревни Миклина, которые, если верить слухам, после случившейся трагедии покинули селение и разбрелись кто куда. А в случае, если бы судьба столкнула их с кем-нибудь из обитателей Туберова Ручья, им пришлось бы… нет, просто невозможно представить, как бы они сумели объяснить чудесное воскресение Калло Крампа, растерзанного тигром.

И потому Маркало Де'Уннеро и Садья двигались все дальше, проводя в пути неделю за неделей. Иногда снежные заносы вынуждали их останавливаться, и тогда по ночам тигр-оборотень отправлялся на охоту, без труда добывая пропитание. Бывший монах выпускал зверя на волю постоянно, не менее одного-двух раз в неделю. Нередко Садья сама выманивала тигра, превращая лютню в демоническое орудие. Иногда певица не направляла Де'Уннеро, принявшего звериный облик, в лес, а оставляла подле себя. Она проводила рядом с опасным зверем целые часы; случалось — всю ночь напролет, и единственной защитой хрупкой женщине служила столь же хрупкая лютня.

Садья совершенно перестала бояться тигра, да и Де'Уннеро проникся уверенностью, что, находясь в зверином облике, он уже никогда не только не убьет свою подругу, но даже не причинит ей никакого вреда.

И все равно бывший монах не был полностью счастлив, хотя он искренне любил Садью и радовался тому, что она рядом. Внутренние страсти, терзавшие Де'Уннеро, находили выход в жарких любовных слияниях и высвобождении звериной части его сущности. Однако его не покидало жгучее чувство досады за бесцельно прожитые десять лет. Общество Садьи скрасило его скитания, но жизненный путь Маркало Де'Уннеро по-прежнему был лишен цели.

Наверное, самыми волнующими для Де'Уннеро были моменты, когда он в облике тигра мчался по лесу, издавая громкое, устрашающее рычание. Он знал: этот грозный звук разнесется на многие мили окрест и непременно долетит до какой-нибудь близлежащей деревушки. Он представлял, как задрожат, услышав его, испуганные обитатели здешних мест. Возможно, отыщутся смельчаки, которые рискнут охотиться на него, тем хуже для них! Такие убийства Де'Уннеро вполне оправдывал.

В один из теплых вечеров поздней весны восемьсот сорок первого года Господня ветер донес рык тигра-оборотня до небольшой деревни. Его слышали все, в том числе и юный рейнджер, незадолго до этого оказавшийся в здешних краях.

Эйдриан мгновенно вскочил с постели. Он сел, широко раскрыв глаза. Сердце юноши бешено заколотилось. Ему понадобилось несколько минут, чтобы одеться, взять мешочек с самоцветами, меч и выйти из хижины, которую местные жители отвели ему под жилье.

На лужайке, заменявшей деревенскую площадь, толпились возбужденные и

испуганные обитатели деревни.

— Это и есть твой зверь? — спросил кто-то у подошедшего Эйдриана.

Воздух сотрясло новое рычание. Юный рейнджер увидел, как дети испуганно вцепились в своих родителей. Это зрелище почему-то глубоко его взволновало, однако он напомнил себе, что трусость, пусть даже в таком нежном возрасте, мешает человеку вырасти настоящим воином. Если бы он провел детство, цепляясь за юбку матери или даже госпожи Дасслеронд, ему бы сейчас не хватило смелости отправиться в темный лес навстречу опасности.

— Обожди до утра, тогда хоть следы увидишь, — пытались уговорить рейнджера местные жители.

— Прежде чем рассветет, я успею содрать с этого зверя шкуру, — ответил Ночной Ястреб, решительно кладя ладонь на рукоятку меча.

Другая рука, как всегда, была погружена в мешочек с самоцветами, и это придавало Эйдриану уверенности. Он вышел из деревни и скрылся в темноте. Чтобы не заблудиться в темном и незнакомом лесу, он использовал все навыки, которым научили его эльфы. Дар эльфов помогал ему сохранять ясность мышления и держать все мышцы тела в боевой готовности.

Их встреча произошла в самой чаще леса, далеко от деревушки, которую покинул рейнджер. То ли он нашел тигра, то ли тигр учуял его — теперь это уже не имело значения. Громадный зверь внезапно выскочил на него из темноты, но едва Эйдриан занял надлежащую оборонительную позицию, приготовившись к столкновению лоб в лоб, тигр метнулся в сторону, пытаясь обойти его.

Подозрения юноши полностью подтвердились: его противник не был обыкновенным лесным зверем. В глазах тигра отражался разум; злобный, но явно человеческий. С какой беспощадной ясностью зверь-оборотень показал это юному рейнджеру! И только через несколько минут, в течение которых Эйдриану пришлось медленно поворачиваться, чтобы все время держаться лицом к противнику, он вспомнил про гематит. Левая рука по-прежнему сжимала камень. Значит, сам того не ведая, он направлял в гематит свои мысли, а магический самоцвет помогал ему лучше понять природу этого необычного зверя.

Эйдриан не успел обдумать, как лучше воспользоваться новой возможностью, — тигр прыгнул на него.

Юный рейнджер метнулся вбок и нанес удар плашмя. Меч лишь слегка задел полосатый бок зверя. В ответ тигр отпихнул его задней лапой, когти которой проехались Эйдриану по предплечью.

Он поспешно отступил и быстро осмотрел рану. К счастью, та оказалась неглубокой. Осознав, что такой противник не прощает ни малейшей неточности, Эйдриан настроился на более серьезные и решительные действия.

Тигр развернулся и снова изготовился к прыжку. Рейнджер быстро занял оборонительную позицию, вытащил из мешочка и зажал в кулаке другой самоцвет. Едва он начал входить в магию камня, как тигр с неистовой силой рванулся вперед. Эйдриан нанес колющий удар, однако он не остановил тигра-оборотня. Передняя лапа зверя задела плечо рейнджера, повалив его на землю.

Когти уже почти касались лица Эйдриана, оскаленная пасть тигра, уворачиваясь от меча, тянулась к горлу юноши. Если бы не сотворенная им молния, жизнь рейнджера оборвалась бы через считанные секунды… Вспышка, сопровождаемая громким треском, на мгновение озарила лес. Ее удар поднял тигра в воздух и отшвырнул в сторону.

Эйдриан мгновенно вскочил на ноги и понял: молния не причинила быстрому и сильному зверю почти никакого вреда. Рейнджер выпустил в него вторую молнию, но тигр с невероятной легкостью отскочил в сторону.

Усилием воли юноша заставил себя успокоиться и вновь взялся за гематит, передавая камню души энергию своих мыслей.

Эйдриан ощутил магию, защищавшую тигра-оборотня; она тоже была магией самоцветов, очень похожей на ту, что применял он сам. Рейнджер почувствовал колоссальную силу воли зверя, и его уважение к противнику только возросло. Однако юноша не допускал мыслей о поражении и, ощущая бешеное противодействие тигра, обрушил на него всю силу своей магии, пытаясь прорваться сквозь звериные инстинкты к разуму этого существа.

Их духовное противостояние длилось несколько минут. И хотя оба противника оставались неподвижными, их схватка продолжалась с не меньшим напряжением. С решимостью, рожденной многими годами обучения у эльфов, унаследованной от родителей и вызванной еще чем-то непонятным, но невероятно сильным, Эйдриан обрушил на зверя поток энергии своих мыслей, пытаясь силой своей воли воздействовать на его сознание.

С таким же успехом он мог пытаться загнать дым обратно в очаг. Рейнджеру удалось пробить бреши в стене сопротивления зверя, но они вели в пустоту. За ними ничего не было.

Эйдриан ощутил страх. Это несколько ослабило его сосредоточенность, и тигр вновь обрел возможность двигаться. Первым побуждением юноши было занять оборонительную позицию, но вся его натура противилась пораженческой тактике ведения боя. Вместо этого юноша вновь углубился в гематит и, собрав всю свою силу, ударил тигра сгустком энергии мыслей, вынудив его, как и в первый раз, застыть на месте. Но теперь вместо того, чтобы посылать собственные мысли, он решил воспринять мысли своего противника. Возможно, в них он найдет подсказку для дальнейших действий. И действительно, Эйдриан уловил какую-то уязвимую сторону в этом грозном существе. Сожаление? Раскаяние? Определения этому чувству юный рейнджер не нашел: ему было достаточно того, что оно существует. Изменив тактику, он отправил зверю мысли, полные симпатии и сострадания, раздувая в его сознании искорку человечности, призывая биться против общего дикого и необузданного врага.

Маркало Де'Уннеро так и не понял, что пробудило его человеческую сущность. Он лишь полностью начал осознавать происходившее, хотя по-прежнему находился в облике тигра. Но он чувствовал сознанием чей-то зов, и этот зов нес ему уверенность: если он встанет на сторону неведомого голоса, они вдвоем совладают с тигром. Де'Уннеро понимал, что ведет смертельную схватку, и все же он не мог противиться искушению, исходившему от этого голоса, и позволял ему окутывать и завораживать себя.

Потом он услышал, как хрустнули кости, ощутил боль, сопровождавшую обратное превращение, и инстинкты зверя опять уступили место человеческим чувствам.

У него еще оставались силы, чтобы отпрыгнуть в сторону и держаться подальше от коварного меча своего противника. В моменты обратного превращения Маркало Де'Уннеро был практически беззащитен.

Вскоре Де'Уннеро в своем человеческом облике уже стоял возле дерева, внимательно вглядываясь в показавшееся ему чем-то знакомым лицо стоявшего перед ним юноши. По дерзкой, самоуверенной улыбке противника Де'Уннеро заключил, что неожиданно быстрое возвращение в человеческий облик произошло не без его помощи. Кто он? Явно не абеликанский монах. По возрасту — чересчур молод даже для вступления в орден. Тогда кто и где научил его владеть силой магических самоцветов?

— Кто ты? — спросил снедаемый любопытством Де'Уннеро.

Можно сказать, что Эйдриан заслужил право на эту торжествующую улыбку. Он прекрасно понимал, что тигр превосходил его по силе. Он признавал эту горькую правду, признавал, что хищник был намного массивнее, намного быстрее в своих движениях и лучше вооружен, если сравнивать могучие когтистые лапы тигра с этим убогим мечом. И все же он, Эйдриан, одолел тигра! Он заставил зверя исчезнуть, и теперь перед ним — всего-навсего обнаженный человек, причем намного старше его самого. Судя по всему, силы у его противника на исходе, раз он так тяжело дышит, привалившись к дереву.

— Я рассчитывал принести жителям деревни голову тигра, — холодно объявил вместо

ответа Эйдриан. — Но им будет достаточно и твоей головы.

Он взмахнул мечом и двинулся на Де'Уннеро.

— Меня зовут Тай'маквиллок, — продолжал юный рейнджер. — Хорошо запомни это имя на весь остаток своей никчемной жизни, хотя победа над тобой едва ли что-то прибавит к моей известности!

Произнеся эти слова, Эйдриан крадучись стал обходить вокруг дерева, чтобы отрезать своему противнику путь к отступлению.

К его удивлению, тот вышел вперед, где уже ничто не могло его защитить, и остановился, глядя на рейнджера.

— Тай'маквиллок? — повторил Де'Уннеро, удивленный непривычно звучащим, явно эльфийским именем.

Имя Тай'маквиллок живо напомнило ему другое, очень похожее на это. Имя одного из самых грозных его противников.

Юноша приблизился к бывшему монаху вплотную и угрожающе навел на него меч.

— Если ты готов сдаться на милость жителей деревни, я отведу тебя к ним, — заявил он. — Если нет, убью прямо на месте.

— Не думаю, чтобы я нуждался в милости каких-то жалких крестьян, — спокойно отозвался Де'Уннеро. — В равной степени я не горю желанием умирать здесь.

— Другого выбора у тебя нет, — заявил Эйдриан.

— Ну так убей меня, мальчик, — презрительно усмехнувшись, предложил ему Де'Уннеро.

Воспитанник эльфов особо не раздумывал ни над этой усмешкой, ни над возможными причинами странной уверенности в поведении его противника. А ведь все истории, которые ему довелось услышать, даже те, в которых прослеживалась некая связь между тигром-оборотнем и бывшим епископом Де'Уннеро, убийцей его отца, говорили об удивительных боевых способностях этого человека.

Нет, юному рейнджеру было сейчас не до раздумий. Человек или тигр — это существо в любом случае заслужило смерть. Эйдриан резко взмахнул мечом и нанес сильный удар. Точнее сказать, попытался его нанести, ибо мгновенно занесенная нога противника, коснувшись плоскости лезвия, отвела меч в сторону.

Юноша, еле удержав равновесие, успел уклониться от удара ногой в лицо. Де'Уннеро неотвратимо наступал. Руки бывшего монаха мелькали в воздухе, словно две разъяренных змеи, его ноги то и дело оказывались в опасной близости от лица Эйдриана. Он сумел кулаком несколько раз ударить его по правой руке, едва не выбив меч.

Рейнджер попытался нанести боковой удар, однако Де'Уннеро, мгновенно оказавшись вне пределов досягаемости лезвия меча, в прыжке сделал ногами «ножницы». Более слабому противнику такой маневр неминуемо раздробил бы локоть. Но прошедший школу эльфов Эйдриан успел вовремя согнуть правую руку и перекинул меч в левую. Метнувшись навстречу противнику, он нанес удар снизу.

Однако бывший монах предугадал замысел юноши и, совершив кувырок назад, ушел из-под удара. Вновь оказавшись на ногах, Де'Уннеро преградил путь наступавшему противнику. Его руки и ноги стремительно и безошибочно отражали любые попытки рейнджера поразить клинком тело бывшего монаха.

Вдруг Де'Уннеро стремительно исчез из поля зрения. Только инстинкт заставил Эйдриана отскочить в сторону, ибо в следующее мгновение его противник буквально свалился ему на голову. Юноша почувствовал боль в правой ноге, однако сумел устоять, подавшись телом вперед.

Рейнджер не совсем понял, что произошло. Его противник распростерся на земле, подогнув под себя ногу и неуклюже отставив в сторону другую. Эйдриан почувствовал его беспомощность, и это ощущение еще более подкрепилось внезапно раздавшимися звуками музыки, которая звучала все громче и громче, — он воспринял ее как знамение своей скорой победы. Юноша неторопливо развернулся, чтобы нанести смертоносный удар мечом.

Положение Де'Уннеро на первый взгляд действительно могло показаться безнадежным. Но только на первый. Он не зря потратил много лет, обучая свое тело совершать поистине невероятные движения. Еще задолго до того, как в нем поселился тигр-оборотень, бывший монах снискал славу величайшего воина, когда-либо взращенного в стенах Санта-Мир-Абель.

Едва Эйдриан занес меч над распростертым телом противника, как тот, резко поднявшись, нанес рейнджеру сильнейший удар ногой в область сердца.

Юноша кубарем покатился по земле, отчаянно пытаясь за что-нибудь уцепиться и встать в боевую стойку. Но Де'Уннеро был уже рядом и, заломив правую руку рейнджера, без труда завладел его мечом.

Эйдриан со всей силы ударил его в лицо левой рукой. Бывший монах лишь слегка пошатнулся и, улыбнувшись, швырнул меч в кусты. Взревев, рейнджер бросился на Де'Уннеро, веря, что справится с ним и в рукопашной схватке, однако оказался подброшенным в воздух, попавшись на один из любимых приемов своего противника. На этот раз приземление не было столь удачным, тем не менее юноша все же сумел привстать на колено и повернуть голову в сторону бывшего монаха. Последнее, что он видел, перед тем как потерять сознание, была стремительно приближающаяся нога Де'Уннеро…

— Жаль убивать такого хорошенького мальчика, — услышал Де'Уннеро голос Садьи. — Он прекрасно сражался.

— Слишком даже хорошо, — ответил тот, склонившись над телом противника.

Бывший монах тяжело, с хрипом дышал. Все его тело кровоточило от ран и царапин, нанесенных мечом рейнджера.

— Мне уже доводилось видеть такой стиль боя, но ни королевские гвардейцы, ни абеликанские монахи им не владеют.

Взглянув на подругу, Де'Уннеро почувствовал ее любопытство.

— А ты помогала мне во время сражения, — сказал он. — Я догадался: своей музыкой ты специально разожгла в этом мальчишке ложную уверенность в победе.

— Я не собиралась… — начала было Садья, но Де'Уннеро не дал ей договорить.

— Я всегда считал, что смогу легко справиться с любым противником, хоть в человеческом обличье, хоть в тигрином. В особенности — с таким юнцом. Но то, как он вел сражение… мне знаком этот стиль, потому что так сражались Полуночник и Джилсепони…

Де'Уннеро покачал головой и негромко рассмеялся.

— Он сказал, что его зовут Тай'маквиллок. Звучит как эльфийское имя. Я знал только одного человека с похожим именем — Тай'марави, что значит Полуночник. Совпадение?

— Спроси у него, — ответила певица, махнув рукой в сторону Эйдриана.

Услышав стон, Де'Уннеро понял, что его юный противник начинает приходить в себя.

Взяв у Садьи пояс, бывший монах подошел к Эйдриану, приподнял его и крепко привязал к дереву.

— Он меня страшит, — призналась его подруга.

Де'Уннеро было странно слышать подобные слова от женщины, которая столько раз вела опасную игру с тигром.

— Он еще совсем мальчишка, — возразил он.

— Но этот мальчишка остался в живых только потому, что прекрасно владеет магией камней и сумел обуздать тигра, — напомнила ему певица.

— Не совсем так, — быстро поправил ее бывший монах. — Он лишь помог мне сосредоточиться и одержать верх над зверем.

— Во время сражения? — недоверчиво спросила Садья.

— Я знал, что и в своем человеческом облике смогу победить его, — раздраженно ответил бывший монах.

— Но в храбрости ему не откажешь, — сказала певица. — Как ни назови его — мальчишкой или Тай'маквиллоком, — дело не в имени. Он великолепно владеет магией самоцветов и столь же искусно — мечом.

— Так владеть мечом его могли научить только эльфы, — задумчиво произнес Де'Уннеро. — У него такой же стиль сражения, какой был у Элбрайна Виндона. А по силе владения самоцветами он напоминает Джилсепони.

Он тряхнул головой.

— Это никак не может быть простым совпадением!

— Я ничего не знаю об этом, — вздохнула Садья.

Она снова поглядела на пришедшего в себя Эйдриана.

Привязывая юношу к дереву, Де'Уннеро предусмотрительно заломил ему руки за спину.

— Взять хотя бы этот мешочек с самоцветами, — продолжал Де'Уннеро, подбросив его на ладони. — Вне церковных кругов только один человек владел таким, а потом этот мешочек таинственным образом исчез во время грандиозной битвы в Чейзвинд Мэнор.

— Значит, эльфы выкрали самоцветы и затем передали их этому юному воину, — не слишком уверенно предположила его подруга.

Де'Уннеро понял, что, невзирая на все его рассказы, маленькая певица не верила в существование эльфов.

— Может, эльфы послали этого воина отомстить за гибель Полуночника? — спросила она.

Бывший монах неопределенно кивнул. К чему гадать, если сейчас можно получить ответы на все вопросы? Прихватив мешочек, он подошел к дереву.

— Откуда у тебя эти камни? — спросил Де'Уннеро, нагнувшись к Эйдриану.

Юный рейнджер отвел взгляд.

Тогда Де'Уннеро ударил его по лицу.

— Я должен знать, ради чего сохраняю тебе жизнь, — сказал он, грубо повернув лицо юноши так, чтобы смотреть прямо в его голубые глаза, показавшиеся бывшему монаху странно знакомыми.

Эйдриан, как только мог, отводил взгляд прочь.

— У меня нет желания тебя убивать, — сказал Де'Уннеро.

Юноша вдруг повернулся и жестко поглядел на него.

— Ты бы не одолел меня без ее помощи, — процедил он сквозь зубы.

Де'Уннеро рассмеялся неистребимой дерзости побежденного им противника. На самом деле его впечатлили сила и умение юного упрямца. Он понимал, что в начале битвы недооценил все эти качества и едва только стал в них разбираться, как вмешалась Садья со своей музыкой. Впрочем, бывшего монаха не слишком волновало, хвастается этот юнец или говорит правду. Молодой Маркало Де'Уннеро немедленно развязал бы Эйдриана, вручил ему меч и быстро показал бы, чего стоят его хвастливые заявления. Но человек, глядевший сейчас в глаза своему противнику, считал, что молодой Маркало Де'Уннеро наделал слишком много глупостей.

— Откуда у тебя эти камни? — повторил он свой вопрос, поднеся мешочек к лицу Эйдриана.

Ответа и на сей раз не последовало.

— Зачем ты упрямишься? — спросил его Де'Уннеро. — Быть может, юный дуралей, я тебе вовсе не враг. И быть может, тебе совсем незачем умирать.

— А моему отцу нужно было умирать? — резко спросил Эйдриан, сверля Де'Уннеро глазами.

Тот смешался, не зная, что ответить. Может, отец этого мальчишки был одной из жертв тигра-оборотня? Возможно, он сын какого-то охотника из деревни Миклина. Или сын одного из разбойников, вторгшихся туда вместе с Садьей в то злополучное утро.

— Этого я не знаю, — честно ответил бывший монах. — А ты считаешь, он не заслужил смерти?

— Я этого тоже не знаю, поскольку никогда его не видел, — тихо и угрюмо ответил юноша.

Де'Уннеро вновь рассмеялся.

— Меня забавляют твои загадочные слова, — воскликнул он. — Но если ты не перестанешь говорить загадками…

— Полуночник, — прорычал Эйдриан.

Бывший монах оцепенел.

— Моим отцом был Тай'марави, Полуночник. И ты его убил.

Де'Уннеро понадобилось некоторое время, чтобы успокоить дыхание. Он уже догадывался об этом, но признание, услышанное из уст Эйдриана, прозвучало для бывшего монаха как раскаты грома.

— А ты, стало быть, Тай'маквиллок.

— Да, Ночной Ястреб, — подтвердил юный рейнджер.

— Тогда кто твоя мать? — быстро спросил Де'Уннеро, но Эйдриан опять отвел глаза.

Де'Уннеро снова ударил его по лицу и заставил взглянуть на себя.

— Я действительно сражался с твоим отцом, — признался он. — Мы несколько раз сходились с ним в поединке. Причины наших битв достаточно сложны, чтобы рассказать о них в двух словах. Но можешь мне поверить: я не убивал его. В этом повинен другой человек. А теперь скажи мне, кто твоя мать?

— Госпожа Дасслеронд из Кер'алфара, — почти без запинки ответил Эйдриан. — Единственная мать, которую я знал, да и та недостойна, чтобы о ней помнить.

Душевная боль, с какой юный рейнджер произнес эти слова, сразу же отразилась на его лице, что не ускользнуло от внимания Де'Уннеро. Правда, мысли бывшего монаха сейчас были заняты совсем другим… Этому мальчишке не больше шестнадцати. Пятнадцать лет назад Джилсепони была беременна. Маркворт уничтожил ее нерожденное дитя во время битвы на поле близ Палмариса. Во всяком случае, потом все только и говорили, что она потеряла ребенка.

Так не госпожа ли Дасслеронд спасла тогда Джилсепони от отца-настоятеля Маркворта?

Мозг Де'Уннеро лихорадочно работал. Если этот Ночной Ястреб — сын Полуночника, а Де'Уннеро чувствовал, что так оно и есть, тогда его мать — Джилсепони. Мальчишка, похоже, даже не подозревает об этом. И его глаза! Бывший монах прекрасно помнил эти голубые глаза. У Ночного Ястреба были глаза Джилсепони.

Маркало Де'Уннеро чувствовал, что победа, одержанная им сегодня, не шла ни в какое сравнение со всеми его прежними победами.

ГЛАВА 19
ПАМЯТЬ И АМБИЦИИ

Джилсепони стояла на поле с пожухлой бурой травой. Над головой серело небо. Женщина смотрела на такие же серые возвышавшиеся стены. Их камни, потрескавшиеся и выщербленные природной стихией, говорили о многовековой традиции веры, столь же давней и величественной, как и само королевство. Пожалуй, ни один человек в Хонсе-Бире не мог взирать на громаду монастыря Санта-Мир-Абель без глубокого внутреннего трепета. Аббатство стояло на самой вершине утеса, глядя на темные и холодные воды залива Всех Святых. Монастырские стены растянулись на целую милю. Украшенные искусной резьбой, увенчанные статуями святых и всех отцов-настоятелей аббатства, эти массивные стены также служили своеобразными скрижалями абеликанского ордена, символом его непреходящей силы. Кто-то, глядя на них, получал успокоение и уверенность, а кто-то…

В Джилсепони вид этих стен по-прежнему будил гнев и отвращение. В подземных застенках монастыря окончили свои дни ее приемные родители — Грейвис и Петтибва Чиличанки. Здесь же томился Смотритель. Если бы тогда Джилсепони и Элбрайн не спасли кентавра, его ожидала бы та же участь — быть замученным или брошенным умирать от голода. Здесь началось жуткое судилище над правдивым и стойким магистром

Джоджонахом, которого затем сожгли у позорного столба на площади близлежащей деревни. За этими стенами долгие годы обитал некогда всемогущий отец-настоятель Маркворт, виновный в том, что она потеряла ребенка.

Как в свое время она мечтала разнести в прах этот монастырь!

Теперь Джилсепони, оставившая прошлое позади, могла подавлять в себе эти чувства. Она научилась видеть дальше своего гнева и горечи личных потерь. В истории Санта-Мир-Абель были не только мрачные и позорные страницы, и Джилсепони знала об этом. Ведь стены монастыря возводили те, кого вдохновляли высокие идеалы, кто верил, что помимо собственной личности и тусклой повседневности существует нечто более величественное. Здесь начинался путь таких воинов за добро и истину, как Эвелин Десбрис и Браумин Херд. Здесь в беспросветной тьме эпохи Маркворта для многих рождалась надежда.

С мыслями об этом королева Джилсепони приблизилась к монастырским воротам, возле которых увидела врытый в землю камень с выбитыми на нем словами:

> Здесь в канун 830-го года Господня брат Фрэнсис Деллакорт обрел свою душу.
> И здесь же летом 831-го года окончил он дни свои,
> устыдивши нас и показав, каким злом является
> ГОРДЫНЯ.
> Отказавшись признать это,
> мы, скорее всего, впали бы в заблуждение.

Епископ Браумин рассказывал ей про эту надпись. Помнится, он многозначительно улыбнулся, добавив, что магистр Фио Бурэй горячо одобрил эти слова.

— Чего только люди не сделают ради собственной выгоды, — прошептала Джилсепони, обращаясь мыслями к неистовому однорукому магистру. Она прекрасно знала: когда Фрэнсис покинул стены Санта-Мир-Абель, чтобы помогать жертвам розовой чумы, Бурэй осудил его. Он не желал даже косвенно помочь обреченным людям, предпочитая отсиживаться в монастыре и оправдывая это традициями ордена. Джилсепони помнила, с каким облегчением и даже радостью встретил магистр Бурэй весть о болезни самого Фрэнсиса. Это оправдывало его собственную трусость, прикрытую велеречивыми рассуждениями об особой миссии абеликанского ордена как хранителя духовных ценностей человечества.

Брат Фрэнсис умер на глазах Джилсепони, умер удовлетворенным и исполненным надежды, что заслужил искупление своих былых грехов.

С грустной улыбкой смотрела она на строчки памятной надписи. Она вспоминала, как сурово ополчился Фио Бурэй на Фрэнсиса, когда тот, бывший ставленник Маркворта, повернул против него… А теперь королева Джилсепони, начальствующая сестра аббатства Сент-Хонс, прибыла сюда, чтобы подать свой голос за избрание магистра Бурэя новым отцом-настоятелем ордена Абеля.

Она сознавала всю горькую иронию момента. В самом начале баффэя — третьего месяца года — Джилсепони одновременно получила известие о кончине отца-настоятеля Агронгерра и приглашение на Коллегию аббатов. Вскоре она выехала из Урсала и в течение всего пути сюда размышляла, не стоит ли ей отдать свой весомый и влиятельный голос за епископа Браумина. Однако Браумин Херд был слишком молод и неопытен для подобного поста и едва ли мог рассчитывать на поддержку магистров Санта-Мир-Абель, да и всех остальных монастырей к востоку от Мазур-Делавала. А если она, проявив упрямство, убедит друзей и союзников Браумина голосовать за него, это не принесет победы епископу, зато лишит Фио Бурэя столь необходимых ему голосов.

И тогда ее благие намерения расчистят путь к желанной цели настоятелю Олину.

Король Дануб просил жену сделать все возможное, чтобы этот человек не был избран на высший в абеликанской церкви пост. Как бы ни относилась Джилсепони к однорукому магистру, она сознавала: избрание главой церкви Абеля аббата Олина, известного своими

тесными связями с Бехреном, окажется катастрофой не только для ее мужа, но и для всего Хонсе-Бира.

Итак, Фио Бурэй искренне ратовал за надпись на камне, установленном в память о брате Фрэнсисе Деллакорте. Столь же искренне он убеждал Джилсепони стать епископом Палмариса, а затем и начальствующей сестрой Сент-Хонса. Он стремился не только упрочить позиции церкви в Палмарисе, но и заручиться голосом Джилсепони на Коллегии аббатов. Если отбросить всю дипломатическую казуистику, расчет однорукого магистра был не таким уж и хитрым. Он прекрасно знал, что, будучи королевой Хонсе-Бира, Джилсепони предпочтет любого кандидата, даже самого Бурэя, только не настоятеля Олина из Сент-Бондабриса.

Думая о дипломатических ходах Бурэя, Джилсепони невольно улыбнулась. Конечно, ему далеко, очень далеко до отца-настоятеля Маркворта. В первую очередь Фио Бурэй страстно желал остаться в памяти народа Хонсе-Бира. Какими бы ни были его личные чувства или недостатки, ему приходилось действовать так, чтобы оставить добрую память о себе. Иными словами — действовать в интересах народа. Бурэй видел, какой любовью пользовалось в народе имя Эвелина — да и могло ли быть иначе в те годы, когда только-только было побеждено страшное бедствие, которое принесло с собой нашествие розовой чумы? И теперь он будет стараться быть во главе народной любви к Эвелину. Ему просто придется это сделать.

Джилсепони чувствовала, что может с чистой совестью отдать свой голос за Фио Бурэя. Как говорят, не мил посланник, да послание дорого. А послание отца-настоятеля Бурэя в эти времена явно будет благодатным и даже благотворным.

Глубоко вздохнув, Джилсепони прошла через массивные ворота Санта-Мир-Абель.

— Зверь возвращается, — предупредила Эйдриана Садья, отодвинув занавеску, отделявшую его половину домика от той, где жили она и Де'Уннеро.

Эйдриан удивленно посмотрела на певицу. Он слышал звуки их страстных любовных утех, потом странные звуки лютни, как будто Садья специально расстроила инструмент, чтобы резать слух гнусавыми нотами. Здесь явно не обошлось без магии, — подумал рейнджер. Ряд диссонансных аккордов и появление тигра-оборотня не могли оказаться простым совпадением.

— Если зверь вырвется наружу, мы опять останемся без дома, — произнесла певица.

— Вряд ли эта деревня является нашим домом, — возразил юноша.

— И потому Ночной Ястреб позволит тигру убивать невинных жителей? — лукаво усмехнулась Садья.

Эйдриан пристально посмотрел на маленькую певицу. Ему не было дела до жителей этой деревни. За те недели, что он провел в странствиях вместе с Де'Уннеро и Садьей, его презрение к роду человеческому только возросло. Удивительно: единственными после Бринн Дариель людьми, к которым он испытывал уважение, были вероятный убийца его собственного отца и женщина, которую этот человек взял в любовницы.

— Помешай тигру вырваться наружу, — велела юноше Садья. — Загони его обратно.

Эйдриан взял поданный ею гематит, встал с постели и решительно направился на другую половину.

Болезненное превращение Де'Уннеро уже началось; ноги бывшего монаха успели превратиться в задние лапы тигра.

Юноша легко погрузился в магию гематита, соединив свой дух с той человеческой искоркой, которая еще оставалась сейчас в этом звере. Дух рейнджера пробивался к разумной сущности Маркало Де'Уннеро.

Вскоре трое столь не похожих друг на друга людей сидели возле стола. Молчание их было долгим. Наконец Де'Уннеро кивнул Садье. Певица достала мешочек Эйдриана и пододвинула к нему.

— Ты их заслужил, — произнесла она.

Бывший монах хлопнул юношу по плечу, встал и пошел к постели. Улыбнувшись рейнджеру, Садья тоже поднялась из-за стола.

— Я не желаю всю жизнь скитаться по глухим деревням, — крикнул им в спину Эйдриан.

Де'Уннеро остановился, медленно повернулся к юному рейнджеру и окинул его внимательным взглядом.

— Мы отправимся в Палмарис, — сказал он. — Уверен, в этом городе тебе понравится.

Эйдриан широко улыбнулся и сжал в руке мешочек с самоцветами — доказательство завоеванного им доверия. Он нашел спутников… возможно, даже друзей. Во всяком случае, этих людей он мог уважать. Он столько успел узнать от них за эти недели! Старинные песни, которые пела Садья, рассказывали ему о прошлом. А бесподобное воинское искусство Маркало! Оказалось, не только эльфы, но и абеликанские монахи веками оттачивали боевое мастерство. И мудрость, лежащую в его основе.

В далекой глуши, в неприметной, совершенно заурядной деревушке, только что произошло величайшее событие — соединение церкви и государства. По своей силе и значимости оно было сродни назначению королевы Хонсе-Бира начальствующей сестрой Сент-Хонса. Здешнее соединение власти духовной и светской обещало неузнаваемо и бесповоротно изменить мир.

А в это время за сотни миль от неприметной деревушки королева Джилсепони наблюдала избрание Фио Бурэя отцом-настоятелем абеликанского ордена.

«Было ли это благом?» — не переставала спрашивать себя Джилсепони. И в который раз отвечала: «Фио Бурэй — меньшее из двух зол». Эта мысль заставила ее бросить взгляд в ту часть громадного зала, где, склонив голову и выпятив свой горб, сидел аббат Олин. Его редкие седые волосы, окружавшие лысую макушку, торчали в разные стороны. Едва Фио Бурэй начал произносить слова священной клятвы, старик прикрыл трясущейся рукой глаза.

У Олина были длинные морщинистые руки. За много десятков лет, проведенных под палящим южным солнцем, его кожа приобрела пергаментный оттенок. Но от этого человека не исходило ощущение слабости, и на самом деле он был не так уж стар. Он был способен на страстную, зажигательную речь, какую и произнес перед голосованием.

Джилсепони видела, как сникли под его железным взглядом несколько бывших союзников, переметнувшихся на сторону Бурэя. Большинство магистров и настоятелей, присутствующих в зале, повторяли сейчас общую молитву, что следовало бы сделать и королеве. Но она не молилась. Настоятель Олин тоже не желал молиться о даровании здоровья и мудрости отцу-настоятелю Фио Бурэю. Он молча сидел, глядя на одержавшего над ним верх соперника, и голова его непроизвольно подергивалась. Сжав свои худощавые руки в кулаки, аббат Олин водил костяшками пальцев по ладоням.

Джилсепони не сомневалась: окажись сейчас в руках Олина арбалет, Фио Бурэй был бы убит наповал.

— Церковь ждут беды, — сказала Джилсепони епископу Браумину, когда церемония завершилась и друзья нашли укромный уголок, чтобы поговорить без помех.

— Они и не прекращались, — отозвался Браумин. Голос его звучал несколько легкомысленно. Он хотел уже было засмеяться, но увидев, что королеве совсем не до смеха, посерьезнел.

— Ты имеешь в виду аббата Олина? — спросил епископ Палмариса.

— Олин не согласен с избранием Бурэя, — сказала Джилсепони.

— У него нет иного выбора, — напомнил ей Браумин. — Решение Коллегии аббатов не оспаривают.

Формально епископ был прав, однако логика его слов не уменьшила тревожного внутреннего чувства, оставшегося у нее после наблюдения за Олином.

— Быть беде, — повторила королева.

Епископ Браумин шумно вздохнул.

— Ты права, — примирительно сказал он. — Такова природа человека и в еще большей степени — природа нашей церкви с ее вечным соперничеством из-за власти.

— Фио Бурэй сказал бы, что ему странно слышать подобные слова из уст епископа, — заметила Джилсепони. — Особенно из уст человека, еще достаточно молодого, но достигшего таких высот власти. Ведь ты являешься третьим по могуществу лицом в церкви после Бурэя и Олина.

Браумин Херд немного подумал над ее словами, после чего усмехнулся.

— Внешне, наверное, так оно и есть, — согласился он, — но я не стремлюсь к власти ради собственной корысти.

Мне этого не надо. Я несу ответственность за то, чтобы у людей была более достойная жизнь, и только.

Браумин поглядел королеве в глаза и снова усмехнулся.

— А разве твое назначение связано с чем-то другим?

Постепенно суровое выражение на лице Джилсепони смягчилось. Наконец она улыбнулась. Она давно знала цену епископу Браумину Херду — человеку, рука об руку боровшемуся вместе с ней и Элбрайном и не раз рисковавшему своей жизнью. Произнося сейчас эти слова, он ничуть не кривил душой. И Браумин был прав: Джилсепони могла бы сказать то же самое о власти, которой теперь располагала.

— Быть может, прежде, чем настоятелю Олину удастся напроказничать, Бог заберет его в более высокие сферы, — подмигнув, весело произнес Браумин. — Хотя, боюсь, без сплетен и интриг в нашем ордене станет куда скучнее.

Джилсепони не удержалась от смеха.

Но тревожное чувство все равно не покидало королеву. Внешнее спокойствие казалось ей обманчивым. Как в церкви, так и в государстве.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
День тревог

Сколь о многом узнал я за эти месяцы, проведенные с Маркало Де'Уннеро и певицей Садьей! Меня пробирает дрожь при мысли, что я собирался убить этого человека, так много рассказавшего мне о прошлом мира и о сравнительно недавних событиях, в которых он сыграл большую роль.

У него нет — и никогда не было — ненависти к моему отцу. Поначалу я не поверил его словам, но когда обратился к Оракулу, тот подтвердил их правдивость. Призрак в зеркале (теперь я совсем не уверен, что их двое), который может быть только духом Полуночника, передал мне свое отношение к Маркало Де'Уннеро. В первую очередь он испытывает к нему уважение. Да, он и мой отец были противниками, но я думаю, враги тоже могут относиться друг к другу с симпатией, что не мешает им вести смертельную битву.

Маркало Де'Уннеро не только рассказывал мне о событиях далекого и недавнего прошлого. Он обучал меня своему воинскому искусству. Его стиль сражения значительно отличается от того, с которым познакомили меня эльфы. Насколько я понимаю, би'нелле дасада в основном строится на умении перемещаться, сохраняя равновесие. Эльфы научили меня стремительно нападать и стремительно отступать. Соединение их боевого танца со стилем Де'Уннеро, использующим молниеносные удары руками и ногами, становится смертельно опасным для любого врага. Мы с ним попробовали этот метод ведения боя во время тренировочного поединка, который провели вскоре после нашего знакомства. Но с тех пор, как мы несколько месяцев назад добрались до большого и людного Палмариса, нам не выпадало повода для сражения. Единственным серьезным событием были волнения в городе, грозившие перерасти в бунт. Это произошло накануне нового, восемьсот сорок второго года Господня. В прежние

времена, когда я скитался по убогим деревенькам, разбросанным на необъятных просторах Вайлдерлендса, я бы посчитал эти выступления черни заурядным событием, не таящим особой опасности, однако здесь, в Палмарисе, они оказались тем немногим, что могло запомниться. Потому что жизнь в Палмарисе, поначалу казавшаяся мне такой многообразной и яркой, вскоре превратилась в сонную череду дней. Иногда мне думается, что я просто сойду с ума от кипящих во мне сил и энергии.

Но Маркало Де'Уннеро всегда торопится меня успокоить. Он говорит, что эти дни и месяцы являются для меня временем подготовки и обучения. Мне необходимо еще очень многое узнать об окружающем мире. Я думаю, Де'Уннеро строит какие-то грандиозные планы, в которых должны будем, судя по всему, принимать участие мы трое, хотя пока он не обмолвился о них ни единым словом.

Поэтому я стараюсь быть терпеливым и внимательно прислушиваюсь к каждому его слову. Я постоянно беседую по ночам с Оракулом, рассказывая ему про уроки Де'Уннеро, дающие силу моему телу и остроту моему уму. Другой мой наставник — дух моего отца (а может, сила моего понимания сути вещей) — расширяет знания, которые я получаю от Маркало Де'Уннеро.

С не меньшим вниманием я слушаю песни Садьи. В этих старинных балладах я не раз находил подтверждение своим догадкам. Оказывается, герои, чьи имена сохранили легенды, никогда не отличались добротой и великодушием; они не были тихими и кроткими. Нет, те, чьи имена остались в веках, были сильными и жестокими воинами и завоевателями. Даже основатель абеликанской церкви был воином и магом, владеющим силой самоцветов. Как свидетельствуют баллады, он в одиночку разрушил толстые стены неприступной крепости, служившей оплотом бехренским ятолам.

Теперь Абель является покровителем величайшей в мире церкви, и его имя ежедневно повторяют многие тысячи людей. Поэтому он продолжает жить. Абель стал бессмертным.

Я уверен: точно так же люди запомнят Эйдриана Ночного Ястреба, и мой друг Де'Уннеро согласен с этим. Когда я завариваю о подобных вещах, он улыбается и кивает, подмигивая мне. Он скрывает от меня то, что касается нашего дальнейшего пути, а возможно, и что-то еще более важное. Я каждую неделю пытаюсь расспросить его об этом, но Де'Уннеро в ответ лишь усмехается и призывает меня быть терпеливым.

Терпение!

Если бы я не верил в грядущие великие завоевания и достижения, мне бы действительно не хватило терпения переносить эти ничем не заполненные дни и ночи в Палмарисе. Однако я научился доверять Де'Уннеро и Садье. Они знают, чего я хочу, и обещали помочь мне этого добиться. По правде говоря, я подозреваю, что сам Маркало Де'Уннеро хочет того же.

Так мы вдвоем… вернее, втроем вступим в бессмертие.

Эйдриан Ночной Ястреб

ГЛАВА 20
ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ КОНСТАНЦИИ

Зима была долгой и суровой. Восемьсот сорок второй год вступил в Урсал под сердитое завывание вьюги. Урсальский замок и аббатство Сент-Хонс оказались в плену высоченных сугробов. Джилсепони была одной из немногих, кто отваживался покидать в эти дни замок. Она помогала бедным и с помощью камня души исцеляла больных. Но яростные метели последних дней заставили и ее считаться с силой природной стихии.

В тот день Джилсепони была вынуждена остаться в замке. Король, ее супруг, принимал бехренского посла Давина Кусаада. Едва взглянув на этого человека, королева почувствовала к нему неприязнь. Вместо того чтобы сидеть рядом с Данубом и учтиво улыбаться, пытаясь скрыть свое отвращение к бехренцу, она отправилась бродить по громадному замку.

Королеве нравилось разглядывать затейливые узоры на шпалерах, останавливаться возле украшенных искусной резьбой дверей и стен, а то и просто стоять возле высоких окон и любоваться на великолепный снежный наряд города.

Незаметно для себя Джилсепони забрела в восточную башню замка. Еще издали она услышала характерный звук сталкивающихся деревянных мечей. В одном из залов шел тренировочный поединок. Королеву удивило, что кто-то решился устроить его здесь, когда в замке имелось особое помещение для подобных занятий. Однако когда, подойдя ближе, она услышала голоса сражающихся, ей все стало ясно.

Одним из доблестных рыцарей был четырнадцатилетний Мервик Пемблбери, вторым — его брат Торренс, годом младше. Он был ниже ростом и отличался более коренастым телосложением, чем напоминал отца.

Джилсепони с удовольствием следила за поединком. Мальчики не замечали ее присутствия. Королеве сразу же бросились в глаза ошибки Мервика. Он вел бой заносчиво, словно завзятый дуэлянт, хотя с его длинными руками и быстротой движений он мог бы куда успешнее сдерживать натиск упрямого, лезущего напролом Торренса.

Боевой стиль младшего сына Дануба был весьма традиционным. Джилсепони достаточно насмотрелась на сражавшихся так воинов: сильные рубящие удары тяжелым мечом, чередуемые с ударами столь же тяжелой дубинки. Оружейное искусство переживало ныне упадок, и стиль боя поневоле приспосабливался к грубым поделкам оружейников. Они предпочитали изготавливать мечи из простых сплавов, полагая, что чем клинок тяжелее, тем лучше выдержит сильный удар противника.

Би'нелле дасада легко и успешно противостоял такому стилю ведения боя.

Королеву по-настоящему заинтересовал поединок братьев. Они продолжали сражаться все с тем же упорством, не выказывая признаков усталости, что говорило не только об их неплохой выучке, но также, что было важнее, о характере.

Джилсепони нравились эти мальчики, хотя ей нечасто доводилось их видеть. Констанция делала все, чтобы держать сыновей подальше от королевы, и Джилсепони могла ее понять. Однако бывшая любовница ее мужа все же была незаурядной женщиной. Неписаные законы королевского двора предписывали дамам служить лишь живыми украшениями. Им дозволялось мило щебетать о пустяках, высказывать же серьезные мысли, тем более публично, отнюдь не поощрялось. А Констанция всегда находилась в числе ближайших советников короля Дануба; сильная, волевая женщина, она знала цену своим словам. И, несмотря на возраст, придворная дама продолжала оставаться привлекательной женщиной. Джилсепони, однако, заставляла себя мириться с ее присутствием при дворе; королева верила в любовь Дануба, понимая, что прошлая жизнь каждого из них не может служить предметом взаимных обид.

Однако ее отношения с Констанцией продолжали оставаться крайне напряженными. Придворная дама при виде королевы теперь уже почти не пыталась скрыть своего раздражения — красноречивое свидетельство того, что она по-прежнему любила Дануба и стремилась защитить права сыновей на престол.

Но и в этом Джилсепони едва ли могла упрекнуть Констанцию.

Их отношения не могли стать дружественными; в основном — в силу обстоятельств, а не из-за личной неприязни. Одно королева знала наверняка: какие бы мысли ни роились в голове Констанции, она, Джилсепони, не являлась угрозой прав на престолонаследие Мервика и Торренса. Они были законными наследниками Дануба, следовавшими непосредственно за принцем Мидалисом Вангардским. Наблюдая, как мальчики взрослеют, Джилсепони верила, что они сумеют хорошо подготовиться к уготованной им судьбе.

Может, именно эти мысли заставили королеву войти в зал, а может, ею двигало желание попытаться хотя бы отчасти залечить душевные раны Констанции.

— Приветствую вас, — улыбнувшись, произнесла она.

Братья немедленно прекратили сражение и повернулись к ней. Их лица выражали удивление и даже испуг. Торренс попятился назад, однако Мервика страх брата явно сделал

смелее. Он приблизился к Джилсепони и своим деревянным мечом, как подобало настоящему гвардейцу, отдал ей воинское приветствие.

Первым побуждением королевы было улыбнуться и сказать мальчику, что эти формальности излишни. Но она подавила этот порыв и, как требовал придворный этикет, приняла величественную позу и слегка кивнула.

— Ты хорошо сражался, — сказала Джилсепони Мервику и прибавила, взглянув на его брата: — Вы оба сражались неплохо.

— Мы часто упражняемся, — сообщил ей Мервик.

— Постоянно, — осмелился наконец раскрыть рот Торренс.

— Так и должно быть, — заметила королева.

Она протянула руку, и старший из братьев подал ей свой меч.

— Вам нужно усердно упражняться не только потому, что в дальнейшем вам, быть может, придется защищать себя или королевство, но и еще по одной причине… — Джилсепони умолкла, подбирая такие слова, чтобы до мальчишек непременно дошел смысл сказанного. — Когда человек искусно владеет мечом и уверен в своих способностях, у него возникает меньше желания пустить оружие в ход. А когда вы по-настоящему убедитесь, что можете сражаться легко и без напряжения, то сумеете сделать более разумный выбор. Тогда вы начнете видеть в других людях не только возможных противников.

Женщина заметила, что братья жадно ловят каждое ее слово. Несомненно, Констанция изрядно потрудилась, стараясь очернить ее в глазах сыновей. Но, по-видимому, уважение к Джилсепони все же оказалось сильнее, чем клевета их матери на королеву.

— Можно мне дать вам совет? — спросила она.

— Я решил, что вы уже его дали, ваше величество, — ответил Мервик, сопроводив свои слова очаровательной улыбкой.

— Я хочу вам кое-что рассказать об оружии, — рассмеявшись, уточнила женщина. — Мне известно, что у вас замечательные наставники…

— Капитан Антид, а иногда с нами занимается и сам герцог Калас, — перебил ее Торренс, но под взглядом королевы тут же опустил глаза.

— Разумеется, — сказала она. — Однако и я обладаю навыками владения мечом.

Снисходительный смешок Мервика подсказал Джилсепони, что он считает подобное заявление пустой дамской болтовней.

— Наблюдая за вашим поединком, я заметила кое-какие ваши упущения, — продолжала она. — Попробуй напасть на меня так же, как ты атаковал брата, — предложила она Торренсу, отойдя от мальчика и подняв деревянный меч.

В сознании Джилсепони сразу же зазвенел предупреждающий колокольчик; она вспомнила жесткое предостережение госпожи Дасслеронд, потребовавшей от нее никогда и никому не раскрывать секрета би'нелле дасада. Королева и не собиралась показывать братьям сам танец меча с его отточенными изящными движениями. Ей хотелось немного рассказать им о том, что лежит в основе этого боевого искусства. Джилсепони избрала позицию, внешне похожую на оборонительную, но позволявшую ей быстро перейти в наступление, едва только Торренс приготовится нанести удар.

Поединок не представлял для Джилсепони какой-либо сложности; она намеревалась застигнуть мальчика врасплох, отрезать ему возможность к отступлению, а затем устремиться вперед и нанести внезапный удар. Однако едва Торренс двинулся в атаку, как позади них послышался звон разбитого стекла и чей-то сдавленный стон.

Пол вокруг ног Констанции Пемблбери был усеян осколками разбитой посуды — она уронила поднос, на котором несла сыновьям какое-то лакомство.

— Мама! — хором воскликнули Мервик и Торренс.

— Я только хотела… — начала объяснять Джилсепони, но Констанция явно не слушала ни ее, ни сыновей.

— Что вы здесь делаете? — прошипела она. — Как вы осмелились? — продолжала придворная дама, не давая королеве возможности ответить. — А вы оба — немедленно вон

отсюда! — прикрикнула она на сыновей.

Мальчики беспрекословно подчинились. Мервик замешкался ровно настолько, чтобы забрать из рук Джилсепони свой деревянный меч. Он посмотрел на королеву, словно хотел извиниться за слова матери, но потом бросился вслед за братом, не осмеливаясь перечить ей.

— Вам здесь нечего делать, вы не имеете права вторгаться сюда, — с нескрываемой злостью и раздражением заявила Констанция.

— Я только хотела… — вновь попыталась объяснить королева.

— Они — наследники престола, — взвизгнула Констанция. — Они, а не вы! Ваша дерзость переходит всякие границы! Мой сын мог быть серьезно покалечен. Понятно ли вам, что это могло бы стать причиной войны? Вам нужны обвинения в заговоре против престола?

— Но почему?.. — спросила Джилсепони, едва верившая своим ушам.

Только сейчас женщина осознала, как глубока ненависть к ней Констанции. Джилсепони еще могла понять, что ей неприятно видеть своих сыновей рядом с женщиной, занявшей ее место в сердце короля Дануба, однако эта ярость, этот дикий блеск в глазах придворной дамы уже переходили пределы разумного.

— Вам известно, что я делила с ним ложе, и живые подтверждения нашей любви только что находились здесь, — дерзко и высокомерно заявила Констанция. — О, вы даже представить не можете, насколько Дануб был очарован мною, — бесцеремонно продолжала она.

И придворная дама вдруг принялась описывать сцены их интимной близости. Ошеломление Джилсепони сменилось брезгливой жалостью к Констанции. Королева, знавшая настоящую любовь, не понимала столь бесстыдного смакования интимных подробностей. Она собиралась объяснить придворной даме, что не представляет для нее угрозы, не собирается рожать Данубу наследников и отбирать права на престол у Мервика и Торренса. Собиралась, однако промолчала. Констанция сейчас слушала только себя, и слова Джилсепони ни в коей мере не смогли бы ее успокоить. Причиной гневных выпадов придворной дамы был не только страх за детей. Она продолжала любить Дануба, и это было ясно написано на ее лице.

Откровения Констанции вызывали у Джилсепони только отвращение. Однако она была не в состоянии приказать ей перестать любить Дануба, равно как не могла приказать мужу выбросить из сердца свою прежнюю возлюбленную. И королева покинула зал, оставив Констанцию наедине с ее негодованием.

После этого случая она много месяцев не видела ни госпожу Пемблбери, ни Мервика с Торренсом.

— Почему ты не отправился с герцогом Каласом на охоту? — спросила Джилсепони, когда король Дануб отклонил недавнее приглашение своего друга.

Вокруг Урсальского замка торжествовала долгожданная весна. Яркое солнце и теплый воздух помогали забыть тяжелую зиму.

— Ты напрасно отдаляешься от Каласа; как-никак — он твой самый близкий друг.

Король Дануб с нежностью посмотрел на жену.

— Любовь моя, а ты знаешь, как он относится к тебе? — спросил он.

— Как и подобает учтивому вельможе, — с улыбкой ответила Джилсепони.

Однако за ее улыбкой скрывалась ложь.

Дануб промолчал, недоверчиво глядя на нее.

Джилсепони улыбнулась еще шире и убедительнее, и ей все-таки удалось вызвать на лице мужа ответную улыбку. Она не хотела лишний раз огорчать Дануба, хотя, по правде говоря, отношение придворных к ней, включая и герцога Каласа, становилось все хуже. Вся эта утонченная и напыщенная знать и никогда не питала особо теплых чувств к королеве-простолюдинке, вторгшейся в их замкнутый и обособленный мирок, но после памятного случая с Мервиком и Торренсом неприязнь вельмож к Джилсепони заметно увеличилась. Прилюдно герцог Калас был неизменно учтив с королевой, да и в тех редких случаях, когда

они оказывались наедине, из кожи вон лез, одаривая ее изысканными комплиментами. Однако Джилсепони неоднократно довелось слышать, как герцог, будучи уверенным, что ее поблизости нет, высмеивал ее в кругу придворной знати. Это не слишком задевало королеву. Джилсепони успела разобраться в особенностях придворной жизни и смирилась с ними. Высокородные обитатели замка, мнившие, что обладают голубой кровью, не стоили ее душевных терзаний.

— Ты непременно должен принять его приглашение, — продолжала Джилсепони. — Калас собирается в западные края вместе с герцогом Тетрафелем. Тот будет вне себя от радости, если ты к ним присоединишься.

Король Дануб, откинувшись на спинку стула, обдумывал слова жены. Герцог Тетрафель был хилым, изнеженным человеком. Более десяти лет назад Дануб уже посылал его в западные края на поиски прямого пути, ведущего через горную цепь Пояс-и-Пряжка в Тогай. Согласно словам Тетрафеля, он был уже близок к успешному завершению своей миссии, когда его отряд неожиданно столкнулся со странным низкорослым народом, сначала утопившим почти всех его слуг и солдат в болотной трясине, а затем оживившим их трупы, чтобы сделать своими послушными орудиями.

Тогда Тетрафель, герцог Вайлдерлендса, спасся только чудом. Хотя прошло уже много лет, он так до конца и не оправился от пережитого.

— Я бы предпочел остаться с тобой, — произнес король, наклоняясь к Джилсепони и кладя руку на ее колени.

Она накрыла его ладонь своей, добавив к улыбке оттенок сожаления.

— Тебе нездоровится? — спросил проницательный Дануб.

Женщина посмотрела ему в глаза и вздохнула. С недавних пор она начала ощущать боль где-то внизу живота, иногда перераставшую в сильные спазмы. Джилсепони связывала их с ранениями, полученными во время первой битвы с Марквортом в поле близ Палмариса, когда одержимый демоном отец-настоятель погубил ребенка в ее чреве. Осмотрев себя с помощью камня души, она увидела зарубцевавшиеся раны. Однако странно, почему через столько лет эти раны вдруг начали напоминать о себе?

Королеве было тягостно отказывать любовным желаниям мужа, но она чувствовала, что мгновения их близости вызывали в ней какое-то странное смятение. Женская природа Джилсепони по-прежнему не могла откликаться на страсть Дануба так, как некогда она отвечала Элбрайну. Ее отношения с Полуночником были полны любви и страстных желаний, порывов молодости; они несли отпечаток тревожного и опасного времени. С Данубом все происходило куда мягче и спокойнее, но ведь король не был в этом виноват, и Джилсепони не хотелось причинять ему душевные страдания.

— Пожалуй, я действительно отправлюсь вместе с Каласом, — сказал наконец король.

Выражение его лица говорило о доверии к жене. Он чувствовал: ее доводы в пользу его отъезда не являлись простой уловкой, предлогом, чтобы не делить с ним ложе.

Джилсепони была признательна Данубу за такое понимание. Она действительно надеялась, что ее недомогания, чем бы они ни были вызваны, вскоре пройдут и мгновения интимной близости с мужем возобновятся. Однако она боялась, что причина может оказаться глубже и внутреннее смятение так и не исчезнет. Больше всего женщину страшило, что со временем эта сторона ее отношений с Данубом может стать еще напряженнее и болезненнее.

— Я непременно вернусь к годовщине нашей свадьбы, — пообещал король.

Наклонившись, он нежно поцеловал ее в щеку.

— А я буду с нетерпением ждать тебя, любовь моя, — ответила Джилсепони.

Дануб встал и направился к выходу. Он не видел, как очередной спазм заставил королеву закусить губу от боли.

— Это чудовищные порции! — взвился аббат Огвэн. — Вы добавляете в пищу королевы совершенно немыслимое количество трав.

— Вполне мыслимое! — столь же сердито ответила ему Констанция Пемблбери. —

Она ни в коем случае не должна родить ему ребенка! Неужели это так сложно понять?

— Вы ведь прекрасно разбираетесь в этих травах, — упрекнул ее настоятель Сент-Хонса.

И это было правдой, ибо большую часть своей жизни Констанция провела при дворе, а все придворные дамы искусно умели применять особые отвары трав, предохранявшие их от нежелательной беременности.

— И вы не менее прекрасно знаете, что порции трав, которые вы ей даете, способны причинить немалый вред и даже привести к смерти. Вы это знаете, госпожа Пемблбери. Вы видите, королеву постоянно мучают спазмы. Ей тяжело ходить. Даже просто сесть — и то причиняет ей боль!

Придворная дама поджала губы и отвернулась, что-то недовольно бормоча себе под нос.

— Я отказываюсь быть вашим пособником! — закричал аббат Огвэн.

— Однако вы им уже являетесь! — дерзко парировала Констанция.

Решимость Огвэна была вызвана в основном тем, что он боялся королеву Джилсепони — начальствующую сестру в его монастыре и человека, имеющего большой вес в церкви и государстве, — куда сильнее, чем Констанцию Пемблбери. И не важно, станет она когда-нибудь королевой-матерью или нет.

— С меня хватит, — тихо и твердо сказал он.

Решимость настоятеля еще более разозлила Констанцию.

— Нет, не хватит! — буквально закричала она, находясь на грани истерического припадка. — Вы и впредь будете снабжать меня необходимыми травами! Она не должна забеременеть! Не должна! Не должна!

Выкрикивая эти слова, Констанция вскочила со стула и приблизилась к настоятелю Сент-Хонса, словно собираясь вцепиться в воротник его сутаны.

Огвэн успел перехватить ее запястья. Их противостояние длилось несколько секунд, после чего придворная дама разрыдалась и обмякла в его руках. Но едва аббат разжал их, как Констанция размахнулась и влепила ему увесистую пощечину.

— Вы будете мне помогать! — зловещим шепотом произнесла она.

Аббат Огвэн не растерялся. Он крепко обхватил придворную даму за плечи и несколько раз произнес ее имя, пытаясь привести в себя. Наконец женщина затихла, и Огвэн осторожно отпустил ее.

— Вы будете мне помогать, — уже вполне овладев собой, спокойным голосом сказала Констанция. — В случае отказа я во всеуслышание объявлю о вашей причастности. Я расскажу не только о том, как вы подбивали меня давать эти травы королеве, что само по себе является заговором против королевской власти. Я пойду дальше и расскажу о той роли, которую вы и ваша святая обитель Сент-Хонс всегда играли, делая придворных дам бесплодными. Как воспримут жители Урсала эти ошеломляющие откровения, связанные с их любимой церковью?

— Вы говорите чудовищные глупости, — с упреком произнес аббат.

Казалось, силы вновь покинули Констанцию, и она сникла.

— Мне нечего терять, аббат Огвэн, — добавила она. — Я буду делать все, что поможет защитить законные права моих сыновей на престол.

Судя по ироничной гримасе на лице Огвэна, он имел определенные сомнения насчет этих «законных прав».

— Вы причиняете ей большой вред, — собравшись с мыслями, предостерег Констанцию настоятель Сент-Хонса.

Теперь она смотрела на Огвэна умоляющими глазами.

— Неужели вы хотите, чтобы в королевской родословной появились отпрыски этой женщины?

Придворная дама верно нащупала слабое место во взглядах Огвэна. Тот не являлся горячим сторонником Джилсепони, хотя королева, как и он сам, поддержала на Коллегии

аббатов кандидатуру Фио Бурэя. Огвэн был сторонником прежней церкви, церкви времен аббата Маркворта, пока тем не овладел дух демона и пока собственная жизнь Огвэна и жизнь многих других высокопоставленных церковников не перевернулась вверх тормашками. Все эти молодые реформаторы ордена Абеля — такие как Браумин Херд, настоятель Хейни из Сент-Бельфура и, конечно же, сама королева Джилсепони — совершенно не отвечали его представлениям о том, кто должен управлять церковью. Эти люди вызывали у него тягостные чувства. Так бывает всегда, когда рушатся вековые традиции и твердая почва под ногами сменяется зыбучими песками.

— Я согласен давать вам такие порции трав, чтобы она не могла забеременеть, — произнес наконец Огвэн, и лицо придворной дамы сразу просияло. — Но не более того! — тут же добавил он, заметив ее торжествующую улыбку. — Я согласен, что во имя всеобщего блага королеве Джилсепони лучше не иметь детей. Однако я не собираюсь становиться соучастником ее убийства. Запомните это, Констанция Пемблбери! Король собирается на пару недель покинуть Урсал вместе с вашим другом Каласом. За все это время к пище Джилсепони не должно добавляться ни щепотки этих трав. Вы меня слышите?

Придворная дама одарила его ненавидящим взглядом, однако неохотно кивнула.

— Ни единой щепотки, — тоном, не терпящим возражений, повторил аббат Огвэн. — А когда король вернется, порции трав должны оставаться безопасными. Вы хорошо меня поняли?

Констанция вновь плотно сжала губы, но все же еще раз кивнула в знак согласия.

Когда придворная дама вышла за ворота Сент-Хонса, в ее мозгу роились злобные мысли, которые она выстраивала в замысловатые цепочки интриг. Пусть настоятель Огвэн считает, что ей важнее всего не допустить беременности Джилсепони. Нет, этого Констанции было бы мало! Ей доставляло наслаждение видеть, как новоявленная королева корчится от терзающей ее боли. Придворная дама несказанно обрадовалась, когда узнала, что Дануб уже давно не делит с Джилсепони ложе. Фантазии увлекали Констанцию еще дальше. В мыслях она уже видела, как ее ухищрения заставят короля полностью охладеть к Джилсепони. И тогда страстный Дануб, изголодавшийся по женским ласкам, непременно вернется к ней.

А если ее ухищрения окончатся смертью королевы… что ж, тем лучше!

— Нет, — прошептала она, проходя по внутреннему двору, ведущему в замок. — Я не должна проявлять нетерпение. Так что пока лучше подчиниться требованиям Огвэна. Да, именно так я и сделаю.

Кивая собственным мыслям и усмехаясь, Констанция прошла между двумя стоявшими на карауле гвардейцами. Лица караульных казались совершенно бесстрастными.

Но едва придворная дама скрылась в воротах замка, гвардейцы переглянулись и понимающе ухмыльнулись. Поведение Констанции Пемблбери в последнее время вызывало немало язвительных усмешек. Караульные покачали головами, после чего на их лица вернулось подобающее выражение.

ГЛАВА 21
БИТВА ЗА НАСЛЕДИЕ

— Ты в этом уверена? — спросил Маркало Де'Уннеро, безуспешно пытаясь скрыть волнение, появившееся на его обветренном лице.

Садья озорно ему подмигнула.

— Но где подтверждения… — начал бывший монах и тут же умолк, махнув рукой.

Он привык не сомневаться в словах своей на редкость смышленой подруги. Если Садья говорит, что славный «Ураган» — меч Полуночника — и его знаменитый лук «Крыло Сокола» лежат рядом друг с другом в гробницах неподалеку от Дундалиса, значит Де'Уннеро не следует сомневаться в достоверности этого утверждения.

— Гробницы, должно быть, охраняются, — предположил он.

— Пойми, роща, где они находятся, расположена даже не на окраине Дундалиса, а на некотором расстоянии от этого городишки. Уверяю тебя, туда редко кто наведывается, особенно с тех пор, как Джилсепони уселась на трон, а ее дружок Роджер Не-Запрешь взлетел в бароны Палмариса, — ответила певица. — Остальные уже явно позабыли про все это. Времена героического прошлого остались далеко позади.

Де'Уннеро невесело улыбнулся. С того времени прошло чуть больше десяти лет. С какой легкостью и даже готовностью люди забывают великие подвиги! Элбрайн-Полуночник, увы, разделил участь многих забытых героев. Однако Садья была права. Смутные времена, предшествовавшие нашествию чумы, почти изгладились из людской памяти. Де'Уннеро слышал о предстоящей канонизации Эвелина Десбриса. Что ж, победители не остались в накладе, если судить по епископской мантии на плечах Браумина Херда и королевской короны на голове Джилсепони.

Сколько, оказывается, событий произошло за годы его скитания по задворкам Вестер-Хонса! Де'Уннеро не особо интересовало возвышение Джилсепони; разве что в качестве возможных последствий для его юного спутника. В равной степени он достаточно равнодушно отнесся к новому назначению Браумина Херда — неплохого, по его мнению, однако сбившегося с истинного пути человека. Хотя Браумин, как считал Де'Уннеро, в достаточной мере обладал чертами характера, необходимыми для истинного церковного пастыря, манера его поведения больше годилась для заурядного священника, проводящего службы в провинциальном городишке. Впрочем, пусть себе владычествует в Палмарисе, раз уж ему посчастливилось взлететь так высоко.

Больше всего бывшего монаха тревожило общее направление абеликанской церкви. Де'Уннеро неприятно поразило, когда он узнал, что королеву Джилсепони сделали еще и начальствующей сестрой аббатства Сент-Хонс, а глубоко ненавистного ему Фио Бурэя — отцом-настоятелем ордена Абеля. Эти новости, словно черви, точили душу Де'Уннеро. Но даже такая удручающая реальность служила глотком свежего воздуха для человека, смертельно уставшего от жизни в глуши. Сколько лет все его мысли были направлены на выживание, на то, что ему придется есть и где он будет спать. Но теперь рядом с ним находились его ненаглядная Садья и Эйдриан. Этот мальчишка не только мог выманить тигра, что умела делать и маленькая певица; он ухитрялся пробиться к человеческой искорке, теплящейся внутри полосатого чудовища. Эйдриан обращался к Де'Уннеро-человеку, находил его и помогал совладать со зверем. Благодаря Эйдриану бывший монах смог забыть о выживании и начать жить.

Раздумывая о переменах, успевших произойти в мире, и о своем новом месте в нем, Де'Уннеро замыслил совершить с двумя своими друзьями неслыханное путешествие. Первая его часть должна была привести их к южным окраинам королевства, в далекий Энтел. А оттуда, если все пойдет так, как он рассчитывал, они отправятся дальше. Далеко, очень далеко.

И вдруг теперь — сведения о том, где находятся меч и лук Полуночника…

— До Кертинеллы две недели пути и еще столько же — до Дундалиса, — произнес бывший монах, обращаясь к подруге и одновременно размышляя вслух. — Если мы решимся отправиться на север, нам, скорее всего, придется застрять там на всю зиму. Это значит, о нашем путешествии в теплые края нечего будет и мечтать вплоть до конца следующей весны. Так или иначе, мы потеряем целый год.

— А разве потерянное время потом не окупится сторицей? — спросила Садья.

По ее тону чувствовалось, что маленькая певица совсем не считает их странствие в Дундалис напрасным. Де'Уннеро улыбнулся.

— Ладно, пусть мальчик поищет отцовские игрушки.

Возможно, мы сможем найти им достойное применение.

Оставалось лишь надеяться, что могильные воры ничего не знают об оружии Полуночника. Провести целый месяц в пути, забраться в северную глушь и обнаружить в могилах только истлевшие кости… Бывший монах даже плечами передернул, представив

ярость, которую он при этом мог бы испытать.

Де'Уннеро, Садья и Эйдриан поднялись на вершину холма, откуда была видна вся Кертинелла. Был холодный и ветреный осенний день, похожий на тот, в который происходило освящение часовни Эвелина. Эта часовня занимала сейчас все мысли бывшего монаха.

Ее белые стены еще не успели потускнеть. Конечно, по сравнению с громадами старых абеликанских монастырей часовня Эвелина была неприметным сооружением. Но в маленьком городишке она выглядела внушительным зданием, разительно отличавшимся от всех прочих. То, что она стояла на холме, делало часовню еще выше. Крыша небольшой колокольни была увенчана символической скульптурой — устремленной вверх каменной рукой со сжатыми в кулак пальцами. Де'Уннеро хорошо помнил другую руку — настоящую окаменевшую руку Эвелина в далеком северном Барбакане, находящемся за сотни миль отсюда. Он хорошо помнил и самого Эвелина; редко, кто так врезался ему в память. Монах-бунтарь, убийца магистра Сигертона — своего собрата по ордену. По сути, Эвелин стал первопричиной всех дальнейших бед и потрясений, приведших абеликанскую церковь к ее нынешнему жалкому состоянию. Люди чаще всего говорили о Маркало Де'Уннеро так, будто он являлся соперником Полуночника и Джилсепони, хотя на самом деле бывший монах с должным уважением относился к ним обоим. Они были достойными людьми, не то что Эвелин, заслуживший прозвище безумный монах! Его Де'Уннеро ненавидел всем своим сердцем. Этот жалкий хвастун и выпивоха вовсе не заслуживал легенд, созданных вокруг его нечестивой жизни. И теперь… смотреть на часовню, построенную в честь убийцы и вора, часовню, которая горделиво высилась над разраставшейся Кертинеллой… Де'Уннеро не мог этого вынести.

— Ты же знал, что его провозгласят героем, — сказала Садья, заметив, как презрение и отчаяние исказили лицо бывшего монаха. — Кровь его завета спасла мир от розовой чумы, не говоря уже о том, что он уничтожил телесное воплощение Бестесбулзибара. Сам знаешь, его собираются канонизировать, это произойдет, наверное, уже к концу года. Почему же тебя так удивляет эта часовня?

— Удивляет или нет — я все равно ненавижу это место, — прорычал Де'Уннеро.

— С какой стати тебе его ненавидеть? — вмешался Эйдриан. — Ты же сам говорил, что порвал с церковью. Вот тебе лишнее подтверждение правильности твоего решения. Ты постоянно твердишь об ошибках, которые они совершают. Сейчас одну из них ты и видишь перед собой.

Де'Уннеро грубо схватил Эйдриана за воротник.

— Да, я утверждал это, — зло бросил он. — А ты, я вижу, сомневаешься в моих словах?

Подоспевшая Садья разжала пальцы своего возлюбленного и пристально посмотрела ему в глаза.

— Я знаю, почему тебя так задевает эта часовня, но он-то — нет, — напомнила ему певица. — Ты почти ничего не рассказывал ему о своих… о наших замыслах.

Бывший монах, овладев собой, слегка кивнул.

— Да, меня оскорбляет само существование этой часовни, — уже спокойно объяснил он Эйдриану. — Она для меня — символ того жалкого состояния, в каком сейчас находится некогда великая и могущественная церковь Абеля. Им было мало разрушить саму церковь, так они еще поставили памятник ее главному разрушителю!

— Нынешние предводители церкви вряд ли согласятся с тобой, — возразил юноша, не собираясь уступать.

Предводители, — с горечью повторил Де'Уннеро. — Крысы с Фалидского побережья — вот они кто, — поморщившись, рявкнул он.

В той части Фалидского побережья, которая именовалась Лапой Богомола, водились крысы, отличавшиеся удивительным чувством стадности. Стоило какой-нибудь обезумевшей

крысе устремиться к глинистому и мелководному Фалидскому заливу, как тысячи ее собратьев слепо бежали за ней. Навстречу самым высоким и разрушительным приливным волнам в мире, которые всегда появлялись внезапно и топили всю стаю.

— А там, — продолжал Де'Уннеро, выразительно простирая руку в направлении часовни, — там, мой юный друг, ты найдешь все доказательства истинности моих слов!

Бывший монах с рычанием сжал пальцы в кулак и с силой ударил себя по бедру. Казалось, еще немного — и его разорвет от клокотавшего внутри гнева.

— Ее здесь не будет, — внезапно заявил Де'Уннеро.

Садья положила руку ему на плечо. Постепенно напряжение покинуло ее возлюбленного, и маленькая певица облегченно вздохнула.

— Ее здесь не будет, — теперь уже спокойно, полностью владея собой, повторил бывший монах.

Садью его слова встревожили, а Эйдриан лишь усмехнулся.

Они заночевали в лесу, невдалеке от Кертинеллы. Проснувшись среди ночи, Эйдриан обнаружил, что Де'Уннеро исчез. Юный рейнджер не стал теряться в догадках. Он прицепил меч, прихватил мешочек с самоцветами, оглянулся на крепко спящую Садью и скользнул в темноту.

Эйдриан осторожно пробирался по Кертинелле, прижимаясь к стенам домов, хотя вокруг не было ни души. Добравшись до подножия холма, он заметил в окнах часовни свет. Там горела небольшая свеча.

Неслышно поднявшись, он осторожно заглянул в окно. Маркало Де'Уннеро стоял напротив рослого, крепко сбитого человека, которому на вид было около тридцати лет. Странно, подумал Эйдриан, что пятидесятилетний Де'Уннеро выглядел моложе незнакомца. Во всяком случае, их двоих вполне можно было принять за ровесников.

Может, тигр-оборотень каким-то образом делает Де'Уннеро бессмертным? Юноша уже не раз задумывался об этом.

Де'Уннеро и незнакомец спокойно беседовали, но их слова не долетали до Эйдриана. Тогда он обогнул строение и обрадовался, увидев приоткрытую дверь. Нырнув внутрь, юноша встал за колонной, с любопытством прислушиваясь к разговору.

— Так ты и есть тот самый брат Андерс Кастинагис, которого взяли в плен в Барбакане и приволокли в Палмарис, чтобы судить вместе с Полуночником? — спросил бывший монах.

Презрение, сквозившее в его голосе, явно должно было насторожить незнакомца.

— Да, это я и есть, — ответил он.

Эйдриан видел, как внимательно Кастинагис всматривается в лицо Де'Уннеро, словно пытаясь вспомнить, где он мог встречать этого человека. Бывший монах не раз говорил, что годы скитаний по лесам неузнаваемо изменили его внешность. И действительно, когда они оказались в Палмарисе, Де'Уннеро несколько раз сталкивался лицом к лицу со своими прежними знакомцами и те равнодушно проходили мимо, не узнав его.

— Теперь я — священник Кастинагис, ибо епископ Браумин посчитал меня достойным служить в этой часовне.

— А-а, вот оно что, — протянул Де'Уннеро и небрежно добавил: — Епископ Браумин всегда был прекраснодушным глупцом.

Эти слова явно ошеломили священника.

— А ты думал, что я готов броситься новоявленному епископу в объятия? — ухмыльнулся Де'Уннеро, будто само слово «епископ» применительно к тому человеку казалось ему смехотворным. — Или ты думаешь, что правда со временем перестает быть правдой?

— Кто ты? — спросил Кастинагис.

Эйдриан почувствовал, что священник начинает догадываться.

— Думаешь, ты избежал суда? — продолжал Де'Уннеро. — Или ты решил, что раз сторона Полуночника и Джилсепони оказалась сильнее, тебе не придется отвечать за

преступления, которые ты совершил против абеликанской церкви?

— Что за чушь! — вскричал Кастинагис звенящим от гнева голосом.

— Чушь? — удивился Де'Уннеро. — А ты помнишь ваши тайные собрания в подземелье Санта-Мир-Абель, где вы плели заговор против церкви? Помнишь чтение запретных книг, поощряемое Браумином?

— Де'Уннеро, — выдохнул священник, невольно пятясь назад.

— Да, это я, — подтвердил бывший монах. — Магистр Де'Уннеро, явившийся сюда, чтобы довести до конца суд, незаконно прерванный тогда в Палмарисе.

— Т-ты опозорил с-себя, — заикаясь произнес Кастинагис. — Церковь узнала правду…

— Твою правду! — зарычал Де'Уннеро, и в его голосе Эйдриан уловил так хорошо знакомый ему рык тигра. — Победителям свойственно переписывать историю в выгодном для них свете!

— Даже после чуда завета Эвелина ты способен говорить подобные вещи? — загремел священник, быстро приходя в себя после неожиданной встречи с прошлым. — Мир теперь знает правду и об Эвелине, и о королеве Джилсепони!

— Люди с готовностью поверили в ложь, — возразил бывший монах. — Но я научу их правде. Да, обязательно научу!

Произнося эти слова, он шагнул к Кастинагису и с силой ткнул ему пальцем в грудь.

— Убирайся отсюда! — потребовал Кастинагис. — Во имя Бога…

Он не договорил; Де'Уннеро вновь больно ткнул его пальцем, на сей раз в горло. Закашлявшись, священник попятился.

Эйдриан думал, что сейчас из бывшего монаха вырвется тигр и разорвет Кастинагиса в клочья. Но Де'Уннеро не требовалось вмешательство полосатого хищника. Суд над Кастинагисом он хотел совершить в человеческом облике и сознании.

Де'Уннеро с силой ударил священника по лицу. Кастинагис попытался ответить, но тот перехватил его руку, словно клещами сжав ему запястье, а затем резко и безжалостно вывернул ее. Противников разделяло не более двух футов, однако Де'Уннеро сумел вскинуть ногу и еще раз ударить Кастинагиса в лицо.

Священник зашатался и непременно рухнул бы на пол, если бы не перила, предотвратившие падение.

— Видишь, брат, как плохо пренебрегать телесными упражнениями! — назидательно произнес Де'Уннеро, потрясая пальцем в воздухе. — Ты больше чем на десять лет моложе меня, а уже успел одряхлеть и покрыться жирком.

Кастинагис, свирепо взвыв, оторвался от перил и двинулся на Де'Уннеро. Однако бывший монах только усмехнулся. Чуть вскинув руку, он сжал Кастинагису горло и с явным наслаждением начал смыкать пальцы.

Священник отчаянно вцепился в руку Де'Уннеро, но не смог оторвать ее от себя, а потому ударил бывшего монаха в лицо. Вернее, попытался ударить, ибо Де'Уннеро проворно выбросил вперед другую руку и предупредил удар. Потом он расцепил пальцы, сжимавшие горло Кастинагиса, и нанес ему несколько сильных ударов в живот и голову, без труда пробивая защиту своего не столь искушенного в боевом искусстве противника. Серию ударов руками Де'Уннеро завершил хлестким ударом ногой в пах.

Священник согнулся, корчась от боли. Бывший монах грубо схватил его за волосы и, толкнув Кастинагиса в сторону перил, запрокинул ему голову.

— Суд идет, — провозгласил он.

Шея священника находилась вровень с перилами.

— Виновен, — объявил Де'Уннеро.

Когда он ударил Кастинагиса ладонью в переносицу жуткий звук разнесся по часовне: это хрустнули сломанные шейные позвонки священника.

Эйдриан считал себя смелым и хладнокровным воином. Однако прошло немало времени, прежде чем он сумел прийти в себя.

— Что ты натворил? — с трудом выговаривая слова, спросил он, выходя из-за колонны.

— Я сделал то, чего не успел закончить тогда, в Палмарисе, — ответил Де'Уннеро.

Если он и был недоволен тем, что юный рейнджер явился свидетелем его мести, то умело скрыл свои чувства.

— Что же, нам теперь опять придется скитаться по лесам? — спросил Эйдриан, которому было невероятно трудно собраться с мыслями.

Де'Уннеро презрительно усмехнулся, словно его этот вопрос совершенно не волновал. Бросив взгляд на юношу, он молча вышел из часовни.

Эйдриан следил за каждым его шагом, подмечая, с какой легкостью двигался Де'Уннеро и какое умиротворение испытывал он после содеянного. Юноша не знал, как все это понимать. Да, он сам тоже убивал людей, но сейчас… убийство Кастинагиса было каким-то иным, на редкость отвратительным и отталкивающим.

Вместе с тем Эйдриан едва ли мог осуждать Де'Уннеро, которому здорово досталось от этих напыщенных и лицемерных монахов. Рейнджер посмотрел на мертвого Кастинагиса, тело которого по-прежнему опиралось на перила. Надо обязательно что-то придумать, найти какой-то способ, чтобы Де'Уннеро не пришлось снова возвращаться в глушь…

Эйдриан потянулся за рубином.

Вскоре трое спутников наблюдали, как мечутся языки пламени, охватившие часовню Эвелина. Вокруг нее бегали испуганные жители Кертинеллы, которые были не в силах совладать с пожаром.

Де'Уннеро, явно удовлетворенный свершившимся правосудием, первым повернулся и зашагал в лес. Теперь их путь лежал дальше на север.

Сведения, которые Садье удалось собрать в Дундалисе, блестяще подтвердились, и она повела Де'Уннеро и Эйдриана через лес, к той самой роще, где находились гробницы Элбрайна и Мазера.

Бывший монах сразу же принялся за дело, проворно разбирая камни гробниц. Вскоре, однако, он почувствовал, что происходит нечто странное. Его работа не подвигалась ни на шаг. Де'Уннеро отбросил еще один камень, отошел и присмотрелся к результату своих трудов. Гробница по-прежнему оставалась нетронутой.

— Магия, — догадалась Садья.

Де'Уннеро кивнул. Он обернулся к Эйдриану. Юный рейнджер рассеянно глядел куда-то в лес.

— Могила окружена магической защитой, — довольно громко произнес Де'Уннеро, стараясь привлечь его внимание. — Ты можешь разобрать, какого она свойства?

В ответ юноша озадаченно посмотрел на него. Потом неуверенно пожал плечами и сказал:

— Может, нужно произнести какое-то заклинание.

— Ты понимаешь, что нужно что-то предпринять? — уже настойчивее спросил бывший монах. — Я не в состоянии разобрать камни.

Теперь и Эйдриан посмотрел на гробницу, но ничего не сказал. Молчание затягивалось.

— Я подозревал, что тут не все так просто! — наконец прервал тишину разозленный Де'Уннеро.

— А может быть, нам даже повезло, — возразила Садья. — В ином случае кто-нибудь давно наведался бы сюда и поживился.

Им обоим показалось, что только сейчас до Эйдриана дошло, в каком положении они очутились.

— Земная магия, — медленно произнес наконец юный рейнджер, глядя на могилы. — Сила изумруда госпожи Дасслеронд.

— Значит, самоцветы, — подытожил бывший монах. — Но тогда ты можешь разбить эти чары своей магической силой.

Юноша колебался.

— Дасслеронд очень сильна в земной магии, — заметил он, качая головой. — И там

есть что-то еще. Я это чувствую.

— Что именно? — нетерпеливо спросил Де'Уннеро.

— Вскоре узнаю, — сказал Эйдриан.

Он направился к невысокой скале, что находилась рядом с рощей. По пути сюда он заметил в ней небольшую пещеру. Юный рейнджер сбросил с плеч мешок и, порывшись в нем, извлек завернутое в плотную ткань зеркало.

Он обратился к Оракулу, и зеркало показало ему непонятную картину: поле со множеством снежных холмиков, внутри каждого из которых горело по свечке. Эйдриан сразу же понял смысл этого безмолвного послания. Светящиеся снежные холмики должны были привлечь духов его отца и отцовского дяди. Однако до первого снега было еще далеко. Юноша знал, что Де'Уннеро не захочет здесь зимовать, а потому попытался найти какой-нибудь другой способ.

Через час Эйдриан вышел из пещеры, зная, что выбор у него невелик. Он неслышно миновал лагерь, разбитый Де'Уннеро и Садьей, и поспешил к роще, достав из мешочка гематит, графит и солнечный камень.

Сперва он попробовал сокрушить камни могил мощным ударом молнии. Но здесь ему повезло не больше, чем Де'Уннеро: удары молнии оказались им нипочем.

Тогда Эйдриан взялся за солнечный камень, обладавший способностью разрушать чужие магические чары. Он ясно ощущал силы, оставленные Дасслеронд охранять обе могилы. То были крепкие земные узы. Юноша сосредоточил весь свой гнев к предводительнице эльфов, чтобы с его помощью разбить эти узы или хотя бы ослабить их. Вскоре он понял, что с таким же успехом мог попытаться похитить силу у самой земли. Здесь действовало какое-то старинное заклятие, превосходящее по силе возможности Дасслеронд. Скорее всего, предводительница эльфов вошла в какой-то завет с силами земли, возведя вокруг могил невидимую защиту.

— Это ты там грохотал? — спросил Эйдриана Де'Уннеро, когда тот вернулся в лагерь. Попытки рейнджера сокрушить камни разбудили бывшего монаха и Садью.

— Все напрасно, — ответил юноша. — На это место наложено заклятие, которое мне не преодолеть.

— Неужели нет никакой возможности? — разочарованно спросила Садья.

— Придется дождаться первого снега, — объяснил им Эйдриан. — Другого выхода нет.

Де'Уннеро это явно раздосадовало. Однако он сдержался и просто кивнул.

— Пусть будет так.

Его ответ немало удивил Эйдриана. Он хотел услышать совсем иное. Терпение, которому его учили эльфы, так и не стало чертой его характера. Юноша искренне надеялся, что Де'Уннеро либо на какое-то время оставит эту затею и сосредоточится на другом, либо, используя свой опыт, все же найдет способ проникнуть внутрь могил.

— Утром надо будет вернуться в Дундалис, — сказала Садья. — Я не собираюсь несколько недель кряду спать на мокрой земле.

Так они и сделали. Жители Дундалиса были рады пришельцам. Как и в любом городишке, стоящем в глуши, они жаждали услышать новости из большого мира и новые сказания и баллады. Де'Уннеро несколько встревожился, увидев, что над одним из трактиров висит вывеска «У старого друга». Так называлось заведение, которым когда-то владели в Палмарисе приемные родители Джилсепони. Бывший монах узнал и трактирщика — состарившегося Белстера О'Комели. Однако сам Белстер — полуослепший и заметно одряхлевший — даже и не подозревал, кого судьба привела в Дундалис.

Им пришлось прожить в Дундалисе несколько недель, дожидаясь, пока осень сменится зимой. Словно назло, первый снег выпал намного позднее обычного.

Снегопад начался рано утром и продолжался почти до вечера. Захватив мешок со свечами, Эйдриан не стал дожидаться, пока снежинки перестанут падать. Увязая в сугробах, он поспешил в рощу. Густые сосны, окружавшие могилы, не позволили снегу занести их

полностью.

Юноша не мешкая отправился в поле за рощей и принялся лепить из снега холмики, делая сбоку каждого из них небольшую нишу и вставляя туда по свечке. Расставив свечи, он зажег их с помощью рубина и поспешил назад в рощу. Он глядел на могилы, за которыми мерцали огоньки внутри снежных холмиков.

И ждал.

Вскоре он заснул или решил, что спит, ибо все вокруг стало каким-то сонным и призрачным. Он представлял, как камни гробниц откатываются сами по себе; представлял, представлял…

Дрема мгновенно покинула Эйдриана, когда перед ним возник жуткий полусгнивший труп. Мертвец, замахнувшись, с силой ударил его в челюсть. Юноша отлетел в снег.

Эйдриан сразу же стало ясно происходящее: то было испытание. Рейнджеры должны были пройти через это испытание, сражаясь за право обладать замечательным эльфийским оружием, которым прежде владели их предшественники, к этому времени умершие или погибшие. Победить в битве призрака означало заработать право носить такое оружие. Теперь Эйдриан понял смысл некоторых картин, представавших перед ним в последние недели в зеркале Оракула. Он видел, как на этом же самом месте Элбрайн сражался с призраком своего дяди Мазера за его «Ураган».

Мертвец наступал на него — приближался неотступно, шаг за шагом. Эйдриан внимательно наблюдал за ним. Он сразу понял, из какой могилы восстал его призрачный противник. Из правой. Да, он вышел именно оттуда. Значит, это был Элбрайн. Его отец. Теперь юный рейнджер безошибочно знал, что должен вступить в поединок и заставить призрака вернуться обратно в могилу.

Сама мысль о сражении с восставшим из могилы претила Эйдриану. Тем не менее таковы были условия эльфов, наложивших заклятие на это место. Но юноша не собирался подчиняться правилам, установленным Дасслеронд!

Он пригнулся, чтобы избежать второго удара надвигавшегося на него призрака, однако вновь оказался в воздухе. Отец с силой ударил его левой рукой в плечо, когда Эйдриан попытался было отпрыгнуть в сторону. Пошатываясь, он сделал несколько шагов к открытой могиле и заметил в ее темных недрах изумительный эльфийский лук, блеснувший полированным деревом своей дуги.

Также юноша обратил внимание, что камни второй могилы тоже начали шевелиться. Неужели его действия пробудили и второго призрака и теперь ему придется сражаться против них обоих?

Эйдриан отскочил от разверзшейся могилы и прислонился спиной к дереву, следя за приближающимся призраком отца. К этому моменту вторая могила открылась и оттуда показалось еще более сгнившее и страшное создание. То был призрак Мазера, дяди его отца.

Юноша изо всех сил старался не потерять самообладание. Если бы первой открылась левая могила, где лежал «Ураган»! Тогда бы, схватив меч, он устремился прямо на призрак Элбрайна и сумел бы быстро загнать его обратно, пока призрак Мазера не вступил в сражение.

Нет, так не годится, решил юный рейнджер. Ведь именно таких действий ожидала… нет, требовала от него столь ненавистная ему Дасслеронд!

Только сейчас он осознал, что держит в руке гематит, камень души. Это ворота в мир его противников и, быть может…

Наблюдая, как призрак отца надвигается на него, Эйдриан улыбнулся, поднял руку и направил всю свою громадную силу воли в камень души и через камень ударил ничего не подозревавшего призрака волной сильной магической энергии. Тот резко остановился.

Эйдриан чувствовал: глубоко под полусгнившей плотью его отца еще теплится крошечный огонек сознания. Он ухватился за этот огонек волей своего духа; он взывал к Элбрайну, требуя, чтобы именно дух отца, а не его полусгнившая телесная оболочка вышел с ним на поединок. Соединив силу своей воли с магической энергией, юноша ринулся в бой.

Он сражался с самыми древними и неимоверно крепкими узами — узами смерти.

Стараясь не потерять сосредоточенность, Эйдриан с удивлением следил за тем, что разворачивалось у него перед глазами. Страшный призрак начал преображаться: серая сгнившая плоть стала приобретать цвет живой кожи, в пустых глазницах заблестели живые глаза. И в этих глазах был заметен проблеск жизни!

Но оставался еще и второй призрак, который неумолимо приближался к рейнджеру. Юноша попытался сосредоточить свою волю и внимание на нем и почувствовал, что схватка с ним окажется намного труднее. Ведь с момента гибели Мазера прошло гораздо больше времени, и его дух еще крепче связан узами смерти.

Эйдриан замешкался, видя, как Элбрайн отходит, уступая место жуткому призраку Мазеру. Такое промедление могло стоить рейнджеру жизни, ибо призрак рванулся к нему и, с поразительной силой оторвав от земли, пригвоздил к стволу векового дерева. Костяшки пальцев смертельной хваткой сжали горло юноши. Нужно было любым способом высвободиться из этих тисков, не позволявших ему даже вздохнуть.

Рейнджер, извиваясь всем телом, попытался вновь обратиться к силе гематита. Но его усилия были тщетны. Эйдриан чувствовал, что силы покидают его. С каждой секундой он словно все глубже и глубже проваливался в зловещую темноту.

Вдруг сквозь пелену застилавшего сознание тумана юноша услышал, как что-то со свистом рассекло воздух; раздался хруст, он почувствовал, что страшные пальцы разжали его горло, и, не удержав равновесия, упал на четвереньки, жадно глотая холодный ночной воздух. Желая узнать, что послужило причиной его спасения, Эйдриан поднял голову и увидел невдалеке от себя призрак Мазера, размахивающий обрубками рук и пытающийся ударить Элбрайна. Его отец, получеловек-полупризрак, сжимал в руке сверкающий эльфийский меч.

Мгновенно оценив ситуацию, Эйдриан бросился к могиле Элбрайна и вытащил из нее полный стрел колчан и «Крыло Сокола» — грозный эльфийский лук. Удивительно, но время ничуть не повредило оружие: тетива оставалась крепкой.

Отойдя от могилы, он обернулся. Битва призраков продолжалась. Элбрайн наступал на призрак Мазера, как однажды уже делал это при жизни, отвоевывая свое право на «Ураган».

Когда Мазер наконец упал, странное существо — тот, кто раньше был его отцом Элбрайном, двинулось к Эйдриану, опустив меч.

Юный рейнджер взглянул на гематит. А что, если ему удастся полностью разорвать узы смерти и вернуть отца к жизни? Эта мысль ошеломила, удивила и даже ужаснула его.

Странное существо медленно приближалось. Призрак глядел на Эйдриана, и в этом взгляде сливалось все: тревога, страх, замешательство. Духовная связь между ними еще сохранялась, и юноша ясно улавливал каждое ощущение Элбрайна, каждую его мысль. Тот пытался понять, кто стоит перед ним.

— Да, ты меня знаешь, — произнес Эйдриан, обращаясь к призраку.

Он расправил плечи и горделиво выпрямился по весь рост.

— Я — твой сын.

Призрак смотрел на него; его глаза широко раскрылись, а сомкнутые губы слегка изогнулись в подобии улыбки.

Тем не менее так дальше продолжаться не могло. Он мог выбрать одно из двух. Эйдриан сжал в руке гематит. Как поступить дальше? Отправить призрак отца назад, в его темный мир? Или сражаться за полное воскрешение Элбрайна? От этой мысли его вновь охватил ужас.

Рейнджер взялся на лук и так сильно натянул тетиву, что перья сокола, укрепленные на нем, стремительно разошлись в разные стороны, словно и в самом деле были перьями на крыле летящей птицы. Призрак Элбрайна удивленно смотрел на своего сына.

Юноша выстрелил. Стрела вонзилась в грудь призрака, и тот попятился назад. Отец смотрел на Эйдриана в еще большем недоумении.

Рейнджер выпустил в него вторую стрелу, а затем и третью. Теперь то, что стояло

перед ним, опять больше напоминало оживший труп, нежели живого человека. Когда в грудь призрака вонзилась четвертая стрела, он упал и больше уже не поднимался.

Эйдриан проснулся утром, дрожа от холода. Оглядев себя, он не обнаружил на теле ни ран, ни даже царапин. Юноша заснул невдалеке от могил, которые внешне выглядели нетронутыми. Даже снежный покров на них оставался таким же, каким был тогда, когда рейнджер готовился к магическим действиям.

Но среди этого снежного покрова, возле изголовья могил… Увиденное размывало всякие границы между фантазией и реальностью. Там лежали и словно ждали Эйдриана «Ураган» и «Крыло Сокола»!

Подняв лук и колчан со стрелами, юноша перекинул их за спину. Затем он почтительно взял в руки меч. Настоящий эльфийский меч. Эфес «Урагана» был украшен двумя самоцветами — белым и небесно-голубым.

Вместе с отвоеванным наследием Эйдриан уносил с собой новое понимание дальнейших событий своей жизни.

ГЛАВА 22
РАЗГАДКА

Боль в животе мучила ее почти постоянно. Летом королева почувствовала себя лучше; мучительные спазмы прекратились. Однако сейчас они возобновились и стали еще острее. А ведь до конца восемьсот сорок второго года Господня оставалось меньше двух месяцев. Во дворце уже начали готовиться к пышным новогодним торжествам, в чем по традиции всегда принимала участие и королева.

Джилсепони мужественно продолжала выполнять свои повседневные обязанности; делала все, на что хватало сил. Но всякий раз, когда общение с кем-либо из придворных оказывалось для нее особенно тягостным, ей было трудно сдержаться и она давала выход своему раздражению. Однажды, проходя мимо одной из фрейлин, Джилсепони услышала, как та с хихиканьем шепнула другой даме, что королева завела себе любовника. Женщина остановилась: живот вновь свело от нестерпимой боли. Мучительное ощущение помешало Джилсепони обдумать свои действия, и королева подошла к придворной насмешнице и влепила ей пощечину.

Сидя теперь у себя в спальне (не в той, которую она делила с королем Данубом) и вспоминая о случившемся, Джилсепони не могла удержаться от улыбки. Конечно, она поступила вопреки придворному этикету; в конце концов, она могла бы заключить дерзкую девчонку под стражу, но ответить на свою обиду собственноручно… Тем не менее Джилсепони ничуть не сожалела о своем поступке. Ох, каким взглядом одарила ее эта глупая раскрашенная кукла, угрожающе прошипев:

— Если бы вы только не были королевой…

— Радуйся, милочка, что я — королева, — ответила Джилсепони, чувствуя, как охвативший ее гнев пригасил волну боли. — Иначе так просто ты бы не отделалась, да и твоя приятельница — тоже.

С этими словами Джилсепони выразительно посмотрела на вторую фрейлину — единственную свидетельницу случившегося.

Разумеется, насмешница не простила ей этого. По дворцу поползли слухи; поговаривали даже, что фрейлина добивается, чтобы король Дануб заставил королеву Джилсепони публично извиниться перед нею за свой неслыханный поступок. Да, если дело не ограничится слухами, Дануб окажется в весьма неприятном положении…

Как бы там ни было, королева считала, что фрейлина вполне заслуживала пощечины. Не счесть случаев, когда Джилсепони едва сдерживалась, чтобы не отвесить оплеуху кому-либо из лицемерно-благочестивых придворных сплетниц (по большей части — из окружения Констанции Пемблбери) и столь же напыщенных и не менее глупых вельмож мужского пола.

Увы! То, что могла разрешить себе Джилсепони, королеве было непозволительно.

И потому она старалась направить внимание и силы в другое, куда более благодатное русло. Большая часть знати вела праздный образ жизни, развлекаясь охотой, играми, балами, флиртом и тем, что за ним обычно следовало. Королева же получала удовлетворение, продолжая дело Эвелина и Элбрайна. Она стремилась сохранить в себе бойцовские качества и защищать тех, кто нуждался в ее помощи. Когда-то она билась против гоблинов и поври. Теперь Джилсепони разбирала тяжбы мелкой знати, вела сражения с ленивыми и корыстолюбивыми чиновниками, меняла устоявшиеся традиции. Вместо меча и самоцветов она воевала словом.

Битвы эти были затяжными и нелегкими, и не раз заставляли королеву бессильно опускать руки. Традиции, на которые она покушалась, существовали веками, и их сторонники не мыслили ничего иного. Несмотря на искреннюю любовь и поддержку Дануба, при дворе Джилсепони по-прежнему считали чужой и совсем не торопились откликаться на разумные нововведения.

А теперь еще эти усилившиеся спазмы, сопровождавшие каждый ее шаг… Нижнюю часть живота словно жгло огнем, боль растекалась по всему телу и туманила разум. До сих пор Джилсепони не решалась взять камень души и попытаться установить причину своего недомогания. Во-первых, до недавнего времени боль была еще терпимой, и женщина надеялась, что она пройдет сама по себе. Во-вторых, ей просто не хотелось этого делать. Тогда, во время битвы на поле близ Палмариса, Маркворт не только лишил Джилсепони ребенка, которого она носила в чреве. Дух демона, направлявший Марквортa, надругался над ее женской сущностью, грубо вторгшись в нее и, по сути, изнасиловав. Заглянуть в свое чрево, пусть даже с целью врачевания, означало для Джилсепони вновь пережить те ужасающие мгновения.

Однако выбора у нее не было. С течением времени боль становилась все невыносимее. Помимо опасений, что последствия сражения с Марквортом могут угрожать ее жизни, нынешнее состояние мешало Джилсепони не только в выполнении ее обязанностей королевы, но и супружеских обязанностей, убивая всю радость жизни.

Женщина взяла камень души и, думая об Элбрайне, чтобы сделать происходящее менее тягостным, начала свое нелегкое исследование. Она не пыталась заглушить тяжелые и горестные воспоминания, сосредоточиваясь на их светлых сторонах. Она думала о ребенке, которого вынашивала, снова вспоминая то чувство наслаждения, которое испытывала, ощущая, что в ней растет новая жизнь.

Джилсепони проникла в свое пустое чрево, осмотрела шрамы, оставшиеся после той битвы. Но кроме этих старых рубцов она обнаружила и нечто другое — живое, злобное и пугающее. В ее плоть впились тысячи маленьких коричневых демонов, объятых неутолимым голодом.

Ошеломленная, Джилсепони с трудом восстановила ясность мыслей. После чего ринулась в бой с ними столь же неистово, как когда-то сражалась с демонами розовой чумы, яростно уничтожая пожиравших ее нутро демонов целительной силой камня души.

Она начала ощущать исцеление — как телесное, так и душевное. В отличие от демонов чумы коричневые демоны не плодились с такой пугающей быстротой. Ее схватка с ними была долгой, очень долгой, но когда Джилсепони вернулась в обычное состояние, она хотя и была изможденa, зато давно уже не чувствовала себя так хорошо. Может, целый год, а может быть, и дольше.

Королева легла на постель, заложила руки за голову и с наслаждением вытянулась всем телом. Еще недавно это заставило бы ее закусить губы от нестерпимой боли. Теперь боль куда-то пропала, исчезли и мучительные спазмы. К Джилсепони вернулось телесное здоровье, однако это не избавило ее сознание от лавины вопросов. Была ли ее победа полной и окончательной? Сумела ли она уничтожить эту болезнь — или как назвать то, что мучило ее все эти долгие месяцы? Что означало ее выздоровление для нее самой и Дануба? Сможет ли она теперь родить королю наследника?

Следом за этим ее сразу же настиг другой вопрос: а хочет ли она ребенка от Дануба?

Сейчас было слишком рано думать об этом. Исцеление собственного чрева (хотя королева подозревала, что проделанное ею называлось как-то по-другому) имело далеко идущие последствия, и не все они были радостными. Кого бы она ни родила, чванливый и лицемерный двор Дануба сразу же возненавидит ее ребенка.

«Нет», — твердо ответила себе Джилсепони. Она не исцелила ран, нанесенных ей Марквортом; те были слишком давними и глубокими, чтобы поддаваться врачеванию магии самоцветов. Она избавилась от чего-то другого; возможно, от какого-то недуга, вызванного этими ранами.

Но какими бы ни были результаты и последствия ее битвы с коричневыми демонами, столь длительное время терзавшими ее тело, королева Хонсе-Бира чувствовала себя гораздо лучше. В таком приподнятом настроении и застала ее одна из служанок, которая принесла Джилсепони завтрак. Королева уселась за столик возле кровати и стала ждать, пока та расставит тарелки с кушаньями. Впервые за все это время в ней пробудился здоровый аппетит.

Когда служанка вышла, Джилсепони вооружилась вилкой и ножом и приготовилась…

Вилка и нож так и застыли в руках ошеломленной женщины. Она отчаянно заморгала, предполагая обман зрения. Возможно, это явилось результатом ее недавней битвы. Возможно, у нее еще сохранялась внутренняя связь с гематитом… Однако сейчас было не до поиска причин: она вновь увидела коричневых демонов.

Маленькие злобные существа бросали на нее жадные взгляды. Вся пища просто кишела ими. И Джилсепони ощущала их чудовищный голод.

Вздрогнув, королева оттолкнула стул и снова достала камень души. Она колебалась. А вдруг обнаружится, что сама пища является для нее ядом? Вдруг раны, нанесенные демоном, способны сотворять что-то с пищей, превращая ее в отраву? Как тогда жить? Как…

Джилсепони отбросила эти страхи и погрузилась в камень души, чтобы внимательно проверить принесенные ей кушанья. Результаты, с одной стороны, успокоили королеву, но с другой, только усилили ее страх. Ядовитой была не сама пища, а что-то, подмешанное в нее!

Джилсепони смахнула тарелку на пол, и та со звоном разлетелась на куски. Королева добралась на подгибающихся ногах до постели и упала на нее, пытаясь обдумать свое открытие и связанные с ним последствия, от которых ее пробирала дрожь. Неужели кто-то давно и регулярно пытается ее отравить?

— Быть может, мой желудок не воспринимает некоторых приправ, — произнесла она вслух, хотя сама прекрасно понимала, что маленькие голодные демоны были не приправой, а отравой, намеренно добавляемой в ее пищу.

Женщина быстро оделась и приступила к поискам отравителя. Служанка, которую она сразу исключила из числа возможных заговорщиков, привела ее в громадные помещения дворцовой кухни, прямо к главному повару Кеникану, удостоенному чести готовить пищу для королевской четы.

Когда Джилсепони велела всем удалиться и оставить их одних, подобострастная улыбка немедленно сползла с лоснящегося лица повара. Он не терялся в догадках и сразу понял, что привело сюда королеву. Пристальный взгляд Джилсепони и ее резкие вопросы, требовавшие немедленного и однозначного ответа, вынудили толстяка на быстрое признание. Впрочем, Кеникан был лишь исполнителем.

— Если Анджелина просто приносила мне еду, даже не подозревая, что туда подмешано, то ты прекрасно знал об этом, а потому являешься соучастником преступления, — решительно объявила повару Джилсепони.

— Нет, я… я не знал, ваше величество, — заплетающимся от страха языком пытался оправдаться Кеникан.

— Все ты знал, — отрезала королева. — Я сразу это поняла по твоим бегающим глазкам, едва только потребовала, чтобы нас оставили вдвоем. Ты все прекрасно знал.

— Смилуйтесь, ваше величество! — застонал, падая на колени, толстяк, который

понял, что обречен. — Я не смел ему отказать! Кто он, и кто я! Всего лишь повар, незаметная букашка, человек…

— А ну-ка, встань, — приказала ему Джилсепони.

Пока Кеникан, кряхтя, поднимался на ноги, она пыталась разобраться в своем гневе. Какая-то часть ее натуры жаждала отхлестать негодяя по щекам, и королева уже была готова позвать гвардейцев, чтобы повара арестовали, судили и наказали по всей строгости закона. Но другая часть ему сочувствовала. Кеникан оказался между двух противоборствующих сил, каждая из которых с легкостью могла стереть его в порошок. Женщина вполне понимала и то, почему толстяк принял сторону заговорщика — он знал, как относятся к королеве Джилсепони придворные. Неудивительно, что слуги подражали господам.

— Значит, ты собирался убить меня? — спросила она повара.

На лице Кеникана отразился неподдельный ужас.

— Ты добавлял отраву в мою пищу, — продолжала Джилсепони.

— Отраву? — простонал он. — Но ведь все дамы… Я думал…

Королева недоуменно воззрилась на толстяка. После чего велела ему сесть и потребовала, чтобы он сознался ей во всем.

То, чем ее пытались отравить, было отваром сбора трав, которую принимали придворные дамы, чтобы избежать нежелательной беременности. Повар рассказал Джилсепони, каким образом придворные дамы получали эти травы — их поставлял один человек. Человек этот, обладающий огромным влиянием и властью, явился к повару и объяснил, что отныне он должен добавлять отвар этих трав в пищу королевы, что не вызвало у него особого удивления, поскольку он по просьбе дам, живших в замке, не раз приправлял таким образом их пищу.

Имя злоумышлявшего против нее не столько поразило, сколько ужаснуло Джилсепони. А живших в замке придворных дам, включая и Констанцию Пемблбери, можно было легко пересчитать по пальцам.

Джилсепони напряженно обдумывала ход своих дальнейших действий.

— Как мне теперь после этого тебе верить? — спросила она Кеникана. — А ведь я должна доверять тебе больше, чем многим другим.

— Умоляю, не выдавайте меня, ваше величество, — едва слышно простонал несчастный толстяк, дрожа всем телом. Он прилагал отчаянные усилия, чтобы не разрыдаться. — Я исчезну из замка и из города. Скроюсь далеко-далеко. Вы никогда меня больше не увидите…

— Нет, — перебила его королева, и повар поднял на нее глаза, в которых плескался смертельный ужас. — Ты останешься в замке, и о твоем поступке никто не узнает. — Джилсепони глядела на него сурово, но во взгляде ее также можно было заметить сочувствие. — Ты виновен в том, что сделал неправильный выбор. Однако свою ошибку ты, я надеюсь, не повторишь.

Кеникан недоверчиво хлопал глазами, словно не понимая или не веря тому, что слышал.

— Ты являешься защитником короля и королевы Хонсе-Бира, — властным тоном произнесла женщина. — Ты стоишь на страже жизни и здоровья Данубa и Джилсепони. Ты защищаешь нас точно так же, как герцог Калас, командующий Бригадой Непобедимых. И ты далеко не какая-то там букашка, поскольку занимаешь очень важное положение. Ты должен понимать, какую ответственность налагает на тебя наше доверие. Через твои руки проходит наша пища. Ты готовишь ее, пробуешь и тем самым защищаешь корону.

— А я, негодяй… Как я мог?.. — сокрушенно вздохнул толстяк.

— Нет такого человека, который бы не ошибался, — ответила королева.

Взяв повара за подбородок, она заставила его глядеть ей прямо в глаза.

— Ты, наверно, знаешь о моих подвигах на севере, — сказала она, усмехнувшись.

— Конечно, ваше величество. И про борьбу с демоном, и про то, как вы спасли мир от розовой чумы, — с готовностью отозвался Кеникан.

— Как-нибудь я непременно расскажу тебе и о своих многочисленных неудачах, — пообещала Джилсепони и снова усмехнулась.

Несчастный толстяк долго не мог прийти в себя, однако потом, набравшись смелости, все же спросил:

— Что со мной будет, ваше величество?

— Я буду внимательно следить за тобой, — ответила королева. — Ради безопасности моего мужа я желаю убедиться, что твое сердце не солгало. Однако я верю, что ты больше не подведешь.

Кеникан несколько минут сидел с широко раскрытым ртом.

— Нет, ваше величество, — наконец сказал он. — Я не подведу вас и под страхом смерти. И я никогда не забуду вашего великодушия…

Джилсепони тепло улыбнулась ему на прощание. Она не была до конца уверена в правильности своего решения, ибо действовала скорее по наитию. Тем не менее она решила исполнить обещанное и внимательно следить за тем, какую пищу будут подавать ей и Данубу.

Одно королева знала наверняка: она поступила с поваром так, как поступил бы с ним Эвелин. Разве доступ к его завету был открыт только для честных и праведных? Кто знает, сколько воров и убийц побывали в годы чумы в Барбакане и, приложившись к его руке, спаслись от розовой чумы?

В глубине души Джилсепони сознавала: Кеникан — такая же пешка в чужих преступных руках, как и ее служанка; несчастный толстяк вынужден был подчиниться тому, в чьих руках находились сила и власть. И вот этот человек уже не может рассчитывать на ее великодушие!

Проходя по коридорам Сент-Хонса к кабинету настоятеля Огвэна, Джилсепони испытывала странное спокойствие. Это удивляло ее, и она даже остановилась, чтобы поразмыслить о его причинах. Возможно, она чувствовала свою силу. Джилсепони не раз приходилось вступать в схватку с влиятельными людьми абеликанского ордена, и очень часто она ощущала себя на краю пропасти. Но сейчас…

Сейчас она знала, что аббату Огвэну защититься нечем. Он не сможет и не решится противиться ее требованиям.

Королева постучалась и вошла, не дожидаясь ответа. Огвэн, сидевший за столом, поднял на нее удивленный взгляд. Он собирался что-то сказать, но не успел. Джилсепони резко захлопнула за собой дверь и с негодующим огнем в глазах воззрилась на Огвэна.

— Вы уже много месяцев подряд отравляете мою пищу, — без обиняков заявила она.

Настоятель Сент-Хонса что-то пробормотал заикаясь и начал было подниматься, но тут же снова беспомощно плюхнулся в кресло, ножки которого едва не подломились под его тяжестью.

— Отпираться нет смысла, — холодно продолжала королева. — Я обнаружила это снадобье и успела переговорить с человеком, который добавлял мне его в пищу, не осмеливаясь ослушаться ваших приказаний.

— Это не отрава! — возразил аббат Огвэн, кое-как поднявшись на ноги. — Ни в коем случае не отрава…

— Тогда яд, если такое слово вас больше устраивает, — отрезала Джилсепони.

— Это просто травы, предохраняющие вас от беременности, и не больше, — вскрикнул Огвэн. — Вы должны понять, что у меня не было особого выбора…

Судя по лицу королевы, она не слишком понимала, о чем идет речь.

— Вы… вы… вы появились здесь и все испортили, — отчаянно брякнул настоятель Сент-Хонса, сочтя за лучшее перейти в наступление. — В Урсальском замке существует… по крайней мере, существовал установленный порядок, которого вам не понять и который вы…

— Я прибыла в Урсал по приглашению того, кто один лишь может заявить мне, что

мне подобает и что не подобает делать, — гневно перебила его Джилсепони. — Он один определяет порядок при дворе! А если мое присутствие в Урсальском замке чем-то мешает затхлому обособленному мирку, созданному придворной знатью и верхушкой церкви, что ж, я считаю, что это добрый знак!

Аббат Огвэн воздел руки к небесам. Весь его боевой пыл испарился под негодующим взглядом королевы.

— Это не отрава… — беспомощно повторил он.

— Я ничего не знаю об этих травах, кроме одного: мне их подмешивали в таком количестве, что еще немного — и я бы отправилась на тот свет, — ответила Джилсепони.

— Вы не правы! — возразил настоятель Сент-Хонса. — Их порции были рассчитаны на то, чтобы вы не забеременели. Неужели вы можете винить меня за это? Вы понимаете, какой удар нанесла бы ваша беременность интересам церкви и государства?

Королева обдумывала первую фразу аббата, поэтому не сразу обратила внимание на всю нелепость его последних слов. Она считала, что настоятель Сент-Хонса лжет — он не мог не знать, что в ее пищу подмешивалось слишком большое количество этих сильнодействующих трав. Однако тон Огвэна, как ни странно, был вполне искренним, и Джилсепони подумала, что, может быть, ошибается и он не грешит против истины.

— Так значит, вы давали эти травы и Констанции, уберегая ее от беременности? — спросила она.

— Разумеется, — ответил аббат. — Не одну сотню лет настоятели Сент-Хонса снабжают такими травами придворных дам.

— И королев тоже? — осведомилась Джилсепони. — Особенно без их позволения!

Аббат Огвэн замотал головой и опять начал заикаться.

— Н-никогда еще к-королева не забирала в свои руки власть над Сент-Хонсом, становясь его начальствующей сестрой… — пробормотал он.

— Да, я королева и потому неподвластна вам, аббат Огвэн, — спокойным тоном, в котором, однако, явственно слышалась угроза, произнесла Джилсепони.

— Я хочу знать, кто из придворных дам получает от вас такую, с позволения сказать, приправу к пище, — продолжала она. — Назовите мне всех по именам.

— Травы заранее отмерялись на порции, которые затем передавали посыльному, — с простодушным видом заявил Огвэн.

Аббат быстро сообразил: Джилсепони догадалась, что Констанция и другие придворные дамы легко могли отсыпать часть своих порций, добавляя их к тем, что были предназначены для королевы.

Джилсепони покачала головой, удивляясь тупости Огвэна.

— Вы — лгун и глупец, — резко бросила она.

— Н-но, уважаемая начальствующая сестра, — забормотал аббат. — Ваше величество…

— Вы оставите свой пост, — заявила Джилсепони. — Отправляйтесь куда-нибудь подальше от Урсала и двора, будете служить обыкновенным священником при часовне.

— Вы забываете, что я — настоятель Сент-Хонса! — возмутился аббат Огвэн.

— Теперь уже нет! Если вы не покинете Урсал сегодня же, я сообщу королю Данубу о вашем вероломстве. Тогда вас будет ожидать позорный конец, которого, впрочем, вы вполне заслуживаете.

— Вы хотите разжечь войну между церковью и государством! — в отчаянии возопил аббат.

— Церковь отречется от вас, — заверила его королева. — Вы и сами знаете ее правила. Я же даю вам возможность остаться в ордене и вновь обрести совесть, которую вы потеряли. Но времени на обдумывание у вас не будет. Соглашайтесь немедленно и безоговорочно, иначе прямо отсюда я отправлюсь к королю, и когда он услышит эту историю, вам будет несдобровать.

Страх, отчаянное несогласие и даже гнев — за считанные секунды на лице Огвэна

успели отразиться все эти чувства. Наконец он, подобно зверю, бесповоротно загнанному в угол, выпрямился во весь рост.

— Вы возомнили себя Богом, — с нескрываемым презрением произнес он.

Королева ответила ему не менее презрительным взглядом.

— Если бы я действовала как человек, вы бы сейчас лежали на полу в луже собственной крови, — спокойно произнесла она.

Огвэн попятился назад и сник.

Джилсепони знала, что делать дальше. Вооруженная кое-какими подробностями, которые ей удалось вытянуть из разоблаченного настоятеля, она поспешила назад, в замок. Ей предстояла схватка, которой она до сих пор всячески избегала. Она отнюдь не была охвачена боевым пылом; наоборот, Джилсепони решилась на это с глубокой печалью в сердце. Но она знала: на сей раз битва неизбежна.

Подойдя к покоям Констанции Пемблбери, она постучалась и стала ждать ответа.

За дверью послышался сонный голос Констанции. Придворная дама чуть приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Когда она увидела незваную гостью, лицо ее перекосилось от злобы, однако придворная дама быстро совладала с собой.

— Я должна поговорить с вами, — сказала Джилсепони.

— Говорите.

— Наедине.

— Говорите здесь или уходите, — прошипела Констанция, вздергивая подбородок. — Мне некогда.

Раньше, чем она успела договорить, Джилсепони оттеснила ее плечом и проникла в комнату, захлопнув за собой дверь.

— Мне наплевать, королева вы или нет, но у вас нет права вторгаться в мои покои! — взвизгнула придворная дама.

— А было ли у вас право вторгаться в мое тело? — резко спросила Джилсепони.

Констанция хотела было что-то ответить, но умолкла, раскрыв рот. Неожиданное и достоверное обвинение застигло ее врасплох.

— Ч-что? — заикаясь спросил она. — Что за чепуху вы…

— Я только что побывала у аббата Огвэна, — перебила ее королева. — А до этого я навестила кухню Урсальского замка. Госпожа Пемблбери, мне известно и о травах, предотвращающих беременность, и о том, в каких количествах вы подмешивали их мне в пищу.

— А где у вас доказательства? — осведомилась придворная дама, попытавшись от обороны перейти в наступление.

— Вам было недостаточно предохранять меня от беременности? — словно не обращая внимания на ее слова, спросила Джилсепони. — Вы хотели лишить меня и самой жизни?

— Вы не знаете…

— Знаю, — это слово Джилсепони произнесла с такой яростью, что Констанция невольно отпрянула. — И король Дануб тоже об этом узнает, если только…

— Если только… — потерянно прошептала придворная дама, совсем не желая показывать свою искреннюю заинтересованность.

— Если только Констанция Пемблбери не покинет немедленно Урсальский замок, — пояснила Джилсепони. — Уезжайте, и как можно дальше. В Йорки, в Энтел, да хоть в Бехрен, если вам так угодно. Единственное условие — это место должно быть достаточно удалено от столицы.

— Но это невозможно! — воскликнула Констанция.

— Другого выбора у вас нет, — спокойно ответила Джилсепони. — Я знаю о ваших злодеяниях и, если у меня не останется другого выхода, объявлю о них публично. Я открою правду о вашем заговоре королю, придворным, а если понадобится — и всем жителям Урсала. Вы предпочитаете именно это? Хотите, чтобы я полностью вас уничтожила?

— Я не могу уехать!

— Однако остаться здесь вам не удастся, — отрезала королева. — И не стоит тратить время на совершенно бессмысленные споры. Я пришла предложить вам единственный шанс на спасение: немедленно убирайтесь из Урсала и из моей жизни. Я не собираюсь терпеть в своем доме убийцу.

— В вашем доме? — пренебрежительно фыркнула придворная дама и подалась вперед, тыча пальцем в лицо Джилсепони. — В вашем доме? Да какое отношение имеете к этому дому вы, девчонка из простонародья? Ваш дом — в глуши Тимберленда, где живут подобные вам неотесанные бабы.

Джилсепони подняла руку и ударила ее по лицу. Констанция явно не ожидала такого ответа. Она ошеломленно попятилась.

— Впредь получше думайте над своими словами и не вынуждайте меня объясняться при помощи пощечин, — тихим, но властным голосом произнесла королева. — Вы пытались меня убить. Какими бы ни были ваши чувства ко мне, действия ваши не что иное, как измена государству. Это очевидный и неопровержимый факт. Если же вы все-таки будете продолжать упорствовать, я объявлю о вашем злодеянии, и тогда горе Констанции Пемблбери и горе ее детям, наследникам престола.

Упоминание о сыновьях мигом погасило гнев придворной дамы. Она задрожала всем телом; ее глаза метались из стороны в сторону, отчаянно ища выхода.

— Убирайтесь, — повторила Джилсепони. — И чтобы ноги вашей не было больше ни в замке, ни в городе.

Констанцию так трясло, что королева опасалась, как бы та не упала в обморок.

— Мои дети, — едва слышно произнесла придворная дама.

— Ваши сыновья, если желаете, могут остаться здесь, — ответила Джилсепони. — Или заберите их с собой. Выбор остается за вами. Неужели вы так до сих пор и не поняли, что я не являюсь угрозой для Мервика и Торренса и не собираюсь мешать их восхождению на престол?

Королева покачала головой и сокрушенно усмехнулась. Она до сегодняшнего дня не являлась угрозой и для самой Констанции. Ей хотелось сказать об этом взбешенной придворной даме, попытаться воззвать к ее разуму, спасти ее…

Но все зашло слишком далеко. Джилсепони понимала: ей никогда не наладить отношений с Констанцией Пемблбери, особенно если учесть, что эта женщина продолжает любить короля Дануба. Ненависть придворной дамы к Джилсепони была даже сильнее, чем страх за судьбу собственных детей. Эта ненависть имела корни в ее слепой и непреодолимой ревности к королеве. Джилсепони вспомнила язвительные колкости и насмешки, постоянно отпускаемые за ее спиной Констанцией и другими знатными дамами. Она вдруг поняла, что даже если бы это и было возможным, ей совершенно не хочется делать каких-либо шагов к примирению с этой женщиной.

— Нам больше нечего обсуждать, — сказала королева, подняв руку, чтобы упредить возможные возражения Констанции. — Я предоставила вам выбор. Вы вольны поступать тем образом, который сочтете для себя наилучшим. Напоминаю, однако: у меня есть все доказательства, чтобы обвинить вас на открытом суде.

Джилсепони махнула рукой, показывая, что разговор окончен, и направилась к двери.

— Сколько времени? — послышался вдруг дрожащий голос придворной дамы.

Королева обернулась. У нее сжалось сердце при виде жалкого зрелища, которое сейчас представляла из себя эта надменная придворная дама.

— Сколько времени у меня осталось до отъезда? — спросила запинаясь Констанция.

— Завтра — последний день вашего пребывания в Урсальском замке. Еще один день я даю вам на сборы, — ответила Джилсепони, знавшая, что у Констанции полно богатых и влиятельных друзей, которые не откажутся помочь ей в этом.

— И советую придержать язык относительно причин вашего внезапного отъезда, — предупредила она. — Предупреждаю также: если вы осмелитесь снова трепать мое имя или отзываться обо мне неподобающим образом, я потребую суда над вами, и все увидят вашу

истинную сущность.

— Ведьма, — прошипела Констанция вслед уходящей сопернице.

Джилсепони даже не обернулась. Ее не терзали угрызения совести; наоборот, она была довольна тем, что проявила великодушие. И в то же время женщина понимала: Констанция покинет Урсал, но вряд ли сможет отказаться от мыслей о мести. И еще неизвестно, какими бедами это может в дальнейшем обернуться для королевы Джилсепони.

ГЛАВА 23
ТАЙНА ГОСПОЖИ ДАССЛЕРОНД

Вслед за первым снегом, которого с таким нетерпением ожидали трое искателей удачи, наступила настоящая зима, вынудившая их остаться в Дундалисе. Однако нельзя сказать, что для Эйдриана, Де'Уннеро и Садьи долгие зимние месяцы оказались потерянным временем. Жители городка встретили их весьма радушно. Сам город значительно вырос по сравнению с той деревней, какой был Дундалис времен Элбрайнова детства. Поскольку в годы розовой чумы паломники, направлявшиеся в Барбакан вкусить крови завета Эвелина, непременно проходили через Дундалис, часть из них на обратном пути осела здесь. Население города утроилось. Но все равно уклад здешней жизни определяли коренные жители Дундалиса и те, кто прежде жил в городках и деревушках, стоявших на самом краю обжитого мира. Сплоченные, привыкшее доверять друг другу, обитатели Дундалиса опирались на взаимную поддержку и бескорыстную помощь. Однако рано или поздно любое замкнутое сообщество начинает окостеневать и ему бывает крайне необходим приток свежих сил. Эйдриан — непревзойденный следопыт и охотник, Де'Уннеро, многое умевший и привыкший трудиться на совесть, и Садья с ее неистощимым запасом песен и баллад на все вкусы как раз и явились для Дундалиса такой свежей струей.

Где-то в середине зимы, в одну из темных северных ночей все трое любовались редким зрелищем. На небе сияли удивительные разноцветные кольца Гало Короны. То было величественное и сверхъестественно красивое зрелище, неподвластное границам понимания и превосходящее все земное и тленное. Де'Уннеро и Садья воспринимали его не столько глазами, сколько душой. Бывший монах считал явление Гало знаком того, что тигр-оборотень не отлучил его от Божьей милости и благосклонности святого Абеля. У Эйдриана это зрелище вызывало смешанные чувства. Величественно сияющие небесные кольца намекали ему на существование чего-то большего, нежели пребывание в смертном теле. Чудесное небесное явление странно волновало юношу, имевшего собственные воззрения на бессмертие и способы его достижения. Глядя на кольца Гало, он почему-то вспоминал свое недавнее сражение с духами отца и отцовского дяди.

Ночью окрест Дундалиса происходили и другие необъяснимые события. Ветер доносил звуки печальных и призывных мелодий. Все трое не раз завороженно слушали их, позабыв обо всем. Один Де'Уннеро догадывался об источнике этих чарующих звуков. Бывшего монаха вовсе не радовало, что дерзкий кентавр Смотритель вернулся в родную стихию лесов Тимберленда.

Де'Уннеро даже подумал, не обернуться ли ему тигром и не свести ли наконец счеты с кентавром. Впрочем, он сразу же отбросил эту мысль. Ведь если он выследит Смотрителя, но не сумеет убить, кентавр обязательно даст знать своим друзьям — и прежде всего Джилсепони, — что Де'Уннеро жив. Учитывая происхождение Эйдриана, подобная шумиха могла бы только повредить их дальнейшим замыслам.

— Ты ведь знаешь, откуда эта музыка, — сказала ему Садья в один из вечеров, когда ветер вновь принес в их домик звуки волынки.

— Может, знаю, а может, и нет, — уклончиво ответил Де'Уннеро. — Какое это имеет значение?

— Я бы непременно хотела встретиться с этим волынщиком.

— Нет, — резко возразил Де'Уннеро, но тут же заставил себя улыбнуться и сказал: —

Лесной Дух — так его иногда называют — уже не один десяток лет играет на своей волынке в чащах Тимберленда. Одни считают его человеком, другие — конем, третьи утверждают, что он нечто среднее.

Садья прищурилась.

— Так это Смотритель, — лукаво улыбнувшись, протянула она.

Де'Уннеро понял, что попался. Маленькую певицу было не так-то легко одурачить!

— Очень может быть, — не стал спорить бывший монах. — Потому-то я и хотел бы избежать встречи с ним.

Его подруга понимающе кивнула.

— А вот я бы с удовольствием взглянула на него, — тихо сказала она и пододвинулась к Де'Уннеро.

— Я бы тоже, — пробормотал бывший монах, для которого «радость» встречи с этим дерзким возмутителем спокойствия и пособником Эвелина имела совсем иной смысл, нежели для Садьи.

В один из длинных и темных вечеров из леса долетел совсем непонятный звук. Возможно, его слышал только Эйдриан.

— Кто-то зовет меня в лес, — объяснил он спутникам.

Де'Уннеро и певица переглянулись, умело скрыв свою обеспокоенность. Возможно, юноша имел в виду Смотрителя или кого-нибудь из прежних друзей погибшего отца.

— И кто же тебя зовет? — осторожно поинтересовалась Садья.

— Если бы я знал, — ответил Эйдриан. — Знаю лишь, что он меня зовет. Думаю, что только меня.

— Не обращай внимания на эти призывы, — посоветовал Де'Уннеро. — Зима на исходе. Кроме добытого тобой оружия, нам здесь больше нечего искать. Разве что приключения, сулящие беду.

— Но…

— Говорю тебе, не обращай внимания, — уже жестче повторил бывший монах. — Леса вокруг Дундалиса — неподходящее место для прогулок. Там полно такого, с чем лучше не сталкиваться, включая госпожу Дасслеронд и ее соплеменников.

При упоминании об эльфах Эйдриан умолк и вскоре отправился на отдых, причем уснул очень быстро.

Проснулся он среди ночи: внутри опять звучал этот странный настойчивый зов. Юноша чувствовал, что здесь задействована магия самоцветов, но какая-то иная, несвойственная ни госпоже Дасслеронд, ни другим эльфам. Он мог с уверенностью сказать, что зовущий его не является ни человеком, ни эльфом. Тогда кем? Рейнджер хотел разбудить Де'Уннеро и настоять, чтобы они оба отправились на поиски, но потом вспомнил о его суровом предостережении. Нет, Де'Уннеро здесь ни при чем. Решать должен он сам.

Эйдриан поспешно оделся и тихо вышел из дома. На плече у него висел лук, к поясу был прикреплен меч. Днем он остерегался показываться с завоеванным в схватке с призраками оружием, но сейчас в городе все спали.

Лес по-прежнему тонул в снегу, однако юный рейнджер выбирал подветренные места, где снега скапливалось меньше. Он шел несколько часов подряд, испытывая непонятное возбуждение и потому совершенно не ощущая пронизывающего ветра. Наконец он добрался до поляны, где его усилия были наконец вознаграждены.

На поляне стоял конь. Таких лошадей Эйдриану еще никогда не доводилось видеть! Он даже не предполагал, что подобные животные могут существовать на самом деле, а не только в сказаниях и балладах. В лунном свете блестела иссиня-черная шкура жеребца. Между глаз пролегала белая полоса и такие же белые манжеты украшали сильные, мускулистые ноги коня. Буйная черная грива подсказала Эйдриану, что это отнюдь не домашний конь и хозяина у него нет.

Юноша вновь услышал призыв, несущий в себе и приветствие, и вопрос. Он почувствовал, что конь не меньше, чем он сам, удивлен их встречей.

Жеребец встал на дыбы, и рейнджер заметил, как что-то блеснуло на его могучей груди.

— Самоцвет, — прошептал Эйдриан, понимая теперь, что их беззвучное общение происходит благодаря этому камню.

— Кто ты? — спросил он, приближаясь к коню.

Тот вновь встал на дыбы и угрожающе заржал, однако юноша не отступил. Он достал камень души и направил в него свой дух.

Дар. Это конечно же был Дар — конь Полуночника, о чем Эйдриан еще не догадывался. Поначалу благородное животное охотно вступило с ним в общение и вдруг, по какой-то непонятной для рейнджера причине, заупрямилось. Конь явно был чем-то встревожен. Юноша открыл глаза. Жеребец ржал, становился на дыбы, угрожающе бил копытами воздух, потом наконец отскочил в сторону.

Однако Эйдриан не собирался отпускать его! Он уже решил, что теперь у него будет лошадь. Его собственная лошадь. Конь завоевателя — несравненный, как и сам завоеватель. Эйдриан вновь обратился к камню души, но теперь вместо увещеваний его мысли приказывали.

Дар ответил возмущенным отказом. От него исходили волны инстинктивного страха, смешанного с яростью.

Однако они оба находились сейчас в магическом пространстве, а там ни одно существо в мире не могло противостоять темной силе воли Эйдриана. Их борьба продолжалась. Дар сопротивлялся, как противится необъезженный жеребец, не привыкший носить на себе седло и всадника. Он отчаянно брыкался, но юноша не выпускал его из своей железной хватки. Конь пытался ускакать, но в том пространстве, где они сейчас находились, скакать было некуда. Рейнджер неутомимо, с нарастающей уверенностью в своих силах «объезжал» Дара.

Когда Эйдриан прервал магическую связь, Дар уже покорно подошел к нему. Благородное животное впервые в жизни обрело не друга и единомышленника, а хозяина.

Будущий король завоевал себе коня.

— Тебе никак не меньше двадцати зим, — вслух заметил юноша, оглядывая свое новое приобретение.

— А по-моему, так и все тридцать будет, — раздался сбоку чей-то звучный голос.

Изумленный рейнджер выхватил меч и быстро обернулся. Перед ним стояло диковинное существо с человеческой головой и торсом, вросшим в тело лошади!

— Кто ты, парень, и что тебе понадобилось от моего друга Дара? — спросил кентавр.

— Дара? — повторил Эйдриан, затаив дыхание.

Теперь все вставало на свои места. Из рассказов Белли'мара Джуравиля юный рейнджер знал и о Даре, и о Смотрителе. Значит, эльф говорил правду и даже не приукрасил действительность. Эйдриан приветливо улыбнулся кентавру. Смотритель улыбнулся в ответ, но улыбка мгновенно исчезла с его губ, когда он заметил в руках незнакомца меч Полуночника.

— Не похоже, что ты из породы осквернителей могил, — произнес кентавр.

— У меня нет ничего общего с ворами, — заявил юноша. — Я лишь забрал то, что принадлежит мне по праву. Сначала из могил, а теперь из леса.

С этими словами он потрепал коня — своего коня — по шее.

— Меч перешел от Мазера к Элбрайну, лук и Дар принадлежали Элбрайну. Теперь все это перешло по праву наследования мне — Ночному Ястребу.

Смотритель по-прежнему смотрел на него удивленно и недоверчиво.

— Ночной Ястреб? — переспросил он.

— Тай'маквиллок, — с гордостью произнес Эйдриан. — Я — Ночной Ястреб, рейнджер Фестертула, сын…

— Рейнджер, говоришь? — перебил его Смотритель. — А где тебя обучали искусству быть рейнджером?

Юноша, не уловивший в тоне кентавра насмешки, расправил плечи.

— Меня обучали те, кто обучает рейнджеров, — коротко ответил он.

Смотритель ощутил еще большее замешательство, ибо он ничего не знал о появлении новых рейнджеров. Дасслеронд и Джуравиль наверняка известили бы его об этом. Если судить по виду, этот самоуверенный парень был слишком молод, чтобы успеть пройти длительное и нелегкое обучение у эльфов тол'алфар.

— Ты бы лучше отпустил коня, парень, и отдай мне меч и лук, не то я…

— Подходи и бери, — криво усмехнувшись, предложил кентавру Эйдриан.

— Не валяй дурака, — предостерег его Смотритель.

— Я владею тем, чем владел когда-то мой отец, — решительно заявил юноша.

Смотритель замер на месте.

— Повтори, что ты сказал, — потребовал он.

— То, что принадлежало Полуночнику, перешло теперь к Ночному Ястребу, сыну Полуночника. Мне незачем спрашивать твоего позволения, кентавр, чтобы взять принадлежащее мне по праву.

— Сын Полуночника? — недоверчиво спросил Смотритель.

Эйдриан пристально смотрел на него, не отступив ни на дюйм.

— Ты хочешь сказать, эльфы объявили тебя наследником Полуночника? — догадался наконец кентавр.

— А почему кто-то должен объявлять меня наследником? Я — сын Полуночника. Пока по крови, но вскоре стану им и по своим подвигам, — уверенно заявил Эйдриан. — Элбрайн-Полуночник был моим отцом. Я такой же рейнджер, как и он, и, подобно ему, прошел обучение. Я заявляю свои права на «Ураган», «Крыло Сокола» и Дара. И пусть каждый, кто желает оспорить мои притязания, выйдет ко мне и попытается со мной сразиться.

Юноша взмахнул мечом. Дар встал на дыбы и громко заржал.

Смотритель не находил, что сказать в ответ. Он стоял, не в состоянии вымолвить ни слова, лишь сокрушенно покачивая головой. Эйдриан вскочил на Дара, и они оба скрылись за деревьями.

Несколько дней подряд Смотритель не мог оправиться от впечатления о той встрече. Он чувствовал, что должен был действовать решительнее, потребовать, например, от парня подтверждений, что он действительно тот, за кого себя выдает. Может быть, он просто хвастун и враль, пускал пыль в глаза… И вместе с тем кентавр видел в лице того, кто назвал себя Ночным Ястребом, до боли знакомые черты. Ему хотелось, чтобы слова юнца оказались ложью, однако в глубине души Смотритель сознавал, что новоявленный рейнджер говорил правду.

Но возможно ли такое?

Через какое-то время Смотрителю стало невмоготу терзаться своими сомнениями. Он решил, что разыщет этого Ночного Ястреба. Скорее всего, юный «рейнджер» будет появляться в этих краях довольно часто, как делал это в свое время Полуночник. К своему удивлению, через несколько дней кентавр узнал, что Эйдриан и двое его спутников — мужчина зрелого возраста и молодая женщина — покинули Дундалис и двинулись на юг. Юноша ехал верхом на Даре.

Смотритель попытался идти за ними по следу, миновав Кертинеллу и пройдя едва ли не половину оставшегося пути до Палмариса. Но, увы, Эйдриан и его спутники, словно чуя погоню, двигались с предельной скоростью. Кентавр понял, что ему их не нагнать.

И тогда Смотритель вернулся в свой лесной дом, к могилам и лесным тропам, где он так часто встречал следы Дара, когда тот вел табун диких лошадей. Кентавр попытался выкинуть из головы историю с Ночным Ястребом; он ведь никогда не был защитником Дара, как и Элбрайн никогда не являлся хозяином коня. В равной степени Смотритель никогда не утверждал, что понимает замыслы Дасслеронд и прошедших ее воспитание рейнджеров.

С течением времени душевные муки кентавра лишь усиливались. Так продолжалось до тех пор, пока однажды ночью Смотрителя позвал негромкий мелодичный голос.

— Как ты могла не сказать мне? — упрекнул он госпожу Дасслеронд, появившуюся в сопровождении нескольких эльфов.

— Значит, он успел здесь побывать, — заключила хозяйка Кер'алфара.

— Ты послала рейнджера, а мне об этом — ни слова? — недовольно спросил Смотритель. — Я же чуть не убил этого мальчишку, когда увидел у него меч и лук!

Слова кентавра немало изумили и заметно встревожили Дасслеронд и остальных эльфов.

— Сын Полуночника не является рейнджером, — отчеканила наконец предводительница эльфов.

Смотритель начал что-то говорить в ответ, сбился, начал еще раз, потом окончательно запутался в словах и на некоторое время умолк.

— Сын Полуночника? — наконец вскричал он. — Так значит, этот парень все-таки говорил правду?

— А что он сказал?

— Он, демоны его забери, так и заявил: я — сын Полуночника. Да только я ему не поверил! — негодующе завопил кентавр. — Как это могло произойти? Я знал Полуночника много лет, с тех самых пор, как он покинул твою долину. И Джилсепони тоже знаю давно. Она потеряла своего единственного…

Смотритель умолк, придавленный грузом страшной истины.

— Так это значит… — с трудом выговаривая слова, произнес он и снова замолчал, не переставая мотать головой.

— Да. Эйдриан — сын Полуночника и Джилсепони, — бесстрастным тоном промолвила госпожа Дасслеронд. — Я забрала его у Джилсепони в окрестностях Палмариса, иначе и мать, и ребенок погибли бы от рук демона, вселившегося в душу Маркворта.

Смотритель еще долго бушевал, не в силах успокоиться.

— Мы сделали то, что сочли наилучшим в данных обстоятельствах, — попыталась объяснить ему Дасслеронд.

— Сделали, а мне не сказали! — кричал Смотритель. — А теперь она сидит себе на троне в этом чертовом Урсале и знать не знает, что ее ребенок жив. Ребенок Полуночника! Ты бесчувственное чудовище! Мне бы свернуть тебе шею собственными руками!

— Ты забываешься! — возмущенно воскликнула Дасслеронд.

Она подала знак, призвав к спокойствию своих спутников, которые были готовы броситься на кентавра, сделай тот хотя бы шаг в направлении их любимой и почитаемой предводительницы.

— Мы не привыкли объяснять другим расам свои замыслы.

— Понятно, чего ж с нами считаться!

— Я сделала то, что считала необходимым, — повторила госпожа Дасслеронд. — Необходимым для тол'алфар, а не для какой-то заурядной человеческой женщины.

— Которая успела с тех пор стать королевой Хонсе-Бира, — напомнил ей Смотритель.

— Увы, — вздохнула Дасслеронд. — Потому я и разыскала тебя. Джилсепони знает о нас.

— Не только она. Теперь много кто о вас знает. Это раньше думали, будто эльфы — сплошное вранье и сказки для детей, — отозвался кентавр.

— Она знает о существовании Эндур'Блоу Иннинес и о других наших тайнах.

— А вы все трясетесь от страха, что она разболтает кому-нибудь про эти ваши пляски с мечом, — презрительно усмехнулся Смотритель. — Она без малого два года сидит на троне. Если бы она захотела двинуться на вас войной…

— Мы явились сюда исключительно из соображений безопасности, — перебила его госпожа Дасслеронд. — Ты хорошо знаешь Джилсепони. Скажи, чего можно от нее ожидать?

Кентавр ответил не сразу. Больно уж странным показалось ему это совпадение: Дасслеронд столь редко выбирается из своей зачарованной долины — и вдруг является сюда

вскоре после того, как здесь побывал этот парень, именовавший себя Ночным Ястребом. Смотритель без труда распознал ложь в последних словах хозяйки Кер'алфара.

— Нет, ты пришла сюда по другой причине. Почуяла, что кто-то залез в могилы и забрал оттуда меч и лук, — укоризненно бросил кентавр.

Он знал, что у эльфов существует неразрывная связь со всем, что принадлежит к их миру или сделано их руками.

— Ты пришла, потому что твой живой секрет сбежал. Вот и вертишься теперь ужом, — негодующе гремел Смотритель. — Ты бы и дальше хранила свою тайну даже от его матери! Только слишком далеко ты зашла, голуба! И ведь ничего, жила столько лет с этой жуткой тайной!

— Эта тайна даже более жуткая, чем ты можешь себе вообразить, — тихо ответила госпожа Дасслеронд, и такое неожиданное признание несколько охладило пыл кентавра.

— Эйдриан — своевольный и непредсказуемый мальчишка, который подчиняется только своим прихотям. Он самовольно объявил себя рейнджером. На самом деле никакой он не рейнджер и поэтому не имеет права носить это благородное оружие. Представляю, как огорчился бы Белли'мар Джуравиль, узнай он, что последний лук, изготовленный его отцом, оказался в руках Эйдриана.

Смотритель едва верил своим ушам.

— Если бы мне удалось уничтожить этого мальчишку, я бы сделала это без сожаления, — холодно произнесла Дасслеронд.

— Уничтожить сына Полуночника и Джилсепони? — спросил пораженный кентавр.

Предводительница эльфов печально покачала головой.

— Эйдриан не только их ребенок, — сказала она. — Я чувствую в нем присутствие какой-то иной, темной и страшной силы.

Она горестно взглянула на Смотрителя.

— Я видела в Эйдриане будущего спасителя Эндур'Блоу Иннинес. Я считала, что его происхождение и обучение, начатое в столь раннем возрасте, позволят вырастить из него безупречного рейнджера, который избавит нас от ужасной отметины, оставленной демоном на земле нашей долины. Однако боюсь, что этот несостоявшийся спаситель скоро станет еще более страшной отметиной, которая будет угрожать уже всему миру.

Печаль ее голоса погасила все возражения, которые вертелись у Смотрителя на языке. Он достаточно хорошо знал госпожу Дасслеронд. Она никогда не допускала легкомысленных разговоров о подобных вещах. К тому же хрупкая эльфийка была отнюдь не робкого десятка. Достаточно вспомнить ее столкновение с Бестесбулзибаром! И уж если она заговорила о своих опасениях, значит, дела действительно из рук вон плохи.

— Ты должна была сказать Джилсепони, — упрямо повторил кентавр.

Предводительница эльфов неопределенно пожала плечами и столь же неопределенно кивнула.

— Что сейчас говорить об этом? Эйдриан вырвался в большой мир. Думаю, со временем Джилсепони сама узнает о нем. Сомневаюсь, чтобы человек, подобный Эйдриану, не оказал влияния на мир. Правда, может, судьба сжалится над нами и мальчишка где-нибудь сгинет.

— Жестокие слова, — заметил Смотритель.

Дасслеронд вновь как-то неопределенно поглядела на него. Кентавр вдруг понял, насколько сильно ненавидит она Эйдриана. У него по спине побежали мурашки, чего раньше со Смотрителем никогда не случалось.

— Мы рассчитывали застать его здесь, — призналась она.

— Его давно и след простыл.

— Может, для нас это даже лучше, — вздохнула Дасслеронд.

Кентавр вновь оказался застигнутым врасплох. Он даже не подозревал, какой силой обладает этот рейнджер-отступник.

— От тебя мы ждем лишь благоразумного молчания, — продолжала предводительница

эльфов. — Если тебе вдруг доведется увидеть Джилсепони, я хотела бы верить, что ты ни словом не обмолвишься о ее ребенке.

— А не многого ли ты от меня хочешь?

— А тебе хотелось бы увидеть войну между Хонсе-Биром и моим народом? — резко спросила госпожа Дасслеронд. — Кто предскажет, как поведет себя в таком случае королева Джилсепони?

Смотритель считал, что он достаточно хорошо знает Джилсепони, чтобы ожидать от нее подобных действий. Однако в словах Дасслеронд был определенный смысл. Кентавр много лет старался держаться подальше от людских интриг и того странного лабиринта, который у них именовался политикой. Сейчас он понимал, что поступал правильно. В конце концов он согласился с доводами предводительницы эльфов и вдобавок пообещал ей внимательно следить за этими местами, а если Ночной Ястреб снова сюда залетит, немедленно дать ей знать об этом.

Простившись с госпожой Дасслеронд и ее сопровождающими, кентавр долго бродил по лесным тропам. Много раз он подносил к губам свою волынку, намереваясь выплеснуть грусть в музыке, но после первого же извлеченного звука прекращал игру.

В лесу по-прежнему царила тишина, но не было ни тишины, ни покоя в сердце Смотрителя.

Он отправился к могиле Элбрайна и провел там немало времени, вспоминая старого друга.

Вспоминая и надеясь.

ГЛАВА 24
ДОРОГА В УРСАЛ

— Думаю, нам лучше объехать город стороной, — обращаясь к Садье, заметил Де'Уннеро, когда спутники поднялись на гребень холма.

Совсем невдалеке раскинулся огромный и величественный город. Над ним, на другом холме, возвышались громады королевского замка и монастыря, обращенные в сторону пестревшей множеством парусов гавани.

— Боишься, что Эйдриан может услышать там разговоры про свою владычествующую матушку? — спросила Садья.

Они оглянулись. Юноша, восседавший на Даре, пересекал овраг у подножия холма.

— Я боюсь, что он услышит совсем не те разговоры, — отозвался Де'Уннеро. — По-моему, он вполне готов узнать правду, но ему лишь повредит вся эта приукрашенная ложь, которая неизбежно соседствует с правдой на улицах столицы.

Бывший монах вновь обернулся в сторону Эйдриана.

— Спеши сюда, дружище, — позвал он. — Полюбуйся на величайший в мире город.

Юному рейнджеру не понадобилось пришпоривать коня, Дар сам взлетел вверх, едва они выбрались из оврага. Лицо Эйдриана выражало неподдельное восхищение, даже благоговение. Он широко раскрытыми глазами смотрел на панораму Урсала. На губах юноши играла торжествующая улыбка. Почти не задумываясь, он пришпорил Дара, однако Де'Уннеро крепко схватил коня за поводья.

— Разве мы не въедем в Урсал? — спросил удивленный Эйдриан.

— Непременно въедем, только не сейчас, — ответил Де'Уннеро. — Сейчас мы двинемся дальше на восток, где нас ждет одно дело. Очень важное дело. И потому нам предпочтительнее пока не появляться в Урсале.

Последние слова бывшего монаха только подстегнули любопытство юного рейнджера, и он вопросительно взглянул на Де'Уннеро.

— Видишь замок? — спросил тот.

— Как не видеть! — усмехнулся Эйдриан.

— Расскажи мне еще раз о своей матери, — попросил бывший монах, и улыбка

мгновенно сбежала с лица юноши.

— Я ничего не знаю о ней, даже имени, — с грустью ответил он. — Она умерла в родах…

— Представь себе, не умерла, — холодно произнес Де'Уннеро.

Лицо Эйдриана окаменело.

— Когда мы были в Дундалисе, я получил подтверждение этому, — солгал Де'Уннеро. Бывший монах не хотел, чтобы его спутник догадался, что он лгал ему с первого дня их встречи, пусть и не совсем преднамеренно. — Надежные источники подтвердили мои подозрения. У твоего отца, Полуночника, была всего одна любимая женщина — его жена. Она не умерла, производя тебя на свет, хотя если бы это случилось, мир избежал бы многих трагедий.

От этих жестоких слов Садья невольно вздрогнула.

— Итак, парень, ты видишь этот замок? — вновь спросил Де'Уннеро. — Там живет твоя мать Джилсепони, ныне — королева Хонсе-Бира.

— К-как ты с-сказал? — заикаясь произнес юноша.

— Джилсепони, некогда жена Элбрайна, теперь является супругой короля Дануба Брока Урсальского, — пояснил Де'Уннеро. — Она-то и родила тебя на поле битвы возле Палмариса. Сомнений в этом быть не может.

— Но госпожа Дасслеронд…

— Лгала тебе, — договорил за него бывший монах. — Тебя это удивляет?

Эйдриан безуспешно пытался что-то сказать в ответ, но каждый раз его слова превращались в сдавленные стоны и проклятия.

— Уверяю тебя, ты ничего не потерял, не узнав об этом раньше, — заверил его Де'Уннеро.

Юноша резко повернулся к нему. Подъехавшая к ним Садья сдвинула брови и укоризненно покачала головой, давая понять своему возлюбленному, что тот действует слишком поспешно и бесцеремонно.

— Ну ладно, хватит нюни распускать, — грубо произнес Де'Уннеро.

Бывший монах воздел вверх руки.

— Смотри на Урсальский замок, юный воин. Сейчас там живет Джилсепони, твоя мать. Смотри и верь, что однажды этот замок будет твоим.

На лице Эйдриана по-прежнему отражались боль и смятение чувств. Но при этих словах искусителя Де'Уннеро его глаза ярко блеснули.

— Ты еще услышишь, как Джилсепони назовет тебя королем, — пообещал бывший монах. — И заставишь ее поведать об обстоятельствах твоего рождения. Когда власть окажется в твоих руках, матери придется рассказать тебе правду.

— Однако перед этим тебе предстоит еще многое узнать и о мире, и о Джилсепони, — продолжал Де'Уннеро. — Я буду и дальше учить тебя. Мне нужно подробно рассказать тебе о твоей матери.

Он жестом велел спутникам следовать за ним и пустил лошадь рысью, намереваясь обогнуть Урсал с юга. За несколько дней, пока все трое двигались по холмистым плодородным землям южной провинции Йорки, Маркало Де'Уннеро, верный данному обещанию, рассказал Эйдриану о Джилсепони. Но в отличие от рассказов о Полуночнике, о котором бывший монах всегда отзывался с уважением и называл достойным противником, мать Эйдриана он представил далеко не в лестном свете. Де'Уннеро говорил о Джилсепони в самых глумливых и оскорбительных выражениях, какие только мог подобрать. Он утверждал, что в сражениях она действовала обманным путем, прибегая к различным недостойным уловкам. Де'Уннеро даже намекнул юноше, что мать, скорее всего, просто бросила его сразу же после родов.

— По твоим словам, можно подумать, что Джилсепони, а не Полуночник была твоим самым ненавистным врагом, — заметила Садья, когда вечером они устроили привал и отправили Эйдриана за хворостом для костра. — А то, что ты представил как обманные

уловки, было всего-навсего магией самоцветов. Не так ли? Помнится, Маркало Де'Уннеро тоже вовсю пользовался силой своего любимого камня — тигриной лапы.

Бывший монах рассмеялся.

— Важно, чтобы у мальчишки не возникло привязанности к матери, — объяснил он. — Одно то, что он оказался сыном королевы, может обернуться для нас либо большой бедой, либо неслыханным успехом. Все зависит от того, под каким соусом мы будем подавать ему те или иные сведения.

— И потом рассерженный молодой принц вернется домой? — поинтересовалась Садья.

— Рассерженный молодой принц вернется, чтобы разрушить прежний дом и построить другой, гораздо лучше.

Де'Уннеро видел, что маленькую певицу обуревают сомнения.

— То, что я ему говорю, достаточно правдиво.

— Правдиво с твоей точки зрения, — возразила Садья.

— А есть какая-нибудь другая правдивая точка зрения? — осведомился бывший монах. — Прикажешь утверждать, что Джилсепони и Эвелин — это светочи истины? Прикажешь согласиться с идиотским мнением, будто Эвелин Десбрис — убийца и еретик — действительно совершил приписываемые ему чудеса? Или мне что, начать восхвалять нынешнее состояние королевства? Церкви? А кто мы в этом благословенном королевстве? Изгои и преступники!

— Думаешь о собственной выгоде? — лукаво усмехнувшись, спросила маленькая певица.

— Один ли я о ней думаю? — быстро ответил Де'Уннеро. — Фио Бурэй стал отцом-настоятелем церкви Абеля. Подобного ни в коем случае нельзя было допускать, но это произошло. Бурэй — никудышный предводитель и никогда не был истинным абеликанцем. Он не обладает ни щедрым сердцем Агронгерра, ни ясностью предвидения Маркворта. Бурэй просто чиновник и интриган от церкви, ненадежный и никчемный человечишка.

— Ты бы хоть со мной говорил не таясь, — лукаво улыбнувшись, бросила Садья. — Лучше скажи прямо, что у тебя на душе.

Де'Уннеро невесело усмехнулся, только сейчас осознав, насколько велика в нем ненависть к Фио Бурэю.

— Я был уверен, что Агронгерра сменит на его посту настоятель Олин из Сент-Бондабриса, — тихо сказал он. — Только забота определенных людей о собственной выгоде помешала ему стать отцом-настоятелем. Тебе даже не вообразить, на какие чудовищные интриги способны святые отцы. Там ведутся игры почище, чем при дворе, и все это не имеет ни малейшего отношения ни к учению святого Абеля, ни к замыслам Бога.

— Что ж, уж если нам ввязываться в подобную игру, лучше добиваться выигрыша, — согласилась певица.

— Эйдриан будет испытывать вполне заслуженное презрение к своей матери и ко всему, что с нею связано, — заметил ей Де'Уннеро. — По крайней мере в том, что касается церкви. А если он возненавидит и все ее светские дела — еще лучше.

Садья кивнула и больше не задавала язвительных вопросов. Какую бы линию поведения относительно Эйдриана ни выбрал Де'Уннеро, певица знала, что это сулит ей волнующие переживания.

На всем протяжении их пути справа виднелись далекие вершины двойной горной цепи с кажущимся Эйдриану странным названием — Пояс-и-Пряжка. Солнце неизменно садилось у них за спиной. Спутники двигались быстро, но без излишней спешки. Море они вначале почувствовали по его неповторимому запаху и только потом увидели. Вместе с морем глазам путешественников предстал величественный город, совсем непохожий на Урсал. Причалы Энтела выглядели намного внушительнее, чем причалы Палмариса и Урсала, вместе взятых! Невысокие, прихотливо украшенные каменные строения множеством колец опоясывали склон громадного холма, спускавшегося прямо к гавани. Повсюду в небо поднимались витые колонны, вершины которых были увенчаны круглыми балкончиками. Крыши многих зданий

напоминали бутоны готовых распуститься цветов.

А какие краски! Жгучее южное солнце ярко освещало белые и розовые стены домов. Тысячи людей заполняли многочисленные городские базары. Одежда жителей была либо ослепительно белой, либо отливала всеми цветами радуги.

Яркие краски и шумные людские толпы — это больше всего потрясло Эйдриана при его первом знакомстве с Энтелом. Он ехал молча, завороженно глядя по сторонам.

Де'Уннеро был взволнован не менее юного рейнджера. Его занимало, как-то встретит его через столько лет старый друг — настоятель Сент-Бондабриса Олин. А если и не друг, то, во всяком случае, давний соратник.

— Он обязательно захочет увидеться со мной, — настаивал Де'Уннеро, обращаясь к монахам, стоящим на страже у ворот Сент-Бондабриса — наиболее крупного из двух монастырей Энтела.

— Любезный господин, — ответил ему молодой монах, говоривший с сильным местным акцентом, отчего слово «любезный» звучало у него как «любэзный», — аббат Олин не имеет обыкновения принимать у себя посетителей. Вы можете войти и помолиться — наши двери открыты для всех желающих. Если вы посетите вечернюю службу, вам, быть может, посчастливится увидеть нашего благочестивого настоятеля. Конечно, если он соблаговолит почтить нас своим присутствием.

— Доложите обо мне, — повторил Де'Уннеро, всеми силами стараясь не поддаваться раздражению. — Скажите ему, что один его старый друг, бывший магистр Санта-Мир-Абель, приехал в Энтел и желает встретиться с ним. Он непременно примет меня.

Монахи недоверчиво переглянулись.

— Единственные бывшие магистры Санта-Мир-Абель, кого я знаю, — это отец-настоятель Фио Бурэй, настоятель Гленденхук из Сент-Гвендолин и настоятель Тенгмен из Сент-Доннибара. Вы никак не можете быть ни отцом-настоятелем Бурэем, ни настоятелем Гленденхуком, посещавшими нас в прошлом. Остается предположить, что вы — настоятель Тенгмен, однако мне говорили, что ему близится к семидесяти. Пожалуйста, любезный господин, оставьте ваши неуместные шутки.

Де'Уннеро вдруг шагнул вперед, схватил изумленного монаха за плечи и прошептал на ухо:

— Скажи настоятелю Олину, что с ним желает говорить Маркало Де'Уннеро.

Монах высвободился из рук Де'Уннеро и отступил назад, не сводя с него глаз. Возможно, он где-то слышал это имя, но забыл, где именно и с чем оно было связано.

— Он будет говорить со мной, — с нажимом произнес Де'Уннеро.

Видя, что монах и не подумал сдвинуться с места, он бросил на него угрожающий взгляд.

— Если ты доложишь обо мне и аббат Олин откажется встретиться со мною, ты ничем не рискуешь. Но если ты не сообщишь ему, а Олин потом узнает, что вы не пустили к нему его старого друга и соратника…

Растерянный молодой монах взглянул на своего собрата, после чего все же скрылся в недрах монастыря. Достаточно скоро он вернулся и, явно волнуясь, попросил:

— Сделайте одолжение, расстегните вашу одежду. Если вы тот, кем себя называете…

— Тогда у меня должен остаться на теле вот этот шрам, — докончил за него Де'Уннеро, расстегивая рубаху. — Шрам от раны, которую я получил, когда поври напали на Санта-Мир-Абель.

Увидев на теле странного незнакомца глубокие шрамы, монах поклонился и пригласил Де'Уннеро следовать за ним.

— Ты что же, ничего не знаешь об истории Маркало Де'Уннеро? Получается, что нет, иначе ты бы не стал говорить мне разные глупости, а сразу бы пошел докладывать аббату Олину.

Монах лишь неопределенно пожал плечами. Де'Уннеро схватил его за руку и развернул

лицом к себе.

— Тебе сколько лет? — сурово спросил он.

— Двадцать два.

— Но ведь все это происходило *не так* давно, — горестно воскликнул Де'Уннеро.

Ему вдруг стало до боли обидно. Подумать только: величайшие события, неузнаваемо изменившие жизнь королевства… и забываются с такой легкостью! И кем? Монахом абеликанского ордена, поклявшегося при вступлении в него бережно хранить историю!

Молодой брат ошеломленно взирал на Де'Уннеро, совершенно не представляя, как ему отвечать и надо ли это делать вообще.

— Веди меня к аббату Олину, — властно, с оттенком презрения приказал Де'Уннеро.

Войдя в личные покои настоятеля, он с трудом узнал этого человека. Для Де'Уннеро то было вторым горестным напоминанием о прошедших годах. Да, слишком много лет пролетело с тех славных дней, когда отец-настоятель Маркворт попытался поднять церковь Абеля на новый, более величественный уровень, а Джилсепони и Элбрайн безжалостно оборвали эти попытки… Сильно постаревший, с жидкими седыми волосами, венчиком окружавшими лысину, горбатый настоятель Олин Жантиль сидел за столом в согбенной позе. Он совсем высох. Но печальным зрелище оставалось только до тех пор, пока Олин не поднял глаза.

Былое пламя в них ничуть не угасло — Де'Уннеро сразу же узнал этот яростный огонь, брызжущий шипящими искрами. Телесная дряхлость во многом скрывала внутреннюю силу настоятеля Сент-Бондабриса, но Маркало Де'Уннеро было достаточно заглянуть в эти пылающие глаза, чтобы убедиться: он не зря сюда явился. Этот желчный старик будет чрезвычайно ценным союзником.

— Невероятно, — пробормотал аббат Олин.

— Что я жив? Или что я осмелился вернуться в большой мир? — осведомился Де'Уннеро.

— И то и другое, — сказал Олин. — Опальный епископ, опальный предводитель братьев Покаяния, раскрывший, что в нем живет страшный тигр-оборотень. Забыл добавить: вероятный убийца барона Бильдборо… И вот вы здесь, а многие из тех, чьи жизненные дороги казались несравненно легче и проще, уже отошли в небытие.

— Возможно, такова Божья воля, — отозвался бывший монах.

Если он и шутил, то лишь наполовину. Однако аббат Олин разразился квохчущим смехом.

— Бог давным-давно оставил наш мир, — заявил он.

Де'Уннеро не мог скрыть своего удивления, а может — радости, слыша из уст Олина подобное богохульство.

— Бог стремится испытать пределы нашего терпения, — ответил Де'Уннеро.

— Похоже, Он испытывает нас сверх пределов, — пробормотал старый аббат.

— Так считают только слабые, — поспешил возразить бывший монах. — Все, кто гнется и ломается под тяжестью испытаний, недостойны торжества окончательной победы. Неужели вы сломались, настоятель Олин?

Старик бросил на него проницательный взгляд.

— Зачем вы здесь? — спросил он. — И каким образом Маркало Де'Уннеро до сих пор жив?

Теперь настала очередь Де'Уннеро рассмеяться, но смех его был недолгим. Он подошел ближе, уперся руками в стол Олина и оказался лицом к лицу с настоятелем.

— Потому что борьба еще не окончена, — зловеще произнес он. — Мы сбились с пути и зашли очень далеко в сторону, но я намерен до последнего вздоха сражаться за то, чтобы вернуть абеликанскую церковь на истинный путь.

— Вам мало того, что было? — вскричал Олин. — Нам что же, перекраивать на новый лад глупости Марквортa? Старый честолюбивый дурак, он запятнал и навеки опозорил свое имя. Пути назад нет. Ни церковь, ни народ этого не допустят.

— Неужто вы верите, что нынче церковь находится на верном пути? — с издевкой спросил Де'Уннеро. — И избрание Фио Бурэя отцом-настоятелем прошло надлежащим образом? Вы еще скажите, что этот человек вполне достоин возглавлять орден Абеля.

Де'Уннеро заметил, как сдвинулись брови Олина и как безуспешно он пытается это скрыть.

— Таково было решение Коллегии аббатов, — ответил наконец старик, плотно поджав губы. — У меня не было иного выбора, как подчиниться ему.

На лице бывшего монаха заиграла дьявольская улыбка. Он еще ближе придвинулся к Олину и прошептал:

— А если бы я предложил вам другой выбор?

Настоятель Сент-Бондабриса отшатнулся и выпрямился, насколько позволяло ему дряхлое согбенное тело. Скрестив руки на груди, он молча и почти не мигая смотрел на Де'Уннеро.

— У меня нет на это времени, — наконец произнес старик. — Должен признаться, я удивлен и обрадован, видя вас здесь живым и невредимым. Но вы должны понимать, что церковь никогда не позволит вам вернуться в ее лоно. Вопреки расхожим фразам о надежде и искуплении, церковь не примет вас даже как простого прихожанина. Вам известно, что Джилсепони стала королевой Хонсе-Бира? Вы знаете, что одновременно она является и начальствующей сестрой в Сент-Хонсе? Говорят, что после необъяснимого ухода настоятеля Огвэна со своего поста она приобрела там еще большую власть. Это вам известно? А то, что Эвелин официально канонизирован? Два совершенных им чуда признаны абеликанской церковью.

В ответ на вопросы настоятеля Де'Уннеро небрежно кивал, и его кажущееся легкомыслие лишь еще больше разозлило старого аббата. Вот и очередной признак того, что горькие обиды Олина никуда не исчезли; просто он глубоко их запрятал.

— Вы сильно их ненавидите? — тихо спросил Де'Уннеро, и настоятель Сент-Бондабриса оборвал свою тираду.

Умолкнув, он смотрел на Де'Уннеро. Пристально и с весьма серьезным недоверием.

— Так сильно ли вы их ненавидите? — не унимался бывший монах. — Я же знаю, вы презираете Фио Бурэя, и всегда его презирали. Да, горячим сторонником Маркворта вы никогда не были, но вы же не можете отрицать: по существу, он был прав. Церковь стала слишком мягкотелой, и он был вынужден принять достаточно жесткие меры. Теперь она вновь страдает мягкотелостью. Как же, ею заправляют кроткие пастыри! — с горькой иронией воскликнул Де'Уннеро. — Путь терпимости, который они избрали, ведет и скоро приведет к утрате веры. На этом пути мы воздвигаем часовни в честь убийц вроде Эвелина, а девчонок из простонародья — таких как Джилсепони — сажаем на королевский трон. Не надо разыгрывать передо мной удивление, аббат Олин! Я говорю лишь то, что вы и без меня прекрасно знаете. Думаю, вам не раз хотелось крикнуть об этом с колокольни Сент-Бондабриса. Насколько иным был бы сейчас путь церкви, если бы отцом-настоятелем избрали Олина Жантиля, что и должно было случиться. Разве Джилсепони являлась бы сейчас начальствующей сестрой?

— Нет! — резко ответил Олин, ударив кулаками по столу и отбрасывая напускное спокойствие. — Я никогда бы этого не допустил!

— Так давайте бороться, — с нажимом произнес Де'Уннеро, и на его губах вновь заиграла зловещая улыбка. — Давайте возьмем в свои руки и церковь, и государство и возвратим их на истинный путь.

— Как? — коротко спросил старик.

В его голосе можно было услышать как сомнение, так и насмешку.

— Неужели, сохранив крепкое тело, вы одряхлели разумом? Неужели Маркало Де'Уннеро являет собой противоположность мне, старой развалине?

— Я приехал в Энтел не один, — сообщил ему Де'Уннеро. — Я привез с собой того, кто носит меч и лук Элбрайна и является прямым наследником престола, хотя его мать даже

не подозревает об этом.

— Что за чушь?

— Я привез с собой сына Джилсепони и Элбрайна, владеющего силой меча и магии, — объявил бывший монах.

— У королевы нет сына, — возразил настоятель Сент-Бондабриса.

— Представьте себе, есть, ответил Де'Уннеро. — Она всегда думала, что потеряла ребенка во время сражения с отцом-настоятелем Марквортом. Но ее сын жив.

— И вы более десяти лет провели вместе с ним? — спросил старый аббат.

— Я встретил его совсем недавно, — объяснил Де'Уннеро. — На первый взгляд — совершенно случайно. Но я принял это как знак от Бога, и такого знака в моей жизни еще не было. Этот юноша — его зовут Эйдриан — дал мне возможность вернуться в большой мир. И я убедился: моя борьба не была напрасной и, что еще важнее, не являлась ошибкой.

— А откуда вы так уверены, что он действительно тот, за кого себя выдает? — спросил явно заинтригованный Олин.

— Я это понял по его силе, видя, с каким искусством он владеет магией самоцветов и насколько великолепен в бою. Он с ранних лет воспитывался и обучался эльфами тол'алфар.

— В таком случае, он должен быть похож на своего отца и уж никак не может являться союзником для Маркало Де'Уннеро, — заметил настоятель Сент-Бондабриса.

Однако снисходительная усмешка бывшего монаха показала старику, насколько ошибочны его предположения.

— Что вы предлагаете? — после долгого молчания спросил Олин. — Как может невесть откуда взявшийся мальчишка, не принадлежащий к роду Дануба, дать нам возможности для совершения желаемых вами перемен? Не тратите ли вы понапрасну мое время, предлагая неосуществимые вещи?

Де'Уннеро пододвинул себе стул и провел остаток дня в беседе с аббатом. Он не вдавался в подробности. Он говорил о своих воззрениях на церковь и мир, которые, как он знал, старик разделял, пусть, возможно, и с некоторыми оговорками. Бывший монах умолчал пока о другой своей тайне — пергаментных свитках, которые он хранил все эти годы и которые сейчас были спрятаны у него на груди под одеждой.

Когда все темы оказались исчерпаны, настоятель Олин, откинувшись на спинку кресла, погрузился в долгое размышление.

— Я попробую узнать о том, что вас интересует, — наконец согласился он. — Правда, я до сих пор не понимаю, как все это может вызвать перемены в мире. Мы привыкли считать, что все происходит не так, как бы нам хотелось…

— Точнее, не так, как хотелось бы Богу, — перебил его Де'Уннеро, и его слова вызвали у Олина короткий смешок.

— Вы сомневаетесь?

— А что, я должен верить в такого Бога, которому на нас не наплевать?

Теперь пришлось задуматься самому Де'Уннеро. Да, за эти годы Олин Жантиль явно изменился. Бывший монах шел сюда, рассчитывая воззвать к его набожности. Он всегда считал ее присущей настоятелю Сент-Бондабриса. Тогда бы можно было поднять весь разговор и замысел Де'Уннеро на уровень священной битвы за истинную веру.

Он еще раз пристально взглянул на старого аббата и наконец спросил без обиняков:

— А какая разница, существует такой Бог или нет?

— Приходите ко мне завтра, после вечерней молитвы, — сказал Олин, и Де'Уннеро удалился.

— «Но будьте же все свидетелями, и да будет это начертано на камне»… — читал вслух настоятель Олин, глядя в пергамент, развернутый на столе.

Как раз в это время в покоях аббата появился Де'Уннеро. Олин торопливо отпустил сопровождавших его монахов и продолжал:

— «В случае, если Джилсепони произведет на свет ребенка, этот ребенок, невзирая на

его пол, станет непосредственным наследником, превзойдя в этом Мидалиса, принца Вангардского».

Улыбнувшись, он поднял глаза на Де'Уннеро.

— Так провозгласил король Дануб Брок Урсальский в день своего бракосочетания с Джилсепони.

Глаза Маркало Де'Уннеро торжествующе сверкнули: он едва ли надеялся услышать что-либо подобное.

— А что еще говорится в указе Дануба относительно потомства Джилсепони? — спросил он, с некоторой тревогой ожидая ответа.

— Ничего, — ответил Олин. — Король, как и все мы, был уверен, что у Джилсепони не было детей, и потому не видел необходимости упоминать об этом. Он верил и до сих пор верит, что она не способна его предать и изменить ему с кем-либо другим. Впрочем, если бы такое и случилось, Джилсепони было бы нечего опасаться. Если верить слухам, битва с Марквортом навсегда оставила ее бесплодной.

— Итак, король больше ничего не сказал, ибо считал, что тут нечего добавлять, — подытожил Де'Уннеро. — Чем это в действительности оборачивается для нас? Никто не согласится и не признает, что указ справедлив и в отношении Эйдриана.

— Вашему юному другу не взойти на трон без междоусобной войны, — с уверенностью произнес Олин. — Однако в случае кончины короля Дануба Эйдриан может заявить о своих правах на престол. Справедливость его притязаний будет определять либо суд высшей знати, либо та сила, которая окажется за спиной юного претендента.

Де'Уннеро откинулся на спинку стула. «Терпение и еще раз терпение», — твердил он себе. Терпение — это волшебный ключик, открывающий все нужные двери. Бывший монах давно уже продумал, как можно возвести Эйдриана на престол и на этой волне самому вернуть былое положение в ордене. Его замысел не был рассчитан на молниеносное осуществление и требовал немалого времени и терпения. То, что он услышал от настоятеля Сент-Бондабриса, вполне согласовывалось с его замыслом. Только и всего.

— Многим ли известно о родителях этого юноши? — осведомился аббат Олин.

Де'Уннеро понял, что все колебания старика — не более чем защитная мера. На самом деле Олин обеими руками ухватился за предложение Де'Уннеро.

— Четверым, включая самого Эйдриана и вас, — ответил бывший монах.

— Узкий круг знающих тайну, — заметил аббат. — Только, боюсь, она не принесет вам ничего, кроме…

Де'Уннеро ухмыльнулся, а потом извлек из-под одежды несколько свитков пергамента, небрежно бросив их на стол Олина.

— Что это такое? — поинтересовался старик.

Развернув свитки, он узнал в них навигационные карты безбрежного Мирианского океана.

— Путь к сокровищам, в сравнении с которыми королевская казна покажется карманом нищего, — ответил Де'Уннеро. — Путь к Пиманиникуиту.

Сверкающие глаза Олина, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Как? — задыхаясь, прошептал он. — Зачем вы… на что вы рассчитывали…

Старик поднял глаза от свитков и с недоверием покачал головой.

— Подумайте, сколько несметных сокровищ лежит под песками Пиманиникуита, — сказал Де'Уннеро. — Сколько самоцветов, выпавших из Гало Короны, накопилось там за сотни и тысячи лет.

— Но без благословения церкви они не имеют магической силы, — возразил аббат Олин.

— А это так уж необходимо? — осведомился бывший монах. — Разве изумруд, не имеющий магической силы, перестает от этого быть драгоценным камнем?

Настоятель Сент-Бондабриса подтолкнул свитки к Де'Уннеро.

— Это запрещено, — заявил он, явно напуганный столь дерзким предложением.

— Кем запрещено?

— Церковным каноном! — воскликнул Олин. — Запрещено с давних пор. Со времен святого Абеля!

— Так ли это страшно? — спросил Де'Уннеро, подражая его вчерашним словам, когда они говорили о равнодушии Бога к земным делам.

Старый аббат долго обдумывал свой ответ, то и дело поглядывая на лежавшие на столе свитки.

— Чего вы хотите от меня? — наконец спросил он. — И каковы ваши замыслы?

— У вас хорошие связи с судовладельцами, — ответил Де'Уннеро. — Мне нужны корабли, чтобы совершить это плавание. Если случится что-то непредвиденное, не опасайтесь, ваше имя нигде не будет упомянуто.

— Сколько кораблей?

— Чем больше, тем лучше, — сказал бывший монах. — Каждый из отправившихся в экспедицию вернется с таким богатством, которое ему и не снилось. А нам эти камешки понадобятся, чтобы набрать и снарядить армию и в подходящий момент возвести Эйдриана на престол Хонсе-Бира.

— И потом, имея всю полноту власти, вы займетесь возвращением церкви на истинный путь, — заключил Олин.

В ответ его собеседник лишь улыбнулся.

— Король Дануб моложе меня на несколько десятков лет, — сказал настоятель Сент-Бондабриса. — Мне его не пережить.

Де'Уннеро снова только улыбнулся. На этот раз зловеще.

ГЛАВА 25
ПАСМУРНАЯ ОСЕНЬ

Осень восемьсот сорок третьего года Господня была в Урсале пасмурной. Унылость серых небес отзывалась тоской и унынием в душах и сердцах.

— Вы собираетесь их навестить? — спросил Дануба герцог Калас в один из дождливых дней.

Невзирая на дождь и холодный ветер, король и герцог прогуливались по саду. Вопрос касался сыновей Констанции и Дануба. Мальчики вместе с матерью жили теперь в Йорктауне — самом крупном городе провинции Йорки. Она лежала к востоку от Урсала и представляла собой живописный холмистый край с плодородной землей и благодатным климатом. Придворная знать обожала эти места и часто проводила там зиму.

— Мое место здесь, рядом с моей женой, — твердо ответил Дануб и заметил, как поморщился в ответ на его слова Калас.

— По обыкновению, королевская чета всегда проводит зиму порознь, — напомнил ему герцог.

— Прикажешь королю зимовать с бывшей любовницей? — с язвительной усмешкой спросил Дануб. — Даже если она и является матерью двух его сыновей?

— Констанция была бы рада вас увидеть, — осторожно заметил Калас.

Он недавно посетил Йорки и, навестив опальную придворную даму, был удручен ее подавленным состоянием.

— Я не хочу больше об этом слышать, — заявил король.

— Но эти мальчики — ваши сыновья, наследники престола, — не унимался герцог. — На вас лежит ответственность за будущее королевства. Осмелюсь заметить, более серьезная ответственность, нежели ваш долг по отношению к супруге.

— Думай, о чем говоришь!

Дануб остановился и сердито посмотрел на собеседника. Однако Калас, являвшийся другом короля с тех давних времен, когда тот зеленым юнцом взошел на престол, спокойно выдержал взгляд своего господина, не отвернувшись и не потупив глаз.

— Становясь королем, вы знали, что существуют вопросы, которые выше личных пристрастий, — напомнил он Данубу. — Обязательства монарха перед своим королевством несравненно выше, чем ваши личные симпатии и антипатии. То же самое применимо и ко мне как к герцогу Вестер-Хонса. Будь у меня выбор, неужели я отправился бы тогда в Палмарис, чтобы прозябать в этой глуши бароном?

Король Дануб промолчал.

— Мервик и Торренс — наследники короны, — продолжал герцог. — Мервику предшествует принц Мидалис, правящий в далеких и диких краях, а Торренс идет непосредственно за старшим братом. Вероятнее всего, один из ваших сыновей в свое время станет королем Хонсе-Бира. Разве это не так?

Дануб продолжал избегать его взгляда.

— Представляю, в какого правителя может вырасти каждый из них, если мальчики будут воспитываться вдали от двора и от отца, — с явной горечью произнес герцог Калас. — Что должны они подумать, зная, что отец даже не хочет повидаться с ними? Возможно, вам стоило бы подумать о том, чтобы в случае вашей смерти бразды правления перешли к Джилсепони. Но какие чувства будет испытывать к ней ваш преемник? Разумеется, я не говорю о принце Мидалисе.

Дануб с шумом втянул в себя воздух. Ему хотелось отчитать Каласа, а то и просто ударить его по лицу за дерзкие речи. Но можно ли пощечиной заглушить горечь правды? И почему, почему Констанция вдруг решила покинуть Урсал? После ее отъезда вся жизнь Дануба пошла кувырком! Многие придворные тайно обвиняли в этом Джилсепони. Король слышал, как они язвительно перешептывались о его жене, и видел, какие злобные взгляды они бросали в ее сторону.

— Почему она уехала? — вслух произнес Дануб, обращаясь больше к себе, нежели к Каласу.

— Потому что для нее было невыносимо видеть вас рядом с Джилсепони.

Герцог говорил искренне, однако он не знал всей правды. Констанция благоразумно помалкивала о своих попытках отравить королеву. Сама Джилсепони, верная слову, тоже молчала о злодеянии придворной дамы.

— Она давно знала, к кому влечет меня сердце; еще задолго до того, как Джилсепони стала королевой, — возразил Дануб. — Я несколько лет подряд проводил лето в Палмарисе, чтобы быть в эти дни рядом с Джилсепони, и никогда не скрывал от Констанции своих искренних чувств к этой женщине. Я не вел с ней двойную игру.

— Насколько я понимаю, вы пытаетесь у меня узнать, не допустили ли какой-нибудь ошибки? — без обиняков спросил Калас.

Король бросил на него недовольный взгляд.

— Могу ответить: допустили, — смело заявил герцог.

Дануба передернуло, но он по-прежнему молчал, не делая попыток прервать собеседника.

— Вам следовало сделать Джилсепони своей любовницей и оставить ее в Палмарисе, где ей самое место. А если вы решили назвать кого-то королевой, то ею должна была бы стать Констанция Пемблбери. Но вы поставили свои мужские потребности выше интересов двора.

— Убирайся вместе со своим двором в преисподнюю к Бестесбулзибару! — взорвался король. — Ты осмеливаешься утверждать, что Джилсепони не место в Урсале, повторяя мерзкие сплетни надушенных придворных девок! Как же, Джилсепони, эта простолюдинка, посмела вторгнуться в их прелестный мирок, да еще и воссесть на троне, о котором втайне мечтала каждая из этих развратных идиоток! Трон — вот что для них важно, а не тот, кто сидит на троне рядом с королевой. С меня довольно!

— Вы сомневаетесь в том, что Констанция вас любит? — удивленно спросил герцог Калас.

Вместо ответа Дануб рявкнул:

— Как ты осмеливаешься *так* говорить со мной?

— А разве я вам не друг? — осведомился Калас.

— Друзья так себя не ведут, — негодующим тоном парировал король, ткнув пальцем в его сторону. — По моим наблюдениям, герцог Таргон Брей Калас почти ничего не делал, чтобы помочь Джилсепони освоиться с жизнью в Урсале. Я не слышал, чтобы Калас защищал свою королеву, *защищал жену своего друга* , от сплетен и клеветы, преследующих ее на каждом шагу!

Герцог весь подобрался. Они с Данубом долго смотрели в глаза друг другу. Каждый понимал, что эта стычка назревала уже давно, и каждому из них было горестно сознавать, что повернуть назад невозможно.

— Я отправляюсь на зиму в Йорктаун, — объявил Калас.

— Констанции не следовало уезжать, — бесцветным голосом заметил Дануб.

— Она видела, что у нее нет иного выбора.

— Я не должен был этого допустить.

Герцог Калас едва не поперхнулся, удивленно округлив глаза.

— Я не должен был допустить отъезда детей, — пояснил король. — Весной они непременно вернутся в Урсал и будут проводить здесь каждое лето. Зимой, если захотят, они смогут оставаться с матерью в Йорктауне. Разумеется, Констанция тоже может вернуться в Урсал. Да, таково мое решение.

Он посмотрел на герцога и вопросительно вскинул бровь.

— Ты имеешь что-нибудь сказать по этому поводу?

— Вы — король. В вашей власти делать то, что вы сочтете наилучшим, — дипломатично, но с заметной долей иронии отозвался герцог Вестер-Хонса.

Сдержанно поклонившись, он повернулся и зашагал прочь. Дануб смотрел вслед Каласу и отчетливо сознавал, что отношения между ними изменились навсегда.

Она сделала вид, что не слышала ни глумливых перешептываний, ни раздавшихся вслед за ними язвительных смешков. Однако когда в комнату через противоположную дверь вошел главный королевский повар, неся поднос с кушаньями, и обе фрейлины захихикали еще громче и бесстыднее, Джилсепони поняла, что на этот раз должна вмешаться.

Последняя сплетня, гулявшая по замку, недвусмысленно намекала на более чем теплые отношения между королевой и Кениканом. Джилсепони понимала, что так этого оставлять нельзя. То была уже не просто сплетня, а намек на измену, угрожавший не только ее репутации, но и наносивший удар прямо в сердце Дануба.

Не поворачивая головы и сохраняя на лице спокойное выражение, Джилсепони направилась к этим дамам.

— Я бы советовала вам осторожнее выбирать слова, которые слетают с ваших грязных языков, — сказала она.

Если не считать столкновения с Констанцией, королева уже давно не опускалась до разговоров с придворными сплетниками и клеветниками.

— Вы можете не бояться задевать королеву Джилсепони, — тихо продолжала она, проходя мимо и не глядя на замершую в испуге парочку. — Но страшитесь задеть Джилсепони Виндон, жену Полуночника.

Отойдя на несколько шагов, она быстро оглянулась. Одна из фрейлин стояла с побелевшим лицом, другая ошеломленно таращила глаза на королеву, словно Джилсепони переступила все допустимые в придворном мирке границы. Именно это и было ее намерением — показать этим гусыням, что она не преминет осуществить свою угрозу. Придворные дамы были изощрены в умении вести закулисные битвы, пользуясь оружием сплетен и ощущая при этом свою полную безнаказанность. Им было совершенно неведомо открытое столкновение с противником, причем с таким, который умеет сражаться не только словами.

Выражение ужаса и замешательства на лицах придворных сплетниц сопровождало

Джилсепони вплоть до покоев, которые она занимала вместе с Данубом.

Король был чем-то удручен. Он сидел, глядя в пол, и даже не поднял головы, когда вошла его супруга. Джилсепони присела напротив Дануба и стала терпеливо дожидаться, пока тот заговорит.

— Чего бы я только не отдал, чтобы у нас с тобой был ребенок, — наконец произнес король, по-прежнему не поднимая головы.

Джилсепони хотела было ответить ему, однако промолчала. Почему это Дануб вдруг заговорил о ребенке? Ради укрепления их любви или ради интересов государственной политики? Судя по тону, король, скорее всего, имел в виду последнее.

— Ты считаешь, что тогда при дворе стало бы легче дышать? — спросила она.

Дануб пожал плечами, продолжая глядеть в пол. Столь непривычная для ее мужа поза свидетельствовала о том, что произошло нечто весьма и весьма неприятное. Возможно, его ушей успели достигнуть сплетни про нее и главного повара.

— А может, наоборот, появление ребенка еще больше все усложнит? — задала Джилсепони новый вопрос.

— Мне было бы легче делать выбор, — ответил Дануб, и такой неожиданный ответ заставил ее умолкнуть.

Она с нескрываемым изумлением посмотрела на мужа.

— Думаю, мне придется вернуть Мервика и Торренса ко двору, — пояснил тот. — Хотя бы на некоторое время, на несколько месяцев в году, чтобы они должным образом смогли постичь, какие обязанности лежат на них как на моих наследниках.

— Конечно же, это самое разумное — ответила королева, постаравшись, чтобы ее голос звучал как можно искреннее.

Она никогда не была настроена против Мервика и Торренса. Правда, Джилсепони так и не сумела поближе познакомиться с мальчиками и не знала, в какой степени они соответствуют положению наследников престола. Однако она действительно ничего не имела против возвращения сыновей Дануба в Урсал.

Как ни странно, даже ее искреннее согласие не развеяло мрачного настроения короля.

— Может, мне стоило объявить своей наследницей тебя? — вдруг спросил Дануб. — Сделать так, чтобы ты следовала сразу за Мидалисом, но впереди Мервика и Торренса?

У Джилсепони вытянулось лицо, и она с большим трудом удержалась, чтобы не обрушить на мужа целую лавину возражений.

— А почему ты вдруг спросил об этом?

— Потому что ты — королева, — ответил Дануб и только теперь поднял глаза.

— Нет, я не желаю еще глубже увязнуть в придворных дрязгах, — резко ответила женщина. — Я не хочу входить в список престолонаследников и не желаю взваливать на свои плечи такую ношу. Моя жизнь здесь и так достаточно сложна…

— Ты хотела сказать — достаточно беспокойна, — перебил ее король.

Джилсепони даже не пыталась возражать.

— Ты никогда не заикался об этом. Ни тогда, когда предлагал мне стать баронессой Палмариса, ни впоследствии. Я не вижу причины менять существующее положение вещей и нарушать торжественную клятву, которую ты в день нашего бракосочетания принес перед лицом своего брата и родовитой знати. Это напрямую противоречит пути, о котором ты возвестил во всеуслышание. Если теперь, передумав, ты решишься изменить официальный список престолонаследников, то неминуемо подорвешь доверие к себе многих придворных. Не забывай, что среди них немало тех, кто давно считает меня своим врагом.

— Быть может, эти придворные вообще не заслуживают моего доверия, — вздохнул Дануб.

Джилсепони задумалась. Слова мужа сильно ее удивили.

— Не стану тебе лгать, — сказала она. — Если бы во время очередного празднества половина твоих придворных вдруг провалилась в бездонную пропасть, я бы не стала так уж сильно скорбеть об этой утрате. Однако я приехала сюда не затем, чтобы разрушать

придворный мир Урсальского замка. В равной степени у меня нет желания становиться правящей королевой.

— А разве от одного того, что ты стоишь рядом со мной, двор уже не сотрясается? — вдруг закричал на нее Дануб. — Ты говоришь о бездонной пропасти? Увы, придворные уже начали проваливаться в нее. И я помог этому, пригласив тебя в Урсал. Где теперь Констанция? Где Калас?

— Калас? — переспросила Джилсепони.

Она ничего не знала ни о стычке между королем и Каласом, ни о намерении герцога покинуть столицу. Впрочем, Дануб даже не слышал ее слов.

— Возможно, я сделал ошибку. Надо было учесть, что на севере ты привыкла совсем к другой жизни, после которой здешняя кажется пустой и никчемной. Даже я это чувствую, хотя я здесь вырос, — продолжал король. — Все твои идеалы, все твои удивительные мысли о дружбе… они не выдерживают реалий здешней жизни.

— *Мои* идеалы? — удивилась Джилсепони. — А разве ты не разделяешь их? Что тогда я должна думать о наших прогулках и беседах там, в Палмарисе? Как мне расценивать твое предложение выйти за тебя замуж? Или ты считаешь, что сделал неверный выбор?

— Я не предполагал всей глубины…

— Ничтожества своего двора, — резко закончила за него королева. — Такова уж ирония жизни. Здесь мы оба с тобой неповинны.

Король Дануб бросил на жену тяжелый взгляд.

— По замку гуляют слухи, что ты принимаешь особые травы — те самые, что используют придворные дамы, предохраняясь от беременности, — сказал он наконец.

Как хотелось сейчас Джилсепони обрушить на него всю горькую и неприкрашенную правду, рассказав о Констанции и ее злодеянии. Наверное, она проявила излишнее великодушие, пощадив эту женщину и позволив ей уехать просто так, без каких-либо объяснений. Возможно, Констанция все-таки должна была предстать перед открытым и непредвзятым судом. Впрочем, это не поздно сделать и сейчас.

От одной такой мысли у Джилсепони перехватило дыхание. Перед ней почти мгновенно развернулась ужасающая цепь последствий. Разоблачение Констанции неминуемо грозило распадом нынешнего двора. А сколько низложенных придворных, затаив злобу, разнесут чудовищную клевету по всем уголкам королевства! Уж они-то постараются сыграть на чувствах вельмож и богатых землевладельцев, и те будут втайне ненавидеть Дануба до самой его смерти.

— Я таких трав не принимаю, — искренне ответила Джилсепони, намеренно построив фразу в настоящем времени. — Я никогда не принимала никаких снадобий, предохраняющих от беременности. До недавнего времени я даже не слышала об их существовании.

Король долго и пристально смотрел на нее. Джилсепони спокойно выдержала его взгляд, черпая уверенность в правдивости своих слов.

— Ты меня любишь? — неожиданно спросил Дануб.

— Да, иначе я не приехала бы сюда и не простилась бы со своей прежней жизнью, — ответила она. — Во мне ничего не изменилось.

Король прищурился и еще пристальнее поглядел на жену.

— Любишь ли ты меня так, как любила Элбрайна?

Джилсепони вздрогнула и отшатнулась; из ее груди вырвался отчаянный стон. Как Дануб мог задать подобный вопрос? И как она могла сравнивать одного с другим, если каждый из них занимал в ее жизни свое, особое место?

— Я никогда не лгала тебе в этом, — после долгого и тягостного молчания сказала женщина. — С самого начала я объяснила тебе разницу между…

— Пощади меня, — умоляюще произнес король, заслоняясь рукой.

Даже если бы сейчас он встал и ударил ее по лицу, он не смог бы ранить ее сильнее.

Вечером герцог Калас натянул на себя одежду, какую носит обычно городская беднота. С утра он не стал бриться, а после верховой прогулки вопреки обыкновению не принял ванну. Ему требовалось вырваться из привычного мирка, оказаться подальше от Дануба и придворных интриг. Калас направился в мир урсальских трущоб, где в грязных кабаках собирался простой люд, чтобы посудачить о том о сем и залить дешевым элем или вином превратности своей убогой жизни. Подобные эскапады были тайным развлечением герцога, не известным ни королю, ни придворным. О них знала только Констанция, в прошлом не раз сопровождавшая Каласа.

Герцог толкнул дверь трактира, помня, что сейчас ему следует забыть о своих придворных замашках, дабы ничем не вызвать подозрение у собравшихся здесь оборванцев. Опустив голову, он протиснулся к стойке, спросил кружку эля, обвел глазами помещение и, отыскав сравнительно тихий уголок, направился туда. Усевшись, Калас отхлебнул из кружки и вновь опустил голову, приготовившись слушать, о чем говорят вокруг.

Как он и ожидал, почти за каждым столиком судачили о королеве Джилсепони. Подмигивая и ухмыляясь, люди перешептывались о том, что королева завела шашни с главным поваром Урсальского замка. Другие с уверенным видом заявляли, что любовником Джилсепони является вовсе не повар, а некий Роджер Не-Запрешь, нынешний барон Палмариса, который слишком уж часто мотается в Урсал. Третьи, сально посмеиваясь, утверждали, что, мол, брать надо выше: дескать, королева пошла по святым отцам и у нее в любовниках нынче сам Браумин Херд, епископ Палмариса. Все это, естественно, густо приправлялось пьяным хохотом и оскорбительными словечками.

Калас знал, откуда брал начало этот мутный поток и когда потекли его первые грязные ручейки. Констанция и ее многочисленные приспешники как мужского, так и женского пола повели скрытую войну против Джилсепони, когда та еще жила в Палмарисе и не помышляла становиться королевой. Констанция, испытывая бессильную ярость оттого, что король Дануб каждое лето отправлялся в Палмарис, умело подогревала «патриотические» чувства городского дна. И вот уже урсальские босяки негодовали: как мог Дануб регулярно покидать на лето их прекрасный город? Когда Джилсепони перебралась в Урсал, тайная война против нее вспыхнула с новой силой.

Почва была обильно унавожена, и люди из окружения госпожи Пемблбери продолжали исправно бросать в нее все новые ядовитые семена. Придворные дамы сетовали на то, что бедняжку Констанцию «выперла» из замка и из Урсала «эта ведьма» Джилсепони. Если бы герцог не слышал этого собственными ушами, он ни за что бы не поверил, с каким наслаждением простой люд перемывал косточки королеве, разнося сплетни и украшая их новыми, совершенно уж нелепыми подробностями.

Это отродье злорадствовало, открыто издевалось и насмехалось над Джилсепони, передразнивая ее манеру говорить и гогоча над каждым непривычным словом.

У Каласа все это глумление городского дна вызывало смешанные чувства. С одной стороны, он презирал этих людей за короткую память. Не они ли когда-то дважды приветствовали эту женщину, называя ее героиней? Разве не она одержала победу над таким чудовищем, как Маркворт? Победу, за которую заплатила столь страшную цену? И разве не Джилсепони в ужасные годы нашествия розовой чумы показала миру путь к спасению? Когда-то в это искренне верил любой бродяга. Но любовь народа оказалась недолговечной, и герцог был вынужден признаться, что сама Джилсепони Виндон Урсальская здесь ни при чем. Люди обвиняли ее потому, что она не соответствовала их представлениям, приписывали ей спесь и непростительную гордыню. Их злило, что она посмела подняться над своим низким происхождением и вторгнуться в мир высокородной знати. Если Джилсепони знала, кто она и где ей место, то зачем тогда соглашалась на предложение Дануба? Зачем полезла в королевы? Как дерзнула возомнить себя тем, чем никогда не являлась?

Герцог залпом допил эль и толкнул пустую кружку на другой край стола, знаком велев трактирщице плеснуть в нее эля. Он испытывал смешанные чувства не только ко всему этому шабашу; такие же владели им, когда он задумывался о его возможных результатах.

Ему, придворному из свиты Дануба, хотелось выхватить меч и уложить любого оборванца, осмелившегося насмехаться над знатью; ведь их насмешки косвенно задевали и самого короля.

И вместе с тем Калас не слишком сожалел, видя, как толпа издевается над Джилсепони, слыша, с какой жадностью они обсасывают каждую грязную сплетню, внимают каждому слуху, даже самому нелепому и беспочвенному. Пусть эту женщину, принесшую столько горя его дорогой подруге Констанции, валяют в грязи чудовищных сплетен; пусть эти босяки сполна отплатят ей за всю боль, которую она причиняла двору одним своим присутствием! Что же касается пошатнувшейся репутации Дануба, не сам ли король в этом повинен? Сколько раз и сам Калас, и многие другие отговаривали его жениться на простолюдинке. Вот и плата за легкомысленно пропущенные мимо ушей советы!

Трактирщица принесла ему вторую кружку. Герцог тут же осушил ее и схватил с подноса служанки еще одну. Расправившись и с этой кружкой, Калас потребовал новую порцию.

Он испытывал страстное желание напиться, ибо у герцога была еще одна причина ненавидеть Джилсепони, не связанная ни с Констанцией, ни с королевским двором. Калас не хотел в этом признаваться даже самому себе, не говоря уже о других. Герцог не мог простить Джилсепони, что много лет назад, когда между нею и Данубом еще не было никаких отношений, она отвергла его притязания.

Дануб и Джилсепони оба сделали неправильный выбор, отчего теперь весь двор трясло, словно в лихорадке.

— Надерусь, как последний сапожник, — едва слышно пробормотал герцог, вкладывая в эти слова весь свой сарказм. — За ваше здоровье, королева Джилсепони.

Она сидела в сумраке комнаты, отгородившись полупрозрачным занавесом от внешнего мира. Еще лежа в постели, сквозь сон она слышала голоса Мервика и Торренса.

Ее сыновья устроили возню, потом о чем-то спорили. Когда она проснулась, мальчики уже ушли. Скорее всего, отправились проведать новых приятелей, с которыми успели познакомиться здесь, в Йорктауне.

Сама Констанция так и не завела здесь друзей. От одной подобной мысли ее пробирала дрожь. Она выглядела ужасно и сознавала это. Можно ли в таком виде показываться на людях?

За окнами был полдень, однако Констанция по-прежнему оставалась в простой ночной сорочке, которую не снимала с себя уже три дня. Неужели Констанция Пемблбери успела так быстро опуститься? Она надеялась стать королевой Хонсе-Бира, но видя, что этим чаяниям не суждено сбыться, изменила ход событий и, казалось бы, обеспечила себе титул королевы-матери. А теперь ее просто-напросто вышвырнули из Урсала. Эта мерзавка Джилсепони сумела-таки уличить ее и явилась к ней, словно демон смерти с косой в руках.

— Она с самого начала плела против меня заговор, — прошептала придворная дама. — С самого начала. Она следила за каждым моим шагом, пытаясь поймать меня на свою наживку. И выжидала, выжидала, выжидала. Какова ведьма! Ждать, ждать, ждать, пока бедная Констанция не выдержит этих наскоков и попытается защищаться. И когда я это сделала… да, когда Констанция попыталась защитить себя и своих детей!., ты, проклятая ведьма, пошла плакаться королю. Как после этого не назвать тебя красавицей и умницей, королева Джилсепони?

Закрыв лицо руками, придворная дама шумно разрыдалась. Плечи ее вздрагивали. Теперь набрякшие мешки под глазами станут еще заметнее. Ничего удивительного; с того времени, как Джилсепони выгнала ее из Урсала, подальше от взглядов Дануба, она почти не спала. Констанция понимала, насколько ей необходимо выспаться. Но она не могла, не осмеливалась спать. Она боялась своих снов, ибо в каждом из них повторялось одно и то же: Дануб и Джилсепони, приникшие друг к другу в любовном слиянии.

Придворная дама подняла голову и снова поглядела на полупрозрачный занавес.

Неужели когда-то все было по-иному? Неужели жизнь при дворе проходила без жутких потрясений, обрушившихся на Урсальский замок с появлением в нем Джилсепони? Констанция почти не верила, что когда-то она могла ездить верхом в обществе Дануба и Каласа и дверь королевской спальни так часто была для нее открыта.

В кого она превратилась! И все по одной-единственной причине — по вине этой ведьмы Джилсепони.

Они удалились от берега более чем на тысячу миль, держа курс на восток. Эйдриан, которому минуло восемнадцать зим, стоял на носу «Мечты Ротельмора» — трехмачтового парусника, одного из самых больших кораблей земель Короны. В далеком Хонсе-Бире люди готовились отпраздновать наступавший восемьсот сорок четвертый год Господень либо, законопатив все щели в своих лачугах, пытались пережить очередную зиму.

А здесь, среди лазурных волн южной части Мирианского океана, не существовало ни смены времен года, ни времени вообще. Здесь царила вечность с ее нескончаемой сменой вздымающихся и опадающих волн и веселой игрой солнечных бликов. Эйдриан, научившийся от эльфов жить в гармонии с природой, был захвачен этим безграничным и безмятежным покоем. Пожалуй, впервые в жизни он пребывал в настоящем, не думая ни о прошлом, ни о будущем. Он вообще ни о чем не думал и ничего не делал. Он просто был. Юноша ощущал себя огромным сосудом, позволяя морским брызгам, солнцу и запахам беспрепятственно проникать в свое тело и душу.

Он наслаждался и не желал задумываться о своих чувствах, ибо мысли грозили разрушить хрупкое волшебство этих мгновений.

Позади, в двадцати футах от него, ближе к центру палубы, сидели Маркало Де'Уннеро и Садья. Их мысли и слова были далеко не восторженными.

— Если действовать правильно, война в Бехрене нам только на руку, — сказал Де'Уннеро.

От Олина все трое узнали, что в соседнем королевстве неспокойно из-за восстания, поднятого в одной из западных провинций Тогая. Тамошнее население взбунтовалось против бехренского главаря Чезру и засилья его ятолов. Эйдриан, узнав эти новости, только усмехнулся. Восстание в Тогае его ничуть не удивило, и он догадывался, чьих это рук дело.

— Аббат Олин боится, что народ восстанет против нас, как тогайранцы против ятолов, — напомнила Садья. — Послушаешь его рассказы о бунтах простонародья против церкви… меня, во всяком случае, дрожь пробирала.

— У Олина искаженный взгляд на нынешнее положение, — успокоил ее Де'Уннеро. — Мы поднимем в Хонсе-Бире не религиозный, а светский бунт. Если опираться на слова самого Дануба, Эйдриан — законный наследник престола! Уж не будем называть его нашей марионеткой, назовем нашим ставленником. Мы возведем парня на престол, а потом воспользуемся этим обстоятельством, чтобы совершить необходимые изменения внутри церкви.

— Дануб не признает Эйдриана, — возразила певица.

— Да пойми ты наконец, что король вообще не узнает о нем, — усмехнулся Де'Уннеро.

— Наследники Дануба просто откажутся иметь с ним дело! — упорствовала она, в очередной раз затевая их непрекращающийся спор и высказывая свои никак не утихающие сомнения.

Бывший монах стойко выдерживал вспышки беспокойства подруги. Эти споры велись между ними не один месяц, а с тех пор, как они встретились с Олином и, посвятив его в свои грандиозные замыслы, начали их осуществление, споры стали почти ежедневными.

— Аббат Олин сразу сказал: он не верит, что Эйдриан сумеет взойти на престол без возникновения междоусобицы, — закончила Садья.

Де'Уннеро спокойно воспринял и это замечание.

— Потому мы и плывем сейчас к заветному острову, — отозвался он. — Тебе трудно осознать силу, которую дает богатство. Ты много лет скиталась по задворкам мира, где люди

слишком озабочены повседневностью. Им не до великих замыслов.

— Сколько сокровищ нам понадобится, чтобы снарядить сильную армию, о которой ты мечтаешь? — спросила певица. — Королевская армия верна Данубу, части береговой охраны и Бригада Непобедимых — тоже, — продолжала она, перечислив три ветви мощной военной силы Хонсе-Бира. — У Дануба десятки тысяч солдат. Даже если в наших руках окажутся все сокровища мира, где мы найдем столько людей?

Де'Уннеро подмигнул ей и оглянулся назад, туда, где следовали остальные корабли его странной флотилии. Впрочем, неизвестно, можно ли было назвать флотилией два десятка разнокалиберных судов: от массивной «Мечты Ротельмора» и нескольких других кораблей, построенных на верфях королевства, до быстроходных пиратских шлюпов и катамаранов. Аббату Олину удалось довольно быстро собрать их воедино: достаточно было посулить капитанам изрядное вознаграждение. Но что Олин и Де'Уннеро станут делать, когда желанные сокровища окажутся у них в руках?

Бывший монах понимал, что опасения его подруги не беспочвенны, однако они не особо его тревожили. Увесистый мешочек самоцветов (неважно, магические они или нет) способен легко переманить на свою сторону любого человека. А у Де'Уннеро и Олина вскоре будет достаточно драгоценных камешков, чтобы испытать верность и преданность каждого жителя Хонсе-Бира.

Де'Уннеро вновь оглянулся на разномастную флотилию, остановив свой взгляд на катамаране одного особо упрямого и несговорчивого пирата. Как-то он поведет себя, когда суденышко окажется доверху нагруженным самоцветами? Небось, развернет катамаран и попытается улизнуть? Де'Уннеро почти надеялся, что так оно и случится. Что ж, тогда он выпустит наружу тигра, а Эйдриан возьмет в руки свои магические самоцветы, и от пирата с его молодцами не останется ничего, кроме… добычи.

Наверное, это будет даже забавно.

А на носу парусника Эйдриан продолжал нежиться в остановившемся для него времени. Никакие мысли не тревожили его разум. Тело и душа юного рейнджера пребывали в полной гармонии с окружающим миром.

Он и без напоминаний знал, что это лишь краткий миг безмятежного покоя. Вскоре весь мир содрогнется от взрывов. От взрывов, произведенных им силою магических камней и своей собственной.

Имя Эйдриана, Ночного Ястреба, останется не только в веках; оно переживет тысячелетия!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Сумерки Урсальского замка

Результаты их неустанных действий просто удивительны; во всяком случае, они являют собой столь же внушительное зрелище, как и трюмы, полные самоцветов, которые мы привезли с того далекого безжизненного острова. Добрая сотня купцов, нанятых Олином, теперь торгует ими повсюду: от Бехрена до залива Короны. Также сотня надежных людей, выполняя распоряжения Олина и Де'Уннеро, неустанно трудятся, вербуя наем никое и, что еще важнее, способствуя их проникновению в королевскую армию. Наши замыслы с каждым днем все более и боле становятся явью, а цели — завоевание урсальской короны и главенствование в церкви Абеля — кажутся близкими как никогда.

Де'Уннеро и Олин полагают, что я сам и мое происхождение помогаем им достичь желанных целей. Они считают меня таким же приносящим пользу предметом, как драгоценные камни. Им кажется, что я еще слишком молод, однако, должен сказать, эти люди серьезно меня недооценивают.

Ныне я совсем не тот мальчишка, который столкнулся с Маркало Де'Уннеро

в глуши Вестер-Хонса. Нынешним летом мне исполнится девятнадцать. За годы, прошедшие после моего освобождения из-под опеки эльфов, я успел многому научиться у Де'Уннеро и Садьи и многое повидать во время странствий по разным уголкам большого мира. Теперь мое знание людей и понимание сил, движущих человеческим обществом, несравненно выше, чем у любого моего сверстника.

Нет, Де'Уннеро и Олин не помыкают мною, как бы они ни были в этом уверены. Наоборот, это я использую их, дабы найти путь к своему истинному предназначению. Эти люди — лишь средство для достижения моих целей. Они стремятся к главенствованию в церкви, и здесь они могут рассчитывать на мою безоговорочную поддержку. Однако при случае я напомню им: верховным правителем является король. Это я, Эйдриан, рожден, чтобы быть королем, а вовсе не Де'Уннеро и не Олин. Пока я не захватил трон, я позволю им воображать себя главными, но потом…

Потом я соглашусь терпеть их до тех пор, пока их цели не станут противоречить моим собственным.

Меня забавляет, что личные устремления Де'Уннеро и Олина до смешного похожи. Каждый из них видит себя отцом-настоятелем преобразованной церкви. Де'Уннеро пока что утверждает, что отцом-настоятелем должен стать Олин, а он сам будет готовиться занять этот пост после кончины старика, которая, как ясно всем окружающим, наступит достаточно скоро.

Я не верю ни единому его слову.

С тех пор как мы встретились, Маркало Де'Уннеро не переставал учить меня терпению. Он уверяет, что дорога к нашей цели будет долгой, но каждый шаг ее выверен с чрезвычайной точностью. Однако я вижу: у него самого терпения не больше, чем у меня! Пока цель была далека, он действительно двигался к ней спокойно и неторопливо, тщательно выверяя каждый шаг. Но едва только цель замаячит на горизонте и этот человек поймет, что вожделенное владычество над церковью у него в руках, от его терпения не останется и следа. Он ринется вперед, отшвырнув настоятеля Олина прочь с дороги. Это в лучшем случае. Он может и просто уничтожить старика. Стал бы Маркало Де'Уннеро столь щедро тратить самоцветы, привезенные нами с Пиманиникуита (попробуй сочти тяжеленные мешки, набитые ими!), чтобы собрать армию и сделать Олина отцом-настоятелем! А чтобы возвести меня на престол? Для этого стал бы, ибо это Де'Уннеро считает необходимым шагом к достижению собственных целей. Ему кажется, что, принимая во внимание мое происхождение и опрометчивый королевский указ, посадить меня на трон будет легче, чем осуществить прямой захват власти в церкви, где привыкли считаться с традициями и мнением ее верхушки. Светскую власть захватить проще. Де'Уннеро не раз говорил мне: «Провозгласи королем любого человека, и народу ничего не останется, как признать его. Захватить трон несравненно труднее, чем потом удержать».

Я достаточно изучил человеческую натуру. Теперь мне понятно, почему госпожа Дасслеронд и остальные эльфы ненавидят людей или — в лучшем случае — не испытывают к ним особого уважения. Суета, хитроумные замыслы, таящиеся в сердце каждого человека, вероломство и предательство на каждом шагу — вот что характеризует их в первую очередь!

Да, эльфам куда проще жить и поступать в соответствии с их якобы высокими принципами — ведь срок их жизни измеряется сотнями лет. Время позволяет им быть терпеливыми. Если они не достигли какой-то цели в этом веке, возможно, ее осуществление произойдет в следующем. Тол'алфар не понять страшной истины, что людская жизнь слишком коротка для осуществления наших замыслов. Им не понять, почему мы рискуем для достижения этих целей всем, даже самой жизнью. Еще бы: мало кто из эльфов пожелает рисковать шестью сотнями лет своей собственной. А чем рискует человек, даже совсем молодой, как, например, я сам? Несколькими десятками лет? К тому же из них едва ли больше двадцати человек по-настоящему здоров, крепок и может наслаждаться жизнью.

Между нами и эльфами существует еще одно значительное различие. Эльфы, как и люди, помнят своих погибших героев, но народ тол'алфар помнит и о живых

героях и чтит их на протяжении веков. Людям это не свойственно. Многие враги, которые у меня обязательно появятся, когда я захвачу престол, переживут меня, а пока я жив — будут поливать короля Эйдриана потоками ядовитой лжи или плести против него заговоры.

Поэтому в мире людей самым важным является наследие. Через сотню лет, когда не останется в живых моих союзников, а завоеванные мною земли станут неотъемлемой частью Хонсе-Бира, имя короля Эйдриана воссияет еще ярче. Пройдут сотни лет, но оно не померкнет в веках.

А через тысячу лет легенды обо мне полностью вытеснят реальность. Ведь к тому времени останутся лишь памятники моего правления: замки и дворцы, государство, неизмеримо расширившее свои границы, и великий город Эйдриан, некогда носящий название Урсала. Меня будут считать богом и воздадут мне такие почести, каких я никогда не увижу при жизни.

Песни Садьи убеждают меня в этом; в истории подобное случалось не раз.

Я чувствую, как мои замыслы начинают осуществляться.

Терпение, терпение и еще раз терпение!

Эйдриан, Ночной Ястреб

ГЛАВА 26
ПРОТИВОБОРСТВО СТИЛЕЙ

Все его сетования окончились в тот день, когда юноша надел на себя первую готовую часть своих доспехов — умело подогнанные и столь же искусно скрепленные полосы металла, которые закрывали ему грудь и бока, доходя до самых подмышек. До сих пор Эйдриан был убежден, что изготавливаемые для него доспехи окажутся бесполезной и опасной затеей; латы лишь замедлят скорость движений, отчего он станет уязвимее для ударов противников.

Эйдриану пришлось несколько раз оглядеть себя, дабы удостовериться, что доспехи, надетые на нем, сделаны из металла. По весу они были ничуть не тяжелее плотной рубахи!

— Сидят как влитые, — сказал Гарех Калловег, латник, которого Олин разыскал в какой-то деревушке, чтобы он изготовил доспехи для Эйдриана.

В прошлом Гарех ковал латы для гвардейцев из Бригады Непобедимых. Этот человек оказался бесценной находкой, и дело было не только в том виртуозном мастерстве, с каким он изготавливал металлический наряд для Эйдриана. Кроме того, он знал снаряжение возможных противников и давал практические советы, как сделать более прочной и надежной экипировку солдат наемной армии, которых тайно вербовали и обучали по всему королевству.

— Скроены толково и прекрасно облегают тело. Господин Эйдриан даже не будет чувствовать, что на нем доспехи.

— Я и сейчас их не чувствую, — признался удивленный и явно довольный юноша, совершив несколько выпадов воображаемым мечом.

— Облегают тело? — переспросила Садья.

Эйдриан видел, как ее глаза скользили по его почти обнаженной фигуре. В последнее время эта женщина стала как-то странно приглядываться к нему.

— А если его телосложение изменится? — поинтересовалась маленькая певица.

— Я же с самого начала объяснял: то, чего хочет магистр Де'Уннеро, — дело долгое и хлопотное, — отозвался Гарех. — Раз в неделю мы будем подгонять доспехи. Может, даже чаще, если господин Эйдриан вдруг, упаси Господь, получит рану в сражении.

— Этого не будет, — самонадеянно заявил Эйдриан, и Садья рассмеялась.

Юноша пригляделся к певице и отметил странный блеск в ее глазах. Он уже не впервые задумывался о том, не пробудился ли у Садьи определенный интерес к нему. Как-никак, по возрасту она была намного ближе к Эйдриану, чем к Де'Уннеро.

Эйдриан думал: как ему вести себя, если поведение певицы станет более откровенным?

Эта мысль серьезно волновала юного воина. Он не отрицал и собственных чувств по отношению к этой женщине — от уважения к ее талантам до желания обладать ею. Однако он ни в коем случае не собирался злить Де'Уннеро, ибо считал, что бывший монах остается незаменимым для достижения его целей. Без его содействия путь к восхождению оказался бы для Эйдриана неизмеримо дольше и труднее. Без Де'Уннеро он едва ли разобрался бы во внутреннем устройстве армии, не говоря уже о сложных и крайне запутанных взаимоотношениях внутри абеликанской церкви.

— Мне на эти доспехи нужно еще месяца три, — сообщил Гарех, и его слова заставили юношу вынырнуть из потока противоречивых, но крайне приятных мыслей.

— А сколько они будут весить, когда ты закончишь работу? — спросила Садья.

— Порядком, — признался мастер. — Но я особым образом распределю их вес, и, смею вас уверить, наш юный воин не будет чувствовать особой тяжести.

— Не будет их чувствовать, потому что не станет надевать? — спросил Эйдриан.

— Магистр Де'Уннеро не шутки ради повелел, чтобы ты был как следует защищен, — отозвался Гарех. — Я снаряжал гвардейцев из Бригады Непобедимых. Их доспехи считаются лучшими, но и они поблекнут по сравнению с теми, которые я изготовлю для тебя. Учти, я всегда буду находиться рядом, в каждом твоем походе, и всегда смогу подогнать их как надо, не потеряв в прочности. Ни одни доспехи в мире не смогут сравниться с твоими!

Эйдриан не сомневался в его словах, и уверенность Гареха доставляла ему немалую радость. У Де'Уннеро был четкий принцип самого верного способа достижения власти: нанять лучших в своем деле и поручить им всю необходимую работу. Юный воин и сам поступал точно так же. Сейчас его занимало другое. Несомненно, Гарех являлся превосходным латником, иначе бы он не состоял в свое время на службе у короля и не снаряжал гвардейцев из Бригады Непобедимых. Однако Эйдриан собирался сделать эти доспехи еще более совершенными, а латник никак не мог понять его замысла.

— Если я дам тебе самоцветы, ты сумеешь вделать их в металл, не повредив самих камней? — спросил юноша.

— Хочешь выглядеть еще красивее? — усмехнулся мастер, считая, что парнем движет обыкновенное тщеславие.

Эйдриан взглянул на Садью и по вспыхнувшим глазам певицы понял, что та догадалась, зачем ему понадобились камни на доспехах. Еще бы ей не догадаться, если и в ее лютню был вделан магический самоцвет!

— Хочу, — коротко ответил он латнику.

— Они буду слишком выделяться, — возразил Гарех, так и не понимая истинных намерений юноши. — К тому же магистр Де'Уннеро требовал изготовить латы из лучшего металла, довести его до зеркального блеска и отделать золотом. Да ты просто ослепишь врагов сиянием своих доспехов, парень!

— Так ты сможешь это сделать или нет? — спокойно, но твердо спросил Эйдриан. — Я покажу тебе, в какие места их надо вставить.

Мастер заколебался. Он явно не привык, чтобы кто-то вмешивался в ход его работы. Посмотрев на Садью, он увидел, что женщина кивает головой, соглашаясь с требованием Эйдриана. Потом Гарех взглянул на небольшой мешок с драгоценными камнями — платой за его работу. Подобного богатства латник никогда не получал и даже не осмеливался думать, что его труд может стоить так дорого.

Эйдриан заметил эти взгляды и понял, что больше Гарех возражать не станет.

Олин отвел под мастерскую обширное помещение в подвалах Сент-Бондабриса. На следующий день после первой примерки доспехов Эйдриан вновь пришел к латнику. Так повторялось ежедневно в течение двух недель. Каждое утро юноша просыпался с надеждой, что вернется Де'Уннеро и поручит ему какое-нибудь более серьезное дело, которое избавит его от наскучивших уже примерок. Он не видел никакого смысла в бесконечных подгонках то тут, то там. Главное, чтобы латник вделал в нужные места магические самоцветы. Остальное Эйдриана не занимало. Но каждый раз, когда он пытался уклониться от

посещения Гареха, Садья оказывалась настороже. Она отчитывала Эйдриана, как маленького, и постоянно твердила, что все это делается для его безопасности.

— Ты должен гордиться, что ради тебя мы идем на такие расходы и хлопоты, — неизменно повторяла она, на что юноша столь же неизменно пожимал плечами.

В самом конце второй недели его ежедневных свиданий с Гарехом рейнджера поджидало неожиданное развлечение. В мастерской латника появился аббат Олин. Его сопровождал какой-то человек; судя по курчавым волосам и смуглой коже, этот крепкий, мускулистый незнакомец был бехренцем. За спиной у него висел массивный меч с изогнутым лезвием; рукоятка меча не имела привычной крестовины.

— Наконец-то я нашел оружие, достойное короля, — объявил настоятель Сент-Бондабриса и кивнул незнакомцу.

Тот снял со спины меч и с почтением взял в обе руки, держа перед собой.

Эйдриан не спустился с подмостков, где Гарех занимался подгонкой доспехов, но стал внимательно разглядывать удивительное оружие. Тонкое лезвие меча ярко блестело.

Он перехватил взгляд Садьи, призывавший к спокойствию и терпению. Они оба понимали, что едва ли в мире найдется оружие, равное «Урагану».

— Этот меч выковал Рамус Судабайда, — торжественно провозгласил Олин, словно это имя что-то значило для Эйдриана.

— Он был лучшим оружейником во всем Бехрене, — пояснил старый аббат, и при этих словах Гарех Калловег насмешливо хмыкнул.

Могучий бехренец сверкнул на латника угрожающе прищуренными глазами.

— Бехренцы никогда не превосходили нас ни по оружию, ни по доспехам, — заявил Гарех.

— В его количестве, несомненно, — согласился Олин. — У них намного сложнее и с металлами, и с топливом для кузниц, да и лесов в Бехрене не такое изобилие, как у нас. Зато качество оружия! — продолжал старик, и глаза его восторженно заблестели. — Этот меч сделан старинным способом бехренских оружейников — навивкой металла. Не побоюсь сказать, что качеством их оружие тысячекратно превосходит наше.

Эйдриан повнимательнее пригляделся к мечу.

— Да! — торжествующе воскликнул Олин. — Лезвие этого меча навитое, а не цельное, и потому любой удар не тупит его, но делает еще острее!

Настоятель Сент-Бондабриса подал бехренцу знак, и тот подошел к Эйдриану.

— Возьми этот меч! — с пылом воскликнул старик. — Возьми и ощути, насколько он уравновешен, почувствуй его силу.

Юноша взял меч одной рукой и легко взмахнул им, затем ухватился за рукоятку обеими руками и выполнил сильный рубящий удар. Меч был и впрямь великолепным оружием с удивительно тонким лезвием. Но именно его изогнутая форма, которая не позволяла ему тупиться, подсказала Эйдриану, что бехренское оружие не подойдет даже в качестве временной замены его несравненного «Урагана». Меч предназначался для рубящих ударов, как и его более тяжелые собратья, изготавливаемые оружейниками Хонсе-Бира. Но стиль Эйдриана строился на стремительных выпадах и молниеносных колющих ударах. Для би'нелле дасада годилось только легкое оружие, которое эльфы изготавливали из сильвереля.

— Прекрасное оружие, — сказал юный рейнджер, возвращая меч бехренцу, у которого удивленно вытянулось лицо. — Рамус Судабайда действительно был искусным оружейником.

— Но меч твой! — настаивал Олин.

— Нет, я никогда не собирался обзаводиться подобным оружием, — возразил ему Эйдриан. — Для меня он не годится.

— Это оружие достойно короля! — старый аббат перешел на крик. — Любого короля, владыки самого могущественного королевства! Неужели ты отказываешься от него потому, что меч сделан в Бехрене?

Юноша чуть заметно улыбнулся и внимательно поглядел на Олина, которого буквально

трясло от возмущения. Что ж, поведение старика вполне совпадало с тем, что Де'Уннеро рассказывал Эйдриану про настоятеля Сент-Бондабриса. Вот и наглядный пример, объясняющий, почему старого аббата не избрали отцом-настоятелем и почему в ордене Абеля опасались наделять его слишком большой властью. Сердцем Олин прикипел к соседнему государству. Он горячо, всей душой и сердцем поддерживал и одобрял все бехренское. Наверное, ему было бы невероятно лестно знать, что король Хонсе-Бира владеет бехренским мечом!

— Я отказываюсь от этого оружия, потому что оно не подходит для моей манеры вести бой, — спокойно пояснил Эйдриан. — При всей красоте и совершенстве такого оружия, в бою оно окажется для меня бесполезным. Я отказываюсь от него, ибо не хочу потакать вашим желаниям ценою собственной жизни.

Глаза аббата Олина расширись настолько, что казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит. Садья с шипением втянула воздух, давая юному рейнджеру понять, что он слегка перегибает палку.

— В мире нет воинов более великих, чем бехренские чежу-леи, — заявил настоятель Сент-Бондабриса.

— Которых обучали совсем не так, как меня, — пытался объяснить юноша.

— Тебе не помешало бы поучиться их манере сражаться! — упрямо произнес Олин и, взглянув на бехренца, громко хлопнул в ладоши.

Бехренец, держа меч вертикально перед собой, встал в боевую стойку. Движения, которые последовали за этим, сильно отличались от эльфийского танца с мечом, совершаемого Эйдрианом каждое утро. Однако бехренский стиль ведения боя также строился на мышечной памяти мускулов и позволял воину действовать почти не задумываясь. Бехренец наращивал темп движений, перемещаясь с быстротой молнии.

Внезапно боевой танец прекратился. Бехренский воин принял первоначальную стойку, держа меч перед собой. На лице старого аббата сияла торжествующая улыбка. А Садья даже захлопала в ладоши.

— Он чежу-лей? — спросил Эйдриан.

— Разумеется, — ответил Олин. — И тебе стоит у него поучиться.

Юный рейнджер не возражал против знакомства с различными манерами ведения боя, откуда он мог бы что-нибудь позаимствовать и для себя, однако вовсе не торопился соглашаться на предложение Олина. Следя за движениями бехренца, Эйдриан заметил имеющиеся в его защите бреши, что давало ему, владевшему би'нелле дасада, определенное преимущество.

— Я так не считаю, — небрежно ответил юноша.

Краешком глаза он видел, что настоятель Олин кипит от злости.

— Во всем мире нет воинов лучше, чем чежу-леи, — пытался возражать старик.

— Есть! — перебил его Эйдриан.

Теперь уже не Олин, а бехренец глядел на него глазами, полными неприкрытой злобы.

— Этих воинов называют рейнджерами, — добавил он.

Он хотел еще сказать, что Маркало Де'Уннеро тоже сумел бы победить любого чежу-лея, но сдержался. Ставить воина, пусть даже вышедшего из стен абеликанской церкви, выше столь любимых Олином бехренцев означало лишь усугублять гнев старого аббата. Положение и без того становилось напряженным. Поэтому Эйдриан спокойно сказал:

— Я чрезвычайно благодарен вам за хлопоты, аббат Олин, но при полном уважении к вам я все же должен отклонить это предложение. Возможно, когда у меня найдется время, я ознакомлюсь с этой впечатляющей манерой боя, но я ни за что не променяю ее на ту, которой уже владею.

— В тебе говорит неразумность юношеской гордыни, — бросил ему крайне раздраженный настоятель Сент-Бондабриса.

Эйдриан усмехнулся.

— Этот воин показал мне свою манеру вести бой, так что я могу сравнить ее с

собственной, — убежденно ответил он. — Но вы не видели, как сражаюсь я.

Лицо Олина сделалось чрезвычайно угрюмым.

— Так покажи мне, — тихо и угрожающе произнес он и снова кивнул бехренцу.

Тот отошел, не спуская глаз с юноши и вскинув меч в боевом приветствии.

— Сейчас не время… — попыталась возразить Садья, в ее голосе звучала нескрываемая тревога за Эйдриана. — Неужели вы позволите, чтобы они сражались настоящим оружием и без доспехов?

— Именно так бехренские чежу-леи совершенствуют свое боевое искусство, — холодно заявил старый аббат. — Они, конечно, получают раны, а кого-то даже убивают, но такова цена совершенства.

Эйдриан соскочил с подмостков. Он широко улыбался, предвкушая сражение. Юный рейнджер направился в тот угол, где лежал его меч, однако певица поймала его за руку и встревоженно покачала головой.

— Это может опрокинуть все наши замыслы, — прерывающимся голосом сказала она, обращаясь к Эйдриану и аббату. — Мы не имеем права рисковать ими только потому, что настоятель Олин желает доказать превосходство бехренских воинов, а Эйдриану его мальчишеская гордость не позволяет отказаться от поединка.

Воцарилось тягостное молчание.

— Конечно, рисковать мы не имеем права, — наконец согласился аббат, сверля юношу глазами.

Взгляд юноши был еще жестче.

— Я не приму бехренский меч, — подытожил он. — В мире нет оружия, равного «Урагану»; разве что меч другого рейнджера, но об этом мне не известно.

— Ты вправе делать свой выбор, — отозвался Олин.

Поклонившись, он направился к выходу из мастерской, дав знак бехренцу следовать за ним.

— Мало же ты веришь в меня, — бросил юноша Садье, когда аббат и бехренский воин удалились.

— С чего ты взял? — удивилась певица.

— Ты видела, как я сражаюсь. Неужели ты сомневаешься, что я одолел бы этого бехренца?

— Причина вовсе не в этом, а в том, что могут пострадать замыслы, которые неизмеримо значительнее подобных поединков, — объяснила ему Садья. — Аббат Олин настолько очарован Бехреном и бехренцами, что не желает видеть вещи в их истинном свете. Он испытывает слишком большую веру в традиции своих южных соседей. Если мы ткнем Олина носом в глупость подобных воззрений, это лишь ослабит его преданность нашему делу. Неужели тебе этого не понять?

Эйдриан улыбнулся маленькой певице, вложив в улыбку как восхищение ее мудростью, так и свое согласие. Он вернулся на подмостки, где его поджидал Гарех.

— Надо было бы тебе хорошенько проучить этого бехренского верзилу, — шепнул ему мастер, и юноша, оглянувшись на Садью, чуть не расхохотался во все горло.

— Никак не думал, что ты посетишь нас, — заметил аббат Олин, увидев спустя несколько часов Эйдриана. Настоятель Сент-Бондабриса и его бехренский спутник стояли во внутреннем дворике, куда выходили покои старого аббата. Двор этот являлся святая святых аббата, и после вечерней молитвы Олин обычно предавался здесь уединенным размышлениям. Эйдриану он лишь сказал, что будет рад видеть его здесь. Большего и не требовалось; юный рейнджер и так понимал, зачем его приглашают.

— Разве Садья не предупреждала тебя об опасности? — осведомился Олин.

— Опасности для меня или для вас? — вопросом на вопрос ответил Эйдриан, и старик скрипуче рассмеялся.

— Я знал, что ты не сумеешь отказаться от вызова, — покровительственным тоном

произнес он. — Уверяю тебя, мой юный друг, я понимаю гордость воина. И знаю: ты готов поставить под удар все великие замыслы, все наши надежды, готов рискнуть собственной жизнью, только бы доказать свое превосходство. Я бросил совершенно неожиданный для тебя вызов. Многие в Хонсе-Бире убеждены, что за границами их королевства не существует ничего, достойного внимания. Вот и ты привык соизмерять свою силу с тем, что тебе известно, не задумываясь о неизвестном. Ты считаешь себя величайшим воином, какого когда-либо видел мир, однако не имеешь ни малейшего представления о чежу-леях.

«Я понимаю их лучше, чем ты думаешь», — мысленно возразил ему Эйдриан, вспомнив боевой танец бехренца. Но не проронил ни слова и постарался скрыть усмешку.

— В равной степени ты ничего не знаешь о том, как сражаются альпинадорцы, — продолжал аббат Олин. — А поври? Ты когда-нибудь видел живого поври, юный воин?

Эйдриан не счел нужным ответить ему. Да он почти и не слушал старика. Все внимание рейнджера было сосредоточено на спутнике аббата — смуглом мускулистом бехренце. В монастырской библиотеке юноша успел ознакомиться с кое-какими книгами о чежу-леях, из которых узнал, что эти воины относятся к тренировочным состязаниям столь же серьезно, как и к настоящему поединку. Для них любая битва является делом чести и испытанием собственных возможностей. Именно это сейчас и отражалось на хмуром лице бехренца.

Такие же чувства владели и самим Эйдрианом.

Аббат Олин продолжал просвещать юношу. Он говорил о различных воззрениях двух народов на войну и обучение воинов, а также о роли, какую играют в бехренском обществе армия и церковь. Если бы Эйдриан прислушивался к его словам, то сумел бы узнать немало ценных сведений, помогающих понять причины недовольства Олина церковью Абеля. Старик весьма прозрачно намекал, какие перемены он желал бы видеть в ордене. В Бехрене тамошние ятолы считались богоизбранными предводителями народа, управлявшими всеми сторонами жизни, единственными пастырями послушного и безгласного стада, тогда как высшие круги абеликанской церкви вынуждены были делить свою власть над людьми с королем.

Однако рейнджера сейчас вовсе не занимали рассуждения Олина. Ни он, ни бехренский воин даже не слышали слов старика. Мускулистый чежу-лей склонил голову в знак уважения к своему юному противнику.

«Сражение будет не из легких», — подумал Эйдриан.

Юноша встал в боевую стойку и в ответ тоже уважительно приветствовал бехренца. Он думал, что поединок начнется по знаку Олина. Но оказалось, что чежу-лею было достаточно незаметного кивка старого аббата.

Смуглый бехренец яростно устремился вперед. Его меч, переходя из одной руки в другую, вращался с такой скоростью, что Эйдриану казалось, будто он видит два тесно сомкнутых движущихся круга.

Дерзость этой атаки, внезапная и вероломная попытка окончить сражение прежде, чем оно по-настоящему началось, застигли юношу врасплох. Он мог лишиться не только гордости, но и доброй половины собственного тела! Рейнджер ожидал нечто вроде пробного выпада, на который последовал бы подобный же ответ. Он привык думать, что вначале противники должны определить возможности друг друга. Однако чуждая понимаю Эйдриана стратегия чежу-леев требовала, чтобы поединок заканчивался их победой через считанные секунды!

Так, наверное, и случилось бы, промедли юный рейнджер еще мгновение. Но Эйдриан не растерялся. Бехренец наступал на него — а он пригибался и уворачивался от мелькавшего и свистевшего в воздухе меча чежу-лея. Дважды его «Ураган» оказывался на пути кривого лезвия.

Пригнувшись еще раз, юноша наконец сумел поставить ноги так, чтобы начать плести замысловатую вязь движений би'нелле дасада. Не теряя времени, Эйдриан отступил назад. При этом туловище его казалось неподвижным и сохраняло полное равновесие, необходимое для обороны.

Меч чежу-лея продолжал бешено мелькать. Затем бехренец перебросил его за спиной в другую руку. За этим движением последовала яростная лобовая атака с намерением нанести рубящий удар, однако она оказалась бы успешной лишь в том случае, если бы предшествующий ей удивительный прием полностью отвлек внимание Эйдриана.

Но юный рейнджер не попался на уловку бехренца. Эльфы научили Эйдриана не распылять внимание и постоянно держать в поле зрения маневры противника. Поэтому, едва бехренец ринулся в атаку, меч рейнджера отразил его удар.

Однако и здесь юношу спасла лишь исключительная быстрота его движений. Теперь Эйдриан понял, в чем состояло преимущество искривленного лезвия. Легкого движения руки было достаточно, чтобы отклонить контрвыпад противника. Лезвие меча «Урагана» просто соскальзывало с него.

Рейнджер моментально отвел свой меч назад, прижав к телу, а затем, взмахнув им, отбросил искривленное лезвие бехренца.

Похоже, чежу-лей предугадал это движение, потому что он резко повернул свое оружие, направив его вниз. Все это было проделано с такой скоростью, что меч бехренца успел парировать внезапный выпад Эйдриана.

Это ничуть не обескуражило юного рейнджера. Думая, что преимущество теперь на его стороне, он отступил, потом нанес рубящий удар сверху, такой же, но снизу и три колющих удара, метя чежу-лею прямо в грудь.

Ни один из пяти ударов не достиг цели, тем не менее юноша заставил сопящего от ярости бехренца отступить.

Понимая, что он исчерпал скорость маневра, и видя на лице разозленного чежу-лея явное изумление, Эйдриан не стал его преследовать, а подался назад и приготовился к отступлению. Вернее, к тому, что внешне выглядело как отступление.

Свирепый бехренец вновь ринулся вперед, бешено вращая мечом. Юноша отступал, готовясь к контратаке, перемещаясь в сторону одного из столбов, на котором держалась решетка для плюща. Эйдриан рассчитывал, что решетка послужит естественным заслоном, мешающим смуглому воину наносить удары справа.

Бехренец тоже это понял и быстро отклонился влево.

Все случилось так, как и надеялся юный рейнджер. Теперь массивная фигура чежу-лея не мелькала прямо перед ним и ему не требовалось отражать каждый удар кривого лезвия. Правда, сам он становился более уязвим слева, поэтому Эйдриан быстро перебросил меч в левую руку, поменял положение ног, и, едва только меч бехренца оказался внизу, оставив его грудь незащищенной, рейнджер нанес удар.

Преимущество боевого стиля чежу-лея заключалось в скорости. Молниеносные движения бехренского воина делали невозможным нанесение контрударов, даже если та или иная часть его тела оставалась в этот момент незащищенной.

Преимущество же би'нелле дасада было в еще большей скорости движений.

Стремительный выпад меча Эйдриана распорол руку бехренца от локтя до подмышки, остановив бешеное вращение оружия противника. Подавшись вперед, рейнджер прижал меч чежу-лея к столбу, считая, что схватка завершилась его победой.

Судя по раздосадованному возгласу Олина, старый аббат был того же мнения.

Однако смуглокожий бехренец расценил это на свой лад. Перехватив меч левой рукой, он замахнулся для удара. Эйдриану пришлось моментально отскочить в сторону.

Разъяренный чежу-лей бросился на него, однако теперь юноша ясно понимал, чего ему ожидать от противника. Бешеному вращению меча бехренца он противопоставил молниеносность движений боевого танца эльфов. Пусть внешне скорость движений чежу-лея впечатляла, но настоящая быстрота атаки оставалась за би'нелле дасада.

Довольная улыбка Эйдриана только подхлестывала обозленного бехренца к еще более неистовым действиям. Юный рейнджер не представлял, как ему заставить этого искусного воина признать свое поражение.

Он слегка качнул плечами, недвусмысленно предлагая противнику прекратить

сопротивление. Чежу-лей заметил этот жест, о чем свидетельствовала злобная гримаса, исказившая его лицо. Но что заставляло его отчаянно упорствовать, не желая сдаться? Может, у чежу-леев были свои представления о чести? Или они не привыкли проигрывать?

Эйдриан продолжал уклоняться, отражать удары и наступать. Он вновь пожал плечами, но на этот раз его жест означал совсем другое. Если бехренцу требуются безусловные доказательства превосходства би'нелле дасада над его способом ведения боя — что ж, он их получит. Юноша сосредоточил внимание на вращении меча противника.

Едва бехренец отступил, Эйдриан сделал резкий выпад и нанес удар.

Еще отступление — и снова удар.

В третий раз рейнджер понял, что ударил уже по инерции, сделав неосознанный выпад.

Чежу-лей продолжал сопротивляться, но Эйдриан отскочил подальше, поднял вверх свой меч и объявил:

— Ты побежден.

На лице аббата Олина застыло неподдельное изумление. Юноша совершал выпады с такой скоростью, что старику казалось, что отступающий Эйдриан безуспешно пытается перейти в наступление.

Чежу-лей тоже был немало изумлен, хотя для него цель атак рейнджера стала очевидной прежде, чем из трех глубоких ран на его груди полилась кровь.

Бехренец с виноватым видом посмотрел на Олина, затем опустился на колени.

Старый аббат вскрикнул и суетливо забегал по двору, требуя подать ему камень души, но Эйдриан просто отодвинул его с дороги и подошел к поверженному противнику.

— Ты — достойный противник, — сказал он бехренцу, смотревшему на него с нескрываемым уважением.

— Ну что, удовлетворил свою мальчишескую гордость? — набросилась на него Садья.

Наверное, маленькая певица имела возможность наблюдать за происходящим во дворике Олина. Во всяком случае, она была прекрасно осведомлена о поединке. Юноша прошел мимо нее, слегка кивнув, однако Садья, как он и ожидал, пошла следом.

Эйдриан торжествующе улыбался.

— Ты отрицаешь, что это было опасно? — спросила певица, забегая вперед и преграждая ему путь. — Бехренец мог тебя убить. И что было бы тогда со всеми нашими замыслами?

— Думаю, если бы я оказался убитым, меня бы эти замыслы уже вряд ли сильно волновали, — ответил Эйдриан, продолжая улыбаться.

Садья покачала головой и вздохнула.

— А этот чежу-лей… — начала она.

— Жив, хотя и получил несколько ран. Думаю, что его гордость пострадала сильнее, чем тело, — заверил ее юноша, показывая камень души, которым врачевал раны своего недавнего противника.

— Аббат Олин сомневался во мне, как сомневался в достоинствах «Урагана», — продолжал он.

— А ты не в состоянии переносить его замечаний? — с сарказмом в голосе спросила певица.

— Неужели ты не понимаешь всю важность роли, которую играет Олин? — удивленно спросил Эйдриан. — Он больше нас троих делал и делает для создания армии. Он снарядил корабли для плавания к Пиманиникуиту. В круг его забот входит и флот, который нам понадобится, чтобы следить за южным побережьем. Влияние старика внутри церкви также нельзя сбрасывать со счетов. Без него мы не имели бы там опоры, как без меня у вас не было бы шансов занять престол. Не забывай, что без Олина никто в нынешней церкви не принял бы всерьез замыслы Маркало Де'Уннеро.

— Кстати, он уже вернулся в Энтел, — сообщила Садья.

По тому, каким тоном это было сказано, юноша понял, что она вовсе не рада

неожиданному возвращению Де'Уннеро. И вновь у него шевельнулись подозрения, что эта чувственная и страстная женщина думает о нем не только как об одном из участников их замысла. Скорее всего, ее мысли простираются гораздо дальше.

— Он ведь собирался вернуться только через месяц, — заметил Эйдриан.

— Снова тигр, — вздохнула певица. — Зверь требует, чтобы его выпустили наружу. Де'Уннеро не может долго обходиться без тебя. Ведь больше никто не способен сдерживать находящегося внутри него тигра. Вот тебе еще одна причина, почему сражение с чежу-леем было с твоей стороны совершенно неоправданным риском.

— Зато оно доставило мне удовольствие, — возразил юный рейнджер, получив в ответ недовольный взгляд Садьи.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что меня особенно заботит Де'Уннеро. Ни он, ни кто-либо другой или что-либо другое не заботят меня больше, чем этого требуют мои замыслы, — перестав улыбаться, холодно произнес Эйдриан.

Произнося эти слова, он внимательно взглянул на маленькую певицу и заметил, как ее лицо на мгновение исказила гримаса.

Юноша решил исправить положение и простодушно рассмеялся.

— Аббат Олин сомневался во мне, — повторил он. — А мы не должны сомневаться друг в друге, если хотим достичь того, чего мы все так жаждем. Теперь я пользуюсь полным доверием старика, и это немаловажно. Да, риск стоил того, хотя на самом деле никакого риска там не было.

— Не стоит легкомысленно относиться к чежу-лею, — нахмурив брови, сказала Садья.

— Если бы он одолел меня силой меча — в чем я, правда, сильно сомневаюсь, — я бы уничтожил его силой магических самоцветов еще раньше, чем он попытался бы нанести завершающий удар, — уверенно заявил Эйдриан. — Думаешь, я не догадывался о мастерстве бехренца? Это как раз ты недооцениваешь меня, мое желание достичь тех высот, которыми вы с Де'Уннеро начали дразнить меня вскоре после нашей встречи. Можешь мне верить, в этих замыслах нет ничего, о чем бы я не мечтал еще до того, как повстречался с вами. Я непременно их достигну.

— Достигнешь чего?

— Высот, о которых вы оба даже не подозреваете.

— А есть ли в твоих великих замыслах место для Садьи? — неожиданно спросила женщина.

Эйдриан многообещающе улыбнулся. Пока это было его единственным ответом маленькой певице.

ГЛАВА 27
ЛОЖЬ И ПРАВДА

Проходя по длинной, окаймленной с обеих сторон цветами аллее, ведущей к воротам Урсальского замка, они неизменно ловили на себе недоуменные взгляды встречавшихся им на пути.

Роджера Не-Запрешь это не слишком-то волновало. Он давно привык, что его появление непременно обращало на себя внимание: одни, видя его, недовольно морщились, другие разевали рты, а кое-кто останавливался и застывал в неподдельном изумлении. В детстве Роджер заболел лихорадкой, унесшей жизни всех его родственников. Он сам тоже несколько раз оказывался на грани смерти, но сумел выжить. Однако лихорадка все же взяла с него свою жестокую дань — мальчишка перестал расти, и сейчас рост Роджера едва превышал пять футов. Другой отметиной перенесенного недуга стала неимоверная худоба, отчего глаза, уши, нос и рот казались слишком большими для его почти детского лица. Самое обидное, что мало кто принимал Роджера всерьез. Всю свою жизнь он оставался, что называется, «ни пришей ни пристегни», и немало страдал от этого.

Впрочем, не всех обитателей Урсальского замка интересовал Роджер. Многим,

особенно женщинам, не давала покоя его супруга, Дейнси.

Она шла рядом с ним, гордо вскинув голову, но Роджер чувствовал, что за внешней невозмутимостью жены скрыта душевная боль. Простолюдинка, выросшая в той части Палмариса, где всегда надо держать ухо востро, Дейнси оставалась цела благодаря своей смекалке, а порою — умению ловко запустить в обидчика тем, что под руку попадется. В свое время Дейнси довелось и отбиваться от здоровенного громилы, и неделями прятаться от солдат и монахов, приспешников Маркворта, в сыром и темном подвале. Все это научило женщину немалой стойкости. Даже заболев розовой чумой, она страдала тихо и молча.

Здесь, при дворе, умели изводить тонко и исподтишка; в чем-то это было даже страшнее розовой чумы.

Знать взирала на Роджера и Дейнси так, как смотрят на грязного шелудивого пса, неожиданно забежавшего в комнату и прыгнувшего на обеденный стол. Губы придворных не осмеливались произнести слово «простолюдины», зато глаза их, совершенно не скрывая, кричали об этом.

Что ж, на самом деле так оно и было, и Роджер это знал. Невзирая на положение, которое он и Дейнси занимали теперь в Палмарисе, они действительно были простолюдинами. Джилсепони одарила их богатой одеждой, но они даже не знали, как ее правильно носить. В этих нарядах они еще больше чувствовали себя не на месте.

Роджер постоянно напоминал себе, ради чего они появились здесь ранней весной, едва дороги освободились от снега, а Мазур-Делавал — ото льда. Они с Дейнси приехали поддержать Пони Виндон. Нет, не королеву Джилсепони, а именно Пони Виндон — их дорогого друга. И видя искривленные в презрительных гримасах лица придворных, которым словно делалось дурно от одного их присутствия, Роджер в очередной раз убеждался, насколько Пони сейчас нуждается в их поддержке.

А жизнь Пони в Урсале и в самом деле становилась все тяжелее. По улицам столицы беспрестанно расползались гадкие слухи; люди шептались, что король и королева давно забыли о супружеском долге и даже почти перестали разговаривать друг с другом. В любом кабаке Урсала и окрестных селений можно было услышать грязные шуточки про «королеву из народа».

И вся эта мерзость имела корни здесь, в роскошных дворцовых покоях, на ухоженных аллеях и лужайках прилегающих к замку садов. До чего же Роджеру хотелось вытащить меч и призвать всю эту придворную дрянь к ответу!

— Как только она выдерживает это день за днем? — тихо спросила Дейнси. — Как сносит все эти вызывающие взгляды и даже не пробует ответить?

— А ты представляешь, что произойдет, если она так поступит? — ответил Роджер. — Это просто приведет двор к распаду и причинит ее мужу еще большие страдания. Не забывай, что Дануб — король. Получается, что тогда ее жизнь станет еще тяжелее.

— Если наш король допускает, чтобы его жена страдала и мучилась, надо бы ему для вразумления хорошенько двинуть коленкой под зад, — заявила Дейнси.

Простая житейская логика была для этой женщины броней, защищавшей от презрительных взглядов высокородных вельмож. Роджер даже засмеялся — насколько его жена не разбиралась в изощренных хитросплетениях придворной жизни.

Если бы все было так просто!

— Не найдется ли еще каких-нибудь бродяг, которых вам было бы благоугодно поселить в Урсальском замке? — язвительно осведомился герцог Калас, заметив королеву на балконе, откуда она глядела на простор Мазур-Делавала.

Вопрос неприятно задел Джилсепони, однако она удержалась от язвительного ответа. До чего же глуп этот Калас! До чего глупы все эти чванливые и кичливые придворные! Им невдомек, что Роджер Не-Запрешь более чем кто либо заслуживает право на кров в Урсальском замке. Кто считал, сколько жизней спас юный Роджер во время войны с демоном-драконом? Пятьдесят? Или в сто раз больше? Щупленький парнишка, он в

одиночку отправлялся в занятую поври Кертинеллу, чтобы спасти узников из лап этих чудовищ. А как решительно помогал он ей и Элбрайну во время другой войны — с отцом-настоятелем Марквортом, — прекрасно сознавая, что в случае поражения пощады они не дождутся. И все это время придворная знать преспокойно сидела в замке, попивая вино и болтая о всяческих пустяках. Они не знали (да и вряд ли желали знать) о том, что творилось далеко на севере, в той же Кертинелле, где кровожадные поври едва не казнили несчастную вдову, посмевшую взять лишний сухарь. Эти придворные никогда не участвовали в честных и открытых сражениях. Их битвы велись исподтишка, не нарушая «правил приличия», у жертв за спиной.

Когда Калас подошел и встал рядом с ней, упершись сильными руками в перила балкона, Джилсепони недовольно прищурила глаза.

— Вы никак не можете понять, что некоторым здесь не место, — заметил герцог.

Королева повернулась к герцогу, и их взгляды скрестились.

— Тогда как для других людей замок является родным домом, — закончил свою мысль Калас.

Теперь понятно, зачем он явился сюда, подумала Джилсепони. До недавнего времени герцог, как и все остальные придворные, подчеркнуто сторонился ее. Сейчас же он, похоже, был готов ринуться в бой. И это тоже понятно: Калас только что вернулся из Йорктауна, от Констанции Пемблбери.

— Она настолько раздавлена, что даже не может выносить дневного света, — продолжал Калас, глядя на раскинувшийся внизу город. — У Констанции отняли все, что составляло смысл ее жизни. По сути, отняли и саму жизнь. И все из-за мелочной ревности женщины, которая не имела права становиться королевой.

Джилсепони резко обернулась. Ее глаза метали яростные молнии. Герцог тоже повернулся и, не дрогнув, в упор посмотрел на королеву.

Тогда, не сдержавшись, она ударила его по лицу.

В какой-то момент Джилсепони показалось, что теперь между ними произойдет настоящее сражение!

Но Калас только презрительно рассмеялся.

— Разве вам мало, что вы отняли у этой несчастной женщины любимого человека, отца ее детей? — спросил он. — Вы хотите полностью ее уничтожить?

— Я не предпринимала никаких действий против Констанции, — ответила королева.

— Значит, она может вернуться в Урсальский замок?

— Нет, — быстро возразила Джилсепони.

Герцог вновь рассмеялся, еще более презрительно, после чего повернулся и зашагал прочь, всем своим видом показывая крайнее неудовольствие.

— Вы считаете меня мелочной и ревнивой, — бросила ему вдогонку Джилсепони, едва веря, что эти слова сорвались с ее губ.

В самом деле, почему она должна оправдываться перед герцогом Каласом?

Тот остановился и медленно повернулся к ней.

— Я могла бы намного суровее обойтись с Констанцией, — продолжала женщина, сама не зная, почему вдруг решила заговорить об этом.

Возможно, потому, что она и так слишком долго была вынуждена терпеть отвратительные шутки, грязные сплетни, шушуканье у себя за спиной и откровенно враждебные взгляды.

— Я лишь ответила на ее действия.

— И все потому, что Дануб ее любит? — осведомился герцог.

— Как раз потому, что он ее не любит, — возразила королева.

— Разумеется. Он любит Джилсепони, — издевательски усмехаясь, заметил Калас.

Его слова больно задели женщину, ибо ей, по сути, было нечем возразить на этот сарказм. Отношения между королевской четой в последнее время действительно стали прохладными. Весьма прохладными.

Вопреки своему же решению не говорить об истинной причине изгнания Констанции, Джилсепони все-таки рассказала Каласу о том, как Констанция приказывала подмешивать ей в пищу отвар особых трав, которые та получала от настоятеля Огвэна, и как главный повар Кеникан, не в силах ослушаться, добавлял в кушанья королевы значительные его порции.

На герцога Каласа этот рассказ особого впечатления, на первый взгляд, не произвел. Во всяком случае, его лицо осталось бесстрастным.

— Если Констанция пыталась помешать вам произвести на свет еще одного наследника престола, я не вижу в этом поступке ничего дурного, — без обиняков заявил герцог. — Как видно из ваших же слов, это мнение разделяют многие, включая и саму церковь.

— Одно это позволило бы мне обвинить ее в заговоре против государства, — напомнила ему Джилсепони. — Но Констанция на том не успокоилась. Она попыталась отравить меня, думая, что сумеет вновь оказаться в спальне Дануба.

Калас презрительно отмахнулся.

— Это вы так считаете, — с прежним равнодушием сказал он. — И вновь должен вам напомнить: многие и здесь были бы на ее стороне.

Джилсепони плотно сжала свои полные губы.

— Неужели, проведя в замке несколько лет, вы все еще не поняли, что вам здесь не место? — дерзко спросил герцог. — Неужели вы тешите себя надеждой, что дети, рожденные от вас, смогут претендовать на престол? Для королевства будет лучше, если вы останетесь бесплодной, чем бы это ни было вызвано.

Королева едва верила своим ушам! Она знала, что при дворе часто обсуждали то, о чем сказал сейчас герцог. Та же мысль повторялась и в нескончаемых сплетнях и слухах. Однако Джилсепони и представить себе не могла, что придворные, в том числе и Калас, решатся открыто заявить ей об этом!

— Дети Констанции Пемблбери имеют все права быть наследниками престола, — продолжал герцог Калас, решительно выпятив свою квадратную челюсть. — Их родословная чиста и вполне позволяет мальчикам претендовать на корону. Сыновья Констанции сознают свою ответственность перед людьми и перед Богом, которую вам в силу вашего происхождения никогда не постичь. Если им доведется взойти на престол, и Мервик, и Торренс будут править со здравомыслием, свойственным людям благородного происхождения, и с должным пониманием естественного порядка вещей. Они были рождены и воспитывались для этого!

Герцог внимательно посмотрел на Джилсепони, затем как-то гаденько хихикнул:

— А детеныши, рожденные от вас, унаследуют просто народную дикость…

Джилсепони замахнулась, чтобы влепить ему очередную пощечину, но Калас успел перехватить ее руку. Однако королева вырвала ее и со всей силой ударила герцога по лицу.

Герцог Калас засмеялся, потирая щеку и подбородок, темные от небритой щетины. Надо думать, он прямо с дороги отправился разыскивать Джилсепони, чтобы завести с ней этот разговор.

— Более чем странно слышать подобные слова от человека из ближайшего королевского окружения. Вы не боитесь последствий? — предостерегающе спросила Джилсепони.

— Возможно, вы поспешите сообщить об этом королю и потребовать моего ареста? — язвительно осведомился герцог. — Или великодушная королева Джилсепони прикажет лишить меня возможности командовать Бригадой Непобедимых, а может быть — даже арестовать, подвергнуть пыткам, после чего казнить?

— А если она сама возьмет меч и обойдется без помощи королевского палача? — в тон ему спросила Джилсепони, не отступая ни на шаг.

Пора напомнить Каласу, что она не изнеженная дамочка, выросшая в придворном цветнике, а опытный воин, закаленный в великом множестве опасных сражений.

— Напрасно вы упрекаете меня в этом, хотя и сами прекрасно знаете, что я не побегу искать защиту у мужа. Меня вообще удивляет ваше поведение, герцог Калас. Вы

безжалостно оскорбляете женщину и после этого отваживаетесь называть себя благородным воином?

— Вы не единственная, кому знакомы сражения, — напомнил ей Калас.

— Да, я давно уже не участвую в битвах, а у вас есть преимущество: вместе с Бригадой Непобедимых вы постоянно упражняетесь в боевом искусстве, — согласилась королева.

Но этим она отнюдь не хотела сказать, что утратила былую сноровку. Если герцог Калас объявит ей войну, в ее душе вновь вспыхнет прежний огонь. Джилсепони чувствовала это. Все нынешние битвы, которые приходилось ей вести каждый день, она вела тонким оружием слов и дипломатии, поскольку не могла допустить кровопролития. Но какая-то часть ее существа (наверное, именно там и затаилась Пони Виндон) скучала по старым временам, когда ей приходилось сражаться с более свирепыми и беспощадными, зато более явными и понятными врагами. По правде говоря, Джилсепони было куда легче стереть с меча кровь убитого гоблина или поври, чем изгнать из памяти язвительные слова, отпущенные в ее адрес Констанцией Пемблбери. Конечно, Джилсепони знала, что придворная дама сама накликала на свою голову все эти беды, и все же испытывала к несчастной запутавшейся женщине гораздо больше жалости, чем к своим прежним врагам.

Она чувствовала, что герцог Калас как будто специально пытается довести ее до белого каления, до выплеска накопившейся горечи. Однако его слова воспринимала не только королева Джилсепони; их слышала и Пони Виндон, не привыкшая к дипломатии.

— Констанция вернется в Урсал, — безапелляционно заявил Калас. — Я об этом позабочусь.

Королеве понадобилось некоторое время, чтобы осознать эти слова.

— Меня это мало волнует, — ответила она, сознавая, что обманывает себя. — Но предупредите ее как друг: пусть хорошенько обдумывает свои поступки. И вас, герцог Калас, я предупреждаю о том же. Мое терпение кончилось, а мой меч, вопреки вашим ожиданиям, готов к бою.

— Это угроза, ваше величество?

— Нет, ваша светлость, я же сказала: предупреждение.

Калас в очередной раз усмехнулся, но теперь Джилсепони чувствовала, что он явно встревожен ее словами.

— И все это только за правдивые слова о том, что королева Джилсепони не в состоянии родить ребенка, — пробормотал он и с небрежным поклоном удалился.

Чему Джилсепони была только рада.

Она снова стала смотреть на город, на блестящую гладь Мазур-Делавала с белыми парусами многочисленных кораблей. Как хорошо, что Роджер и Дейнси приехали навестить ее и останутся здесь на все лето. Теперь у нее есть хотя бы двое друзей в этой каменной тюрьме, окруженной прекрасными садами.

— Двое друзей, — тихо произнесла она.

Она невольно перевела глаза на дверь, ведущую в коридор, оканчивающийся лестницей. Там, наверху, находились покои королевской четы — гостиная и две спальни, в которых теперь было особенно холодно.

Едва войдя в отведенную им комнату и взглянув на лицо Дейнси, Роджер понял, что у них гость. Жена стояла, скрестив руки на груди, и ее поза подсказала ему, кто именно к ним пожаловал. Фигурка эльфа пряталась в тени.

— Приветствую тебя, Келерин'тул, — произнес Роджер.

Изящное создание выступило на середину комнаты.

Дейнси, как и следовало ожидать, тут же отодвинулась подальше.

— Ты осуществил следующий шаг? — спросил эльф, не утруждая себя ни любезностями, ни лишними разговорами.

— Ты имеешь в виду разговор с королевой Джилсепони? — спросил Роджер. — Да, я беседовал с ней.

— Откровенно?

— Как ты и велел.

Эльф кивнул, жестом показав, чтобы Роджер продолжал.

Хотя все, что он мог сообщить эльфам, говорило в пользу Джилсепони, Роджеру совсем не нравилась навязанная ему миссия. Ему была неприятна подозрительность тол'алфар, их настоятельные требования, чтобы он отправился в Урсал и навсегда развеял их подозрения по отношению к королеве Хонсе-Бира.

— Как я говорил, так оно и оказалось, — продолжал Роджер, едва сдерживая негодование. — Джилсепони сознавала свою ответственность уже тогда, когда Элбрайн только начал обучать ее би'нелле дасада. Ваша предводительница прекрасно знает об этом, так почему же вы продолжаете настаивать?

— Тебе все равно не понять наших побуждений, — отозвался Келерин'тул. — Могу лишь сказать, что мы настаивали и впредь будем настаивать на необходимости постоянно следить за Джилсепони.

Роджер едва не плюнул на пол; его всегда коробили высокомерие и излишняя подозрительность эльфов.

— По-твоему, другу следует больше доверять? — поинтересовался Келерин'тул.

— Вы уже много лет шпионите за Джилсепони, — напомнил ему Роджер. — Вынюхиваете каждый ее шаг, словно ждете, что она соберет армию, обученную сражаться по-вашему, и вторгнется в эту вашу драгоценную долину.

— Ждем? — переспросил эльф. — Ну это, пожалуй, слишком сильно сказано.

— Но вы боитесь этого, — упорствовал Роджер.

— Мы — осторожный народ, — не стал спорить Келерин'тул.

— Давным-давно вы объявили Джилсепони другом эльфов, — сказал Роджер. — Разве подобное ничего для вас не значит?

Раздавшийся в ответ смех Келерин'тула был приятным и мелодичным на слух, однако Роджер уловил явственно звучавшую в нем насмешку.

— Если бы Джилсепони не была другом эльфов, ее жизнь давным-давно уже была бы оборвана, — произнес Келерин'тул, и Роджер ни на мгновение не усомнился в правдивости этих слов. — И уж мы ни за что не позволили бы ей отправиться в Урсал и воссесть на трон рядом с королем людей.

— Потому что так распорядилась госпожа Дасслеронд? — с сарказмом осведомился Роджер.

— Я же говорю, Роджер Не-Запрешь, что тебе трудно понять наше отношение к происходящему. Да, Джилсепони, как и ты, является другом эльфов. Но ты превратно понимаешь значение этого слова. Нужды тол'алфар всегда были и останутся для нас превыше всего. Ни Джилсепони, ни ты с вашими желаниями и тревогами и даже с самой вашей жизнью не идете с этим ни в какое сравнение. Нынче мы просим от вас с Джилсепони совсем немного, но нам нужна полная уверенность, а не бесконечные сомнения.

Уже много лет минуло с того времени, когда мы в последний раз являли себя перед людьми, — продолжал Келерин'тул. — Мы почти исчезли из человеческой памяти, превратившись в сказки и легенды. Нас такое положение вполне устраивает, и от каждого, кого мы называем другом эльфов, мы требуем сохранять его и ни в коем случае не нарушать.

Роджер пристально глядел на Келерин'тула, вполне соглашаясь с его словами. Тол'алфар никак нельзя было назвать дружелюбным и отзывчивым народом, эльфов не слишком волновали беды человечества. Да и терпимостью к слабостям людей они тоже не отличались. Правильнее сказать, они отличались нетерпимостью.

— Госпожа Дасслеронд потребует от меня отчета, — сказал Келерин'тул. — Что мне ей сообщить?

— Королева Джилсепони нигде и никогда не упоминает о народе тол'алфар, — ответил Роджер. — Когда я спросил ее об этом напрямую, то понял, что за все эти годы она впервые вспомнила о вас. Никто при дворе не знает о тол'алфар. Придворным и без того хватает, о

чем чесать языками. Госпоже Дасслеронд нечего бояться ни самой Джилсепони, ни того, что она раскроет кому-нибудь секрет би'нелле дасада.

Если эти слова и убедили Келерин'тула, внешне он никак этого не показал.

Роджер растерянно усмехнулся.

— Неужели ты так и не понял, как тяжело приходится Джилсепони среди этих напыщенных придворных павлинов? — спросил он эльфа. — Она никогда не станет учить этих подлых вероломных глупцов ничему серьезному и уж тем более не нарушит ради них свое слово. Главнокомандующий королевской гвардией — ее заклятый враг. Если кто-нибудь и застанет Джилсепони, танцующую би'нелле дасада, то это будет последним, что он увидит перед смертельным ударом ее меча!

Келерин'тул долго и внимательно смотрел на Роджера, после чего удовлетворенно кивнул.

— А ты спрашивал ее про другое? — поинтересовался эльф.

— Да, и тоже напрямую, — ответил Роджер. — Как только Джилсепони даст ответ, я тебе его сообщу.

— Мы узнаем ее ответ раньше, чем ты, — со свойственным эльфам высокомерием заявил Келерин'тул.

И, слегка поклонившись, исчез в темноте. Дейнси подошла к Роджеру и крепко сжала его руку, чувствуя, что мужу требуется ее поддержка.

— Так она поедет с нами? — спросила она.

Вместо ответа Роджер утомленно прикрыл глаза. Ему было нестерпимо больно сознавать, что Джилсепони, лучший его друг, страдает, а он даже не знает, как ей помочь.

— Что ни день, то сражение, — проворчал Дануб, следуя за Джилсепони в их покои.

Они возвращались после горячих и напряженных споров с герцогом Каласом и парой других придворных. Разговор касался нынешнего положения в Палмарисе — по всем меркам вполне благополучного. Однако Калас настаивал, чтобы король пересмотрел основу управления городом и ратовал за отмену указа, по которому Браумин Херд был назначен епископом. Он повторял прежние свои утверждения, что нельзя сосредоточивать в одних руках обязанности настоятеля и барона. Поначалу Джилсепони не догадывалась, зачем герцогу понадобились все эти обсуждения. Потом наконец догадалась: тот просто стремился отвлечь внимание королевы от другого события — возвращения в Урсал Констанции Пемблбери.

Однако она не удержалась от того, чтобы вступить с Каласом в ожесточенный спор, хотя и понимала, что играет герцогу на руку. Тот постоянно что-то нашептывал Данубу на ухо, и вскоре все разумные доводы Джилсепони потонули в гуле голосов.

— Браумин Херд прекрасно себя проявил, — сказала Джилсепони, когда они с Данубом остались одни.

— Тебе кажется, что я сам не мог бы в этом разобраться? — буркнул король. — А ты только подливаешь масла в огонь. После твоих слов Калас готов превратить мой двор в поле битвы!

— Ты же знаешь о его неуступчивости, — заметила Джилсепони.

— Да, Калас упрям, — согласился Дануб. — Не меньше, чем ты, моя дорогая.

Эти слова, произнесенные каким-то чужим, отстраненным тоном, отбили у королевы желание продолжать разговор.

Вздохнув, она откинулась в кресле, чувствуя неимоверную усталость.

— Роджер и Дейнси пригласили меня провести зиму в Палмарисе, — немного придя в себя, сообщила мужу Джилсепони.

К ее удивлению, Дануб даже бровью не повел.

— Я обдумываю их предложение, — выжидающе добавила она.

— Возможно, это было бы самым разумным, — спокойно произнес король.

Чересчур уж спокойно. Внимательно взглянув на мужа, Джилсепони поняла: внутри у

него все кипело. Слухи, насмешки, густо пересыпанные откровенной ложью, — как он, должно быть, устал от всего этого!

— Констанция Пемблбери возвращается в Урсал, — сообщил Дануб. — Вместе с Мервиком и Торренсом. Возвращается не на время, а насовсем. Здесь ее дом.

— У нее всегда было право выбирать, где ей жить, — ответила Джилсепони.

Король молча кивнул.

Она встала, подошла к мужу, взяла его за руки и посмотрела прямо в глаза.

Дануб отвел взгляд.

На следующий день Джилсепони отправилась в Палмарис. Ее отъезд не сопровождали ни фанфары, ни придворная шумиха. Не было даже полагающегося королеве сопровождения. С ней были только ее друзья — Роджер и Дейнси.

ГЛАВА 28
НА ЮГЕ НЕСПОКОЙНО

— Бехренский флот нам теперь не помеха, — уверенно заявил знаменитый пират Майша Дару.

Ростом выше шести футов, с нечесаной гривой вьющихся черных волос, окладистой бородой и синими глазами, способными, казалось, прожигать насквозь, этот головорез являл собой впечатляющее зрелище. Внушительный облик лишь подкреплял его славу жестокого и безжалостного негодяя, а глаза… в эти глаза, наверное, лучше было не заглядывать в минуты, когда он истязал свои жертвы или был охвачен приступом неуправляемого бешенства.

— Им сейчас не до нас, — злорадно усмехнувшись, продолжал Майша. — Оборона Хасинты хорошенько повытряхнет из них кишки.

Остальные бехренские пираты, набившиеся в кубрик флагмана Дару, носившего звучное название «Овай вару», что означало на их языке «Белая акула», усмехались и перешептывались. Им доставляло явное наслаждение, что для бехренских военачальников и их живого божка Чезру настали трудные времена. Пираты рассказали гостям, что на западе племена тогайру подняли мятеж, подобно песчаной буре прокатившийся и по степям Тогая, и по бехренским пустыням.

Для пиратов, которым сейчас не угрожала бехренская армия, действительно настали золотые деньки.

— Мы никогда и не считали флот бехренцев серьезным противником, — ответил Маркало Де'Уннеро, сидевший между Эйдрианом и Садьей. — С какой стати они вдруг придут на помощь Хонсе-Биру? А если они воспользуются подвернувшимся случаем и к беспорядкам в северном королевстве добавят собственные, нам это только на руку.

— Я говорю, что нам они не помеха, — пояснил свои слова Майша Дару. — Боевым кораблям Чезру ой как не до нас, зато для нас привар поспел.

Вновь послышались шепот и довольные смешки. Пираты предвкушали веселые времена, обещавшие им практически безнаказанные грабежи.

— Вот и скажи, Де'Уннеро, есть ли нам резон двигаться сейчас на север? — спросил Майша Дару.

Маркало Де'Уннеро сдержанно улыбнулся и даже утвердительно кивнул головой. Признание важным гостем разумности доводов Майши заставило синие глаза свирепого пирата вспыхнуть еще ярче. Возможно, он догадался, что Де'Уннеро приготовил ему какой-то сюрприз.

Не говоря ни слова, Де'Уннеро вытащил и положил на стол небольшой, но плотно набитый мешок. Пристально глядя на пирата, бывший монах толкнул мешок в его сторону.

Развязав тесемки, Майша Дару перевернул мешок, и на грубо оструганный деревянный стол, вспыхивая красными, зелеными и янтарно-желтыми огоньками, посыпались драгоценные камни.

Кое-кто из пиратов не смог сдержать удивленного возгласа. Кое-кто подался вперед, завороженный соблазнительным зрелищем. Лицо Майши Дару приняло сосредоточенное выражение.

— Плата за наши услуги? — деловито осведомился он.

— Плата за то, что ты позволил нам оказаться здесь, — ответил Де'Уннеро. — Я благодарен, что ты и твои парни нашли время для встречи с нами.

Эйдриан поморщился. Он обернулся к своему наставнику, считая явной глупостью столь непростительно щедро платить какому-то пирату за несколько часов отнятого у него времени. Но Де'Уннеро, как и Садья, выглядели вполне удовлетворенными.

Когда же юный рейнджер вновь перевел глаза на Майшу, он яснее понял замысел Де'Уннеро. Пират пытался разыгрывать спокойствие и даже хладнокровие, но сквозь эту неуклюжую маску проглядывало жадное предвкушение еще большей добычи.

Впрочем, могло ли быть иначе? Если за обыкновенную встречу Де'Уннеро одарил пирата целым состоянием, сколько же тогда Майша Дару и его бехренские головорезы, которых бывший монах вербовал для охраны южного побережья Лапы Богомола на случай междоусобной войны в Хонсе-Бире, получат за настоящее дело?

— К тому времени, когда нам понадобятся ваши услуги, Чезру, скорее всего, уже покончит с этой небольшой заварухой, — пояснил Де'Уннеро. — Не вспомнит ли тогда это живое божество про Майшу и его товарищей и не повернет ли свой военный флот против них?

— Верно, лучше заранее подыскать новые места для промысла, — согласился Майша Дару.

Эйдриан заметил, что пират, сам того не замечая, перебирал пальцами горстку самоцветов.

— Но даже если судьба смилостивится и бехренский флот будет спокойно торчать себе на приколе в Хасинте, давая вам возможность разгуляться на здешнем побережье, возможно, воды к северу от Энтела окажутся для вас куда более прибыльными, — произнес Де'Уннеро, незаметно подсовывая пирату наживку.

— И такое может случиться, — согласился Майша Дару.

Он сгреб самоцветы обратно в мешок и убрал со стола, подальше от завидущих глаз своих головорезов.

— Поговорим об этом завтра? — спросил бывший монах.

— Если заплатишь столько же… — начал было пират, но, заметив суровый взгляд Де'Уннеро, моментально осекся.

— Полагаю, этих камешков вполне хватит на оплату всех наших встреч, — довольно жестко ответил тот.

Эйдриана вновь поразила столь разительная перемена в поведении бывшего монаха, и он стал внимательно наблюдать за лицом своего наставника.

На физиономии Де'Уннеро, по-прежнему остававшейся суровой и сосредоточенной, не дрогнул ни один мускул.

— Завтра, — уже не столько вопросительно, сколько утвердительно повторил он.

Майша Дару выпрямился на стуле, молчаливо и грозно возвышаясь над собравшимися. Однако если Де'Уннеро и чувствовал затаившуюся в синих глазах пирата угрозу, то умело это скрывал.

Рука Эйдриана невольно скользнула в карман, где он спрятал несколько камней, взятых с корабля Олина. В их числе были серпентин и рубин. Все трое заранее договорились, как будут вести себя в случае опасности. Они возьмутся за руки, рейнджер с помощью серпентина окружит их защитным коконом, а затем выпустит разрушительный огненный шар.

— Завтра, — ответил предводитель пиратов, нарушив зловещее молчание, после чего громко расхохотался.

Вся шайка дружно подхватила его смех.

— Что тебе об этом известно? — приставала к Эйдриану Садья, когда через некоторое время они вновь очутились в своей каюте на корабле Олина. — Ты собираешься, наконец, поделиться этим с нами или предпочтешь отмалчиваться?

Юноша перевел взгляд со снедаемой любопытством певицы на Де'Уннеро. Тот сидел, скрестив руки на своей сильной груди, и тоже ждал от него ответа.

— Этим? — переспросил Эйдриан. — О чем ты говоришь?

Садья и Де'Уннеро, понимающе переглянувшись, улыбнулись.

— Я спрашиваю о беспорядках в Бехрене, — ответила маленькая певица. — Когда Дару заговорил об этом, по твоему лицу я поняла, что тебе кое-что о них известно.

Рейнджер изумленно взглянул на певицу. Как она смогла догадаться?

— Во всяком случае, тебя сильно заинтересовал его рассказ, — добавил Де'Уннеро. — Это меня удивляет. Насколько я знаю, до этого времени ты никогда не бывал в землях, что лежат к югу от Пояса-и-Пряжки. Да и мог ли ты там оказаться? Ведь из Вестер-Хонса не перебраться через горы.

— Я никогда не был в Бехрене. Хотя, если эти воды считать бехренскими, тогда будет правильнее сказать, что я никогда не ступал на побережье Бехрена.

— Почему же тогда сведения Дару о тамошней заварухе вызвали у тебя столь пристальный интерес? — спросила Садья.

— Простое любопытство, — солгал Эйдриан. — Я вообще мало что знаю о войнах, хотя надеюсь, что в ближайшие годы исправлю этот недочет.

— Не сомневаюсь в этом, — отозвался Де'Уннеро. — Так ты все-таки откроешь нам свой секрет? Или думаешь, что это разумно — упираться и держать при себе то, что может оказаться важным для всех нас?

Юноша подошел к стенке их небольшой каюты и уселся на трехногий стул. Он глубоко дышал, пытаясь собраться с мыслями. Настойчивость Де'Уннеро и Садьи не оставляла ему времени сосредоточиться.

— Возможно, я знаю того, кто возглавляет восстание тогайру, — сказал он наконец.

Глаза его спутников, казалось, готовы были выскочить из орбит!

— Если мое предположение верно, это женщина по имени Бринн Дариель, — пояснил Эйдриан.

Его собеседники только и могли, что изумленно переглянуться.

— Она, как и я, обучалась у эльфов, — продолжил объяснения юный рейнджер. — Потом они отправили Бринн на юг, как раз для того, чтобы поднять восстание против ятолов.

— С каких это пор эльфов стали волновать заботы людей? — осведомился Де'Уннеро.

— Странный поворот, ничего не скажешь, — ошеломленно призналась Садья. — Если, конечно, ты все же не ошибаешься.

— Я тоже об этом думаю, — сказал Эйдриан. — И все же, если это дело рук Бринн Дариель и если она останется жива в этой заварухе, сомневаюсь, чтобы мы могли рассчитывать на ее помощь нашему делу.

— А мы и не собираемся на это рассчитывать — Ответ Де'Уннеро явно удивил юношу. — Главной ошибкой Олина всегда являлись его слишком тесные связи с Бехреном.

— Но ты ведь сам начал переговоры с бехренскими пиратами, — возразил ему Эйдриан.

— Помощь от Майши Дару и его головорезов останется незамеченной для глаз простонародья, которое легко увлечь и сбить с толку. Пираты будут орудовать в открытом море. Возможная помощь с юга, от твоей подруги, оказалась бы более заметной и только принесла бы нам политические осложнения.

— Но если мы победим, — с улыбкой заключила Садья, — тогда твои связи с Бехреном или с Тогаем, если война принесет племенам тогайру свободу, могут оказаться для нас просто неоценимыми.

— Нашему делу помогает уже одно то, что ятолы, представляющие для нас серьезную

опасность, столкнулись с необходимостью подавления внутреннего мятежа, — сказал Де'Уннеро. — Это не позволит им перенести военные действия к нашим границам. Чезру уже давно утверждает, что Энтел принадлежит им, а не Хонсе-Биру.

— Не верю я в это, — возразила Садья. — Если бы Чезру собирался захватить Энтел силой, тогда Олин должен был бы либо помочь ему в этом, либо откреститься от своего любезного приятеля.

Эйдриан прикрыл глаза. Юношу не волновали эти разговоры, казавшиеся ему бесцельной тратой времени. Его мысли обратились к Бринн Дариель. Рейнджер вспоминал свою подругу, надеясь, что именно она возглавляет восстание в Тогае. Как здорово было бы встретиться с нею, будучи королем Хонсе-Бира — государства, несравненно превосходящего ее Тогай!

Улыбка Эйдриана сделалась еще шире, когда он стал размышлять о том, сколько пользы могла бы принести ему их дружба с Бринн. Если бы он сумел правильно объяснить ей свои замыслы по укреплению границ королевства, она могла бы превратиться в чрезвычайно ценного союзника. Учитываю их давнюю дружбу, тогайранка наверняка согласилась бы с его взглядами.

Но зачем останавливаться на этом? С помощью Бринн он смог бы распространить влияние Хонсе-Бира на Бехрен и Тогай. Эйдриан чувствовал, что перед ним открываются захватывающие возможности.

И кто сказал, что он непременно должен останавливаться на завоевании власти в Хонсе-Бире?

ГЛАВА 29
ПОНИ

— Это и к лучшему, что она уехала.

Таковы были последние слова, которые герцог Калас с плохо скрываемым удовлетворением сказал в тот день Данубу. Таким было и общее настроение двора и знати. И король не мог не знать об этом.

Все друзья и близкие к Данубу люди, в том числе и многие из тех, кого он знал с самого детства, с восторгом встретили известие об отъезде Джилсепони в Палмарис; они откровенно радовались тому, что королева наконец-то покинула двор и, возможно, больше уже не вернется. До ушей короля долетал смех придворных и их язвительные замечания. Дануба везде преследовали возбужденные пересуды о том, как его жена выезжала из ворот Урсальского замка; об этом же судачили в просторных гостиных и многочисленных коридорах громадного Урсальского замка. Придворные словно ожили. Решение Джилсепони уехать встретило единодушное одобрение, все облегченно вздыхали, что наконец-то король Дануб понял, что к чему, и отправил «королеву из народа» обратно в ее родную глушь.

Для Дануба все это было сродни удару отравленным клинком в спину. Смех и ликующие возгласы впивались в него с такой же яростью, с какой злые охотничьи псы герцога Каласа набрасывались на преследуемого зверя.

Как бы король Дануб ни уверял себя, что Джилсепони поступила правильно, покинув Урсал, что он совершил ужасную ошибку, пригласив ее сюда, в совершенно чуждое ей место, как бы он ни пытался вспомнить, сколько боли доставляли ему все слухи и сплетни, касавшиеся неверности его жены и чуть ли не ее намерений составить заговор против него… всему этому противостояла одна-единственная мысль, и ее неопровержимость буквально сводила короля с ума.

Джилсепони была единственной женщиной, которую он когда-либо по-настоящему любил.

Несколько недель, проведенных без нее, оказались самым тяжелым и беспросветным периодом в жизни короля Дануба Брока Урсальского.

— Ваше величество, к вам госпожа Пемблбери, — с поклоном возвестил паж.

Дануб вздрогнул, но велел ее впустить.

Констанция сильно похудела и выглядела измученной. Она осторожно вошла в знакомые покои. В ней не осталось и следа былой властной самоуверенности. Это также заставило короля содрогнуться; он не мог отрицать и доли своей вины в том, что некогда волевая, жизнерадостная женщина превратилась едва ли не в развалину. Ведь это она родила ему двух прекрасных сыновей и на протяжении многих лет была его возлюбленной и одним из самых близких друзей.

— Я пришла поговорить о Мервике, — тихо сказала Констанция. — Ему пришла пора поступить на службу в Бригаду Непобедимых.

Дануб недоверчиво взглянул на придворную даму.

— Стоит ли так торопиться? Времени еще более чем достаточно.

— Ему уже шестнадцать, — уже настойчивее произнесла Констанция. — Мальчика следует должным образом экипировать, и снаряжением его должен заняться лучший королевский латник. Герцог Калас обязался сделать из него настоящего бойца. Мервик должен уметь командовать воинами. Это необходимый навык для будущего короля.

Дануб усмехнулся и отвел глаза. Болезненная слабость не помешала Констанции мгновенно окунуться во все дела и интриги Урсальского замка. Она уже наверняка подыскала латника и обговорила дни, когда Мервик будет являться для подгонки своих будущих доспехов.

Уже не впервые король спрашивал себя, правильно ли он поступил, включив Мервика и Торренса в число наследников престола? Он не мог отрицать, что соперничество между Джилсепони и Констанцией (хотя его жена, наоборот, он прекрасно это видел, долго пыталась наладить отношения с придворной дамой) на протяжении всех последних лет было главным источником недовольства двора. Однако Дануба еще более удручало, что и Констанция, по сути, не была в этом виновата.

Он тяжело вздохнул и кивнул в знак согласия.

— Герцог Калас будет рад вплотную заняться обучением Мервика, — сказал он, заставив себя улыбнуться.

Ответная улыбка Констанции также была натянутой. Она повернулась и собралась уходить, но перед этим обернулась и, сверкнув глазами, спросила:

— Ваша королева не прислала известий о своем скором возвращении? Ведь путь из Палмариса скоро покроется снегом. Неужели вам придется зимовать без нее?

Участие в ее тоне — Дануб это сразу понял — звучало определенно фальшиво. Констанция была явно осведомлена о том, что скорого возвращения Джилсепони не предвидится. Тогда зачем спрашивать об очевидном? В глазах придворной дамы промелькнул огонек, который ощутимо обжег Дануба.

Надежда.

Повернувшись, Констанция покинула королевские покои.

Король не сомневался, что она попытается воспользоваться отсутствием Джилсепони, чтобы вернуть себе его былое расположение и вновь оказаться в его объятиях. Разумеется, придворные, готовые на все, дабы укрепить положение Констанции, горячо желали ей этого.

Одна мысль об этом заставила Дануба обхватить голову руками, в отчаянии запустив пальцы в седеющие волосы.

Его ждала длинная — невероятно длинная — зима.

На ней вновь была ее прежняя одежда — наряд простолюдинки: грубая коричневая рубаха, светлые штаны, сапоги из оленьей кожи и зеленый дорожный плащ. Только мешочек с самоцветами, подвешенный к поясу, да «Победитель» — ее замечательный магический меч, прицепленный к седельной сумке, отличали королеву Джилсепони от обычной женщины, пустившейся в долгий путь.

Вместе с роскошными нарядами она сбросила и свой титул, а вместе с ним и

официальное имя. С Роджером и Дейнси в Палмарис ехала не королева Джилсепони, а Пони. Друг Роджера и Дейнси, а не королева Хонсе-Бира и не героиня северных земель.

Просто Пони.

И сейчас это имя звучало в ее ушах самой сладостной музыкой.

— Мы могли бы отправиться дальше, в Кертинеллу, — предложил Роджер, когда их лошади застучали копытами по булыжным мостовым Палмариса. — А потом и в Дундалис. Как раз успели бы до первого снега.

Пони почти сразу же отвергла его предложение. Слова Роджера ничего не всколыхнуло в ее душе. Она не была готова отправиться в Дундалис. Сначала надо вновь ощутить себя Пони, привыкнуть к прежней жизни. Все должно происходить постепенно. Ведь поездка в Дундалис означала и свидание с могилой Элбрайна.

— Не сейчас, — ответила женщина, поймав удивленный взгляд Роджера. Может, будущей весной. А зиму проведем здесь. Так будет лучше. Трудно сказать, придется ли нам по вкусу новый Дундалис. Если нет, не хотелось бы застревать там на зиму.

— Весной? — переспросила Дейнси. — Значит, ты собираешься остаться с нами до весны?

Пони улыбнулась, но ничего не ответила.

— Если хотите, поезжайте в Чейзвинд Мэнор, — сказала она друзьям.

От улицы, по которой они двигались, отходил переулок, ведущий к главным воротам монастыря Сент-Прешес.

— А я навещу епископа Браумина. Последний раз мы виделись с ним в моем доме. Теперь надо побывать в его вотчине.

Пони намеревалась пошутить, но прозвучавшие слова почему-то всколыхнули в ней совсем другие чувства. Упоминание об Урсальском замке как о своем доме задело в ней болезненную струну. По правде говоря, Пони никогда не считала его своим. Замок был домом короля Дануба, и хотя Пони являлась его женой, она не могла искренне назвать это величественное строение своим домом.

Женщина повернула лошадь и направила ее в переулок. Роджер предложил проводить ее до ворот монастыря, но Дейнси неестественно громко кашлянула, дабы заставить мужа отказаться от своего неуместного предложения. Пони, даже не оборачиваясь, могла угадать, что происходило за спиной: Дейнси жестами пыталась втолковать мужу, что Пони сейчас необходимо побыть одной.

— Тогда мы будем ждать тебя в Чейзвинд Мэнор, — сказал Роджер. — Я велю слугам приготовить твои покои.

Пони хотела обернуться и попросить их отпустить из дома слуг, но передумала.

Она поехала навстречу возвышавшемуся над крышами Палмариса монастырю Сент-Прешес, до которого оставалось еще несколько кварталов. Пони вновь вспомнила Урсальский замок, потом Дундалис и, наконец, Палмарис, в котором вновь очутилась. Так какое же из мест она действительно могла назвать своим домом?

— Трижды замужем и опять одна, — произнесла она вслух и негромко рассмеялась.

Потом женщина глубоко вздохнула, так и не решив, где же ее истинное место в мире. И кто она? Пони — простолюдинка, выросшая в Дундалисе, который тогда был еще простой деревней, и проведшая свое отрочество в Палмарисе? Джилл по прозвищу Бродячая Киска — осиротевшая девушка без прошлого, потерявшая от перенесенных ею ужасов память? Джилл, вышедшая замуж за Коннора Бильдборо, племянника палмарисского барона? Та самая Джилл, которая пробыла замужем менее суток, потому что страшные демоны ее детства, порожденные напавшими на Дундалис гоблинами, вдруг вырвались наружу в их первую с Коннором брачную ночь и не допустили ее близости с мужем, после чего тот потребовал расторжения их брака? Либо все-таки Пони, вновь встретившая Элбрайна — свою истинную любовь — и прошедшая с ним через лихие годы сражений с Бестесбулзибаром и прихвостнями этого демона, а потом — с отцом-настоятелем Марквортом, чья нечестивая душа, которой овладел демон, запятнала церковь Абеля?

Или она все же была Джилсепони, супругой короля Дануба? Настоящей женой и настоящей королевой? А может, как утверждали многие в Урсале, она и впрямь оказалась «королевой из народа», вторгшейся в непонятный и совершенно невыносимый для нее мир?

— Всего понемножку, — прошептала женщина, чувствуя, как на нее накатывает волна душевной боли.

Не за себя. За Дануба. Пусть в последнее время муж наговорил ей много ужасных вещей, пусть он, как ни противился, все-таки не мог не обращать внимания на многочисленные слухи, порочащие ее имя, но Дануб никогда не относился к ней плохо. Больнее всего было то, что он по-прежнему ее любил.

Так что же она совершила: бегство или временное отступление? Вернется ли она в Урсал, к своим обязанностям супруги и королевы, или навсегда останется здесь, где жизнь проще и понятнее?

Единственное, что сейчас Пони могла сказать наверняка, — так это признать неопределенность своего будущего.

Ворота Сент-Прешес были открыты, и Пони въехала прямо во внутренний двор перед главным монастырским строением. Епископ Браумин, шумно дыша, подбежал к ней раньше, чем она успела спешиться. Весть о ее прибытии, словно пожар, распространилась по всему монастырю.

Настоятель Сент-Прешес, успевший за эти годы прибавить в весе еще фунтов двадцать, бросился к Пони и так крепко сжал в объятиях, что они оба чуть не упали на землю.

— Странно, что в гавани не трубили трубы, возвещая о прибытии королевы! — воскликнул он.

Отстранив женщину, епископ оглядел ее и восхищенно покачал головой.

— На этот раз я прибыла в Палмарис посуху, — ответила, рассмеявшись, Пони.

— Тогда тебя должны были бы торжественно встречать у южных ворот!

— Представь, что никто даже не заметил моего появления. Я приехала вместе с Роджером и Дейнси. Неспешное, знаешь ли, приятное путешествие по тихим живописным краям.

Епископ воззрился на нее с немалым любопытством.

— Путь по суше получается намного длиннее, — заметил он. — И это существенно укорачивает время твоего пребывания здесь.

Говоря так, Браумин продолжал с любопытством рассматривать Пони, словно подозревал, что визит королевы в Палмарис имеет и какие-то скрытые причины.

— У нас будет столько времени, сколько мы пожелаем, — ответила она. — Обещаю тебе.

— Я все же не пойму, как это королева отправилась в столь долгий путь без вооруженной охраны…

— Не воспринимай мой приезд как визит королевы, — попросила Пони. — И прошу тебя, пусть за стенами монастыря никто не знает, что я в Палмарисе. Здесь я не королева Джилсепони, а просто Пони, твой старый друг.

Браумин понимающе кивнул и снова крепко обнял женщину.

Весь оставшийся день Пони провела с Браумином и Виссенти Мальборо, который, в отличие от раздобревшего епископа, значительно похудел, отчего выглядел больным и предельно изможденным. Однако улыбка магистра не выглядела болезненной, а в глазах ярко блестели жизнерадостные огоньки.

Друзья поговорили о старых временах, потом о нынешних. Пони дипломатично умалчивала о тяготах своей жизни при дворе, а двое монахов столь же дипломатично не досаждали ей расспросами.

Где-то на закате дня Пони выехала из Сент-Прешес и, избрав далеко не самый прямой путь, добралась до западной части города. Впрочем, опасения королевы были напрасны: ее никто не узнавал.

Может, ей удастся пожить здесь простой и непритязательной жизнью?

Подумав об этом, Пони вместо Чейзвинд Мэнор направилась на первый попавшийся на глаза постоялый двор, где сняла для себя комнату, после чего известила о своем решении Роджера и Дейнси.

Неделя за неделей, неспешно и спокойно проходило лето. Ее времяпрепровождение ничем не напоминало жизнь королевы, знатной дамы или начальствующей сестры. Это была та самая жизнь, какую Пони вела до тех пор, пока волна судьбоносных событий не вырвала ее из неизвестности и не вознесла до невиданных высот. Дни она проводила с Роджером и Дейнси, иногда — с Браумином и его собратьями по Сент-Прешес. Все ее друзья сходились на том, что будущей весной, едва сойдет снег, они непременно посетят Кертинеллу и Дундалис.

Но где-то в глубине души Пони догадывалась, что все в одночасье может снова измениться. Так оно и случилось.

Как-то на исходе осени ранним утром ее, да и, пожалуй, всех жителей Палмариса разбудили звуки труб и громкие крики глашатаев, возвестивших о прибытии короля Дануба Брока Урсальского.

Пони решила было отправиться в гавань, однако передумала. Вместо этого она поспешила в Чейзвинд Мэнор, зная, что Дануб рассчитывает найти ее там. Во всяком случае, в замке она будет избавлена от лицезрения всей свиты, прибывшей с королем из Урсала.

Королева с явным облегчением вздохнула, когда Дануб появился в Чейзвинд Мэнор один, без герцога Каласа, Констанции Пемблбери и прочих знатных особ, которых она вовсе не жаждала видеть.

Король вбежал в комнату, не дождавшись, пока объявят о его прибытии. Он проскочил мимо Роджера и Дейнси, словно не замечая их, и припал на колено перед сидящей в кресле женой. Пони попыталась встать, но он лишь схватил ее руку и покрыл нежными поцелуями. Усталые серые глаза Дануба были полны раскаяния.

— Я не мог больше вынести ни единого дня без тебя, — сказал он. — Все остальное кажется пустым и незначительным. Я даже забросил государственные дела. Когда тебя нет рядом, ничто не вызывает у меня интереса.

Пони не знала, что и сказать в ответ. Она встала и притянула Дануба к себе. Король крепко и порывисто обнял жену. Глянув через его плечо, Пони заметила напряженные лица Роджера и Дейнси.

Это отрезвило ее, и она отстранила Дануба.

— Неужели я должна напоминать тебе, по какой причине оказалась здесь? — спросила она.

— Прошу тебя, не говори об этом. Мне и без того больно, — ответил король, и в его голосе звучало искреннее сожаление. — Я знаю, что очень сильно виноват перед тобой и как муж, и просто как человек.

Лицо Пони посветлело. Она крепко сжала руку Дануба и, поднеся к губам, нежно поцеловала.

— Ты не совершил по отношению ко мне никакого серьезного проступка, — заверила она мужа. — Просто ты не мог не считаться с мнением своих урсальских друзей. Именно это, а не какие-то твои действия заставило меня отправиться на север.

— Но лишь на время? — спросил король.

Уклончивая улыбка Пони показывала, что она далеко в этом не уверена.

— Возвращайся вместе со мной! — потребовал Дануб. — Немедленно, пока Мазур-Делавал не покрылся льдом. Меня мало волнуют взгляды тех, кого ты называешь моими друзьями. Я знаю лишь одно: больше я не выдержу в разлуке ни единого дня.

Пони вновь оглянулась на Роджера и Дейнси. Их обоих явно не приводила в восторг настойчивость короля.

Однако и сама она пребывала в растерянности. Ей вовсе не хотелось возвращаться в Урсал, но в равной степени не хотелось, чтобы и ее третий брак оборвался, как два предыдущих. Ведь принося брачный обет, она не кривила душой ни перед Данубом, ни

перед собой. Ей было не в чем винить мужа, да она и не посмела бы его обвинить. Так могла ли она пренебречь обязанностями, которые поклялась исполнять? Разве она не обещала Данубу, по крайней мере, пытаться исправить существующее положение?

— Констанция Пемблбери вернулась в Урсал, — сообщил король, отчего лицо Пони мгновенно помрачнело.

— И я хочу, чтобы она осталась, — добавил Дануб. — Там ее дом, как и твой.

Роджер собрался что-то сказать — и, разумеется, вовсе не какую-нибудь учтивую любезность, — однако Пони, подняв руку, остановила его.

— Констанция вполне осознает свое место и не станет вмешиваться в наши отношения, — пообещал король.

У Пони едва не сорвались с языка слова о попытке Констанции отравить ее, но она сдержалась. Данубу незачем это знать; жестокая правда лишь добавит ему душевных мучений. Женщина чувствовала, что и так доставила ему немало боли.

— Мне требуется некоторое время, чтобы принять решение, — сказала она.

— Времени слишком мало, — возразил король. — Зима на носу.

Лицо Пони оставалось напряженным.

— Ты боишься, что Констанция… — начал Дануб.

— Ни в коем случае, — без колебаний ответила Пони.

Она не боялась Констанции Пемблбери; особенно теперь, когда поняла всю глубину ненависти этой женщины к себе. В конце концов, если понадобится, ей не составит труда следить за действиями придворной дамы.

Поведение жены немало изумило Дануба. Он отступил на шаг, обдумывая свои дальнейшие слова.

— Ты даже не чувствуешь необходимости поинтересоваться, возобновил ли я прежние отношения с Констанцией? — спросил он.

Пони засмеялась, ибо, едва только Дануб заговорил об этом, она уже поспешила сделать совершенно иной, куда менее лестный вывод.

— Если бы ты возобновил с ней отношения, то наверняка сообщил бы мне об этом, — отозвалась она.

Видя подобное доверие с ее стороны, Дануб с трудом мог сдержать слезы. Он поднес руки жены к губам и снова покрыл их поцелуями.

Вскоре король покинул Чейзвинд Мэнор. Пони настояла на том, что ей требуется вечер и ночь на раздумья.

— Значит, собралась возвращаться, — вздохнул Роджер, после того как Дануб удалился.

Тон голоса выдавал недовольство Роджера даже сильнее, чем насупленное лицо.

— Я подумаю об этом, — ответила Пони.

— Но как ты можешь так легко поддаться на его уговоры? — недоумевал Роджер.

— Знаешь, когда я первый раз ехала в Урсал, то совсем не понимала, с чем мне придется там столкнуться, — призналась Пони.

— Ты и сейчас это не слишком-то понимаешь, — буркнула Дейнси.

Пони кивнула.

— Пока король Дануб остается рядом со мной, я могла и смогу выдержать все, с чем бы ни столкнулась в Урсале. У меня есть обязательства перед ним, и я бы не хотела причинять ему боль.

Ее подруга хотела еще что-то возразить, но Роджер остановил жену.

— Просто обещай мне, — сказал он Пони, — что не забудешь дорогу домой и, если понадобится, вернешься.

Пони подошла к нему и обняла за плечи.

— Или я закричу так громко, что Роджер услышит и придет мне на выручку, — заверила она.

Как и следовало ожидать, король Дануб явился в Чейзвинд Мэнор на рассвете, прискакав во весь опор из гавани, где провел ночь на борту «Речного Дворца».

Он ожидал Пони, сидя за накрытым к завтраку столом. На лице короля радость предстоящей встречи омрачалась страхом услышать ее отказ.

— Если я вернусь, все будет не так, как было, — произнесла Пони, еще не успев сесть за стол и воздать должное изысканным яствам.

Дануб продолжал молча смотреть на нее.

— Я буду в большей степени твоей женой, нежели королевой, — пояснила она. — Я буду бывать там, где пожелаю, и больше времени стану проводить за пределами замка. Я буду по-прежнему исполнять обязанности начальствующей сестры, помогать бедным и лечить занемогших с помощью магии самоцветов. И чтобы никаких фанфар, никакой гвардейской охраны.

— Забота о безопасности королевы… — начал было Дануб, но взгляд Пони быстро погасил в нем желание противоречить ей.

— Значит, ты вернешься? — спросил король.

Пони отвернулась к окну, глядя на опадающие с деревьев листья. Потом вновь посмотрела на мужа и пожала плечами.

— Если я вернусь, — повторила она.

Дануб кивнул.

— Прошу тебя, возвращайся, — тихо сказал он. — Я согласен на все твои условия.

Джилсепони опустила свою ладонь на руку мужа. Она не дала прямого ответа, но ее лицо сказало ему все.

Давно уже на лице Дануба не расцветало такой счастливой улыбки!

Спустя несколько дней Роджер, Дейнси, Браумин, Виссенти и еще несколько монахов из Сент-Прешес смотрели, как «Речной Дворец» медленно отчаливал от берега, унося Пони в совсем иной мир, именуемый Урсальским замком.

Все они были против ее отъезда, но каждый из ее друзей понимал, что это решение должна принять она сама. Роджер верил, что на этот раз Пони возвращается в Урсал, обретя настоящую уверенность. Да, он опасался за нее, но верил, что теперь, если жизнь в придворном мирке станет невыносимой, она не будет мешкать с возвращением.

И все же, глядя, как корабль выходит из гавани и берет курс на юг, Роджер кусал губы. Наверное, зря он так легко согласился с доводами Пони или хотя бы не настоял, чтобы поехать вместе с нею.

ГЛАВА 30
БРЮС ОРЕДАЛЬСКИЙ

Он сбрил бороду, а его длинные волосы были теперь коротко подстрижены и лишь слегка прикрывали уши. Маркало Де'Уннеро обрел прежний облик и прежнюю уверенность в себе и стал похож на Де'Уннеро времен зенита его славы в Санта-Мир-Абель. Только сейчас вместо простой коричневой монашеской сутаны на его плечах красовался изысканный наряд богатого землевладельца. Одеяние дополняли повязка на правом глазу, усыпанная драгоценными камнями, и несколько дорогих безделушек, включая болтающуюся в ухе бриллиантовую серьгу и небольшую золотую пластинку, облегающую половину верхней губы, — причуда, которая пользовалась в нынешнем году чрезвычайным успехом среди урсальской знати.

Де'Уннеро все это чрезвычайно раздражало, однако он вынужден был проявлять разумную осторожность. Пусть прошло более десяти лет с тех пор, когда он в последний раз встречался с местными вельможами вроде герцога Таргона Брея Каласа, бывший монах знал, что его собственная внешность мало изменилась, а потому прилагал массу усилий, дабы преобразить ее до неузнаваемости.

Попасть в круг придворной знати оказалось делом достаточно легким. Мешочек самоцветов, переданный в нужные руки, обеспечил ему необходимое покровительство. Де'Уннеро теперь именовал себя Брюсом Оредальским, землевладельцем и другом графа Фенвикского — предводителя небольшого, но процветающего края на самом юге провинции Йорки, у отрогов Пояса-и-Пряжки. Вместе с Брюсом приехала его молодая очаровательная жена, а также их слуга и оруженосец.

В конце второй недели жизни в столице Де'Уннеро и Садья отправились на бал, еженедельно устраиваемый в Урсальском замке. Король Дануб в это время находился на пути в Палмарис, и потому Де'Уннеро не мог проверить, насколько он стал неузнаваем. Что касается остальных… он провел половину вечера, болтая о разных пустяках с герцогом Каласом, и у того не зародилось ни малейших подозрений.

После бала спутники вернулись в снятый ими роскошный дом. Садья, еще не остыв от возбуждения, заливалась звонким смехом.

— Что это с ней? — спросил Эйдриан, которому до сих пор не приходилось видеть певицу в таком безудержно веселом состоянии.

— Немного перебрала «болотного» вина, — объяснил Де'Уннеро.

— А вот и неправда! — вмешалась Садья, язык которой действительно слегка заплетался. — Я пьяна от предвкушения! Эйдриан, ты ведь и представить себе не мог всего блеска и великолепия двора. В будущем — твоего двора! О, какая жизнь ожидает всех нас!

Юноша изумленно воззрился на нее, после чего перевел взгляд на Де'Уннеро, на губах которого, вопреки обыкновению, также сияла лучезарная улыбка.

— Эта часть нашего замысла осуществилась более гладко, чем я себе представлял, — признался он.

— Учти, что король пока еще не знает о тебе, — напомнил Эйдриан. — И Джилсепони тоже.

— А если Дануб уговорит королеву вернуться? — спросила Садья.

Их лица сразу же помрачнели.

— Там увидим, — угрюмо произнес бывший монах. — Наш план точно согласован во времени. Все и всё находится на своих местах: наемные солдаты, оружие, абеликанские братья, верные Олину. Как только представится возможность, мы нанесем удар.

— Когда? — спросил юноша.

Де'Уннеро, чтобы успокоиться, принялся размышлять над словом «когда». На этот вопрос пока невозможно было дать точного ответа. Бывший монах говорил об их планах, как будто все было подробно записано на пергаменте. На самом деле он и его спутники чаще всего действовали по обстоятельствам, выжидая, когда появится возможность сделать самый важный шаг и заявить об Эйдриане. Маркало Де'Уннеро был уверен, что это неминуемо приведет к серьезным столкновениям; возможно, даже к междоусобице.

Но учитывая их несметные богатства, а также неустанные усилия Олина по внедрению своих людей в церковные круги и королевскую армию, они сумеют справиться и с этим.

— Нет, нет, нет! — отчаянно завизжала изможденная женщина, светлые волосы которой стали теперь наполовину седыми, и с размаху запустила кувшином в стену. Сосуд разлетелся на мелкие осколки, забрызгав водой дорогие шпалеры.

Поднеся сжатые в кулаки пальцы к лицу, она стала тереть ими глаза. Ее стоны перешли в звериный вой.

Герцог Калас подбежал к ней и крепко обхватил за талию. Видно, зря он раньше времени сообщил Констанции о том, что Дануб возвращается не один, а вместе с Джилсепони.

— Я не могу снова видеть эту ведьму! — отчаянно рыдала придворная дама. — Она прокляла меня. Да, я говорю правду! Ее дьявольские камни забрали всю мою красоту, сделали мой голос прерывистым и скрипучим. Это из-за ее чар у меня подгибаются ноги. Теперь она постарается вообще сжить меня со свету!

Герцог Калас воздержался от насмешек; его язвительные замечания могли бы добить Констанцию. Каласу было грустно сознавать, сколь глубоко заблуждение его близкой подруги. Джилсепони не проклинала ее и не накладывала на нее никаких чар. Единственным проклятием Констанции был возраст. Будь Джилсепони единственной виновницей женского увядания, Констанции пришлось бы стоять в длинной очереди желающих отомстить «этой ведьме»!

— Что же мне теперь делать? — всхлипывала Констанция. — Ну что мне теперь делать?

Герцог Калас, закусив губы, смотрел на некогда столь цветущую и уверенную женщину, ныне представлявшую из себя весьма жалкое зрелище. Ему было уже не до смеха.

Он и сам ненавидел Джилсепони за то, что она — пусть и непреднамеренно — сотворила с Констанцией.

— Вставай наконец! — приказал герцог, хватая Констанцию под мышки и подымая на ноги. — Хочешь знать, что тебе делать? Высоко держать голову и помнить, что ты — королева-мать Хонсе-Бира!

— Она выкинет моих бедных мальчиков из числа наследников престола!

— Пусть только попробует, тогда узнает, чем это для нее обернется!

— Калас, ты должен их защитить! — взвыла Констанция, цепляясь за него. — Ты должен! Обещай мне, что ты это сделаешь!

Просьба была совершенно бессмысленной. Калас прекрасно знал, что королева Джилсепони не собирается оспаривать у Мервика и Торренса права престолонаследия. Более того, она даже радовалась, что Дануб поставил своих сыновей сразу за Мидалисом, и решительно пресекла намерение короля включить ее в число претендентов на престол. При всех недостатках, королева, насколько было известно Каласу, не пыталась чинить никаких препятствий Мервику и Торренсу.

Герцог понимал: Констанция не в состоянии воспринять какие-либо разумные доводы.

'— Твои дети будут под надежной защитой, — заверил он несчастную женщину и крепко обнял ее.

Констанция буквально вцепилась в его плечи, словно от присутствия Каласа зависела ее жизнь. Она еще долго не хотела отпускать герцога и, спрятав голову на его широкой груди, обливала ее горькими, безутешными слезами.

Каласу оставалось лишь вздыхать и утешать подругу. Как он просил Дануба не отправляться в Палмарис и не просить жену возвратиться в Урсал! Он без обиняков заявлял ему, что с появлением королевы в замке обстановка при дворе вновь станет гнетущей и напряженной.

Однако король Дануб принял решение и дал герцогу резкую отповедь.

Дануб Брок Урсальский был другом Каласа, но он являлся и королем Хонсе-Бира; поэтому, когда король приказывал герцогу не совать нос в то или иное дело, тому оставалось только подчиниться.

Теперь, слушая всхлипывания обезумевшей от горя Констанции, Каласа не покидало тягостное предчувствие: скоро над двором вновь разразится буря.

— Вас не радует возвращение королевы? — спросил Брюс Оредальский мрачного и задумчивого Каласа.

Их разговор происходил утром, во время охоты. Калас скептически взглянул на него. «Так оно и есть», — подумал Де'Уннеро.

— А как вам кажется, она возвращается ради короля или ради оставшегося здесь любовника? — бесхитростно осведомился он.

Калас резко осадил своего пегого пони и с удивлением воззрился на собеседника.

— Что вам об этом известно? — рассерженно спросил герцог.

— Только слухи, что в изобилии гуляют по улицам.

— Я тоже часто бываю на улицах Урсала, — с видимым сомнением произнес герцог

Калас.

— Я говорю об улицах Оредаля, — пояснил Брюс, — и всех прочих городов и селений южного Йорки.

Герцог насупил брови.

— Говорят, любовник королевы принадлежит к нашему кругу, — продолжал Брюс. — Юный сын одного аристократа, прекрасного воина, который в свое время приезжал в Урсал в надежде поступить на службу в Бригаду Непобедимых, однако его… как бы это помягче выразиться… обвели вокруг пальца.

Герцог Калас пустил пони шагом.

— А вы знаете, что за одни только эти слова, обвиняющие королеву в супружеской измене, вас могли бы казнить? — осведомился он.

— Прошу меня простить, ваша светлость, — ответил Брюс, учтиво поклонившись, насколько это можно было сделать, восседая на лошади.

Он хотел добавить к этому еще несколько слов, но передумал и намеренно отстал от Каласа, позволив тому вырваться вперед.

Семя было брошено в должным образом подготовленную почву.

Де'Уннеро подумал, что, быть может, действовал слишком поспешно. Его упоминание о любовнике было придумано буквально на ходу. Тем не менее состоявшийся разговор удовлетворил бывшего монаха. Они с Эйдрианом начинали терять терпение, да и старый аббат Олин — тоже. Все уже подготовлено, а раз так, слишком мешкать с началом — только вредить успеху дела. Де'Уннеро знал: верность людей — вещь крайне непостоянная. Сегодняшний герой легко может превратиться в завтрашнего злодея. Достаточно вспомнить, чем обернулась былая любовь народа к Джилсепони! Красноречивее свидетельства не сыщешь.

Оставшееся время утренней охоты Де'Уннеро провел с наиболее близкими ему знатными особами. Посредством Олина ему удалось свести знакомство с некоторыми из них, и они знали, кем на самом деле является Брюс Оредальский. Когда он вернулся в парк, примыкавший к Урсальскому замку, то увидел немалое число придворных дам, лениво прогуливающихся по аллеям, сидящих на скамейках, сплетничающих и потягивающих вино.

Он передал поводья конюху, а сам вместе с охотниками присоединился к придворным. Разговор крутился вокруг единственной темы — приближавшегося пятидесятилетия короля Дануба. Дамы наперебой щебетали о том, что они собирались преподнести Данубу. Мужская половина обещала непременно сыскать для их любимого короля отличного тогайранского пони или какой-нибудь редкостный охотничий лук.

— Вместо вашего лука, уверена, он предпочел бы мои объятия, — призывно улыбаясь, заметила хорошенькая, чересчур надушенная фрейлина, и эти слова вызвали всеобщий смех.

— Здесь я не в силах соперничать с вами, — ответил молодой аристократ, и сборище придворных бездельников расхохоталось еще громче.

— А вот королева Джилсепони, думаю, смогла бы, — произнес Брюс Оредальский.

Смех мгновенно стих; головы всех собравшихся повернулись к нему.

— Я не знаю, как именно она могла бы соперничать с вами, прекрасное создание, — продолжал Де'Уннеро, учтиво кланяясь, чтобы немного польстить уязвленной гордости тщеславной дамы. — Однако король Дануб явно остается слеп к доводам истины.

— Воистину так: он слеп, раз вознамерился привезти ее назад, — заметил кто-то из придворных щеголей.

— Полагаю также, что король достоин более ценного подарка.

Брюс умолк. Собравшимся вельможам его слова пришлись не по вкусу. У многих на лицах появилось недоумение и даже презрение к этому провинциальному выскочке. Де'Уннеро рассмеялся.

— О чем это вы? — спросили его.

— Когда в последний раз в Урсальском замке устраивался настоящий рыцарский турнир? — вопросом ответил бывший монах.

— Во время свадьбы короля, — ответил кто-то.

— И то это было скорее зрелище, чем настоящее состязание, — вмешался другой придворный, который, видно, был не прочь померяться силой.

Де'Уннеро больше не произнес ни слова; второе семя брошено в почву, пусть теперь всходит.

«Всходы» не заставили себя ждать. Придворные тут же начали шумно обсуждать грандиозное событие, достойное юбилея Дануба.

— Почему мы раньше не подумали об этом? — удивленно вопрошали одни, а другие воодушевленно заявляли: — Это будет величайший турнир, какого еще не знал Урсал!

Разговор продолжался, набирая силу, словно снежная лавина, несущаяся с гор. Обсуждение предстоящего турнира было в самом разгаре, когда в саду появился герцог Калас.

— Затеваете турнир? — прищурившись, усмехнулся он.

— Величайший турнир, ваша светлость! — ответил ему один из придворных. — Представляете, каким великолепным будет празднество в честь дня рождения короля Дануба?

Калас, не принимая более участия в разговоре, молча прислушивался к оживленной болтовне собравшихся. Де'Уннеро показалось, что герцог клюнул на эту наживку, хотя в его глазах по-прежнему сквозило недоверие. Бывший монах поправил повязку на глазу и подошел к Каласу.

— Разве честолюбивые и полные надежд молодые рыцари не поспешат в Урсал на королевский турнир? — вполголоса спросил он.

Герцог скользнул по нему безразличным взглядом.

— В особенности один молодой рыцарь, мечтающий в будущем служить в Бригаде Непобедимых под началом храброго Каласа, — добавил Брюс Оредальский.

И зашагал прочь; пусть теперь герцог распробует диковинное блюдо, наспех состряпанное провинциальным богатеем.

— Мне не нравятся наголенники, — заявил Эйдриан, так сильно дернув ногой, что помощник Гареха Калловега, сидевший на корточках, опрокинулся на спину.

— Ноги должны быть защищены! — настаивал мастер. — Иначе достаточно один раз полоснуть тебя ниже коленей — и ты моментально выйдешь из строя.

— Никому не удастся даже близко подобраться к моим ногам, — уверенно заявил юноша.

— Скажи ему, — обратился Гарех к сидевшей сбоку Садье, которую весьма забавляли почти непрерывные перепалки между упрямым юным воином и старым латником.

Особенно забавным это становилось теперь, когда доспехи Эйдриана были почти готовы.

— Что она мне скажет? — вспылил Эйдриан. — Как надо сражаться? Да я могу голым, с метлой в руках, победить самого сильного воина, закованного в твою металлическую скорлупу, мастер Гарех!

Если на латника подобная бравада и произвела впечатление, он не подал вида.

— Когда меч противника ударит тебя по ногам и слегка укоротит, вот тогда-то я посмеюсь, — сухо произнес он.

Юноша презрительно хмыкнул и вновь лягнул помощника, упорно пытавшегося приладить ему наголенник.

— Довольно, Эйдриан, — вмешалась Садья. — Твое ослиное упрямство переходит всякие границы!

Тот сердито воззрился на женщину.

— Неужели я должна постоянно напоминать тебе, что твое первое сражение будет не с врагом? — продолжала маленькая певица. — Тебя ждет рыцарский турнир, состязание воинов, где впечатление, которое ты обязан произвести, столь же важно, как и сам исход

поединка. Не упрямься, позволь им подогнать тебе наголенники, которые ты наденешь на турнир вместе со всем этим.

Она махнула рукой, показывая на стену, у которой стоял манекен в рост Эйдриана, закованный в латы.

А какие это были удивительные доспехи! Инкрустированные золотом и серебром, отполированные до умопомрачительного блеска, который еще больше усиливало сияние вделанных в металл самоцветов. Гареху хотелось, чтобы доспехи отливали серебром, как латы гвардейцев Бригады Непобедимых, но Де'Уннеро решил, что Эйдриан должен затмить великолепие этих воинов, и настоял на инкрустации золотом. Пластины, скрепляющие доспехи, были точно подогнаны и в то же время позволяли заново производить подгонку по мере возмужания Эйдриана. Они двигались плавно, почти бесшумно и не стесняли свободу маневра. Вдоль забрала шлема тянулась золотая полоса, которую Гарех украсил богатым орнаментом.

Даже без магических камней эти доспехи могли бы считаться одними из самых удивительных и совершенных. Но с самоцветами они приобретали совершенно особые свойства. Несколько умело размещенных магнетитов и камень души наделяли доспехи дополнительными возможностями отражать удары, а если противник все же сумеет нанести Эйдриану рану, гематит быстро ее исцелит.

При умелой помощи Гареха юноша придал дополнительную силу и своему мечу. В основание блестящего, сделанного из сильвереля лезвия «Урагана» теперь были вделаны крошечные рубин и графит, а крестовину украшал небольшой серпентин. Легким усилием мысли Эйдриан мог заставить свой несравненный меч извергать языки пламени или метать молнии.

День рыцарского турнира быстро приближался. Семя, умело брошенное Де'Уннеро, взросло пышным древом тщеславия придворных, многие из которых видели в этом состязании возможность снискать особую благосклонность короля. По всему королевству были разосланы глашатаи, приглашавшие каждого крепкого телом воина или лучника отправиться в Урсал и продемонстрировать перед королем свое боевое искусство.

Но никто не догадывался, что этот турнир устраивался не только в честь юбилея стареющего короля. Для Де'Уннеро и Садьи он знаменовал вступление будущего короля в возраст зрелости.

Садья смотрела на Эйдриана, послушно позволяющего теперь прилаживать наголенники к своим мускулистым ногам. Потом она окинула взглядом удивительные доспехи. Даже в старинных балладах, щедро приукрашенных вымыслом, не говорилось ни о чем подобном. Маленькая певица чувствовала: этот турнир — первое настоящее рыцарское состязание в Хонсе-Бире после турнира, устроенного в честь победы над розовой чумой, — веками будет жить в легендах.

ГЛАВА 31
ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ

К тому времени, когда «Речной Дворец» вошел в урсальскую гавань, приготовления к рыцарскому турниру были в самом разгаре. Они настолько захватили придворных и простой люд, что прибытие королевы Джилсепони прошло почти незамеченным.

Пони была рада этому. Да, она вернулась в Урсал, но по-прежнему ощущала себя Пони. Подготовка к небывалому празднеству будет поглощать внимание придворных на протяжении всей зимы. Тем лучше; значит, она сумеет без излишней траты сил вновь привыкнуть к жизни в Урсальском замке.

Король Дануб с небывалым восторгом отнесся к устройству турнира, благосклонно поддержав герцога Каласа и всех, кто непосредственно ведал приготовлениями.

— Невозможно придумать лучшего подарка двора своему королю! — радостно восклицал он.

Пони улыбалась, радуясь его настроению. Она была счастлива оттого, что счастлив ее муж. На званых ужинах, которые устраивались каждый вечер, и частых дворцовых балах она старалась держаться как можно более незаметно и почти не вступала в разговоры. Как Пони и предупреждала Дануба, теперь она немало времени проводила с простыми людьми, врачуя их болезни и помогая бороться с главной из них — нищетой. Зимой этот недуг, как всегда, обострялся.

Находясь в замке, королева не искала общества. Иногда она молилась, иногда просто сидела у окна, пытаясь решить для себя все тот же вопрос: каково ее истинное место в этой непонятной и сбивающей с толку жизни? Но Джилсепони не собиралась поддаться чувству жалости к себе. Ведь она была участницей и свидетельницей таких событий, о которых большинство людей знали лишь по легендам. И ее положение в Урсальском замке тоже стало совсем иным. Она ясно сознавала, что здесь у нее только две возможности: либо постоянно чувствовать себя мишенью сплетников и возмутителей спокойствия, либо напрочь забыть об их существовании и сосредоточиться на своих целях и замыслах, вписывая новую главу в собственную жизнь.

В замке она была королевой Джилсепони, однако на улицах Урсала, среди простых людей, становилась Пони. Просто Пони, другом больных и обездоленных.

Зато будучи рядом с Данубом, она находилась одновременно в обеих своих ипостасях. Ей приходилось оказывать поддержку супругу, ибо положение короля не уберегало его от напряженных ситуаций и нелицеприятных столкновений. Не вступая в споры, одним своим присутствием она помогала ему выстоять. Правда, теперь она устранилась от участия в аудиенциях и разрешении многочисленных тяжб. Ей не хотелось опять выслушивать сетования герцога Каласа или кого-либо из придворных. Но когда аудиенции завершались, она терпеливо выслушивала Дануба, позволяя ему выплескивать накопившееся негодование на неразумность и косность двора.

Нередко истинное успокоение король обретал после страстного любовного слияния с женой.

Теперь Пони никогда не отказывала его желаниям. Она старалась быть хорошей женой, нежно и внимательно заботилась о супруге. Ведь она испытывала к нему искреннюю любовь!

Король Дануб также оставался верен своим обещаниям. Он никогда не расспрашивал королеву о том, куда она отлучается из замка, и изо всех сил старался пропускать мимо ушей слухи, вспыхнувшие вновь после возвращения королевы в Урсал. Пусть слухов было теперь куда меньше, но они не прекратились.

Так подошел к концу третий месяц восемьсот сорок шестого года. Заканчивалась зима, и до дня рождения короля Дануба оставалось совсем немного времени. Зимой для участия в турнире прибыло несколько рыцарей из Палмариса. Они приехали заблаговременно, опасаясь весенней распутицы, которая могла заставить их надолго застрять в Урсале и после турнира. Однако зима в тот год не была слишком затяжной или суровой.

На поле вблизи Урсальского замка ставились шатры и готовилась арена для состязаний. Со всего королевства в столицу съезжались воины, мечтавшие попытать счастья в невиданном по размаху турнире. Поскольку такое грандиозное празднество было просто немыслимо без обильных пиров и развлечений, в Урсал стекались также лучшие повара и знаменитые менестрели. Маркало Де'Уннеро следил за последними приготовлениями с радостным ожиданием, испытывая, однако, и некоторую тревогу. Все это время он старался держаться подальше от двора — меньше всего ему сейчас хотелось попасться на глаза королеве Джилсепони. Правда, ни Калас, ни остальные его прежние знакомцы до сих пор не узнали бывшего монаха. Нынешний Де'Уннеро сильно отличался от человека, который много лет назад сопровождал герцога Каласа в погоне за Элбрайном и другими отступниками. Но Де'Уннеро прекрасно знал, что Джилсепони ему вряд ли удастся провести так легко. Королеве будет достаточно один раз посмотреть ему в глаза, чтобы понять, кем на

самом деле является Брюс Оредальский.

Ведь узнал же он ее, лишь несколько раз мельком увидев издали. Правда, внешне Джилсепони не слишком изменилась. Но даже если бы внешние перемены были значительными, он все равно узнал бы эту женщину, своего смертельного врага. И потому Де'Уннеро в обличии Брюса Оредальского предпочитал проводить время, наблюдая за приготовлениями к турниру.

Стоял теплый весенний день. Подготовка к турниру, по сути, была закончена. Об этом свидетельствовало появление на соседних полях полков королевской армии и гвардейцев из Бригады Непобедимых, которые часами маршировали, готовясь к традиционному смотру королевских войск.

Заветный для Эйдриана день стремительно приближался.

У Де'Уннеро перехватывало дыхание, когда он начинал думать об испытании, предстоящем его подопечному. Юноше придется участвовать в совершенно непривычном для него состязании — он не был знаком с особенностями ведения турнирных поединков. Его противниками будут самые крепкие и закаленные воины королевства. Де'Уннеро отослал Эйдриана на юго-восток, в провинцию Йорки, ибо юному рейнджеру предстояло участвовать в турнире от имени одного мелкого землевладельца, неуклонно верного кошельку настоятеля Олина. Подобный маскарад был наилучшим из всех возможных. В прошлом провинция Йорки состояла из множества крошечных соперничающих государств. От тех времен осталось изрядное количество небольших замков, возвышавшихся едва ли не на каждом холме. Эта провинция поставляла больше гвардейцев для Бригады Непобедимых, чем все остальные провинции королевства, вместе взятые. Неудивительно, что большинство прибывших участников турнира также были родом из Йорки.

К тому же эта провинция была родиной выдуманного им любовника королевы, о чем несколько месяцев назад Де'Уннеро удачно шепнул герцогу Каласу.

— Запомни, ты должен представляться Эйдрианом из Бригадонны, — шептал ему Де'Уннеро, требуя, чтобы юноша освоился с этим именем.

Бывший монах злорадно улыбался. Да, он действительно слишком многого требовал от Эйдриана. Но он видел этого парня в сражении, видел его искусное владение силой магических самоцветов. Де'Уннеро знал: этот турнир всем запомнится надолго. Очень надолго.

Вторая стрела лучника также пролетела мимо мишени и упала на землю. Эйдриан, одетый, как большинство простолюдинов, поморщился и презрительно покачал головой. Одеяние стоявших рядом с ним Де'Уннеро и Садьи также было простым и неброским. По традиции турнир начинался с состязания лучников. Он предназначался не для отборных королевских гвардейцев и даже не для солдат — это было состязание для ремесленников, крестьян и охотников.

— Я бы ни за что не промахнулся по мишени с такого расстояния, — тихо сказал Эйдриан своим спутникам, досадуя, что Де'Уннеро не позволил ему участвовать в этом состязании. — Я бы вогнал стрелу в самый центр мишени, а второй стрелой расщепил бы первую пополам!

— Тебе бы не дали сделать второго выстрела, — охладил его пыл бывший монах. — Уж кто-кто, а королева Джилсепони сразу бы узнала оперение на твоем луке.

— Я бы мог взять самый простой лук, — упорствовал Эйдриан. — Мне все равно, из чего стрелять по таким мишеням, да в нее и ребенок не промазал бы! Говорю вам, я всадил бы стрелу прямо в яблочко.

Де'Уннеро улыбнулся, глядя на задиристого юного воина.

— Ты считаешь, что превзошел бы любого из них? — осведомился он.

— С легкостью, — последовал уверенный ответ.

— Прекрасно, — сказал бывший монах. — Просто замечательно. Когда ты станешь королем, то сможешь устраивать любые турниры и блистать на них своим непревзойденным

искусством. Тогда никто не помешает тебе стрелять из эльфийского лука. А сейчас лучше просто понаблюдать за происходящим.

Эйдриан по обыкновению попытался возражать, но вскоре умолк. Он сегодня уже не раз пытался заговорить об этом, но Де'Уннеро решительно пресекал его попытки принять участие в состязании. Утром юный рейнджер и Садья въехали в Урсал на обычной крестьянской повозке, не привлекая к себе особого внимания. Почти не привлекая, ибо несколько зевак все же видели, что они везут доспехи и прочее снаряжение для какого-то, как они могли, наверное, подумать, участника турнира.

Однако сегодня Де'Уннеро решил не заявлять об участии Эйдриана из Бригадонны. Шел второй день турнира и первый день рыцарских состязаний. Бывший монах объяснил, что хочет добиться большего впечатления, а потому продолжает распускать слухи среди придворной знати. Юноше такое решение не понравилось; ему не терпелось немедленно примкнуть к состязаниям. Однако Де'Уннеро был тверд и в конце концов заявил, что больше не желает ничего слышать об этом, поскольку главный здесь он, а не Эйдриан.

Юный рейнджер и будущий король счел за благо подчиниться и больше не заикался о своем участии в сегодняшнем турнире. Состязания лучников быстро ему наскучили. Эйдриану казалось, что эти неуклюжие стрелки если и попадают в мишень, то лишь благодаря чистому везению, а не своему мастерству. Он перевел взгляд в сторону королевского павильона — высокого помоста под шатровым куполом. Там сидели король с королевой и несколько знатных вельмож, включая и герцога Каласа. Герцог был в своих бесподобных серебристых доспехах, в руке он держал массивный, увенчанный перьями шлем. Вокруг павильона стояли вооруженные гвардейцы из Бригады Непобедимых, защищавшие своего любимого короля от возможных случайностей.

Глаза Эйдриана остановились на сидевшей рядом с Данубом королеве Джилсепони.

Эта женщина — его мать!

Сознание юноши захлестнуло лавиной вопросов, касавшихся его происхождения и намерений тех, кто его окружал. Почему госпожа Дасслеронд никогда не говорила ему, кто его мать? Почему предводительница эльфов и ее подданные лгали, утверждая, что его мать умерла при родах? Ведь не могла же Дасслеронд не знать… нет, она, разумеется, знала правду. Знала, что Джилсепони не только не умерла, но и стала королевой самого могущественного государства земель Короны.

Почему тогда Де'Уннеро не стал держать его в неведении и рассказал о матери? С одной стороны, Эйдриан был ему благодарен. С другой — понимал, что его отношения с бывшим монахом отнюдь нельзя было назвать дружбой. Они удачно дополняли один другого. Эйдриан был нужен Де'Уннеро, чтобы вернуть себе прежнюю власть в церкви.

Юноша усмехнулся, отгоняя эту мысль. А разве он сам не так же относится к Де'Уннеро? Разве он питает к этому человеку-тигру дружеские чувства?

Рейнджер покосился на бывшего монаха и презрительно хмыкнул. Отношения на основе взаимной выгоды? Это вполне устраивало Эйдриана. Он не испытывал к Де'Уннеро не только любви, но, уж если быть откровенным до конца, даже и симпатии. Просто вместе они могли достичь большей власти, славы и величия, чем каждый из них поодиночке.

Зато Садья вызывала у него восхищение. Юноша взглянул на маленькую певицу и вновь подумал, что наступит такой момент, когда их отношения неминуемо перерастут в любовную близость. Его глаза скользили по точеной фигурке Садьи. Эйдриан с удовольствием разглядывал ее стройные ноги и маленькую, но такую соблазнительную грудь.

Все это приятно волновало юношу. Довольно улыбаясь, он снова повернулся в сторону королевского павильона. Улыбка быстро сбежала с его лица. В голове рейнджера опять заметались вопросы, связанные с королевой. Итак, Де'Уннеро утверждает, что эта женщина — мать Эйдриана; героиня войны с демоном-драконом, спасительница человечества во времена нашествия розовой чумы. И она, произведя его на свет, тут же бросила по причинам, которых Эйдриан не мог ни понять, ни простить.

Нет, понять, наверное, все-таки мог.

«Возможно, мы с нею очень похожи, — подумал он. — Возможно, будущей королеве ее слава была важнее забот о новорожденном младенце».

Эйдриан, который столько лет был одержим мыслями о завоевании власти и достижении бессмертия, вполне понимал эту своекорыстную и всепоглощающую потребность.

Состязания лучников завершились. Было названо имя победителя — охотника из Вестер-Хонса, весьма среднего, как показалось рейнджеру, стрелка. Ему вручили подарок королевы Джилсепони — великолепный тисовый лук.

Эйдриан вновь пожалел, что Де'Уннеро не позволил ему состязаться в стрельбе из лука. Тогда бы он, одержав в них победу, встал перед королевой и задал бы ей эти вопросы; если не вслух, то глазами. «Терпение», — в который уже раз напомнил он себе.

Оставшееся до полудня время было отдано музыке и танцам, угощению, выступлениям клоунов и представлению пьесок весьма фривольного содержания. Роскошные платья из разноцветного тонкого шелка, в которых щеголяли знатные дамы, соседствовали с поношенной одеждой простолюдинок, где преобладали всего два цвета — серый и зеленый. Де'Уннеро и Садья, не выпуская из поля зрения Эйдриана, пробирались сквозь толпу. Главные события ожидались впереди, а пока можно было насладиться теплым и спокойным утром.

Послеполуденное время тянулось столь же медленно, пока гром фанфар не возвестил о новом состязании, которое должно было начаться сразу же после необходимых приготовлений на поле. Народ повалил на невысокие холмы, окружавшие ристалище. Эйдриана толкали, пихали, наступали на ноги, но он этого словно не замечал. Сердце юного воина колотилось. Эйдриану вновь нестерпимо захотелось принять участие в состязаниях.

Рыцарские игры начинались с группового сражения, в котором, как объяснил своему подопечному Де'Уннеро, участниками правили азарт и злость и наблюдалось полное отсутствие тактики ведения поединка. Однако Эйдриан считал, что он без труда вышел бы из них победителем.

Однако Де'Уннеро не пустил его, в очередной раз напомнив, что пока еще не время.

В состязании участвовали преимущественно гвардейцы Бригады Непобедимых, несколько урсальских аристократов, а также пара воинов попроще. Все выступали при полных доспехах; лошадей также защищали особые конские латы. Участники состязания с разных сторон съезжались на овальное поле ристалища, сопровождаемые приветственными возгласами толпы. Герцога Каласа было нетрудно заметить по его шлему с яркими перьями, ослепительно сверкавшему на солнце. Турнирные бойцы выстроились перед королевским павильоном в три шеренги; в каждой находилось по семь всадников. Калас занял место в середине первой шеренги.

По сигналу герцога участники сняли шлемы и отдали воинское приветствие королевской чете. Правой рукой, сомкнутой в кулак, они ударили себя в грудь, затем вскинули ладони с разжатыми пальцами.

Толпа, насколько это было возможно, утихомирилась.

— Король Дануб, — начал Калас, громко выкрикивая слова, чтобы было слышно всем собравшимся. — По случаю вашего пятидесятилетия мы безгранично рады выпавшей нам чести засвидетельствовать свое уважение вашему величеству. Мы просим благословить это сражение и молим о том, чтобы никто из его участников не погиб. Если же подобное случится, пусть этот воин спокойно простится с жизнью, ибо он умрет во имя своего короля!

Запели трубы, неистово зашумела и загудела толпа.

— Заметьте, Калас ничего не сказал о смерти во имя королевы Джилсепони, — негромко произнес Де'Уннеро.

— Намеренное пренебрежение? — поинтересовалась Садья.

— Это надо спросить у Каласа. Насколько я знаю, такие события, как этот турнир, обязательно требуют упоминания имени королевы, — сказал бывший монах, который за

годы пребывания в Санта-Мир-Абель основательно изучил этикет и традиции Хонсе-Бира.

Эйдриан не совсем понимал, о чем идет речь. В отличие от многих, он не знал о сложностях, которыми сопровождалась жизнь королевы при дворе. Не обратил он внимания и на то, что Де'Уннеро и Садья были явно довольны этим «упущением» Каласа.

Юноша внимательно следил за полем. Участники сражения заняли места вдоль невысокой ограды, окаймлявшей ристалище. К пению труб присоединился рокот барабанов. Их дробь звучала все громче и делалась все быстрее. Когда трубы замолчали, барабаны еще некоторое время продолжали грохотать; наконец смолкли и они.

Король Дануб встал и оглядел притихшую толпу. Затем он бросил на землю перед павильоном вымпел Урсальского замка.

Участники турнира пришпорили коней и помчались на середину поля, вступив в жестокую и яростную схватку. Все они были вооружены тяжелыми, обитыми войлоком для смягчения ударов дубинками. Такие дубинки специально предназначались для подобных состязаний и хотя не считались опасным оружием, легко могли сломать ребра или челюсть.

Эйдриан не сразу разобрался в том, что происходит на поле. Конские копыта поднимали облака пыли; слышались лишь удары дубинок по доспехам. Одному храброму, но скверно экипированному участнику сражения, доспехи которого напоминали лоскутное одеяло, то и дело доставалось, пока очередной удар и вовсе не выбил его из седла. Сейчас же к поверженному воину бросились оруженосцы. Они подхватили под уздцы его испуганную, становящуюся на дыбы лошадку и унесли беднягу с поля.

Потом другой участник, доспехи которого также оставляли желать лучшего, оказался жертвой нападения сразу нескольких рыцарей и вскоре был повержен на землю.

— Похоже, знать не желает, чтобы в их играх принимали участие те, кто попроще, — заметила Садья.

— В прошлом на таких турнирах гвардейцы Бригады Непобедимых, да и остальные королевские воины искали новичков, достойных пополнить их ряды, — пояснил Де'Уннеро. — Как видно, времена изменились. Теперь избранный круг аристократов не спешит допускать в свои ряды тех, кто не имеет знатного происхождения.

— Что же тогда они скажут, когда я расшвыряю их лучших воинов? — самоуверенно спросил Эйдриан.

Де'Уннеро, ничего не ответив, рассмеялся.

— Зря ты не пустил меня сегодня, — посетовал юноша, видя, как какой-то аристократ и гвардеец из Бригады Непобедимых с грохотом вылетели из седел.

— Завтра, — коротко, но весьма категорично отрезал бывший монах.

Эйдриан понял, что спорить с Де'Уннеро бесполезно.

Постепенно рейнджер начал замечать кое-какие любопытные подробности схватки. Так, двое гвардейцев отделились от общей свалки, сойдясь в поединке. Но их схватка выглядела не слишком естественно. Эйдриан видел, как каждый из них постоянно упускал благоприятные возможности для атаки и почему-то не замечал у противника явных брешей в обороне.

Юный воин быстро нашел разгадку. Эти двое, скорее всего, были друзьями и сейчас просто тянули время, наблюдая, как остальные участники один за другим выбывают из сражения.

Эйдриан подметил еще одну особенность. Герцог Калас разошелся не на шутку, одного за другим вышибая противников из седел, и большинство участников старались избегать столкновений с ним. Юноша так и не мог понять, чем это вызвано. Возможно, данью уважения командиру Бригады Непобедимых или личными боевыми качествами герцога. Может, правда, в этом крылся какой-то особый, неведомый рейнджеру расчет.

Когда очередной участник сражения, громыхая доспехами, вылетал из седла, толпа выла и ревела от восторга. Вскоре число бойцов уменьшилось до пяти. На поле оставались герцог Калас, пара рыцарей из местной знати да те самые гвардейцы, которые, как подметил Эйдриан, сражались больше для виду.

Калас не замедлил свалить на землю одного из гвардейцев. Юноша понимающе улыбнулся. Герцог прекрасно знал, что если он останется один против двоих друзей, они, скорее всего, уже не проявят к нему должного почтения и будут вести себя по законам состязания.

Другой гвардеец предпочел не вступать в столкновение с разгоряченным схваткой герцогом и напал на одного из аристократов.

Тот сражался, умело заслоняясь щитом от дубинки противника. Когда он нанес ответный удар, его дубина задела плечо гвардейца, и всадник едва не рухнул на землю.

Но в этот момент второй аристократ напал на гвардейца сзади, нанеся ему чувствительный удар по затылку. Тот сумел удержаться в седле, но, повернувшись в сторону нападавшего, упустил из виду своего первого противника, который не замедлил воспользоваться этим и нанес гвардейцу два сильных удара подряд.

— Последний из участвовавших в состязании рядовых представителей Бригады Непобедимых вылетел из седла.

Герцог Калас, оказавшись один против двоих аристократов, поднял на дыбы своего пони, и тот передними ногами ударил одного из них, выбив из седла.

С яростью истинного бойца Калас устремился в атаку на единственного оставшегося соперника. Толпа неистовствовала, предвкушая, что вскоре будет объявлен победитель.

Эйдриан не верил своим глазам: неужели за градом ударов герцога его противник не видел, как тот постоянно пренебрегает обороной?

Действительно, сражавшийся с Кал асом аристократ почему-то даже не пытался оказать ему достойное сопротивление.

Пони герцога теснил скакуна противника, и тот начал спотыкаться — аристократу стоило большого труда удерживать свою лошадь. Пользуясь этим, герцог сумел нанести ему сильнейший удар по голове, который и завершил поединок. Аристократ рухнул на землю, а Калас, не обращая внимания на поверженного противника, направил коня к королевскому павильону и, нагнувшись, подхватил вымпел и совершил круг почета, высоко держа над головой символ своей победы.

Толпа бесновалась и ликовала, выкрикивая имя герцога. Следует отметить, что Каласу заранее предрекали победу в этом турнире.

Маркало Де'Уннеро махнул рукой, показывая Садье и Эйдриану, что пора выбираться из толпы.

— Теперь герцог Калас будет ждать завтрашнего дня, — пояснил он.

— Я бы сегодня мог избавить его от этого ожидания, — упрямо заявил Эйдриан.

— Сделаешь это завтра, — коротко ответил Де'Уннеро.

Садья удивленно посмотрела на бывшего монаха.

— Но раз Эйдриан не участвовал в сегодняшнем состязании, завтра ему придется начинать с самого начала, — воскликнула она.

Де'Уннеро улыбнулся, показывая, что она верно разгадала его замысел.

— Все, кто не участвовал в сегодняшнем состязании, будут сражаться завтра утром, — объяснил он Эйдриану. — Начнется все опять с общей свалки, в которой придется участвовать и тебе. В мое время так не было; видно, в правилах что-то изменилось. Калас же будет дожидаться победителя. Остальным участникам придется пройти по несколько кругов. Всех разделят на три части, и победивший в каждой группе сразится потом с ее предводителем — гвардейцем из Бригады Непобедимых. Так выявятся трое претендентов; четвертым, как я уже сказал, будет Калас. И эти четверо будут сражаться, пока среди них не выявится победитель.

— Опять в групповом бою? — спросил юноша.

Де'Уннеро отрицательно покачал головой.

— Нет, в поединках. На копьях, а потом, если понадобится, на мечах.

Бывший монах улыбнулся и внимательно посмотрел на Эйдриана.

— Завтра будут сражаться настоящими мечами, а не этими дурацкими дубинками.

Обрадованный рейнджер тоже улыбнулся.

— Забыл добавить, — сказал Де'Уннеро, когда все трое, покинув поле состязаний, шагали к усадьбе, снятой ими в пригороде Урсала. — Поскольку герцог Калас сегодня победил, завтра он будет участвовать в состязании как «победивший во славу короля».

— А Эйдриан? — спросила Садья, хотя по ее улыбке юный воин понял, что она уже знает ответ.

— Эйдриан не заявит об этом вплоть до последнего круга состязаний, — ответил Де'Уннеро. — Тогда он вступит в сражение во славу королевы.

— Уж Когтю-то быть среди них в перваках, верно? — сказал какой-то оборванец с косматой седеющей бородой.

Его рука сосредоточенно скребла в не менее косматой голове, выискивая вшей.

— Он и вчера бы не сплоховал, — ответил его сосед, такой же оборванец, вытирая грязным рукавом нос и одновременно смачно сплевывая на землю.

Плевок упал у самых ног Де'Уннеро.

Бывший монах закрыл глаза и огромным усилием воли подавил закипавшую в нем злость. Не хватало только, чтобы какое-то быдло все испортило! Де'Уннеро заставил себя сосредоточить взгляд и мысли на поле, где собирались участники состязания. Ему не составило особого труда понять, кого эти оборванцы именовали Когтем. Среди дюжины сегодняшних участников только на одном были доспехи, приличествующие человеку благородного происхождения. Правда, возможно, его экипировал богатый покровитель. Остальные значительно уступали ему в снаряжении. В основном это были молодые парни, желавшие утвердиться в глазах своих «дам сердца» и наивно полагавшие, что их навыки верховой езды и кое-какое умение обращаться с оружием с лихвой восполнят столь серьезное упущение, как отсутствие настоящих доспехов.

Де'Уннеро усмехнулся, представив, что и Эйдриан, переполненный самоуверенностью, тоже мог бы оказаться среди этих парней, веря, что его эльфийская выучка заменит любые доспехи. Нет, не случайно судьба свела их с этим дерзким юнцом в глуши Вестер-Хонса. Будучи искусным воином, Де'Уннеро не сомневался, что Эйдриан сумел бы победить герцога Каласа в поединке.

Но только не верхом и не ведя бой так, как было принято на состязаниях. Стиль, который юноша привык использовать, как и манера ведения боя самим Де'Уннеро, строились на быстрых перемещениях и умении сохранять равновесие. Однако все это искусство оказывалось практически бесполезным, когда ноги зажаты в стременах! Да и копье — отнюдь не то оружие, от которого можно увернуться или легко парировать его удар.

Потому-то столь необходимы были самые лучшие доспехи. Де'Уннеро улыбнулся в предчувствии незабываемого зрелища. Он знал, что Садья и юный воин уже где-то неподалеку. Бывшему монаху просто не терпелось увидеть Эйдриана во всем его великолепии.

Его доспехи! Ни тот человек, которого прозвали Когтем, ни сам герцог Калас не могли сравниться с Эйдрианом в роскоши снаряжения. И едва ли кто-нибудь мог догадаться, что самоцветы, вделанные в металл доспехов юного воина, служат не только украшением.

На подступах к полю послышались приветственные крики. Улыбка Де'Уннеро стала еще шире. Он видел, как простой люд бросается врассыпную, освобождая дорогу Эйдриану, восседавшему на Даре. Его несравненные доспехи отливали золотом, лицо юноши скрывало опущенное забрало. Черная, отороченная красным попона ниспадала с боков скакуна, бирюза в груди Дара была тщательно скрыта под конскими латами. Такая маскировка была необходима: если толпа могла посчитать самоцвет простым украшением, то Джилсепони сразу бы поняла, что к чему.

«Наверное, она и так что-нибудь заподозрит», — размышлял Де'Уннеро. В мире немного нашлось бы столь величественных коней, как Дар; причем с годами его стать оставалась крепкой, а ведь коню было уже немало лет.

Оглянувшись на королевский павильон, Де'Уннеро увидел, что Джилсепони и Дануб уже заметили Эйдриана и не отрывают от него глаз. Король даже привстал со своего места, чтобы получше рассмотреть неизвестного и нежданного участника. Сидевший рядом с королем герцог Калас тоже встал с места, глядя на неведомого рыцаря. Каласу предстояло выйти на поле лишь во второй половине дня, и до этой минуты герцог оставался вполне спокойным и даже равнодушным. Но теперь… Де'Уннеро даже издали видел: Калас был охвачен неподдельным любопытством.

Эйдриан выехал на поле. Безупречный воин на безупречном коне. Следуя наставлениям Де'Уннеро, юноша перевел Дара на медленный шаг и объехал поле по кругу, позволяя толпе вдоволь налюбоваться на него. После этого он должен был занять место в цепочке претендентов, выстроившихся перед королевским павильоном, и заявить о своем желании принять участие в состязании.

Наконец Эйдриан примкнул к остальным, встав рядом с тем, кого называли Когтем. Тот во все глаза пялился на великолепного рыцаря, однако юный воин не удостоил его ответным взглядом.

— Пока все идет как надо, — прошептал Де'Уннеро.

Толпа никак не могла угомониться. Король Дануб не стал требовать, чтобы стихли крики и возгласы, а просто сел, откинулся на спинку кресла и устремил взгляд на Эйдриана.

Де'Уннеро более занимало то, что сейчас происходило в душе королевы Джилсепони. Выражение ее лица менялось ежесекундно и давало большой простор для различных истолкований. Бывший монах перевел взгляд на герцога Каласа. Герцог попеременно смотрел то на королеву, то на незнакомца. Можно себе представить, какие зловещие мысли роились сейчас во взбудораженном мозгу Каласа!

Наконец толпа затихла. Король Дануб встал, не сводя глаз с незнакомого рыцаря. Теперь, следуя правилам этикета, Эйдриан должен был снять шлем. Де'Уннеро, зная об этом, велел ни в коем случае этого не делать.

— Ваше величество, — произнес Эйдриан, поднимая в знак приветствия меч.

Де'Уннеро заметил, как округлились глаза Джилсепони. Рукоятку «Урагана» предусмотрительно обтянули голубой кожей, однако видом своим эльфийский меч все равно отличался от грубо сработанного оружия остальных участников. Его лезвие было уже и отливало ярким серебристым блеском. Вид этого меча должен был еще более усилить подозрения королевы.

— Ты желаешь принять участие в наших состязаниях? — спросил король Дануб, поняв, что незнакомец не собирается снимать шлем.

Эти слова являлись официальным приветствием. Де'Уннеро облегченно вздохнул: значит, король примирился с тем, что незнакомец не намерен показывать свое лицо.

— Желаю, ваше величество, — спокойно ответил Эйдриан.

— Каково твое имя и звание? — задал Дануб традиционный в таких случаях вопрос.

— Меня зовут Тай'маквиллок из Хонсе-Бира, — с дерзким задором ответил юноша.

Де'Уннеро был немало удивлен и рассержен нарушением их договоренности насчет имени. Но потом едва удержался от смеха, увидев, как королева Джилсепони непроизвольно вздрогнула. Несомненно, она узнала эльфийское имя. Одно это должно было сказать ей, что за этим что-то кроется. Конечно же, Джилсепони смогла перевести и значение этого имени — Ночной Ястреб, — столь близкого к имени ее незабвенного Полуночника!

Король Дануб, похоже, ничего не понял. Он лишь усмехнулся.

— Странное имя, — заметил король. — Или это звание? Хонсе-Бир, юный Тай'маквиллок, — громадное государство. Не мог бы ты сказать, из какой его части ты родом?

— Вы правы, ваше величество. Это мое имя и одновременно — мое звание, — ответил Эйдриан. Я не могу назвать ни одного уголка вашего государства в качестве своей родины. В дороге меня настигла весть об этом турнире, и потому я явился сюда, желая доказать, что чего-то стою.

— Желая доказать королю? — спросил герцог Калас, нарушая этикет, запрещавший вмешиваться в королевский диалог.

— Нет, самому себе, — ответил юноша, заставив Дануба вновь повернуться в его сторону. — Пока я не докажу себе, что чего-то стою, я не смогу убедить в этом других.

— Восхитительно, — пробормотал Де'Уннеро.

Король Дануб коротко рассмеялся, желая разрядить возникшее напряжение.

— Что ж, юный рыцарь, ты избрал подходящее место для пробы своих сил.

Сказав это, король махнул оруженосцам, и Эйдриану подали обитую войлоком дубинку. Потом Дануб подал знак трубачам. Запели трубы, знаменуя начало сегодняшних состязаний.

Как и вчера, все началось с шумной групповой схватки. Она должна была продолжаться до тех пор, пока на конях останутся последние трое участников, которые смогут претендовать на участие в дальнейших состязаниях.

Де'Уннеро спокойно наблюдал за происходящим; Эйдриану там ничего не грозило. Едва затихла дробь барабанов, юный воин устремился в самую гущу сражающихся. Несколько человек оказалось у него на пути, и Эйдриан расшвырял их, точно великан — тонконогих гоблинов. Дар опрокинул одного коня вместе с всадником, и в это время юноша успел ударить другого в грудь.

Третий заставил Эйдриана вспомнить уроки эльфов. Когда его конь поравнялся с конем противника, тот попытался ударить юного воина, но он, взмахнув дубинкой, словно мечом, легко отбил этот удар. Затем он ударил противника прямо в лицо, расквасив ему нос. Тот покачнулся и инстинктивно натянул поводья, замедлив бег лошади.

Рейнджер ударил его снова — теперь уже по затылку. Затем, повернув Дара вправо, догнал противника, который находился почти в бессознательном состоянии и только каким-то чудом держался в седле.

Эйдриан мог бы завершить схватку, не прикладывая к этому особых усилий, но в юном воине уже бушевал огонь сражения, и кипевшая в нем ярость заставила его забыть, что это состязание, а не война. Он жестоко ударил обессиленного противника, и тот с грохотом свалился на землю.

Толпа взвыла от восторга. Улыбка Де'Уннеро сияла торжеством.

Эйдриан осадил Дара и огляделся. Число остававшихся в седле участников значительно поредело. Коготь предпочитал держаться от юного воина как можно дальше. Он следовал обыкновению знати, основанному на нехитрой логике: зачем драться со своими, когда хватает более легкой добычи из числа простолюдинов?

Рейнджер имел на этот счет другое мнение, а потому, пришпорив Дара, устремился прямо к Когтю.

Тот немало удивился, увидев, что рыцарь несется навстречу, не дав ему должным образом подготовиться. Кое-как Когтю удалось развернуть лошадь и взмахнуть дубинкой, чтобы отвести удар противника.

Впрочем, это не имело особого значения, поскольку Эйдриан применил обманный маневр. Едва его дубинка коснулась дубинки Когтя, юный воин выпустил ее из рук. Как только их лошади поравнялись, Эйдриан с силой схватил противника за запястье и пришпорил Дара.

Конь рванулся вперед, затем резко повернулся и оказался позади лошади Когтя. Юноша продолжал крепко сжимать запястье противника. Тот неуклюже пытался высвободиться, но вылетел из седла и ничком рухнул на землю.

Трудно описать происходившее в это мгновение с толпой.

Эйдриан остался без оружия, однако это его не слишком заботило. Пять оставшихся всадников не отваживались вступить с ним в схватку. Поэтому он неспешно объехал поле, галантно отвечая на приветствия толпы. В это время сражающаяся пятерка неуклюже размахивала дубинками, и через некоторое время число претендентов сократилось до двух.

Все трое, включая Эйдриана, остановились перед павильоном, и король объявил их

достойными участвовать в дальнейшем состязании.

Королева Джилсепони не спускала глаз с незнакомого рыцаря. Она находилась в состоянии неописуемого замешательства. Герцог Калас взирал на него с чувством сильнейшего и нескрываемого презрения.

С лица Де'Уннеро не сходила улыбка.

Начало превзошло все его ожидания.

— Прежде чем он доберется до предводителя своей группы, ему придется выиграть три поединка, — сказала Садья, когда они брели сквозь толпу в перерыве между состязаниями.

Согласно их замыслу, Эйдриан после своей внушительной победы немедленно покинул поле. Сообщники Де'Уннеро быстро окружили его и увели подальше от восторженного простонародья и любопытствующей знати.

Никто не стал бы отрицать, что сегодня утром юный воин произвел ошеломляющее впечатление, в особенности на Кал аса и других рыцарей. Более всего Де'Уннеро радовали обрывки разговоров, которые он ловил, пробираясь вместе с Садьей через толпу. Имя Тай'маквиллока звучало на каждом шагу и неизменно — в восторженных тонах. До появления Эйдриана эти состязания, по мнению простого люда и многих участников, все же больше смахивали на зрелище, чем на настоящие поединки. Герцог Калас всегда выходил в них победителем, хотя успевал сразиться едва ли не с каждым, причем не по одному разу. Все заранее склонялись к мнению, что победителем турнира объявят, конечно же, его. Вот почему появление Когтя вызвало столько возбуждения. Это был знатный воин родом с побережья Лапы Богомола; судя по слухам — не новичок в турнирах. Однако до сих пор ему ни разу не доводилось состязаться с Каласом.

И вдруг появляется этот Тай'маквиллок в великолепных доспехах, подобных которым не видели даже бывалые рыцари, на прекрасном коне. С какой легкостью он победил Когтя, не говоря уж о тех троих, кого он, можно сказать, играючи опрокинул наземь.

Турнир неожиданно превратился в совершенно непредсказуемое увлекательное зрелище.

Де'Уннеро внимательно прислушивался и, где мог, вставлял собственные восторженные замечания, дабы еще сильнее подогреть ликование толпы.

— Эйдриану, прежде чем он лицом к лицу окажется с герцогом Каласом, придется провести еще пять поединков, — заметила Садья.

— Нет, четыре, — возразил бывший монах. — Я уверен, что между тремя победителями в своих группах и Каласом будет брошен жребий, после чего их разделят на пары. Всем не терпится увидеть поединок Эйдриана с герцогом, но это сладкое блюдо непременно оставят на самый конец.

Певица улыбнулась. Она понимала, что величественное утреннее появление Эйдриана принесло неплохие плоды. Но до окончательной победы было пока что далеко.

— Все равно, даже четыре поединка утомят и его, и коня, — сказала она. — У герцога Каласа окажется серьезное преимущество.

Ее доводы, похоже, не смутили Де'Уннеро.

— Наш юный друг хочет быть королем, — напомнил он Садье. — По сравнению с его притязаниями, этот турнир — просто детская забава.

Вскоре после полудня Эйдриан занял место в числе участников первого круга основных состязаний. По краям поля были расставлены стойки с деревянными копьями, имевшими затупленные концы. Тут же наготове стояли оруженосцы, чтобы при необходимости заменить участнику сломанное копье на новое.

Первый круг состязаний нередко был самым жестоким, ибо большинство участников попросту не имели надлежащей экипировки. Один из них — крестьянский парень — ощутил это на себе, оказавшись в паре с Эйдрианом. Все его доспехи составляла обыкновенная тонкая кольчуга, изнутри подбитая несколькими слоями кожи. Правда, каждому участнику выдавали большой прочный щит. Только он позволил этому бедняге хоть как-то

противостоять Эйдриану.

Рейнджер вскинул копье, стремясь почувствовать его вес и уравновесить в руке. Конечно, он понимал, что этот деревенский пентюх не является для него серьезным противником. И все же от волнения у юноши сводило мышцы живота. Ему еще не доводилось участвовать в подобных сражениях, а весь его опыт ведения боя в седле был печально мал!

«Вот где Бринн Дариель не знала бы себе равных», — вдруг подумал он.

Трубы подали сигнал к началу поединка. Эйдриан сжал ногами бока Дара и стремительно рванулся вперед.

Противник двинулся ему навстречу, заслоняясь щитом. Копье слегка подрагивало в его руке.

Юноша намеренно избрал такое направление, чтобы удар его копья пришелся по щиту противника, а тот ударил бы по его щиту. Юному воину хотелось ощутить, каким окажется этот удар. Таким образом он сможет подготовиться к сражению с более опытными и серьезными соперниками, с которыми ему придется столкнуться достаточно скоро.

Удар и впрямь оказался впечатляющим. Оба копья разлетелись в щепки, ибо от оружия для состязаний никто и не ждал особой прочности. Дар понесся дальше, и, только проскакав еще немного, Эйдриан понял, что одержал верх. От его удара противник вылетел из седла.

Когда он остановился у дальнего конца поля, толпа уже самозабвенно вопила:

— Тай'маквиллок! Тай'маквиллок!

Эйдриан оглянулся на упавшего противника. Тот лежал без движения, и к нему спешили оруженосцы.

Юный рейнджер разгадал секрет первого круга состязаний. Они в большей степени являлись испытанием силы и способности удержаться в седле, нежели умения сражаться. Недаром здесь позволялась замена сломанных копий. Но когда ему будут противостоять более зрелые и опытные соперники, этих качеств станет уже недостаточно. А пока — наноси удары, выдерживай чужие, оставайся в седле — и победа останется за тобой.

Эйдриан улыбнулся. Он радовался не только приветственному гулу толпы, но и собственной сообразительности. За несколько минут он сумел разобраться в хитростях таких состязаний. Юноша понял, что ударов, какой нанес ему незадачливый крестьянский парень, он может не опасаться. Они его из седла не выбьют.

Через час он участвовал во втором круге. И вновь — короткая атака, восторженные крики толпы и опрокинутый на землю противник. Чтобы сбросить с лошади своего третьего противника — аристократа в добротных доспехах, — Эйдриану понадобилось атаковать его дважды. В первый раз он сильно ударил его по левой руке, отчего она безвольно повисла. Во второй раз рейнджер занес свое копье над щитом рыцаря и поразил его в плечо. К счастью для Эйдриана (и, разумеется, к несчастью его противника), второе копье не сломалось. Юный воин выбил соперника из седла, и рыцарь, прежде чем рухнуть на землю, на какое-то время повис в стремени.

Впрочем, аристократ не желал признать себя побежденным. Он упрямо вскочил на ноги и выхватил тяжелый меч. Толпа завопила, требуя от Тай'маквиллока довершить начатое.

Эйдриан увидел, как оруженосец подает ему третье копье.

— Тебе положено еще одно, — объявил он, улыбаясь щербатым ртом.

— Но тогда и ему тоже, — напомнил юноша.

— Нет, он же не на коне!

Рейнджер засмеялся и взял копье.

— Мне нужно оставаться на своей стороне поля? — спросил он.

Оруженосец недоуменно уставился на юношу. Разве столь сильный и опытный боец не знает правил состязаний?

— Ты можешь перемещаться по всему полю, — ответил он. — Догони его и не давай продыху, всего и делов-то. Только помни: он сейчас пеший, а потому береги коня от удара.

Эйдриан повернулся в сторону поля, где его уже ждал противник. На ногах он

держался нетвердо и стоял, неловко выставив вперед одно плечо. Юный воин намеревался было тоже спешиться и продолжить сражение в равных условиях, но быстро передумал. Незачем показывать свои приемы будущим соперникам.

— Он и близко не подойдет к моему коню, — бросил Эйдриан оруженосцу.

Пришпоренный Дар метнулся вперед.

Упорный аристократ попытался увернуться, но юноша оказался проворнее. Его копье ударило противнику прямо в грудь. Второй полет аристократа окончился болезненным приземлением на спину.

Достигнув конца поля, Эйдриан развернул Дара и увидел, что этот упрямец вновь пытается встать. И действительно, он почти поднялся на ноги, но вдруг повалился на бок и закашлялся, сплевывая кровью.

Оруженосцы унесли его с поля, а толпа вновь завопила, прославляя Тай'маквиллока.

Эйдриан подъехал туда, где стояли его собственные оруженосцы, в числе которых была и переодетая в мужское платье Садья.

— Следующим противником будет гвардеец из Бригады Непобедимых, — напомнила она.

Юноша только улыбнулся.

Его сражение с гвардейцем не было продолжительным. Эйдриану хватило одного захода, чтобы буквально в последнюю секунду удачно подставить щит и отбросить копье противника в сторону. Сам гвардеец пошатнулся в седле, теряя равновесие. Его щит сполз вниз. Тогда рейнджер изо всех сил ударил его копьем. Такого удара он сегодня еще не наносил. Древко копья треснуло от удара в нагрудник рыцаря, а сам Эйдриан тоже едва не потерял равновесие.

По правде говоря, юный воин опасался, что упадет и проиграет этот круг, ибо, когда он оглянулся, то увидел, что гвардеец по-прежнему оставался в седле, а его лошадь неслась по полю.

Однако схватка окончилось несомненной победой Эйдриана. Его противник находился в полубессознательном состоянии. Вышколенная лошадь еще продолжала свой бег, но всадник сполз набок, выскользнул из седла и, ударившись об ограду, повалился на землю.

Рев толпы достиг новой силы, но теперь в самом этом гуле что-то изменилось. Эйдриан понял, что именно. Раньше они радовались его победам над противниками, одержанными воином, о существовании которого вчера они даже не подозревали. Но этот рыцарь у них на глазах только что одолел гвардейца из Бригады Непобедимых. И его, похоже на то, ожидает поединок с герцогом Таргоном Бреем Каласом.

Вскоре четверо последних участников состязания уже тянули жребий. Как и предсказывал Де'Уннеро, противником Эйдриана оказался не Кал ас, а другой рыцарь из Бригады Непобедимых — самый рослый и крупный из всех участников и к тому же с легкостью победивший своих предыдущих соперников.

Согласно жребию, первым выпало состязаться герцогу Кал асу и его противнику.

Эйдриан подошел туда, где стояли его оруженосцы и Садья.

— Наблюдай за манерой сражения герцога, — посоветовала ему певица.

Юноша засмеялся, оставив ее слова без внимания. Отойдя в сторону, он ощупал ноющее запястье правой руки и направил свои мысли в глубину гематита, вделанного в доспехи. Когда рейнджер вновь появился на поле, рука не ощущала ни малейшей боли. Калас тем временем торжествовал легкую победу над своим соперником.

— Он разделался с ним за два захода, — сообщила Садья, пока оруженосец помогал юноше вновь усесться в седло. — Правда, он рассчитывал выбить противника с первого захода, но тот сумел удержаться. А вообще-то герцог сражался здорово.

— Приятно слышать, — ответил Эйдриан. — Было бы жаль не встретить за весь день ни одного стоящего соперника!

Певица в ответ на его самоуверенные слова только рассмеялась. Но юноша оказался прав. Кроме Каласа, серьезных противников для него не существовало. Устремившись на

второго за сегодняшний день гвардейца из Бригады Непобедимых, он с неожиданной легкостью выбил этого опытного бойца из седла.

Их осталось только двое: он и Калас.

— Теперь ты должен будешь обратиться к королю, — подсказал ему оруженосец, стоявший возле одной из стоек с копьями.

Повернувшись, Эйдриан увидел, что Калас на своем рослом тогайранском пони направляется к королевскому павильону. Рейнджер поспешил туда же. Как и в первый раз, он не желал смотреть на своего соперника. Взгляд юного воина был обращен исключительно на короля и королеву.

Дануб встал и произнес величественную речь о славном дне турнира. Король говорил о нелегких победах и горьких поражениях. Он поблагодарил всех, кто участвовал в состязаниях. Потом, указав на Каласа и Эйдриана, король провозгласил, что эти двое показали себя сильнейшими среди сильных.

Сперва Дануб обратился к Каласу.

— Во имя кого ты намерен сражаться, победитель герцог Калас? — спросил он.

— Я — из Бригады Непобедимых! — громким и звучным голосом возвестил Калас. — Я сражался и буду сражаться во имя короля Дануба! За моего короля, мою страну и мою жизнь!

Толпа одобрительно заревела.

— А за кого намерен сражаться ты, победитель Тай'маквиллок? — спросил Дануб, и гул сделался еще громче при одном упоминании имени юного воина.

Когда шум и крики стихли, Дануб вдруг продолжил, обращаясь к Эйдриану:

— Ты говорил, что явился сюда, дабы убедиться, что чего-то стоишь. Думаю, сегодняшние победы должны были принести тебе подобную уверенность!

Толпа неистовствовала; приветственные возгласы перемежались со смехом.

Юноша спокойно ждал, пока гул утихнет.

— Сказать, что чего-то стою, я смогу, лишь одержав победу над по-настоящему достойным противником.

Дерзкие слова юного воина вызвали целую лавину удивленных возгласов.

— Пока я еще такого противника не нашел, — добавил Эйдриан.

Он чувствовал, как Калас яростно сверлит его взглядом, и слышал сдавленное рычание герцога.

— Я намерен сражаться не во имя вас, король Дануб! — неожиданно для всех громко выкрикнул юный воин.

Глаза короля широко раскрылись. Со всех сторон послышались удивленные возгласы. Никто не чаял услышать подобное, да еще в день юбилея короля. К тому же Эйдриан произнес «король Дануб» вместо полагающегося «мой король», чем серьезно нарушил этикет.

— Я буду сражаться во имя королевы Джилсепони! — объявил юноша.

Толпа недовольно загудела, из горла Каласа вновь вырвалось сдавленное рычание, а несколько вельмож, сидевших в королевском павильоне, презрительно поморщились.

Однако король Дануб вовсе не огорчился. Он искренне, от души расхохотался.

— Замечательная ночь ждет нас с женой, если мой победитель одолеет ее победителя! — громко произнес он, и толпа подхватила его смех. — Но, боюсь, нелегко мне придется, если этот дерзкий юноша, пусть даже во имя королевы, одолеет герцога!

Все вновь захохотали. Герцог Калас, однако, не смеялся; его губы сжались и побелели от гнева. Королева Джилсепони тоже не смеялась, застыв в немом изумлении. Не смеялись некоторые придворные, глаза которых метали в сторону Эйдриана грозные молнии. Не смеялся и стоявший в толпе Де'Уннеро. Бывший монах удовлетворенно кивал головой, наслаждаясь тем, как его юный друг ловко разыгрывал этот спектакль. Дерзко, однако стараясь не заходить слишком далеко.

Водружая на голову свой великолепный шлем, герцог Калас едва заметно повел головой. Этого было достаточно, чтобы его поняли оба оруженосца: и тот, который стоял возле стойки с оружием для герцога, и другой, находившийся на противоположном конце поля, возле стойки с деревянными копьями, предназначенными для Тай'маквиллока.

До этого момента Калас сражался честно. Исключение составляла лишь групповая схватка, в которой сообразно званию и положению ему были предоставлены некоторые привилегии. И будь сейчас на месте Эйдриана кто-нибудь другой, Калас и последний поединок провел бы по всем правилам, зная, что без труда одержит очередную победу.

Он и сейчас сохранял эту уверенность. Однако, помня слова Брюса Оредальского и дерзкое заявление этого молодого, не известного никому выскочки, герцог Калас сознавал, какими тяжкими последствиями может грозить победа Тай'маквиллока.

Герцог сражался во имя короля и потому не мог рисковать.

Эти слова он сейчас мысленно повторял себе, ибо нуждался в самооправдании, принимая от оруженосца копье, — оно было тяжелее остальных копий в стойке. Его острие было слегка затуплено, но в остальном копье оставалось настоящим боевым оружием, а не деревяшкой, предназначенной для состязаний. Великолепный щит Кал аса был украшен фамильным гербом: сосной, знаком святого Абеля, по обе стороны от которой стояли на задних лапах драконы. Пламя, вырывавшееся из их пастей, поднималось вверх и над деревом сливалось, образуя огненный купол.

Один только величественный вид герцога, олицетворявшего собой рыцарский дух и казавшегося непобедимым, нередко лишал уверенности его противников. Слыша, как толпа одобрительно загудела, герцог Калас горделиво выпятил грудь.

Джилсепони сидела, откинувшись на спинку кресла. Внешне она казалась вполне спокойной, но королева с внутренним трепетом наблюдала за молодым победителем, успевшим показать себя весьма искусным воином. Кроме того, Джилсепони испытывала немалое любопытство. Имя юноши было эльфийским, равно как и меч, которым он приветствовал короля. Все движения этого воина выдавали в нем рейнджера.

Он непременно должен быть рейнджером; это представлялось ей единственным объяснением. Но тогда зачем он оказался здесь и вступил в состязание, не имеющее никакого отношения к тол’алфар? Разве рыцарский турнир соответствует призванию рейнджера? Стал бы Элбрайн участвовать в подобных состязаниях?

Нет. Ее муж как никто понимал свою ответственность перед воспитавшими его эльфами, и одно это заставило бы его держаться подальше от королевских ристалищ.

По мнению Джилсепони, присутствие Тай'маквиллока здесь было просто бессмысленным, если… если только оно не имело какого-то отношения к ней. Этот юноша заявил, что сражается в ее честь; вот и еще один намек, что он связан с эльфами. Но зачем привлекать к себе столько внимания? Какое послание предводительница эльфов желала ей передать? И почему эльфы вдруг изменили своему обыкновению действовать скрытно?

И этот конь. Мысль о нем также не давала королеве покоя. Джилсепони не удалось как следует разглядеть животное, ибо его грудь была закрыта конскими латами. Но сам бег коня! Эти длинные, мощные скачки, когда он, казалось, поджимает задние ноги к самому брюху и потом стремительно выбрасывает их с какой-то взрывной силой. Пони прекрасно помнила этот бег. Но она считала, что в мире существует только один такой конь — Дар. Только он был способен домчать Элбрайна и Пони до края земли и вывезти их из пекла Аиды.

Но если конь Тай'маквиллока — не Дар, он непременно должен быть потомком Дара! Пони прикинула, сколько лет сейчас тому удивительному скакуну. Если Дар встретился Элбрайну почти жеребенком, хотя Джилсепони в этом сомневалась, теперь он достиг конской старости; пожалуй, даже глубокой старости. По ее расчетам, Дару сейчас было не менее тридцати лет, а может, и больше. Так могло ли животное в таком возрасте, пройдя столько дорог и испытаний, двигаться с легкостью и проворством, присущими коню Тай'маквиллока?

Пони достала из кармана и зажала в ладони камень души. За время этих состязаний она неоднократно входила в камень, пытаясь обнаружить магическую связь, которая некогда существовала между нею с Даром.

Но если Тай'маквиллок все-таки состязался на Даре, в могучей груди коня должна была находиться магическая бирюза, помещенная туда Эвелином и позволявшая им с Элбрайном общаться с этим необычайно разумным животным… однако Пони почему-то ее не ощущала.

Противники с копьями в руках заняли свои места у противоположных концов поля. Трубачи уже поднесли к губам фанфары.

Пони взволнованно закусила нижнюю губу.

Эйдриан опустил копье, уверенно пришпорил коня, и Дар рванулся вперед. На другом конце поля герцог Калас пустил вскачь своего тогайранского пони.

Юноша взглянул на мощные ноги лошади своего противника и понял, что у Дара будет не слишком много преимуществ перед этим крупным белогривым животным. Отлично вышколенные и более сильные, нежели остальные лошади, тогайранские пони снискали себе славу лучших в мире скакунов. Рост этих необычайно смышленых животных на четырнадцать с половиной ладоней превышал рост обыкновенных маленьких пони.

Всадники сближались, и рейнджер не спускал глаз со своего противника. Он не собирался заканчивать сражение слишком быстро. Эйдриан чувствовал, что должен дать толпе вдоволь насладиться необыкновенным зрелищем.

Копье юноши врезалось в щит Кал аса и, словно сухая ветвь, переломилось надвое. В свою очередь, удар герцога, нацеленный в щит рейнджера, был впечатляющим. Такого сильного удара Эйдриану еще никто не наносил. Его державшая щит левая рука моментально онемела. При этом копье Каласа осталось неповрежденным!

Всадники развернули лошадей и вновь устремились навстречу друг другу. Сломанное копье Эйдриана по длине почти вполовину уступало копью герцога, поэтому надежды на него было мало. Рейнджер рассчитывал использовать его, чтобы отклонить копье Каласа, но его опытному противнику удалось нанести сильнейший удар. Послышался характерный хруст — герцог вывихнул сопернику левое плечо.

Эйдриану показалось, что окружающий мир вращается вокруг него с бешеной скоростью. Превозмогая страшную боль, он склонился к шее коня, всеми силами стараясь удержаться в седле и не потерять сознание.

На какие-то секунды его магическая связь с Даром прервалась, и в этот миг конь ощутил призыв Джилсепони. Благородный скакун взметнулся на дыбы, и под рев толпы Эйдриан полетел на землю.

Ему пришлось переждать несколько мгновений, пока мир вновь обрел привычные очертания. Затем, опираясь на правую руку, рейнджер поднялся на ноги и, сжав зубы, сорвал с левой руки разбитый щит, а затем выхватил меч, показывая тем самым застывшему против него Каласу, что их поединок продолжается. Толпа вновь зашлась в восторженных криках.

— Пеняй на себя, — процедил сквозь зубы герцог, весьма довольный таким поворотом событий, и, пришпорив своего тогайранского пони, устремился на Эйдриана с копьем наперевес.

Не спуская с него глаз, рейнджер занял позицию для задуманного им маневра.

Когда до казавшегося со стороны неизбежным удара нацеленного в грудь Эйдриана копья Каласа оставались считанные мгновения, юный воин под ликующий вой зрителей стремительно бросился навстречу тогайранскому пони, уклоняясь от удара. Герцог был вынужден осадить скакуна, чтобы, развернувшись, вновь попытаться поразить противника острием копья. Однако сейчас перед ним была не тряпичная кукла для тренировок, а рейнджер, владеющий не только би'нелле дасада, но и боевой техникой Де'Уннеро, и он, предельно сблизившись со всадником, в высоком прыжке ногами выбил Каласа из седла.

— Нечестно! Нечестно! Я протестую! — громко завопил герцог, поднимаясь и указывая в сторону Эйдриана.

Однако толпа не желала слушать его сетований, да и король Дануб, судя по всему, — тоже. Обвинение Каласа, как сочли все вокруг, было совершенно безосновательным.

Герцог зарычал от ярости и, нахлобучив слетевший при падении шлем, махнул рукой оруженосцу. Тот быстро подал ему великолепно украшенный меч.

— Ну, теперь держись, молокосос! Ты еще горько пожалеешь об этом, — зловеще посулил герцог противнику.

Свирепо размахивая мечом, герцог Калас ринулся на юного воина.

Эйдриан пригнулся, позволив оружию противника просвистеть над головой, затем неожиданно для Каласа сделал выпад вперед и нанес ему боковой скользящий удар. «Ураган» со звоном ударил по щиту герцога. Проделав этот маневр, рейнджер вновь отскочил назад, и сильный удар герцога слева не достиг цели.

Соперник юноши вновь ринулся в атаку, исторгая рев при каждом взмахе меча. Зрелище было впечатляющее, и толпа ревела от удовольствия.

Однако Эйдриан знал то, о чем его разозленный противник даже не подозревал. Би'нелле дасада — эльфийский боевой танец с мечом — предназначался как противодействие именно такой манере ведения боя, которую использовал Калас, а именно чередованию стремительных выпадов, рубящих ударов и мгновенных отступлений. Наверное, в подобном сражении герцог превосходил многих; возможно, ему даже не было в нем равных. Однако юноша постоянно замечал слабые места в его обороне и атаковал соперника, когда тот совсем этого не ожидал. Лезвие «Урагана» буквально искрошило щит Каласа.

Новая атака, новый удар. На этот раз меч Эйдриана скользнул над самым щитом герцога, зазвенев о металл его доспехов.

Взревев, герцог трижды полоснул мечом, с каждым шагом приближаясь к Эйдриану. Трижды лезвие меча Каласа пролетало в опасной близости от головы рейнджера. Трижды толпа вскрикивала и замирала, наблюдая за этими ударами. Большинство присутствующих на состязании решили, что герцог сейчас сразит юного воина насмерть. Ликующее лицо Каласа также говорило о том, что он уверен в своем неоспоримом преимуществе.

Однако Эйдриан вовсе не прекратил сопротивление. Он позволил Каласу надвигаться на него, позволил толпе вскрикивать и замирать от восторга и ужаса.

Мысли рейнджера были сосредоточены на серпентине и рубине. Первый окутывал незримой защитой, второй воспламенял его меч. При очередной атаке герцога Эйдриан поспешно отступил, затем выпрямился во весь рост, и его меч, с которого срывались языки пламени, со звоном встретился с клинком герцога Каласа.

Огненный меч! Такого в Урсале еще никогда не видели!

Теперь Эйдриан мог поиграть с герцогом, диктуя свои условия сражения. Пылающий меч юного воина, казалось, с легкостью отражал удары, которые пытался нанести противнику Калас. Эйдриан кружился, словно в танце, заставляя кружиться вместе с собой противника. Их мечи встречались то вверху, то внизу, и за «Ураганом» тянулся огненный след. Потом рейнджер высвободил энергию графита. Теперь каждое соприкосновение лезвий мечей сопровождалось снопами искр.

Калас ударил снизу и наискось; меч Эйдриана парировал этот удар. Клинок герцога описал полукруг, целя противнику в живот, однако меч юного воина сделал точно такой же полукруг; этот маневр также не принес Каласу успеха. Герцог, загораживаясь щитом, устремился вперед. Эйдриану, у которого по-прежнему нестерпимо болела вывихнутая левая рука, пришлось отступать, кружась в боевом танце, пока у него не появилась возможность ударить по щиту противника с такой силой, что Калас застонал от ярости.

Герцог повторил свой маневр, затем проделал его в третий раз, но лезвие «Урагана» неизменно оказывалось на пути его клинка, с легкостью отражая удары.

Эйдриана удивило, когда Калас, совершив ложный замах для рубящего удара, резко направил меч вниз и нанес им проникающий прямой удар, что очень напоминало боевой стиль эльфов. Не ожидая подобного выпада, рейнджер успел отступить только в последний

миг. Внезапное резкое движение сразу же отозвалось жгучей волной боли в левом плече.

— Уже ошибаешься, молокосос, — бросил ему герцог, продолжая теснить противника.

— Сейчас увидим, кто ошибается, — возразил ему Эйдриан, чувствуя, что пора заканчивать эту игру и желая сделать ее финал как можно более впечатляющим.

Надвигаясь, Калас отклонил свой меч в сторону и вращал им с умопомрачительной быстротой, приводя в восторг завороженно следящую за поединком толпу.

Рейнджер, однако, увидел в маневре герцога совсем иное — прекрасную возможность завершить их поединок.

Рассчитывая на уловку, Калас притянул руку с мечом к себе, после чего совершил резкий выпад вперед. Однако Эйдриан, разгадав его замысел, почти без толчка совершил сальто над головой герцога и, в мгновение ока очутившись у него за спиной, нанес противнику несильный удар по спине. Разъяренный Калас, готовый проучить наглого мальчишку, молниеносно развернулся, на долю секунды отведя в сторону щит. Но Эйдриан с неожиданной для герцога внезапностью и легкостью поразил его в грудь, пробив великолепные доспехи противника, после чего, желая потрафить толпе, полностью высвободил мощь графита.

Каласа подбросило в воздух, его меч отлетел в одну сторону, щит — в другую. Завязки, удерживающие латы, лопнули, и герцог, теряя в полете части своей амуниции, грянулся наземь, широко раскинув руки.

Толпа… на этот раз толпа безмолвствовала. Эйдриан бросил взгляд на королевский павильон. Король, королева и окружавшие их вельможи в ужасе вскочили со своих мест.

К поверженному герцогу бросился оруженосец, приподнявший ему голову. В толпе послышались отчаянные крики, всхлипывания и плач. Несколько рыцарей из Бригады Непобедимых успели выбежать на поле и окружить своего павшего командира.

— Ваше величество, он мертв! — растерянно крикнул оруженосец, и стенания собравшихся вокруг ристалища усилились.

Эйдриан поискал глазами в толпе Де'Уннеро. Бывший монах смотрел прямо на своего подопечного, одобрительно кивая головой. Никогда еще толпа не становилась свидетелем столь ошеломляющего зрелища!

Продолжая глядеть на Де'Уннеро, юноша приложил руку к груди. Тот понял застывший в его глазах вопрос и наклоном головы указал на безжизненное тело герцога.

— Дорогу! — крикнул рейнджер и с такой силой оттолкнул оруженосца, что сбил его с ног. Протолкавшись сквозь окружавших Каласа людей, Эйдриан опустился перед ним на колени.

Он вплотную приник к его телу, чтобы камень души, вделанный в доспехи, коснулся раны на груди Каласа. Эйдриан приблизился к бескровному лицу герцога.

— Жить, — отдал он мысленный приказ, посылая через камень свою исцеляющую силу. — Жить!

Дух герцога Каласа брел по длинной сумеречной дороге, где вместо облаков над головой плыли клочья серого тумана. Калас знал, что умер или вот-вот умрет. Он знал, что умирает в результате удара какой-то неведомой силы, сущность которой не мог себе даже представить.

И теперь он приближался к темной пропасти смерти.

Неожиданно герцог заметил над головой сияющую руку. Ее свет разгонял серый туман.

Вот и рука смерти простерлась над ним. Герцог Калас знал, что не может, не смеет противиться этому зову. Значит, настало его время расстаться с жизнью.

Он ухватился за сияющую руку и вдруг понял, кому она принадлежит.

Тай'маквиллок!

Рука излучала жизнь, а не смерть. Исходящая из нее жизненная сила возвращала дух Каласа в оставленное им тело.

Так кто же этот юноша, явившийся неведомо откуда на королевский турнир?

Кто этот воин, одолевший его с помощью неведомой силы?

Кто он, способный воскрешать и возвращать к жизни?

Через несколько минут герцог Калас уже судорожно кашлял и бормотал что-то бессвязное — словом, вел себя как вполне живой человек.

Плач и стоны в толпе моментально сменились ликующими воплями.

Эйдриан поднялся и увидел, что оруженосец успел подвести к нему Дара. Взглянув Каласу в глаза и еще раз молчаливо напомнив герцогу, кто возвратил его к жизни, молодой воин вскочил в седло и направил коня к королевскому павильону.

— Не знаю, что и сказать тебе, Тай'маквиллок, — признался король Дануб, когда вопли толпы наконец утихли.

Юный победитель так и не пожелал снять шлем.

— Вымпел победы по праву принадлежит тебе!

Под нараставшие восторженные завывания толпы король бросил Эйдриану свой вымпел. Тот самый, который вчера с такой гордостью воздел над головой Калас.

Юноша, выпрямившись в седле, позволил королевскому вымпелу упасть на землю.

— Я сражался не во имя короля Дануба, — громко возвестил он. — Поэтому моей наградой должен стать вымпел королевы Джилсепони.

Эйдриан видел замешательство королевы, совершенно не ожидавшей подобной просьбы. Эти мгновения показались ему бесконечными. Затем Джилсепони обернулась назад, где на столбе висел ее вымпел, сняла его и бросила юноше.

Рейнджер ответил учтивым поклоном. Не сомневаясь, что Джилсепони узнала его скакуна, он пришпорил Дара и, высоко подняв награду, совершил круг почета по полю, затем перемахнул через ограду и помчался вниз по склону, исчезнув из поля зрения рассерженного Дануба, воскресшего и пребывающего в неописуемом изумлении герцога Каласа и столь же изумленной королевы Джилсепони.

ГЛАВА 32
ДЕРЗКИЙ ШАГ ВПЕРЕД

Эйдриан не мешкая покинул Урсал. Он промчался по примыкавшим к городу полям, миновал снятую ими усадьбу и поскакал дальше. В дом он вернулся уже под покровом темноты.

Юноша по-прежнему испытывал чрезвычайное возбуждение, голова его кружилась. Эйдриан не представлял, что скажет Де'Уннеро о его победе над герцогом Каласом; точнее, о том, каким способом она была достигнута.

Де'Уннеро и Садья тоже вернулись только под ночь, однако, невзирая на чудовищное напряжение этого дня, Эйдриан даже и не думал ложиться. Когда они вошли, он взволнованно мерял шагами комнату.

— Ты проявил самовольство, — тихо заметил ему бывший монах.

— Герцог Калас тоже играл не по правилам, — ответил юноша.

— Догадываюсь, что он сражался настоящим боевым копьем, тогда как тебе подсунули обычную деревяшку, — не стал спорить Де'Уннеро. — Я уж думал, он тебя одолеет.

Эйдриан криво улыбнулся.

— Я тоже так думал, — признался он. — И дело здесь не в копьях. Я вылетел из седла, потому что Дар вдруг перестал подчиняться мне и отозвался на призыв королевы.

— Твой матери? — язвительно спросил Де'Уннеро, и на его лице расцвела злорадная улыбка. — Она действовала против тебя?

— А может, просто позвала коня, — не особо уверенно предположил рейнджер, однако намек Де'Уннеро больно его задел.

— Ты великолепно справился со всеми неожиданностями, — продолжал бывший монах. — Лучше, чем я мог ожидать от человека твоего возраста, пусть и имеющего

прекрасные боевые навыки. Поражение герцога Каласа… такое и простонародье, и знать, и церковники, не говоря уже о самом герцоге, забудут нескоро.

Он похлопал Эйдриана по плечу, улыбаясь и одобрительно кивая.

— Правда, не знаю, стоило ли возвращать Каласа к жизни, — отозвалась стоящая у двери Садья. — Он может оказаться серьезной помехой на нашем пути.

Однако Де'Уннеро, не дослушав подругу, отрицательно мотнул головой.

— Он по-настоящему любит короля, — сказал он. — И яростно ненавидит королеву. Сейчас — особенно сильно, поскольку Констанция Пемблбери продолжает угасать. Она настолько в плохом состоянии, что даже не смогла посетить турнир.

— Ее отсутствие сразу бросилось в глаза, — согласилась певица. — Да и щенки ее выглядели чрезвычайно подавленными. Наверное, с одной стороны, переживают за мамочку, а с другой — хотелось бы посостязаться, да силенок еще маловато.

— Если мы не станем слишком открыто выступать против Дануба, герцог Калас не доставит нам хлопот, — заметил Де'Уннеро.

— Одним своим присутствием в Урсале мы уже выступаем против короля, — возразил юноша.

— Но об этом-то никто не догадывается, — сказал бывший монах. — Вот то, что мы выступаем против королевы, откроется достаточно скоро. Под личиной Брюса Оредальского я уже весьма недвусмысленно сообщил об этом нашему любезному герцогу. Причем таким образом, что мои слова можно было посчитать искренней заботой об интересах короля. Уверен, что многие присутствовавшие сегодня на турнире поняли: Тай'маквиллок отнюдь не друг Данубу. Однако Тай'маквиллоку придется на некоторое время исчезнуть из Урсала.

Эйдриан удивленно вскинул брови.

— Да-да. Снимай-ка свои несравненные доспехи да как следует испачкай грязью щеки, чтобы выглядеть обыкновенным деревенским увальнем, — велел ему бывший монах. — Выходить из дома ты можешь лишь в обличье слуги, и чем зауряднее будет твой вид, тем лучше.

— Можно, правда, одеть его в сутану монаха, — сказала Садья. — Раздобыть ее не составит особого труда.

Ни то ни другое не слишком вдохновляло Эйдриана. Давно ли он слышал восторженный рев толпы? Ему отчаянно хотелось прямо сейчас заявить о своих правах на престол, сделав первый шаг на пути к неувядаемой славе. Юноша недовольно скривил губы. Ущемленная гордость победителя и обида обманутого ребенка — все это разом отражалось на его помрачневшем лице.

Де'Уннеро и Садья беззлобно посмеивались, стремясь развеселить его.

— Терпение, — сказал бывший монах. — Семя, посаженное нами, дало замечательные всходы. Они будут расти чрезвычайно быстро. А теперь пора на покой. Завтра еще до рассвета я должен выехать на встречу с посланцами аббата Олина. Думаю, они получили истинное удовольствие от королевского турнира.

— А потом? — поинтересовалась певица.

— Не премину появиться при дворе короля Дануба, — ответил Де'Уннеро. — Теперь моей целью является ошеломленный герцог Вестер-Хонса, убитый и воскрешенный одним и тем же человеком. Интересно будет узнать, как подействовал на него столь неожиданный поворот событий.

Эйдриан не стал спорить, ибо прекрасно понимал, насколько важно привлечь Каласа на свою сторону. Когда настанет момент переворота, союз с герцогом Таргоном Бреем Каласом обезопасит и упрочит их положение в Урсале и гарантирует поддержку командного состава королевской армии. Как бы заговорщики ни надеялись на обратное, бескровного переворота не получится, даже если бы сам король Дануб встал на их сторону. Зато, имея в числе союзников Каласа, можно надеяться, что кровопролитие не начнется до тех пор, пока сторонники Эйдриана не добьются безусловного преимущества.

Лишь одно неприятно волновало юношу: похоже, его роль в первом действии уже

сыграна, и теперь ему какое-то время придется оставаться за сценой. Несколько недель он должен будет скрываться от посторонних глаз; это еще в лучшем случае. Не исключено, что ожидание может растянуться на месяцы и даже на годы.

Нет, только не на годы! Эйдриан улыбнулся и дотронулся рукой до нагрудника доспехов, коснувшись вделанного в него камня души.

На следующий день Де'Уннеро не стал искать встречи с герцогом Каласом, как намеревался ранее. Появившись при дворе в обличье Брюса Оредальского, он узнал, что герцог разослал своих доверенных людей по всему Урсалу, стремясь разузнать что-либо о таинственном Тай'маквиллоке.

Бывший монах предпочел переключить внимание на других придворных, продолжая распространять нелицеприятные слухи о королеве, что не являлось таким уж сложным делом. Он предположил, что герцог Калас довольно скоро сам его разыщет.

Прогуливаясь, он натолкнулся на возможную союзницу, тихо сидевшую в укромном уголке сада.

— Брюс Оредальский к вашим услугам, госпожа Пемблбери, — представился Де'Уннеро, подходя ближе.

Придворная дама подняла на него глаза, и только теперь Де'Уннеро по-настоящему оценил, сколь разрушительно сказалось на этой женщине возвращение королевы. В недавнем прошлом Констанция была блондинкой; теперь же ее волосы стали почти седыми. Лицо женщины поблекло, а мешки, набрякшие под глазами, имели синеватый оттенок. Но наиболее красноречивыми были сами глаза. В них не только не ощущалось внутреннего огня — в глазах придворной дамы плескалась растерянность и безнадежность. Де'Уннеро уже доводилось видеть подобный мертвый взгляд; чаще всего — в глазах смертельно больных людей, смирившихся со своей участью.

— Мы с вами знакомы? — спросила Констанция.

— Нет, хотя я много наслышан о вас, госпожа Пемблбери, первая дама Урсала! — ответил Де'Уннеро, пытаясь льстивым титулом вдохнуть хоть немного огня в душу отчаявшейся женщины.

Констанция невесело усмехнулась.

— Теперь я — никому не нужная развалина, — прошептала она и отвернулась.

В ее тоне не было слышно игривых ноток и даже обычного женского стремления напроситься на комплимент.

«Если Констанция Пемблбери и станет его союзницей, то непреднамеренной. Просто они оба добиваются одной цели», — решил бывший монах.

— Кажется, вас не было на королевском турнире, — совершил он обходной маневр.

Придворная дама не ответила. Она даже не повернула головы в его сторону; возможно, Констанция вообще не слушала его.

Де'Уннеро подождал еще немного, повторил вопрос, однако вновь не дождался ответа.

— Желаю вам приятно провести время, госпожа Пемблбери, — произнес он и удалился.

Теперь его больше занимало, можно ли воспользоваться крахом Констанции как орудием для дальнейшего вовлечения герцога Каласа в их заговор. Бывший монах знал, что герцог является самым близким другом этой похожей ныне на живой труп женщины.

Остаток дня Де'Уннеро провел, прогуливаясь по саду и время от времени присоединяясь к кружкам знатных особ. Сегодня завершались празднества по случаю юбилея короля Дануба. На приеме в замке присутствовали лишь наиболее приближенные к королю придворные и представители городской знати. Де'Уннеро вежливо избегал любых разговоров, не отвечавших его интересам, зато сразу же горячо поддерживал обсуждение чрезвычайно впечатливших всех событий вчерашнего дня; особенно намеки, что Тай'маквиллок имеет какое-то отношение к королеве и, возможно, является ее любовником.

Бывший монах получал истинное наслаждение от этого клубка сплетен, слухов и

грязных домыслов. Через какое-то время к гостям присоединились король и королева. Герцог Калас меж тем так и не появился. Это удивило и немало раздосадовало Де'Уннеро.

Возможно, командир Бригады Непобедимых все еще не оправился после первого в своей жизни поражения на турнире.

Де'Уннеро пробыл в замке до вечера, убедившись, что результаты вчерашнего турнира еще более подорвали позиции королевы и вскоре это станет очевидным. Но бывшему монаху хотелось ускорить события, ибо он, как и Эйдриан, начинал терять терпение.

У ворот замка его окликнули.

— Брюс Оредальский! Постойте!

Де'Уннеро медленно повернулся и увидел спешащего к нему рослого гвардейца из Бригады Непобедимых.

— Прошу вас следовать за мной. Герцог Таргон Брей Калас желает побеседовать с вами, — объявил тот.

Де'Уннеро кивнул и последовал за посланцем в кабинет герцога Каласа, находившийся в отдаленной части громадного замка. Книжные полки из темного дерева, тянущиеся по обеим сторонам от каменного очага, придавали помещению внушительный вид. Несмотря на теплую погоду, в очаге пылал огонь. Красноватое сияние оттеняло черты лица герцога, делая его взгляд более пристальным. Калас сидел, сцепив сильные руки и упершись в них подбородком. На столе перед ним лежал фолиант, в котором Де'Уннеро узнал историю битв прошлого. Бывший монах взглянул на Каласа с возросшим уважением. Если этот человек умеет извлекать уроки из прошлого, значит, у него достаточно ума, подумал он.

Калас велел гвардейцу оставить их одних.

— Я предполагал, что вам захочется поговорить со мной, — сказал Де'Уннеро, удобно усаживаясь на некотором отдалении от Каласа.

— Тай'маквиллок… — тихо произнес герцог.

— Ночной Ястреб, — сказал бывший монах.

Калас с любопытством вскинул брови, явно уловив какое-то сходство с другим известным ему именем.

— Так оно переводится с языка эльфов, — пояснил Де'Уннеро.

— Ночной Ястреб? — с недоверием переспросил герцог. — Не тот ли это юный воин, о котором вы говорили мне в день нашей охоты? Не его ли молва называет любовником королевы Джилсепони? Ради благополучия государства, я желаю знать о нем все!

Несмотря на явное нетерпение Каласа, Де'Уннеро позволил себе усмехнуться и ответить не сразу. Герцог, сам того не ведая, указал ему верный путь. Разумеется, здесь, в кабинете Каласа, он не станет принимать никаких решений и не даст герцогу никаких определенных сведений, особенно учитывая нынешнее его состояние. Де'Уннеро понимал, что гнев Каласа зародился не сегодня и даже не вчера и его источником, без сомнений, является королева Джилсепони.

Ситуация становилась очень забавной, и бывший монах все же решил раскрыть кое-какие карты.

— Будь Ночной Ястреб любовником королевы Джилсепони, это было бы еще полбеды. Все намного серьезнее, — с некоторой небрежностью произнес он.

Герцог вскочил на ноги.

— Говорите все, что знаете! — потребовал он.

— Прошу вас, ваша светлость, сядьте и успокойтесь. Во-первых, Тай'маквиллок не является любовником королевы Джилсепони, а во-вторых, его победа над вами не была честной: он использовал в поединке силы магии. Магические самоцветы вделаны в его доспехи и меч. Без этого… — Де'Уннеро умолк, предоставив Каласу делать те выводы, какие требовались его израненной гордости.

— Похоже, вы слишком осведомлены… — с нескрываемым подозрением произнес герцог.

— Больше, чем вы можете себе вообразить, ваша светлость, — ответил Де'Уннеро. — Я

приложил руку к возвышению Ночного Ястреба.

С этими словами он поднял руку и вытащил из уха уже давно раздражавшую его серьгу.

— С тех пор как я узнал, кто он, для меня не было более важной заботы, чем должным образом направлять его дальнейшее развитие.

— Что вы всё ходите вокруг да около? — зарычал Кал ас. — Сколько вы еще будете испытывать мое терпение?

В ответ Де'Уннеро сорвал с глаза повязку, сел и пристально посмотрел на недоумевающего герцога.

— Неужели вы не узнаёте меня? — спросил он.

Калас покачал головой. Лицо его исказила гримаса.

Правда, Де'Уннеро не мог угадать ее причину; то ли герцог раздосадован провалом в памяти, то ли, наоборот, память Каласа оказалась весьма цепкой.

— Мы с вами участвовали в общем деле, сражаясь в Барбакане против мятежников, — подсказал бывший монах.

Ошеломленный герцог едва не свалился со стула. Он раскрыл рот и вытаращил глаза.

— Маркало Де'Уннеро! — выдохнул наконец Калас, узнав собеседника.

— Он самый, — подтвердил бывший монах. — И уверяю вас, любезный герцог, я не враг ни вам, ни нашему королю. Королева — вот кого я глубоко ненавижу, равно как и церковь, которой она благоволит. Церковь, обретшую постыдную мягкотелость в попытках узурпировать светскую власть, забрав ее из рук короля Дануба.

— Я должен был бы сейчас убить вас на месте! — вскричал герцог.

— Если вы попробуете это сделать, то я, в отличие от моего подопечного, не стану воскрешать вас из мертвых, — сказал Де'Уннеро.

Он вздохнул, покачал головой, затем подался вперед и произнес звенящим от возбуждения голосом:

— Хватит нам вести никчемные разговоры! Я пришел сюда как ваш союзник, а не как враг.

— О чем вы изволите говорить? — вскипел герцог. — Что вы называете никчемными разговорами? Кто этот странный Ночной Ястреб? Если он не является любовником королевы, тогда кто он?

— Ее сын, — тихо ответил Де'Уннеро. — Сын Джилсепони и Полуночника.

Он немного помолчал, давая сказанному проникнуть в мозг Каласа, затем, отчетливо выговаривая слова, добавил:

— Согласно указу вашего короля, оглашенному в день его бракосочетания, этот юноша является наследником престола Хонсе-Бира.

Бывшему монаху показалось, что Кал ас сейчас, подобно изнеженной девице, хлопнется в обморок. Де'Уннеро до сих пор сомневался, стоило ли ему делать этот шаг. Не являлась ли проявленная им дерзость слишком опасной, угрожавшей погубить все их замыслы? Но отступать было поздно. Он снял с пояса мешочек с самоцветами и бросил под ноги герцогу.

— Я обладаю богатством, в несколько тысяч раз превышающим содержимое этого мешочка, — сказал Де'Уннеро Каласу, уставившемуся на рассыпанные по ковру самоцветы. — В моих сундуках собраны драгоценные камни, превосходящие сокровища всей знати Хонсе-Бира.

— Что за чушь вы мелете? — сердито спросил Калас, заикаясь на каждом слове. — Уж не думаете ли вы, что я способен продать за ваши камешки свою верность и преданность королю?

— Ни в коем случае! — в тон ему ответил бывший монах. — Единственное светлое и доброе, что у нас осталось в Хонсе-Бире, — это наш король. Я не толкаю вас на предательство. Подобное мне бы и в голову не пришло.

— Тогда что же? — спросил герцог, в котором любопытство, похоже, начинало

пересиливать гнев.

«Был ли мой приход сюда разумным шагом?» — вновь подумал Де'Уннеро.

— Я не собираюсь вербовать вас в союзники, герцог, — спокойно ответил он. — Это не входит в мои замыслы. Однако я считал, что должен рассказать вам правду о создавшемся положении. Как я только что сказал, по королевскому указу Эйдриан — так зовут этого молодого воина, — будучи сыном Джилсепони, является законным наследником престола Хонсе-Бира.

— Значит, эта ведьма скрыла от короля правду, — пробормотал Калас.

— Не совсем так, — возразил его собеседник. — Она сама ничего не знала об Эйдриане. У нее забрали ребенка, когда после битвы с отцом-настоятелем Марквортом она полумертвой валялась на поле близ Палмариса.

— Да будет проклято его имя! — вставил Калас, но Де'Уннеро пропустил это замечание мимо ушей.

— Джилсепони считала своего ребенка погибшим, — продолжал бывший монах. — Поверьте, она немало бы удивилась, узнав, что является королевой-матерью. Но еще более удивило бы ее то, что собственный сын ненавидит ее сильнее, чем мы с вами.

— Джилсепони никогда не быть королевой-матерью, — в бешенстве заявил герцог Калас. — Вы несете какую-то чушь…

Де'Уннеро сурово взглянул на герцога, оборвав его дальнейшие слова.

— Герцог, вы видели лишь ничтожную долю возможностей Эйдриана, — тихо, но весомо произнес он. — Он убил вас, а затем вернул ваш дух из мира теней.

Калас шумно, с хрипом вздохнул, и Де'Уннеро понял, что вчерашние события действительно до основания потрясли все существо герцога. Теперь нельзя мешкать. Каласа надо подтолкнуть именно сейчас, пока его сознание еще не пришло в норму.

— Когда настанет время и на трон должен будет взойти наследник короля Дануба, им станет не Мидалис и не эти жалкие щенята Мервик и Торренс, — сказал он. — Я искренне сочувствую вашей подруге Констанции, но она не более подходит на роль королевы-матери, чем ее хнычущие детишки — на роль короля Хонсе-Бира, и вы это прекрасно знаете.

Калас подавленно молчал, и его молчание было красноречивее всяких слов.

— Наследником престола будет Эйдриан, и это вытекает из слов самого Дануба, — завершил свою речь Де'Уннеро. — Если желаете освежить свою память, разыщите и перечитайте этот королевский указ. Его дословно изучали весьма образованные и сведущие в подобных вопросах люди. Эти люди принадлежат к той части абеликанской церкви, которая не желает видеть Джилсепони ни начальствующей сестрой, ни тем более королевой.

Калас едва верил своим ушам, и всякий раз, когда бывший монах намекал, что его замысел простирается гораздо дальше, герцог начинал дышать еще тяжелее.

Невероятно, — только и мог произнести он.

— Очень даже вероятно, — возразил Де'Уннеро. — Король сам поставил сына Джилсепони перед Мервиком и Торренсом и даже перед принцем Мидалисом.

— Это приведет к междоусобной войне! — воскликнул герцог.

Его собеседник усмехнулся и кивнул на рассыпавшиеся по ковру самоцветы.

— Я уже говорил, что обладаю богатством, во много раз превышающим стоимость этой горстки камней, — повторил он. — Неужели вы думаете, что я появился бы здесь и позволил Эйдриану даже близко подойти к Урсалу, не подготовившись должным образом к возможным последствиям? Неужели, любезный герцог, вы думаете, что за эти годы я потерял разум и стал более беспечным?

Герцог Калас вперился глазами в драгоценные камни, прекрасно понимая, что слова Де'Уннеро — не пустая бравада.

— Вижу, мои слова не очень обрадовали вас, — улыбнулся бывший монах, и снова Калас взглянул на него с недоверием.

— Или вас больше тревожит положение двора? — спросил Де'Уннеро. — Мы с вами оба понимаем: пока король Дануб жив, королевство останется незыблемым.

— Но у него есть младший брат, — напомнил герцог. — Весьма достойный человек.

— Да, только здесь существует один нюанс. Действительно, насколько я знаю принца, он и в самом деле достойный человек, — сказал Де'Уннеро. — Но он не женат. Известно также, что в прошлом он был довольно дружен с Джилсепони.

— К чему вы клоните? — подозрительно прищурился Калас.

— Достоверные сведения, не имеющие ничего общего с придворными сплетнями, говорят о том, что в прошлом Мидалис и Джилсепони находились в достаточно близких отношениях, — сказал Де'Уннеро. — Неужели вам так сложно поверить, что принц с готовностью возьмет в жены супругу своего умершего брата? Подобные случаи в истории не являются редкостью!

Герцог Калас принял тот же задумчивый вид, в каком его застал Де'Уннеро, войдя сюда в обличье Брюса Оредальского.

— Я позволю отнять у вас еще некоторое время разговором о своей персоне, — продолжал бывший монах. — Итак, я — известный вам Маркало Де'Уннеро. Маркало Де'Уннеро, уверенный, что существует глубочайшее различие между рожденными повелевать и рожденными подчиняться. Маркало Де'Уннеро, убежденный в необходимости всегда и при любых обстоятельствах защищать достоинства государства и церкви. Маркало Де'Уннеро, презрительно открещивающийся от глупейшего утверждения «королевы из народа» и нынешней церкви о том, что все люди равны и одинаково ценны.

— И одновременно — Маркало Де'Уннеро, готовый возвести на трон сына простолюдинов, — напомнил ему Калас.

— Эйдриана не учили воспринимать жизнь глазами простолюдина, — возразил Де'Уннеро. — Он прошел отличную выучку у эльфов тол'алфар, которым абсолютно чужды представления о равенстве. Уверяю вас, он понимает разницу между знатью и быдлом. И еще. Смею вас уверить, этот юноша понимает ценность надежных советников. Государству пойдет только во благо, если одним из таких советников станет герцог Таргон Брей Калас.

— Вы говорите так, словно король Дануб уже мертв, — с нескрываемым упреком произнес герцог.

— Я желаю ему пережить нас всех, — поспешно ответил бывший монах. — Но ни я, ни вы не можем быть в этом уверены. Посмотрите, какая чудовищная усталость отражается на его лице. Сколько морщин прибавляют королю тревожные мысли о допущенной им ошибке. Каждый день приносит ему новые удары. Насколько я слышал, с возвращением ненавистной всем королевы жизнь Дануба отнюдь не стала легче.

Герцог Калас откинулся на спинку кресла, задумавшись над словами Де'Уннеро.

— А если король все-таки переживет нас всех? — спросил он. — Что в таком случае будут делать Маркало Де'Уннеро и этот юный воин?

— Эйдриан займет подобающее ему место в жизни; если не как король, то как один из командиров Бригады Непобедимых. Возможно, как принц Хонсе-Бира.

Калас улыбнулся и покачал головой.

— Принц? Вы, наверное, не понимаете, что это может повлечь за собою, — воскликнул он, находя утверждение бывшего монаха достаточно забавным. — Королевская родословная — не армия, туда невозможно быть вписанным даже за особые заслуги. Случись такое, этот ваш Эйдриан наживет себе множество смертельных врагов.

— Думаете, что я… что мы так уж боимся врагов?

Улыбка мгновенно сбежала с лица герцога, и оно приняло прежнее мрачное выражение.

— Все выверено и учтено, ваша светлость, — сказал Де'Уннеро. — Я отнюдь не прожектер и понимаю размах замыслов, которые намерен осуществить.

— Каких именно? — спросил Калас.

— Как я уже сказал, если Эйдриан станет королем, ему понадобятся советники, — пояснил бывший монах. — Как только он окажется на троне, я и мои союзники… а если мне и кому-то из них будет суждено покинуть этот мир, то оставшиеся в живых

единомышленники… они используют его влияние, чтобы произвести столь необходимые перемены внутри абеликанского ордена. Если вас страшат мои устремления по захвату светской власти, то смею заверить — у меня их нет. Говорю вам со всей искренностью: в целом мире не найдется человека, способного выправить курс нашего государства лучше, чем Эйдриан. Если ему суждено взойти на престол еще при вашей жизни, то и для Эйдриана, и для королевства будет только лучше, если рядом с молодым королем окажется верный ему герцог Таргон Брей Калас, который сумеет сплотить Бригаду Непобедимых и объяснить гвардейцам, какой путь изберет новое королевство, впрочем, точнее будет сказать, что произойдет возврат к славным дням прежнего королевства.

Калас не сразу переварил услышанное. А осознав, широко раскрыл глаза.

— Как вы сказали? Сплотить Бригаду Непобедимых…

В ответ Маркало Де'Уннеро, усмехнувшись, снова многозначительно глянул на рассыпанные самоцветы.

— Я обладаю богатством в тысячи, в десятки тысяч раз большим… — в третий раз повторил он, давая понять собеседнику, что у него уже есть свои люди среди подчиненных Каласа.

— Вашему другу королю Данубу ничего не угрожает, — заверил Де'Уннеро встревоженного герцога. — Во всяком случае, со стороны Эйдриана. А когда настанет время и на престол взойдет новый король, королевство Хонсе-Бир вновь станет сияющей звездой, каковой оно было до войны с демоном-драконом, до роковых ошибок отца-настоятеля Маркворта и до «вторжения» Джилсепони Виндон в Урсальский замок.

Герцог долго, очень долго пребывал в тягостном раздумье.

— И каких же действий вы ждете от меня? — наконец спросил он.

— Никаких, — ответил Де'Уннеро. — События уже развиваются должным образом, причем для этого не приходится прикладывать никаких усилий. Более того, никто, даже я, не может теперь особо на них повлиять. Но чтобы уцелеть в их грядущем водовороте, вы должны сделать правильный и мудрый выбор. Однако я бы не хотел, чтобы вы просто примкнули к победившей стороне. Я прошу вас, герцог Калас, выбирать искренне и осмысленно. Королевство, которым будет править Эйдриан, не станет благоволить дикарям из Альпинадора. Могли бы вы ожидать этого от восшедшего на престол Мидалиса? Королевство Эйдриана не станет потворствовать церкви в ее нынешнем состоянии, а заставит орден Абеля вернуться к прежним традициям, когда братья меньше обременяли себя заботами о нуждах простонародья и понимали, что в глазах Бога существует различие между королем и его подданными, равно как между герцогом и его слугами.

От внимания Де'Уннеро не ускользнуло, как вспыхнули при этих словах глаза Каласа.

— Можно было бы сказать подобное о принце Мидалисе, который восхищается взглядами Джилсепони? — с нажимом спросил Де'Уннеро.

Герцог слегка вздрогнул, однако его собеседник заметил и это.

— Я лишь частичка той силы, которая в надлежащее время приведет Эйдриана к власти, — продолжал бывший монах. — Хотя мы с вами и не являемся друзьями, я рассказываю вам об этом, ибо высоко ценю вас и уважаю как своего соратника.

— Но вы замышляете заговор против короля…

— Ни в коей мере, — солгал Де'Уннеро. — Я замышляю заговор против злокачественной опухоли, которая угрожает королевству, разрастаясь как внутри церкви, так и внутри государства.

— Я не стану давать вам никаких обещаний, — сказал герцог Калас.

У Де'Уннеро отлегло от сердца. Какие там обещания! Зная герцога, он опасался, что тот вообще не позволит ему выйти из этого кабинета, приказав арестовать. Однако сокрушительное поражение на турнире и чудодейственное возвращение с того света, по всей видимости, сильно ударили по самолюбию тщеславного Каласа.

Герцог кивнул в сторону самоцветов.

— Магические? — поинтересовался он.

— Нет, — ответил Де'Уннеро. — Но у нас достаточно и магических самоцветов, а также людей, искусных в обращении с ними. Даже королеве Джилсепони не выстоять против Эйдриана в битве с использованием сил магии. Могу без преувеличения заявить: он обладает непревзойденными способностями в этом деле.

Герцог Калас, которого магические способности юного воина буквально вытащили из могилы, возражать не стал.

— Но сила нашего оружия впечатляет еще больше, чем магия, — продолжал Де'Уннеро. — Мне достаточно было бы лишь шевельнуть пальцем, чтобы ввергнуть королевство в пучину междоусобного бунта, когда брат пошел бы на брата, а армия и Бригада Непобедимых стали бы воевать между собой. Злокачественная опухоль — это и королева Джилсепони, и церковь в ее нынешнем виде. Мы с вами оба это знаем. Когда король Дануб тоже будет готов признать очевидное либо когда для него настанет время отойти в мир иной, мы безжалостно удалим эту смертоносную опухоль.

Герцог Калас пристально взглянул на собеседника. Можно было представить, что сейчас творилось в душе командира Бригады Непобедимых и давнего друга короля Дануба.

Маркало Де'Уннеро встал и, не потрудившись собрать с ковра самоцветы (что лишь подкрепляло его заявления о несметных богатствах), поклонился и покинул кабинет.

Когда Де'Уннеро возвращался домой, шаги его были легки. Бывший монах не мог сдержать волнения, предвкушая стремительное нарастание предстоящих событий. Он знал, что обрел в лице герцога Кал аса ценнейшего союзника. Де'Уннеро был уверен в этом! Желанная цель неожиданно оказалась намного ближе.

Эйдриан, остававшийся в загородном доме, тоже знал об этом, причем задолго до возвращения Де'Уннеро. С помощью камня души он сегодня весь день незримо следовал по пятам за своим наставником. Юноша слышал разговор бывшего монаха с Констанцией Пемблбери. Он присутствовал при долгом разговоре Де'Уннеро с герцогом Каласом и еще некоторое время оставался в кабинете после ухода «Брюса Оредальского». Эйдриан видел: Калас был одновременно взбешен, обеспокоен и раздавлен услышанным.

Однако герцог не попытался помешать Де'Уннеро уйти и не бросился с ошеломляющей новостью к королю.

Время решающих действий быстро приближалось. Юноша понимал это отчетливее, чем Де'Уннеро. Нужно только найти какой-то способ, какое-то средство ускорить события, и королевская власть будет принадлежать ему.

Вспомнив разговор Де'Уннеро с Констанцией Пемблбери, Эйдриан вдруг понял, где именно он сможет найти это средство ускорения.

ГЛАВА 33
В ЖЕРТВУ БУДУЩЕМУ КОРОЛЮ

— Все говорят, что он — любовник вашей жены! — осмелилась заявить Констанция Пемблбери.

Впервые за многие месяцы придворная дама оказалась наедине с королем, встретив Дануба во время его утренней прогулки вдоль северной стены замка. Тот искренне удивился, увидев Констанцию здесь, и столь же искренне произнес, что рад видеть ее в добром здравии и прекрасном настроении.

Так оно и было. Придворная дама уже и не помнила, когда она так замечательно спала, как в эти несколько ночей после турнира. Констанции снились удивительные сны, казавшиеся ей вещими. Она видела королевство без Джилсепони, возвращение старых добрых времен, когда она вместе с Данубом скакала верхом по окрестным полям, когда она была его другом, наперсницей, возлюбленной.

Несомненно, это не были простые сновидения. Констанция верила, что это ее ангел-хранитель посылает ей видения, ободряя скорым наступлением лучших времен. Госпожа

Пемблбери вновь обрела былую решительность и в это утро вознамерилась отыскать Дануба.

— Если я буду обращать внимание на всю эту болтовню… — устало начал король.

Как же его гнетут упоминания о подобных разговорах!

— Вы глухи к ним, потому что предпочитаете неведение горькой истине, — сказала придворная дама.

Дануб молча повернулся и зашагал прочь, но Констанция догнала его и, схватив за руку, заглянула в лицо короля.

— Вы постарались забыть слова этого молодого героя, — уже гораздо менее уверенно произнесла Констанция, увидев в глазах Дануба ненависть и закипавший гнев. — А слухи…

— Слухи распускают глупцы и злостные возмутители спокойствия, — ответил Дануб. — У здешних сплетников слишком скучная жизнь. Они готовы повторять самую чудовищную ложь — только бы любой ценой доставить себе развлечение. Да, я не знаю, кто этот молодой победитель турнира, равно как мне не известны намерения, заставившие его назвать себя победителем во славу королевы. Я скорее готов поверить, что здесь не обошлось без людей из твоего окружения, подбивших его на подобные заявления, чем поверю, что моя жена способна на измену.

Констанция вздрогнула, но Дануб сказал ей еще не все.

— Да, Констанция. Моя жена, — уже жестче повторил он, схватив придворную даму за плечи и приблизив свое разгневанное лицо почти вплотную к ней, — не просто королева. Не какая-то простолюдинка, вторгшаяся в Урсальский замок. Моя жена. Любимая мной женщина. Я готов отдать за нее жизнь. Я готов начать из-за нее войну.

Произнося эти слова, Дануб встряхивал Констанцию за плечи, а его глаза все ярче разгорались свирепым огнем. Придворная дама сдавленно вскрикнула, и король, неожиданно успокоившись, отпустил ее.

— И хорошенько запомни: я не желаю больше об этом слышать, — тихо сказал он. — Ни от тебя, ни от кого-либо вообще.

— Дануб, — застонала Констанция, цепляясь за него. — Я заговорила об этом, потому что так тебя люблю…

Он грубо оттолкнул ее.

— Мне ненавистны ваши игры, — загремел король. — По правде говоря, я перестаю видеть разницу между ними и коварным игроком. Поостерегитесь, госпожа Пемблбери, ибо ваши сплетни граничат с государственной изменой.

Констанция стояла, дрожа от унижения всем телом.

— Повторяю: поостерегитесь, — угрожающе произнес король Дануб, — иначе ваши дети окажутся исключенными из числа претендентов на престол.

Взвыв, точно раненый зверь, придворная дама устремилась прочь.

Дни, прошедшие после турнира, были тяжким испытанием для Джилсепони. «Кто этот юный победитель?» — постоянно спрашивала она себя. Он назвался именем, очень похожим на эльфийское имя Элбрайна. Он сражался, применяя би'нелле дасада. Она без труда узнала эльфийскую манеру боя! У этого человека в руках был эльфийский меч, и кроме этого он использовал магию самоцветов!

И он прибыл на турнир на Даре.

Дар, сумевший вывезти ее и Элбрайна после битвы с демоном-драконом в далеком Барбакане. Удивительный конь; не просто понятливое животное, а существо, наделенное разумом. Увидев Дара на поле турнира, Джилсепони не могла поверить, что этому резвому, полному сил коню уже почти три десятка лет. Но то действительно был Дар. Она позвала коня, и он отозвался на ее призыв. Она сразу же узнала знакомый «голос».

Так кто же этот всадник, объявивший, что будет сражаться в ее честь?

Разумеется, разнесшиеся по Урсалу слухи долетали и до ушей Джилсепони; она знала о грязных сплетнях, называвших Тай'маквиллока ее тайным возлюбленным. Эти слухи неприятно задевали королеву, а дерзкое и вызывающее поведение юного воина не только их

не рассеяло, но, наоборот, укрепило.

Когда после турнира они с мужем поднялись в спальню, Джилсепони догадалась, что Данубу эти слухи тоже известны. Правда, он не обмолвился о них ни единым словом, и слияние супругов было сладостным.

Сплетни, называвшие юного воина ее любовником, не могли омрачить их отношения с Данубом, и это давало Джилсепони силу проходить сквозь тернии повседневности без особых страданий.

Однако тревожные мысли о неведомом Тай'маквиллоке не оставляли королеву. Она воспринимала его появление как открытое предупреждение госпожи Дасслеронд. Джилсепони была вынуждена воспользоваться услугами людей из круга своих доверенных лиц, куда входило множество слуг, чье низкое происхождение делало их незаметными для высокородных сплетников. Они часто бывали среди простого городского люда, и с их помощью королева надеялась хоть что-то узнать об истинном обличье Тай'маквиллока. Больше всего ей хотелось найти этого юношу и самой расспросить его.

Поиски в Урсале не принесли никаких новых сведений, и Джилсепони направила своих людей по окрестным селениям. Она даже попросила одного купца, отправляющегося в Палмарис, передать письмо Роджеру Не-Запрешь. Возможно, Роджер сумеет отыскать Смотрителя, а тот найдет дорогу к эльфам.

Однако она понимала, что ждать ответа придется не одну неделю.

— Что тебя тревожит, любовь моя? — спросил король Дануб, войдя в ее спальню и увидев Джилсепони рассеянно вглядывающейся в темноту за окном.

— Тай'маквиллок, — искренне ответила она и услышала, как ее ответ заставил мужа тяжело вздохнуть.

Обернувшись к Данубу, она попросила супруга сесть с нею рядом.

— Его присутствие в Урсале пугает меня, — объяснила Джилсепони.

— Если он по-прежнему находится здесь, — ответил король. — После турнира его больше не видели; он как сквозь землю провалился. Если бы я был склонен к необузданным фантазиям, то подумал бы, что это Элбрайн восстал из могилы, чтобы сражаться во имя своей любимой!

Слова эти стали для нее полной неожиданностью. Джилсепони встревоженно поглядела на Дануба, решив, что они продиктованы ревностью мужа. Но нет, лицо короля оставалось спокойным. Даже если бы призрак Элбрайна действительно явился на турнир, это не поколебало бы любви Дануба к ней.

— Он схож с Элбрайном в таком, о чем ты даже не догадываешься, — призналась Джилсепони, и ее супруг слегка вздрогнул.

— Откуда ты знаешь? — удивился король. — Ведь никто из нас даже не видел его лица.

— Я говорю о его манере вести поединки, — объяснила королева. — Ты знаешь, что я владею секретом эльфийской манеры боя.

Король Дануб медленно кивнул.

— Тай'маквиллок — эльфийское имя, означающее «Ночной Ястреб». Так вот, он сражался в эльфийской манере. И его меч тоже является эльфийским оружием, — добавила Джилсепони.

— Ты в этом уверена?

Она кивнула.

— Ты считаешь, что его послала госпожа Дасслеронд?

Джилсепони никак не предполагала, что Данубу известно имя предводительницы эльфов. Король же действительно знал госпожу Дасслеронд и даже встречался с ней, однако он понимал свое место в отношениях со скрытными эльфами. Для блага его королевства, и уж конечно для блага владений Дасслеронд, было выгодно, чтобы население Хонсе-Бира считало эльфов не более чем персонажами детских сказок. За все годы, что Джилсепони находилась рядом с Данубом, она впервые слышала от него упоминание о госпоже

Дасслеронд.

— Я понимаю, насколько этот Тай'маквиллок возбуждает твое любопытство, — сказал Дануб.

— Более того, он пугает меня, — заметила Джилсепони. — Это не просто рейнджер, который решил участвовать в турнире, желая убедиться, что он чего-то стоит.

Королева попыталась говорить дальше, но умолкла и растерянно покачала головой. Дануб обнял ее за плечи.

— Мы разыщем его и узнаем о намерениях этого юноши, если таковые у него имеются, — пообещал он жене.

— Твоему двору явно доставляет наслаждение строить досужие домыслы, — сказала Джилсепони, сопроводив свои слова улыбкой.

Король громко рассмеялся.

— Похоже, мой двор состоит из смертельно скучающих людей. Они намеренно плодят слухи, чтобы хоть чем-то разнообразить свою жизнь.

— Они сплетничают, чтобы возвысить самих себя, — возразила Джилсепони.

— Так было, и боюсь, что будет всегда! — согласился ее муж.

Когда Дануб повернулся к ней и внимательно посмотрел в голубые глаза женщины, его смех умолк, а лицо стало серьезным.

Он наклонился к Джилсепони и поцеловал ее, осторожно увлекая на ложе.

Вопреки ядовитым слухам и неизвестности, таинственно окружавшей Тай'маквиллока, королева сейчас нисколько не сожалела, что откликнулась на просьбу Дануба и вернулась в Урсальский замок.

— Да! — произнесла Констанция, разговаривая сама с собой.

Хотя сегодня она не выпила ни бокала вина, в ее голосе слышались дребезжащие нотки, словно придворная дама только что вернулась после обильных возлияний на пиру.

— Да-а-а, — повторила Констанция. — Я не стану убивать эту мерзкую бабу. Я сделаю кое-что похуже.

Госпожа Пемблбери хохотнула, прикрыв рот рукой, затем еще раз и еще, пока не затряслась в приступе истеричного смеха.

Дух Эйдриана парил невдалеке от нее, с явным удовольствием наблюдая за поведением придворной дамы. Терпение юного воина иссякло. После того как он узнал о том, что герцог Калас перешел на их сторону, или, во всяком случае, о его согласии не чинить им препятствий, рейнджер больше не видел оснований медлить. Но для ускорения хода событий требовался какой-то толчок.

Поэтому Эйдриан, воспользовавшись камнем души, отправил свой дух к Констанции и внушил ей замысел, способный до основания всколыхнуть придворный мир, а ему и его товарищам — предоставить столь необходимую возможность приступить к решительным действиям.

Констанция даже не предполагала, откуда приходят к ней эти мысли, но ухватилась за них с искренней готовностью.

Наконец-то песочные часы перевернули, и песок стремительно посыпался вниз.

Когда Эйдриан вернулся в свое тело, остававшееся в загородном доме, он увидел сидящего рядом Де'Уннеро. Тот терпеливо дожидался его возвращения.

— Чем это ты занимаешься? — сурово спросил бывший монах. — Ты ничего не сообщал мне о путешествии в духе.

— Прикажешь спрашивать твоего позволения? — дерзким вопросом ответил юноша.

Он увидел, как гневно вспыхнули глаза Де'Уннеро, и ожидал, что тот сейчас его ударит.

— Мы либо действуем сообща, либо расстаемся, — холодно сказал Де'Уннеро.

— Я не совершил ничего такого, что может повредить нашему делу, — отозвался

Эйдриан. — Делу, которое значит для меня не меньше, чем для тебя, друг мой.

— Королева Джилсепони весьма искусна по части магии, — напомнил ему бывший монах. — Если ты отправишься к ней в виде духа, она почувствует это и, возможно, станет тебя преследовать. Только нам сейчас еще не хватало столкновения с королевой!

— Я и близко не подходил к Джилсепони, — заверил его юноша. — Зато я нашел союзницу, которая даже не подозревает, что стала таковой.

Де'Уннеро удивленно вскинул брови.

— И кто же это? — спросил он.

— Констанция Пемблбери. Она совершенно раздавлена, — сказал рейнджер.

— Потому-то от нее и никакого толку, — поморщился Де'Уннеро.

— Не скажи, — с усмешкой возразил Эйдриан. — Заварушка, которую я собираюсь устроить с помощью этой старой перечницы, может оказаться весьма ценной для нас. Возможно, я в ней и ошибаюсь, — добавил он, неопределенно пожав плечами. — Но почему бы не попробовать? Мы, так или иначе, ничем не рискуем.

— Ты никак совершил одержание Констанции? — спросил Де'Уннеро, которого это не слишком обрадовало.

— Я внушил ей кое-какие мысли, — уклончиво ответил юноша. — Показал кое-какие картины — что может произойти в будущем. Например, как Джилсепони убивает ее деток, чтобы самой влезть в число наследников престола. Эта дамочка почти сразу же согласилась.

— На что согласилась? — спросил Де'Уннеро.

Эйдриан пожал плечами, не желая вдаваться в подробности.

— Уверен, что бы она ни сделала, это доставит немало хлопот Джилсепони. А замешательство — наш надежный союзник, не так ли?

Де'Уннеро молча продолжал смотреть на него.

Эйдриан знал, что бывший монах не станет вмешиваться. Последние дни Де'Уннеро, как и он сам, находился в подавленном настроении, несмотря на успех с привлечением на их сторону герцога Каласа. Казалось бы, они могли только радоваться. Их люди были везде: при дворе, в армии, в южных монастырях — от Сент-Бондабриса и до Сент-Хонса. Помимо этого в их распоряжении имелись значительные силы наемников, набранные из крестьян и разбойного люда. По приказу настоятеля Олина эта армия была готова выступить одновременно из двух десятков мест и двинуться на Урсал.

Им оставался один, последний шаг до захвата власти. Но они не могли начать переворот собственными руками: кто-то извне должен был ускорить развитие событий. И как назло, им до сих пор не удавалось найти такого человека.

— Я устал ждать, — без обиняков заявил Эйдриан. — Я рожден, чтобы править Хонсе-Биром, и не только им. Учитывая мое происхождение и то, что я почерпнул, обучаясь у эльфов, я просто избран судьбой, чтобы править.

И я взойду на престол!

Де'Уннеро изумленно взглянул на него, не зная, что возразить на столь искреннее и дерзкое признание.

— Тебя это удивляет? — спросил рейнджер. — Или ты поражен тем, что твой подопечный намерен приложить усилия для собственного восхождения на престол? Видишь ли, тут есть один деликатный момент. Мы оба от него не в восторге, но вынуждены с этим считаться. Мы с тобой взаимозависимы, мой друг. Ты видишь во мне средство для получения власти в церкви, и я тоже вижу в тебе средство для достижения своей цели. Но учти: я — не послушная игрушка в твоих руках.

— Только не переоценивай свое понимание происходящего, — предостерег его бывший монах.

— А тебе не стоит недооценивать возможных союзников, — ответил Эйдриан. — Сегодня вечером я понял, что Констанция Пемблбери сможет значительно ускорить ход событий. Сейчас все завертится очень быстро, поэтому мы должны находиться в полной

готовности.

— Готовности к чему? — спросил Де'Уннеро.

— Готовности взять то, что принадлежит нам, — ответил Эйдриан. — Для меня это — королевский трон, а для тебя — главенствование в абеликанской церкви.

Сказанное было настолько очевидным, что у Де'Уннеро не нашлось ответных слов.

— Следи за событиями, друг мой, и будь готов к действиям в любой момент, — посоветовал ему юный рейнджер. — Довольно скоро королевский трон окажется опустевшим, и к нему моментально потянутся жадные руки желающих на него усесться.

— Будь осторожен, — предостерег его Де'Уннеро.

— Я готов ко всему, — уверенно ответил Эйдриан, сверкнув глазами.

ГЛАВА 34
КОНСТАНЦИЯ ДОБИВАЕТСЯ СВОЕГО

Джилсепони была немало удивлена и обеспокоена: вошедшая фрейлина доложила, что Констанция Пемблбери просит королеву дать ей аудиенцию во время дневного чаепития.

Она некоторое время сидела молча, внимательно глядя на фрейлину.

— Ваше величество, вы хотите меня о чем-то спросить? — предположила та, чувствуя себя под этим взглядом крайне неуютно.

— Неужели Констанции Пемблбери захотелось выпить со мной чаю? — недоверчиво спросила Джилсепони.

— Именно так, ваше величество, — ответила посланница. — Она велела мне обратиться к вам немедленно и спросить вашего согласия на это. Ей очень хочется увидеться с вами, ваше величество, уверяю вас.

— С чего бы это вдруг?

Эти слова сорвались у королевы с губ непроизвольно, ибо на самом деле ей не хотелось показывать перед молоденькой фрейлиной своего отношения к Констанции.

— Что вы сказали, ваше величество? — спросила та, делая вид, будто не поняла смысла ее слов.

Джилсепони улыбнулась. Пусть разыгрывает наивность. Нет сомнений, что эта девица прекрасно осведомлена о придворных интригах и о том, какой чудовищный клубок непристойной грязной лжи скрывается за внешней благопристойностью знати. Эта мысль позволила королеве действовать более решительно.

— Почему госпоже Пемблбери вдруг захотелось побеседовать со мной? Она желает высказать свое недовольство? Может, это связано с ее сыновьями?

— Мне непозволительно рассуждать о таких вещах, — попыталась ответить испуганная посланница, однако Джилсепони властно подняла руку.

— Позволительно, если об этом тебя спрашивает королева. Почему госпоже Пемблбери захотелось встретиться со мной?

Фрейлина чуть замешкалась, потом мило улыбнулась.

— Ваше величество, она просто сказала мне, что была бы счастлива выпить с вами чаю, — пролепетала она. — Возможно, это действительно как-то связано с господином Мервиком и господином Торренсом, но никакого недовольства в ее словах я не заметила. Клянусь вам! Вы знаете, ваше величество, я очень давно не видела госпожу Пемблбери в таком прекрасном настроении, как сегодня.

Джилсепони окинула ее долгим удивленным взглядом. Неужели Констанции удалось выбраться из мрака, порожденного собственным гневом и ревностью? В это как-то плохо верилось. И все же, если придворная дама делает шаг ей навстречу, разумно ли упускать такую возможность? Джилсепони дорого бы дала, чтобы заткнуть рты хотя бы малой части сплетников!

— Скажи госпоже Констанции, что я жду ее завтра в западной гостиной, — наконец сказала Джилсепони.

— Вы очень добры, ваше величество! — захлопала в ладоши довольная фрейлина.

Она повернулась, готовая уйти, потом остановилась, вспомнив про требования придворного этикета, и, изящно присев в реверансе, быстро скрылась за дверью.

Джилсепони расхаживала по своим покоям, размышляя над столь неожиданным поворотом событий. Где-то в глубине ее сознания тревожно, предостерегающе били колокола. Судя по поведению Констанции, она отнюдь не примирилась с присутствием Джилсепони в Урсальском замке. Совсем наоборот! Придворная дама даже не явилась на турнир; скорее всего, потому что не желала видеть королеву. А затем по замку, не без участия госпожи Пемблбери, поползли слухи, что молодой воин — не кто иной, как любовник Джилсепони.

Вероятно, догадывалась Джилсепони, Констанция решила выведать какие-то сведения, которые затем она сможет обратить против королевы.

А может, ей самой уже начинает казаться то, чего на самом деле и нет?

Она решила было пойти к Данубу и рассказать ему о странной просьбе, но передумала. Это ее заботы, а мужу хватает своих. Упоминание об этой женщине лишь разъярит его. Ничего, она сумеет совладать с Констанцией Пемблбери, что бы ни было у той на уме.

Однако следует быть крайне осторожной.

«Пей немедленно», — требовал голос, звучавший в мозгу Констанции, когда она подходила к западной гостиной, где ее ожидала королева Джилсепони.

Придворная дама достала маленький пузырек, начала вытаскивать плотно притертую пробку, но вдруг остановилась.

«Пей, не мешкай», — требовал Эйдриан.

Перед мысленным взором Констанции замелькали страшные видения… Тела Мервика и Торренса, болтающиеся на виселицах… толпа, глазеющая на невиданное зрелище… и злорадно улыбающаяся королева Джилсепони, главная распорядительница казни…

Не успев ни о чем подумать, женщина вырвала пробку и опрокинула в себя содержимое пузырька, немедленно почувствовав, как жидкость обожгла ей горло. Голова тут же закружилась. Однако Констанция взяла себя в руки: она знала, что яд подействует не сразу.

Женщина вытерла губы и быстро подошла к двери западной гостиной.

Дух Эйдриана незримо проскользнул туда вслед за ней.

Джилсепони сидела в дальнем углу гостиной за небольшим столиком у окна, подставив лицо косым лучам заходящего солнца. На королеве было розовое платье с пурпурным узором. Светлые волосы удерживала заколка с самоцветом.

Придворная дама не могла отрицать ни красоты Джилсепони, ни изящества, с которым та держалась. Эта женщина выглядела как королева.

Но это совсем не так, думала Констанция. С каким бы великолепием ни наряжалась эта простолюдинка, ее истинным одеянием все равно останется какая-нибудь грубая рубаха и штаны из лосиной кожи. Ее место — в лесной глуши, где она охотилась на диких зверей и сражалась с гоблинами.

Единственными румянами, подходящими к лицу Джилсепони, была кровь ее жертвы, под которой Констанция разумела себя.

От каждого шага у нее сводило живот, и придворной даме понадобилось приложить немалые усилия, чтобы скрыть боль. Тепло улыбнувшись, она села напротив королевы.

— Чаю? — спросила Джилсепони и взяла в руки серебряный чайник.

Констанция улыбнулась и пододвинула свою изящную фарфоровую чашечку. Она до мелочей знала церемонию чаепития. Сколько раз ей приходилось вот так же принимать и развлекать гостей Урсальского замка! Ярость, возникшая в ее душе, когда она видела теперь Джилсепони в роли хозяйки, не только укрепила придворную даму в ее решении, но и помогла скрыть за учтивой улыбкой новый приступ боли, разрывающей ее внутренности.

Закончив разливать чай, королева села напротив придворной дамы. Констанция знала,

что она пристально наблюдает за гостьей.

— Вас, видимо, удивляет, что я попросила об аудиенции, — произнесла наконец придворная дама.

Джилсепони поставила чашку на стол.

— А разве я не должна удивляться? Вы даже не пытались скрывать, госпожа Пемблбери, что всегда были против моего появления в Урсальском замке.

— Не стану этого отрицать. Но разве вы не понимаете причину моей тревоги?

Натянутость в поведении Джилсепони начала таять. Ее лицо слегка смягчилось.

— Прекрасно понимаю. Потому меня и удивила ваша просьба о встрече.

— Я хочу защитить своих детей.

— Они не нуждаются в защите. Во всяком случае, с моей стороны им ничто не угрожает, — ответила королева. — Мой муж гордится своими замечательными сыновьями, и у меня нет ни малейшего намерения причинять Мервику и Торренсу какой-либо вред.

— Они — наследники престола, — произнесла Констанция, и ее глаза непроизвольно сузились.

— Кто-то из них, скорее всего, и займет на нем место, — поднося к губам чашку, сказала Джилсепони. — Если только его не унаследует принц Мидалис или у принца не появятся собственные дети. Такая ситуация представляется мне маловероятной, но даже и в этом случае не думаю, чтобы Мервика и Торренса исключили из числа претендентов на престол.

— Их вполне могут исключить, если королева родит Данубу ребенка, — напомнила придворная дама.

Джилсепони улыбнулась, потом сдержанно рассмеялась и покачала головой.

— Этого вам бояться не нужно, — сказала она. — Я понимаю, почему вы считаете меня угрозой будущему своих детей. Но поверьте, я никогда не являлась и не собиралась становиться подобной угрозой.

Констанция внимательно посмотрела на королеву. На какое-то мгновение она даже пожалела о своей ненависти к ней. Всего лишь на мгновение придворной даме подумалось, что их отношения могли бы быть совершенно иными.

Но перед мысленным взором Констанции опять замелькали сцены казни ее сыновей и злорадно улыбающееся лицо Джилсепони. Все это не случайно, подумала Констанция. Ее предупреждают.

Лицо госпожи Пемблбери окаменело.

— Однако вам непереносимо больно видеть меня рядом с вашим бывшим возлюбленным, — сказала Джилсепони.

Придворная дама поняла, что королева заметила произошедшую в ней перемену.

— Увы, дорогая Констанция. Я уже говорила вам, что не властна ни над чувствами Дануба, ни над вашими собственными.

Констанцию обожгло гневом… а может быть, это сказывалась убийственная сила яда. Она попыталась ответить, но внезапно закашлялась. Лицо ее изменилось до неузнаваемости.

— Констанция! Что с вами? — встревоженно спросила Джилсепони.

Придворная дама судорожным движением смахнула со стола чашку, и та с громким звоном упала на пол, разбившись вдребезги. На шум в гостиную вбежали служанки.

— Убийца! — крикнула Констанция в лицо Джилсепони.

Шатаясь, она сделала несколько шагов к королеве и рухнула на пол.

Джилсепони поспешно вскочила со стула и подхватила придворную даму, совершенно не заметив, как та сунула ей за пояс пустой пузырек.

— Констанция! — воскликнула королева, пытаясь помочь ей удержаться на ногах.

«Теперь ей не вывернуться!» С этой мыслью Констанция оттолкнула Джилсепони и, покачиваясь от слабости, двинулась в сторону испуганных служанок.

— Меня убили! — закричала она. — Королева убила меня собственными руками! Какая гнусность! Что теперь станет с моими детьми?

Подхватив ее, служанки кое-как усадили придворную даму на пол.

— Принеси мне камень души, — крикнула Джилсепони одной из служанок. — Быстро!

Пока другая служанка отирала пот, крупными каплями струящийся со лба Констанции, первая бросилась выполнять приказание королевы, но придворная дама проворно вытянула руку и схватила женщину за подол платья.

— Нет! — закричала она. — Не позволяйте этой ведьме притрагиваться ко мне!

— Я здесь ни при чем! — попыталась заверить ее Джилсепони.

Она бросила взгляд на растерянную и испуганную служанку.

— Выполняй то, что я велела! Беги в мои покои и принеси мешочек с самоцветами! Немедленно!

Констанция вновь испустила отчаянный вопль, не позволяя служанке сдвинуться с места. Придворная дама уже судорожно хватала ртом воздух, но ее хватка оставалась железной. Джилсепони никак не удавалось разжать пальцы Констанции, намертво вцепившиеся в платье дрожащей от страха служанки.

Дух Эйдриана следил за происходящим с отстраненным любопытством, словно за сценой, разыгрываемой лицедеями. Даже если бы служанке удалось побежать за самоцветами, он без труда нашел бы средство помешать ей выполнить приказ Джилсепони.

Нет, на этот раз его мать не будет считаться героиней!

Теперь ее ждет обвинение в убийстве и несмываемый позор.

Дух Эйдриана покинул гостиную и некоторое время кружил над замком, разыскивая герцога Каласа.

Достаточно было одного слова, и герцог стремглав ринулся в западное крыло замка.

— Ваше величество! Страшное несчастье с госпожой Констанцией Пемблбери! — выпалил запыхавшийся паж, вбегая в тронный зал. — Она при смерти или уже мертва! Она сказала, что ее отравила… сама королева!

Король Дануб попытался что-то сказать, но горло перехватило. Вскочив со стула, он выбежал в коридор. Ноги не слушались его, а сознание захлестывал водоворот бессвязных мыслей.

Дануб спешил к западной гостиной, видя, что страшная новость уже разнеслась по замку и успела всполошить всех его обитателей. По залам и коридорам растерянно метались мужчины и женщины, придворная знать и слуги. И все в один голос кричали, что королева — убийца.

Поймав тяжелый взгляд короля, люди замолкали. Такие слова уже не могли считаться просто сплетней или даже злобной клеветой; они были чреваты обвинением в государственной измене.

Однако в душе Дануба царило то же смятение, что и в замке. Что же могло произойти? Ответа на этот вопрос у короля не было. Единственное, что он знал наверняка и в чем был непоколебимо уверен, — его жена не была и не могла быть убийцей!

Или все же могла?

В сознании Дануба мелькнула чудовищная картина: Джилсепони, незаметно подлив в чашку яду, подает чай Констанции. Видение противоречило всему, чему он верил, подобное совершенно не укладывалось в голове. Но это и не предназначалось для разума, образ действовал намного глубже, на подсознание.

Эйдриан не стал повторно вызывать в мозгу Дануба эту картину. С влюбленного глупца вполне хватит и одного раза.

Герцог Калас столкнулся с Джилсепони в дверях западной гостиной.

— Что произошло? — рявкнул он, загораживая проход. — Что вы натворили?

— Не говорите глупостей, Калас, — холодно ответила королева. — И дайте мне пройти! Констанция при смерти, но причина этого мне не известна.

— Это вы ее отравили! — крикнул какой-то придворный, успевший появиться здесь

раньше Каласа. — Мы слышали, что сказала несчастная госпожа Пемблбери!

— Она сама не знала, что говорит! — крикнула ему в ответ Джилсепони, после чего повернулась к Каласу. — Мне нужен камень души, и я за несколько минут верну Констанции и жизнь, и здоровье.

Джилсепони попыталась пройти мимо него, но герцог крепко схватил ее за руку. Однако королева взглянула на него так, что Калас не решился ей помешать.

— Пойдете вместе с ней, — велел Калас придворному, а сам протиснулся в дверь гостиной и подбежал к лежащей на полу женщине.

— Убийца! — мертвеющими губами продолжала шептать Констанция. — Королева меня убила…

— Успокойся, — велел ей Калас.

Он опустился на колени и осторожно приподнял голову своей давней и дорогой подруги.

— Успокойся, — тихим голосом повторил герцог. — Сейчас тебе помогут. Джилсепони побежала за камнем…

— Нет! — отчаянно завопила умирающая, у которой достало сил приподняться и крепко ухватить Каласа за руку. — Нет. Вслед за телом она разрушит и уничтожит мою душу. Нет! Нет… Обещай мне!

В это время в гостиную вбежал король Дануб.

— Она говорит, что ваша жена убила ее, — сказал Калас.

— Яд… в чае, — слабеющим голосом шептала Констанция. — Я отравлена…

Собрав последние силы, она снова крепко вцепилась в Каласа.

— Спаси Мервика и Торренса, — пробормотала женщина умоляющим голосом. — Эта ведьма убьет и их!

— Что за чудовищная бессмыслица! — простонал король Дануб.

Эйдриан знал, что Джилсепони вскоре вернется с камнем души и сможет остановить действие яда и исцелить Констанцию. Времени у него оставалось мало. Он вновь обратился к умирающей женщине. В ее угасающем сознании появилась очередная картина: тело королевы, раскачивающееся на виселице. Потом Констанция увидела, как ее Мервик восходит на престол и становится королем Хонсе-Бира.

Умирать было спокойно и сладостно.

По телу придворной дамы пробежала последняя судорога. Через мгновение она была мертва.

Джилсепони вбежала в западную гостиную, сжимая в руке мешочек с самоцветами. И остановилась как вкопанная, увидев, что Калас бережно опустил голову Констанции на пол и закрыл ей глаза.

Оцепеневшая и неспособная разобраться в случившемся, Джилсепони бессильно поднесла руку к губам. Она чувствовала на себе негодующие и обвиняющие взгляды собравшихся людей.

— Я ни в чем не виновата, — сказала она мужу, когда Дануб встал и вопросительно взглянул на нее.

— Конечно, любовь моя, — хотел произнести король, но слова застряли у него в горле.

Эйдриан вовремя внушил ему мысль, что его жена действительно могла отравить Констанцию.

Нерешительность Дануба поразила Джилсепони столь же больно, как если бы король при всех ударил ее.

— Обыщите ее! — приказал герцог Калас, махнув двум стражникам, стоявшим поблизости.

— Не смейте! — закричала Джилсепони.

Стражники переминались с ноги на ногу, поглядывая то на герцога Кал аса, то на

короля Дануба.

Король, раздавленный случившимся, опустил голову.

— Обыщите ее! — проревел Калас и схватился за меч, готовый, если будет необходимо, пустить оружие в ход.

Потом он ухватил за руку служанку, рыдавшую над телом Констанции, и рывком поставил ее на ноги.

— Иди и обыщи ее, — велел герцог.

Толкнув девушку к Джилсепони, Калас подал знак стражникам.

Подчинившись приказу, те схватили королеву за руки. Джилсепони не сопротивлялась. Онемевшая и ошеломленная, она беспомощно смотрела на мужа.

Королева знала, что у нее ничего не найдут. Иначе и быть не могло; ведь она ни в чем не повинна. Однако когда служанка добралась до ее пояса и, вскрикнув, извлекла из-за него пузырек, Джилсепони сразу поняла, в чем тут дело.

Ее удивило другое. Как Констанции удалось подсунуть ей пузырек? Ведь ясно, что все это было продумано заранее. Но зачем? Какая дикая и непонятная бессмыслица!

На какое-то мгновение все это показалось королеве кошмарным сном. Но на полу лежала мертвая Констанция, а неподалеку стоял раздавленный и ошеломленный случившимся Дануб.

Словно во сне, Джилсепони видела, как у нее забирают самоцветы и связывают руки за спиной. Слова доносились откуда-то издалека; служанки, одна за другой, твердили, что королева приказала им приготовить и подать чай.

Она слышала голоса, доносившиеся из коридора. Все кричали, что это она, королева, отравила госпожу Пемблбери.

Джилсепони продолжала глядеть на тело Констанции. Потом послышался отрывистый приказ герцога Каласа:

— Отведите ее в подземелье!

Один из стражников грубо дернул ее за руку.

Король Дануб вмешался, велев вместо подземелья отвести Джилсепони в ее личные покои, однако держать под замком и не спускать с нее глаз.

Она посмотрела на мужа. На его лице застыло безмерное отчаяние.

Чем же закончится это безумие?

ГЛАВА 35
УРАГАН БЕЗУМИЯ

Безумный ураган человеческой дикости и ненависти, внезапно ворвавшийся в Урсальский замок, подхватил Джилсепони. Он гнал королеву в ее личные покои. Со связанными за спиной руками… В поисках оружия и самоцветов стража перевернула все вверх дном. Они забрали «Победителя» и обруч с кошачьим глазом, позволявший Джилсепони видеть в темноте.

— Вы не доставите нам хлопот, госпожа? — спросил ее один из стражников, заходя со спины и прикасаясь к веревкам, которыми были стянуты ее запястья.

Женщина лишь покачала головой. Она была слишком ошеломлена и растеряна. Что же все-таки произошло? Кто и зачем убил Констанцию Пемблбери?

И почему Констанция с таким упорством твердила, что это королева убила ее?

Все это представлялось ей совершенной бессмыслицей.

Она не двинулась с места, когда стражники покинули комнату. Последний — тот, кто развязывал ей руки, — слегка поклонился, после чего вышел, оставив ее одну.

Как же это могло произойти?

Неожиданно в сознании королевы мелькнула мысль, и реальность ее догадки показалась ей единственным объяснением.

Неужели Констанция покончила жизнь самоубийством? Неужели она явилась к своей

сопернице с целью обвинить Джилсепони, очернить ненавистную ей женщину, пожертвовав ради этого собственной жизнью? Но в таком случае это было просто безумием, и подобное объяснение сочтут не менее безумным…

Внезапно отдельные кусочки мозаики встали на свои места, и перед Джилсепони предстала достаточно цельная картина. Теперь все обретало смысл: и неожиданно поднявшееся настроение придворной дамы, и ее настойчивая просьба об аудиенции. Сюда же вполне вписывался и трагический конец Констанции, наотрез отказавшейся от помощи Джилсепони. А ведь королева была единственным в замке человеком, кто действительно мог ее спасти.

Так все это виделось самой Джилсепони. Однако, с другой точки зрения, такое объяснение могло показаться надуманным и совершенно невероятным. Разве королева Джилсепони, видя, как начинает оживать Констанция, не могла испугаться, что ее соперница займет свое прежнее место при дворе? Могла, и потому решила избавиться от своего заклятого врага. Найдется немало тех, кто сочтет это объяснение единственно возможным и охотно поверит в него.

Джилсепони села на постель и провела так в горьких размышлениях весь вечер, пока не забылась беспокойным сном.

Герцога Каласа нисколько не удивило, что в тот же вечер к нему в обличье Брюса Оредальского явился Маркало Де'Уннеро.

— Не скажу, чтобы для меня это было полной неожиданностью, — сказал он.

Бывший монах поудобнее уселся напротив Каласа, заметив, что у герцога на столе вновь лежит раскрытая книга. На сей раз это был свод законов королевства.

— Она всегда была мстительной ведьмой. Но несчастная госпожа Пемблбери вывела-таки ее на чистую воду.

— Что вам известно об этом? — требовательно спросил Калас.

Де'Уннеро откинулся на спинку стула и оперся подбородком на сплетенные пальцы. Действительно, что он знал обо всем этом? Неужели Джилсепони и в самом деле убила Констанцию? Исходя из того, что он знал о них обеих, это представлялось Де'Уннеро сущей бессмыслицей. Тогда что же явилось причиной столь жуткого и неожиданного происшествия? Он видел только две возможные версии. Одна из них, в зависимости от того, как ее дальше развивать, могла обернуться или редкостной удачей, или полным крахом их замыслов. По слухам, Джилсепони утверждала, что Констанция покончила жизнь самоубийством. Для Де'Уннеро это утверждение выглядело достаточно похожим на правду. Вопрос надо было задавать по-иному: являлось ли решение придворной дамы уйти из жизни самостоятельным? Было ли это естественным трагическим концом измученной, вконец запутавшейся и разуверившейся во всем женщины?

Или такой конец был обусловлен чьим-то вмешательством, толкнувшим Констанцию к опасной черте?

Де'Уннеро знал ответ. Сердце подсказывало ему, что это дело рук Эйдриана. Он вполне мог воздействовать на разум Констанции, чтобы нанести сокрушительный удар по Джилсепони.

Но с какой целью? Этого бывший монах не понимал. *Пока* не понимал, хотя верил, что достаточно скоро Эйдриан все расскажет сам.

— Я знаю только то, о чем говорит двор, — сказал он терпеливо дожидавшемуся ответа герцогу. — А там твердят, что Джилсепони угостила госпожу Пемблбери отравленным чаем.

— Внешне это выглядит именно так, — произнес Калас.

— У вас есть основания сомневаться в подобном утверждении?

Герцог помолчал, затем взглянул на Де'Уннеро и встряхнул головой.

— Все свидетельствует против нее. Констанция перед кончиной уверенно указала на Джилсепони как на виновницу своей смерти, — согласился он. — Но скажите, друг мой, почему вы как-то странно возбуждены этим неожиданным происшествием?

Де'Уннеро усмехнулся.

— Я искренне сожалею о кончине вашей близкой подруги. Позвольте мне выразить вам свои не менее искренние соболезнования в столь горестный для вас час, — сказал он.

Калас остался неподвижен.

— Но могу ли я печалиться, узнав, что Джилсепони в своем нечестивом и опасном восхождении к вершинам власти наконец-то допустила роковую ошибку? — продолжал Де'Уннеро. — Разумеется нет! Я давно знаю правду об этой ведьме. Жаль только, что у меня не было возможности предотвратить сегодняшнюю трагедию.

— Вас она должна тревожить совсем по другому поводу. Под угрозой оказываются замыслы вашего подопечного, — произнес Калас.

Де'Уннеро покачал головой.

— Не совсем так, — возразил он.

— Если Джилсепони будут судить…

— Так судите ее! — воскликнул бывший монах. — Прошу вас, судите немедленно. И потом отправляйте эту ведьму на виселицу или на костер. Иной участи она не заслуживает!

— Неужели вы столь ослеплены своей ненавистью к королеве? — удивился Калас, подаваясь вперед. — Если Джилсепони будут судить и повесят — а так, скорее всего, и будет, — тогда король ни за что не признает за вашим разлюбезным Эйдрианом права на престолонаследие.

— И быть посему, если такова плата за избавление от этой ведьмы, — не колеблясь ответил Де'Уннеро. — Я по-прежнему считаю, что Эйдриан смог бы надлежащим образом управлять Хонсе-Биром, но благо государства заботит меня несравненно сильнее, чем его личные амбиции. Государство не погибнет; король Дануб перенесет этот удар. Он найдет опору в лице герцога Каласа и многих других, кто поддерживал его задолго до появления Джилсепони и даже еще раньше — до того как демон-дракон нарушил благословенную жизнь королевства и принес столько зла и государству, и церкви Абеля.

— А что будет с Маркало Де'Уннеро?

— Я верю, что герцог Кал ас поможет мне восстановить мое былое положение в ордене и поможет вернуть церковь на прежние, подобающие ей стези.

— Вы верите, что король станет вмешиваться в дела церкви? — удивился герцог. — Или что в них стану вмешиваться я?

— Неужели король согласится оставить Палмарис под властью епископа? — вызывающе спросил бывший монах, и этот вопрос заставил Каласа выпрямиться.

Де'Уннеро знал, что его удар достиг цели.

— Не тяните с судебным разбирательством, судом и казнью, — посоветовал он герцогу. — Избавьте мир раз и навсегда от твари, которая зовется Джилсепони и которая куда страшнее розовой чумы! Не сомневайтесь, юный Эйдриан найдет свою дорогу, как и Маркало Де'Уннеро. В конце концов, мы с вами оба желаем лишь того, что будет способствовать благу Хонсе-Бира.

Калас окинул Де'Уннеро пристальным взглядом, однако не дал никаких обещаний поступить так, как предлагал ему бывший монах.

Но тому и не требовались обещания. Семя, которое он только что уронил в почву, даже не нуждалось в поливке. Де'Уннеро прекрасно понимал: герцог Калас сделает все, что в его власти, только бы окончательно уничтожить королеву Джилсепони.

Бывший монах сейчас не представлял, как Эйдриан собирался воспользоваться смертью Констанции, чтобы ускорить достижение своей главной цели. Но он начинал все больше доверять своему подопечному.

И потом, разве не Эйдриан сегодня, по сути, уничтожил женщину, которая свыше десяти лет преследовала Де'Уннеро?

И с какой легкостью он это сделал!

Джилсепони проснулась затемно и долго сидела на постели, продолжая раздумывать

над ужасающими событиями минувшего дня. Внезапно дверь настежь распахнулась и в ее покои вошли король Дануб с герцогом Каласом, причем герцог шагнул прямо к ней, словно намеревался задушить на месте.

— Убийца, — низким ровным голосом произнес он, хотя ему стоило немалых усилий сдерживать кипевший внутри гнев.

— Довольно, герцог Калас, — сказал Дануб.

Он положил руку герцогу на плечо и велел ему отойти.

— Я ни в чем не виновна, — повторила Джилсепони.

Калас яростно помахал перед ее лицом полотняным мешочком.

— Это нашли в ваших покоях. Хосантский корень, — прошипел он. — Бехренская трава, которой полно в хранилище снадобий Сент-Хонса, куда вы имели беспрепятственный доступ!

— Я ничего не знаю ни об этой траве, ни о пузырьке, — возразила Джилсепони. — Но я уверена, что когда помогала Констанции встать, она сумела засунуть мне этот пузырек за пояс платья.

Калас прыгнул к ней, собираясь ударить. Король Дануб перехватил его руку. Джилсепони мгновенно вскочила с постели, готовая, если понадобится, постоять за себя.

— С какой стати мне было убивать ее? — недоуменно спросила она, черпая силу в нехитрой логике этого утверждения.

— А с какой стати вы пригласили ее на чаепитие? — парировал ее вопрос герцог Калас. — Почему это королеве Джилсепони вдруг захотелось побыть в обществе Констанции Пемблбери?

— Она попросила об аудиенции, и я согласилась на ее предложение встретиться за чаем! — с жаром возразила женщина… и вдруг умолкла, взглянув на мужа.

Дануб вздрогнул и отвернулся, словно у него имелись доказательства ее вины.

Джилсепони неожиданно вспомнила о фрейлине, которую Констанция посылала к ней позавчера.

— Что вам рассказала фрейлина? — спросила она.

Ни один из мужчин не удостоил ее ответом.

— Я требую встречи с ней, — настаивала Джилсепони. — Эту фрейлину зовут Мэйм Тоннбрюк. Приведите ее ко мне, и я добьюсь от нее правды.

— Правды будете добиваться не вы, а суд! — перебил ее герцог Калас. — Но сколько бы вы ни твердили о своей невиновности, вам все равно придется отправиться туда, — сказал он, махнув в сторону окна. — Виселицу уже начали строить. Вас по всей строгости закона будут судить за убийство, а потом на вашу лилейную шейку накинут петлю…

— Прекрати! — крикнул Дануб.

Отстранив Каласа, он подошел к постели и, взяв руки Джилсепони в свои, поцеловал сначала одну, потом другую ладонь. Затем он посмотрел в ее голубые глаза.

— Прости меня, — сказал король.

— Простить? — чуть слышно прошептала Джилсепони.

Она едва верила своим ушам. Неужели Дануб допустит, чтобы над нею устроили судилище?

Но всмотревшись в печальные глаза мужа, она поняла: именно так. Он не в силах помешать этому. Женщина глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Вас будут судить, — нарушив тишину, повторил герцог Калас.

Джилсепони полоснула по его лицу сверкающим взглядом. Сейчас, сейчас он произнесет столь сладостные для него слова, которые так и рвутся наружу!

— И по закону приговорят к публичной казни через повешение. Впрочем, мне ваша вина ясна и без суда.

— Я ни в чем не повинна, — произнесла Джилсепони.

— Боюсь, суд не будет удовлетворен этими словами, даже если в ваших устах они и звучат со столь подкупающей искренностью, — отозвался Калас.

И, небрежно поклонившись, герцог поспешно вышел из покоев, с грохотом захлопнув за собой дверь.

— Это какое-то безумие, — растерянно произнес король Дануб, когда они остались одни.

— Констанция покончила с собой, — ответила ему Джилсепони.

У короля округлились глаза.

— Она сделала это с коварным намерением погубить меня любой ценой, пусть даже ценой собственной жизни.

Дануб отчаянно мотал головой, не в силах опомниться от услышанного.

— Она просто не выдержала, — попыталась объяснить ему Джилсепони, хотя на самом деле едва ли могла понять ту извращенную реальность, в которой существовала Констанция и которая толкнула ее на столь отчаянный и жестокий шаг. — Она знала, что ей никогда не вернуть твоего былого расположения, не говоря уже о чем-то другом. Поэтому она решилась на самоубийство, а силы ей придало то, что вместе с собой она уничтожит и меня.

Король Дануб встал перед женой на колени и смотрел ей в глаза, не произнося ни слова.

Джилсепони почти забавляла бессмысленность происходящего. Она взяла руки своего несчастного и смертельно уставшего мужа, поднесла к губам и нежно поцеловала.

Вскоре Дануб, тяжело ступая, покинул ее покои. По щекам короля текли слезы; глаза его были полны гнева и замешательства.

— Она не убивала Констанцию, — сказал король Дануб Каласу.

Они стояли у парадных ворот замка, наблюдая, как плотники сколачивают высокий помост. Настанет день, когда королева, осужденная за убийство, будет стоять на нем с накинутой на шею петлей. Потом палач нажмет на рычаг, люк под ее ногами откроется, и петля мгновенно затянется на шее преступницы… Хотя до предполагаемой казни оставалось еще несколько дней, вокруг уже толпилось множество уличных торговцев, ссорившихся из-за мест для своих лотков. Торговля обещала солидную прибыль — такое зрелище, как казнь королевы Джилсепони, непременно соберет громадную толпу.

Дануб с презрением смотрел на азартно снующих людей. Он знал, что народ валом повалит сюда и многие придут в надежде услышать обвинительный приговор и увидеть казнь. Для них это послужит развлечением, таким же как ярмарка или рыцарский турнир. И дело здесь даже не в Джилсепони. Правда, тысячи сердец радостно замрут, видя, что карающая рука закона не пощадила даже королеву. И тем не менее дело здесь не в Джилсепони. Их привлекает само зрелище, позволяя хоть как-то разнообразить унылую и беспросветную жизнь. А такое зрелище они запомнят надолго, если не навсегда.

— У нее не было причин…

— Между прочим, это ваша жена — королева Джилсепони — выгнала Констанцию из Урсала, — ответил герцог Калас. — Вам об этом известно?

Король недоуменно посмотрел на Каласа.

— Джилсепони узнала, что Констанция велела тайно подмешивать ей в пищу особые травы, которыми придворные дамы предохраняют себя от беременности, — объяснил Калас. — Узнав об этом, королева потребовала, чтобы Констанция покинула Урсал. Потом вы вернули покойную назад. Похоже, этого ваша жена вынести не смогла.

Услышанное, несомненно, поразило Дануба, но не поколебало его уверенности в невиновности жены.

— Она не убивала Констанцию, — уже тверже повторил король. — Она не могла это сделать и не имела подобных намерений! Это безумие, и я не допущу суда над Джилсепони. Этого не будет, герцог Калас!

Дануб повернулся, чтобы уйти, но Калас схватил короля за руку.

— Вы не имеете права этого делать, — сказал он.

— Я уверен в невиновности моей жены, — возразил король.

— Ваша уверенность ничего не значит в глазах закона, — возразил герцог, спокойно выдерживая яростный взгляд Дануба. — Закона ваших праотцев, который вы, вступая на престол, публично поклялись исполнять.

— Я — король, — медленно и решительно произнес Дануб. — И я не позволю свершиться этому судилищу.

— А что скажет его величество король Дануб, когда к нему явится какая-нибудь простолюдинка и потребует отпустить своего мужа, поскольку она уверена, что он не совершал преступления, в котором его обвиняют? Что сделает король Дануб Справедливый? Потребует прекратить суд и отпустить преступника на свободу?

— Думай над своими словами, — зловеще предупредил герцога Дануб.

— А вам не мешает подумать о своем королевстве, — сказал Калас, ничуть не смутившись. — Королева виновна в смерти Констанции, и улики этому налицо. Вы не можете своим указом объявить ее невиновной, если только не хотите утратить доверие своих подданных и столкнуться с бунтом, а то и с восстанием! И согласятся ли ваши подданные, будь то знать или простонародье, относиться к королеве по-прежнему, зная, что только владычествующая рука супруга спасла ее от петли?

— Она — моя жена, и я ее люблю, — беспомощно возразил Дануб, качая головой.

— Она — королева, совершившая убийство, — холодно напомнил герцог. — Она должна предстать и предстанет перед судом государства и знати. Таков закон! Можете ломать его себе на погибель, мой старый друг.

— Это угроза?

— Дружеское предупреждение, — отозвался Калас. — Если вы объявите Джилсепони невиновной и опровергнете решение суда, то поставите тем самым под удар благополучие и целостность самого государства!

— И где же окажется герцог Калас, если вспыхнет подобный мятеж? — прищурившись, спросил король.

— На стороне Хонсе-Бира.

Дануб повернулся и зашагал прочь.

Утренний воздух сотрясался от ударов молотков.

Торговцы устанавливали лотки и раскладывали свои товары.

— Король ничего не сможет поделать: Джилсепони ждет публичный суд, — сообщил Де'Уннеро Садье и Эйдриану. — У Дануба нет выбора, если только он не хочет, чтобы по всему его королевству прокатились бунты и мятежи. Он понимает, что в этой заварухе вряд ли сумеет уцелеть и он сам, и его обреченная женушка. Знать жаждет суда над Джилсепони и ее казни. Поверьте, они сумеют довести толпу до взрыва.

На лице певицы заиграла лучезарная улыбка. Она предвкушала волнующие и захватывающие события. Снова жизнь на острие ножа!

Эйдриан внешне оставался спокойным и собранным.

— А ведь это твоих рук дело, — сказал ему Де'Уннеро. — Это ты довел Констанцию до самоубийства, внушив ей мысль свалить вину на Джилсепони.

— Разве ты не веришь, что королева действительно ее убила? — искренне удивившись, спросила Садья. — После стольких бед, которые Констанция причинила Джилсепони, это кажется вполне правдоподобным.

— Толпе, которая соберется на суд, это тоже покажется вполне правдоподобным, — согласился бывший монах. — Но в этом-то и заключается вся тонкость, не так ли? — хитро улыбнувшись, подмигнул он Эйдриану.

— Значит, это сделал ты? — поинтересовалась Садья, обращаясь к юному воину. — Тебе удалось каким-то образом убедить Констанцию покончить с собой таким образом, чтобы вина пала на Джилсепони?

Тот только посмеивался, лениво развалившись на стуле.

— А ты уверен, что это пойдет на пользу нашему делу? — спросил Де'Уннеро. — Что

нам даст осуждение и устранение королевы? Ты собираешься уничтожить свою мать — возможно, единственную ниточку, связывающую тебя с троном. Я не лицемерю, когда говорю, что буду искренне рад, когда эту ведьму осудят и предадут казни. Я знаю, ты хочешь отплатить ей за то, что она бросила тебя на произвол судьбы, и за свою сиротскую жизнь под крылышками эльфов. Но ради чего? Только из желания отомстить? Неужели мы потеряли из виду нашу главную цель?

— Уверяю вас, цель из виду я не потерял, — отозвался Эйдриан. — И в надлежащее время все это сработает нам на пользу.

— Так ты уже все продумал и взвесил? — спросила певица.

И вновь рейнджер лишь улыбнулся. Садья перевела взгляд на Де'Уннеро. Было видно, что тот более не подвергает сомнению замыслы юного воина.

— Меня мало волнует эта загадка, — после некоторого молчания призналась она. — Но мы должны знать, что же в действительности произошло. И чем это может обернуться для нас. Если ты что-то знаешь, выкладывай начистоту! Кто мы на самом деле? Соратники? Заговорщики? Хороша будет вера в успех у каждого из нас, если мы не знаем замыслов друг друга!

— Ты же сама сказала, что тебя эта загадка не слишком волнует, — сказал Эйдриан. — Так какая тебе, в конце концов, разница, кто убил Констанцию? Покончила ли она с собой, убила ли ее Джилсепони, или кто-то другой убил эту никчемную опустившуюся идиотку — какое это имеет значение?

Юноша говорил так, словно он уже ясно видел дальнейшее развитие событий.

— Для нас важно, что обвинения навсегда очернят Джилсепони в глазах простонародья и усилят ненависть, которую большинство знати питает к ней с самого ее появления в Урсале. Ее осудят и, если не случится ничего неожиданного, предадут казни. Король Дануб не выдержит этого испытания и последующих событий. Погибнет либо он сам, либо его репутация.

— Но что все это означает для нас? — не отставала от него Садья. — С казнью Джилсепони наши… твое притязание на трон становится почти или полностью неосуществимым.

Маленькая певица хотела продолжить свои рассуждения, но смех Де'Уннеро помешал ей говорить. Посмотрев на бывшего монаха, она обнаружила, что тот глядит на юного рейнджера с нескрываемым восхищением.

— Эйдриан ведь сказал: если не случится ничего неожиданного, — напомнил ей Де'Уннеро. — Думаю, я не ошибусь, предположив, что он уже припас для нас какой-то сюрприз?

Лицо юноши оставалось серьезным.

— Все, что до сих пор происходило, предварительно тщательно продумывалось и соотносилось с достижением нашей цели, — только и сказал он, посчитав дальнейшие объяснения излишними.

В утро суда над Джилсепони Эйдриан, Де'Уннеро и Садья находились среди толпы, предвкушавшей невиданное зрелище. Здесь же был и аббат Олин в сопровождении многочисленных наемников, переодетых крестьянами и ремесленниками, кем, собственно, большинство из них и являлись. Никто из заговорщиков не представлял, как могут развернуться события, однако Де'Уннеро и Олин полагали, что нужно быть готовыми ко всему.

К помосту с установленной на нем виселицей бодрым шагом вышли члены суда. Выступать обвинителем предстояло герцогу Каласу, облаченному в парадный мундир Бригады Непобедимых; он явно гордился оказанной ему честью и наслаждался ролью, которую должен был сыграть в суде над Джилсепони. Он поднялся на помост и приблизился к королеве, которая стояла со связанными за спиной руками. На Джилсепони была простая коричневая рубаха и такие же штаны. Она сама выбрала эту одежду, в которой чувствовала

себя намного удобнее, чем в роскошных платьях. Так она одевалась в то время, когда росла далеко отсюда, в глуши Тимберленда. Такая одежда намного больше соответствовала ее внутренней сущности, ибо в глубине души Джилсепони по-прежнему оставалась простой девчонкой, дочерью охотника и крестьянки.

Какая ирония судьбы! Ведь ее будут судить не только за убийство Констанции. Ее будут судить и за происхождение. Оно являлось главным виновником ее неожиданного — неожиданного ли? — падения с высот, которые многим казались земными небесами.

Женщина наблюдала за тем, что творилось вокруг, с какой-то странной и удивительной даже для нее самой отрешенностью. Эти люди считали себя вправе распоряжаться ее жизнью. Однако Джилсепони происходящее казалось жалким балаганом, недостойным ее внимания. Она знала правду, подозревая, что и многие из ее обвинителей сомневаются в виновности королевы. Но имело ли это сейчас хоть какое-то значение?

Калас выстроил на помосте всех свидетелей смерти Констанции, начиная с фрейлины, которая явилась в то злополучное утро к Джилсепони, чтобы сообщить ей о просьбе придворной дамы.

— Королева настаивала на этой встрече, ваша честь, — говорила дрожащая всем телом фрейлина. — Я отправилась к госпоже Пемблбери, и она согласилась, хотя у нее наверняка были дурные предчувствия.

Джилсепони опустила голову, чтобы те, кто стоял вблизи нее, не истолковали превратно ее улыбку. Какая откровенная и вместе с тем объяснимая ложь! Констанция наверняка заранее склонила эту глупенькую девчонку на свою сторону, и теперь той не оставалось иного выхода, как лгать дальше!

До чего же Джилсепони сейчас хотелось вмешаться в разбирательство! Подойти к этой фрейлине и задавать ей вопросы до тех пор, пока глупышка не начнет противоречить самой себе. А потом — уличить ее во лжи. С каким бы наслаждением Джилсепони восстановила справедливость! Она бы заставила эту дурочку сознаться, как все было на самом деле, кто кого приглашал на чаепитие и в чьих руках находился пузырек с ядом.

Но сделать этого Джилсепони не могла. Закон не позволял ей задавать вопросы свидетелям. Даже король не мог обратиться к этой лживой девчонке. Задавать вопросы свидетелям могли только члены суда, избранные из числа знати, важно восседавшие сейчас рядом с помостом. Но никто из них, разумеется, не станет этого делать. Никому из придворных не нужна была истина, если она свидетельствовала в пользу Джилсепони, а не Констанции Пемблбери.

Следующей Калас заставил говорить служанку, обнаружившую пустой пузырек за поясом платья Джилсепони. Затем настал черед всех тех, кто слышал крики Констанции о том, что королева ее отравила. Герцог закончил собственными показаниями, поведав о последних минутах придворной дамы, также подтвердив, что, умирая, она обвиняла Джилсепони.

Все это время Джилсепони глядела либо в пол, либо на своего мужа. Дануб сидел на установленном перед помостом троне, окруженный неподвластными эмоциям и верными своему долгу гвардейцами из Бригады Непобедимых. Они стояли совершенно неподвижно, больше похожие на изваяния, чем на живых людей. Джилсепони видела боль на лице короля, видела, как каждое обвинение в ее адрес заставляло его вздрагивать.

Судилище убивало Дануба даже сильнее, чем саму Джилсепони, хотя это утро могло оказаться последним в ее жизни.

Закончив свою эмоциональную речь, герцог Калас с ненавистью взглянул на обвиняемую. Потом он повернулся и поклонился толпе. Далее, как того требовал протокол, он должен был покинуть помост. Герцог специально прошел мимо Джилсепони.

— Я всегда относился к вам без малейшей симпатии, — прошептал он, — но я даже представить себе не мог злодеяния, которое вы учинили над Констанцией. Вам было недостаточно разрушить все ее надежды и мечты?

— Я не сделала ей ничего дурного, — ответила Джилсепони. — И вы прекрасно знаете,

что послужило причиной смерти вашей подруги.

Калас презрительно хмыкнул, затем спустился с помоста и занял место среди знати, сидевшей в первых рядах.

В толпе раздались крики, быстро подхваченные десятками услужливых глоток. Народ требовал смерти королевы. Джилсепони не осуждала этих людей, которым не терпелось поскорее увидеть ее на виселице. Она понимала, что толпа с готовностью приняла понятную для них версию и не допускала даже намека на то, что все могло происходить совсем не так. Когда король Дануб встал с трона и подошел к помосту, вопли уже перерастали в оглушающий рев. Король поднял руку, требуя тишины. Постепенно, далеко не сразу крики смолкли.

Повернувшись к Джилсепони, Дануб жестом велел ей приблизиться к нему. Затем он махнул стражникам, которые подошли к королеве, намереваясь препроводить ее вниз. Те послушно замерли.

Его жена спустится сама.

Джилсепони сошла по ступенькам и встала рядом с мужем, стараясь, чтобы ее лицо оставалось спокойным, без следов презрения или насмешки. Ей не хотелось усугублять душевные муки Дануба.

— Ты слышала предъявленные тебе обвинения и показания свидетелей, — произнес король, и Джилсепони видела, какие усилия он прикладывает, чтобы подавить дрожь в голосе. — Согласна ли ты с этими обвинениями или же намерена возразить против них и заявить о своей невиновности?

— Я полностью отвергаю все обвинения в свой адрес, — громко и отчетливо ответила Джилсепони. — Я не убивала Констанцию Пемблбери.

Последние ее слова потонули в новой волне криков и проклятий.

— Лгунья! Убийца! — слышалось со всех сторон.

— Я не знаю, что заставило госпожу Пемблбери решиться на подобный шаг, если это было самоубийство. Если же нет, я не знаю, с какой целью ее отравили, — продолжала Джилсепони, не пытаясь перекричать толпу и говоря больше для мужа, чем для собравшихся вокруг помоста. — Когда Констанция вдруг зашаталась и я, подхватив ее, поняла, что она отравлена, меня это поразило так же сильно, как и всех остальных…

Джилсепони замолчала. Она понимала: бесполезно объяснять, каким образом пузырек с ядом мог оказаться засунутым за ее пояс. Это никого не убедит в ее невиновности. Здесь знать была заодно с толпой простолюдинов. Аристократы явились на судилище, жаждая отомстить Джилсепони не только за убийство Констанции Пемблбери, — они мстили ей за то, что она дерзнула возомнить себя одной из них.

А простой люд? Джилсепони трижды становилась их героиней, победив демона-дракона, злодея Маркворта и розовую чуму. Но, видно, народная память была короткой…

Люди пришли сюда увидеть казнь. Увидеть подтверждение тому, что даже первые лица государства не выше основополагающих законов, управляющих всеми, и даже им, могущественным и всесильным, не дозволено убивать людей по собственной прихоти. Народ жаждал такого подтверждения, и, если казнь Джилсепони явится примером торжества справедливости, пусть справедливость восторжествует, да поскорее.

Джилсепони прекрасно все это понимала и потому не стала ничего объяснять, ограничившись словами:

— Я не убивала Констанцию Пемблбери.

Ее слова вызвали злобный свист и улюлюканье. Воздух буквально дрожал от негодующих криков и воплей. Толпа глумилась над ее словами о своей невиновности. Теперь, по обыкновению, король должен был обратиться к вельможным судьям с просьбой вынести приговор. Затем каждый из судей обращался к народу, спрашивая его мнение. Так требовал закон. Но сейчас подобное обращение к толпе выглядело бы просто смехотворным; оттуда не раздалось ни одного голоса в поддержку невиновности королевы Джилсепони.

И вновь она посмотрела на мужа. Ей показалось, что он все более сникает, не

выдерживая нескончаемых криков, требующих казни. Как скоро он дрогнет?

Джилсепони твердила себе, что не имеет права осуждать мужа. Ему сейчас приходится думать о более значительных вещах, чем жизнь своей жены.

Неожиданно король Дануб стряхнул с себя оцепенение, расправил плечи и с вызовом огляделся по сторонам. Резко взмахнув рукой, он громогласно крикнул:

— Тихо!

Его окрик заставил умолкнуть всех: и толпу, и знать. Дануб повернулся к жене.

— Скажи мне, — негромко произнес он. — Я должен услышать твои слова прямо сейчас, находясь с тобой лицом к лицу. Сделала ли ты с Констанцией Пемблбери то, в чем тебя обвиняют? Была ли ее смерть результатом твоих непосредственных действий?

Джилсепони ответила не сразу. Вначале она пристально взглянула на мужа.

— Я причинила Констанции Пемблбери немало боли и страданий, хотя и непреднамеренно, — признала она. — Очевидно, это привело ее к смерти. Но что касается отравления этой женщины ядом — к этому я совершенно непричастна.

— Ты причинила ей не больше страданий, чем я, — заметил Дануб.

Он с глубокой любовью посмотрел в глаза жены. Джилсепони чувствовала: Дануб любит ее и сейчас восхищается ею, быть может, сильнее, чем когда-либо.

— Королевство, — шепнула ему Джилсепони.

— Обречено на гибель, если в нем нет истинной справедливости, — докончил фразу король и повернулся к толпе.

— Мы услышали здесь неопровержимые, казалось бы, заявления, — произнес он. — Не стану этого отрицать. Едва ли что-либо может быть более неопровержимым, чем приведенные здесь предсмертные слова госпожи Пемблбери, являвшейся моим давним и дорогим другом. А теперь выслушайте то, что скажу вам я: с самого первого дня приезда Джилсепони в Урсал госпожа Пемблбери стремилась ее погубить!

Да что там с первого дня! — продолжал он, не обращая внимания на поднимавшийся вокруг ропот. — Это началось гораздо раньше. Констанция стремилась погубить ее с того момента, когда узнала о моем намерении просить руки Джилсепони. И, как может показаться, весьма в этом преуспела. Но внимайте моим словам, ибо они являются указом, — властно произнес Дануб, поднимая руку к небу. — Начертано на камне, — произнес он ритуальные слова. — Я не услышал ни одного показания, которое бы достоверно свидетельствовало о совершении Джилсепони этого отвратительного преступления! Никаких, за исключением предсмертных слов отчаявшейся женщины, желавшей уничтожить королеву и превыше всего стремившейся сохранить в неприкосновенности список престолонаследников, куда включены и двое ее сыновей!

Здесь Дануб выразительно взглянул на Мервика и Торренса. Джилсепони понимала: король старался дать сыновьям молчаливое заверение, что грехи их матери не отразятся на них и никто не исключит их из числа наследников престола.

— Сим объявляю: судебное разбирательство окончено. Королева свободна, ибо ее причастность к отравлению Констанции Пемблбери не доказана!

Подобное решение было во власти Дануба. Ведь как-никак он являлся королем и мог делать все, что пожелает. Но какой ценой?

Эйдриан не слышал ни заявления Дануба, ни яростного гула возмущенной толпы, ни удивленных возгласов Де'Уннеро и Садьи, стоящих рядом с ним.

Самого его здесь не было. Камень души помог юному воину покинуть тело и переместиться на небольшое кладбище, расположенное в неприметном, скрытом от посторонних глаз уголке вблизи Урсальского замка. Дух Эйдриана проник в землю и прошел сквозь крышку соснового гроба, в котором лежало тело Констанции Пемблбери.

Он разыскал дух покойной и заставил его подчиняться своим приказам. Эйдриан велел духу Констанции выйти из могилы и явиться на площадь перед замком, приняв свой земной облик.

Вернувшись в тело и открыв глаза, Эйдриан увидел, что ярость толпы продолжала бушевать. Солдаты выстраивались в цепь, чтобы сдержать натиск разозленного простонародья, которого лишили обещанного зрелища.

— Ты этого добивался? — с упреком бросил ему Де'Уннеро. — Король собственными руками обрек страну на мятеж, чреватый государственным переворотом. Видишь, как взбесилась знать? Чувствуешь их ненависть? Ох и глуп же этот Дануб!

— А разве мы не к этому стремились? — простодушно осведомился Эйдриан.

— Тогда на что был направлен твой замысел? — продолжал отчитывать его Де'Уннеро. — Разве ты не понимаешь, что Джилсепони полностью опозорена? Не понимаешь, что ты собственными руками погубил все возможности своего законного восшествия на престол?

— Это мы еще посмотрим, — с улыбкой ответил юноша.

Не успел он договорить, как в поведении толпы что-то ощутимо изменилось. Крики не смолкали, но теперь в них вместо ярости звучал неописуемый ужас.

Эти крики, раздававшиеся из задних рядов, утихомирили остальную толпу. Глаза всех собравшихся обратились туда, ибо там происходило нечто странное: люди расступались в стороны, словно освобождая кому-то путь.

В направлении помоста с виселицей, к тому месту, где стояли король Дануб и Джилсепони, медленно брел… призрак Констанции Пемблбери. Ее платье было порвано и запачкано грязью, а лицо — смертельно бледным. Призрак двигался неслышно и был почти прозрачным.

Эйдриан оторвался от вызванного им призрака и посмотрел на короля и королеву. Ужас на их лицах доставлял ему невероятное наслаждение. В особенности его забавлял вид Дануба. Король смертельно побледнел; казалось, он сейчас лишится чувств.

— Бригада Непобедимых — ко мне! — заорал герцог Калас, устремляясь к помосту.

Его храбрость побудила нескольких гвардейцев броситься следом.

Констанция прошла сквозь них, неподвластная всем попыткам ее остановить. Разве можно было руками и ударами мечей удержать бесплотный туман?

Призрак остановился перед королем и королевой.

Дануб попятился назад, пытаясь заслонить собой Джилсепони. Но королева лучше, нежели ее муж, понимала мир духов, в котором ей не раз доводилось бывать. Она не двинулась с места.

— Я заперта, — возвестил призрак Констанции, и его голос разнесся окрест.

Кто-то из собравшихся опрометью бросился прочь, но большинство остались стоять, завороженные невиданным зрелищем.

— Из-за своего обмана я не могу покинуть это место, — продолжала Констанция.

Дануб расправил плечи и махнул рукой Каласу, чтобы тот остановил своих гвардейцев.

— Констанция? — спросил король.

Набравшись смелости, он приблизился к призраку.

— Любое злодеяние не проходит бесследно, — произнес призрак Констанции.

Чувствовалось, что со смертью страдания этой женщины не закончились.

— Я только усугублю свое злодеяние, если не признаюсь в нем.

Джилсепони встала рядом с мужем. Как такое могло произойти? Она терялась в догадках. Какая магия сумела вырвать призрак Констанции из небытия и привести сюда? Однако сомнений не было: перед ними действительно стоял призрак Констанции Пемблбери.

— Это ваши проделки? — зашипел на королеву стоявший позади нее герцог Калас.

В ответ Джилсепони полуобернулась к нему и показала свои связанные руки.

— Королева Джилсепони невиновна, — со стоном произнес призрак Констанции; вокруг царила мертвая тишина, так что до собравшихся вокруг помоста отчетливо долетало каждое слово. — Она непричастна к моей гибели. Я собственными руками лишила себя жизни, рассчитывая, что моя смерть…

Раскаяние и ужас, переполнявшие Констанцию, мешали ей говорить. Она повернулась

к королю Данубу.

— Умоляю, пусть грехи матери не отразятся на ее детях, — произнес призрак начинающим слабеть голосом.

Дануб решительно тряхнул головой, пытаясь хоть как-то успокоить призрак несчастной женщины и убедить ее, что о Мервике и Торренсе надлежащим образом позаботятся.

Оба сына Констанции подбежали к призраку матери. Мервик оказался впереди, Торренс чуть отстал.

— Мама, что ты наделала? — дрожащим голосом спросил Мервик, принц Хонсе-Бира. — Мама, зачем?

Он хотел прикоснуться к ее руке, но призрак печально улыбнулся и исчез, превратившись в облачко тумана, растаявшее на ветру.

Толпа возбужденно перешептывалась.

— Опять твои фокусы, — сердито сказал Де'Уннеро. — Но как ты это сделал?

— И зачем? — спросила потрясенная Садья. — Ради какой цели? Что мы приобрели, кроме потери Констанции Пемблбери, смерть которой лишь облегчит жизнь королевы? Зачем…

Певица осеклась, увидев, что Де'Уннеро, стоявший по другую сторону от своего подопечного, понимающе улыбается, кивая головой.

— Настал час моего восхождения, — сказал Эйдриан.

— На основании признания, сделанного призраком Констанции Пемблбери, королева Джилсепони невиновна! — провозгласил король Дануб. — Пусть каждый, кто не согласен с этим, выскажется сейчас, или более никогда!

Толпа забыла, как совсем недавно бесновалась и требовала казни королевы. Теперь сотни глоток, вопивших «казнить!», радостно выкрикивали приветствия в ее адрес. Собравшиеся не сетовали более, что не увидят обещанного зрелища. Это утро зрелищами изобиловало сверх меры.

Дануб обернулся к Каласу, продолжавшему стоять с обнаженным мечом. Ошеломленный герцог мог лишь растерянно пожать плечами, не находя слов.

— Разбирательство окончено! — возвестил король, и приветственные крики возобновились с новой силой.

Дануб поднял руки в знак победы — вероятно, величайшей в своей жизни. Он облегченно улыбнулся, глядя на Джилсепони. Ее взгляд был исполнен самой искренней любви. Муж встал на ее защиту, рискуя потерять все, пытаясь противостоять злобе толпы и собственных придворных.

Улыбка на лице короля становилась все шире.

Потом он неожиданно вздрогнул и схватился за грудь. Попятился в сторону помоста и упал навзничь.

За считанные секунды ликующую толпу охватило замешательство, а затем ужас. Де'Уннеро, Садья и Эйдриан протиснулись сквозь ряды знати поближе к площадке.

Дануб лежал на земле. Лицо его было искажено гримасой. Король стонал и хватался за сердце.

Калас и Джилсепони оказались рядом. Джилсепони отчаянно пыталась разорвать путы, чтобы обнять умирающего короля.

Она без конца повторяла его имя, говорила, что любит его, и прижималась своей щекой к его щеке.

— Дайте гематит! — крикнула Джилсепони, словно вспомнив вдруг, что теряет драгоценное время. — Камень души! Немедленно!

К ее удивлению, герцог Калас подал ей гладкий серый камень.

Королева погрузилась в магию самоцвета, и ее дух помчался к мужу, готовый исцелить Дануба.

Эйдриан уже ждал ее появления.

Джилсепони не увидела его. Она заметила лишь чью-то бесплотную руку, крепко сжимавшую сердце ее мужа.

Женщина вцепилась в эту руку, отчаянно пытаясь отстранить ее. Рука сопротивлялась, но Джилсепони не прекращала усилий. Она чувствовала: еще немного — и она освободит сердце Дануба от стискивавшей его зловещей руки… И эта рука неожиданно действительно исчезла. Король Дануб был свободен от ее смертоносной ледяной хватки. Но было слишком поздно.

Вернувшись в свое тело, Джилсепони поняла, что ее муж мертв. Над ним склонился герцог Калас, по щекам которого катились слезы. Герцог вопросительно взглянул на нее. Джилсепони горестно склонила голову.

— Не смогла, — только и сказала она.

Калас несколько раз шумно глотнул воздух и встал, свирепо глядя на женщину.

— А может, не слишком и пытались, — процедил он.

Потом герцог обратился к гвардейцам и ко всем собравшимся.

— Король Дануб умер, — возвестил он. — И да будет этот день днем траура.

— Гонца к принцу Мидалису! — крикнул кто-то из стоявших поблизости аристократов. — Да здравствует Мидалис, король Хонсе-Бира!

Опять-таки по традиции, невзирая на боль и горе утраты, многие поддержали этот крик, поспешив приветствовать нового короля.

Герцог Калас посмотрел туда, где стояли Маркало Де'Уннеро и его подопечный. Юный самозванец, победивший Каласа в поединке, а затем вернувший его из мира смерти.

— Постойте! — крикнул герцог Калас, и эхо разнесло его голос над толпой.

В толпе стало совсем тихо. Все глаза, и прежде всего глаза Эйдриана и Мервика, обратились к герцогу.

— По указу, изданному королем Данубом, принц Мидалис унаследует трон лишь в том случае, если у Джилсепони не будет детей, — пояснил герцог.

— Так она еще и беременна? — злобно выкрикнул какой-то аристократ.

Толпа вновь яростно завопила. Джилсепони ощущала на себе вопросительные взгляды, сама испытывая не меньшее недоумение.

— Она уже имеет ребенка, — произнес герцог Калас.

Каждое слово давалось ему с трудом, но герцог произнес их, сохранив внешнюю невозмутимость.

Эйдриан выбрался вперед и уверенным шагом поднялся на помост. Место несостоявшейся казни по странной иронии судьбы превращалось в место его несомненного триумфа. Де'Уннеро подал знак ближайшему из своих сообщников, чтобы тот передал по цепочке приказ быть наготове.

На помосте появился и аббат Олин, поднявшийся по боковой лесенке.

— Это — Тай'маквиллок! — прокричал герцог Калас. — Эйдриан, Ночной Ястреб, сын королевы Джилсепони и отныне — новый король Хонсе-Бира!

— Нет! — пронзительно завопил Мервик, у которого тут же нашлись сторонники, эхом откликнувшиеся на его крик.

Пристрастия толпы разделились: одна половина зашлась в приветственном реве, другая — в бурных протестах.

— Безумие, какое безумие… — прошептала Джилсепони.

Она попятилась назад, не сводя глаз с Эйдриана. Сомнений быть не могло: этот светловолосый юноша действительно был ее и Элбрайна сыном. Походка, манера вести бой, меч, который теперь без всякой маскировки висел у него на поясе (конечно же, это был «Ураган»!), Дар — все подтверждало заявление Каласа.

— Дасслеронд, что ты наделала? — простонала Джилсепони.

— Я протестую! — вновь крикнул Мервик, обнажая меч.

— Я — герцог Вестер-Хонса и ваш командир! — обратился Калас к Бригаде

Непобедимых, видя, что многие гвардейцы готовы были немедленно пустить в ход оружие. — Стоять смирно! Мы лишь выполняем волю Дануба, если вы еще помните слова, произнесенные им в день бракосочетания. Король Дануб умер. Да здравствует король Тай'маквиллок!

— Откуда вы его знаете? — крикнул герцогу какой-то придворный, стоявший у края помоста. — Отвечайте, Калас, как вы узнали его имя? Вы что, участвуете в заговоре?

— Я — настоятель Олин, — перебил придворного старый аббат, подходя к нему в окружении крепких монахов. — Вскоре я стану отцом-настоятелем абеликанской церкви, можете не сомневаться. Поэтому, любезный господин, поостерегитесь произносить подобные слова, дабы потом они не обернулись против вас.

Никогда еще Урсал не становился свидетелем столь стремительной и ошеломляющей смены событий. В толпе далеко не все ограничивались возмущенными криками. Кое-кто уже начал пускать в ход кулаки. То в одном, то в другом месте возникали яростные стычки.

Но сообщники Де'Уннеро и его наемники были наготове, гася очаги недовольства и действуя в интересах заговорщиков.

Джилсепони пребывала в странном оцепенении. Она почти не слышала слов Каласа и даже не сознавала, что у нее на глазах произошел государственный переворот и самовольный захват власти. Возможно, и смерть ее мужа была как-то связана с этим. Женщина стояла обессиленная и растерянная; еще более беспомощная, чем в тот момент, когда Калас забрал камень души из ее все еще связанных рук. Она смотрела на Эйдриана, этого дерзко и нагло улыбающегося юношу, который был ее сыном.

Потом она увидела приближающегося Мервика, охваченного жаждой мести.

Джилсепони попыталась удержать этого глупого мальчишку, идущего на верную смерть. Она уже видела, как Эйдриан, довольно улыбаясь, вытащил свой меч. К ее ужасу, герцог Калас и остальные гвардейцы из Бригады Непобедимых отступили, освобождая место для поединка. Дуэли в Урсале были признанным способом разрешения подобных споров.

Толпу ждало очередное зрелище: поединок между самозванцем, только что провозглашенным королем, и принцем, стоящим вторым в списке претендентов на престол. Потасовки прекратились; все замерли, напряженно вытянув шеи.

Мервик резко рванулся вперед. Его мечом двигала ярость.

— Я не признаю тебя! — закричал он, сопроводив свои слова внезапным выпадом и ударом наискось.

Удар пришелся по воздуху, ибо Эйдриана на том месте уже не было, а выпад Мервика он парировал, едва шевельнув мечом.

Но мальчик по-прежнему наступал. Он нанес колющий удар, потом еще один. Эйдриан отступил к краю помоста. Мервик отошел назад, затем стремительно прыгнул на противника, занеся меч и нацелив его в голову Эйдриана.

На этом сражение для Мервика закончилось. Он еще не успел взмахнуть мечом, как «Ураган» вонзился ему в грудь.

Эйдриан сделал шаг вперед, погрузив свой меч в тело противника по самую рукоятку и почти вплотную приблизив лицо к лицу незадачливого наследника.

— А я не признаю твоего непризнания! — усмехнувшись, бросил новоявленный король.

Он извлек меч из груди Мервика, потом грубо столкнул мальчика с помоста. Мертвый король и его умирающий сын лежали теперь рядом друг с другом.

Джилсепони опустила глаза. Ей только и оставалось, что беспомощно качать головой. Безумие вокруг нее нарастало, и это еще был не конец.

Потом она подняла голову и увидела рядом с Эйдрианом и герцогом Каласом до странности знакомого человека.

Маркало Де'Уннеро!

Джилсепони казалось, что она перестала дышать. К этому времени с потасовками в толпе было покончено. Сторонники принца Мидалиса сочли за лучшее умолкнуть. Двое

гвардейцев вели к помосту перепуганного Торренса.

Гвардейцы из Бригады Непобедимых! Люди, преданные королю. Но, как оказалось, преданные не безраздельно. Теперь они служили новому королю, к которому тащили беспомощного мальчика!

В отличие от своего брата, младший сын Констанции и Дануба утратил всякую отвагу и присутствие духа. Он даже не сделал попытки выхватить меч и бросить вызов Тай'маквиллоку. Торренс был раздавлен случившимся, и глаза мальчика молили о пощаде. Похоже, он не мог даже идти; гвардейцам приходилось почти волочить его.

Джилсепони вполне понимала его состояние. За короткое время он успел повидать призрак матери, смерть отца и гибель своего единственного брата. Теперь Торренс стоял перед человеком, который мог и, вероятнее всего, намеревался уничтожить его самого.

— Проявите мудрость, — шепнул Эйдриану герцог Калас.

Новый король стоял, молча разглядывая Торренса.

— Принц Мидалис этого не потерпит, — добавил Калас.

— Он вообще ничего не потерпит, — презрительно усмехнувшись, отозвался Эйдриан. — Но что он сможет мне сделать?

— Мервик бросил вам открытый вызов и был убит в поединке, — напомнил герцог. — Однако Торренс не оказывал никакого сопротивления.

— Если ты убьешь его, то дашь Мидалису повод начать ответные действия, — согласился Де'Уннеро.

— Уезжай из Урсала, — велел Торренсу Эйдриан. — Сегодня же. Нет, прямо сейчас. Коня! — крикнул новоявленный король. — Коня Торренсу Пемблбери.

— Отныне ты будешь именоваться именно так, — объявил Эйдриан испуганному мальчишке. — Ты лишаешься права называть себя Торренсом Урсальским, а также лишаешься всех привилегий, которые давал тебе этот титул. Уезжай и ищи свое место в жизни, сохраняя доброе здравие и наше уважение.

На мгновение показалось, что Торренс кинется на Эйдриана. Юный король издевательски улыбался, словно подзадоривая второго сына Дануба на подобный шаг.

Герцог Калас подошел к Торренсу.

— Я обещал вашей матери позаботиться о вас обоих, — сказал он и тут же оглянулся на мертвого Мервика, который больше не нуждался в заботе герцога. — Увы, я не сумел защитить Мервика от него самого. Тебя же я прошу: садись на коня и немедленно беги как можно дальше от Урсала. Забудь об этом городе и выкинь из головы какие-либо мысли о престоле. Он принадлежит теперь Эйдриану, принадлежит на законном основании, согласно воле твоего покойного отца, короля Дануба.

— Король Дануб не имел в виду… — попробовал было возразить мальчик, но Калас приложил палец к губам.

— Что он имел в виду — этого мы уже не узнаем, — объяснил ему герцог. — В свете новой реальности это утратило какой-либо смысл. Умоляю тебя, Торренс, уезжай. Когда все здесь успокоится, мы еще увидимся с тобой.

Калас махнул гвардейцам, и они повели Торренса к ожидавшей его лошади.

Остальные гвардейцы оттесняли собравшихся, очищая путь для восшествия нового короля на трон.

ЭПИЛОГ

— Герцог Калас оказал нам самую действенную помощь. Если бы не он, управиться с толпой было бы куда сложнее, — заметил Де'Уннеро Эйдриану спустя несколько часов, когда в Урсале наконец удалось навести относительный порядок.

Бывший монах не пошел с Эйдрианом в замок, а отправился вместе с аббатом Олином и его свитой в Сент-Хонс, дабы восстановить в законных правах настоятеля Огвэна.

Оказалось, что многим в монастыре возвращение Огвэна пришлось по душе. Это облегчило Олину и Де'Уннеро задачу по выявлению недовольных и сомневающихся братьев. Они оба не делали секрета из своих намерений восстановить прежние порядки в абеликанском ордене и провозгласить Олина отцом-настоятелем, даже если это и грозило расколом церкви. Поскольку Де'Уннеро и Олин говорили откровенно, они не собирались преуменьшать последствия для несогласных. В результате к вечеру более десятка братьев было убито и столько же брошено в подземелье громадного монастыря.

Однако внешне аббатство, как и замок, выглядело оплотом спокойствия и уверенности.

— Кал ас меня ненавидит, — рассеянно бросил Эйдриан в ответ на слова Де'Уннеро.

Юный король закинул ногу, на подлокотник трона.

— Он надеялся, что Мервик меня победит; только по этой причине он не остановил поединок.

— Мне не показалось, что он так уж сильно тебя ненавидит, — заметила Садья.

— Это потому, что он боится меня еще сильнее, чем ненавидит.

— Вот это-то я и нахожу забавнее всего, — признался Де'Уннеро. — Герцог Калас далеко не робкого десятка. Ему не привыкать глядеть смерти в глаза. Почему же вдруг теперь он воздержался от решительных действий?

— Потому что я пообещал ему, что не просто убью его, — без промедления ответил Эйдриан. — Когда я оживил его после турнира, я показал герцогу, что могу уничтожить его душу или воспользоваться ею так, как сочту нужным. Да, наш любезный герцог понял истинную суть утреннего балагана. Он догадался, что это я вытащил Констанцию из могилы. Вероятно, он даже подозревает, что короля Дануба убил тоже я либо это сделала Констанция по моему указанию.

Но Калас знает также, что я для него — возможность уцелеть и сохранить свое положение, — продолжал новоявленный король. — И что еще важнее — он знает: другой возможности для него не существует.

Де'Уннеро покачал головой.

— А как насчет Торренса? — вдруг спросил певица. — Ты правильно сделал, на глазах у всех проявив к нему милосердие. Но испуганный мальчик может очухаться и оказаться весьма опасным. Он явно попытается найти поддержку у принца Мидалиса.

— Так он отправился на север? — спросил Эйдриан.

— Судя по донесениям, да, — сказала Садья.

— Пошлите людей, пусть отыщут его и схватят, — велел он.

Де'Уннеро усмехнулся и с полным одобрением посмотрел на юного короля.

— А когда его схватят? — не унималась певица.

— Убейте его, — ответил король. — Тихо и без свидетелей. Убейте и закопайте под лестницей, что ведет на самый нижний ярус подземелья.

Слова эти потрясли Садью, но лишь ненадолго. Потом она встала и направилась к выходу из тронного зала. Де'Уннеро последовал за нею.

— Он безжалостен, — сказала женщина. — Готов уничтожить всякого, кто выступит против него.

Де'Уннеро оглянулся на Эйдриана, привольно развалившегося на троне.

— Я понял это с нашей первой встречи с ним, с того, первого сражения, — ответил бывший монах.

— Что понял?

— То, какая прелесть этот наш Эйдриан, — ответил Де'Уннеро. — Он просто великолепен.

— Но не забывай, что он — сын самых заклятых твоих врагов, — напомнила ему Садья.

— Это делает его еще более великолепным, — быстро ответил бывший монах.

Певица направилась передать по назначению последние приказания Эйдриана, а Де'Уннеро предстояло решить еще одно неотложное дело. Вскоре он вернулся в тронный зал

вместе с Джилсепони.

Чудовищные события утра не раздавили женщину, и она в достаточной мере сумела восстановить самообладание. Вырвавшись из рук Де'Уннеро, Джилсепони твердым шагом подошла к трону, отстранив слугу, бросившегося доложить о ее появлении.

— Неужели ты настолько глуп, что попался в сети этого человека? — спросила она, осуждающе махнув рукой в сторону Де'Уннеро. — Разве ты не знаешь историю многочисленных трагедий, в которых он повинен? Не понимаешь бед, обрушившихся на всех нас сегодня из-за тебя?

— И ты еще смеешь так со мной разговаривать? — захохотал в ответ ее сын. — Едва успев произвести на свет, ты отказалась от меня, допустив, чтобы я попал в руки эльфов. Настанет время, и я сполна отплачу госпоже Дасслеронд за годы, проведенные в ее жуткой долине! И теперь, после всего, что ты натворила, ты смеешь обвинять меня и осуждать Де'Уннеро?

— Я не знала, — запинаясь ответила Джилсепони, и глубокое чувство вины пригасило ее негодование. — Я даже не подозревала, что ты мог выжить…

— Поскольку даже не пыталась меня искать, как надлежало бы любой матери, — с простой и несокрушимой логикой возразил ей Эйдриан.

— Человек, которого ты называешь своим советником, служил Маркворту, — не сдавалась Джилсепони.

Ей было не побороть вспыхнувшую ярость к Де'Уннеро, и даже рука, указывавшая в его сторону, дрожала от гнева.

— Он носил звание Карающего Брата. Так в церкви называли выпестованных ею безжалостных убийц. Он был в числе тех, кто убил твоего отца!

Ухмылка на лице юного короля, передразнивавшего ее гневные жесты, заставили Джилсепони умолкнуть. Она поняла, что ее слова падают на неблагодатную почву.

— Трон принадлежит мне, — бросил ей сын. — Либо ты признаешь это, либо окажешься занозой, которую мне придется вырвать.

— Трон принадлежал Данубу, — тихо и спокойно возразила женщина. — Теперь он переходит к Мидалису. Мой муж никогда не имел намерений…

Эйдриан вдруг бросил ей в руку магнетит. Юный король откинулся на спинку трона и расстегнул рубашку. На его груди блеснул медальон.

— Ты утверждаешь, что я разрушил королевство. Так восстанови его, мама. Один выброс магической энергии — и я перестану существовать. Путь для принца Мидалиса окажется свободным, и даже герцог Калас не будет возражать против его восхождения на престол.

Джилсепони глядела на сына, и ее глаза суживались все сильнее. Она подняла руку. Улыбка на лице Эйдриана стала еще шире и самоувереннее.

— Всего один удар, и со мной будет покончено. Магнетит пробьет мне сердце, — подзадоривал ее юный король.

Джилсепони подняла руку с камнем. Стоявшие поодаль Де'Уннеро и Садья насторожились, но сочли за лучшее не вмешиваться. Это подсказывало Эйдриану, что они научились ему доверять.

Джилсепони продолжала стоять в прежней позе. Дважды она сжимала пальцы; казалось, она действительно намерена пробудить смертоносную силу магнетита.

— Тебе ведь хочется меня уничтожить, — издевался над ней сын.

Рука Джилсепони бессильно упала вниз. Эйдриан выхватил у нее камень.

— Хочешь меня уничтожить, но не можешь, — сказал он. — Ты не можешь уничтожить то, что сама породила.

Он подбрасывал камень в воздух и ловил его на лету.

— Убирайся из Урсала, мамуля. Ты здесь чужая. Со своим глупым состраданием ты всегда была здесь чужой.

Эйдриан махнул стражникам. Они окружили Джилсепони и оттащили ее от трона.

В дверях Джилсепони столкнулась с герцогом Каласом. Взглянув на нее, он отвесил небрежный насмешливый поклон и направился к трону.

— Что ее ждет? Подземелье до скончания дней? — спросил герцог.

— Нет. Карета, которая навсегда увезет ее из Урсала, — ответил Эйдриан.

Когда Калас недовольно заворчал, юный король бросил на него взгляд, пресекший дальнейшие пререкания.

— Она не представляет для нас угрозы.

— Не надо ее недооценивать, — произнес Калас, оглядываясь на Де'Уннеро и ища поддержки у этого коварного монаха, который ненавидел Джилсепони не меньше, чем он сам.

Эйдриан засмеялся, спрыгнул с трона, быстро выбежал в коридор и вскоре очутился во внутреннем дворе замка, где Джилсепони садилась в карету. Возница и слуги заняли свои места, готовые тронуться в путь.

— Прощай, мама, — сказал Эйдриан, просунув голову в окошко кареты.

Джилсепони с горечью посмотрела на сына, и он понял, что женщина хочет продолжить разговор, начатый в тронном зале, и попытаться воззвать к его разуму. Однако она ничего не сказала. Зачем снова бросать слова в пустоту?

— Не вздумай возвращаться в Урсал и пытаться помешать мне, — предупредил ее Эйдриан.

— Довольно скоро ты услышишь о принце Мидалисе, — ответила Джилсепони. — Если ты хочешь избежать…

— Не хочу! Я буду только рад, если начнется война! — перебил ее юный король, и глаза его вспыхнули яростным пламенем. — Но предупреждаю: не смей ввязываться в эту заваруху. Я могу возобновить судебное разбирательство, которое столь удачно для тебя прекратил король Дануб.

— Ради чего? — с сарказмом осведомилась она.

— Запомни, дорогая мамуля: я могу в любое время снова извлечь из небытия дух Констанции, — заверил ее Эйдриан. — Я смогу заставить ее сказать все, что мне понадобится. Жаль, что ты не воспользовалась шансом и не убила меня. Думаю, ты еще не раз горько пожалеешь о том, что я жив. Но другого шанса тебе никогда не представится.

— Да здравствует король, — язвительно воскликнула Джилсепони.

— Король Эйдриан Будабрас, — ответил ее сын, добавив в качестве своей фамилии эльфийское слово.

Джилсепони наверняка поняла это слово. *Будабрас* . Вихрь.

Вихрь безумия.